

BEST SCIENCE FICTION

ПИТЕР ГАМИЛЬТОН

ДРЕМЛЮЩАЯ
БЕЗДНА

3589 год, время невероятных технологий и небывалого расцвета цивилизации. Но еще не все подвластно человеческому разуму, и неожиданная угроза может погубить то, что с таким трудом создавалось на протяжении веков.

В самом сердце Галактики простирается Бездна, самостоятельная микровселенная, в которую невозможно попасть. Она существует миллиарды лет, подобно черной дыре, постепенно поглощая звезды, и даже самая древняя раса не имеет представления о ее истоках. Но Иниго, астрофизик, изучающий Бездну, начинает видеть сны о человеческих существах, живущих в этой вселенной. В снах Иниго предстает мир, где мысли превращаются в действия, а мечты становятся реальностью. Это настоящий рай. С помощью нейросоединения Иниго делится своими снами с миллионами людей — так появляется новая религия, и Иниго называют ее пророком. Однако есть опасность, что попытки проникнуть в Бездну запустят чудовищный механизм расширения и Галактика погибнет раньше отведенного ей срока. И вот Иниго исчезает...

Питер Гамильтон
Дремлющая Бездна

Космический корабль «Карагана» плавно спускался с ночного неба, мощные ионные вихри, раскинувшиеся во все стороны на многие световые годы, подсвечивали его серый с алым корпус бледным переливающимся сиянием. Под кораблем, предназначенным для полетов в открытом космосе, мерцающим полумесяцем постепенно проявлялась станция «Центурион», расположенная на пыльной каменистой поверхности безымянной планеты. Пассажиры и экипаж с одинаковым облегчением поглядывали на обитаемые купола. Даже с гипердвигателем, несущим корабль со скоростью в пятнадцать световых лет в час, перелет из Великого Содружества до станции «Центурион» занял восемьдесят три дня. В середине XXXIV столетия этот путь из всех регулярных маршрутов оставался самым длинным во всей истории человечества.

Иниго со своего кресла в кают-компани с отстраненным интересом рассматривал незнакомый пейзаж. Открывающийся вид в точности соответствовал файлам, изученным Иниго несколько месяцев назад: однообразная равнина, покрытая давным-давно застывшей лавой, была пересечена неглубокими расщелинами, ведущими в никуда. Слабые дуновения в разреженной атмосфере, состоящей в основном из аргона, гоняли между невысокими дюнами пыльные вихри. Основное внимание Иниго было сосредоточено на самой станции.

С расстояния примерно двадцати километров стало видно, что россыпь огоньков приобретает определенные очертания. В северной оконечности обжитого полумесяца Иниго без труда отыскал купол-сад — центр секции, где обитали люди. Около дюжины черных труб-переходов тянулось из освещенного изумрудного круга к жилым блокам, точно таким же, как и в любом убежище в экзотических мирах Содружества. Из этих помещений трубы, проложенные поверх лавы, уходили к кубическому зданию обсерватории и к вспомогательным модулям.

Находящийся южнее участок неровной земли принадлежал чужакам; большая часть их разнообразных по форме и размерам зданий тоже сияла яркими огнями. Рядом с людскими строениями расположились серебристые сферы гоминидов голантов; дальше протянулся огороженный загон, где среди предназначенных для еды стад бродили тикоты; еще дальше высились огромные, соединенные между собой резервуары расы сулайнов — существ, обитающих в воде. Ничем не примечательная башня этоксов поднималась сразу за этими металлическими емкостями; в видимом спектре ее поверхность казалась темной, однако стены имели температуру сто восемьдесят градусов по Цельсию. Этоксы были одной из немногих разумных рас, которые не поддерживали отношений со своими коллегами-исследователями, если не считать официальных обменов информацией с зондов на орбите Бездны. Такой же сдержанностью отличались и форлины, занимавшие пять больших непрозрачных кристаллических куполов, распространяющих мягкое желтоватое сияние. Но и их можно было назвать общительными существами по сравнению с представителями расы кандра, обитавшими в простом металлическом кубе с ребрами протяженностью около тридцати метров. За все двести восемьдесят лет, в течение которых люди вели наблюдение за Бездной, никто не видел ни одного корабля кандра — даже рекордсмены среди долгожителей джадрадеша, а эти обитатели галечных трясин были приглашены принять участие в проекте семь тысяч лет назад.

Созерцание разнообразных построек вызвало на губах Иниго мимолетную улыбку.

Такое внушительное сборище чужаков, физически пребывающих в одном месте, подчеркивало важность их миссии. Пока Иниго рассеянно скользил взглядом по всей станции, он не мог не отметить, что те, кто оказался здесь позже, полностью затеняют более ранних исследователей. То, как росла станция «Центурион» и сколько она существовала, определялось приблизительно тем же способом, что и возраст обычного земного дерева. Новые расы, в течение столетий присоединявшиеся к проекту, составляли новые кольца. Широкая полоса почвы вдоль вогнутой границы полумесяца была усеяна руинами и рассыпающимися опорами конструкций, покинутых тысячи лет назад, когда построившие их цивилизации погибли или просто ушли в процессе эволюции от астрофизических проблем. В самом центре древние сооружения разрушились полностью, образовав плотные насыпи металла и фрагментов кристаллов, восстановить которые было не под силу ни одному археологу. Ученые установили, что возраст их составляет примерно четыреста тысяч лет. Хотя, с точки зрения райелей, руководствующихся своими масштабами времени, это было не так уж и много.

На участке застывшей лавы, служившем людям космопортом, зажглись зеленые огоньки, приглашавшие «СНЕ Карагану» спуститься. У края скал грязно-коричневого цвета, в стороне от зоны посадки, виднелось еще несколько кораблей; два из них были того же класса, что и «Карагана», и могли преодолевать открытый космос, а несколько суденышек поменьше использовались для размещения и ремонта удаленных зондов, постоянно следящих за Бездной.

При посадке корабль слегка вздрогнул, а затем отключилось внутреннее гравитационное поле. Сила тяжести на этой планете составляла всего семьдесят процентов от обычной, так что Иниго ощутил, как его тело легко приподнимается над мягким сиденьем. В салоне на несколько мгновений воцарилась тишина. Но пассажиры быстро освоились с обстановкой и начали поздравлять друг друга с благополучным прибытием на место. Старший стюард пригласил всех спуститься к основному шлюзу, где для перехода на станцию предстояло надеть защитные костюмы. Иниго, пропустив самых нетерпеливых попутчиков, неторопливо выбрался из кресла и направился следом за ними. Строго говоря, никакой скафандр ему не требовался; его биононики Высшего были способны надежно защитить тело не только от опасной разреженной атмосферы, но и от космической радиации, излучаемой массивными звездами Стены, находящейся на расстоянии пяти световых лет. Однако... он забрался в такую даль отчасти из-за того, что стремился избавиться от нежелательного наследия, и уж тем более не хотел обнаруживать его в данный момент. Как и остальные, он начал натягивать защитный костюм.

Вечеринка в честь смены персонала давно стала на станции «Центурион» традицией. Каждый раз, когда корабль флота доставлял новую группу наблюдателей, число обитателей станции удваивалось до тех пор, пока предыдущая партия не отправлялась в обратный путь. В один из таких дней в садовом куполе обязательно устраивали праздник с ужином из лучших блюд, на какие только был способен здешний кулинарный процессор. Столы накрывали под древними дубами с волшебными фонариками, которые создавали под куполом золотистые сумерки. На небольшой сцене за ручьем располагалась полномасштабная проекция струнного квартета, исполняющего классическую музыку.

Иниго пришел на празднество довольно рано, на ходу он одергивал рукава безупречно черного фрака. Длинные прямоугольные фалды казались Иниго чересчур современными, но он не мог не признать, что портной с Анагаски прекрасно справился со своей работой.

Качественную одежду даже сейчас был способен изготовить только человек–портной, разбирающийся в стиле и подгонке по фигуре. Иниго знал, что выглядит во фраке превосходно — куда лучше и увереннее, чем себя чувствует.

Директор станции лично приветствовал каждого гостя, и Иниго пришлось немного подождать своей очереди. Между столиками он заметил несколько чужаков и с любопытством стал рассматривать их. Голанты в костюмах, напоминающих одежду людей, выглядели довольно странно. Такая вежливая попытка соответствовать общему стилю при голубовато–серой коже чужаков и вытянутой форме головы только подчеркивала их инородность. Пара тикотов, свернувшись в клубки, лежали на травке под деревом.

Каждый из них был размером с пони, но на этом сходство заканчивалось. Существа явно принадлежали к хищникам, о чем говорили бугры мускулов под туго натянутой темно–зеленой кожей и крупные острые зубы, показывающиеся каждый раз, когда тикоты что–то рычали, обращаясь друг к другу или к стоящим поодаль людям. Иниго инстинктивно проверил функциональность защитного поля и сразу же ощутил укол стыда. Среди присутствующих было и несколько сулайнов; они парили в полукруглых резервуарах, похожих на гигантские бокалы для шампанского, удерживаемые небольшими антигравитационными модулями. Встроенные переводчики помогали им общаться с людьми, изогнутые стенки резервуаров причудливо искажали и увеличивали плавающие в жидкости округлые тела.

— Иниго, как я полагаю? — раздался громкий голос директора. — Рад встрече. Весьма похвально, что ты пришел без опоздания.

Иниго с профессиональной любезностью улыбнулся и пожал руку высокого мужчины.

— Директор Эйре, — представился тот. Файл с биографией почти ничего не сообщал об этом человеке, кроме его возраста, перевалившего за тысячу лет. Иниго подозревал, что в информацию вкралась ошибка, хотя одежда директора была достаточно архаичной: короткая куртка и килт в яркую черно–сиреневую клетку. — Зови меня Уокером.

— Уокер? — переспросил Иниго.

— Это сокращенное от Лев Уокер. Долго рассказывать. Но не беспокойся, сегодня вечером я не стану докучать тебе своими историями.

— Отлично.

Иниго не сводил глаз с директора. Его голову покрывала густая каштановая шевелюра, но из–под волос что–то просверкивало, словно череп был усыпан золотыми блестками. За каких–то пять минут Иниго уже во второй раз поймал себя на желании прибегнуть к помощи биоников; сканирование поля могло бы подсказать вид используемой директором технологии, без этого Иниго был не в силах определить, что там за устройство. Благодаря густым волосам Лев Уокер Эйре смотрелся достаточно молодо. Впрочем, сейчас так выглядели почти все представители человеческой расы тщеславие было свойственно любой ее ветви: Высшим, Прогрессорам или Натуралам. Зато редкая седая борода директора смотрелась весьма оригинально, и это отличие явно было создано намеренно.

Лев Уокер широким жестом обвел темнеющий парк, отчего в его стакане с виски звонко застучали кубики льда.

— Так чем же привлек твое внимание этот неординарный форпост, молодой Иниго? Жажда славы? Богатства? Сексуальные утехи? Честно говоря, здесь не так уж много развлечений.

Иниго понял, что директор уже немало выпил, и улыбка Высшего стал; более

сдержанной.

— Я просто хотел помочь. Думаю, это очень важно.

— Почему?

Вопрос прозвучал резко, директор внимательно прищурился.

— Сейчас объясню. Бездна представляет собой загадку, разгадать которую не под силу даже АНС. Если нам удастся это сделать, мы сумеем продвинуться намного дальше в нашем понимании Галактики.

— Ха! Позволь дать тебе совет: забудь об АНС, парень. Это фантазия горстки загнивающих аристократов. Можно подумать, АНС заботят интересы реально существующих людей! Мы здесь помогаем только райелям, их раса достойна всяческой поддержки. Но даже эти умнейшие топтуны до сих пор в недоумении. Знаешь, что обнаружили инженеры флота, когда закладывали фундамент здешнего садового купола?

— Нет.

— Еще одни руины.

Лев Уокер сделал изрядный глоток виски.

— Понятно, — сказал Иниго.

— Ничего тебе не понятно. Это были уже окаменевшие обломки, очередной пласт отложений, образовавшийся более трех четвертей миллиона лет назад. А насколько я понял из ранних записей райелей, которые они соизволили опубликовать, наблюдение началось намного раньше. Миллион лет на разгадку тайны. Исключительная целеустремленность! Как ни жаль это признавать, но мы вряд ли на такое способны.

— Не говорите за всех.

— А-а, я мог бы и догадаться. Еще один верующий.

— Во что?

— В человечество.

— Я думаю, что среди присутствующих такие взгляды не редкость, а?

Иниго уже не знал, как отделаться от раздражавшего его директора станции.

— Чертовски верно, парень. И это одна из немногих вещей, что поддерживают меня здесь в моем печальном одиночестве. О... начинается.

Лев Уокер запрокинул голову и устремил взгляд вверх. Свет почти совсем погас. Над прозрачной верхушкой купола проявились обширные звездные туманности, занимающие все небо. В пульсирующей пелене сверкали сотни вспышек, настолько интенсивных, что их огни казались голубыми и фиолетовыми. Над горизонтом частота мерцания заметно увеличивалась: планета медленно поворачивалась к Стене, к колоссальному барьеру из звезд, образующих наружную оболочку галактического ядра.

— Отсюда ведь не видно Бездны? — спросил Иниго.

Он и сам понимал, насколько глуп этот вопрос. Бездна скрывалась по другую сторону Стены, в самом сердце Галактики. Столетия назад, когда люди еще не осмеливались покидать пределы Солнечной системы, астрономы считали ее гигантской черной дырой и даже обнаружили потоки X-лучей, испускаемых перегретыми частицами, что подтверждало эту теорию. И только в 2560 году, когда корабль флота «Дерзание» под командованием Уилсона Кайма совершил первый успешный облет Галактики, открылась истина. Был обнаружен непроницаемый горизонт событий, но он окружал не обычную в таких случаях сверхплотную массу мертвых звезд. Бездна оказалась искусственным барьером, существующим уже миллиарды лет. Райели утверждали, что внутри нее находится целая

вселенная, сформированная расой, которая зародилась на рассвете Галактики. Эти существа удалились туда, чтобы в покое взойти к абсолютным вершинам эволюции. Оставшаяся после них Бездна теперь медленно истощала сохранившиеся в Галактике звезды. В этом отношении она ничем не отличалась от естественных черных дыр, открытых в центрах многих галактик, но, поскольку была задействована гравитация и энтропия, чтобы получить массу, Бездна стала активно поглощать звезды. И этот процесс медленно, но неуклонно ускорялся. Если он не остановится, Галактика погибнет раньше отведенного ей срока на три или четыре миллиарда лет. Возможно, это произойдет в далеком будущем, когда Солнце превратится в затухающий уголек, а от человечества не останется даже воспоминаний. Но райели тревожились. В Галактике зародилась их жизнь, и они хотели, чтобы ей был дан шанс протянуть свой срок до конца.

Лев Уокер насмешливо фыркнул.

— Нет, конечно, не видно. Не паникуй, парень, в наших небесах нет никаких видимых кошмаров. Это просто восходит ЗК-семь, вот и все.

Через минуту над горизонтом поднялся лазурный полумесяц, испещренный равномерно расположенными черными пятнами. Он был вполтину меньше земной Луны. У Иниго вырвался восхищенный вздох.

В звездной системе, где располагалась станция «Центурион», имелось пятнадцать машин, чьи размеры были сопоставимы с размерами планет. Под наружной оболочкой, в диаметре приблизительно равной Сатурну, скрывался набор концентрических решетчатых сфер, обладавших различными физическими свойствами и генерировавших перекрещивающиеся квантовые поля. Эти произведения райелей называли «защитными комплексами», они существовали на случай, если процесс поглощения звезд выйдет за пределы Стены. Еще никто не видел эти машины в действии, даже джадрадеш.

— Да, впечатляет, — сказал Иниго.

Он, конечно, знал о ЗК из ознакомительных файлов, но видеть воочию устройства такого масштаба было совсем другое дело.

— Ты привыкнешь, — радостно заверил его Лев Уокер и хлопнул по плечу. — Иди, выбери себе выпивку. Я позаботился о том, чтобы у нас были лучшие кулинарные программы по синтезу алкоголя. Можешь их испытать.

С этими словами директор повернулся к следующему гостю.

Время от времени поглядывая на ЗК 7, Иниго направился к бару. Лев Уокер его не обманул. Все напитки отличались превосходным качеством, даже водка, бьющая фонтаном из ледяной русалки.

Иниго задержался на празднике дольше, чем рассчитывал. Общество единомышленников, в котором он оказался, пробудило его обычно дремлющую склонность к общению. К тому времени, когда он все же добрался до своей комнаты, система биоников уже несколько часов поддерживала программу нейтрализации алкоголя. Тем не менее он позволил некоторой дозе просочиться сквозь искусственные фильтры — просто чтобы оставить состояние легкого опьянения со всеми его последствиями. Ему предстояло целый год жить с этими людьми, и отличаться от них слишком резко он не мог.

Только перед тем как отправиться в постель, Иниго запустил процесс полного очищения. Одним из неоспоримых преимуществ биоников было отсутствие похмелья.

Он погрузился в свой первый сон на станции «Центурион» — но это был не его сон.

Целый день Аарон посвятил общению с приверженцами движения Воплощенного Сна на просторной площади Золотого парка. Он прислушивался к их бесконечным разговорам о преємственности, пил воду в передвижных палатках и искал защиты от обжигающего солнца, духоты и влажности прибрежного воздуха. Ему казалось, он помнил, что явился сюда на рассвете; конечно, ведь на мраморных плитах, по которым он шел, фактически никого не было. Лучи местной звезды, поднимающейся над горизонтом, окрасили кончики блестящих металлических столбов вокруг площади золотисто-розовым сиянием. Аарон с одобрительной улыбкой поглядывал по сторонам на модель города, соответствующую рельефу местности вокруг Золотого парка и мечтам, собранным из Гея-сферы за последние... ну, можно было сказать, за последнее время. Вскоре Золотой парк начал быстро заполняться верующими. Люди приходили из других районов Маккатрана-2 по мостам через каналы, приплывали на паромах и гондолах. К полудню их собралось не меньше ста тысяч. И все смотрели на Дворец- Сад, привольно раскинувшийся в районе Анемон, на противоположном берегу Внешнего кольцевого канала. И все с плохо скрываемым нетерпением ждали и ждали, когда же Духовный Совет примет решение. Любое решение. Совет заседал уже три дня. Сколько же нужно времени, чтобы избрать нового Пастыря?

В какой-то момент в начале дня Аарон оказался почти на берегу Внешнего кольцевого канала, рядом с центральным мостом из дерева и тросов, ведущим в район Анемон. Естественно, мост был закрыт, как и два других, расположенных в этой части города. В обычное время любой человек — от самых преданных верующих до любопытствующих туристов — мог пересечь канал и побродить вокруг Дворца-Сада, но сегодня мосты охраняли отряды младших клириков, явно подвергшихся процессу наращивания мускулов. У временно закрытого моста собрались сотни журналистов, съехавшиеся со всего Великого Содружества. Упрямое нежелание приверженцев Воплощенного Сна делиться информацией разъярило не одного представителя прессы. Журналистов легко было узнать по шикарной модной одежде и ухоженности лиц, которая достигалась, вероятно, с помощью косметических мембран. Такого состояния кожи не могли добиться даже изменяющие ДНК Прогрессоры.

Позади гудела толпа, оживленно обсуждающая своих кандидатов. Из того, что удалось услышать Аарону, он понял, что около девяноста пяти процентов отдают предпочтение Этану. Они желали ему победы, потому что устали от ожидания и необходимости терпеть, им надоело нынешнее положение, устраивавшее всех предыдущих правителей с тех пор, как великий Сновидец Иниго исчез с горизонта общественной жизни. Им нужен был тот, кто направил бы движение Воплощенный Сон к блистательному завершающему моменту исполнения желаний, обещанному людям в тот день, когда они впервые вкусили сладость сна Иниго.

В разгар дня Аарон вдруг обратил внимание, что за ним наблюдает какая-то женщина. Она делала это совсем незаметно: избегала настойчивых взглядов и не приближалась к нему. Тем не менее Аарон инстинктивно выделил ее из толпы, сам удивившись своим способностям. Он понял, что заранее знает, куда она с самым беззаботным видом направится, чтобы оставаться поблизости от него, и как отведет взгляд, стоит только Аарону

посмотреть в ее сторону. Женщина была одета в простую рыжеватую–коричневую футболку без рукавов и голубые брюки до колен из какой–то современной ткани. Этим она отличалась от верующих жителей Маккатрана, предпочитавших более простую одежду из шерсти, хлопка и кожи. Но отличие было не слишком заметным. Ее внешность тоже не привлекала особого внимания: плосковатое лицо, симпатичный носик пуговкой да солнцезащитные очки в медно–красной оправе, которые она иногда поднимала на темные, коротко подстриженные волосы. Возраст женщины определить было невозможно — как и большинство жителей Великого Содружества, она выглядела где–то на двадцать–тридцать лет. Аарон предположил, что она прожила уже больше двух столетий, но почему ему так подумалось, он и сам не знал.

Минут через сорок игры в планету и спутник он с приветливой улыбкой двинулся навстречу женщине. Его макроклеточные ячейки не засекли ни исходящих от нее импульсов, ни контактов с унисферой, ни работы активных сенсоров. В плане электроники она была такой же примитивной, как и город.

— Привет, — произнес он.

Женщина кончиком пальца подняла на волосы темные очки и озорно усмехнулась.

— И тебе привет. Что привело тебя сюда?

— Сегодня происходит историческое событие.

— Верно.

— Мы знакомы?

Инстинкт его не обманул. Она не имела ничего общего с гуляющими вокруг безмятежными верующими — жестикуляция и мимика ее выдали; женщина умела контролировать себя, но обмануть того, кто прошел специальную подготовку — *какую?* — было невозможно. Он ощутил нарастающее напряжение.

— А сам–то ты меня знаешь?

Он неуверенно помолчал. В ее лице чудилось что–то знакомое, что ему следовало помнить. Но он не мог определить это по той простой причине, что был не в силах вызвать в своей голове никаких воспоминаний. Аарон вдруг понял, что не помнит ничего, как будто до сего момента и не жил вовсе. Он сознавал, что такое положение вещей неправильно, и тем не менее это обстоятельство не вызывало никакого беспокойства.

— Не помню.

— Как интересно. А как тебя зовут?

— Аарон.

Смех женщины удивил его.

— Что такое? — спросил он.

— Номер первый, да? Как мило.

Аарон криво усмехнулся.

— Я не понимаю.

— Если бы ты попытался перечислить земных животных, с которого бы ты начал?

— Теперь ты меня окончательно запугала.

— Ты бы начал с аардварка. Двойное «А», он окажется в самом начале списка.

— А, вот в чем дело, — пробормотал он. — Теперь понятно.

— Аарон, — со смехом повторила женщина. — У того, кто тебя сюда послал, интересное чувство юмора.

— Меня никто не посылал.

— В самом деле? — Ее густая бровь недоуменно изогнулась. — Значит, ты просто вдруг обнаружил себя стоящим здесь в ожидании исторического события?

— Что-то вроде того.

Она стряхнула очки на глаза с насмешливым испугом покачала головой.

— Знаешь, здесь нас таких несколько человек. Я не думаю, что это случайное совпадение, а ты?

— Нас?

Взмахом руки она указала на толпу.

— Ты ведь не считаешь себя частью этого стада, не так ли? Верующим? Одним из тех, кто стремится обрести жизнь в снах, что Иниго так великодушно подарил Содружеству?

— Полагаю, что нет.

— За тем, что здесь происходит, наблюдают многие люди. Ведь это очень важно, и не только для Великого Содружества. Представители некоторых рас утверждают, что паломничество, если оно состоится, может спровоцировать ускорение процесса поглощения и тем самым приблизить конец Галактики. Разве ты этого хочешь, Аарон?

Она смотрела в его лицо с пристальным вниманием.

— Это было бы очень плохо, — протянул он. — Нет никаких сомнений.

Говоря по правде, он никогда не задумывался о том, что сейчас услышал.

— Для кого-то нет никаких сомнений, а для кого-то это редкая возможность.

— Наверное, раз ты так говоришь.

— Именно так. — Она с нарочитой медлительностью провела язычком по губам. — Итак, ты не собираешься попросить у меня адрес в унисфере? И пригласить выпить?

— Не сегодня.

Женщина притворно надула губки.

— А как насчет ни к чему не обязывающего секса? Любым способом, какой тебе только нравится?

— Спасибо, это тоже отложим до другого раза, — рассмеялся он.

— Напрасно отказываешься. — Она едва заметно пожала плечами. — Прощай, Аарон.

— Подожди, — окликнул он ее. — Как тебя зовут?

— Тебе не понравится наше знакомство, — крикнула она, уходя. — Я неприятная личность.

— Прощай, Неприятная Личность.

На ее лице вспыхнула искренняя улыбка.

— Это я запомню, — ответила женщина, погрозив пальчиком, и ушла.

Аарон тоже улыбнулся, глядя ей вслед. Она быстро исчезла в толпе, и через минуту даже ему не удалось бы отыскать ее взглядом. Аарон понял, что заметил ее только потому, что она сама этого захотела.

«Нас, — сказала она, — здесь нас таких несколько человек». Что она имела в виду? После разговора возникло много вопросов. «Что привело меня сюда?» Он не мог уверенно ответить на этот вопрос, но ясно чувствовал, что должен быть здесь, что хочет узнать, кого изберут. «А воспоминания? Почему у меня нет никаких воспоминаний?» Он знал, что это должно его беспокоить, ведь воспоминания — неотъемлемая черта человеческой личности, но не испытывал и тени тревоги. Странно. Людям присущи самые сложные эмоции, а у него нет ничего подобного, и все же он способен жить и даже чувствовать уверенность, что когда-нибудь разгадает эту загадку. Спешить было некуда.

Ближе к концу дня, не дождавшись объявления, толпа стала редеть. На лицах уходящих людей читалось разочарование, и общее настроение пробуждало едва слышное эхо в местной Гея-сфере. Аарон открыл свой мозг витающим вокруг мыслям, позволяя им просачиваться сквозь переходы, выращенные в его мозжечке гея-частицами. Он как будто шел сквозь радужный туман, окрасивший площадь мерцанием нереального цвета, возрождающий любовно хранимые воспоминания о давно ушедших временах и приглушающий звуки. Воспоминания Аарона о присоединении к содружеству Гея-сферы были столь же неясными, как и обо всем, что происходило до сего дня, и Аарону казалось, что это неправильно. Гея-сфера нужна подросткам, считающим обмен мечтами и чувствами серьезным и содержательным действием, или фанатикам вроде приверженцев Воплощенного Сна. Но Аарон обладал достаточным опытом в добровольной передаче мыслей и воспоминаний, чтобы получить верное представление о настроениях на площади. Да, если это и можно было где-то сделать, то только здесь, в Маккатране-2, который Воплощенный Сон превратил в столицу Гея-сферы Великого Содружества — несмотря на все противоречия. Для верующих Гея-сфера стала чем-то вроде телепатии, которой владели жители настоящего Маккатрана.

Сильнее всего Аарон ощущал печаль уходящих с площади людей, порой сопровождавшуюся вспышками гнева, направленного против Духовного Совета. В обществе, где происходил обмен чувствами и мыслями, выборы не должны были проходить настолько трудно. Кроме того, в Гея-сфере господствовало общее подсознательное стремление к паломничеству. Это была единственная мечта, объединяющая всех участников движения.

Аарон оставался на площади, несмотря на всеобщее разочарование. Больше он ничего не мог делать. И только когда солнце опустилось уже к самому горизонту, на широком балконе, пересекающем фасад Дворца-Сада, началось какое-то движение. Люди на всей площади тотчас заулыбались и двинулись к Внешнему кольцевому каналу. Вдоль линии воды активировалось защитное силовое поле для предотвращения давки у ограждения набережной. В воздух с легким жужжанием поднялись летающие камеры различных новостных компаний. Эти аппараты, похожие на блестящие черные надувные шары, усилили людское оживление. Общее настроение на площади всего за несколько секунд превратилось в напряженное ожидание, Гея-сфера заискрилась от нарастающего волнения, и оно все усиливалось, так что Аарону пришлось активировать фильтр, чтобы вихри цвета и мысленные крики не захлестывали его сознание.

На балкон в полном составе вышли члены Духовного Совета — пятнадцать фигур в длинных красных с черным одеяниях. И только на одном человеке, стоявшем в центре, был ослепительно белый балахон с золотой отделкой, капюшон которого скрывал лицо. Заходящее солнце, просвечивая сквозь тонкую ткань, увенчало голову этого человека сияющим нимбом. Толпа разразилась радостными криками. Съёмочные камеры, управляемые операторами, полетели к балкону, но их остановило защитное поле Дворца. Члены Духовного Совета одновременно устремили свои мысли в Гея-сферу, и в тот же момент активировалось подключение к унисфере, чтобы долгожданное послание стало доступным как для всех верующих Великого Содружества, так и для скептиков.

Человек в центре медленно поднял руки и сбросил капюшон. Восторженным последователям, всему городу и Содружеству явилась божественная улыбка Этана. Его худое строгое лицо излучало доброту, сочувствие и понимание. Темные тени под глазами свидетельствовали о тяжести принятой ноши высшего руководства, о стремлении оправдать

ожидания каждого из верующих. При виде лица избранника, освещенного солнцем, приветственные крики усилились, а члены Совета, повернувшись к Этану, стали аплодировать.

Без какого-либо сознательного участия со стороны Аарона вспомогательная мыслительная подпрограмма, действующая в макроклеточных ячейках его мозга, включила функцию зума. Аарон вглядывался в лица членов Духовного Совета, помечал изображения интегральным кодом, а вспомогательная программа сохраняла их в памяти таким образом, чтобы любое из них можно было мгновенно извлечь. Позже Аарон внимательно изучит их на предмет противоречивых эмоций, что позволит определить ход обсуждений и голосования.

До сего момента Аарон и не догадывался о том, что у него есть функции изменения масштаба изображения, и ему стало любопытно, на что еще он способен. По его запросу программа запустила процесс проверки всех макроклеточных ячеек, дополняющих нервную систему. Экзообразы и мнемоиконки из нейтрального состояния перешли в активное и всплыли в периферийном поле зрения, естественную картину окружающего мира дополнили радужно переливающиеся линии. Экзообразы представляли собой стандартные символы, сгенерированные его юз-дублем, — персональный интерфейс подключения к унисфере, к любой ее информации. Здесь был весь стандартный набор.

Впрочем, при внимательном изучении Аарон обнаружил, что его мнемоиконки намного разнообразнее, чем те психологические усовершенствования, которые ДНК Прогрессора вносит в человеческое тело. Если он правильно понял сопроводительные надписи, его биононики включали в себя чрезвычайно опасное оружие функционального поля.

«Я узнал кое-что еще, — подумал он. — Я обладаю наследием Прогрессора».

Само по себе это мало о чем говорило: благодаря древним мечтателям-генетикам с планеты Дальняя модификация ДНК стала доступной для восьмидесяти процентов граждан Содружества. Но наличие при этом еще и бионоников значительно сужало спектр и приближало Аарона к пониманию собственной природы.

Этан поднял руки, призывая к тишине. На площади воцарилось молчание. Верующие затаили дыхание, и даже репортеры прекратили болтовню. Гея-сфера наполнилась искренностью и несокрушимой решимостью нового Духовного Пастыря. Этан прекрасно сознавал свою главную цель.

— Я благодарю моих товарищей Советников за оказанную великую честь, — заговорил Этан. — Начиная свое служение, я обещаю исполнить завет Сновидца. Он указал нам путь — этого никто не будет отрицать. Он открыл нам место, где жизнь можно изменять в соответствии со своими представлениями об идеалах. Я верю, он поступил так недаром. Наш город построил он. Наше движение зародилось благодаря ему. Все это приближает нас к одной цели. Оживить Сон — вот наша обязанность.

Площадь огласилась восторженными криками.

— Начинается Второй Сон! Это чувствуют наши сердца. Вы это знаете, и я это знаю. Мы снова увидели Бездну изнутри. Мы парили вместе с Небесным Властителем.

Аарон снова присмотрелся к членам Совета. Уже можно было рассмотреть выражения их лиц. Пятеро Советников явно чувствовали себя не в своей тарелке. А вокруг бушевала ликующая толпа. Речь подходила к концу.

— Небесный Властитель ждет нас. Он поведет нас к конечной цели. *Мы совершим паломничество!*

Радостные крики слились в оглушительный торжествующий рев. В Гея-сфере это

выглядело как роскошный фейерверк, подпитываемый наркотиками эйфории. Взрыв восторга, охвативший искусственно созданную нейронную вселенную, поражал яркостью.

Этан помахал рукой своим почитателям, улыбнулся на прощанье и скрылся во Дворце.

Аарон стал ждать, пока не схлынет толпа. Он заметил так много слез на лицах, что не мог не удивиться наивности людей. Ощущение счастья здесь было всеобщим и всеобъемлющим. Солнце скрылось за горизонтом и вокруг теплым оранжевым светом загорелись окна домов — совсем как в реальной жизни. С каналов доносились песни гондольеров, традиционным способом выражавших свои чувства. Наконец стали расходиться и репортеры, все еще обсуждая между собой сегодняшнее событие. Сомнения заставляли их приглушать голоса. В унисфере ведущие программ и политические комментаторы сотен миров начали свои мрачные предсказания.

Аарона ничто не беспокоило. Он так и стоял на площади, пока не появились муниципальные роботы, чтобы убрать оставленный толпой мусор. Теперь Аарон знал, что делать дальше; он ощутил уверенность сразу, как только услышал речь Этана. Найти Иниго — вот ради чего он здесь оказался.

Аарон с удовлетворением окинул взглядом темнеющую площадь, но женщины нигде не было видно.

— И кто же из нас неприятная личность? — прошептал он и зашагал по улице ликующего города.

С балкона Дворца–Сада Этан смотрел, как последние лучи солнца накрывают толпу людей прозрачной золотистой пеленой. Громкие восторженные крики пробуждали эхо в толстых стенах Дворца, и Этан даже чувствовал, как вибрирует под руками каменная балюстрада. Он не испытывал сомнений, совершая свое нелегкое восхождение, но поддержка верующих наполняла его душу еще большей уверенностью. Он знал, что поступает правильно, настаивая на собственном мнении, превращая праздное благодушие в движение. Таково требование эволюции: иди вперед или умри Именно поэтому и появилась Бездна.

Солнце окончательно закатилось за горизонт, и Этан, закрыв свое сознание от Гея–сферы, ушел с балкона. Члены Совета почтительно выстроились сзади и, шурша алыми одеяниями, поспешили следом.

Личный секретарь, старший клирик Пелим, подждал Этана на верхней ступени широкой черной лестницы, ведущей на первый этаж, в огромный зал Мальфита. Серо-голубое одеяние Пелима указывало на его ранг, лишь немного уступавший рангу советника — который Этан собирался присвоить своему помощнику уже через несколько дней. Капюшон был откинут и оранжевый свет играл бликами на черной коже гладко выбритого черепа Пелима. Такой внешний вид производил странное, пугающее впечатление поскольку большинство приверженцев Воплощенного Сна предпочитали носить длинные волосы, как это было принято в Маккатране. Когда секретарь подошел к Этану, стало ясно, что он выше Пастыря на целую голову. Необычный рост и лицо, сохраняющее бесстрастное выражение в любой ситуации, нервировали очень многих. С кем бы Пелим ни разговаривал угадать его настроение было невозможно, несмотря на всю его открытость Гея–сфере. И этим он тоже сильно отличался от вежливо–пассивных последователей Воплощенного Сна. Исключительные особенности Пелима выводили из себя даже советников, и только Этан в душе посмеивался над тем, какую реакцию у людей вызывает его верный помощник.

Клирики, заполнившие гигантский зал Мальфита, встретили Этана аплодисментами. Он

остановился, чтобы ответить им поклоном, затем продолжил путь по гладкому черному полу, приветливо улыбаясь и кивая. На сводчатом потолке светилась проекция неба Кверенции. В зале Мальфита постоянно царило раннее утро — чистая бирюзовая полусфера с медленно плывущим по краю небосвода охристым шаром планеты Никран, достаточно большим, чтобы можно было различить горные цепи и скользящие над ними облака. Процессия во главе с Этаном прошла в зал Лилиалы, на потолке которого постоянно бушевала буря и неслись подсвеченные пурпурными всполохами тучи. В их редких разрывах можно было заметить Близнецов Марса — две небольшие, ничем не примечательные планеты из системы Браслет Гикона, плотная красная атмосфера которых не позволяла их исследовать. Под мерцающими тучами собрались старшие клирики. Здесь Этан задержался, несколькими словами поблагодарил тех, кого знал лично, и позволил себе распространить в Гея-сфере ощущение сдержанной гордости.

Остановившись у арки, ведущей в апартаменты — обычно их занимал мэр Маккатрана, Этан повернулся к членам Совета.

— Я еще раз благодарю вас за доверие. Тем же, кто не пожелал оказать мне поддержку, я обещаю удвоить свои усилия, чтобы в будущем заслужить ваше одобрение.

Если кто и остался недоволен таким прощанием, в Гея-сферу своих мыслей он не пустил. Этан и Пелим скрылись в апартаментах, состоявших из нескольких соединенных между собой помещений. Тяжелые деревянные двери здесь, как и во всем Маккатране, встречались не часто. Какая бы нация ни построила этот необычный город, ее представителя явно не беспокоились о том, чтобы запирается от окружающих. Через Гея-сферу Этан узнал, что его подчиненные уже обустраиваются в приемной. Команда предшественника покидала покои, оставляя после себя легкий налет недовольства. Обычно передача власти проходила неторопливо, в дружеской обстановке — но не в этот раз. Этан был намерен утвердиться в Дворце в течение ближайших часов. Еще до начала конклава он наметил на ключевые посты Воплощенного Сна кандидатов из числа своих верных сторонников. А поскольку Эллезелин был теократическим миром, предстояло еще утвердить новый кабинет гражданского правительства.

Джален, предшественник Этана, обставил покои мэра блоками паовиола, напоминающими каменные глыбы и способными менять форму в зависимости от потребностей хозяина. Подойдя к массивному письменному столу, Этан уселся на такой блок, стоящий рядом, — и тот мгновенно принял форму кресла. На всех поверхностях паовиола в комнате мерцали изумрудные искры, Этану они не понравились.

— Я хочу, чтобы этот новомодный хлам вынесли отсюда к завтрашнему утру, — сказал он.

— Конечно, — согласился Пелим. — Хочешь вернуть обстановку, которая была при Иниго?

— Нет. Я хочу такую, какую показал нам Идущий-по-Воде.

Пелим искренне улыбнулся.

— Это будет намного лучше.

Этан обвел взглядом овальный в проекции кабинет, его гладкие стены и высокие окна. Он не раз бывал здесь, но сейчас словно увидел его впервые.

— Во имя Оззи, мы это сделали! — выдохнул он, не скрывая своего изумления. — Я вспотел. Ты представляешь, я в самом деле вспотел!

Он поднес руку ко лбу и увидел, как дрожат пальцы. Реальный успех после бесконечных

жертв и долгих лет планирования застал его врасплох. Сто пятьдесят лет прошло с тех пор, как Этан внедрил в свой мозг гея-частицы, чтобы испытать общность чувств и мыслей Гея-сферы, — и, когда наступила ближайшая ночь, увидел Первый сон Иниго. Через полтора столетия этому молчаливому юноше из захолустного внешнего мира Оамару предстояло занять самый значительный пост в Великом Содружестве, доступный простому Натуралу.

— Ты был единственным, с чьей кандидатурой согласились все, — сказал Пелим.

Он слегка прислонился к краю стола, словно не замечая глыб паовиола, на которые можно было сесть.

— Мы вместе это сделали.

— Давай не будем друг друга дурачить. Мое мнение Совет не учитывает.

— Да, как правило, не учитывает.

Этан снова окинул взглядом кабинет. Огромное значение происходящего начинало проникать в его сознание. Он задумался, какой будет Бездна, когда он увидит ее своими глазами. Несколько десятков лет назад ему довелось встретиться с Иниго. Нельзя сказать, чтобы его постигло разочарование, но Сновидец оказался не таким, как представлялось Этану. Впрочем, откуда ему знать, как должен выглядеть Сновидец? Возможно, ему следовало быть более решительным и энергичным?

— Давай начнем? — предложил Пелим.

— Согласен. Все члены кабинета Эллезелина — преданные последователи Воплощенного Сна, так что я думаю, они могут продолжать работу, но с одним исключением: я хочу, чтобы ты занял пост министра финансов.

— Я?

— Мы собираемся строить космические корабли для паломничества. Они стоят недешево, и нам потребуются все финансовые ресурсы зоны Свободного Рынка, поэтому я хочу, чтобы в министерстве финансов был человек, которому я мог бы доверять.

— Я думал, что ты введешь меня в состав Совета.

— И это тоже. Ты войдешь в Совет уже завтра.

— Две высшие должности. Интересное совмещение. А чье место я займу в Совете?

— Я собираюсь поговорить с Корри-Лин и обсудить ее отставку.

По лицу Пелима скользнула тень досады.

— Ее, конечно, нельзя назвать твоей верной сторонницей в Совете, но, как мне кажется, она активно поддерживает идею паломничества. Может, выбрать кого-нибудь из ее менее лояльных коллег?

— Нет, только Корри-Лин, — твердо ответил Этан. — Противники паломничества все равно остаются в меньшинстве, и нам не составит труда с ними справиться. Никто не посмеет оспаривать мои решения. Верующие им этого не позволят.

— Что ж, значит, Корри-Лин. Будем надеяться, что мы запустим корабли раньше, чем вернется Иниго. Ты знал, что они любовники?

— И это единственная причина, почему она была назначена советником. — Этан прищурил глаза. — А мы все еще ищем Иниго?

— Это делают наши друзья, — ответил Пелим. — У нас нет необходимых ресурсов. Но о нем пока ничего не слышно. Я считаю, что, если факт твоего избрания не заставит Иниго вернуться в ближайшие пару месяцев, нам больше нечего опасаться.

— Неверная формулировка. Звучит так, словно мы поступаем ошибочно.

— Но ведь нам неизвестно, почему Иниго столь нерешителен в том, что касается

паломничества.

— Иниго — всего лишь человек, с такими же недостатками, как у всех нас. Можно великодушно назвать это приступом паники, случившимся в последний момент. Лично я верю, что Иниго откуда-то наблюдает за всем происходящим и посмеивается над нами.

— Надеюсь, что так оно и есть. — Пелим помолчал, просматривая эконо- образы с отобранной юз-дублем информацией о реакции на прошедшие выборы. — Пришел Марий, просит его принять.

— Он недолго собирался, а?

— Да. Сегодня вечером тебе предстоит множество формальностей. Президент Великого Содружества позвонит, чтобы поздравить тебя, потом будут вызовы правителей из зоны Свободного Рынка и десятков наших союзников из Внешних миров.

— Что говорят в унисфере?

— То же, что и прежде. — Пелим просмотрел отчет, представленный юз- дублем. — Все как мы и ожидали. Горячие головы из числа противников паломничества сеют панику и кричат, что ты всех нас хочешь погубить. Большинство серьезных комментаторов придерживаются нейтрального тона, но напоминают о неизбежных трудностях. Многие считают паломничество политическим ходом.

— Никаких трудностей с паломничеством не будет, — раздраженно бросил Этан. — Я видел сон Небесного Властителя. Это благородная личность, он проведет нас внутри Бездны. Нам необходимо отыскать второго Сновидца. Есть какие-нибудь свежие новости?

— Никаких. Приходят тысячи людей и заявляют, что видели Небесного Властителя, но от них мало пользы в поисках.

— Ты должен его найти.

— Этан... Нашим лучшим мастерам потребовалось несколько месяцев, чтобы собрать отдельные фрагменты в один небольшой сон. Никто не знает, будет ли связь с Бездной здесь такой же прочной, как у Иниго. Эти фрагменты могли попасть в Гея-сферу различными путями. Из неизвестных источников. Непосредственно из Бездны. Или из галактического поля Оззи. Кроме того, мог произойти выброс информации с Исток-острова сильфенов или каких-то иных разумных существ постфизической стадии развития, решивших подшутить над нами. Наконец, это мог сделать сам Иниго.

чтобы испытать общность чувств и мыслей Гея-сферы, — и, когда наступила ближайшая ночь, увидел Первый сон Иниго. Через полтора столетия этому молчаливому юноше из захолустного внешнего мира Оамару предстояло занять самый значительный пост в Великом Содружестве, доступный простому Натуралу.

— Ты был единственным, с чьей кандидатурой согласились все, — сказал Пелим.

Он слегка прислонился к краю стола, словно не замечая глыб паовиола, на которые можно было сесть.

— Мы вместе это сделали.

— Давай не будем друг друга дурачить. Мое мнение Совет не учитывает.

— Да, как правило, не учитывает.

Этан снова окинул взглядом кабинет. Огромное значение происходящего начинало проникать в его сознание. Он задумался, какой будет Бездна, когда он увидит ее своими глазами. Несколько десятков лет назад ему довелось встретиться с Иниго. Нельзя сказать, чтобы его постигло разочарование, но Сновидец оказался не таким, как представлялось Этану. Впрочем, откуда ему знать, как должен выглядеть Сновидец? Возможно, ему

следовало быть более решительным и энергичным?

— Давай начнем? — предложил Пелим.

— Согласен. Все члены кабинета Эллезелина — преданные последователи Воплощенного Сна, так что я думаю, они могут продолжать работу, но с одним исключением: я хочу, чтобы ты занял пост министра финансов.

— Я?

— Мы собираемся строить космические корабли для паломничества. Они стоят недешево, и нам потребуются все финансовые ресурсы зоны Свободного Рынка, поэтому я хочу, чтобы в министерстве финансов был человек, которому я мог бы доверять.

— Я думал, что ты введешь меня в состав Совета.

— И это тоже. Ты войдешь в Совет уже завтра.

— Две высшие должности. Интересное совмещение. А чье место я займу в Совете?

— Я собираюсь поговорить с Корри-Лин и обсудить ее отставку.

По лицу Пелима скользнула тень досады.

— Ее, конечно, нельзя назвать твоей верной сторонницей в Совете, но, как мне кажется, она активно поддерживает идею паломничества. Может, выбрать кого-нибудь из ее менее лояльных коллег?

— Нет, только Корри-Лин, — твердо ответил Этан. — Противники паломничества все равно остаются в меньшинстве, и нам не составит труда с ними справиться. Никто не посмеет оспаривать мои решения. Верующие им этого не позволят.

— Что ж, значит, Корри-Лин. Будем надеяться, что мы запустим корабли раньше, чем вернется Иниго. Ты знал, что они любовники?

— И это единственная причина, почему она была назначена советником. — Этан прищурил глаза. — А мы все еще ищем Иниго?

— Это делают наши друзья, — ответил Пелим. — У нас нет необходимых ресурсов. Но о нем пока ничего не слышно. Я считаю, что, если факт твоего избрания не заставит Иниго вернуться в ближайшие пару месяцев, нам больше нечего опасаться.

— Неверная формулировка. Звучит так, словно мы поступаем ошибочно.

— Но ведь нам неизвестно, почему Иниго столь нерешителен в том, что касается паломничества.

— Иниго — всего лишь человек, с такими же недостатками, как у всех нас. Можно великодушно назвать это приступом паники, случившимся в последний момент. Лично я верю, что Иниго откуда-то наблюдает за всем происходящим и посмеивается над нами.

— Надеюсь, что так оно и есть. — Пелим помолчал, просматривая эзообразы с отобранной юз-дублем информацией о реакции на прошедшие выборы. — Пришел Марий, просит его принять.

— Он недолго собирался, а?

— Да. Сегодня вечером тебе предстоит множество формальностей. Президент Великого Содружества позвонит, чтобы поздравить тебя, потом будут вызовы правителей из зоны Свободного Рынка и десятков наших союзников из Внешних миров.

— Что говорят в унисфере?

— То же, что и прежде. — Пелим просмотрел отчет, представленный юз-дублем. — Все как мы и ожидали. Горячие головы из числа противников паломничества сеют панику и кричат, что ты всех нас хочешь погубить. Большинство серьезных комментаторов придерживаются нейтрального тона, но напоминают о неизбежных трудностях. Многие

считают паломничество политическим ходом.

— Никаких трудностей с паломничеством не будет, — раздраженно бросил Этан. — Я видел сон Небесного Властителя. Это благородная личность, он проведет нас внутри Бездны. Нам необходимо отыскать второго Сновидца. Есть какие-нибудь свежие новости?

— Никаких. Приходят тысячи людей и заявляют, что видели Небесного Властителя, но от них мало пользы в поисках.

— Ты должен его найти.

— Этан... Нашим лучшим мастерам потребовалось несколько месяцев, чтобы собрать отдельные фрагменты в один небольшой сон. Никто не знает, будет ли связь с Бездной здесь такой же прочной, как у Иниго. Эти фрагменты могли попасть в Гея-сферу различными путями. Из неизвестных источников. Непосредственно из Бездны. Или из галактического поля Оззи. Кроме того, мог произойти выброс информации с Исток-острова сильфенов или каких-то иных разумных существ постфизической стадии развития, решивших подшутить над нами. Наконец, это мог сделать сам Иниго.

— Иниго тут ни при чем. Я уверен. Я помню ощущение от его сна, все мы это помним. Здесь что-то другое. Не забывай, я лично обратил внимание на первые несколько фрагментов. Я их узнал. Где-то должен быть второй Сновидец.

— Что ж, теперь, когда ты стал Пастырем, ты получил возможность начать более внимательное наблюдение за узлами восприятия и отследить источник.

— Разве это реально? Я думал, что Гея-сфера невосприимчива к нашим воздействиям.

— Да, мастера снов утверждают, что реально. Но узлы восприятия необходимо будет определенным образом модифицировать. И это довольно дорогая процедура.

Этан вздохнул. Конклав истощил его моральные силы, а ведь это было только начало.

— Так много надо сделать! И все сразу!

— Я тебе помогу. Ты же знаешь.

— Знаю. И я благодарен тебе, мой друг. Придет день, и мы достигнем Маккатрана. Мы сделаем свою жизнь идеальной.

— Уже скоро.

— Клянусь именем Оззи, я на это очень надеюсь. А теперь пригласи, пожалуйста, Мария.

Этан вежливо поднялся навстречу гостю. Тот факт, что представитель фракции АНС посетил Пастыря первым, говорил о многом. Во время предвыборной кампании им с Пелимом приходилось полагаться на помощь Мария, и Этану это не нравилось. В идеальной Вселенной никакая поддержка извне им бы не потребовалась, тем более со стороны человека, обладающего множеством рычагов давления. Ни о каких ответных услугах Марий, безусловно, даже не упоминал. Быть настолько откровенным не мог позволить себе ни один представитель фракции Активной нейронной сети Земли.

Марий вошел в кабинет и приветливо улыбнулся. Это был человек среднего роста, с круглым лицом и пронизательным взглядом зеленых глаз, выразительность которых усиливала увеличенная радужная оболочка; его рот и нос смотрелись бы маленькими по сравнению с большими ушами, не будь те так плотно прижаты к черепу, что казались просто складками кожи. Густые каштановые волосы искрились золотом — наверняка вследствие тщеславия кого-то из предков-Прогрессоров. Никаких признаков Высшего в Марии не было заметно. Этан при помощи собственных внутренних устройств произвел пассивное сканирование, но не обнаружил активированных функций поля — или же они были

слишком сложными, чтобы их заметить. Этан ничуть не удивился бы, узнав, что Марий оснащен самыми современными биониками из тех, что есть в Содружестве. Даже его черная парадная мантия обладала собственным полем, и, когда он шел, за ней тянулись тончайшие туманные струйки.

— Ваше преосвященство, — официальным тоном приветствовал он Этана. — Примите мои искренние поздравления.

Этан улыбнулся. И с трудом сдержал дрожь. Все его самые глубинные инстинкты кричали, что этот человек очень опасен.

— Благодарю.

— Я хотел бы заверить вас, что мы и впредь будем поддерживать ваши стремления.

— Значит, вы не считаете паломничество угрозой существованию Галактики?

На самом деле, ему больше хотелось спросить: кто такие «мы»? Но внутри АНС было так много разных структур, которые то враждовали, то заключали союзы, что этот вопрос не имел смысла. Хватало того, что группа, представляемая Марием, изъявила желание поспособствовать паломничеству. Этан не беспокоился насчет того, что их с Марием конечные цели могут быть противоположны или что тот использует его в качестве политического рычага. Этан все равно об этом не узнает. Паломничество — вот что его волновало, он должен был помочь верующим добраться до Вселенной Обетованной. Все остальное казалось не важным. Ну, поможет он кому-то в политической борьбе — лишь бы это не затрагивало его интересов.

— Нет, конечно, нет. — Марий усмехнулся словно какой-то им двоим понятной шутке о глупости всего остального человечества. — Если бы дело обстояло таким образом, те, кто уже попал в Бездну, запустили бы этот процесс.

— Людей необходимо просвещать. И вы могли бы помочь.

— Мы, безусловно, сделаем все, что в наших силах. Однако нам обоим приходится противодействовать сильнейшей мыслительной инерции, не говоря уже о предрассудках.

— О, это мне хорошо знакомо. Паломничество разделит мнения всех граждан Содружества.

— Речь не только о людях. Есть и другие расы, которые проявляют интерес к вашим начинаниям.

— Окайзенская империя, — с нескрываемым презрением бросил Этан.

— Их нельзя недооценивать, — заметил Марий с легким оттенком упрека в голосе.

— Единственные, кто меня беспокоит, это райели. Они во всеуслышание заявили о том, что возражают против вторжения в Бездну.

— Ну, в этом случае, наша помощь вам очень пригодится. Предложение остается в силе: мы обеспечим ваши корабли для паломничества ультрадвигателями.

Этан, будучи специалистом по древней истории, мгновенно вспомнил библейскую картину, на которой Адаму предложили яблоко.

— А взамен?..

— Положение в Содружестве изменится.

— И это вас устроит? Но почему?

— Выживание рода. Эволюция предусматривает либо движение вперед, либо смерть.

— Я думал, вы будете добиваться превосходства, — бесстрастно вставил Пелим.

Марий даже не посмотрел в его сторону, он по-прежнему не сводил пристального взгляда с лица Этана.

— Разве это не эволюция?

— Весьма радикальная эволюция.

— Но не настолько радикальная, как ваша надежда на паломничество.

— А почему бы вам не присоединиться к нам?

Марий ответил безрадостной улыбкой.

— Присоединяйтесь вы к нам, Пастырь.

— То, что нас ожидает, мы видели во сне.

— А, значит, дело в древней дилемме людей: рисковать ради чего-то нового — или оставаться в привычном комфорте.

— Мне кажется, я знаю, какого ответа вы ждете: известная беда лучше неизвестности.

— Как скажете. Ваше преосвященство, мы сдержим свое обещание насчет ультрадвигателей.

— Которых еще никто не видел. Вы только намекаете на них.

— АНС не спешит раскрывать секреты новейших достижений технологии. Тем не менее, уверяю вас, они существуют. Ультрадвигатели не менее эффективны, чем двигатели, применяемые райелями. А может, и превосходят их.

Подобная самонадеянность чуть не вызвала у Этана улыбку, но он сдержался.

— Не сомневайтесь, Пастырь, — продолжил Марий. — АНС не склонна к пустому хвастовству.

— Я в этом не сомневаюсь. Когда же вы сможете дать их нам?

— Как только корабли для паломничества будут готовы, мы доставим двигатели.

— А люди в АНС, не согласные с вашим мнением, останутся в стороне, спокойно наблюдая, как вы передаете нам новейшую технологию?

— Да, так оно и произойдет. Вам не стоит беспокоиться по поводу наших внутренних разногласий.

— Отлично. Я принимаю ваше великодушное предложение. Не сочтите за оскорбление, но мы оснастим корабли и своими, более знакомыми двигателями. На всякий случай.

— Ничего другого мы и не ожидали.

Марий поклонился и покинул кабинет.

Пелим тихонько присвистнул.

— Так вот оно что! В их политических войнах мы просто иницирующий фактор.

Этан сохранил равнодушное выражение лица.

— Если это приближает нас к цели, мне все равно.

— Я думаю, ты мудро поступил, когда предусмотрел запасной вариант. Двигатели обязательно надо включить в программу строительства.

— Да. Проектировщики с самого начала бьются над этой задачей. — Его вспомогательная программа начала вызывать файлы из окон памяти макро-клеточных ячеек. — Давай-ка займемся самыми необходимыми перестановками, а?

По широкому мосту из красного мрамора Аарон пересек Сестринский канал, соединяющий Золотой парк с районом Низкого Рва. На этой огороженной полоске земли не было никаких городских строений, только загоны для приведенного на продажу скота да пара старых рынков. Извилистая тропинка, освещенная масляными фонарями, вывела Аарона к району Огден, еще одной парковой зоне. Здесь располагалась большая часть деревянных конюшен, где аристократы держали лошадей и экипажи. Здесь же в городскую стену были врезаны главные ворота.

Вместе с небольшой группой зевак, возвращающихся к современным городским кварталам, Аарон прошел сквозь арку. Полоса лесопарка шириной в две мили отделяла Маккатран-2 от огромной метрополии, выросшей вокруг него за два последних столетия. Большой Маккатран-2 теперь занимал более четырехсот квадратных миль и служил домом для шестнадцати миллионов жителей, девяносто процентов которых были преданными последователями движения Воплощенного Сна. После выборов 3379 года, когда Воплощенный Сон набрал большинство голосов в сенате планеты, сюда из Риизи перенесли столицу.

В парк не допускался никакой транспорт — здесь не было ни наземных такси, ни поездов подземки, ни даже движущихся тротуаров. И уж тем более в воздухе над Маккатраном-2 не летало никаких капсул. Иниго рассуждал довольно просто: для верующего не проблема пройти пешком пару миль. Так поступали обитатели Кверенции, и такого же поведения Иниго добивался от всех своих последователей. В парке позволялось ездить только на лошадях — в конце концов, на Кверенции они тоже были. Это исключение из правила вызвало у Аарона улыбку. Когда он уже выходил из ворот, в голове, словно мимолетная голограмма, промелькнуло воспоминание: он прижимается к шее коня, мчащегося галопом по холмистой равнине. Движение, стремительное и ритмичное, тем не менее казалось замедленным, словно скакун, отрываясь от земли, зависал над нею дольше, чем обычная лошадь. Аарон умело держался на его спине и радостно смеялся. Встречный ветер бил в лицо и трепал волосы, а сверху сияло удивительно глубокое и теплое сапфировое небо. На голове у коня был небольшой, но мощный рог с наконечником из черного металла.

Аарон пренебрежительно хмыкнул. Скорее всего это была картина из какой-то постановки, к которой он подключался в унисфере, а не воспоминание из реальной жизни.

В середине полосы парка разделял длинный гребень. Поднявшись на него, Аарон словно шагнул в другое время. Позади, окутанный желтоватым светом, виднелся силуэт архаичного Маккатрана-2, а впереди до самого горизонта протянулись кварталы современных небоскребов, аккуратные улицы сияли разноцветными огнями. Антиграв-капсулы легко скользили над городом в своих строго ограниченных коридорах, образуя длинные ленты; сверкающие потоки извивались и пульсировали, свивались в единую подвижную сеть, охватывающую все уголки города. Юго-восточный край неба был освещен еще ярче — там над космопортом взлетали и садились космические корабли. Непрерывный поток грузовых судов обеспечивал экономическую связь города с планетами, расположенными вне досягаемости червоточин зоны Свободного Рынка.

На окраине парка юз-дубль Аарона вызвал такси. Блестящая желто-зеленая капсула тотчас выскользнула из плотного потока транспорта и бесшумно остановилась. Дверца отодвинулась, Аарон забрался внутрь и сел на переднее сиденье, откуда открывался лучший обзор — корпус капсулы, если смотреть изнутри, был прозрачным.

— Отель «Бэкингом».

Капсула рванула вверх, возвращаясь в широкую светящуюся ленту, огибающую парк. Аарон нахмурился. Он не мог понять, кто дал команду: он сам или его юз-дубль.

На первой же развязке капсула свернула вглубь городских кварталов. В сотне метров под нею тянулись засаженные деревьями бульвары, по которым двигались немногочисленные автомобили, всадники и велосипедисты. Аарон озадаченно тряхнул головой.

Отель «Бэкингом» оказался тридцатиэтажным пятиугольником с многочисленными

балконами; по углам высились остроконечные башенки. Все здание, за исключением угольно-черных окон, светилось жемчужно-белым, а на крыше росли настоящие миниатюрные джунгли, мерцающие многочисленными огоньками. Здесь гости отеля могли поужинать и потанцевать под открытым небом.

Такси опустилось на небольшую площадку в центре здания. В кармане Аарона кстати обнаружилась монета-кредитка, которая активировалась, распознав его ДНК, и позволила оплатить поездку. В его макроклеточных ячейках был записан еще и кредитный код, но отследить монету-кредитку представлялось более трудной задачей — впрочем, отнюдь не невозможной. Аарон просто проявил осторожность. Проводив взглядом взмывшее в небо такси, он вдруг почувствовал себя крайне неуютно.

— Я зарегистрирован в отеле? — спросил он у юз-дубля.

— Да. Номер три тысячи восемьдесят восемь. Пентхаус.

— Понятно. — Аарон повернулся и, повинувшись внутреннему импульсу, тотчас отыскал взглядом балкон на верхнем этаже. — Я могу себе это позволить?

— Да. Номер в пентхаусе стоит полторы тысячи эллезиянских фунтов в сутки. Лимит твоей монеты-кредитки — пять миллионов фунтов в месяц.

— В месяц?

— Да.

— А кем он предоставлен?

— Кредитка закреплена за Центральным банком Августы. Детали счета зашифрованы.

— А мой персональный кредитный код?

— С ним то же самое.

Аарон прошел в вестибюль.

— Хорошо быть богатым, — пробормотал он, обращаясь к самому себе.

Пентхаус состоял из пяти комнат и небольшого бассейна. Аарон, войдя в просторную гостиную, посмотрел в зеркало. Он выглядел немного старше, чем это было принято: около тридцати лет, короткие темные волосы и (что странно) серые глаза с едва заметными фиолетовыми искорками. В чертах было что-то восточное; кожа лица оказалась довольно грубой, щеки и подбородок покрывала едва заметная щетина.

«Точно, это я», — подумал Аарон.

Он порадовался тому, что узнал себя, глянув в зеркало, — впрочем, никаких возможностей установить личность по-прежнему не было.

Аарон устроился в широком кресле лицом к окну и сделал его прозрачным, чтобы взглянуть на ночной город, скрывающий в своих глубинах творение Иниго. Во всех здешних до странности чужих устройствах имелись всевозможные сведения, которые помогут отыскать нужную информацию. Но в общедоступных файлах смотреть нет смысла — если бы все было так просто, Иниго давно бы уже нашли. Нет, Аарон нуждался в сведениях личного характера — ибо они дадут ключик к решению проблемы, доступный только такому, как он, — неверующему.

Он заказал ужин в номер. Отель был достаточно богатым, чтобы нанять на должность шеф-повара человека. Аарон, попробовав доставленные ему блюда, распознал нюансы, отличающие настоящую еду от продуктов кулинарного процессора. Во время ужина Аарон продолжал задумчиво смотреть на город. Подобраться к кому-то из старших клириков или членов Совета будет нелегко. Впрочем, паломничество сулит заманчивые перспективы. Для путешествия к Бездне потребуются космические корабли, а это обеспечит Аарону надежное

прикрытие. Оставалось только найти подходящего человека и начать его обрабатывать.

Юз–дубль по запросу выдал обширный список старших клириков и членов Совета, снабженный примечаниями, кто поддерживал на выборах Этана, а кто в ближайшие десятилетия будет выполнять самую грязную работу.

Аарон просидел над списком полночи и в конце концов нашел подходящую персону. Нужное имя подсказали городские новости, сообщившие, что Этан приступил к реформированию Воплощенного Сна в соответствии со своими планами. Обработка выбранной Аароном жертвы не сулила стопроцентного успеха, но вероятность получить приемлемый результат казалась весьма высокой. Этим человеком была Корри–Лин.

Курьерская гильза прибыла к апартаментам Троблума за час до того, как он планировал отправиться делать презентацию перед группой экспертов флота. Троблум набросил плащ из изумрудной ткани, которая сразу же приняла форму его тела, и в стеклянном лифте спустился в вестибюль. Несмотря на скрип и металлическое позвякивание, древний механизм плавно доставил кабину куда нужно. Лифт, конечно, не был оригинальным, поскольку само здание построили тысячу триста пятьдесят лет назад. Впоследствии его не раз ремонтировали, а пятьсот лет назад установили генератор стабилизирующего поля, чтобы сохранить молекулярные связи в древних кирпичах, балках и композитных панелях. После этого энтропию можно было считать укрощенной, до тех пор пока к генератору подавалась энергия.

Троблум сумел получить должность хранителя здания лет сто назад причем не сразу, а после настойчивой двадцатисемилетней кампании. На Аревало не осталось недвижимости, принадлежащей кому–то, планета была миром Высших, частью Центрального Содружества — в те времена, когда здание еще только строилось, этот район называли Первой зоной космоса. На то, чтобы убедить прежних жильцов выехать, Троблumu потребовалось потратить весь ресурс массы и энергии за много лет и задействовать все свои связи. Он привлек посредников, адвокатов, экспертов–историков и даже послал петицию в городской совет Дароки, благодаря чему получил генератор стабилизирующего поля. В своей борьбе он неожиданно нашел союзника, который и помог переломить ситуацию. Так или иначе, теперь Троблум имел полное право занимать полностью все здание. Он жил здесь один и крайне редко приглашал кого–то зайти внутрь.

Кабина лифта остановилась напротив входа. Мимо пустой стойки консьержа Троблум прошел к высокой двери из цветного стекла. Снаружи в полутора метрах над тротуаром, парила курьерская гильза — защищенный от сканирования футляр из гладкого серого металла с ярко–розовым светящимся транспортным ярлычком на одной из стенок. Юз–дубль Троблума подтвердил заказ и направил гильзу в холл, где ее уже поджидала тележка Футляр раскрылся, и на тележку опустился широкий серебристый цилиндр длиной около метра. Троблум, дождавшись ухода курьерской гильзы, закрыл дверь и активировал охранное поле, после чего направился обратно к лифту. Тележка послушно покатила следом.

Первоначально здание строилось под фабрику, и потому все пять этажей были очень высокими. Затем, как и во многих других мирах раннего Содружества, город стал расширяться, и промышленность постепенно начала вытесняться из старого центра. Вместо фабрики в здании разместились роскошные апартаменты. Один из пентхаусов, занимающий весь пятый этаж, купила Династия Халгартов, сделав частью своих обширных владений на Аревало. Другие квартиры в 2380 году были перестроены и отделаны в таком же стиле, как пентахауз, но Троблум сконцентрировал все свои усилия именно на бывшем владении

Халгартов, где сейчас и жил.

Чтобы в полной точности провести реконструкцию помещения, он отыскал в городских архивах все архитектурные и дизайнерские чертежи, а в дополнение к ним еще и визуальные записи новостного шоу Микеланджело, относящегося к тому периоду. Но главным источником подробностей стали криминалистические снимки из управления по расследованию особо тяжких преступлений, полученные непосредственно из АНС. После того как все данные были сведены воедино, Троблум потратил еще пять лет на скрупулезное воссоздание старинного интерьера. В конечном счете у него получились три смежные спальни и просторная гостиная, отделенная от кухонной зоны барной стойкой с мраморной столешницей. Противоположную стену занимало огромное окно и балкон, с которого открывался великолепный вид на реку Кейсп.

Представительница исторического комитета городского Совета, пришедшая для финального осмотра объекта, восхитилась результатами работ, но так и не узнала, в чем главная причина его старательности. Он этого не опасался, поскольку основной заботой историка было само здание, а то, что происходило внутри во времена войны против Звездного Странника, интересовало только самого Троблума. Он никогда не произносил слова «одержимость», но тот эпизод истории стал для него чем-то большим, чем просто хобби. Он был твердо убежден, что когда-нибудь сможет опубликовать исчерпывающую историю войны.

Дверь пентхауса распахнулась при его приближении. На диване у окна его встретили объемные проекции трех девушек. Катриона Салиб сидела в красном халате с золотистой отделкой, из-под которого выглядывало серебристое нижнее белье. Ее волнистые черные волосы, беспорядочно падавшие на плечи, колыхались при каждом повороте головы. Она была самой миниатюрной из трех подруг, и программа анимации превосходно передавала беспечность и нетерпеливость энергичной девчонки двадцати одного года. Рядом с ней, слегка наклонившись, прихлебывала чай из большой кружки Триша Марина Халгарт. Вокруг ее карих глаз на смуглом треугольном личике трепетали темно-зеленые крылышки маленьких бабочек ОС- татуировки, древней технологии. Третьей в комнате была Изабелла Халгарт, высокая блондинка с длинными прямыми волосами, собранными в пучок, — она сидела несколько в стороне от остальных. На ней был надет пушистый белый свитер, открывающий соблазнительно плоский живот, и синие джинсы, обтягивавшие стройные ножки, словно вторая кожа. Высокие скулы подчеркивали аристократизм лица, которому прекрасно соответствовало выражение отстраненного равнодушия. Ее подруги приветствовали Троблума звонкими возгласами, а Изабелла ограничилась лишь сдержанным кивком.

Троблум с сожалением вздохнул и приказал юз-дублю изолировать девушек. Они составляли ему компанию уже пятьдесят лет, и это общество доставляло ему большее удовольствие, чем разговоры с реальными людьми, а кроме того, давало возможность оставаться в той эпохе, которую он так любил. Но в данный момент он хотел избавиться от любых отвлекающих факторов, сколь бы приятными они ни были. Ему потребовалось не одно десятилетие, чтобы оптимизировать программу анимации и снабдить каждую проекцию полноценной информационной личностью. Эти три девушки жили в апартаментах во время войны против Звездного Странника и имели отношение к известному вбросу ложной информации, организованному чужаком. Изабелла была одним из наиболее эффективно действующих его агентов, она соблазняла высокопоставленных политиков и

чиновников, а затем тайно ими манипулировала. После войны в Содружестве даже распространился термин «одержимый Изабеллой», что означало «обманутый». Но со временем это преступление было забыто, и даже для людей, проживших пятьсот лет, оно утратило свою актуальность и остроту. Сегодня война против Звездного Странника стала одним из событий начальной стадии становления Содружества наряду с историей Оззи и Найджела, Ульем, полетами «Исследователя» и разгадкой нанотехнологий Плантаторов. В молодости все эти подробности не интересовали Троблума, и лишь случайно он узнал о своем далеком предке по имени Марк Вернон, сыгравшем важную роль в войне. Троблум стал изучать доступную информацию с единственной целью — прояснить некоторые детали истории своей семьи. Это началось сто семьдесят лет назад, и до сих пор война против Звездного Странника волновала его ничуть не меньше, чем в день, когда он открыл первые файлы, относящиеся к тому периоду.

Девушки отвернулись от Троблума и его тележки и принялись оживленно болтать между собой. Он опустил взгляд на цилиндр, постепенно становившийся прозрачным. Внутри обнаружился металлический стержень длиной сто пятнадцать сантиметров. На одном конце его сохранилась пластиковая накладка, из-под которой неряшливым хвостом торчали обрывки оптоволоконного кабеля. Поверхность стержня почернела и покрылась царапинами, а в середине он даже погнулся, словно от сильного удара. Троблум, не обращая внимания на шипение защитной аргоновой смеси, открыл один торец футляра. При этом он не мог сдержать дрожи в руках, а его горло внезапно перехватило от волнения. И вот он взял в руки предмет и ощутил кожей его шероховатую фактуру. Троблум улыбнулся, как улыбнулся бы Натурал при виде своего новорожденного сына. Подкожные сенсоры в кончиках пальцев, подключенные к полемому сканеру Высшего, произвели детальный анализ. Стержень состоял из алюминиево-титанового сплава, усиленного особыми гидрокарбонатными связями; возраст предмета составлял две тысячи четыреста лет. Троблум держал в *собственных руках* деталь «Марии Селесты», космического корабля Звездного Странника.

Спустя некоторое время Троблум поместил стержень обратно в цилиндр и запустил процесс атмосферной продувки, чтобы снова закачать внутрь аргон. Он больше никогда не прикаснется к нему — это экспонат чрезвычайной ценности. Цилиндр отправится в другое помещение, где хранится вся коллекция памятных вещей, а небольшой генератор стабилизирующего поля веками будет поддерживать молекулярные связи. Так надо.

После того как Троблум убедился в аутентичности стержня, он дал команду своему полуплегальному банку на Уэссексе произвести окончательный расчет с торговцем с черного рынка на Дальней, отыскавшим этот предмет. Высшим не запрещалось иметь наличные деньги и счета, но их общность базировалась на принципах личностей, достаточно разумных и зрелых, чтобы нести ответственность за свои действия и поступать в соответствии с социальными нормами. «Я сам себе правительство», — гласил их основной политический принцип. Тем не менее эти ограничения были достаточно гибкими. Высшие граждане Содружества имели возможность конвертировать ресурс массы и энергии, называемый основным долларом, в твердую валюту, имеющую хождение во Внутренних мирах, и пользовались этим, хотя и без лишнего шума. В общепринятом смысле РМЭ не считался деньгами — он был инструментом регулирования активности Высших, предотвращающим чрезмерные или необоснованные требования индивидуумов по расходованию природных и иных общих ресурсов.

Как только тележка с драгоценным грузом выкатилась из апартаментов, Троблум поспешил в спальню. Ему пора было уже уезжать, и времени оставалось, только чтобы принять душ и надеть плащ-костюм. Затем стеклянный лифт доставил его на подземный этаж, где стояла антиграв-капсула. Это была старая модель, которой перевалило уже за два столетия; ее удлиненный корпус пурпурного цвета с серебристой отделкой выдавался вперед, словно носовой обтекатель самолетов Внешних миров. Троблум забрался внутрь, заняв большую часть сиденья, рассчитанного на трех человек, после чего капсула выкатилась из гаража и взмыла вверх, чтобы влиться в поток других машин. Одряхлевшие внутренние компенсаторы уже не справлялись с нагрузкой, и во время подъема его плотно прижало к мягкой спинке.

Центр Дароки представлял собой приятное глазу смешение новых построек с их гладкими геометрическими формами, множества исторических зданий вроде того, где жил Троблум, и роскошной мозаики парков, заложенных при основании города. Широкие воздушные потоки движения строго придерживались сетки древних улиц. Капсула Троблума, поблескивая в бронзовых солнечных лучах, устремилась на север, в самый современный район, где здания значительно отстояли друг от друга, а большая часть кварталов была отдана под индивидуальные жилища.

Над западным краем горизонта он сумел рассмотреть яркую звезду, называемую «Эфиром». Первоначально внимание Троблума к Аревало привлекла именно реализация этого проекта — попытка соорудить обитаемую сферу размером с газовый гигант. За два столетия работ удалось построить почти восемьдесят процентов геодезической решетки, которой предстояло служить и проводником, и генератором единого обволакивающего силового поля. После его запуска (с подачей энергии непосредственно от звезды через червоточину с нулевым сечением) предполагалось заполнить сферу стандартной кислородно-азотной смесью, полученной при разработке дальних спутников и газовых гигантов. Затем необходимо было запустить различные биологические компоненты, что позволило бы создать биосферу. В конечном итоге должен был получиться шар диаметром больше Сатурна и с нулевой гравитацией. Люди могли бы жить там в абсолютной свободе и парить в воздухе, обогащая опыт человечества новым аспектом.

Противники проекта — а их набралось очень много — утверждали, что это жалкая и бессмысленная копия Исток-острова сильфенов, найденного Оззи. Там кольцом пригодной для дыхания атмосферы была окутана целая звезда. Сторонники идеи возражали скептикам, называя проект пробным камнем, вдохновляющим свидетельством расширения способностей и перспектив цивилизации Высших. Их аргументация хоть и с трудом, но обеспечила победу на референдуме Центральных миров по поводу выделения РМЭ, необходимого для строительства.

Троблум в первую очередь был физиком, и в проект «Эфир» его пригласили именно в этом качестве. Семьдесят лет он работал над тем, чтобы превратить теоретические концепции в физическую реальность, и помогал конструировать генератор силового поля, скрепляющий геодезическую решетку. В тот же период зародилось его увлечение войной против Звездного Странника, и Троблум привлек внимание людей, воплощавших другой, еще более интересный проект. От сделанного ими предложения он не мог отказаться. И потом часто размышлял, насколько тот отрезок его жизни отражает перемены в судьбе его знаменитого предка Марка Вернона.

Капсула опустилась на территории представительства флота Содружества. Здесь же

располагался космопорт, ограниченный двумя рядами огромных ангаров и строений, в которых размещались вспомогательные службы. Первоначально Аревало был базой исследовательского отдела флота. На летном поле стояли корабли-разведчики, предназначенные для дальних полетов, и стандартные пассажирские суда. В трех матово-черных башнях, выстроившихся вдоль северного края поля, находились лаборатории астрофизиков и учебно-тренировочные комплексы для исследователей и членов экипажей. Капсула Троблума скользнула в арку между опорами главной башни и приземлилась прямо под ней. Когда он двинулся к ближайшей опоре, плащ-костюм окутал его фигуру ярким ультрафиолетовым сиянием. Вокруг не было почти никого, лишь несколько офицеров торопливо шагали по площадке к своим антиграв-капсулам. Наружность Троблума привлекла несколько удивленных взглядов: подобная тучность была весьма необычной для Высшего. Обычно бионики поддерживали здоровье людей и сохраняли стройность тел. Изредка трудности создавали отклонения, случавшиеся в биохимическом обмене, но они успешно устранялись незначительной модификацией хромосом. Троблум от нее отказался. Он был таким, каким был, и не собирался ни перед кем за это извиняться.

Короткая прогулка от капсулы до входа в здание заставила его сердце биться чаще, а в вестибюле, расположенном в основании опоры, Троблум сильно вспотел. После глубокого сканирования ему пришлось приложить ладонь к шаровидному тестеру, чтобы подтвердить ДНК, и только тогда система безопасности открыла для него дверь одного из лифтов. Спуск длился бесконечно долго.

Надежно экранированная комната для презентаций ничем не отличалась от других подобных помещений. Посреди продолговатого зала стоял овальный стол из твердого дерева, а вокруг него — формирующиеся белые стулья с высокими спинками. Троблум занял место напротив двери и начал сверяться с сетью флота, чтобы убедиться, что его файлы загружены надлежащим образом.

Чуть позже в зал вошли четыре офицера; их матово-черные плащ-костюмы одинаково обрисовывали фигуры, а ранг обозначали лишь маленькие красные светящиеся точки на плечах. Троблум узнал всех троих, даже не запрашивая информацию у юз-дублей. Микала, капитан третьего ранга и директор местного бюро сверхсветовых двигателей; Эойн, тоже капитан, специализируется на деятельности чужаков; и Йехуди, начальник штаба Аревало. Вместе с ними вошел первый адмирал Казимир Бурнелли. Этого Троблум никак не ожидал. Личная встреча с командующим флотом Содружества настолько его потрясла, что он мгновенно вскочил. Шок был вызван не только высоким положением вошедшего — адмирал приходился сыном двум выдающимся личностям эпохи войны против Звездного Странника и давно прославился своим возрастом: ему исполнилась тысяча двести шесть лет. Казимир Бурнелли родился за семь или восемь столетий до того, как большинство Высших загрузили свои воспоминания в АНС.

Адмирал был одет в превосходно сшитый черный мундир из ткани старинного образца, отлично подчеркивавший широкие плечи и стройный торс классической фигуры военного. Он был довольно высоким, с оливковосмуглой кожей и привлекательными чертами лица. В иссиня-черных волосах и широких челюстях Троблум угадал наследие его отца, а изящный нос и доброжелательный взгляд светлых глаз напоминал о красоте матери.

— Адмирал! — воскликнул Троблум.

— Рад вас видеть, — ответил Казимир, протягивая руку.

Троблум не сразу сообразил, что от него требуется, но затем ответил на приветствие и

пожал ладонь, обрадовавшись, что охлаждающая система плащ-костюма своевременно избавила его от пота. Файл с правилами официальной встречи, развернутый в его экзобзоре, внезапно оказался ненужным.

— Я буду представлять правление АНС, — сказал Казимир.

Впрочем, об этом Троблум и сам догадался. Казимир Бурнелли давно стал человеческим звеном в цепочке, связывающей правление АНС с кораблями сдерживающего флота Содружества, и на протяжении восьми столетий с честью оправдывал оказанное доверие. Прожитые века накладывали на его поведение едва уловимый отпечаток усталости, и каждый, кто видел адмирала, не мог этого не замечать.

В голове Троблума возникло множество вопросов, которые он хотел бы задать Казимиру Бурнелли. «Вы так долго остаетесь в своем теле из-за того, что жизнь отца была слишком короткой?» Или: «Не могли бы вы устроить мне разговор с вашим дедом?» Но вместо этого Троблум, слегка заикаясь, лишь поблагодарил адмирала за внимание.

Вокруг зала появился еще один изолирующий экран, и система подтвердила безопасность первой степени.

— Так что же вы нам приготовили? — спросил адмирал.

— Любопытную гипотезу происхождения генераторов с Пары Дайсона, — ответил Троблум.

Парой Дайсона назывались две звезды, расположенные на расстоянии трех световых лет друг от друга и окруженные гигантскими силовыми полями. Барьеры установили аномийцы в 1200 году нашей эры и сделали это по веской причине. Тамошние обитатели, праймы, освоившие миры вокруг Альфы и Беты Дайсона, вели себя чрезвычайно агрессивно по отношению ко всем формам биологической жизни за исключением собственного вида. Звездный Странник тоже был одним из праймов, но он избежал заключения, проник в Содружество и принялся манипулировать людьми, стремясь уничтожить барьер вокруг Альфы Дайсона. Когда он добился того, чего хотел, началась война, унесшая около пятидесяти миллионов человеческих жизней. В конце концов барьер усилиями Оззи и Марка удалось восстановить, вторжение праймов закончилось, но никто не забыл, что человечество в те годы было на волосок от гибели. С тех пор флот вел неустанное наблюдение за двумя звездами.

Спустя несколько веков, когда райели пригласили Содружество участвовать в работе на станции «Центурион», людей повергло в изумление сходство систем защиты вокруг звезд Стены с генераторами, вырабатывающими силовые поля вокруг Пары Дайсона.

До сих пор все считали, что технологическая база аномийцев соответствует уровню развития райелей. Но Троблум выдвинул свои возражения. После изучения генераторов Пары Дайсона он пришел к выводу, что они почти идентичны ЗК над станцией «Центурион».

— Это подтверждает общепринятую концепцию, — заметил Йехуди.

— Как раз напротив, — быстро ответил Троблум.

Исследовательские корабли флота не раз посещали домашний мир аномийцев. Их раса два тысячелетия назад разделилась; наиболее технологически развитая группа перешла к постфизическому существованию, тогда как остальное общество откатилось назад до состояния простой сельскохозяйственной цивилизации. Они владели технологией червоточин и отправляли разведывательные отряды по всей Галактике, но освоили не больше дюжины ближайших миров и ни в одном из них не стали развивать мощную

промышленность для дальнейшего покорения звезд. Знаний о генераторах Пары Дайсона у этой части аномийцев не сохранилось, а постфизическое общество уже давно не поддерживало со своими сородичами никаких контактов. Предпринятые кораблями флота неоднократные поиски сборочных комплексов, где могли бы быть изготовлены генераторы для Пары Дайсона, не дали никаких результатов. До настоящего времени астроархеологи предполагали, что заброшенные мощности истлели в космосе до состояния пыли или просто затерялись.

Троблум, ссылаясь на колоссальные размеры сооружений, отметал обе эти версии. Во-первых, какими бы знаниями ни обладали аномийцы, на строительство такого генератора с нуля им потребовалось бы не меньше столетия, не говоря уж о двух комплексах. Здесь стоит вспомнить, как долго Высшие строят «Эфир» — и это почти при неограниченном РМЭ. Во-вторых, генераторы понадобились аномийцам срочно. Праймы с Альфы Дайсона уже начинали собирать космические корабли — не способные, правда, пока двигаться со скоростью света, — именно это послужило причиной их заключения. Если бы аномийцы промедлили лет на сто, праймы успели бы распространиться в радиусе пятидесяти световых лет.

— Очевидное заключение, — сказал Троблум, — состоит в том, что аномийцы просто забрали генератор райелей со Стены. После чего им оставалось только открыть соответствующую по размеру червоточину, чтобы доставить его к Паре Дайсона, а нам известно, что базовые технологии для этого у них были. Мне бы хотелось, чтобы флот начал тщательные поиски в космическом пространстве вокруг Пары Дайсона. Оснастка червоточины аномийцев, вполне возможно, осталась там. Особенно если это было разовое действие.

Он выжидающе посмотрел на адмирала.

Казимир молчал до тех пор, пока не закрылся последний из файлов Троблума.

— Когда праймы пытались завоевать миры Содружества, — сказал он наконец, — то создали самую большую червоточину, действовавшую на расстоянии в пятьдесят световых лет.

— Врата Ада, — произвольно добавил Троблум.

— Вы знаете нашу историю, и это превосходно. В таком случае вам должно быть известно, что диаметр той червоточины составлял всего пару километров. Через нее бы не удалось переместить генератор барьера.

— Да, но я говорил об абсолютно новом способе транспортировки — о червоточине, которой не требуется генератор, соответствующий ее размерам, достаточно лишь спроецировать масс-эффект для экзотической материи.

— Я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Это легко можно сделать, если придерживаться существующего представления о природе червоточин, адмирал.

— Легко? — Казимир Бурнелли повернулся к Микале. — Капитан?

— Я думаю, это возможно, — сказала она. — Но, прежде чем что-либо утверждать, я бы хотела освежить свои знания о теории экзотической материи.

— Я уже работаю над этим методом, — выпалил Троблум.

— И каковы успехи? — поинтересовалась Микала.

Троблум заподозрил насмешку в ее словах, но у него не было достаточного опыта, чтобы точно интерпретировать вопрос.

— Кое-что есть. В теории ограничений по диаметру нет. Все упирается в количество имеющейся энергии.

— Для транспортировки генератора барьера с Пары Дайсона на другой конец Галактики потребовалась бы вся энергия взрыва новой звезды.

Теперь Троблум был уверен, что женщина смеется над ним.

— Ничего подобного, — возразил он. — В любом случае, если бы они построили генератор вблизи родного мира, им все равно пришлось бы его перемещать, не так ли? А если они занимались сооружением в непосредственной близости от объекта, что весьма сомнительно, то где же тогда сборочная площадка? Мы бы уже наверняка что-нибудь нашли. Генераторы были привезены с того места, где их установили райели.

— Если только их не создало постфизическое сообщество, — вставила Микала. — Кто знает, на что оно способно или было способно.

— Простите, но тут я всецело на стороне Троблума, — сказал Эойн. Нам известно, что аномийцы перешли в постфизическое состояние только после того, как был поставлен барьер, то есть спустя примерно сто пятьдесят лет.

— Верно! — торжествующе воскликнул Троблум. — Они должны были применять технологии приблизительно нашего уровня. Где-то там, в космосе, наверняка есть остатки системы, способной передвигать объекты размером с планету. Адмирал, мы должны их найти. Я уже составил план поисков для исследовательских кораблей флота...

— Позвольте мне вас пока остановить, — прервал его Казимир Бурнелли. — Троблум, высказанные вами гипотезы звучат очень убедительно. Настолько убедительно, что я намерен немедленно направить всю информацию ведомственному наблюдательному комитету. Если там выскажутся положительно, мы с вами обсудим возможности флота и порядок поисков. И, поверьте мне, в этом случае ответа долго ждать не придется. Договорились?

— Но ведь вы можете уже сейчас отдать приказ исследовательскому отряду начать поиски, у вас есть право.

— Да, есть. Но я не пользуюсь им без крайней необходимости. Предоставленных вами данных вполне достаточно, чтобы начать серьезное обсуждение. Мы будем следовать принятым процедурам. И если вы окажетесь правы...

— Я безусловно прав, — выпалил Троблум. В глубине души он знал, что нарушает правила, но цель была так близка!.. Он полагал, что неожиданный визит адмирала ускорит согласование. — У меня самого недостаточно РМЭ для целой флотилии кораблей, вот поэтому я обратился к флоту.

— Частному лицу не под силу такие экспедиции, — усмехнулся Казимир. — Пространство вокруг Пары Дайсона по-прежнему закрыто. Это проект флота.

— Да, адмирал, — пробормотал Троблум. — Я понимаю.

Он действительно все понимал, но перспектива завязнуть в бюрократической волоките от этого не становилась приятнее.

— Я заметила, вы не включили в свои файлы результаты расчетов по той «одноразовой» червоточине, — сказала Микала. — Это существенный недостаток.

— Расчеты еще в начальной стадии, — слегка покривил душой Троблум. На самом деле он придержал эти данные, поскольку почти добился успеха. В противном случае они стали бы решающим аргументом. Но пока в том не было необходимости. И тем не менее... — Надеюсь, скоро я смогу показать вам результаты.

— Это было бы очень интересно, — сказал Казимир и наконец позволил себе улыбнуться, отчего стал казаться моложе на несколько столетий. — Спасибо, что обратились к нам. Я искренне благодарен вам за все, что вы сделали.

— Это моя работа, — ворчливо ответил Троблум.

Он молча смотрел, как рассеивается защитный экран и участники встречи покидают зал. Ему очень хотелось задержать адмирала. «Ваша мать принимала решения, не оглядываясь ни на какие комитеты, а уж что бы сказал ваш дед на предложение достичь консенсуса!» — мог бы сказать Троблум. Вместо этого он с недовольным вздохом вернул свои файлы в ячейку памяти. Встречаться с идолами всегда рискованно, слишком многие из них не соответствуют сложившимся в веках образам.

Младшая дочка разбудила Экспедитора, когда за окном только начинало светать. Малышка Роза опять решила, что пяти часов сна для нее вполне достаточно, и теперь сидела в кроватке, требуя внимания. И молока. Лежащая рядом с ним Лиззи пошевелилась, просыпаясь от глубокого сна. Экспедитор не стал дожидаться, пока жена откроет глаза, он выбрался из кровати и поднялся в детскую. Если не поторопиться, Тилли и Элси тоже проснутся, и тогда никто не сможет их утихомирить.

Вслед за ним в детскую вплыл робот-нянька — гладкий овал чуть больше метра высотой. Из-под его нейтрально-серого покрытия появилась бутылочка с молоком для Розы. Ни сам Экспедитор, ни Лиззи не решались доверить уход за ребенком машине, какой бы современной она ни была, поэтому он устроился в мягком кресле рядом с кроваткой, усадил малышку к себе на колени и начал поить ее из бутылочки. Роза с довольной улыбкой взяла в рот соску и заерзала, устраиваясь поудобнее. Робот выгащил трубку, подсоединенную к клапану подгузника, удалил ночную мочу и плавно вылетел из детской. Роза энергично помахала рукой.

— Да-даня, — протянула девочка и снова прильнула к бутылочке.

— До свиданья, — поправил ее Экспедитор.

Словарный запас семнадцатимесячной дочки быстро увеличивался. Бионические органы в ее клетках были практически не активны, они только производили себе подобных по мере роста девочки. Тщательные исследования показали, что для ребенка Высших до периода полового созревания лучше всего развиваться естественным путем. Лишь после этого следовало задействовать бионики, и одной из их функций было формирование тела по желанию хозяина. Сам Экспедитор до сих пор сомневался, что это хорошая идея. Неограниченная власть подростков над физиологическими процессами нередко приводила к серьезным ошибкам с тяжелыми последствиями. Сам он на всю жизнь запомнил, как в четырнадцать влюбился в семнадцатилетнюю девушку и попытался улучшить свои гениталии. В результате ему пришлось вынести пять весьма неприятных процедур в кабинете доктора, чтобы остановить их ненормальный рост.

Как только Роза наелась, Экспедитор понес ее вниз. Они с Лиззи жили в классическом доме георгианской эпохи в Холланд-парке — одном из центральных районов Лондона. Три года назад дом отреставрировали с применением самых современных технологий, чтобы сохранить древние материалы, не прибегая к стабилизирующему полю. После переезда Лиззи занялась интерьером и заполнила комнаты со вкусом подобранной мебелью и обслуживающими системами разных эпох — от середины XX века вплоть до XXVII, когда репликационные возможности АНС фактически остановили развитие дизайна. В здании были добавлены два подземных этажа, где расположился бассейн, спа-комплекс, а также

резервуары для воды и вспомогательное оборудование, снабжавшее кулинарный бокс и домашний репликатор.

Экспедитор принес Розу в оранжерею, построенную из стальных рам. В плетеных корзинах там лежали малышкины игрушки. Февральское утро уже разукрасило стекла сверкающими морозными узорами. Сейчас единственным ярким пятном в зимнем саду были цветущие зимой вишни на изогнутом берегу замерзшего пруда.

Часом позже, когда Лиззи спустилась в оранжерею, Экспедитор играл с Розой на теплом полу. Следом за матерью пришли семилетняя Тилли и пятилетняя Элси. Они весело поздоровались с младшей сестренкой, и Роза, раскинув ручки и что-то взволнованно лопоча на своем непонятном языке, бросилась им навстречу. Вскоре все трое начали строить башню из кубиков, и чем выше она поднималась, тем быстрее менялся ее цвет.

Экспедитор поцеловал Лиззи и дал команду кулинарному процессору приготовить завтрак. На кухне Лиззи села за круглый деревянный стол. Она была специалистом по древней культуре и оформила это помещение в старинном стиле как комнату, предназначенную для приготовления еды. Десять лет назад, сразу после переезда, Лиззи даже поставила здесь массивную чугунную плиту, хотя никакой необходимости в ней не было. Зато зимой ее уютное тепло превращало кухню в главную комнату в доме, так что здесь собиралась вся семья. Иногда Лиззи применяла плиту по назначению, используя ингредиенты из кулинарного бокса. Последним ее шедевром стал именинный пирог на день рождения Тилли.

— Сегодня у Тилли занятие по плаванию, — сообщила Лиззи, прихлебывая чай из большой китайской чашки, поданной домашним роботом.

— Опять? — удивился он.

— Она становится более уверенной в воде. У детей очень хороший учитель.

— Отлично. — Экспедитор взял с тарелки рогалик и разломил его. — Девочки, — крикнул он. — Пора завтракать. И приведите, пожалуйста, Розу.

— А она не хочет, — тотчас ответила Элси.

— Не заставляйте меня за вами ходить. — Он постарался избежать взгляда Лиззи. — Я уезжаю на несколько дней.

— Что-то интересное?

— Поступил сигнал, что некоторые компании на Оронсае получили в свое распоряжение репликаторы третьего уровня, — сказал он. — Я должен протестировать их продукты.

В настоящее время он работал в отделе наблюдения за распространением во Внешних мирах технологий Высших. Правительства Внешних миров относились к этому вопросу крайне серьезно, и кое-кто из самых жестких политиков Протектората называл происходящее первой стадией культурной колонизации, заслуживающей расплаты. Но предприниматели Внешних миров, стремясь снизить себестоимость продукции, постоянно внедряли все новые и более сложные производственные линии. Высшие-радикалы с готовностью предоставляли им такую возможность, но называли это иначе: первой стадией приобщения к культуре. Главной задачей Экспедитора было принять объективное решение. Технология Высших неизбежно распространялась из Центральных миров — точно так же, как Внешние миры всегда заселяли новые планеты, расположенные на окраинах их территорий. Граница между Центральными и Внешними мирами была в лучшем случае не до конца определенной, при этом некоторые Внешние миры открыто поддерживали идею

перехода в статус Высших. В решениях определяющую роль в большинстве случаев играло расположение планет. Расстояние от Оронсая до Центральных миров составляло больше сотни световых лет, и потому считать случившееся обычной утечкой информации было бы непростительной небрежностью. Если репликаторы появились даже там, значит, поработали радикалы или подсуежилась какая-то особо алчная компания.

Лиззи слегка приподняла бровь.

— В самом деле? И что же там за продукция?

— Компоненты космических кораблей.

— Сейчас это, похоже, весьма прибыльное занятие.

Он по достоинству оценил ее сдержанное одобрение. В последние дни множество представителей судостроительных компаний поспешили на Эллезелин в надежде заключить сделку с новым Пастырем клириков.

Девочки прибежали в кухню и расселись за столом. Роза вскарабкалась на плюшевый грибок, изготовленный в XXV веке и служивший ей детским стульчиком. Шляпка мягко изогнулась, обхватывая ее тело и не давая упасть, а потом гриб начал расти, пока девочка не приподнялась над столешницей. Оказавшись на одном уровне с остальными, она радостно захлопала в ладоши. Элси с серьезным видом пустила по столу чашку с медовыми хлопьями, и Роза ее перехватила.

— Смотри, не рассыпь, — строго приказала Элси.

Роза ответила ей довольным воркованием.

— Папа, ты телепортируешь нас сегодня в школу? — тоненьким просительным голоском спросила Тилли.

— Вам ведь известно, что я не стану этого делать, — ответил он. — И не просите.

— Ну, пожалуйста, папочка. *Пожалуйста!*

— Да, папочка, — подключилась Элси. — Телепортируй нас. Мне так нравится. Очень-очень.

— Я знаю, что тебе нравится, но вы поедете на автобусе. Телепортация. — это очень серьезно.

— Ты всегда говоришь, что школа — это серьезно, — немедленно воскликнула Тилли.

Лиззи тихонько рассмеялась.

— Тут другое... — начал он. — Ну, ладно. Вот что я вам скажу. Если вы будете вести себя хорошо — и только в этом случае, — я телепортирую вас в школу в четверг.

— Да, да!

Тилли захлопала в ладоши и подпрыгнула на стуле.

— Но вы должны быть очень хорошими девочками. Мама мне обо всем расскажет.

Обе дочери тотчас с улыбками повернулись к Лиззи.

После завтрака девочки ушли в ванную комнату, чтобы умыться и причесаться; Элси, как обычно, очень долго распутывала свои длинные рыжие волосы. Родители тем временем проверили файлы с домашними заданиями и убедились, что все выполнено. Робот-горничная приготовил сестрам школьную форму.

Через полчаса с неба к зеленой лужайке, где пару веков назад проходила дорога, спустился школьный автобус — длинная антиграв-капсула бирюзового цвета. Экспедитор вывел на улицу дочерей, надевших поверх красных курточек серые плащи, защищающие от холодного влажного воздуха. Он еще раз проверил, взяла ли Тилли купальный костюм, потом поцеловал девочек на прощанье и помахал рукой вслед быстро поднимавшемуся

автобусу. Совместная поездка в школу объединяла детей и в некоторой степени была частью обучения, поскольку школа представляла собой не что иное, как игровой развивающий центр. Настоящее образование дети получали позже, когда начиналась работа биоников. Но каждый раз вид исчезающего в туманном небе автобуса вызывал у Экспедитора всплеск эмоций. В Лондоне осталась всего одна школа, расположенная к югу от Темзы, в Далвич-парке. В городе с населением около ста пятидесяти тысяч человек больше и не требовалось. Даже среди Высших количество детей было ничтожно малым, но, с другой стороны, уроженцы Земли имели неограниченный резерв. С тех пор как Земля стала первым миром Высших, ее население неуклонно уменьшалось. В самом начале, когда бионики оказались общедоступными и АНС начала свою деятельность, средний возраст жителей был здесь самым высоким в Содружестве. Затем старшие представители передали свой разум в АНС, а более молодые, еще не готовые к переходу в постфизическое состояние, стали уезжать в Центральные миры, где жили до тех пор, пока не решали завершить биологическую жизнь. В результате на Земле осталось очень небольшое число людей с исключительно низким уровнем рождаемости.

Экспедитор и Лиззи, имевшие трех дочерей, были редким исключением. Но и брак свой они регистрировали тоже исключительным образом: церемония проходила в старинном соборе, в присутствии друзей, ставших свидетелями союза. На этом настояла Лиззи, древние традиции и ритуалы приводили ее в восхищение. Впрочем, не настолько, чтобы самой вынашивать детей, — их дочери развивались в резервуарах-утробах.

— Будь осторожен на Оронсае, — сказала Лиззи мужу, когда тот изучал свое отражение в зеркале ванной.

Он признавал, что его лицо скорее плоское, чем широкоскулое, а вокруг глаз, хмурился он или улыбался, все равно собирались морщинки, независимо от процедур против старения, проводимых по методике Высших или Прогрессоров. Гены Прогрессора дали ему курчавые светло-рыжие волосы, которые унаследовала Элси. Модификация биониками лицевых волосяных луковиц избавила от необходимости применять бритвенный гель дважды в сутки, но процесс оказался несовершенным, и раз в неделю ему приходилось осматривать лицо и наносить гель на отдельные участки, где была легкая щетина. Лиззи называла их «лужицами небритости».

— Я всегда осторожен, — заверил жену Экспедитор.

Он набросил новый плащ-костюм и подождал, пока ткань не приме нужную форму. Проявившийся цвет напоминал темный изумруд, пронизанный серебряными искрами. Очень стильно.

Лиззи, никогда не носившая одежды, изготовленной после XXII века, окинула его неодобрительным взглядом.

— Если ты направляешься так далеко от Центральных миров, тебе следует соблюдать особую осторожность.

— Я знаю. Обещаю, я буду начеку.

В подтверждение своих слов он поцеловал Лиззи, стараясь не обращать внимания на чувство вины, распространяющееся в голове, словно замедленный яд. Еще раз взглянув в зеркало, он убедился, что выражение его лица вполне искренне, но от этого стало только хуже. Невозможность рассказать Лиззи об истинной цели поездки его сильно огорчала.

— А вот здесь пропустил, — поддразнила она мужа, постучав пальчиком по его левой скуле.

Он уставился в зеркало и разочарованно застонал. Как и всегда, Лиззи была права.

Покончив со сборами, Экспедитор остановился перед женой, держащей на руках извивающуюся Розу. Он помахал им, запустил функцию полевого интерфейса и ввел координаты пункта назначения в открывшейся сетке телепорт–сферы Земли. Интегральное силовое поле мгновенно окутало его защитным коконом. Затем возникло неприятное ощущение чудовищной пустоты спектра перемещения. Он искренне ненавидел этот микросекундный промежуток неопределенности. Все биононики, усиливающие его чувства, свидетельствовали о том, что вокруг него ничего нет, даже остаточных квантовых признаков родной Вселенной. Отсутствие каких бы то ни было сенсорных сигналов растягивало мгновение до бесконечности.

Но вот вокруг проявились очертания «Иглз Харбор». Гигантская станция раскинулась в семидесяти километрах над южной Англией. Это была одна из ста пятидесяти одинаковых станций, поддерживающих телепорт–сферу Земли. Правление АНС построило их в форме гигантских летающих тарелок диаметром в три километра, но почти никто давно уже не обращал внимания на странность форм.

Экспедитор оказался в обширном зале приемника–распределителя в наружной части диска. Кроме него, здесь было еще два или три человека, и на его прибытие никто не обратил внимания. Прямо перед входом поднималась прозрачная изогнутая секция пола, позволяющая взглянуть на южную часть страны. Лондон оказался прямо внизу, медленно плывущие полосы тумана частично прикрывали его белой пеленой. В прошлый раз, когда они были здесь вместе с Лиззи и детьми, стоял солнечный день, и девочки, прижавшись к стеклу, слушали рассказ Лиззи об исторических местах и прославивших их событиях. Она говорила, что древний город стал примерно таким же по величине, каким был в середине XVIII века. С уменьшением численности жителей правление АНС решило, что не необходимости сохранять все опустевшие дома. Их возраст не всегда означал ценность для истории. Были сохранены древние памятники цивилизации и дома, которые сочли важными объектами архитектуры или культуры. А вот обширные пригороды... там стояли сотни и тысячи зданий всех видов и эпох. Большую их часть продали или просто раздали различным людям и организациям Великого Содружества, а то, что осталось, просто снесли.

Экспедитор бросил последний взгляд на окутанный дымкой город и ощутил болезненный укол вины. Но он никак не мог рассказать Лиззи о том, чем занимался на самом деле. Она хотела стабильности для их маленького семейства. И правильно делала.

Перед каждой командировкой он убеждал себя, что ничем не рискует. Почти. Ну, разве только чуть–чуть. Он надеялся, что, если что–то не получится, фракция сможет оживить его в новом теле и вернуть домой раньше, чем поднимется тревога.

Он отвернулся от Лондона и направился в противоположный конец полупустого зала к транзитным тоннелям. Один из них втянул его, словно трубка старинного пылесоса, и вытолкнул в центре «Иглз Хэвен», где находился терминал межзвездных червоточин. Немногочисленность пассажиров удивила Экспедитора — их было не больше, чем в другие дни. Он ожидал, что миграция Высших в АНС возрастет. Воплощенный Сон наверняка оживил политические движения во Внешних мирах. Центральные миры отнеслись к затее паломничества с обычным для них равнодушием, но и там, судя по количеству людей, объединившихся ради выражения своего мнения, политические силы не остались в стороне.

Никто не сомневался, что после избрания Этана Пастырем клириков фракции АНС начали отчаянно манипулировать, стараясь добиться преимущества и сформировать Великое

Содружество в соответствии с собственными представлениями. Кто из них имел шансы выиграть, Экспедитор сказать не мог: фракций насчитывалось слишком много, а их внутренние союзы были слишком неустойчивыми, если не сказать — вероломными. Уже давно поговаривали, что фракций в АНС ровно столько, сколько в ней постфизических личностей, и Экспедитор ни разу не имел повода в этом усомниться. Их направления варьировались от желания изолировать и игнорировать людей в физических телах (вплоть до экстремистских призывов их уничтожить) до стремления поднять всех представителей человечества, будь то члены АНС или физически существующие личности, до божественного уровня.

Экспедитор отправлялся в командировки по поручению обширного альянса консервативного направления: его члены считали, что обществу надо предоставить возможность развиваться естественным путем, вот только о том, как этого достичь, они спорили постоянно и яростно. Собственные взгляды Экспедитора в общих чертах совпадали с мнением фракции, и потому он выполнял задания. Когда через пару столетий он решит произвести загрузку в АНС, то, вероятно, присоединится именно к этой ячейке. А пока он стал одним из ее неофициальных посредников с физическим сектором Содружества.

Станционный терминал представлял собой простой сферический зал, в центре которого был установлен шар диаметром пятьдесят метров, светящийся переливчатым фиолетовым сиянием излучения Черенкова, характерного признака экзотической материи, поддерживающей стабильность червоточины. Экспедитор шагнул в мерцающую стену фотонов и тотчас вышел в похожем сферическом зале на Сент-Линкольне. Эта давно заселенная планета с развитой промышленностью до сих пор была основной производственной базой для Центральных миров и, кроме того, поддерживала статус основного узла местной сети червоточин. Экспедитор выбрал транзитный тоннель, ведущий на Литам — самый дальний от Земли Центральный мир. Выход был закреплен на территории местного космопорта. Древняя сеть червоточин соединяла между собой только Центральные миры. Внешние миры слишком дорожили своей культурной и экономической независимостью и потому отвергали непосредственную связь с Центром. Они предпочитали обходиться немногочисленными рейсами космических кораблей.

Двухместная капсула ждала Экспедитора у выхода, чтобы доставить к кораблю. Она скользнула в проход между двумя длинными рядами посадочных площадок, где стояли космические суда. Они были самых разных размеров, от тонкого, словно игла, частного прогулочного крейсера до стометровых лайнеров, способных обслуживать коммерческие маршруты протяженностью до сотни световых лет. Большая часть кораблей была оснащена гипердвигателями; владельцы самых крупных предпочитали генераторы непрерывных червоточин — они не обеспечивали больших скоростей, но на малых расстояниях оказывались более экономичными. Грузовые корабли на стоянке отсутствовали, поскольку Литам стал планетой Высших и в импорте потребительских товаров не нуждался.

«Бестия» отыскалась почти в самом конце ряда. Удивительно короткий, блестящий хромом пурпурный эллипсоид высотой около двадцати пяти метров стоял на пяти приземистых шаровидных опорах, державших корпус в трех метрах над полом. Гладкая непроницаемая поверхность не давала ни малейшего намека на содержимое. Судно выглядело как любой другой корабль с гипердвигателем, принадлежащий состоятельному частному лицу, компании Внешнего мира или Совету Высших, наделенному дипломатическими привилегиями. В задней части площадки возвышалась нескладная

металлическая установка; два тонких шланга тянулись к вспомогательному люку, наполняя резервуары синтеза необходимыми химикатами.

Экспедитор, отослав капсулу обратно в приемный зал, прошел под корабль. Юз–дубль связался с интеллектуальным центром корабля, заверил личность пассажира, и после проверки процессуального кода и ДНК интел–центр признал его право на управление. В основании корабля открылся люк — выемка в поверхности, которая затем втянулась, превратившись в темный тоннель. Сила тяжести вокруг уменьшилась, а затем и вовсе стала отрицательной, подняв Экспедитора над полом. Он проник в единственную кабину в середине корабля. В пассивном состоянии она представляла собой полусферу из темной материи, пружинящей при прикосновении. Узкие полосы в верхней ее части давали тусклый голубоватый свет, позволявший осмотреться по сторонам. Люк под ногами закрылся. Ощущение мощности, скрытой за переборками, вызвало у Экспедитора улыбку. Корабль, словно живое существо, обволакивал его, отвергая все знания и опыт представителя Высшего общества. Он радовался открывшейся возможности улететь на другой конец Галактики — свободе в наивысшем ее проявлении.

Девочкам бы очень понравился такой полет.

— Предоставь мне сиденье, — обратился он к интел–центру, — зажги огни и активируй функцию полетного контроля.

Из пола сформировалось кресло, компенсирующее ускорение, полосы наверху стали ярче, на стенах проявился сложный узор черных линий. Экспедитор сел. Развернувшиеся экзобразы показали ему состояние систем корабля. Юз–дубль связался с диспетчерской космопорта, получил разрешение на старт и проложил маршрут до Эллезелина, находящегося на расстоянии двухсот пятнадцати световых лет. Топливные шланги подтянулись к установке.

— Поехали, — скомандовал Экспедитор интел–центру.

Антигравитационная установка начала поднимать «Бестию», но внутри кабины благодаря компенсационным генераторам сила тяжести не изменилась. На высоте пятидесяти километров, предельной для антигравитационных установок, интел–центр переключился в режим инверсной гравитации, и корабль начал ускоряться, удаляясь от планеты. Экспедитор тем временем начал экспериментировать с внутренним устройством кабины, выдвигая из переборок стены и мебель. Черные линии меняли очертания, вариантов было великое множество, вплоть до душевых и отдельных спальных мест для шести пассажиров. Но при всей пластичности кабины в базовом варианте она представляла собой одну большую комнату. «Если путешествовать вдвоем, не говоря уж о пяти попутчиках, надо подбирать очень хорошего друга», — решил Экспедитор.

В тысяче километров от космопорта «Бестия» перешла на сверхсветовую скорость и с фотонным взрывом, втянувшим все блуждающие электромагнитные заряды в радиусе километра от корпуса, скрылась в разрыве квантового поля. Никаких различий обычные человеческие органы чувств не уловили, с таким же успехом Экспедитор мог находиться и в подземном укрытии, даже гравитация ничуть не изменилась. Сенсоры разворачивали перед ним упрощенную схему маршрута по отношению к значительным по массе телам и обозначали звезды и планеты там, где наблюдались квантовые искажения пересекающихся полей, сквозь которые пролетал корабль. Начальная скорость установилась на отметке в пятнадцать световых лет в час — предел скорости для кораблей с гипердвигателями, которые можно было отследить при помощи комплексной системы наблюдения Литамы на

расстоянии двух световых лет.

Экспедитор выждал, пока корабль не удалится на три световых года от планеты, и тогда дал команду снова увеличить скорость. Ультрадвигатель разогнал «Бестию» до феноменальных пятидесяти пяти световых лет в час. Этого было вполне достаточно, чтобы Экспедитор вздрогнул. До сих пор ему дважды довелось путешествовать на кораблях с ультрадвигателями; таких судов было не слишком много, поскольку АНС не поощряла развитие технологий в Центральных мирах. Откровенно говоря, Экспедитор даже остерегся бы спрашивать, каким образом фракции Консерваторов удалось завладеть подобной машиной.

Двумя часами позже он уменьшил скорость до пятнадцати световых лет в час, тем самым позволив системе контроля движения Эллезелина обнаружить его приближение в гиперпространстве. Через трансмерный канал он связался с информационной сетью планеты и запросил посадку в космопорте Риази.

Первоначальная столица Эллезелина располагалась на северном побережье Синканга, по обоим берегам реки Камоа. Экспедитор успел рассмотреть город, пока «Бестия» спускалась к главному космопорту. Улицы столицы образовывали сетку, похожую на паутину, в центре которой стояло здание парламента планеты. Оно осталось здесь живописным нагромождением башен и контрфорсов, выполненных как из древних, так и из современных материалов, а правительство давно переехало в Маккатран-2. Следом потянулись и высшие чиновники со своими департаментами, что повлекло за собой миграцию торговли и промышленности. В Риази теперь остался только транспортный сектор. В комплексе космопорта были расположены все червоточины, соединяющие Эллезелин с планетами зоны Свободного Рынка, что превращало его в крупнейший транспортный узел во всем секторе.

«Бестия» приземлилась на площадку, почти не отличающуюся от той, с которой стартовала всего три часа назад. Экспедитор неотслеживаемой монетой-кредиткой уплатил за стоянку в течение месяца, но от заправки отказался. Юз-дубль вызвал ему капсулу-такси. Еще до прихода машины поступил вызов от фракции Консерваторов:

«На Эллезелине заметили Мария».

Экспедитор вздрогнул — уже второй раз за день.

— Я полагаю, этого следовало ожидать. Вам известно, зачем он приезжал?

«Чтобы поддержать Пастыря клириков. Но в чем именно состоит эта поддержка, нам пока неизвестно».

— Понятно. Он здесь, на территории космопорта? — нехотя спросил Экспедитор.

Он не был активным агентом, но биононики обеспечивали его функциями поля, которые могли помочь в случае агрессивных действий. Скорее всего, они не уступают оснастке Мария. Впрочем, агрессии вряд ли стоит ожидать. Агенты фракций просто не в состоянии разрешить свои споры физическими действиями. Это ничего не дает.

«Мы считаем, что такое маловероятно. Он посетил Пастыря клириков через час после избрания, а затем исчез из поля зрения. Мы предупреждаем тебя об этом просто на всякий случай, чтобы ты был осторожен. Мы считаем, что фракции Ускорителей не стоит знать о наших делах больше, чем мы знаем об их действиях. Уезжай сразу, как только это будет возможно».

— Понял.

Капсула-такси довезла его до огромного пассажирского терминала космопорта.

Экспедитор зарегистрировался на рейс «Единых трансзвездных линий Содружества» до Акимиски, ближайшей к Центральным мирам планеты. Все время, что Экспедитор провел в зале ожидания, он не выключал сканер, отыскивая Мария в огромном терминале. Когда сорок минут спустя пригласили на посадку, он так и не обнаружил ни Мария, ни какого-то другого агента Высших.

Экспедитор вошел в свое купе первого класса, испытывая немалое чувство облегчения. Через пятнадцать часов космический корабль с гипердвигателем доставит его на Акимиски. Оттуда он ненадолго съездит на Оронсай, чтобы подтвердить свою легенду. Если все сложится удачно, он вернется на Землю уже через два дня. Это будет конец недели, и они с Лиззи смогут свозить девочек в южный заповедник Новой Зеландии. Детям понравится.

Бар «Любимый» занимал весь третий этаж круглой башни в Аббатском районе Маккатрана-2. Как и следовало ожидать, в Маккатране в таком же здании на третьем этаже тоже имелся бар. Если судить по снам Иниго, мебель здесь стояла получше, а еще тут было светлее и чище — в оригинале грязь лежала буквально повсюду. В баре в основном собирались верующие, слегка разочарованные немногочисленностью своей общины по сравнению с многолюдными метрополиями Великого Содружества. Кроме того, тут был лучший выбор напитков, если сравнивать с прототипом.

Аарон предполагал, что именно это обстоятельство снова и снова и привлекало сюда бывшего советника, достопочтенную Корри-Лин. Уже третий вечер подряд он сидел за маленьким угловым столиком и наблюдал, как она у стойки поглощает внушительные дозы спиртного. Благодаря стройной фигуре она казалась выше, чем на самом деле, но крупной женщиной назвать ее было нельзя. Матовую кожу лица, особенно на лбу, усеивали бесчисленные веснушки, а таких темно-рыжих волос Аарон не видел больше ни у кого. В зависимости от освещения они казались то блестяще-черными, то искристо-оранжевыми. Волосы были коротко подстриженными и такими густыми, что ложились вокруг изящного личика крупными завитками, придавая женщине вид порочного подростка. На самом деле ей было триста семьдесят лет. Аарон знал, что Корри-Лин не принадлежала к Высшим, и полагал, что перепить любого самоуверенного парня, оказавшегося поблизости, ей помогает только превосходный метаболизм Прогрессора.

За этот вечер уже четвертый верующий подошел к Корри-Лин попытать удачи. В конце концов, добрые обитатели Маккатрана активно занимались здоровым сексом, Сидевшие у окна приятели с ухмылками и негромким хихиканьем наблюдали, как их товарищ уселся на свободный табурет рядом с Корри-Лин. На ней не было официального одеяния клирика, иначе верующий не осмелился бы подойти ближе чем на десять метров. Простое темнокрасное платье с разрезами под мышками, обнажавшими значительные участки тела, подогрело храбрость парня. Корри-Лин без комментариев выслушала вступительную часть его речи, кивнула в ответ на его предложение оплатить ее выпивку и жестом подозвала бармена.

Аарон жалел, что не может оттащить парня. Это постыдное зрелище он наблюдал за несколько последних вечеров уже не один раз. Бармен подошел к ним с двумя тяжелыми стопками и запотевшей бутылкой адлиерской «Золотой водки № 88». Доставленная с Витчана, она не имела никакого отношения к настоящей земной водке, кроме разве что тяжелых последствий. Этот продукт изготавливали из сезонного вина Адлиера, превращая его в напиток, на семьдесят процентов состоящий из спирта и содержащий восемь процентов мощного наркотика трицетолена. Бармен наполнил обе стопки и оставил

бутылку.

Корри–Лин приветственным жестом приподняла свой стакан и осушила его одним глотком. Окрыленный надеждой парень последовал ее примеру. Едва он успел поморщиться от ледяного холода, обжегшего глотку, Корри–Лин снова наполнила обе стопки. И подняла свою. Парень, хотя и не слишком охотно, сделал то же самое. Она снова залпом проглотила напиток.

За столиком у окна послышался смех. Парень все же сумел влить в себя очередную порцию. На глазах у него выступили слезы, а плечи передернулись от невольной дрожи, как будто он сдерживал кашель. Корри–Лин с механической точностью отмерила обоим по третьей порции. И залпом выпила свою. Парень с отвращением махнул рукой и попятился, несмотря на издевательские насмешки своих дружков. Аарон ничуть не удивился; прошлым вечером один из таких ухажеров, прежде чем потерпеть обидное поражение, влил в себя пять порций спиртного.

Корри–Лин толкнула бутылку по стойке, и бармен ловко ее подхватил, а затем вернул на полку. А женщина, поставив локти на стойку и глядя в пустоту, вернулась к своему бокалу пива.

Аарон уже давно понял, что соблазнить эту женщину будет нелегко. У него есть только один шанс, и, если им не воспользоваться, придется потерять еще несколько дней, чтобы найти другой подход. Он встал из–за стола и решительно шагнул вперед. Вблизи он ощутил эмиссию ее сознания в Гея–сферу, уменьшенную до минимума. Его как будто коснулось леденящее дыхание полярного воздуха, вызвавшее дрожь во всем теле; ее силуэт в эфирном поле зиял чернотой межзвездной пустоты. Одно только это заставило бы помедлить большинство людей, не говоря уж об испытании «Водкой № 88». Аарон сел на освободившийся после отступления парня табурет. Рассеянный взгляд женщины пренебрежительно скользнул по его дешевому костюму.

Аарон подозвал бармена и заказал пиво.

— Надеюсь, вы простите меня, если я пропущу ритуальную выпивку, — заговорил он. — Я здесь не для того, чтобы пытаться залезть вам в трусы.

— Стринги.

Не глядя на него, она сделала большой глоток пива.

— Э... что?

Такого ответа он не ожидал.

— В мои стринги.

— Я неожиданно ощутил желание быть посвященным в вашу религию.

Она усмехнулась своим мыслям и крутанула стакан с пивом.

— Ты не слишком торопишься, а ведь уже несколько дней здесь ошиваешься.

Перед ним появился бокал с пивом, и Корри–Лин неожиданно поменяла его на свой, полупустой бокал.

Аарон махнул бармену. Еще пива. Два бокала.

— Это не религия, — возразила Корри–Лин.

— Конечно, нет, я сказал глупость. Одеяния священников. Поклонение пропавшему пророку. Обещание спасения. Пожертвование денег на городской храм. Предстоящее паломничество. Прошу прощения, но ошибиться не трудно.

— Еще немного таких разговоров, чужестранец, и ты еще до рассвета полетишь головой в ближайший канал.

— С головой или без головы?

Корри–Лин наконец повернулась и серьезно посмотрела на него. Ее усмешка была вполне под стать порочной внешности.

— Во имя Великой Вселенной Оззи, чего ты добиваешься?

— Собираюсь тебя обогатить.

— Зачем это тебе?

— Так я и сам смогу стать богаче.

— Я не сильна в банковских аферах.

— Да, вряд ли такому учат в приходской школе.

— Священники учат хранить веру. Мы можем взять тебя на небеса, можем даже позволить взглянуть на то, что тебя там ждет.

— Как раз это нам и нужно.

— Нам?

— «Дальний чартер». Как мне кажется, ваша не–религия в данный момент нуждается в космических кораблях, советник Эмеритус.

Корри–Лин рассмеялась.

— Да ты опасен, не так ли?

— Никакой опасности, просто хочу быть богатым.

— Но я уже на пути к нашему раю в Бездне. Зачем мне нужны деньги Содружества?

— Деньгами пользовался даже Идущий–по–Воде. Но я не намерен обсуждать с тобой этот вопрос. Впрочем, как и любой другой. Я только хочу сделать предложение. У тебя есть необходимые мне связи, хотя, насколько мне известно, в данный момент у тебя не слишком хорошие отношения с бывшими коллегами из Совета клириков. Это может подтолкнуть к изменению убеждений в ту или иную сторону. Я правильно говорю, Советник Эмеритус?

— К чему такие формальности? Смелее, скажи, что я попала в черный список. Все так и делают.

— Клоуны из унисферы рады прилепить ярлык на каждого из нас. Но это еще не значит, что у тебя не найдется парочки имен, которые могли бы мне пригодиться. — Он постучал пальцем по виску. — Я подозреваю, во Дворце тебя еще достаточно уважают, чтобы и для меня открылись кое–какие двери. Разве не так?

— Возможно. А как тебя зовут?

— Аарон.

Корри–Лин фыркнула в пиво.

— Верхняя строчка, да?

— Первый в списке, советник Эмеритус. Позволь мне пригласить тебя поужинать. А уж тогда ты решишь, послать меня подальше или дать код своего счета, чтобы я смог его пополнить. Не спеши с решением.

— Не буду.

«Дальний чартер» был официально зарегистрированной на Фалноксе компанией. Любой, кто захотел бы выяснить детали ее деятельности, мог без труда узнать, что компания предоставляла услуги по грузовым перевозкам между семью Внешними мирами. Деятельность не слишком активная, но достаточно прибыльная, чтобы содержать штат из тридцати человек. К счастью для Аарона, это была довольно обычная вывеска, за которой он мог скрыться в случае необходимости. Он не знал, кто основал компанию. И не интересовался этим. А если организация окажется реальной, ей нелегко будет свести концы

с концами из-за его непредвиденных трат. Он уже третий вечер подряд кормил и поил Корри-Лин — особенно поил. Но и закуской служили самые изысканные блюда в пятизвездочном ресторане. Ей нравилось ужинать у Бертрана, в Большом Маккатране; но сравнению с этим рестораном отель «Бэкингом» выглядел ночлежкой для бродяг. Аарон подозревал, что женщина испытывает его, но, судя по ее состоянию в конце каждого ужина, Корри-Лин и сама не могла прийти ни к какому решению.

Впрочем, одевалась она великолепно. Сегодня на ней было простое черное платье для коктейлей, а из-под его короткой юбки струилась туманная оборка, соблазнительно извивавшаяся каждый раз, когда Корри-Лин закидывала ногу на ногу. Они сидели за столиком, стоящим в абсолютно прозрачном алькове семьдесят второго этажа, откуда открывался ничем не загораживаемый вид на ночной город. Прямо под ногами Аарона по своим строго определенным маршрутам мелькали капсулы, и их бесчисленные огоньки сливались в светящиеся потоки. После того как прошел первый приступ головокружения, от которого даже ослабели ноги, Аарон начал восхищаться великолепным зрелищем. Ужин из семи блюд вызывал не меньший восторг. Каждое сопровождалось бутылкой вина, специально подобранного шеф-поваром. А наполнявший бокалы официант быстро понял, что Корри-Лин одной порции мало, после чего стал просто оставлять на столе бутылку.

— Он был удивительным человеком, — произнесла Корри-Лин после того, как расправилась с шоколадно-вишневым тортом.

Она опять выбрала свою любимую тему — ее даже не надо было просить говорить об Иниго.

— Тот, кто сумел за какие-то два столетия организовать движение вроде Воплощенного Сна, не может не быть выдающейся личностью.

— Нет, не то. — Корри-Лин пренебрежительно взмахнула своим бокалом. — Дело не в этом. Если бы сны явились тебе или мне, движение все равно бы возникло. Сны воодушевляют людей. Каждый сам видит, как прекрасна и проста жизнь в Бездне, как можно ее улучшить, несмотря на свою усталость и глупость, и не важно, сколько это займет времени. Но все оно доступно только в Бездне, так что, если ты всем пообещаешь обеспечить туда переезд, ты не сможешь набрать целую армию последователей, не так ли? Это неизбежно. Но я говорю о нем самом. Он был сама неподкупность. Такая редкость! Любой, получив власть, не преминет этим воспользоваться. Я бы так и сделала. Этан наверняка так поступит.

Она вылила остатки портвейна с Митана, выдержанного две с половиной сотни лет, в не менее древний хрустальный бокал.

— Вот поэтому Иниго установил в движении порядок, похожий на устав монашеского ордена. Нет, секс никто не запрещал, — хихикнула она. — Просто нельзя извлекать выгоду из своего положения, каждый должен крутиться на своем уровне.

— До сих пор все как обычно.

— Я, конечно, была не самой достойной. Мы с Иниго такое творили... Ты, наверное, слышал об этом?

— Кажется, ты сама упоминала о ваших отношениях.

— Конечно, ты все знал, потому и запал на меня.

— Это совсем не то, что ты думаешь, Корри-Лин.

— Стройная и подтянутая. — Она провела языком по губам. — С этим ты согласен?

— Полностью согласен.

Честно говоря, он даже не хотел признавать, насколько она была привлекательной. Но малейшие признаки сексуального влечения, даже если они у него и возникали, уничтожались ее пьянством. Каждый вечер, примерно через час после начала ужина, ее общество переставало быть приятным.

Корри–Лин улыбнулась, окинув взглядом свое платье.

— Да, я такая. И мы... Мы славно повеселились. Могу сказать, у него были и другие женщины. Клянусь Оззи, миллиарды женщин с радостью бы сорвали одежду по малейшему его знаку, и многие хотели родить от него детей. Мне все это тоже нравилось. Проклятье, Аарон, рядом с некоторыми из них я выглядела настоящим пугалом.

— Мне кажется, ты называла его неподкупным.

— Он и был неподкупным. Он не получал никакой выгоды. Но он человек. И я тоже. Общее дело. Видение. Он оставался верен всему этому, он передавал нам сны Бездны. Он верил, Аарон, он искренне верил в то, что видел. Бездна действительно самое лучшее для всех нас место. Он и меня заставил в это поверить. Я всегда оставалась его преданным последователем. У меня была *вера*. Только позже я встретила с ним лично, убедилась в его преданности делу и стала настоящим проповедником. — Она допила портвейн и откинулась на спинку кресла. — Я фанатик, Аарон. Настоящий фанатик. Потому–то Этан и вышвырнул меня из Совета. Ему не нужна старая гвардия, не нужны искренние верующие. Так что, мистер, оставь при себе этот проклятый покровительственный тон. Ты ублюдок, и мне плевать, что ты думаешь, от твоих заумных слов меня тошнит. Ты не верующий, а значит, ты зло. Держу пари, ты не испытал ни один из снов. И это твоя ошибка, потому что сны — пророческие. Бездна — рай для людей.

— Может быть, и рай. Но нельзя знать наверняка.

— Опять! — Она ткнула пальцем в его сторону, явно не в силах сфокусировать взгляд. — И так каждый раз. Заумные речи. Ты не настолько глуп, чтобы мне возражать, нет, но зато заставляешь читать тебе проповедь. Сам напрашиваешься, чтобы я тебя спасала.

— Ты ошибаешься. Все дело в деньгах.

— Ха!

Она взяла со стола опустевшую бутылку и сердито нахмурилась.

Аарон колебался. Он так и не сумел определить, насколько она себя контролирует. Но решил рискнуть.

— Ладно, если уж спасение ожидает нас в Бездне, почему он исчез?

Результат оказался совершенно для него неожиданным. Корри–Лин начала всхлипывать.

— Я не знаю! — взвыла она. — Он нас бросил. Бросил всех. О, Иниго, где же ты? Куда ты ушел? Я так тебя любила.

Аарон разочарованно застонал. Тихий ужин превратился в настоящий спектакль для публики. Ее рыдания становились все громче. Он поспешно позвал официанта и пересел, чтобы загородить Корри–Лин от остальных посетителей.

— Перестань, — пробормотал он. — Пойдем отсюда.

На тридцатом этаже имелась посадочная площадка, но ему захотелось глотнуть свежего воздуха, и Аарон напрямик направился к лифту, откуда они попали в вестибюль небоскреба. Бульвар за дверью был почти пуст. Узкую дорогу, идущую посередине, едва ли не полностью скрывали высокие раскидистые вечнозеленые деревья. Широкие тротуары освещались тонкими сияющими арками.

— Ты считаешь меня привлекательной? — промямлила Корри–Лин, после того как он уговорил ее пройтись.

За небоскребом раскинулись кварталы жилых домов, окруженных вертикальными садами. Местные ночные птицы бесшумно падали вниз и проносились сквозь арки. Теплый воздух был пропитан морским озоном и влагой.

— Ты очень привлекательная, — заверил ее Аарон.

Он подумывал, не предложить ли ей детокс–аэрозоль, прихваченный специально на такой случай. Проблема была в том, что пьяные в таком состоянии не желают слишком быстро трезветь, а Корри–Лин еще и отягощало ее горе.

— Тогда почему ты не пытаешься ко мне приставать? Из–за выпивки? Тебе не нравится, что я пьяная?

Она отшатнулась, чтобы посмотреть на него, и с трудом удержалась на ногах. В глазах у нее стояли слезы, из–под расстегнутого легкого пальто выглядывало платье для коктейлей, и женщина казалась не столько привлекательной, сколько глубоко несчастной.

— Сначала бизнес, потом удовольствия, — произнес Аарон, надеясь, что это заставит ее заткнуться.

Надо было вызвать такси на платформу небоскреба. Корри–Лин, словно наконец–то уловив его раздражение, быстро повернулась и зашагала по тротуару.

Впереди, примерно в пяти метрах, появилась фигура человека в цельном комбинезоне, с которого еще стекали остатки черной маскирующей пелены. Аарон, воспользовавшись функциями собственного поля, произвел круговое сканирование. Еще два человека, на ходу сбрасывая маскировку, приближались сзади. Боевая подпрограмма немедленно активировалась и оценила обстановку. Человеку впереди было присвоено обозначение «Первый». Его старшинство в группе определилось с вероятностью восемьдесят процентов. Подчиненные получили обозначения «Второй» и «Третий». Экзообраз ближайшего окружения показал, что их тела буквально светятся от различных усовершенствований. Аарон, как ни странно, частично расслабился: их нападение не оставляет ему выбора. А в таком случае возможен только один вариант. Теперь он просто ждал, пока кто–то из них не предоставит ему удобный случай поразить цель.

Корри–Лин удивленно моргнула, увидев приближающегося мужчину, и прижала к груди маленькую красную сумочку.

— Я тебя не видела. Откуда ты взялся?

— Вы не слишком хорошо выглядите, ваша честь, — откликнулся Первый. — Почему бы вам не пройти с нами?

Корри–Лин прижалась к Аарону, уменьшив его способность к боевым действиям примерно на треть.

— Нет, — протянула она. — Нет, я не хочу.

— Вы компрометируете Воплощенный Сон, ваша честь, — настаивал Первый. — Разве это понравилось бы Иниго?

— Я вас знаю, — сердито пробормотала она. — Я никуда с вами не пойду. Аарон, не бросай меня. Пожалуйста.

— Никто никуда не пойдет против собственной воли.

Первый даже не взглянул на него.

— Ты. Заткнись. Если, черт побери, хочешь договориться с советником о торговой сделке, советую не глупить.

— Ага, теперь все понятно, — благодушно ответил Аарон. — Какой я глупый, не могу себе позволить увеличение IQ. Теперь таким и останусь.

Второй и Третий уже были совсем близко. Они оба одновременно вытащили небольшие пистолеты. Боевая система Аарона опознала в них гель-ружья. Это летальное оружие ближнего боя, изобретенное полтора века назад, применялись исключительно для поражения плоти. Ускорители уже разгоняли его нейроны, уменьшая время реагирования. Энергетические потоки биоников синхронизировались с ними и повышали скорость физического отклика. Эффект затрагивал и ментальное восприятие, так что Аарон легко мог предсказать, что произойдет, раньше, чем Первый закончил фразу.

— Что ж, мне тебя жаль.

Первый послал своим подчиненным короткое сообщение, которое Аарон перехватил. Это был простой код, его даже не пришлось расшифровывать. Оба помощника подняли пистолеты. Боевая программа Аарона уже привела его тело в движение. Он развернул Корри-Лин, а сам нагнулся. Меньше чем через секунду воздух, где только что была его голова, пронзил огненный заряд. Луч ударил в каменную стену, выбив облачко бетонной пыли. Нога Аарона стремительным взмахом ударила Третьего в колено. Скорости и силы его броска хватило, чтобы преодолеть защитное поле. Колено звонко хрустнуло и выгнулось в обратную сторону; Третий далеко отлетел и упал на бок. Энергетический поток Аарона сформировался в мощный разрушительный импульс, направленный в Первого. Тот отлетел на шесть метров и с глухим стуком ударился о садовую ограду. Деформированное силовое поле обрисовало тревожный красновато-фиолетовый ореол, и его поразили еще несколько деформирующих импульсов Аарона, буквально пригвоздивших беднягу к стене. Спина Первого выгнулась под ударами, его защитное поле было почти пробито.

Второй размахивал пистолетом, стараясь поймать цель, метавшуюся с нечеловеческой быстротой. Но его усиленные сенсоры улавливали лишь размытое пятно. Цель поймать так и не удалось; рука Аарона, материализовавшаяся из туманного пятна, нанесла рубящий удар по горлу, пробив защитное поле. Раздался щелчок сломанных позвонков, и труп взлетел в воздух. Аарон тем временем успел выхватить гель-ружье из руки Второго, вывернув его пальцы, так что они противно хрустнули. На разворот Аарону потребовалась ничтожная доля секунды. Его силовое поле распласталось по земле, словно якорь, погасив инерцию, так что он остановился мгновенно. Оружие нацелилось в голову Первого. Оглушенный ударами, он с трудом поднялся на ноги. Из разбитых пальцев на тротуар закапала кровь, а его ошеломленный взгляд остановился на дуле ружья.

— Кто они? — крикнул он Корри-Лин, все еще лежавшей на влажной траве. Женщина растерянно посмотрела на Первого. — *Кто?* — потребовал Аарон.

— Они... полицейские. Это капитан Мэнби, особый отряд охраны.

— Все верно. — Мэнби поморщился от боли. — Так что брось-ка оружие. Ты и так по самую шею в дерьме, не видать тебе больше Вселенной.

— Присоединяйся.

Аарон перевел пистолет в режим непрерывного излучения и нажал на курок. К залпу он добавил еще и импульс собственного поля. Защитное поле Мэнби продержалось около двух секунд, а затем рухнуло. Гель-заряд ударил в незащищенное тело. Аарон повернулся и еще раз выстрелил, окончательно разрушив поле Третьего.

Ошметки окровавленной плоти от обоих тел забрызгали траву. Корри-Лин судорожно закашляла, отплеывая рвоту. А когда Аарон резко дернул ее за руку, заставляя подняться,

она захныкала, словно раненый котенок.

— Нам надо уходить, — закричал он. Она отдернула руку. — Пошли, быстро!

Его юз-дубль уже вызывал такси.

— Нет, — захныкала она. — Нет, нет. Они не... ты их просто убил. Ты убил их.

— Ты понимаешь, что это такое? — громко зарычал он. Его энергичный сердитый голос только усиливал ее растерянность. — Ты понимаешь, что произошло? Понимаешь? Это отряд убийц. Этан хочет твоей смерти. Безвозвратной смерти. Тебе нельзя здесь оставаться, они тебя достанут. Корри- Лин! Я смогу тебя защитить.

— Меня? — всхлипнула она. — Они преследовали меня?

— Да. А теперь, пойдём, здесь небезопасно.

— О великий Оззи...

Он грубо встряхнул ее.

— Ты меня понимаешь?

— Да, — прошептала она.

Женщина дрожала всем телом, и Аарон понимал, что она в шоке.

— Хорошо. — Он направился к спускающемуся такси, почти волоком таща ее за собой.

И с трудом удерживался от улыбки. Он не мог достичь лучшего результата, даже если бы тщательно спланировал этот вечер.

ПЕРВЫЙ СОН ИНИГО

Эдеард проснулся, и расплывчатые воспоминания о сне тотчас улетучились. Каждое утро происходило одно и то же. Как бы он ни старался, ему не удавалось удержать образы и звуки, преследующие его по ночам. Акиим советовал не беспокоиться, говорил, что его сны сплетены из фрагментов, просочившихся из других спящих разумов, находящихся поблизости. Эдеард не верил, что увиденные им картины рождаются в их деревне отрывки, которые ему случайно удалось удержать в памяти, были для этого слишком странными и удивительными.

В холодном предрассветном полумраке стали видны трещины в деревянных ставнях. Эдеард еще немного понежился на своей койке под целой охапкой одеял. Стены большой комнаты были оштукатурены и побелены, а пол настелен из простых досок. Стропила готической крыши из старого мартоза за долгие годы потемнели и стали твердыми, словно железо. Мебели в комнате было немного — примерно две трети площади пола оставались пустыми. Эдеард отодвинул все, что мог, в дальний конец комнаты, к широкому окну. Грубо сколоченный сундук, где хранились немногочисленные предметы одежды, стоял в ногах кровати; длинный стол, заваленный бесчисленными набросками предполагаемых генно-реформированных животных; несколько стульев; комод с простой белой чашей и кувшином воды на крышке. В противоположном от кровати углу в печи догорали последние угольки. Большое помещение трудно было нагреть, особенно зимой, и Эдеард видел, как его дыхание превращается в белый туман. Собственно говоря, это была спальня учеников гильдии эгг-шейперов деревни Эшвилль, где он жил один. Он провел здесь последние шесть лет после того, как его родители погибли, оставив восьмилетнего мальчишку сиротой. Они отправились через горы на восток, но на караван напали бандиты, и все погибли. Мастер Акиим, последний оставшийся в деревне шейпер, взял ребенка к себе. Эдеард, завернувшись в одеяло, по холодному полу пробежал к кирпичному очагу. Тлеющие угли еще давали тепло, согревая одежду, оставленную вечером на спинке стула. Юноша торопливо оделся в поношенные кожаные штаны и такую же старую рубашку, которую подвязал поясом, прежде чем натянуть еще и толстый зеленый свитер. Ткань давно пропиталась неистребимыми запахами хлева и его разнообразного содержимого — навозом, кормом и шерстью, — но после шести лет в гильдии Эдеард настолько к ним привык, что уже не замечал. Присев на край койки, он стал натягивать ботинки; обувь явно стала ему слишком тесной. За последние восемнадцать месяцев, когда в конюшнях появилось много ген-форм и Эдеард начал получать официальное вознаграждение, в их маленьком отделении гильдии эгг-шейперов появились кое-какая наличность. Нельзя сказать, чтобы они разбогатели, но средств уже вполне хватало на покупку новой одежды и обуви. Вот только Эдеарду всегда не хватало времени, чтобы посетить сапожника. Юноша встал и поморщился, пытаясь распрямить зажатые пальцы ног. Нет, так не пойдет, надо обязательно выкроить час и сходить к сапожнику. Он усмехнулся. *Но только не сегодня.*

Сегодня должно быть закончено строительство нового деревенского колодца. Гильдии эгг-шейперов в этом деле отвели необычно важную роль. Более того, автором новшества был лично Эдеард. Он прекрасно знал, что многие жители деревни — вернее, все — сомневаются в его способностях, но мастер Акиим сумел убедить совет старейшин дать шанс юному ученику. В конце концов те согласились, но только потому, что терять было

нечего.

Эдеард бегом спустился вниз, пересек узкий задний двор и нырнул в тепло трапезной гильдии. Как и в случае со спальней, обстановка в трапезной свидетельствовала о том, что гильдия эгг–шейперов знавала лучшие времена. Намного лучшие. В просторном зале все еще сохранились два ряда скамей вдоль длинных столов, за которыми хватило бы места для пятидесяти шейперов и их гостей, приглашаемых на праздничные трапезы. В дальнем конце комнаты стояла огромная печь, с двух сторон оснащенная металлическими духовками, над очагом можно было бы подвесить целую свинью. Этим утром пара ген–мартышек поддерживала в печи лишь небольшой огонь. Обычно люди избегали подпускать ген–формы к открытому огню, поскольку они оставались такими же пугливыми, как любое дикое животное, но Эдеард достаточно глубоко внедрил в их разум ясные недвусмысленные команды, чтобы ген–мартышки могли выполнять обязанности, не испытывая паники.

Эдеард выбрал место поближе к огню. Его разум обратился к ген–мартышкам с пакетом команд в режиме простейшего телепатического посыла. Юноша воспользовался упрощенной версией ментального наречия Кверенции, наглядно представляя себе желаемые действия, сочетая их с простыми командами и старательно избегая эмоций (о чем многие люди забывали, а потом не могли понять, почему ген–формы так плохо повинуются). Ген–мартышки тотчас засуетились; это были довольно рослые существа, достигающие веса взрослого мужчины, с шестью длинными ногами в нижней половине туловища и шестью еще более длинными руками наверху. Первые две пары были так близко расположены друг к другу, что казалось, будто они растут из одного плечевого сустава, тогда как третья пара размещалась сзади, вблизи от очень гибкого позвоночника. Жесткий белый мех, покрывающий тела животных, редел в области ладоней и суставов, что позволяло увидеть светло–серую шкуру. Голова, как и у всех ген–форм, была круглой формы, с выступающей вперед мордой наподобие собачьей; в нижней ее части, над короткой шеей, торчали загнутые назад уши с тремя лепестками тонкой, почти прозрачной кожи.

Перед Эдеардом появилась большая кружка горячего чая, за ней последовали тосты, миска с фруктами и тарелка омлета. Он энергично принялся за еду, мысленно прокручивая в голове заключительную часть дневной операции на дне колодца. Про–взгляд юноша заметил мастера Акиима когда тот был еще в домике, пристроенном к залу для старших шейперов. Про–взгляд Эдеарда мог уже проникать сквозь пару каменных стен, обрисовывая физические предметы теньвыми силуэтами, тогда как мысли окружали их переливающимся ореолом. Большинство взрослых были лишены такого зрения, и Акиим испытывал гордость за дар воспитанника и за собственное обучение.

Старый шейпер вошел в зал и обнаружил, что ген–мартышки уже приготовили ему завтрак. Он одобрительно хмыкнул и по–отечески похлопал Эдеарда по плечу.

— Ты увидел, как я поднимаюсь со своей постели, парень? — спросил он, указывая на приготовленную тарелку с сосисками в томатном соусе.

— Нет, сэр, — с довольным видом ответил Эдеард. — Сквозь четыре стены Я еще не могу пробиться.

— Этого недолго осталось ждать. — Акиим поднес к губам кружку с чаем. — Если ты и дальше будешь так преуспевать, к середине лета мне придется спать за стенами деревни. Каждому нужно право на некоторое уединение.

— Я бы никогда не осмелился, — запротестовал Эдеард, а потом застенчиво усмехнулся, ощутив одобрение в мыслях старика.

Несколько лет назад мастер Акиим, как он сам говорил, отметил свой сто восьмидесятый день рождения, хотя, в каком это было году, вспомнить не мог. Продолжительность жизни на Кверенции предположительно составляла около двухсот лет, вот только ни в Эшвилле, ни в окрестностях Эдеард не встречал ни одного человека, который прожил бы так долго. Тем не менее почтенный возраст Акиима читался и в трех подбородках, свешивающихся на толстую шею, и в сеточке красных и фиолетовых капилляров, украшавшей бледную кожу его щек и носа, что придавало учителю болезненный вид. Тонкая щетина, остававшаяся после ежедневного, но небрежного бритья, стала совсем седой, кроме того, все, кто видел Акиима впервые, неизменно отмечали усталое выражение его лица. Раз в неделю старик тем же лезвием, которым брился, удалял с головы остатки серебрившихся волос.

Несмотря на преклонные года, он тщательно выбирал себе одежду, а его личные ген-мартышки весьма поднаторели в стирке. Сегодня его сшитые на заказ кожаные брюки светились чистотой, ботинки были тщательно отполированы, а свежая бледно-желтая рубашка — безукоризненно отглажена. Поверх рубашки Акиим надел пиджак из ткани с красно-желтым узором, на лацкане которого красовался символ гильдии шейперов в виде яйца, заключенного в неправильной формы круг. Наряд старика, возможно, и не был таким внушительным, как одеяния членов гильдии в Маккатране, но в Эшвилле он символизировал высокое положение и внушал уважение окружающим. Так хорошо не одевался никто из старейшин деревни.

Эдеард поймал себя на том, что поглаживает пальцем собственный значок ученика — простую бляху на воротничке; эмблема была такой же, как у Акима, только с четвертью круга. Эдеард частенько даже забывал ее прицепить. Вот если сегодня все пойдет хорошо, он получит значок с половиной круга. Акиим говорил, что не припомнит, чтобы кто-то выбирал себе такое сложное задание ради звания старшего ученика.

— Нервничаешь? — спросил старик.

— Нет, — поспешно ответил Эдеард. Но потом опустил голову. — Все равно они же работают в резервуаре.

— Конечно. Они всегда работают. Истинное искусство состоит в том, чтобы понять, что получится в реальной жизни. Но из виденного мною я делаю вывод, что проблем быть не должно. Только учти, это еще не гарантия. В жизни нет ничего предопределенного.

— А что ты сделал, чтобы добиться звания старшего ученика? — спросил Эдеард.

— А, это случилось так давно! В те времена все происходило иначе, и границы были более строгими. Впрочем, в столице всегда так. Я думаю, и сейчас там ничего не изменилось.

— Акиим! — взмолился Эдеард.

Он всем сердцем любил своего наставника, но каким же рассеянным тот стал в последнее время!

— Да, да. Насколько я помню, мне поручили изготовить четырех ген-пауков — действующих, конечно. Им следовало спрясть армшелк, который потом должен был осмотреть Грандмастер, так что каждый из нас на всякий случай сотворил по шесть или семь пауков. Еще мы формировали волка, шимпанзе и орла. Ох, — вздохнул Акиим, — это были трудные дни. Я помню, мастер постоянно меня бил. И вставать приходилось с первыми жаворонками.

Эдеард был слегка разочарован.

— Но я могу сотворить и ген-пауков, и все остальное.

— Я знаю, — с гордостью произнес Акиим, похлопав парня по руке. — Но ведь мы оба знаем, насколько ты талантлив. Младшие ученики обычно лишь к семнадцати годам учатся делать то, что ты выполняешь сейчас, и даже тогда в большинстве случаев они на первых порах совершают ошибки. Поэтому я и ставлю перед тобой все более трудные задачи. Работающая ген-форма — результат, означающий переход от младшего ученика к практикующему шейперу.

— Правда?

— Да. Вот только мы с тобой ужасно запустили остальные учения гильдии. Тебя слишком трудно заставить сидеть на месте и делать уроки. А еще ты слишком молод, чтобы постичь этику гильдии и скучные теоретические постулаты, как бы полезны они ни были для твоего дара. Ты постигаешь искусство на уровне инстинкта, вот почему ты до сих пор остаешься учеником.

Эдеард нахмурился.

— А что это за этика, определяющая правила формирования?

— А ты сам не догадываешься?

— Нет, не понимаю. Ген-формы — это так здорово. Каждый может ими воспользоваться. Теперь, когда я помогаю тебе в формировании, мы будем производить больше стандартных видов, чем раньше, и наша деревня скоро снова станет богатой и процветающей.

— Что ж, полагаю, когда ты будешь старшим учеником, нам стоит об этом подумать. Но тогда потребуются еще ученики.

— У Сансии и маленького Эвокса очень мощный телепатический посыл.

— Посмотрим. Кто знает... После сегодняшнего дня, возможно, отношение к нам немного изменится в лучшую сторону. Пока семьи не спешат отдавать своих детей на обучение. И твой приятель Оброн нисколько нам не помогает.

Эдеард вспыхнул. Оброн был главным деревенским хулиганом. Этот парень, старше его на пару лет, получал удовольствие от того, что за пределами территории гильдии делал жизнь Эдеарда невыносимой. Тот и не знал, что Акииму об этом известно.

— Мне давно надо было с ним разобраться.

— Небесная Заступница знает, как часто тебя в последнее время провоцировали. Я рад, что ты держишься и не отвечаешь. Эгг-шейперы почти всегда обладают сильным даром телекинеза, но этика, которую ты почти не изучал, предостерегает нас от злоупотребления своим преимуществом.

— Я просто думал... — Эдеард пожал плечами.

— Это было бы неправильно, и ты это осознаешь, — ответил за него Акиим. — Ты хороший мальчик, Эдеард.

Он ласково посмотрел на ученика, испытывая одновременно гордость и печаль.

Эмоциональный всплеск заставил Эдеарда сморгнуть неожиданно выступившую на глазах влагу. Он даже тряхнул головой, словно пытаясь отключиться от восприятия мыслей наставника.

— А у тебя во время ученичества был кто-нибудь вроде Оброна?

— Скажем так, одной из причин, почему я поселился в Эшвилле, стало отличие моего понимания этики гильдии от толкования мастеров из Синей башни. Запомни, пожалуйста: как твой мастер и наставник я требую, чтобы ты придерживался стандартов гильдии. Если я

обнаружу, что это не выполняется, ты не получишь значок старшего ученика. То же самое относится и к твоим обычным обязанностям.

Эдеард отодвинул пустую тарелку и допил чай.

— Пожалуй, я сейчас ими и займусь, мастер.

— Кроме того, я не поддерживаю тех, кто проявляет неуважение.

Эдеард натянул шерстяную шапку, чтобы защититься от холодного ветра, и вышел во двор гильдии. Его форма была необычной: неправильный девятиугольник. Семь сторон образовывали конюшни, а к ним примыкал большой амбар и сарай с инкубаторами. Все здания отличались друг от друга и размерами, и высотой. При первом знакомстве весь комплекс произвел на Эдеарда огромное впечатление. Гильдия эгг–шейперов была самым крупным комплексом зданий во всей деревне; для того, кто провел детство в маленькой хижине с протекающей соломенной крышей, гильдия казалась чуть ли не роскошным замком. Тогда он просто не мог заметить плотного слоя ким-ха, покрывавшего все крыши пурпурными пятнами, и вездесущих побегов гурклозы, окутавшей темные каменные стены бледно–желтым покрывалом листьев, в то время как ее корни проникали в известковый раствор между камнями, постепенно разрушая строения. Сегодня Эдеард только вздохнул, глядя на заросли, и привычно подумал, хватит ли у него когда–нибудь времени, чтобы направить ген–мартышек на расчистку. Сейчас самое подходящее время. Гурклоза сбросила листву, и ветер согнал их по углам двора в рыхлые кучи, а мох пропитался влагой, так что его легко можно было отдирать большими кусками. Но чистке, как и многому другому в жизни Эдеарда, придется подождать.

«Если бы только Акииму удалось найти еще ученика, — с тоской подумал он. — Мы и так всю жизнь старались работать как можно быстрее, так что еще один человек в гильдии стал бы настоящим подспорьем».

Но это было бы чудом, достойным Небесной Заступницы, нехотя признал он. Проживающие в деревне семьи неохотно отпускали своих детей учиться в гильдию. Все они признавали, что во многом зависят от ген–форм, но не желали отказываться даже от одной пары рук. Гильдия, как и весь остальной Эшвилль, с трудом держалась на плаву.

Эдеард поспешил через двор к резервуарам, где содержались его недавно сформированные кошки, а по пути мысленно спросил у Небесной Заступницы, почему он до сих пор остается в этом всеми забытом местечке на краю дикого леса. Справа от него находились большие конюшни, где в стойлах переминались с ноги на ногу аморфы. Это были примитивные существа размером с местного пони, на шести ногах, поддерживающих округлое туловище. Шесть верхних конечностей оставались в зачаточном состоянии в виде небольших выпуклостей вдоль хребта животного. Внутренние органы женских особей на тридцать процентов занимали яичники, производящие по одному яйцу каждые пятнадцать дней. Три самца кружили по общему загону в одном конце конюшни, а самки размещались по одной в пятнадцати отдельных отсеках. Впервые с тех пор, как Аким взял Эдеарда в ученики, все стойла были заняты, и это вызывало у мальчика чувство глубокого удовлетворения. Редкий мастер, даже такой опытный, как Аким — а он, несмотря на возраст, оставался выдающимся специалистом, — мог позволить себе сразу пятнадцать аморфов. Формирование зародыша занимало немало времени, и нелепых неудач у Эдеарда случалось не меньше, чем успехов. Яйцо можно было начинать формировать не раньше, чем через десять часов после оплодотворения, и не позже, чем через двадцать пять часов. Длительность процесса зависела от сложности выбранного вида.

Эдеард не одну ночь провел в мягком кресле шейпера, сосредоточенно глядя в яйцо. Формирование, как не раз говорил Акиим, подобно процессу лепки из неосязаемой глины невидимыми руками. Искусство шейпера требовало сочетания про–взгляда и телекинеза. Мысленный взгляд должен был проникнуть под оболочку, и шейпером мог стать только тот, кто видел содержимое с абсолютной ясностью. Хоть Эдеарду и не свойственно было хвастаться, он знал, что у него самое острое мысленное зрение во всей деревне. Внутри яйца он видел маленький образец аморфа, словно состоявшего из сгустка серой тени. Посредством телекинеза он придавал этому сгустку желаемую форму, но медленно, удручающе медленно. Его возможности строго регламентировались. Ген–форме нельзя было создать семь рук или две головы. Главным же в процессе считалась активация зародыша, память об этом хранилась в наследственной физиологии аморфа. Мастер мог варьировать размеры, но только в рамках выбранного вида. Внутри каждого стандартного вида имелись свои отличия, в результате чего появлялись мартышки или шимпанзе, множество разновидностей лошадей: больших, малых, сильных или быстрых. Весь этот длинный список Эдеарду следовало помнить наизусть. Формирование было невероятно трудным занятием, требующим полной концентрации сил. Шейперу не только полагалось иметь дар проникающего видения и телекинеза; он должен был *чувствовать* то, что делает, инстинктивно знать, правильно ли он поступает, и угадывать потенциал эмбриона ген–формы. В малых формах могло не хватить места для репродуктивных органов, значит, его следовало освободить за счет других элементов. Но каких? Ничего удивительного, что даже Грандмастеру время от времени доводилось портить яйца.

Эдеард миновал конюшню аморфов, бросив лишь быстрый про–взгляд в здание, чтобы убедиться, что ген–мартышки успешно справляются с очисткой стойл и раздачей корма. Он заметил у некоторых особей проявление небрежности и недисциплинированности и коротким телепатическим посылом обновил пакеты команд. Более глубокий осмотр выявил состояние созревающих внутри аморфов яиц. Из одиннадцати сформированных в трех яйцах проявились признаки возникших проблем. Он вздохнул; два яйца были сформированы им лично.

За конюшней аморфов стояли лошади. В стойлах временно располагались девять жеребят; семь из них должны были вырасти в крепких массивных коней, а потом отправиться на соседние фермы, где им предстояло тянуть плуги и телеги. Большую часть вознаграждений гильдия эгт–шейперов в Эшвилле получала именно за ген–формы, пригодные для использования в сельском хозяйстве. Спрос на домашних мартышек и шимпанзе был невысоким, и Эдеард знал, что это происходит только по той причине, что люди не желают потратить чуть–чуть времени и узнать, как их правильно инструктировать. Никто не собирался приходить сюда и выслушивать поучения от четырнадцатилетнего мальчишки. Это его ужасно огорчало; Эдеард был уверен: если бы к нему прислушались, экономика деревни могла бы восстановиться.

«Терпение, — всегда советовал Акиим, как только Эдеард начинал возмущаться по поводу недалекости соседей. — Часто надо сделать что–то неправильно, чтобы потом выйти на верный путь. Придет время, и к твоим словам будут прислушиваться».

Эдеард не представлял, когда это произойдет. Даже если сегодня он добьется успеха, вряд ли люди бросятся к нему с поздравлениями и станут спрашивать его советов. Он был уверен, что навсегда обречен оставаться странным подростком, живущим у старого чокнутого Акиима. Когда люди думали, что их никто не слышит, они говорили, что эти двое

прекрасно подходят друг другу.

С противоположной стороны к конюшне примыкал загон для мартышек и шимпанзе. Внутри, в гнездах, свернулись клубочками два детеныша. Все остальные разбрелись по территории гильдии и занимались своими делами. Вознаграждений за мартышек шейперы давно не получали, даже кузнец, у которого работало пять особей, не хотел брать дополнительных помощников.

«Возможно, стоит пригласить людей на территорию гильдии, — подумал Эдеард, — показать им, что могут мартышки, если получают правильные команды. Или хотя бы попросить показать Акиима. Надо как-то разорвать этот порочный круг, придать людям смелости». Мечты странного мальчишки!

Рядом с загонем мартышек стояла псарня. Спрос на ген-собак всегда оставался высоким, особенно на тех, которые помогали пасти коров и овец. На псарне восемь щенков крутились вокруг двух кормящих сук, которых сформировал лично Эдеард. Они с Акиимом довели аморфов сразу до продуктивной стадии, минуя длительный период кормления. Эдеард испортил двенадцать яиц, пока добился первого успеха. А идею он почерпнул из древней книги гильдии, где прочитал о кормящих суках, и теперь горел нетерпением испытать этот метод на других видах. После вывода первого экземпляра Акиим, впечатленный упорством Эдеарда, всячески его поддерживал. Между собачьим загонем и помещением для волков располагался главный вход в гильдию. На территории волков бегали шесть подрастающих зверей. Эти существа приносили немало пользы за стенами деревни — волки несли охрану Эшвилля и окрестных ферм, а еще их брали на охоту в лесах, где те успешно истребляли местных хищников Кверенции и даже случайных бандитов. Эдеард остановился и заглянул внутрь. Поджарые твари были покрыты темно-серой шерстью, делающей их малозаметными в окрестном ландшафте, а их длинные морды скалились острыми зубами способными перекусить средних размеров ветку, не говоря уж о чьей-либо конечности из плоти и костей. Эдеард перегнулся через загородку и потрепал по загривкам подросших щенков, на что они ответили радостным визгом, а потом кто-то лизнул его руку горячим гибким языком. У двух щенков на спине имелось по паре рук. Это было еще одно нововведение Эдеарда — он хотел посмотреть, не смогут ли они с их помощью управляться с ножами или дубинками. О чем-то подобном он тоже прочитал в древних текстах. Но, услышав эту идею, обитатели деревни также сокрушенно покачали головами.

Из всех хозяйственных построек больше всего Эдеарда привлекал вольер для птиц. Это было невысокое круглое помещение с арочными проемами на высоте около двадцати футов, под самой крышей, и единственным входом на уровне земли. Пустое пространство внутри пересекали широкие брусья из мартоза. Острые когти за много лет так сточили их, что в верхней части те из прямоугольных стали почти круглыми в сечении. В вольере остался всего один ген-орел, ростом почти с туловище Эдеарда. Верхние конечности у него располагались парами; первая пара поддерживала большие передние крылья, придавая им удивительную гибкость, а заднее крыло осталось простым треугольником, обеспечивающим устойчивость. Продолговатое обтекаемое тело покрывал плащ изумрудно-золотистых перьев, а вытянутые челюсти, немного похожие на настоящий клюв, были усеяны острыми зубами.

Эдеард с улыбкой запрокинул голову, и в ответ на его взгляд птица мигнула трехсегментными глазами. Юноша бесконечно завидовал ген-орлу, его способности свободно парить над деревней, вдали от приземленных и унылых мыслей ее обитателей.

Орел обладал удивительно сильными способностями к телепатии, позволяя Эдеарду наслаждаться ощущением развернутых крыльев и обтекающих его потоков воздуха. Нередко Эдеард на целый день связывал свои мысли с сознанием орла и вместе с ним кружил над лесами и долинами за стенами деревни, наслаждаясь опьяняющим ощущением свободы.

Птица расправила крылья, предвкушая возможный полет. «Не сейчас», — неохотно передал ему Эдеард. Орел недовольно тряхнул головой и закрыл глаза, застыв в прежней величественной позе.

Следующим, перед питомником кошек, стоял инкубаторий — такое же круглое, как и птичник, сооружение, только в два раза меньше. Его окованная деревянная дверь была закрыта и закреплена болтами. Только сюда не разрешалось заходить ген-мартышкам. Наблюдать за работой и содержать его в чистоте полагалось Эдеарду. За дверью, на каменной полке, стояло девять зажженных свечей — по одной на каждое яйцо. Эдеард заглянул внутрь про-взглядом и с радостью убедился, что все зародыши развиваются нормально. После закладки яиц в специальные гнезда до вылупления должно было пройти десять дней. В зимние холода помещение согревалось медленно тлеющими в массивной металлической печке углями, и до полудня Эдеарду надо было выгрести пепел и подбросить топлива. Один из зародышей, решил он, должен вылупиться уже завтра — еще одна лошадь.

Наконец он добрался до кошачьего питомника, самого маленького из помещений, стоящих по периметру двора. Стандартные ген-кошки были небольшими наполовину водяными животными с лоснящимся темным мехом и широкими перепончатыми лапами, без верхних конечностей. Конвенция гильдии классифицировала их как один из стандартных видов, хотя за пределами Маккатрана никто еще не нашел им достойного применения. Только гондольеры брали по паре ген-кошек на лодку, чтобы очищать городские каналы от водорослей и грызунов.

Помещение было прямоугольной комнатой, где стояло несколько каменных столиков высотой примерно по колено. Свет поступал из окон, прорезанных в крыше. Чтобы понять, насколько разросся кимох, Эдеард, проходя между столами, объединил обычное зрение с про-взглядом. Изнутри было видно, что окна уже сузились до небольших щелей, а просачивающийся сквозь них слабый свет приобрел оттенок аметиста. Вдоль каменных столов располагались стеклянные резервуары. Это были древние емкости размером с большой короб, изготовленные еще в те времена, когда строились здания гильдии. Половина из них уже растрескалась, на боковых стеклах остались высохшие водоросли, а на дне лежал слой гравия и сухие хлопья грязи. Пять резервуаров Эдеард сумел привести в порядок для содержания новых кошек, а еще три были переделаны в обычные емкости для воды. На полу в беспорядке лежали гибкие шланги, которыми он пользовался для тестирования способностей своих питомцев. Каждая из пяти кошек лежала на галечном дне своего бассейна, наполненного водой всего на несколько дюймов. Их неподвижные тела величиной с половину человеческого туловища напоминали сгустки блестящей черной смолы. У этих кошек не было никаких конечностей, только по бокам, под складками толстой шкуры, имелось два ряда круглых жаберных щелей. Их головы, настолько маленькие, что казались рудиментами, производили неприятное впечатление, кроме того, на них не было ни глаз, ни ушей. В крошечном мозгу даже про-взгляд Эдеарда мог улавливать лишь слабые отголоски мыслей.

Он весело ухмыльнулся и осмотрел неподвижные тушки, отыскивая малейшие признаки болезни. Здоровье кошек, насколько это вообще было возможно, оказалось

удовлетворительным. Тогда Эдеард неподвижно замер и постарался дышать спокойно и размеренно, как учил Акиим; третья рука, как называли в деревне способность к телекинезу, протянулась к первой из кошек. Наконец мальчик ощутил в воображаемых пальцах гладкую черную шкуру и поднял животное с влажного галечного дна.

Спустя полчаса, когда во двор гильдии въехал фургон местного каретника по имени Баракка, на земле перед Акиимом и Эдеардом лежали пять брезентовых полотнищ, на которых растянулись реформированные кошки. Баракка невольно поморщился при виде странных созданий и вопросительно взглянул на старого мастера гильдии.

— Ты уверен, что они справятся? — спросил он, слезая с высокого сиденья.

Восемь десятков лет тяжелого физического труда сделали приземистую фигуру каретного мастера почти квадратной, а серые глаза над непослушной рыжеватой бородой казались еще более ввалившимися, чем это было на самом деле. Баракка запустил руку в густую растительность и поскреб нижнюю челюсть. Эдеард отчетливо различал сомнения, кружившиеся в голове мастера, но Баракка никогда не интересовался мнением мальчишек—подмастерьев.

— Если они будут работать, Эшвилль получит огромную выгоду, — уклончиво ответил Акиим. — По—моему, стоит попробовать.

— Как скажешь, — пожал плечами Баракка. Он ухмыльнулся, взглянув на Эдеарда. — А ты, наверное, метишь на место мэра, парень? Если все получится, я тебя поддержу. Последние три месяца я мылся настоящей лошадиной мочой. И пусть старина Гиипалт заткнется.

Гиипалт, деревенский плотник, отвечал за работу водокачки, и, по справедливости, именно он должен был сделать новую помпу для свежерытого колодца. Он больше всех возражал против эксперимента Эдеарда, мало того, Оброн был как раз его подмастерьем.

— В жизни есть вещи поинтереснее, чем ругань Гиипалта, — сказал Акиим. — А если мы справимся с этой работой, у него останется больше времени для более выгодных заказов.

Баракка захохотал.

— Ах ты, старый плут! Твой язык выгалкивает слова наперекор твоим мыслям.

Акиим отвесил сдержанный поклон.

— Благодарю. Ну что, начнем погрузку?

— Если только команда Мелзара готова, — ответил Баракка.

Про—взгляд Эдеарда устремился к новому колодцу, вокруг которого уже собралась толпа.

— Они готовы. Ведард уже отозвал мартышек—землекопов.

Баракка окинул парня оценивающим взглядом. Новый колодец строили на противоположном от гильдии конце деревни. Своим про—взглядом он туда не мог дотянуться.

— Очень хорошо. Мы уложим всех их в фургон. Парень, ты выдержишь треть их веса?

Эдеард был очень рад, сумев скрыть иронию и не допустить, чтобы она просочилась на поверхность.

— Думаю, справлюсь, сэр.

Он не мог не заметить слабую улыбку Акиима, предназначенную только ему; мысли мастера при этом оставались серьезными и сдержанными.

Баракка снова окинул кошек недоверчивым взглядом и еще раз поскреб бороду.

— Ну, хорошо. По моей команде. Три. Два. Один.

Эдеард подставил свою третью руку, стараясь не поднимать больше, чем т него ожидали. Усилиями всех троих реформированная кошка поднялась с земли и плавно переместилась в открытый фургон.

— А они не такие уж и маленькие, верно? — воскликнул Баракка. Улыбка его отчасти выдавала напряжение. — Хорошо, что ты помогаешь. Акиим.

Эдеард не знал, возражать ему или просто рассмеяться.

— Мы все стараемся, — ответил Акиим и строго посмотрел на Эдеарда.

— Ну, беремся за вторую, — скомандовал Баракка.

Через десять минут они уже ехали по деревне; Баракка и Акиим сидели впереди на скамье, а Эдеард пристроился сзади, положив руку на одну из кошек.

Эшвилль представлял собой рассыпь домишек, притаившихся под сенью невысокой скалы на пологом склоне. Почти неприступный каменный выступ в сочетании с полукруглым валом из земли и камней обеспечивал защиту от враждебных нашествий, возможных со стороны дикого леса на северо-востоке от деревни. Большую часть строений составляли простые хижины, сложенные из камня и покрытые соломой. В домах побольше кое-где имелись остекленные рамы, привезенные из западных городов. Камнем была вымощена только центральная улица, идущая параллельно скале, а от нее в стороны отходили грязные колеи, пробитые повозками и пешеходами до камней. Гильдия эггшейперов занимала самый обширный участок, но наиболее высоким зданием была церковь Небесной Заступницы, чей небольшой купол с северной стороны венчал высокий конический шпиль. Когда-то давно церковь покрыли ровным слоем белой краски, но за долгие годы забвения стены местами покрылись серыми пятнами, а в узких щелях между блоками уже торчали клочья кимха.

Примерно в середине улицы от нее отходила дорога, ведущая к окраине из деревни. Эдеард, проезжая мимо, заглянул в облицованный камнем тоннель, прорезающий вал, и в дальнем его конце увидел распахнутые в окружающий мир ворота. На валу, по обе стороны от них возвышались сторожевые башенки с большими колоколами. В них при малейших признаках внешней угрозы должны были звонить стражники. Эдеард ни разу не слышал звона. Кое-кто из старейших жителей деревни утверждал, что помнит голос колоколов с тех пор, как на окрестных полях были замечены бандиты.

Глядя на неровный вал, построенный из самых разных материалов, Эдеард задумался, насколько трудно было бы преодолеть это сооружение. Кое-где в нем образовались расщелины, впоследствии забитые толстыми бревнами, которые под покровом вездесущего кимха уже начали гнить и рассыпаться. Даже если бы все местные жители взяли за оружие, они не смогли бы оборонять и третьей части длины вала. Похоже, что безопасность деревни зависит лишь от иллюзии.

Острый укол боли в левой голени заставил Эдеарда поморщиться. Это был телекинетический щипок, от которого ему пришлось избавиться, окутав себя защитой. Сбоку от фургона, среди направлявшихся к новому колодцу людей, Эдеард заметил Оброна, идущего в компании двух дружков. А вокруг фургона, медленно катившего по Эшвиллю, царило праздничное настроение; люди оставили свои обычные занятия, чтобы прогуляться и поглазеть на диковину.

Размышления Эдеарда были нарушены, и теперь он отчетливо различал в эфире живой интерес и веселье окружающих. Но лишь немногие ожидали, что реформированные кошки будут исправно работать. Большинство рассчитывало увидеть его провал. «Как обычно, —

подумал он. — Жители деревни всегда ожидают худшего. Этот настрой — причина упадка деревни, нельзя обвинять во всем плохую погоду, скудный урожай и бандитов».

— Эй, эгг-парень, — насмешливо окликнул его Оброн. — Что это у тебя за ублюдки? И где твои ген-формы для перекачки воды?

— Это они и есть, — сердито бросил Эдеард.

За хохотом его слов было почти не слышно, и Эдеард пожалел, что фургон едет так медленно. Идущие рядом взрослые тоже улыбались, наблюдая за перепалкой подмастерьев, — они вспоминали, что в молодости и сами вели себя точно так же. Оброн не скрывал своих издевательских мыслей. Эдеард постарался сдержать гнев. Он отомстит, когда кошки будут на месте. Тогда гильдия эгг-шейперов заслужит всеобщее уважение, а плотники лишатся прежнего статуса.

Он все еще утешал себя этой мыслью, когда фургон наконец остановился у нового колодца. Старый начал осыпаться четыре месяца назад. Ил и щебень засорили помпу — созданное гильдией плотников огромное устройство, включающее в себя большие зубчатые колеса и кожаные мешки, которые наполнялись и опорожнялись, приводимые в движение тремя ген-лошадьми. Животные весь день напролет ходили по кругу, вода поднималась вверх и по трубам стекала в резервуар, откуда ее брали жители деревни. Поскольку поломки никто не заметил, лошади продолжали крутить колесо, пока помпа не начала угрожающе скрипеть и трястись. Механизм серьезно пострадал.

После обнаружения и оценки степени разрушения совет старейшин постановил, что необходимо рыть новый колодец. На этот раз место для него выбрали в верхней части деревни, неподалеку от скалы, где должен быть достаточный запас воды, просачивающейся по склону. Кто-то даже предложил создать сеть труб, чтобы подвести чистую воду к каждому дому. Но для этого требовалась еще более мощная водокачка. Вот тогда Акиим и представил на обсуждение идею Эдеарда.

Толпа, собравшаяся вокруг нового колодца, вела себя достаточно доброжелательно. Мелзар, который, помимо всего прочего, был и мастером водоснабжения деревни, разговаривал с Ведардом, каменщиком, наблюдавшим за ген-мартышками во время рытья колодца. Оба они с интересом посмотрели на невиданных кошек. Эти двое не беспокоили Эдеарда, зато за своей спиной он постоянно слышал издевательские смешки, доносившиеся в основном из группы подмастерьев, собравшихся около Оброна. Эдеард так старался сдержать свое раздражение и не пропустить обиду в открытый эфир, что у него заплыла щеки.

— Надо верить в себя, — раздался в мозгу искусно направленный телепатический посыл, предназначенный ему лично.

Прилетевшую фразу сопровождало розоватое сияние искренней поддержки. Эдеард обернулся и увидел приветливо улыбающуюся Салрану. Девочке было всего двенадцать лет, но она носила бело-голубую одежду послушницы Небесной Заступницы. Еще ребенком она больше всего на свете хотела служить церкви. Лореллан, местная настоятельница, с радостью согласилась обучать Салрану. Деревенская церковь не могла похвастаться высокой посещаемостью, если только не считать больших праздников. Салрана, как и Эдеард, не вписалась в деревенскую жизнь, и это их объединяло. Он стал относиться к девочке как к младшей сестренке. Эдеард выпрыгнул из фургона и тоже улыбнулся в ответ. Стоявшая рядом с Салраной Лореллан равнодушно кивнула.

К заднику фургона подошел Мелзар.

— Как интересно, — протянул он.

— Спасибо и на этом, — откликнулся Акиим.

От холодного воздуха сеточка сосудов на его носу и щеках проявилась еще ярче, чем обычно.

Мелзар едва заметным кивком указал на толпу. Эдеарду даже не требовалось оборачиваться. Его про-взгляд выделил стоявшего в первом ряду Гииплата — плотник широко расставил ноги, скрестил руки на груди и сердито нахмурился. Каждый, кто мог чувствовать мысли, ощущал его нескрываемое презрение. А Эдеард был достаточно восприимчив, чтобы уловить еще и некоторое беспокойство.

— Как водичка? — поинтересовался Баракка.

— Холодная, но очень чистая, — с удовлетворением ответил Мелзар. — Хорошо, что мы решили рыть колодец рядом со скалой. Сверху приходит много воды, и вся она прекрасно фильтруется. Как ты думаешь, может, не придется ее кипятить, чтобы сделать пиво? Это было бы отлично.

Эдеард осторожно подошел к колодцу, почти ожидая, что третья рука Оброна вот-вот столкнет его вниз. Ноги и так скользили на полузамерзшей жиже, покрывшей каменные плиты, но он все же осмелился заглянуть внутрь. Ведард отлично поработал: шахта колодца была идеально круглой, а кладка оказалась намного ровнее, чем в стенах окрестных домов. Этот колодец не осыплется и не развалится, как предыдущий. Футах в десяти от края непроницаемой пеленой уже сгустилась темнота. Про-взгляд преодолел ее и достиг поверхности воды в тридцати футах ниже уровня земли.

— Ты готов? — спросил Мелзар.

В его голосе звучала настоящая симпатия. Без поддержки водяных дел мастера совет ни за что не позволил бы Эдеарду испытать кошек.

— Да, сэр.

Эдеард, Акиим, Мелзар, Баракка и Ведард протянули третьи руки, чтобы вынести из фургона первую кошку. Все окружающие устремили про-взгляды в сумрачную шахту. Когда кошка опустилась до воды, Эдеард невольно напрягся. «Она не утонет?»

— Отпускаем, — скомандовал Акиим таким уверенным тоном, что Эдеарду не оставалось ничего иного, как подчиниться.

Кошка перевернулась и плюхнулась в воду, не получив никаких повреждений. Эдеард вдруг понял, что перестал дышать, а тревога всплыла на поверхность его мыслей и стала очевидна всем, особенно Оброну. Последовавшее затем чувство облегчения он тоже не смог скрыть от окружающих.

Вскоре все пять кошек уже плавали на поверхности воды. Мелзар сам стал разматывать катушки и опускать в колодец толстый резиновый шланг. Заканчивался тот весьма необычно: подобно корням дерева, от него отходило множество тонких трубок. Эдеард, не обращая внимания на ледяную грязь, мгновенно пропитавшую свитер, улегся на каменные плиты у основания шахты. Поднимающийся снизу теплый воздух зачекотал ноздри. Эдеард закрыл глаза и полностью сосредоточился на третьей руке, чтобы присоединить трубки к кошачьим жабрам. Сфинктеры жаберных отверстий по его команде плотно смыкались вокруг резины и образовывали надежный замок. Стандартная ген-кошка, обладая тремя большими плавательными пузырями, могла регулировать их подъемную силу, что позволяло ей не только держаться на поверхности долгое время, но и нырять на несколько ярдов в глубину. В этих кошках Эдеард начал с плавательных пузырей, а уже вокруг вылепил все

прочее, так что те занимали восемьдесят процентов объема тела. Остальное приходилось на долю мускулов, что превращало животное в идеальную помпу наподобие сердца, только для перекачки воды. Телепатический посыл приказал кошкам начать сокращать и расслаблять мышцы, придерживаясь определенного ритма.

Наконец Эдеард поднялся на ноги, и вокруг установилась тишина. Все глаза и прозрения были обращены к каменному бассейну, устроенному рядом с колодцем. В нем лежал изогнувшийся конец шланга. В течение мучительно долгой минуты ничего не происходило, затем послышался булькающий звук. И вот вылетели первые капли, а за ними в бассейн хлынул пенящийся поток. Каменная емкость стала быстро наполняться.

Эдеард помнил струю из старой помпы: эта оказалась сильнее в несколько раз. Мелзар зачерпнул ладонью воды и попробовал на вкус.

— Свежая и чистая, — громко объявил он. — И более того: ее много.

Он встал перед Эдеардом и начал хлопать в ладоши, взглядом приглашая всех присутствующих присоединиться. Люди поддержали его, и вскоре на Эдеарда обрушилась буря аплодисментов. У него опять вспыхнули щеки, но теперь ему было все равно. Рука Акиима легла ему на плечо, а мысли старика засияли горделивой радостью. Даже Гиипалт нехотя был вынужден признать успех. А Оброна и его дружков след простыл.

Ну а потом пришлось навести окончательный порядок. Рядом с колодцем разместили мешки с маслянисто-овощной кашцей, которой питались кошки; к мешкам прикрепили тонкие трубки, обеспечивающие постоянное поступление пищи. Эдеард подвел концы трубок ко ртам кошек и дал команду сосать медленно. Ведард со своими подмастерьями закрепил шланг на краю колодца. Плиты вокруг него вычистили. Под конец на шахту опустили каменную плиту, закрыв кошек в их новом микромире. К этому времени у каменного бассейна уже выстроилась очередь из подмастерьев и прислуживающих в домах ген-мартышек.

— У тебя редкий талант, мой мальчик, — сказал Мелзар, глядя, как вода плещется уже у края каменного углубления. — Как я понимаю, нам придется предусмотреть еще и сток, чтобы отводить излишки воды. А потом совет наверняка потребует проложить эту чертову сеть труб, чтобы снабжать дома. Акиим, ты дал начало настоящей революции. Я почту за честь, если вы со своим подмастерьем примете приглашение на ужин в моем доме.

— Я с радостью освобожу некоторое количество вина, томящегося у тебя в подполе, — ответил Акиим. — Как я слышал, темница под залом твоей гильдии переполнена.

— Ха! — Мелзар повернулся к Эдеарду. — А тебе, парень, нравится вино?

Неожиданно для себя Эдеард понял, что вопрос означает искренний интерес, а не очередную насмешку.

— Я еще не знаю, сэр.

— Что ж, пора это выяснить.

Люди стали расходиться, распространяя атмосферу удовлетворения на всю деревню. Хорошее начало весеннего сезона — словно благоприятное предзнаменование, сулящее лучшие времена. Эдеард подошел к бассейну и стал смотреть, как подмастерья черпают воду. Может, ему и показалось, но мальчишки смотрели в его сторону с большим одобрением, чем прежде. Кое-кто даже поздравил его с успехом.

— Наслаждаешься победой?

К нему подошла Салрана. Эдеард усмехнулся.

— Скорее, просто хочу убедиться, что кошки не утонут от усталости и что трубы не

соскочат. Мало ли что еще может произойти.

— Бедняжка Эдеард, пессимист, как и всегда.

— Нет, только не сегодня. Сегодня...

— Все прошло великолепно.

Он заметил, что солнце скрылось за набежавшими тучами.

— Вот это отлично. И для меня, и для деревни.

— Я действительно восхищаюсь тобой, — сказала она. — Надо быть очень смелым, чтобы отстаивать свои убеждения, особенно в таком месте, как наша деревня. Мелзар прав: это настоящая революция.

— Ты подслушивала! Что скажет Небесная Заступница?

— Она бы сказала, что ты молодец. Ты сделал жизнь немного легче д. каждого из нас. У жителей Эшвилля стало на одну тревогу меньше. Это очень важно. Жизнь здесь такая тяжелая! На фундаменте надежды можно построить целую империю.

— Это надо запомнить, — поддразнил он Салрану.

— Если бы ты посещал церковь, ты бы знал об этом.

— Мне жаль, но времени всегда не хватает.

— Небесная Заступница все знает и понимает.

— Ты такая добрая, Салрана. Когда-нибудь ты обязательно станешь пифией.

— А ты — мэром Маккатрана. Вот будет здорово, мы с тобой сделаем счастливой всю Кверенцию.

— Никаких бандитов. Никакого угнетения для подмастерьев.

— И послушников.

— О нашем правлении будут рассказывать до тех пор, пока Небесны Властители не вернутся, чтобы забрать нас всех к себе.

— Ой, посмотри, — воскликнула она. — Вода переполняет бассейн! Эдеард, ты дал нам слишком много воды.

Он увидел, как вода переливается через край. Спустя несколько секунд маленький ручеек уже подобрался к их ногам. Они оба рассмеялись и отбежали в сторону.

Джастина Бурнелли тщательно осмотрела тело, прежде чем надевать его снова. В конце концов, с тех пор как она носила его в последний раз, прошло уже больше двух столетий. Все это время оно хранилось в футляре из экзотической материи, генерирующей стабилизирующее поле таким образом, чтобы внутри не прошло и половины секунды.

Сам футляр, похожий на сферу фиолетового света, располагался в нью-йоркском хранилище АНС, сто пятьдесят этажей которого уходили вниз под улицами Манхэттена. Ее ячейка вместе с несколькими тысячами идентичных светящихся сфер была на девяносто пятом этаже. Как правило, после загрузки личности АНС сохраняла тело в течение пяти лет на случай, если возникнут проблемы совместимости. Такие ситуации были большой редкостью, в среднем только одна личность из одиннадцати миллионов отказывалась от жизни в АНС и возвращалась в материальную реальность.

По истечении этих пяти лет тело уничтожалось. В конце концов, если кто-то действительно захотел бы покинуть АНС, можно было бы вырастить обычного клона — примерно так, как это делалось при процедуре оживления, еще имевшей место во Внешних мирах.

Но правление АНС считало целесообразным в некоторых ситуациях иметь в Великом Содружестве материальных представителей. Джастина была одной из них — отчасти по собственной инициативе. К моменту постройки хранилища для Активной нейронной сети, виртуальной идеальной вселенной всеобщего равенства, ей было уже более восьми столетий. После такой долгой жизни ей не хотелось уничтожить свое тело, как не хотелось признавать оживление реальным продолжением жизни. Она по-прежнему считала, что клоны, загруженные сознанием умершего человека, представляют собой другую личность, несмотря на то что никаких осязаемых различий не проявлялось. Воспитание, полученное в начале XXII века, трудно было забыть даже такой зрелой и развитой личности, какой стала Джастина.

Фиолетовая мгла рассеялась, открыв взгляду светловолосую девушку, биологический возраст которой не превышал двадцати пяти лет. И весьма привлекательную, как не без гордости отметила Джастина, тем более что за прошедшие столетия ее облик не слишком изменился в результате генетических манипуляций. В этой девчонке еще можно было узнать своевольную особу начала XXI столетия, чье имя лет десять подряд упоминалось в светской хронике, пока она делила время между элитными клубами Восточного побережья и забегаловками для актеров мыльных опер. Да, ее носик был слишком коротким и вздернутым. Сегодня, окинув свое лицо критическим взглядом, Джастина решила, что нос смотрится чересчур кокетливым, особенно в сочетании с острыми скулами. Ее глаза стали бледно-голубыми, под стать нордической белоснежной коже, покрытой медово-золотистым загаром, и густым светлым волосам, падавшим до середины спины. Друзья из XXI столетия могли бы сказать, что она немного подросла; в процессе многочисленных процедур омоложения она постепенно увеличила рост на четыре дюйма и при этом не поддавалась искушению направить всю добавку в ноги. Ее тело сохранило идеальные пропорции и безупречно плоский живот, что было довольно легко благодаря частично ускоренному процессу пищеварения. К счастью, она никогда не увлекалась увеличением груди — если не считать того случая, когда после омоложения к своему двухсотлетию поняла, что значит

иметь в декольте ложбинку размером с Большой каньон. Да, мужчины разевали рты и говорили ужасные глупости, но Джастина и без этого могла добиться благосклонности любого кавалера, так что она избавилась от надоевшего размера бюста уже при следующем омоложении.

И вот она здесь, во плоти и все еще в отличном состоянии, не хватает только мыслей. После подтверждения результатов визуального осмотра контролирующей программой она наполнила мозг своим сознанием. Произошло колоссальное сокращение объема памяти, а вместе с этим и утрата усовершенствованных мыслительных подпрограмм, которые составляли ее сущность. Старая биологическая нейронная структура просто не обладала достаточной емкостью, чтобы вместить то, чем Джастина стала в АНС. Возникло ощущение усечения сознания, разум как будто сократился до примитивного уровня какого-то насекомого. «Это временно», — напомнила Джастина. Как же медленно тянутся мысли!

Она сделала первый вдох за два столетия. Ее грудь поднялась резким толчком, словно после ночного кошмара. Сердце забилося в лихорадочном темпе. В первое мгновение она ничего не предпринимала — просто не могла вспомнить, что же нужно делать. Затем проснулись старые надежные рефлексy. Она сделала еще один вдох, подавила приступ паники и с помощью логики справилась с первобытными инстинктами. Еще один вдох, более плавный. Сердце успокоилось. В периферийном поле зрения появились стандартные символы дополнительных усовершенствований. Джастина открыла глаза. Вокруг нее рядами экстравагантных скульптур во все стороны тянулись ряды фиолетовых сфер. В сознании материального мозга почему-то существовала уверенность, что она сможет увидеть внутри футляров очертания человеческих тел. Глупо. Похоже, что в АНС она позволила себе избавиться от воспоминаний о том, насколько ненадежен женский мозг, подверженный воздействию гормонов.

Медленная улыбка открыла безупречно белые зубки. «До следующей загрузки я наконец-то позволю себе заняться реальным сексом!» — подумала Джастина.

Из хранилища в Нью-Йорке она телепортировалась прямо в центр поместья Тюльпанов. Стабилизирующее поле многие столетия поддерживало древний особняк Бурнелли, сохраняя все материалы в первозданном виде. Увидев дом собственными глазами, Джастина радостно улыбнулась. Честно говоря, здание можно было назвать просто безобразным; особняк состоял из четырех «лепестков», чьи красно-черные крыши сходились в центрек у «башни-тычинки», увенчанной «античной» короной, высеченной из камня и покрытой сусальным золотом. Поразительный в своей аляповатости стиль на протяжении десятилетий то входивший в моду, то подвергавшийся критике. Гор Бурнелли, отец Джестины, еще в середине XXI века выкупил поместье у округа Рай в окрестностях Нью-Йорка и основал здесь личный центр финансовой и коммерческой деятельности. Поместье Тюльпанов принадлежало семье во времена становления и развития Содружества, пока его социальное и экономическое значение не уступило натиску биоников, АНС и разделению общества на Высших и Прогрессоров. Сегодня внушительная империя семьи раскинулась во Внешних мирах, но управлялась она корпорацией тысяч Бурнелли, ни одному из которых не было больше трехсот лет. Гор, основавший и развивший семейный бизнес вместе с ближайшими родственниками (включая Джестину), давным-давно загрузил ил свое сознание в АНС. Однако юридически и официально он так и не передал нетерпеливым потомкам право собственности. Гор заверял их, что это всего лишь незначительная уловка ради их собственной выгоды, ради того чтобы сохранить целостность структуры и сплотить

семейство, чем пренебрегали многие другие Династии. Только Джастина прекрасно понимала, что даже при нынешнем могуществе и всеилии в составе АНС Гор не намерен выпускать из рук дело, на создание которого он потратил так много сил и времени. Уловка! Как бы не так!

Она материализовалась в середине бального зала особняка. Босые ноги уперлись в полированный дубовый пол, почти не уступающий в своем блеске зеркалам в золотых рамах. Десятки отражений обнаженного тела приветствовали ее смущенной усмешкой. Темно-бордовые бархатные портьеры обрамляли высокие окна, выходящие на веранду, увитую белой глицинией. Низкое февральское солнце освещало обширные лесные уголья, перемежаемые зарослями рододендронов. Джастина вспомнила о былых роскошных приемах. Слава, богатство, красота, могущество и знатность создавали такие замысловатые переплетения, что от зависти зачахла бы сама Джейн Остин.

Открытые двери вели в широкий коридор. Джастина вышла, наслаждаясь теплым ощущением узнавания полузабытых видов. В нишах стояла мебель, бывшая антикварной задолго до того, как Оззи и Найджел построили свой первый генератор червоточин; на стенах висели картины, за каждую из которых в каком-нибудь из Внешних миров можно было купить целый материк.

Джастина прошлепала босыми ногами по лестнице, плавно изгибающейся над главным вестибюлем, и направилась в северный лепесток, где находилась ее старая спальня. Здесь все оставалось в том самом виде, в каком было при ней. Стабилизирующее поле и роботы-слуги поддерживали приятную иллюзию жилого помещения; она или еще кто-то из Бурнелли могли прийти сюда в любое время и насладиться безупречным гостеприимством дома предков. Белье на аккуратно заправленной постели было вынесено из зоны стабилизирующего поля и проветрено, как только Джастина договорилась с АНС о приеме. В гардеробной наготове имелось несколько вариантов одежды. Джастина оставила без внимания современный плащ-костюм и выбрала классическое изумрудное платье в индийском стиле и черные ботиночки.

— Весьма скромно.

Джастина подпрыгнула от звука голоса. Но тревогу тотчас вытеснило раздражение. Она обернулась и сердито сверкнула глазами на объемную проекцию у входа в комнату.

— Папа, мне не важно, как далеко ты ушел от физической реальности, но ты *не должен* без стука входить в женскую спальню. Особенно в мою.

В облике Гора Бурнелли не появилось ни намека на раскаяние. Он продолжал с интересом наблюдать, как Джастина, присев на край кровати, шнурует ботинки. Сам он выбрал облик из XXIV столетия — именно в котором он так прославился: вся кожа на его теле сверкала золотом верх металлической оболочки был надет черный пуловер и черные брюки. Сияние мешало рассмотреть черты лица, но без блеска это был бы симпатичный двадцатипятилетний мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами. Его лицо — в те времена, когда он еще им пользовался, — кривала сплошная сеть органических татуировок, резко контрастирующих с обыкновенными серыми глазами, глядящими из сплошного блеска. Кое-кто говорил, что это настоящий Гор выглядывает из-под маски усовершенствований, но утверждение было не более чем метафорой. Гор всегда увлекался новейшими разработками в области мыслительных программ, а впоследствии стал одним из основателей АНС.

— Можно подумать, это имеет какое-то значение, — проворчал он.

— Вежливость всегда имеет значение, — отрезала Джастина.

Она сердилась еще и из-за того, что пальцы утратили былую гиб» и никак не могли справиться со шнуровкой.

— Хорошо, что для встречи Посланника выбрали тебя.

Джастина наконец завязала бантик, выпрямилась и иронично изогнула бровь.

— Ты ревнуешь, папа?

— К тому, что ты опять стала турбомоделью обезьяны? Конечно! Мышление на таком уровне и с такой скоростью вызывает у меня головную боль.

— Турбообезьяна! Ты хотел сказать «животное»?

— Плоть и кровь присущи животным.

— Интересно, сколько фракций пользуется твоей поддержкой?

— Я Консерватор, и это всем известно. Ну да, я допускаю незначительное участие в работе внешних группировок.

— Гм-м.

Она окинула его подозрительным взглядом. Даже оставаясь в материальном теле, она помнила слухи о том, что АНС предоставляла некоторым своим сущностям особые привилегии. Правление это, конечно, отрицало, но если кто и имел право «быть равнее равных», то, безусловно, Гор, один из отцов-основателей системы.

— Посланник сейчас будет здесь, — сказал Гор.

Джастина просмотрела экзотические образы и начала перенастраивать вторичную мыслительную программу. Макроклеточные ячейки и бионики в ее не модифицировались уже два столетия, но для простой сегодняшней задачи подходили превосходно. Она вызвала своего сына Казимира.

— Я готова, — сказала она ему.

Выходя из спальни, она ощутила краткое дуновение холода и оглянулась.

«На этой кровати мы любили друг друга в тот последний раз, когда я видела его живым». Воспоминание о Казимире Макфостере оставалось единственным, которое она никогда не отправляла в хранилище и которому не позволяла ослабевать. С тех пор у нее были другие чудесные и пылкие связи, и в физическом мире, и в АНС, но ни одна не оставляла таких мучительно-сладостных воспоминаний, как любовь Казимира, в чьей смерти она не переставала винить себя.

Гор, не говоря ни слова, последовал за Джестиной по лестнице в вестибюль. Она подозревала, что он догадывается о ее чувствах.

Казимир телепортировался в отделанный мрамором холл и появился точно в центре, на большом кресте эмблемы Бурнелли. Как и всегда, на нем был адмиральский мундир. За шесть столетий Джастина ни разу не видела его в другой одежде. С искренней улыбкой он обнял ее и прикоснулся губам к щеке.

— Мама. Ты, как всегда, выглядишь великолепно.

Джастина вздохнула. Он *так* похож на своего отца...

— Спасибо, дорогой.

Казимир слегка поклонился Гору.

— Дедушка.

— Все еще держишься за это древнее гнездо, — произнес Гор. — Когда ты уже присоединишься к нам, к цивилизации?

— Спасибо, но еще не сегодня, дедушка.

— Па, не дави на него, — предостерегающе сказала Джастина.

— По-моему, это чертовски глупо, — заворчал Гор. — Никто не живет в теле целую тысячу лет. Что тебя здесь держит?

— Жизнь. Люди. Друзья. Реальные обязанности. Ощущение чуда.

— У нас целые тонны этого добра.

— И пока вы наслаждаетесь внутренним миром, Вселенная продолжает крутиться.

— Эй, мы следим за событиями вне нашего общества.

— Именно поэтому сегодня и состоялось счастливое воссоединение нашей семьи. —

Казимир торжествующе усмехнулся.

Джастина даже не прислушивалась к разговору. Этот спор происходил у них при каждой встрече, словно приветственный ритуал.

— Может, пойдём, мальчики?

Двери особняка распахнулись, и Джастина, не дожидаясь остальных, вышла в просторный внутренний двор. Снаружи было холодно; в низинах, куда еще не заглянуло солнце, пока лежал иней. По яркому голубому небу плыли редкие облачка. Между ними с юго-востока скользил вниз корабль Окайзенской Империи. Он имел форму неправильного треугольника длиной почти в двести метров. Казалось, корабль построили совершенно без учета законов аэродинамики. По темному металлу корпуса были разбросаны зеленовато-голубые пятна, напоминающие лишайники. В гофрированной поверхности имелись углубления, из которых торчали черные стержни, а выступающие блоки, казалось, кто-то расположил наугад. Из задней части корабля выступали ярко-красные пластины радиаторов.

Гор презрительно фыркнул.

— Что за чудовище! Уж лучше бы они воспользовались нашими антигравитами.

— Чтобы пройти путь от полета братьев Райт до «Второго шанса», нам потребовалось пять столетий, — напомнила ему Джастина.

Гор продолжал наблюдать за кораблем, уже зависшим над поместьем.

— Как ты думаешь, они воспользуются для приземления реактивными струями сухого льда или пустят в ход гигантскую лазерную пушку, которая разнесет вдребезги Белый дом?

— Папа, успокойся.

Корабль снизился. В нижней части открылись два ряда люков.

— Черт побери, они, похоже, и не слышали о малметалле, — посетовал Гор.

Из люков высунулись длинные складные опоры. Их появление сопровождалось резким шипением газа, под высоким давлением выходящего через решетки в люках.

Джастине, чтобы не захихикать, пришлось прикусить нижнюю губу. Космический корабль чужаков выглядел так, как если бы Изамбард Кингдом Брюнель ^[1] был привлечен к постройке «Королевы Виктории».

Опоры коснулись земли и глубоко погрузились в траву и мягкую почву. Несколько радиаторов при спуске срезали и подожгли ветки белой березы, быстро упавшие на землю.

— Ого, какие от него разрушения. Что останется от нашего мира? Дети, быстро бегите в лес, я со своим дробовиком их задержу.

— Папа! И отключи, пожалуйста, свою проекцию. Тебе известно, как Империя относится к личностям из АНС.

— Глупости и суеверия.

Объемная проекция погасла. В виртуальном поле зрения тотчас вспыхнула иконка присутствия Гора.

— А теперь веди себя прилично, — сказала Джастина отцу.

«Этот корабль все вокруг заражает радиацией, — пожаловался Гор. — даже не позаботились должным образом экранировать ядерный реактор. Да и кто в наше время пользуется дейтерием?»

Джастина взглянула на информацию с сенсоров.

— Этот уровень излучения едва ли можно считать вредным.

— Окайзены не так чувствительны к радиоактивности, как люди, — метил Казимир. — Это одна из причин, по которым уровень индустриализации их домашнего мира соответствует нашим технологиям середины XXI века. Им просто не требуется такая степень экранирования, как нам.

Примерно в середине корабля открылся многосегментный шлюз. Оттуда, сидя на полукруглой антигравитационной тележке, выплыл полномочный представитель Окайзенской Империи. В физическом отношении чужак не производил особого впечатления: некрупный бочкообразный корпус был закрыт слоями дряблой плоти, образующей ступенчатые складки. В верхней части на четырех гибких подвижных отростках располагались глаза, а четыре конечности были свернуты вокруг нижней половины туловища. На их концах имелись кибернетические приспособления, обеспечивающие не только свойства точных манипуляторов, но и дополнительную мощь, сравнимую с усилием гидравлических клещей. По всему телу, вплоть до основания зрительных отростков, где они сходились наподобие ворота, тянулись дополнительные крепления, напоминающие хромированный экзоскелет. По коже были разбросаны пятна, похожие на медный лишайник, из которых торчали гибкие стебельки с миниатюрными сапфировыми цветочками.

Капсула, опустившись на полметра над землей, остановилась, и Джастина отвесила официальный поклон. Даже при наличии антигравитационной тележки и дополнительной фиксации было очевидно, что чужак прибыл из мира с меньшей силой тяжести. Его тело, поддерживаемое металлическими и композитными опорами, тяжело обвисло. Два зрительных отростка изогнулись и нацелились на Джастину.

— Спасибо, что согласились нас посетить, Посланник, — заговорила Джастина.

— Мы с радостью приняли ваше приглашение, — ответил Посланник.

Его собственный голос звучал из узкой щели между зрительными отростками. Перевод на английский язык, производимый процессорами капсулы, громко транслировался динамиками.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказала она, вспоминая правила формальных церемоний.

Один из зрительных отростков Посланника повернулся в сторону Казимира.

— А ты командующий флотом человечества.

— Верно, — подтвердил Казимир. — И я здесь, согласно вашему пожеланию.

— В штурме Фандолы сражались многие из моих далеких предков.

Из ротовой щели Посланника вытекли капли слюны, быстро исчезнувшие в сливных отверстиях его ворота.

— Я уверен, они сражались с честью.

— К черту честь. Если бы в тот день вы не вмешались, мы бы пожинали плоды победы над жалкими ханчерами.

— Ханчеры — наши союзники. А ваша атака была неразумным шагом. Я предупреждал вас, что мы не бросаем друзей. Это не в наших привычках.

Четвертый зрительный отросток повернулся к Казимиру.

— Это ты лично предупреждал Империю, командуешь флотом?

— Да, именно так.

— Ты живешь очень долго. Ты уже утратил свою естественность.

— Посланник, вы прибыли сюда для того, чтобы меня оскорблять?

— Ты преувеличиваешь. Я только констатирую очевидный факт.

— Мы не прячемся от очевидных фактов, — вмешалась Джастина. — Но мы собрались не для того, чтобы обсуждать прошлое. Входите, прошу вас. Посланник.

— Ты очень добра.

Джастина вернулась в вестибюль, и вслед за ней вплыла тележка Посланника. Он умудрялся двигаться не настолько вплотную, чтобы показаться грубым, но все же достаточно близко, чтобы действовать на нервы.

В ее периферийном поле зрения рядом с иконкой Гора мигнула иконка Казимира.

«А тебе известно, — заговорил Казимир, — что окайзены стали красить свои тележки в черный цвет после того, как узнали, что он неприятен людям?»

«Если это все, на что они способны, остается только удивляться, что их расе удалось пережить ядерную эпоху», — ответила она.

«Не спешите над ними насмеяться, — предостерег Гор. — Как бы мы ни смеялись, они образовали могущественную империю, и без нашей помощи ханчеры были бы уничтожены».

«Я бы не стала считать это преимуществом, — возразила Джастина. — И для нас они не представляют никакой угрозы. Их технологиям далеко до уровня цивилизации Высших, не говоря уж об АНС».

«Да, но в настоящий момент они развивают только одно направление — изучение новых технологий, особенно военных. Значительная часть бюджета Империи уходит на создание кораблей для исследования дальнего космоса; они надеются, что смогут обнаружить мир, обитатели которого давно покинули материальную реальность, чтобы воспользоваться тем, что осталось после их ухода».

«Будем надеяться, что они никогда не встретятся с иммобайлами праймов».

«Они совершили семнадцать попыток добраться до Пары Дайсона, — сказал Казимир. — И на сегодняшний день сорок два их корабля ищут цивилизации иммобайлов за пределами Огненного Вала».

«Я этого не знала. Нужно ли опасаться, что они обнаружат какую-нибудь отдаленную планету праймов?»

«Если уж мы не сумели ее найти, окайзенам вряд ли это удастся».

Джастина привела гостей в комнату Маклеода и заняла место во главе большого дубового стола, стоящего в центре. Казимир сел рядом с матерью, а Посланник остался парить на антиграве у противоположного конца стола. Его зрительные отростки медленно поворачивались, словно он не мог понять, что же именно видит на стенах. Комната была декорирована в шотландском стиле, так что чужак оказался в окружении тартанов, древних кельтских церемониальных мечей и суровых на вид манекенов в клановых килтах. Кроме того, в стеклянных витринах были выставлены еще и несколько волюнок, а над сложенным из камня камином, вывезенным из Хайленда, висели роскошные олени рога.

— Посланник, — официальным тоном обратилась к нему Джастина. — Я представляю правительство Земли. Я материальна, как вы и просили, и я уполномочена правительством вести переговоры с Окайзенской Империей. Что бы вы хотели обсудить?

В ее сторону повернулись сразу три глаза Посланника.

— Несмотря на наше неодобрение по поводу подчинения живых существ техническим устройствам, мы признаем, что ваш планетарный компьютер является истинным правителем Содружества. Именно поэтому я и попросил о личной встрече, вместо того чтобы, как обычно, обратиться к сенату.

Джастина не собиралась начинать спор о политических структурах человечества с чужаком, который признавал только черное и белое.

— Это действительно так. АНС имеет значительное влияние на Земле.

— В таком случае вы должны действовать заодно с Империей, чтобы предотвратить весьма реальную угрозу.

— О какой угрозе идет речь, Посланник? — сказала Джастина, а про себя подумала: «Как будто мы об этом не знаем».

— Одна из группировок людей намеревается отправить корабли в Бездну.

— Да, это движение Воплощенный Сон, они собираются организовать паломничество верующих.

— Я достаточно долго общался с вашей расой и знаком с эмоциональными течениями среди людей. Но я удивлен, что вы никак не реагируете на это обстоятельство и не выражаете ни огорчения, ни опасений. Мы узнали о Бездне от людей, значит, вам должно быть известно, какой процесс грозит запустить ваш Воплощенный Сон.

— Они ничем не грозят, они только хотят жить той жизнью, о которой поведал их кумир.

— Вы намеренно отвергаете вероятность осложнений. Их вторжение в Бездну спровоцирует фазу масштабного поглощения. Галактика погибнет. Наша Империя будет уничтожена. Вы погубите нас и множество других цивилизаций.

— Этого не произойдет, — сказала Джастина.

— Ваше намерение остановить Воплощенный Сон вселяет в нас уверенность.

— Я говорила не об этом. И не о том, что их паломничество не вызовет каких-либо осложнений. У них просто нет возможности пройти сквозь горизонт событий, охраняющий Бездну. Даже райели испытывают с этим огромные затруднения, а у Воплощенного Сна нет доступа к кораблям райелей.

— Тогда почему они готовят это паломничество?

— Просто политический шаг, ничего более. Окайзенской Империи, как и всем остальным расам, не о чем беспокоиться.

— Вы можете гарантировать, что Воплощенному Сну не удастся преодолеть горизонт событий? Другие люди попадали в Бездну. Они и спровоцировали это паломничество, разве не так?

— В мире нет ничего определенного, Посланник, и вам об этом хорошо известно. Но вероятность...

— Если вы не в состоянии дать такой гарантии, вы обязаны предотвратить вылет кораблей.

— Великое Содружество — это демократический институт, обязанный считаться и с Воплощенным Сном как с межзвездной организацией, и с законным правительством Эллезелина. Конституция Содружества призвана защищать право на свободное волеизъявление, касается это отдельной личности или правительства планет. Другими словами, у нас нет права запрещать паломничество.

— Я знаком с вашими юристами; все можно изменить, нет ничего непоправимого. Вы играете со словами, но не с реальностью. Империя признаёт только силу и компетентность. Если не ошибаюсь, ваше компьютерное правительство обладает физической силой, чтобы предотвратить паломничество, не так ли?

— Способность не всегда подразумевает намерение, — заметила Джастина. — Правление АНС способно на многое. Но мы не делаем того, что нарушало бы наши юридические или моральные законы.

— Разрушение Галактики вашей моралью не предусмотрено. Вы можете его предотвратить.

— Об этом можно поспорить, — сказала Джастина, пожалев о том, что ее мнение не намного отличается от мнения чужака.

— Империя требует определенного решения. Корабли паломников необходимо уничтожить.

— Об этом не может быть и речи, — отрезала Джастина. — Мы не имеем права вмешиваться в законную деятельность суверенного государства, это против всех наших устоев.

— Если вы не вмешаетесь, Империя примет свои меры. Даже ваши юристы не могут оспаривать нашего права на самозащиту.

— Это угроза, Посланник? — негромко спросил Казимир.

— Это информация о действиях, к которым вы нас вынуждаете. Почему вы сами не понимаете? Неужели вы боитесь своих примитивных сородичей? Чем они могут вам угрожать?

— Они не угрожают, просто мы уважаем друг друга. Неужели вы не способны этого понять?

Джастина попыталась определить реакцию Посланника на колкость, но он остался невозмутимым. Слюна по-прежнему капала из ротовой щели, а руки вздрагивали внутри поддерживающего каркаса, словно пойманные рыбки.

— Лицемерие ваших законов никогда не переставало нас удивлять, — сказал Посланник. — Империи известно, что во времена кризисов вы всегда принимаете экстраординарные решения, независимо от конституции. Мы просим прибегнуть к ним и в данном случае.

— Правление АНС охотно передаст ваше предложение на обсуждение сената, — ответила Джастина. — Мы будем просить Воплощенный Сон воздержаться от опрометчивых поступков.

— Будет ли ваша просьба подкреплена силовым воздействием в случае отказа?

— Вряд ли, — сказал Казимир. — Наш флот создан для защиты от внешних врагов.

— А разве поглощение Бездной не вражеское действие? В конечном счете Бездна угрожает всем. Это признают даже райели.

— Посланник, мы понимаем ваше беспокойство, — попыталась успокоить его Джастина. — Хочу вас заверить, что мы приложим все силы, чтобы предотвратить катастрофическое поглощение.

— Поглощение не способны предотвратить даже райели. Вы считаете, что люди превосходят их в своем могуществе?

— Возможно, нет, — негромко произнесла Джастина. Интересно, понятен ли ему сарказм?

— В таком случае мы сами воспрепятствуем полету ваших кораблей.

— Посланник, я бы хотел предостеречь Империю от подобных действий, — сказал Казимир. — Флот не позволит вам нападать на людей.

— Не думайте, что вам удастся нас запугать, адмирал Казимир. Наша раса уже не так беспомощна, как во время атаки на Фандолу. Теперь у нас есть союзники. Я представляю множество могущественных рас, которые не позволят допустить финального поглощения Бездной. Теперь мы не одиноки. Или вы считаете, что флот способен противостоять целой Галактике?

Его слова, казалось, не произвели на Казимира никакого впечатления.

Флот призван только защищать людей. Я настоятельно советую вам позволить людям самим решать внутренние проблемы. Человечество не допустит массового поглощения.

— Мы будем за вами присматривать, — прогудел Посланник. — Если вы не воспрепятствуете постройке и запуску этих кораблей, мы вместе со своими новыми и сильными союзниками предпримем собственные шаги для самообороны.

— Я понимаю ваше беспокойство, — повторила Джастина. — Но я прошу доверять нам.

— Вы никогда не давали для этого повода, — отрезал Посланник. — Благодарю, что нашли время для встречи. Я возвращаюсь на корабль. Ваши природные условия мне неприятны.

«Для okayзена это еще очень мягко сказано», — подумала Джастина. Она встала из-за стола и проводила Посланника к кораблю. Как только судно поднялось в воздух, рядом с Джестиной материализовался Гор.

— Союзники, вот как? Тебе о них что-нибудь известно? — спросил он у Казимира.

— Абсолютно ничего, — ответил тот. — Это может быть чистым блефом. Хотя, с другой стороны, если они всерьез намерены воспрепятствовать паломничеству, без союзников им не обойтись. В одиночку они ничего не смогут сделать.

— Неужели это райели? — удивленно воскликнула Джастина.

Казимир пожал плечами.

— Я в этом сомневаюсь. Райелям несвойственно втихомолку заключать сделки и натравливать одну расу на другую. Если бы Империя к ним обратилась, я уверен, райели сказали бы нам об этом.

— Значит, постфизические существа?

— Не исключено, — признал Гор. — По большей части они видят в нас вульгарных нуворишей, вломившихся в привилегированный клуб. По крайней мере те, кто снисходит до общения с нами. Остальные нас просто не замечают. Но я бы очень удивился, если бы это оказалось правдой. По-моему, им гораздо интереснее было бы понаблюдать за финальной стадией поглощения.

— А тебе? — насмешливо поинтересовалась Джастина.

Золотые губы Гора раздвинулись в улыбке, приоткрыв белоснежные зубы.

— Допускаю, что это было бы чертовски любопытное зрелище. Если смотреть с расстояния. С очень большого расстояния.

— Что же ты посоветуешь? — спросила Джастина.

— Надо действительно поставить вопрос на обсуждение сената, — ска Казимир. — Посланник прав. Я полагаю, паломничество не должно состояться.

— А мы не можем им помешать, — насмешливо напомнил Гор. — В соответствии с конституцией.

— Мы должны найти решение, — решительно заявила Джастина. — Политическое решение. И побыстрее.

— Узнаю свою девочку. Ты сама доложишь сенату? Ты имеешь вес среди сенаторов — история во плоти!

— И хорошо бы получить подтверждение от райелей, — добавил Казимир. — Кстати, у тебя с ними сохранились личные связи.

— Что? — Джастина даже ссутулилась. — Проклятье. Я не планировала покидать Землю.

— Я думаю, и Посланник ханчеров тоже нуждается в нашем ободрении, — с издевательской усмешкой продолжал Гор.

Джастина посмотрела на отца в упор.

— Да, и еще необходимо присматривать за множеством других людей и фракций.

— Я уверен, правление знает, что делает. В конце концов, ты была единственной кандидатурой. Это многого стоит.

— Честно говоря, моя кандидатура была второй.

— А первой? — полюбопытствовал Казимир.

— Тонья Галл.

— Эта сука? — выплюнул Гор. — Даже в первый день после омоложения она не могла найти себе партнера в «Молчаливом мире». Ее все ненавидят.

— Знаешь, папа, период переселения в истории был признан малым золотым веком.

— Вернее сказать, почти незаметным.

Джастина и Казимир обменялись улыбками.

— Насколько я помню, она была неплохим президентом, — заметил Казимир.

— Чушь.

— Я нанесу визит в посольство ханчеров по пути в сенат, — сказала Джастина. — Будет интересно узнать последние новости о милитаристских шагах Империи.

— А я произведу перестановку наших наблюдательных систем в Империи. Посмотрим, не удастся ли подобраться поближе и узнать, что там происходит, — заявил Казимир.

Тело Джестины телепортировалось из поместья Тюльпанов, и после этого первичная сущность Гора удалилась в надежное убежище в бескрайних просторах АНС. В рамках восприятия это были довольно скромные владения. Некоторые люди в качестве личной сферы строили себе целые вселенные, конфигурация которых поддерживалась саморегулирующимися программами. Сердцевина, ядро или микросреда обитания, занимаемые ими, тоже различались между собой в соответствии с индивидуальными концепциями. Насколько далеко тянулись эти владения, больше не имело значения. АНС переросла зависимость от материального оборудования, которое ее породило. Операционная среда теперь пронизывала квантовую структуру пространства–времени вокруг Земли, создавая уникальную область, в которой могли функционировать постфизические личности. Многочисленные полости, накапливающиеся в квантовых полях, поражали упругостью и хрупкой красотой галактической туманности, и бесконечное разнообразие структур подчинялось только капризам своего создателя. Теперь это была уже не машина и не искусственно поддерживаемое состояние. Это была сама жизнь. Вероятные направления ее эволюции оживленно обсуждались в постфизическом обществе.

Нельзя сказать, чтобы фракции воевали между собой по поводу окончательной конфигурации АНС, но сражения в поддержку тех или иных идей велись весьма оживленно.

Гор, говоря о своей принадлежности к Консерваторам, несколько погрешил против истины. Он действительно поддерживал идею сохранения нынешнего порядка вещей, но только потому, что остальные фракции предлагали решения с излишней поспешностью — за исключением разве что Делителей, предлагающих разбиение АНС на отдельные группировки по числу фракций, чтобы каждая из них могла идти своим путем. С ними Гор тоже не был согласен. Он хотел не торопясь получить больше информации, и тогда, по его убеждению, направление дальнейшего движения станет более очевидным.

Гор перенесся на обширный пляж, над которым на несколько сотен метров возвышалась скалистая гряда. В самой высокой ее точке стояла старая каменная башня с потрескавшимися стенами и белой шатровой постройкой, прилепившейся к задней ее части. Жаркое солнце нагревало открытые руки и голову. Гор был одет в рубашку с короткими рукавами и легкие брюки, едва прикрывавшие колени. На гладкой коже не просматривалось никаких следов усовершенствований. Этот облик и окружающий пейзаж он взял и первой половины XXI века, когда жизнь казалась намного легче, даже без разумных машин. Это было побережье Хоксбил на острове Антигуа, куда молодой Гор Бурнелли часто приходил на своей яхте «Подлунный Мэдисон». В те времена по всему берегу стояли отели, но сейчас позади пляж зеленели луга и пальмовые рощи, где порхали яркие попугаи. И еще здесь не было постоянно дующих ветров, как на реальном острове, море сияло чистой бирюзой, а к берегу часто подходили косяки рыб.

Наверх к башне вела простая грунтовая тропинка. Под матерчатой крышей павильона находился широкий деревянный помост и небольшой плавательный бассейн. На досках стоял массивный овальный стол и пять мягких кресел. Там уже сидел Нельсон Шелдон, на столе перед ним стоял высокий бокал.

До образования АНС Нельсон был главой службы безопасности Династии Шелдон самой большой и могущественной экономической империи Содружества. После отделения Великого Содружества и преобразования экономики Династия сохранила большую часть своих богатств и влияния, но ее положение изменилось. С уходом Найджея Шелдона империя утратила прежнюю сплоченность и рассеялась по Внешним мирам. С этой силой по-прежнему считались в политической и экономической сферах, однако бывшее лидерство оказалось потеряно.

Управление рутиной Династии в течение двух столетий сделало Нельсона необратимым прагматиком. А это означало, что его точка зрения на эволюцию АНС более или менее совпадала с точкой зрения Гора.

Гор сел за стол и налил себе из кувшина холодного чая.

— Ты подключался к ситуации?

— Да. Интересно, кто стал союзником или союзниками Империи.

— Возможно, это просто блеф.

— Ты переоцениваешь okayzenov. Для блефа им не хватает воображения. Я бы сказал, они сумели откопать какую-то древнюю консервативную расу, тоскующую по старым добрым временам и обладающую устаревшим арсеналом.

— Правлению АНС придется отнестись к его заявлениям с полным вниманием, — сказал Гор. — Мы не можем позволить кораблям чужаков вторгнуться в пределы Содружества. Однажды это уже случилось. И я бы не хотел повторения. Именно после того случая мы и начали создавать АНС, чтобы исключить вероятность превосходства чьей-то чужой цивилизации. В этой галактике еще много всяких неприятных сюрпризов.

— Кроме всего прочего, — продолжил Нельсон, — нам очень скоро придется обратить серьезное внимание и на саму Бездну — чего и добиваются Ускорители.

— Я тоже не против ее пристального изучения, — согласился Гор. — Нельзя говорить об овладении теорией космологии, если мы даже не знаем, что такое эта Бездна. Разногласия возникают только в отношении сроков.

— И методов анализа тоже. Но я согласен, надо узнать, как образовалась эта чертовщина. Вот одна из причин, почему я с тобой заодно.

— Будем считать нас очень маленькой фракцией.

— Как скажешь. Эти тонкости меня уже давно не интересуют. Цель — вот что важнее всего, и, если ты не в состоянии ее определить, ты сам виноват. Наша цель ясна: исправить то, что успели натворить Ускорители.

— В некоторой степени да. Консерваторы активно поддержат эту идею и, можно надеяться, сделают значительную часть работы. Я бы хотел продумать ситуацию на несколько шагов вперед. В конце концов, мы теперь больше не животные и не имеем права просто реагировать на сложившуюся ситуацию. Мы должны заранее предусмотреть ее развитие. Проблему Бездны решать абсолютно необходимо. Безусловно, неплохо было бы разобраться в принципах ее действия, но и терпеть угрозу всей Галактике недопустимо.

Нельсон приподнял бокал и улыбнулся, словно предлагая тост.

— Вот и направление деятельности для крутого парня. Там, где не справились райели...

— Это они сказали, что не справились. Независимого подтверждения у нас нет.

— Ничто не живет так долго, как райели.

— Чепуха. Половина постфизических существ Галактики живут намного дольше.

— Да, но они не затрудняют себя общением с нами. Все они либо молчат, либо вымерли, либо стали недостижимыми, либо эволюционировали в обратном направлении. Так что, если не хочешь рыскать вокруг в безнадежных поисках, придется доверять райелям как единственному источнику. Признай, АНС хороша, даже великолепна, и мы почти стали богами, но в отношении развития все еще плетемся позади райелей, а они в своих изысканиях остановились миллионы лет назад. Бездна одержала над ними верх. Райели преобразовали в защитные комплексы целые звездные системы, они посылали армады кораблей, но до сих пор не в состоянии ни отключить ее, разрушить, ни взорвать ко всем чертям.

— Они выбрали неверный путь.

Нельсон рассмеялся.

— А ты знаешь верный путь?

— У нас есть преимущество, которого у них никогда не было. У нас имеется информация изнутри, утечка информации.

— Идущий-по-Воде? Во имя Оззи, скажи, что ты пошутил.

— А ты знаешь, кто в первую очередь заинтересовался снами Иниго? Райели. Они не знали, что происходит внутри. Они строили корабли, теоретически способные противостоять любым искажениям квантовых полей, но ни один из них так и не вернулся. Именно мы показали им, что там происходит.

— Это всего лишь короткий взгляд на единственный населенный пункт стандартной, пригодной для жизни человека планеты.

— Ты не увидел самого главного. — Широким жестом Гор обвел залив, пока рука не остановилась на массивном черном каменном столбе, торчащем из воды в нескольких

сотнях метров от берега. Мелкие волны, разбиваясь о скалу, окружали основание пенным кольцом. — Перенеси сюда любого человека из XXV столетия, и он решит, что находится в физической реальности. Но если его глазами сюда заглянем мы с тобой, то сразу заметим признаки искусственно созданного мира. Идущий-по-Воде дает нам такую возможность. Благодаря его телепатическим способностям мы получили весьма информативную картину скрывающегося за проклятым горизонтом событий. На первый взгляд там расположена вселенная со звездами и планетами, но, скорее всего, это не так. И Небесный Властитель из Второго сна это подтверждает. Бездна имеет Ядро, и эта особенность очевидна, хоть нам ее еще и не показали.

— Даже если мы знаем, что та вселенная отличается от нашей, мы не получаем от этого никаких преимуществ.

— Неверно. Нам известно, что на физическом уровне ничего не удастся добиться: мы не можем послать туда квантовые ракеты, не можем направить армию, чтобы уничтожить главный центр управления противника. Бездна — это высшая степень нематериального мира в нашей галактике и, возможно, во всех других известных нам галактиках. Если мы хотим найти решение проблемы, которую она представляет для наших звезд, нам остается только одно: наладить с ней связь. Я не думаю, что Первообщество преднамеренно преследовало цель кому-то угрожать; оно просто не знало, что снаружи кто то остался. Вот и наш шанс. Нам известно, что внутрь можно проникнуть, хотя и непонятно, как это было сделано впервые. Нам известно, что внутри есть люди, которые сумели приспособиться к той жизни. Вот через них мы могли бы попытаться добиться перемен.

— Идущий-по-Воде мертв. И это произошло тысячу лет назад по внутреннему летоисчислению.

— Даже если он был единственным в своем роде, во что я поверить не могу, время не представляет для нас проблемы. Это мы оба прекрасно знаем. Нам необходимо проникнуть внутрь и протянуть тончайшую нить к Ядру. Вот и ключ к нашей проблеме.

— Ты собираешься посетить Бездну? Преодолеть горизонт событий?

— Нет, я не собираюсь. Как бы моему эго ни хотелось быть центральной фигурой в этом процессе, нет никаких эмпирических доказательств того, что внутри Бездны сохранятся мои телепатические способности. Даже если мы загоним внутрь всю АНС, нельзя быть уверенным, что связь сохранится. Нет. Мы должны выработать метод, имеющий больше шансов на успех.

Нельсон покачал головой, ощущая некоторую тревогу, но никак не разочарование.

— И каков же он?

— Я над этим работаю.

День начался не слишком удачно. Араминта вовсе не проспала. Это было не совсем так. Наследие Прогрессора обеспечило ее комплектом эффективно действующих макроклеточных ячеек. Она в совершенстве владела вторичными мыслительными программами. Поэтому она, естественно, проснулась от виртуального попискивания в ушах и голубоватых вспышек, принимаемых зрительным нервом. Но вот после первоначального пробуждения она всегда испытывала трудности. Ее квартира состояла всего из двух помещений — душевой кабины и единственной жилой комнаты. Большого на зарплату официантки она себе позволить не могла. При относительной дешевизне квартирки широкая кровать с воздушно-пенным матрасом была очень удобной. И после сигнала Араминта, оставшись в хлопковой пижаме, свернулась в клубок и уютно устроилась, словно франгл в

гнезде. Из-за штор пробивался слабый утренний свет, не настолько яркий, чтобы раздражать зрение, а домашняя программа поддерживала в комнате приятное тепло. Араминта могла ни о чем не беспокоиться, программа позаботилась и обо всем остальном: одежда была вычищена и проветрена, а в кухонном процессоре ждал легкий завтрак.

«Я могу подремать еще немного».

Второй сигнал снова ее разбудил, вырвав из какого-то странного сна. На этот раз звук и свет были более резкими, специально для того, чтобы заставить ее все-таки встать — хотя Араминта никогда не нуждалась в напоминаниях. Она отключила звук и свет, решив, что каким-то образом перепутала порядок сигналов. А потом сосредоточилась на экзотических образах.

— Черт!

Она начала поспешно натягивать одежду, одновременно пытаясь проглотить чай и кусочек тоста. Вместо неторопливого душа она решила воспользоваться «Мытьем на ходу», которое почему-то никогда не соответствовало рекламе, где очаровательные бизнесмены оставались свежими и чистыми, несмотря на бесконечную череду встреч и заседаний. В результате она выскочила из квартиры с плохо причесанными тускло-каштановыми волосами и покрасневшими веками, ее кожу пощипывало после моющего средства, а следом тянулся шлейф хвойной отдушки.

«Чудесно. В таком виде о чаевых мне лучше забыть», — мысленно проворчала она, спеша в огромный подземный гараж. Трехколесный байк, урча двигателем, вынес ее на оживленные улицы Колвин-сити и втиснулся в утренний поток приехавших из пригорода служащих. Вообще-то движение не должно было быть таким плотным, поскольку большинство людей пользовались антиграв-капсулами и спокойно парили в воздухе над улицами, спускаясь лишь на специально отведенные стоянки или крыши домов. Но сейчас утро только начиналось, и на работу спешили не самые обеспеченные горожане. Их авто, капсулы и байки до отказа заполняли бетов ленты дороги. Не меньшее количество народа передвигалось в снующих по рельсам вагончиках общественного транспорта.

Араминта остановила свой байк около задней двери кафе «У Ника». Она опоздала на полчаса. За кухонной дверью ее встретили укоризненные взгляды сослуживцев.

— Простите!

В зале уже было полно посетителей — менеджеров среднего звена, предпочитающих натуральную еду от повара стандартным блюдам кухонных процессоров, а женщин-официанток — роботам-горничным.

Тандра умудрилась нагнуться к ней вплотную, пока Араминта повязывала фартук, и подозрительно повела носом.

— Ага, «Мытье на ходу». Полагаю, ты прошлой ночью так и не добралась до дома, верно?

Араминта опустила голову. Ей так хотелось сослаться на очередной дизайнерский проект!

— Милая, ты жжешь свечу с обоих концов. Ты ведь еще молода и красива, побереги себя.

— Я знаю. Хорошо.

Араминта глубоко вздохнула. Стоявший поодаль Мэттью был так зол, что даже не сделал ей выговора. Она забрала с раздаточного прилавка три тарелки, посмотрела номер столика, растянула губы в улыбке и ринулась в зал.

Завтрак «У Ника» длился ровно девяносто минут. Время никто не ограничивал, но без

четверти девять последние клиенты покидали зал, спеша в свои конторы или магазины. Задерживались иногда только ранние туристы или участники деловых встреч. Сегодня к этому времени за столиками почти никого не осталось. Араминта, искупая свою вину, присматривала за роботами, убиравшими со столов и сервирующими кофе для тех, кто отправлялся по магазинам или разъезжал с визитами. Благодаря выгодному положению в центре делового квартала и в пяти перекрестках от речных доков ресторан пользовался немалой популярностью.

К десяти часам столики снова начали заполняться. Вдоль закругленного фасада шла неширокая терраса. Араминта вышла на воздух, поправила цветы в маленьких вазочках и приняла заказы на горячий шоколад и капучино. Она старалась держаться подальше от Мэттью: он до сих пор ничего ей не сказал, а это был плохой признак.

Вскоре после одиннадцати она заметила проходящую между столиками женщину, которая заговаривала с посетителями. Некоторые клиенты раздраженно махали рукой, не желая ей отвечать. Несколько дней назад Этан объявил о начале подготовки к паломничеству, и с тех пор сторонники Воплощенного Сна стали настолько настойчивыми, что превратились в настоящую проблему.

— Чем могу вам помочь? — довольно резко спросила Араминта, воспользовавшись шансом реабилитироваться в глазах Мэттью. Она заметила, что женщина была одета в темно-серый кашемировый костюм, несколько старомодный, но довольно дорогой, с длинной расклешенной юбкой. До развода, когда у Араминты водились деньги, она и сама носила такие вещи. — У нас есть свободные столики.

— Я собираю заверенные подписи, — ответила женщина, всем своим видом олицетворяя непреклонную решимость. — Мы пытаемся заставить городской совет запретить над Колвин-сити полеты инграв-капсул.

— Почему? — вырвалось у Араминты.

Женщина прищурилась.

— Антигравы тоже не представляют собой ничего хорошего, но они хотя бы ограничены в скорости и высоте. А вы никогда не думали, что случится, если сломается инграв-капсула? Они ведь летают почти по баллистической параболе, а значит, скорость их падения равна половине космической.

— А, понимаю.

Араминта заметила, что Мэттью уже настороженно посматривает в их сторону.

— Представляете, что будет, если такой снаряд врежется в школу? Или в больницу? Да в них просто нет необходимости! Это откровенное потребительство, к тому же абсолютно безответственное. Люди приобретают их с одной целью — пустить пыль в глаза окружающим. Кроме того, есть мнение, что эффект инверсной гравитации влияет на геологическую структуру. Может произойти землетрясение.

Араминта мысленно похвалила себя за то, что удержалась от смеха.

— Понятно.

— При проектировании сети городского транспорта такая скорость предусматривалась. Количество угроз несчастных случаев неуклонно растет. Вы поставите свою подпись? Помогите нам обезопасить свою жизнь.

Юз-дубль Араминты принял файл.

— Да, конечно. Но вы должны заказать чай или кофе, мой босс и так все утро на меня сердится.

Она поставила свою заверенную подпись, подтверждающую, что ее владелец проживает в Колвин-сити, и украдкой взглянула на Мэттью.

— Как всегда, — буркнула женщина. — Все заботятся только о своей выгоде и больше ни о чем не думают.

Тем не менее она села за столик и заказала чай с мятой.

— Что у нее за проблема? — спросил Мэттью, когда Араминта подошла за чаем.

— Вселенная устроена неправильно, и дама решила навести порядок. — Она одарила его лучезарной улыбкой. — Именно поэтому о сюда она и пришла.

Не дожидаясь его ответа, она снова выскочила на террасу.

В половине одиннадцатого юз-дубль Араминты закончил обзор объявлений городских агентств недвижимости и переслал результаты в одну из лакун ее памяти. К этому моменту она уже ушла в маленькую служебную комнату, чтобы немного передохнуть. Анализ представленных результатов не занял много времени. Араминта искала в городе подходящую квартиру или даже небольшой дом. Но ее требованиям соответствовали лишь немногие объекты: квартира должна была быть дешевой, располагаться недалеко от центра и нуждаться в ремонте. В качестве возможных вариантов Араминта пометила три объявления, а затем проверила результаты вчерашних запросов. Половина квартир уже была продана. «На современном рынке недвижимости надо действовать мгновенно, — грустно отметила она. — И иметь деньги или по крайней мере доступный кредит». Реконструкция жилого помещения была ее любимой мечтой. Купить квартирку, отделать и продать с выгодой для себя. Араминта знала, что у нее получится. За восемь месяцев после развода с Ларилом она закончила пять курсов по обустройству и дизайну и к тому же изучила все статьи по декорации помещений, какие только смог отыскать в унисфере ее юз-дубль. Вложения в недвижимое всегда считались рискованным занятием, но во всех известных ей случаях ключом к успеху была целеустремленность и упорный труд, а также изучение рынка. По мнению Араминты, она могла справиться со всем этим в одиночку. И ни от кого не зависеть. Но для начала ей нужны были деньги.

Она вернулась в зал к двенадцати, чтобы проверить подготовку столиков к ленчу и узнать, что из фирменных блюд приготовил сегодня шеф-повар Противница инграм-капсул ушла, оставив на чай три виотийских фунта, и Мэттью сменил гнев на милость. В десять минут двенадцатого в зал вошла Крессида. Она была кузиной Араминты с материнской стороны, партнером в одной из не самых крупных юридических фирм и очень красивой женщиной ста двадцати трех лет, с огненно-рыжими волосами и шелковистой кожей, которую она доводила до совершенства при помощи дорогих косметических масок. Ее изумрудный плащ-костюм с платиновым отливом и треугольным воротом стоил не меньше двух тысяч виотийских фунтов. Одно ее появление «У Ника» значительно поднимало рейтинг заведения. Кроме всего прочего, она была адвокатом Араминты.

— Привет, дорогая. — Крессида, махнув рукой, подошла и крепко обняла Араминту — воздушные поцелуи были не в ее стиле. — Знаешь, у меня есть для тебя новости, — заявила она без всяких предисловий. — Твой босс не станет возражать, если я на минутку тебя украду?

Не дожидаясь ответа, она схватила Араминту за руку и усадила за угловой столик.

Араминта поморщилась. Взгляд Мэттью словно лазерным лучом прожигал ей спину насквозь.

— Что случилось?

Крессида широко улыбнулась. Жидкий алый блеск помады на ее губах ничуть не потускнел.

— Старина Ларил улизнул с планеты.

— Что?

Араминта не могла поверить своим ушам.

Ларил был ее мужем. Их брак продлился восемнадцать невероятно мучительных месяцев. С момента первой встречи против Ларила возражали абсолютно все члены нынешней семьи Араминты. И они имели все основания. Теперь она и сама была готова это признать. Ей недавно исполнилось двадцать три года, ему минуло уже триста семь. В тот момент она сочла его обаятельным, искушенным и богатым — великолепный шанс покинуть скучный маленький аграрный городок Лэнгхэм, что стоял на континенте Суворова в семи тысячах километров отсюда. Родные сочли Ларила обычным беспринципным мерзавцем, одним из многих, что шляются по Содружеству, предпочитая окраины Внешних миров с не слишком искушенными жителями. Пресыщенные старики, имеющие деньги, чтобы сохранять безукоризненный вид, но тем не менее завидующие истинной молодости и энергичности. Они всегда выбирали себе партнеров на пару столетий моложе, вероятно, надеясь, что такой союз как по волшебству преобразит и их самих. К Ларилу это определение не совсем подходило, но характеризовало его достаточно точно.

Семья Араминты с отцовской стороны владела компанией по поставке и наладке кибернетических устройств для сельского хозяйства, самой большой в стране, и предполагалось, что первые пятьдесят лет жизни девушка будет работать именно здесь. После такой практики члены семьи считались достаточно взрослыми и материально независимыми, чтобы отправиться в самостоятельное плавание (подавляющее большинство организовывали дочерние предприятия по всему континенту Суворова). На освободившиеся места приходили более молодые отпрыски, и цикл продолжался. Араминте эта перспектива казалась настолько унылой, что ради избавления от такой участи она готова была стать наложницей мобайла праймов. Вероятно, потому Ларил, независимый бизнесмен, кроме прочих коммерческих предприятий обладавший франшизой «Андрибот», показался ей прекрасным принцем. Разница в возрасте в их мире никак не отражалась на физическом состоянии, так что все возражения членов семьи Араминта восприняла как мещанские предрассудки. Таким образом, судьба союза была решена.

То обстоятельство, что близкие оказались более или менее правы относительно его потребительского к ней отношения, еще больше осложнило жизнь Араминты. В Лэнгхэм она вернуться уже не могла. К счастью, Крессида не осуждала родственницу, считая ее колоссальную ошибку полезной для приобретения жизненного опыта.

«Если никогда не падать, — сказала она рыдающей Араминте при их первой встрече, — у тебя не будет опоры под ногами, чтобы карабкаться вверх. Ладно, а что сказано в вашем брачном контракте насчет раздела имущества?»

Араминта, преодолевшая тяжесть стыда, чтобы обратиться за помощью в расторжении брака к родственнице, хотя и дальней, призналась, что вместо контракта у них было венчание по старинному обряду и принесение устных клятв. Они даже обратились к лицензированному священнику. В тот момент это казалось верхом романтики.

«Вы не составляли контракт? — с ужасом воскликнула Крессида. — Господи, милая, да тебе придется взобраться на гору Геркуланум, чтобы хоть чего-то добиться».

Но адвокаты Ларила прилагали все усилия, чтобы и близко не подпустить ее к этой

горе. По их встречному иску были заморожены все деньги Араминты — все семьсот тридцать два фунта, которые оставались на счете. Даже Крессиде при всех ее связях в фирме, чтобы сломить юридическую оборону Ларила, пришлось преодолеть немало трудностей. А что касалось его коммерческих активов, даже просто отыскать их было намного труднее. Все его разговоры об управлении сетью прибыльных компаний, сравнимой со структурой Династий, оказались либо просто выдумкой, либо маскировкой каких-то серьезных финансовых злоупотреблений. Что любопытно, государственная налоговая служба Виотии не нашла никаких записей о выплачиваемых им налогах и теперь проявляла к его деятельности законный интерес.

— Смылся. Уехал. Выбыл из этого мира. Вылетел. Переместился. — Крессиде сильно, почти до боли, сжала руки Араминты. — Он даже не заплатил своим адвокатам. — Она не скрывала злорадства. — Теперь они в одной очереди с остальными пятью десятками его кредиторов.

Краткая вспышка радости Араминты внезапно померкла.

— Так я ничего не получу?

— Напротив. В числе оставшихся у него реальных активов имеется городской дом и франшиза на торговлю на стадионе, которую мы не смогли заморозить в начале бракоразводного процесса. Должна признать, это несколько отличается от несметных сокровищ, которыми старый хвостун вскружил голову наивной девочке.

Араминта густо покраснела.

— Но и сбрасывать со счетов эти активы не стоит. К несчастью, существует еще проблема уплаты налогов. Боюсь, общая сумма составит триста тридцать семь фунтов Виотии. А если налоговая служба докажет хотя бы половину долгов Ларила, они снимут и остальные деньги. Кровопийцы. Но я уверена, им ничего не удастся доказать благодаря превосходной маскировке и загадочному отсутствию документов у твоего бывшего мужа-пройдохи. И еще придется добавить мой гонорар — я возьму с тебя всего десять процентов как с члена семьи.

— Сколько же осталось?

— Восемьдесят три тысячи.

Араминта лишилась дара речи. Это же настоящее богатство! Да, конечно, это не мегаструктура корпораций, о которой разглагольствовал Дарил, но намного больше, чем она надеялась и о чем просила в заявлении. С того момента, когда она решилась постучаться в кабинет Крессиды, Араминта позволяла себе надеяться, что выйдет из этого дела с тридцатью или сорока тысячами, если Дарил согласится заплатить, чтобы от нее отделаться.

— Великий Оззи, ты не шутишь? — прошептала она.

— Ничуть. Судья, мой хороший друг, обещал ускорить дело в силу тяжелых обстоятельств, в которых ты, по моим словам, оказалась. Твои сбережения разблокированы, и деньги Дарила будут переведены на твой счет уже сегодня, где-то в четыре или пять часов. Поздравляю. Ты снова стала свободной и одинокой женщиной.

Араминта разрыдалась от потрясения и инстинктивно прикрыла лицо ладонями.

— Ого! — Крессиде обняла Араминту за плечи и легонько встряхнула. — А как же ты реагируешь на плохие известия?

— Все кончено? Правда?

— Да. Правда. Надо с тобой нам отметить это событие. Скажи управляющему, чтобы он съел свое меню, вылей суп на голову посетителю, а потом мы отправимся в лучший клуб в

этом городе и вскружим головы половине мужского населения. Согласна?

— Ох. — Араминта подняла голову и рукой смахнула слезы. Упоминание о Мэттью заставило ее вспомнить о работе. — Я должна идти. Во время ленча здесь очень много работы. На меня все рассчитывают.

— Эй, успокойся, не спеши. Подумай о том, что сегодня произошло.

Араминта смущенно кивнула и украдкой окинула взглядом помещение ресторана. Ее коллеги старались не смотреть в их сторону. Мэттью опять разозлился.

— Я понимаю. Извини. Мне потребуется немного времени, чтобы свыкнуться с этим. Я еще не могу поверить, что все закончилось. Я... Ох, Оззи, так много дел, которыми я хотела бы заняться.

— Чудесно! Пойдем отсюда и отпразднуем. И начнем с хорошего обеда.

— Нет. — Араминта перехватила тревожный взгляд Тандры и в ответ показала большой палец. — Я не могу просто так уйти. Это нечестно по отношению к остальным. Им надо найти мне замену. Я скажу, что увольняюсь, и доработаю до конца недели.

— Проклятье, какая же ты правильная. Не удивительно, что твой бывший так легко тебя окрутил.

— Больше такого не будет.

— Вот это правильно. — Крессида самоуверенно усмехнулась. — С сегодняшнего дня я запрещаю все твои помолвки. Давай хотя бы выпьем вечером.

— Знаешь, после всего, что случилось, мне надо посидеть дома и все обдумать.

— Значит, в пятницу вечером. Решайся! В пятницу вечером все отдыхают.

Араминта невольно улыбнулась.

— Хорошо. В пятницу вечером.

— Спасибо Оззи и за это. Но сначала поищи себе соответствующие тряпки. Мы должны хорошо подготовиться.

— Ладно, ладно, все сделаю. — Она чувствовала, как постепенно меняется ее настроение, словно внутри прокатилась теплая волна. — Да, а куда мне пойти за подходящей одеждой?

— Я тебя отведу, можешь не беспокоиться.

Араминта, как и обещала, доработала до конца смены, потом сказала Мэттью, что увольняется, но с удовольствием останется до тех пор, пока ей не найдут замену. Его крепкий поцелуй и поздравления с избавлением от Дарила удивили ее до глубины души. Тандра растрогалась до слез, а остальные собрались вокруг послушать новости и порадоваться за нее.

В половине четвертого пополудни она накинула легкое пальто и вышла из ресторана. Студеный весенний воздух охладил голову и прояснил мысли. Но Араминта все же выбрала привычный маршрут, которым нередко прогуливалась днем. Пройдя по улице Маори, она свернула на перекрестке налево и стала спускаться по бульвару Дарьяд. По обеим сторонам стояли пяти — и шестиэтажные здания самых разных коммерческих компаний. Над головой неслышно скользили антиграв-капсулы, по центру бульвара постукивали колеса вагончиков метро. Движение в это время дня было довольно редким, но на перекрестках Араминта все равно ждала, пока объ емные проекции регулировщиков не сменят свой цвет и очертания. Немногочисленных пешеходов она почти не замечала.

В конце спуска, на двух этажах здания из дерева и композитных панелей, бывшего частью первого построенного на планете комплекса, располагался ресторан «Глейфилд». По

сумрачному пустынному помещению бара Араминта прошла к лестнице, ведущей в верхний зал, и поднялась в ресторан. Там тоже почти не было посетителей. «Глейфилд» гордился широким крытым балконом, идущим вдоль всей передней стены, но, по мнению Араминты, столики здесь стояли слишком тесно, и официанткам во время наплыва клиентов, вероятно, было трудно между ними протискиваться. Она села у балюстрады, откуда открывался великолепный вид на бульвар Дарьяд. Араминта нередко приходила сюда днем, чтобы отдохнуть после смены, сидя с чашкой горячего апельсинового шоколада и наблюдая за людьми и кораблями. Справа от нее бульвар плавно изгибался, открывая ряд высоких зданий, в которых можно было проследить все стили, сменившие друг друга за сто семьдесят лет истории Колвин-сити. Слева река Кэрнс пересекала город, унося свои воды к Великому облачному океану, который находился в двадцати милях отсюда. Дельта реки шириной в полмили образовывала отличную естественную гавань прямо в городе. Доки на обоих берегах обеспечивали надежную стоянку для тысяч яхт — от небольших парусных шлюпок до прогулочных кораблей, оснащенных антиграв-двигателями. Реку пересекали два огромных моста: один в виде пологой арки из наноуглерода, опирающейся только на берега, а второй — подвесной, более традиционного вида, с ослепительно-белыми столбами высотой в триста метров. Над ними проворно мелькали антиграв-капсулы, но наземного транспорта почти не было, в последнее время мостами пользовались преимущественно пешеходы. На противоположном, южном берегу, раскинулись богатые кварталы роскошных особняков, утопающих в зелени бульваров и обширных парков.

На северном берегу, всего в полумиле от «Глейфилда», на заболоченных низинах раскинулись доки: две квадратные мили погрузочно-разгрузочных машин, складских ангаров, причалов, посадочных площадок и автопарков. Этот комплекс положил начало развитию континента Изиум, где находился второй космопорт планеты. На Виотии почти не было тяжелой промышленности, так что основную массу оборудования и продуктов передовых технологий приходилось импортировать. При том что Эллезелин находился всего в семидесяти пяти световых годах, Виотия оказалась на краю зоны Свободного Рынка — то есть свободного для компаний Эллезелина, но, к неудовольствию местных жителей, почти недостижимого для любого другого представителя коммерческой сети. Между Виотией и Эллезелином не было червоточины. Пока не было. Но шли газговоры, что в следующем столетии, когда внутренний рынок Виотии достаточно вырастет, проход будет открыт и дешевые товары наводнят планету, превратив ее в экономическую колонию. А пока здесь приземлились и стартовали корабли из Внешних миров. Попивая апельсиновый шоколад, Араминта рассеянно наблюдала за их движением. Множество грузовиков, свинцово-серых, массивных и неповоротливых, вертикально спускалось с неба. Позади них стартовали уходящие суда, они быстро пронзали слой знаменитых розовых облаков Виотии и, поднявшись в стратосферу, мгновенно исчезали из вида. Араминта улыбнулась, вспомнив противницу инграв-капсул. Если она права, что же происходит с геологическими слоями при движении космических кораблей? Может, проще было бы открыть червоточину? Араминта предпочла бы возвратиться к Первой эре Содружества и элегантным поездкам, курсирующим между звездными системами. Жаль, что Внешние миры наотрез отказались от этого транспорта, оберегая свою политическую свободу и не желая становиться частью монокультуры, особенно цивилизации Высших, способных лишить их с трудом обретенной независимости.

Араминта засиделась за столиком гораздо дольше, чем обычно. Солнце уже клонилось к

закагу, и умирающие лучи звезды класса К, проходя сквозь туманную мезосферу, заставили облака вспыхнуть золотисто-розовым сиянием. На Кэрнсе загорелись яркие огни океанских барж; антигравитационные двигатели поддерживали их плоские днища над покрытой рябью водой и уносили суда в море, к невидимым с берега островам. Вид города всегда успокаивал Араминту. Огромный центр человеческой деятельности пробуждал уверенность в том, что цивилизация работает и ничто не способно поколебать ее основ. И теперь сама Араминта может взяться за эффективную работу и начать самостоятельно строить свою жизнь. Экзообразы файлов из агентств недвижимости медленно проплывали перед ее мысленным взором, помогая строить детальные планы, на что прежде она никогда не осмеливалась. Без денег это были не более чем хрупкие мечты, но сегодня вечером они постепенно обрели прочность настоящих планов. Несмотря на еще не улегшееся волнение, Араминта храбро смотрела вперед. Этот день положит начало ее настоящей жизни.

Солнце утонуло в теплом багровом сиянии. Закатный блеск вполне соответствовал настроению девушки. Зал уже начали заполнять первые вечерние посетители. Она оставила хорошие чаевые и спустилась вниз. Обычно она возвращалась после ресторана на работу, заходила по пути в магазины, а потом, забрав байк, отправлялась домой. Но сегодняшний день был особенным. В баре уже играла громкая музыка. Люди останавливались у стойки, заказывали себе напитки и аэрозоли. Араминта взглянула на свою одежду. На ней была скромная темно-голубая юбка, прикрывающая колени, и белая блузка с короткими рукавами из легко стирающейся ткани, чтобы быстро удалять пятна. Люди вокруг уже принарядились к вечеру, и по сравнению с ними Араминта чувствовала себя настоящей простушкой.

«Но кто они такие, чтобы меня осуждать?»

Настолько крамольной мысли она не могла себе позволить с тех пор, как кинула Лэнгхэм. В тот момент будущее, хотя бы в ее воображении, сулило ей безграничные возможности.

Араминта протолкалась к стойке и окинула взглядом ряды бутылок.

— «Зеленый туман», пожалуйста, — сказала она бармену.

Он удивленно усмехнулся, но ничего не сказал и подал напиток. Араминта, стараясь не вдохнуть клубящийся туман, осторожно отпила глоток. Если пары попадут в нос, она мгновенно растеряет остатки благоразумия.

— Давненько я не видел, чтобы кто-то заказывал этот напиток, — раздался мужской голос.

Она обернулась. Рядом с ней был мужчина привлекательной наружности, свойственной почти всем в нынешнее время, с безукоризненными чертами лица, подправленными, как она догадывалась, в процессе как минимум двух процедур омоложения. Как и большинство посетителей бара, он был прекрасно одет, и серо-красный плащ-костюм переливался на его фигуре мягкими отблесками.

И это был не Ларил.

— А у меня давненько не случалось повода, чтобы его заказать, — ответила она.

И усмехнулась собственной храбрости.

— Могу я предложить тебе еще бокал? Кстати, меня зовут Джафул.

— Араминта. Но нет, только не «Зеленый туман», это просто дань ностальгии. Что посоветуешь?

— Говорят, что «Водка восемьдесят восемь» с Адлиера годится для любых случаев.

Она прикончила напиток одним глотком, стараясь не слишком морщиться.

— Значит, с нее и начнем.

— Ты проснулась?

Араминта пошевелилась, услышав вопрос. Нет, она еще не совсем проснулась, скорее, дремала, погрузившись в приятные воспоминания о прошедшей ночи, заполненной любовью. В голове еще не растаяло странное видение, словно ее в темном небе преследовал темный ангел. Джафулу было достаточно и малейшего движения. Его руки скользнули по ее животу и обхватили грудь. Она застонала, все еще видя во сне тающего вдали ангела. Джафул перевернул ее на живот, и это вызвало легкое замешательство. А потом его член, твердый и настойчивый, снова ворвался в нее. Такая позиция ей не нравилась. С каждым толчком ее лицо все плотнее прижималось к мягкому матрасу. Она начала извиваться, пытаясь изменить позу, но Джафул, похоже, принял это за выражение полного удовольствия. Напряженное дыхание прервалось радостным криком. Араминта приспособилась, как могла, но наслаждения не получала. «Практики маловато», — подумала она и с трудом сдержала смех. Он бы этого не понял. По крайней мере она постаралась наверстать упущенное. С момента прихода в квартиру они упражнялись почти без перерыва.

Джафул отметил оргазм восторженным воплем. Араминта ему подыграла. Да, она отлично помнила, как это делается. За восемнадцать месяцев проведенных с Ларилом, она почти автоматически имитировала оргазм.

Джафул перекатился на спину и отдышался. Потом усмехнулся, глядя на нее.

— Фантастика. У меня давным-давно уже не было такой ночи. Или вообще не было.

Она понизила голос.

— Ты был великолепен.

Смешно, они как будто отвечают заранее выученный урок.

Встреча в баре. Уединение в квартире на одну ночь. Взаимные комплименты. Они оба безукоризненно выполняют ритуал.

Но это было приятно.

— Я пошел в душ, — сказал он. — Закажи в кулинарном модуле что-нибудь на свой выбор. Там неплохая программа синтеза.

— Я так и сделаю.

Он скатился с кровати и исчез в ванной. Только тогда она с любопытством осмотрелась. Шикарная городская квартира холостяка, о чем свидетельствовала простая, но явно дорогая обстановка и картины современных художников. Всю противоположную стену занимало окно, прикрытое белоснежными шторами.

Араминта принялась собирать одежду. Белье (скорее практичное, чем сексуальное, отметила она со вздохом) — рядом с кроватью. Юбка — на полпути от двери. Белая блузка — в кресле. Она оделась и снова окинула взглядом спальню. В душе все еще шумела вода. Он всегда так долго моется или тянет время, вежливо предоставляя ей возможность потихоньку уйти? Она пожалала плечами и решила покинуть квартиру.

С Джафулом ей было хорошо. И она действительно получила массу удовольствия в постели. Просто никак не могла представить, что они скажут друг другу за завтраком. Скорее всего, оба будут чувствовать себя неловко. А так она просто сохранит приятные воспоминания.

— Надо больше практиковаться, — сказала она себе и лукаво улыбнулась.

А почему бы и нет? У нее снова начинается реальная жизнь.

Араминта спустилась в огромный вестибюль, вышла на улицу и зажмурилась от яркого

розового света. До начала ее смены «У Ника» осталось всего двенадцать минут. Юз–дубль подсказал, что она находится на проспекте Спалдинга, почти на другом конце города. И Араминта вызвала такси. Примерно через тридцать секунд в трех метрах от нее над бетонным тротуаром повисла красно–желтая капсула. Араминта изумленно смотрела, как открывается дверца. Она никогда в жизни не вызывала такси, этим всегда занимался Ларил. А после развода она просто не могла себе позволить подобной роскоши. «Еще одно ущемление свободы».

В кафе «У Ника» она сразу же бросилась в туалетную комнату для персонала. Едва она вышла, завязывая тесемки фартучка, Тандра окинула ее подозрительным взглядом.

— Мне кажется, на тебе та же самая одежда, что и вчера. — Она осторожно принюхалась. — Ага. И снова «Мытье на ходу». У тебя что–то случилось с водопроводом?

— Знаешь, когда я отсюда уйду, я буду по тебе скучать, — ответила Араминта, стараясь не рассмеяться.

— Как его зовут? Вы давно встречаетесь?

— Ты же знаешь, я ни с кем не встречаюсь.

— Ой, да брось!

— Я хочу кофе.

— Не выпалась?

— Я долго просидела с файлами недвижимости.

Тандра насмешливо фыркнула.

— Никогда не слышала такого имени, дорогуша.

После того как разошлись первые посетители, Араминта просмотрела полученную сводку. На этот раз все было по–другому. Ее юз–дубль связывался с агентами, и Араминта успела совершить виртуальный тур по пяти самым многообещающим объектам, а после наметила один из них для посещения.

Она поняла, что это то, что ей надо, как только вошла в дверь. Квартира располагалась на втором этаже перестроенного трехэтажного здания на проспекте Филбург — в полутора милях от доков и в трех кварталах от реки, — состояла из двух спален и отлично подходила для служащего со средним заработком. Здесь даже имелся балкон, с которого, перегнувшись через перила, можно было увидеть реку.

Араминта произвела сканирование с помощью современной аналитической программы, рекомендованной десятком профессиональных строительных компаний. Квартира нуждалась в косметическом ремонте, поскольку нынешний владелец, проживший в ней около тридцати лет, за все это время ничего не делал. Еще следовало заменить сантехнику и установить новые домашние системы. Но само здание было крепким.

— Я покупаю, — сказала она агенту.

После часа торговли с продавцом цена остановилась на пятидесяти восьми тысячах. Это было больше, чем хотелось бы, но Араминта отложила достаточно средств для полноценной переделки. Правда, на жизнь оставалось совсем немного, но, если закончить работу за три или четыре месяца, ссуду в банке брать не придется. Глядя на порванное и пыльное напольное покрытие гостиной и древние светотканые стеновые панели, она представила себе объем работы. И на миг засомневалась.

«Решайся, — сказала она себе. — Ты справишься. Ты долго этого ждала и наконец получила».

Она вздохнула и вышла из квартиры. Сейчас ей хотелось вернуться домой и встать под

душ. Хватит с нее «Мытья на ходу». А потом можно будет одеться и снова выйти. В Колвин-сити есть много баров, о которых она слышала, но никогда не посещала.

Двойной Троблум проснулся в двух спальнях пентхауса. Реальное существо лежало на матрасе из специальной пены, удобно поддерживающей огромное тело, что обеспечивало полноценный сон. Эта кровать стояла в Катриониной комнате, сплошь затянутой розовой тканью и изобилующей всевозможными украшениями и пуфиками, — типичной девичьей спальне, к которой он давно уже привык. Его параллельный центр ощущений через двусторонний канал был подключен к объемной проекции Говарда Лайанга, агента Звездного Странника, принимавшего участие в подготовке дезинформации. Говард ночевал в главной спальне, где делил огромную круглую постель с тремя девушками. Над этим аспектом объемных проекций Троблум трудился не один год. Зато теперь в любой момент, когда возникало соответствующее настроение, эти четыре персонажа устраивали настоящие оргии. Комбинации, составляемые их гибкими молодыми телами, были бесконечно разнообразны, и процесс продолжался столько, сколько хотелось Троблumu. Он часами мог оставаться с ними, и его тело впитывало наслаждение, генерируемое в тщательно настроенном нейронном центре Говарда. В такие моменты Троблум становился одновременно и куклой, и кукловодом. Строго говоря, связь четверых молодых людей не была исторической реальностью. По крайней мере Троблум не обнаружил тому никаких подтверждений. Но не видел в этом ничего невозможного и некоторые экстраполяции считал вполне оправданными.

После блокировки двустороннего канала, связывавшего реального Троблума с Говардом, видимость и ощущение красивых тел вокруг постепенно рассеялись. Он принял душ, распыливший вокруг него споры, очищающие и освежающие кожу, и вышел в гостиную, залитую теплым бронзовым светом. Юз-дубль доложил, что сообщений от адмирала Казимира еще не было, и Троблум счел это добрым знаком. Задержка означала, что он еще мог на что-то рассчитывать. Он представлял себе уровень бюрократизма на флоте и догадывался, что аналитическая группа еще даже не приступила к рассмотрению проблемы. Все-таки гипотеза Троблума шла вразрез со многими аспектами устоявшегося мнения. Он мог бы связаться с адмиралом лично и поторопить его, но протокольная программа не советовала этого делать.

Троблум накинул один из плащ-костюмов и, воспользовавшись лифтом, спустился в вестибюль. Его любимое кафе, стоявшее на берегу спокойной реки, располагалось совсем недалеко. Здание было построено из белого дерева таким образом, что по форме напоминало фолгайла, птицу еще более величавую, чем земной лебедь. Троблум уселся за свой обычный столик под аркой крыла. Свой заказ он отправил в обслуживающую систему, и вскоре робот уже подал ему свежесжатый сок из яблок и брусники. Шеф-повар Роури несколько дней в неделю проводил в кафе и лично готовил для постоянных клиентов-гурманов. Для цивилизации, гордившейся своей приверженностью к равноправию, в некоторых вопросах Высшие могли быть настоящими снобами. Это относилось к отдельным традициям, ремеслам и в первую очередь к «настоящей» еде. В Дароке было всего несколько ресторанов и кафе, признанных образцами гастрономического искусства.

Первым поданным ему блюдом оказалась овсяная каша с фруктами и йогуртом. Все компоненты были выращены естественным образом — этим занимались энтузиасты натурального сельского хозяйства — и привезены с разных планет. Троблум приступил к завтраку. Роури, составляя пропорции, превзошел самого себя, добившись мягкого, но

отчетливого вкуса. Троблум пожалел, что не может заказать еще тарелку, ведь за исключением тостов из обычного хлеба, количество подаваемой еды здесь было строго ограничено. Если кто-то рассчитывал на добавку или гигантскую порцию, ему следовало воспользоваться автоматической закуской.

Троблум доел кашу и принялся было за чай, как вдруг за его столик сел посторонний человек. Троблум недовольно поднял голову. Кафе уже заполнилось посетителями — как и всегда в это время, что, впрочем, не оправдывало столь бестактное поведение. Но упрек не успел сорваться с губ.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — сказал Марий, устраиваясь в кресле. За его черным плащ-костюмом тянулись темные полосы, словно в режиме замедленной съемки. — Я слышал об этом месте много хороших отзывов.

— Не церемонься, — ворчливо ответил Троблум.

Он понимал, что не должен так явно проявлять свое неудовольствие в присутствии Марии, поскольку его фракция жертвовала на частные проекты Троблума такие объемы РМЭ, какие могла себе позволить только крупная компания. Но его раздражали обязательства, которые приходилось принимать в обмен на средства. Не то чтобы эти задачи были слишком сложными, но они всегда требовали массы времени.

— Да ты и так не церемонишься.

Робот-официант принес еще одну фарфоровую чашку для Марии.

— Как дела, Троблум?

— Прекрасно. Как тебе наверняка известно.

Его датчики зарегистрировали легкий экран вокруг стола, замкнувшийся на Марии. Ничего экстраординарного, но вполне достаточно, чтобы никто не смог подслушать их разговор. Троблум всегда недолюбливал представителя фракции АНС и никак не ожидал личной встречи. Его неожиданное заявление встревожило Троблума. Случилось нечто важное для них.

Марий отпил глоток чая.

— Превосходно. Ассам?

— Вроде того.

— Те, кто остался на Земле, очень гордятся своими древними традициями. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы они сами поднимались в горы и с ли листочки. Как ты считаешь?

— Мне на это наплевать.

— Ты ведь не обращаешь внимания на многие вещи, не так ли, дружище?

— Чего ты хочешь?

В зеленых глазах Марии, в упор смотревших ему в лицо, мелькнула а тень неприязни.

— Ну да, в прямоте тебе не откажешь. Ладно. Доклад, касающийся Пары Дайсона который ты представил флоту.

— А в чем дело?

— Это очень интересная гипотеза.

— Это не гипотеза, — раздраженно бросил Троблум. — Это должно стать разгадкой происхождения Темной Крепости.

— Чего-чего?

— Темной Крепости. Так изначально называли генератор поля вокруг Альфы Дайсона. Я полагаю, его так назвал Жан Дювуа, участник первой исследовательской миссии «Второго шанса». Поначалу название имело иронический смысл, но после того как началась война, о

нем забыли, а уж после операции «Огненный вал» люди и вовсе...

— Троблум!

— Да?

— Мне это не интересно.

— Если хочешь, я могу предоставить тебе оригинальные копии бортовых журналов «Второго шанса», они хранятся в моем персональном терминале.

— Не надо. Но я тебе верю.

— О, ради Озз...

— Послушай, — прервал его Марий. — Я действительно верю тебе. Ты привел неопровержимые доводы. Адмирал внимательно выслушал твой доклад, а он не из тех, кого легко убедить. Они отнеслись к этой идее со всей серьезностью.

— И это отлично, не так ли?

— Это великолепно, я уверен в успехе. Но тебе надо подумать о том, откуда у тебя такие подробности о Темной Крепости.

— Ох. — Троблум встревожился не на шутку. — Я никогда не упоминал о том, что был там.

— Это я знаю. Дело в том, что нам бы очень не хотелось, чтобы правление АНС узнало о детальном исследовании Темной Крепости, проведенном тобой и твоей командой. Сейчас это было бы совсем некстати. Понимаешь?

— Да. — Троблум даже опустил голову. Как ни странно, но в данный момент он ощутил раскаяние. Вероятно, он должен был бы заранее догадаться, что доклад привлечет излишнее внимание к его особе. — Ты думаешь, флот начнет меня проверять?

— Нет. Сейчас у них для этого нет никакого повода. Ты обычный ученый, добивающийся дополнительного финансирования. Случай нередкий. И так должно оставаться и впредь.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Если аналитическая группа посоветует адмиралу не предпринимать никаких дальнейших действий, тебе не стоит лезть из кожи.

— А если они решат провести тщательное исследование?

— Мы уверены, что этого не случится.

Троблум откинулся назад, стараясь разобраться в ситуации. Ему было трудно понять мотивацию и психологию других людей.

— Но если вы имеете влияние на флот, о чем беспокоиться?

— Мы не можем повлиять непосредственно на флот, пока им командует адмирал Казимир. Но аналитическая группа, занимающаяся твоими рекомендациями, — это уже другая организация. Кое-кто из ее членов нам сочувствует, как и ты.

— Да, конечно. — Отчаяние начало затуманивать его сознание. — А могу я вернуться к этой идее после паломничества?

— Посмотрим. Возможно.

Не слишком определенное обещание, но все же лучше, чем категорический отказ.

— А мой проект двигателя?

— Ты можешь продолжать его разработку при условии, что не станешь разглашать результаты. — Марий ободряюще улыбнулся, но улыбка получилась неестественной. — Троблум, мы высоко ценим твою помощь и хотим, чтобы наши отношения были взаимовыгодными. Просто сейчас ситуация приближается к критической стадии.

— Я знаю.

— Благодарю. А теперь я уйду, чтобы ты смог без помех наслаждаться едой.

Марий ушел, и только после этого появился подозрительно задержавшийся робот-официант. Троблум уставился в стоящую перед ним тарелку: горка облитых маслом оладий, между которыми проглядывали полоски бекона, сыр из молока йока, омлет из яиц гарфоула и черный пудинг, украшенный клубникой. Кленовый сироп и афтонский соус стекали, словно лавовые потоки. По краям тарелки были артистично разложены миниатюрные драники, запеченные в вине салфады и поджаренные золотистые ломтики томатов.

Троблум впервые за много лет лишился аппетита.

ВТОРОЙ СОН ИНИГО

Эдеард уже несколько месяцев ждал этой поездки. Каждый год в конце лета старейшины отправляли торговый караван в Визам, ближайший город провинции Рулан. По традиции с караваном путешествовали все старшие подмастерья. Эта поездка была частью их обучения естествознанию, необходимого для перехода в ранг практикантов. Их учили охотиться на мелких животных, расчищать дренажные каналы, выбирать спелые плоды, управляться с плугом, распознавать ядовитые ягоды и корни, а также обустроить лагерь для ночлега.

Радость Эдеарда не омрачило даже то, что в течение трех недель его спутником будет Оброн. Наконец—то он выберется из Эшвилля! Он уже объездил все окрестные фермы, но еще никогда не удалялся от деревни больше чем на полдня пути. В путешествии с караваном он увидит другие районы Кверенции, горы и леса, а еще людей, отличных от тех, среди которых прожил все свои пятнадцать лет. Он получит шанс посмотреть, как работают другие, узнает новые идеи. Его ждет множество интересных открытий. Эдеард был уверен, что получит колоссальное удовольствие.

Реальность почти оправдала его надежды. Да, Оброн действовал ему на нервы, но не слишком. После успеха с ген—кошками постоянные стычки между двумя юношами не прекратились, но стали намного реже и слабее. О дружбе не могло быть и речи, но во время путешествия Оброн вел себя почти прилично. Эдеард подозревал, что во многом обязан этим Мелзару, главе каравана, который с самого начала заявил всем, что не потерпит никаких неприятностей.

«Вам поездка может показаться чем—то вроде каникул, — сказал Мелзар подмастерьям, собравшимся в зале совета накануне отъезда. — Но запомните, это часть вашей учебы. Я надеюсь, что вы будете упорно практиковаться и работать. И если кто—нибудь из вас осмелится создать мне какие—либо проблемы, я немедленно отправлю его обратно в Эшвилль. Если любой из вас вздумает лениться или не достигнет уровня, который я сочту достаточным, я расскажу об этом мастеру, и нерадивый подмастерье на год лишится своей квалификации. Все понятно?»

«Да, сэр», — вразнобой ответила молодежь.

Уже выходя, когда Мелзар не мог их увидеть, многие усмехались и подмигивали друг другу.

До Визама они добрались через пять дней — семнадцать подмастерьев и восемь взрослых. Три большие телеги были нагружены продуктами, вслед за ними шло три десятка выращенных на фермах животных. Все участники передвигались на ген—лошадях, причем некоторые подмастерья впервые ехали верхом. Мелзар сразу же назначил Эдеарда их наставником. Это позволяло заводить разговор с теми, кто прежде старался его не замечать, поскольку Эдеард был самым молодым из старших подмастерьев Эшвилля. Но в пути они стали относиться к нему как к равному, в отличие от Оброна, который все время жаловался. Кроме того, Мелзар поручил Эдеарду присматривать за ген—волками, взятыми для охраны.

«Ты, парень, лучше всех нас знаешь, как с ними управляться. — сказал он на первом же ночном привале. — Постарайся, чтобы они работали как следует. Пусть три зверя остаются при нас, а остальные бегают вокруг лагеря».

«Да, сэр, это я смогу».

Он ничуть не хвастался, задание было довольно простым.

В тот вечер подмастерья в основном разговаривали о бандитах и дикарях, и каждый старался рассказать самую страшную историю. Больше других преуспели в этом Алси и Генрил, вспомнив о племени каннибалов, обитавших в Талманских горах. Эдеард не стал говорить о гибели родителей во время путешествия с караваном, но об этом и так всем было известно. Кое-кто с интересом посматривал в его сторону, проверяя реакцию. Его невозмутимость заслужила молчаливое одобрение. Затем заговорил Мелзар и постарался убедить молодежь, что все не так уж плохо, что рассказы о бандитах наполовину выдуманы.

«В основном это обычные семьи кочевников, — сказал он. — Никаких организованных банд нет. Да и откуда бы им взяться? Если бы что-то подобное случилось, мы вызвали бы из города отряд милиции и разогнали бы их. Просто среди них встречаются мерзавцы, которые портят репутацию всех своих сородичей. Они ничем от нас не отличаются».

Эдеард не был в этом уверен. Он подозревал, что Мелзар просто пытался их успокоить. Но разговор продолжался, и постепенно подмастерья начали обсуждать своих мастеров. По их рассказам Эдеард решил, что Акиим просто святой. Оброн даже утверждал, что Гиипалт может и ударить подмастерье за какую-нибудь оплошность.

Визам, хоть и превосходил размерами Эшвилль примерно в пять раз, был отмечен такой же печатью упадка, как и небольшая деревня. Город раскинулся на холмах в окружении многочисленных ферм, и посередине его пересекала река. Необычным было лишь то, что здесь имелось две церкви Небесной Заступницы. Но разочарование Эдеарда быстро развеялось, как только караван проехал через высокие городские ворота. Все дома были сложены из камня либо из толстых бревен, поддерживающих оштукатуренные панели. Большинство окон блестели стеклами, а не закрывались ставнями, как в Эшвилле. И все улицы были вымощены камнем. Позже Эдеард узнал, что во все дома проведена вода и даже имелась канализация.

Первые два дня они протолкались на центральной рыночной площади, торгуясь с заезжими купцами и местными жителями, а потом закупая товары, недоступные в Эшвилле. Всем подмастерьям было разрешено привезти на продажу образец своей работы. Шкатулка Оброна, сделанная из дерева мартоза, покрытая изящной резьбой и отполированная до смолистого блеска, вызвала удивление Эдеарда. Кто бы мог подумать, что этот оболтус способен сотворить такую красивую вещь! К тому же какой-то купец заплатил за нее Оброну целых четыре фунта.

Сам Эдеард привез шесть ген-пауков. Их было труднее всего сформировать согласно стандарту, но пауки всегда высоко ценились за вырабатываемый ими армшелк. Привезенные пауки только что вылупились, они могли прожить еще восемь-девять месяцев и произвести шелка на несколько предметов одежды или защитных жилетов. За ген-пауков стали торговаться три женщины из гильдии ткачей. При всех своих способностях Эдеард впервые не смог определить, насколько они заинтересованы в покупке. Женщины торговались, скрывая свои эмоции за стальным щитом спокойствия, и поверхностный слой их мыслей был таким же гладким, как скорлупа ген-яйца. Оставалось только надеяться, что и он сумел скрыть свои чувства, когда покупательницы решили взять пауков по пять фунтов за каждого. Но, скорее всего, они не могли не почувствовать его восторг. Он еще ни разу в жизни не видел такой суммы, не говоря уж о том, чтобы держать ее в руках. Он даже довольно долго умудрялся ее не потратить. Но огромный рынок был полон различных диковинных товаров, в том числе отменной одежды, которой не сыщешь в Эшвилле. Покупая здесь, Эдеард

чувствовал себя чуть ли не предателем, но все же выбрал для зимы длинный непромокаемый плащ на стеганой подкладке. Чуть дальше он обнаружил прилавок с высокими ботинками на толстой шелкрезиновой подошве, которая прослужит не один год, — значит, это было неплохое вложение денег. Еще ему понравились кожаные шляпы с широкими полями. По словам подмастерья кожевенника, такой головной убор летом защищал от солнца, а зимой — от дождя. Подмастерьем оказалась симпатичная девочка, изо всех сил старавшаяся подобрать Эдеарду подходящую шляпу. Он даже постарался затянуть разговор как можно дольше.

Собратья встретили его новый наряд дружным смехом. Но они тоже потратили большую часть своих денег, и далеко не все проявили себя такими же практичными.

Вечером Мелзар разрешил им без сопровождения пойти в таверну, но при этом грозил самыми страшными карами всем, кто попадет в неприятности. Эдеард отправился в город в компании Алси, Генрила, Джанейн и Фахина. Весь вечер он надеялся встретить девочку — подмастерье кожевенника, но к тому времени, когда их компания добралась до третьей таверны, незнакомый эль сделал свое дело, лишив их возможности совершать какие-либо поступки, кроме как снова пить. И петь. От остальной части ночи в памяти Эдеарда не сохранилось ни малейшего следа.

Утром, проснувшись в лагере под одной из телег, Эдеард решил, что умирает. Вероятно его отравили, а потом ограбили. Он недосчитался значительной суммы из своих денег, едва стоял на ногах, даже думать не мог о еде, а кроме того, от него воняло, как от нечищеного хлева. И впервые он не помнил, чтобы его мучили загадочные сны. Но потом он обнаружил, что отравление было массовым. В таком же плачевном состоянии, как и он, пребывали все остальные подмастерья. А взрослые, глядя на них, весело посмеивались.

— Вот вам еще один урок, — прогудел Мелзар. — Вы его отлично усвоили. В этом отношении вы всё выучили в рекордно короткое время.

— Какое свинство, — простонал Фахин вслед ушедшему Мелзару.

Этот высокий парень был таким худым, что казался ходячим скелетом.

Он учился у деревенского доктора и потому для улучшения зрения получил дну из нескольких имевшихся в Эшвилле пар очков. Они ему не очень-то помогали, зато увеличивали его глаза до такой степени, что производили пугающее впечатление. Ночью он умудрился где-то потерять куртку и теперь дрожал всем телом, но не только из-за утренней прохлады. Эдеард еще никогда не видел его таким бледным.

Фахин начал рыться в своей медицинской сумке, с которой никогда не расставался. В ней он носил пакетики с высушенными травами, маленькие флаконы и несколько свернутых в трубочки льняных бинтов. Прошлой ночью в тавернах эта сумка не раз становилась предметом насмешек, но Фахин ни за что не согласился бы с ней расстаться.

— Как ты думаешь, они позволят нам ехать на телегах? — печально спросила Джанни, поглядывая на усмехавшихся взрослых. — Я не думаю, что смогу сегодня взобраться на генлошадь.

— Наверняка не позволят, — ответил Эдеард.

— А сколько денег у нас осталось? — поинтересовался Фахин. — У всех нас?

Подмастерья принялись нехотя шарить по карманам. Фахин набрал два фунта мелочью и побрел к лавке с сухими травами. Вскоре он вернулся, вскипятил воду, высыпал туда содержимое нескольких пакетиков и вылил жидкость из флакона, хранящегося у него в сумке.

— Что это? — спросил Алси.

Он вдохнул смолистый запах варева и тотчас отступил назад, вытирая слезившиеся глаза. Эдеарду показалось, что пахнет сладковатым дегтем.

— Гровейн, семена флона, глаза птицы дуль-дуль и нанамята. — Фахин выжал в котелок два лимона и стал помешивать кипящую жидкость.

— Отвратительное пойло! — воскликнул Оброн.

— Клянусь Небесной Заступницей, оно нас вылечит.

— Только умоляю, скажи, что его надо втирать в кожу, — взмолился Эдеард.

Фахин протер запотевшие очки и налил зелье в кружку.

— Лучше всего выпить это залпом.

Фахин проглотил лекарство; щеки у него мгновенно раздулись, и Эдеарду показалось, что вся жидкость сейчас выльется наружу. Остальные подмастерья с подозрением поглядывали на котелок. В их мыслях Эдеард отчетливо видел сомнения. Он сосредоточился на Фахине — тот старался изо всех сил, чтобы помочь и отличиться. Эдеард протянул руку.

— Залпом?

— Да, — кивнул Фахин.

— Ты же не собираешься... — взвизгнула Джанин.

Эдеард выпил. Спустя мгновение, когда мозг отреагировал на вкус, он решил, что такой напиток вполне можно закусывать навозом.

— О, Небесная Заступница! Это же... Бр-р-р!

Мышцы живота у него сжались в клубок, Эдеард согнулся, решив, его вот-вот вырвет. Но тело охватило странное оцепенение. Он плюхнулся на землю и открыл рот, как будто после сильного удара.

— Как ты? — спросил Генрил.

Эдеард уже собирался обвинить Фахина в том, что тот подсыпал испорченные порошки.

— По правде сказать, я ничего не чувствую, вот только голова прежнему болит.

— Не так быстро, — просипел Фахин. — Подожди минут пятнадцать. Семенам флона надо попасть в кровь и разойтись по телу. Чтобы ускорить процесс, надо выпить пинту воды.

— А для чего нужны лимоны?

— Чтобы немного замаскировать вкус.

Эдеард внезапно рассмеялся.

— Неужели работает? — недоверчиво спросил Алси.

Эдеард пожал плечами. Фахин снова наполнил кружку.

Излечение превратилось в ритуал. Каждый из подмастерьев залпом выпивал кружку снадобья и отчаянно морщился, а остальные смеялись и подшучивали. Эдеард потихоньку поднялся и принес бутылку воды из фонтанчика на рынке. Фахин не обманул; в голове действительно прояснилось, и через четверть часа он чувствовал себя вполне сносно. Отвратительное пойло избавило его от большей части неприятных симптомов, и он уже подумать о завтраке.

— Спасибо, — поблагодарил он Фахина.

Высокий парень расплылся в улыбке.

Впоследствии, когда пришло время загружать телеги и готовить ген-лошадей, подмастерья стали намного терпимее друг к другу и их шутки и шалости лишились большей доли жестокости. Эдеард решил, что тепе так будет всегда. Они охотно общались и налаживали контакты. Он зав довал легким дружеским отношениям между взрослыми

жителями деревни и их способности работать сообща. Семена подобных отношений пробуждались вот в таких путешествиях. Возможно, лет через сто он вместе с Генрилом будет посмеиваться над похмельем неопытных подмастерьев. Но караван тогда станет гораздо больше, а Эшвилль разрастется до размеров Визама.

В обратный путь Мелзар повел караван другой дорогой; отклоняясь немного к западу, она проходила через предгорья хребта Сардок. Здесь преобладали широкие и неглубокие долины, в основном покрытые лесами, где водилось множество диких животных. В лесах почти не было других троп, кроме тех, что прокладывали пасущиеся между деревьями чаламаны. Про-взгляд и нюх ген-волков помогли путникам уберечься от ям-ловушек драккенов. куда свободно могла провалиться ген-лошадь вместе со всадником. Драккенами называли норных зверьков размером с кошку с пятью конечностями, расположенными в обычном для Кверенции порядке: по две с каждой стороны и одна, довольно толстая и гибкая, сзади — она обеспечивала устойчивость при беге. Две передние конечности в процессе эволюции обзавелись очень острыми когтями, с невероятной быстротой способными рыть проходы в почве. Драккены держались вместе и копали норы, где поселялось до сотни животных. Поодиночке они были довольно безвредными, но нападали огромными стаями, от которых не могли отбиться даже хорошо вооруженные фермеры. Кроме того, их норы, расположенные прямо под поверхностью почвы, представляли собой ловушки, опасные даже для самых крупных существ.

В окрестностях Эшвилля охота проводилась дважды в год, и фермеры почти полностью истребили этих зверьков, но здесь, в лесной чаще, они водились в изобилии. Эдеард, наблюдая за драккенами, сновавшими вдоль извилистой дороги, оттачивал свои способности. На третий день после выхода из Визама караван добрался до предгорий и попал в огромный лес, тянувшийся местами до самого подножия гор Сардок.

В таком большом лесу Эдеарду бывать еще не приходилось. По словам Мелзара, тот рос здесь еще за две тысячи лет до появления на Кверенции человека. Это подтверждали и размеры деревьев. Исполины стояли очень тесно, и первые полсотни футов их стволы казались абсолютно безжизненными; лишь намного выше они расходились раскидистыми ветвями, поднимающими листья навстречу солнечному свету. На земле под деревьями почти ничего не росло, а летом, когда распускались листья, вниз не попадал даже дождь. Толстый ковер сухих шуршащих листьев покрывал все вокруг, и подмастерьям, чтобы ген-лошади не спотыкались о камни и трещины, приходилось прибегать к про-взглядам.

В сумраке под живым зеленым пологом стояла тишина, каждое слово в неподвижном воздухе многократно усиливалось и гремело на весь караван. Шутки и поддразнивания подмастерьев постепенно стихли, и установилось тревожное молчание.

— Я знаю неподалеку одну долину, в ней мы и остановимся, — вскоре после полудня объявил Мелзар. — До нее еще час пути, и лес там не такой мрачный. Река рядом, а сезон яйцекладки триланов уже давно прошел, так что можно будет поплавать.

— Мы скоро остановимся? — переспросил Генрил. — Так рано?

— Не надейся на внеплановый отдых, парень. Сегодня мы займемся охотой на галби.

Подмастерья оживились. Участие в охоте предусматривалось, но они не ожидали, что дичью станут галби, довольно крупные дикие сородичи собак. Эдеард не раз слышал рассказы взрослых о том, как им почти удавалось загнать галби в угол, но в итоге зверь мощным прыжком вырывался на свободу. Задние ноги этих животных были настолько сильными, что позволяли им взлетать в воздух на пятнадцать футов.

Вскоре караван добрался до пологого склона, где лес, как и говорил Мелзар, стал редеть. Деревья расступались и становились ниже, и к земле протянулись столбы солнечного света. Появилась трава, сперва редкая, но потом превратившаяся в сплошной ковер. В неглубоких оврагах между деревьями росли кустарники с листвой самых разных оттенков — от ярко-зеленого до фиолетового. Эдеард насчитал с десятков разных видов ягод, но вспомнить смог лишь несколько названий.

Солнечный свет и возросшая влажность привлекли йи-мушек и крыло-жалов, и вскоре они закружились над головами людей, пикируя на любой открытый участок кожи. Эдеард старался разогнать насекомых при помощи третьей руки.

На берегу небольшой речки караван остановился, и подмастерья быстро соорудили загон для ген-форм. После этого Мелзар раздал имеющееся у него оружие: пять револьверов и две винтовки. Большая часть арсенала принадлежала деревне, и только Генрил лично владел револьвером, который, по его словам, принадлежал его семье с начала заселения планеты. У него было более длинное дуло, а металл казался светлее и легче прочной стали, производимой гильдией оружейников в Маккатране.

— Он вынесен с корабля, — гордо поведал Генрил, проверяя работу механизма. Даже барабан этого револьвера крутился мягче и тише, чем в обычном оружии. — Мой первый предок достал несколько шпук, пока приливы не утащили корабль на дно океана. С тех пор оружие хранится в нашей семье.

— Чушь, — фыркнул Оброн. — В таком случае ему должно быть больше двух тысяч лет.

— Ну и что? — воскликнул Генрил. Он вытряхнул несколько капель масла из маленькой масленки и стал протирать все части оружия мягкой льняной тряпкой. — Строители корабля знали, как изготовить по-настоящему прочный металл. Сами подумайте, болваны: как бы корабль мог свалиться с неба и остаться целым? К тому же наши далекие предки странствовали по всей Вселенной.

Эдеард промолчал. Он всегда скептически относился к этой легенде о корабле, хотя и признавал, что она *очень* заманчива.

Мелзар повесил одну из винтовок на плечо и приступил к раздаче боеприпасов. Каждому подмастерью с револьвером он выдавал по шесть пуль в медных гильзах.

— Этого вполне достаточно, — ответил он на жалобы. — Если ты не бьешь галби шестью выстрелами, зверь либо успеет убежать, либо вырвет тебе печенку. Больше зарядов вы не получите.

Оружие досталось пяти подмастерьям, включая Генрила. Эдеард в их число не попал и с завистью смотрел, как счастливчики загоняют патроны в барабаны.

Мелзар, присев на корточки, начертил на земле несколько линий.

— Встаньте вокруг меня, — сказал он. — Мы разделимся на две группы. Стрелки выстроятся в линию вот здесь, на возвышенности. — Он махнул рукой в ту сторону, где лес полого поднимался вверх. — Все остальные будут загонщиками. Мы встанем длинной цепью, и один ее конец отсюда станет двигаться вперед, пока не достигнет первого стрелка. Шум загонщиков погонит всех зверей крупнее драккенов, и будем надеяться, что они побегут на стрелков. Ни при каких обстоятельствах не проходите дальше линии. Не важно, что вы лучшие друзья и постоянно телепатируете друг с другом, вы не должны выходить на линию огня. Понятно?

— Да, сэр, — хором ответили они.

— Вот и хорошо. После первого захода вы поменяетесь ролями, и мы направимся в

другую сторону. — Он посмотрел на небо, начавшее затягиваться легкими облаками. — Светлого времени дня нам хватит на три захода, так что подержать в руках оружие успеют все.

— Сэр, отец сказал, что пользоваться этим револьвером могу только я. — сказал Генрил.

— Я знаю, — ответил Мелзар. — Ты оставишь его при себе, но, когда ты пойдешь загонщиком, оружие у тебя будет незаряженным. Теперь следующее: в цепи загонщиков вы должны держаться на расстоянии про-взгляда от своих соседей. Это означает, что вы можете разойтись ярдов на семьдесят. Команды идти, остановиться или собраться в группу будут передаваться голосом или мысленным посылом по всей цепочке. Повиноваться беспрекословно! С загонщиками пойдут и ген-волки, они помогут нам выгнать галби. В этом заходе Эдеард и Алси возьмут на себя контроль над двумя волками, а третьим буду командовать я сам. Никто другой не должен отдавать им приказов, чтобы не сбить с толку. Вопросы есть? Нет Хорошо. Тогда отправляемся, и пусть нам улыбнется Небесная Заступница.

Эдеард подозвал одного из волков и присоединился к группе загонщиков, возглавляемой Мелзаром. Фермер Торан повел на позицию группу стрелков.

— Не вижу в этой охоте никакого смысла, — мрачно посетовал Фахин, шагая рядом с Эдеардом. — Из револьверов мы все стреляли по мишеням за городской стеной. Галби даже не годятся в пищу.

— Ты что, ничего не слушал? Это возможность набраться опыта. — сказала Джанин. — Стрелять по мишеням — совсем не то, что с волками оказаться в лесу, где полно опасных диких зверей. Совет старейшин должен убедиться, что, если придется защищать деревню, на нас можно будет рассчитывать.

«Вот только Мелзар уверял нас, что кочевые племена не представляют опасности, — подумал Эдеард. — Тогда зачем надо было строить стену вокруг деревни? Надо спросить Акиима, когда вернусь».

— А если галби не побегут в сторону стрелков? — спросил Фахин. — Если они бросятся на нас?

Он даже вцепился пальцами в медицинскую сумку, словно она могла защитить его от диких зверей.

— Не бросятся, — успокоил его Эдеард. — Они постараются нас обойти, потому что нас много.

— Да, это все в теории, — пробормотал Фахин.

— Небесная Заступница, прекрати ныть, — крикнул ему Оброн. — Мелзар знает, что делает. Он уже пятьдесят лет водит караваны. Кроме того, галби не такие уж и опасные. Просто вид у них страшный. К тому же у тебя есть третья рука, чтобы защититься.

— А если мы вспугнем быстролиса?

Подмастерья застонали.

— Быстролисы живут на равнинах, внизу, — раздраженно пояснил Алси. — Это не горные животные. Ты скорее встретишь их в окрестностях Эшвилля, чем здесь.

Фахин скорчил гримасу: заверения друзей его явно не убедили.

На краю леса Мелзар отправил всем посыл:

«Начинайте рассредоточиваться. Помните, что нельзя удаляться друг от друга дальше, чем на расстояние про-взгляда. Если утратите контакт, извещайте соседей телепатическими

посылами»).

Эдеард шел между Оброном и Фахином. Такое соседство его не радовало. Если кто-то и нарушит порядок, то наверняка Фахин. Этот долговязый парень намного лучше чувствовал себя в четырех стенах. К тому же в случае неприятностей на помощь Оброна рассчитывать не приходилось. «Но худшее, что может сделать Фахин, — подумал Эдеард, — это отстать от цепи. И хорошо, что у него нет оружия. Как только он потеряет нас из вида, он непременно начнет кричать». Эдеард дал ген-волку команду рыскать из стороны в сторону. Его про-взгляд улавливал взволнованные мысли всех участников охоты, цепь загонщиков мерцала и переливалась искрами нетерпения.

Они продолжали медленно двигаться вперед, расходясь в стороны, пока не образовали достаточно длинную линию. Впереди снова встали высокие деревья с густыми кронами, скрывшими облачное небо.

«Идем вперед», — передал приказ Оброн.

Эдеард улыбнулся и повторил команду Фахину. Тот поморщился.

Новые ботинки порадовали Эдеарда. На неровной земле под густой травой скрывалось множество сучьев и острых камней, а обувь, хоть немного натерла лодыжку, плотно удерживала сустав. Вскоре Мелзар дал команду поднять шум. Оброн стал громко кричать, Фахин выпускал пронзительный свист, а Эдеард подобрал крепкую палку и принялся колотить по стволам деревьев.

В этой части леса чаще встречались кустарники. Высокие зебраторны одноцветными листьями с узорчатыми прожилками прикрывали сочные белые (и очень ядовитые) ягоды, коалифы распластались по земле непроходимыми темными сгустками. Про-взгляд улавливал мелких зверьков, спешащих убраться с пути загонщиков, но не обнаруживал ничего крупнее драккена, не говоря уж о галби. Влажная глинистая почва пружинила под ногами, и в каждом отпечатке ботинка мгновенно появлялась вода. В воздухе стоял сильный запах гниющих листьев, и Эдеард был уверен, что ощущает даже споры грибов.

Оброн уже скрылся где-то за кустами. Про-взгляд Эдеарда обнаружил его за толстенными стволами.

— Не отставай, — телепатировал он.

«Конечно, конечно», — беззаботно откликнулся Оброн.

Какое-то движение привлекло внимание. Где-то в направлении Мелзара пробежал галби. У Эдеарда гулко забилося сердце. Он поймал себя на том, что улыбается во весь рот, но ему было все равно. Он ждал этого момента с того самого дня, когда узнал о собственном участии в караване. Галби здесь есть! Возможно, и он спугнет одного из зверей, а если очень повезет, то и застрелит во время следующего захода.

Над головой послышался визгливый крик. Взгляд Эдеарда метнулся вверх и едва успел заметить пару птиц, скрывшихся в густой листве. Перед ним показались заросли зебраторна, самое подходящее место для гнезда галби. При помощи про-взгляда он попытался обыскать кустарник, но внутри имелись какие-то темные зоны и узкие провалы, куда он не смог заглянуть. Тогда Эдеард послал в кусты ген-волка, а сам стал обходить заросли снаружи. Фахина он теперь тоже уже не видел, но про-взгляд регистрировал мысли парня.

Страх обрушился на него лавиной ледяной воды. Радостное возбуждение мгновенно улетучилось. Ноги словно приросли к земле, а пальцы разжались, выронив палку. Происходило нечто ужасное. Он был уверен.

— Что же это? — прошептал Эдеард.

Он был испуган, и, что еще хуже, боялся самого страха. Это казалось бессмысленным.

В гуще кустов ген-волк, которого он телепатически направлял, поднял голову и зарычал в ответ на охватившую Эдеарда тревогу.

«Эдеард? — окликнул его Фахин. — Что случилось?»

— Я не...

Эдеард прижал руки к бедрам, ноги у него согнулись в коленях, так что он почти коснулся пальцами земли. Третьей рукой он инстинктивно окружил себя самой сильной защитой, на какую только был способен. *Небесная Заступница, что это со мной?* Он направил про-взгляд как можно дальше и стал поворачивать кругом, словно луч маяка. Плотно стоящие стволы деревьев не позволяли составить детальную картину.

«Что с тобой происходит?» — спросил Оброн.

В его мыслях отчетливо проскальзывало раздражение.

Эдеард ощущал и сомнения, охватившие обоих подмастерьев. Ген-волк извивался в кустарнике, пытаясь выбраться и вернуться. Зашуршали сухие листья. Эдеард подхватил палку и повернулся в ту сторону, откуда, как ему показалось, донесся звук.

— Мне кажется, здесь кто-то есть.

Он максимально сконцентрировал про-взгляд. На земле шныряли мелкие грызуны. Они тоже могли шуршать листьями...

«О чем ты говоришь? — забеспокоился Фахин. — Кто там?»

От напряжения Эдеард стиснул зубы.

— Я не знаю. Я не чувствую его.

«Эй, мы отстаем от остальных, — нетерпеливо телепатировал Оброн. — Надо двигаться».

Эдеард оглянулся на лес. Какая глупость! Но он никак не мог избавиться от страха. Еще раз окинув взглядом лес, он повернулся. Слева, из-за деревьев, где никого не было, вылетела стрела. Она двигалась так быстро, что он не мог ее увидеть, и только про-взгляд зафиксировал какую-то рябь. Защитная оболочка подверглась сильнейшему напряжению, Эдеард изумленно открыл рот, а его мозг испустил вопль ужаса.

Стрела ударила в левую грудную мышцу. Телекинетический щит выдержал. Силы удара хватило, чтобы сбить его с ног, и Эдеард приземлился на задницу. Стрела упала рядом на влажную почву; длинное выкрашенное в черный цвет древко с оперением из темно-зеленых перьев иглостреба и жутким металлическим наконечником, с которого стекала густая фиолетовая жидкость. Эдеард в ужасе уставился на нее.

«Эдеард?»

В его голове взорвался вихрь телепатических голосов. Казалось, что все загонщики в линии кричат ему, требуя отчета.

— Стрела! — передал он на предельной мощности. Эдеард не сводил глаз со страшного предмета у своих ног, давая возможность всем увидеть оружие. — Отравленная стрела!

В беспорядочных серых клубах эфирного зрения Эдеарда сапфировой вспышкой материализовался источник мыслей.

— А?

Эдеард резко повернул голову. Из-за дерева вышел мужчина, закутанный в потрепанный плащ почти такого же цвета, что и стволы деревьев. Его длинные всклокоченные волосы слиплись от коричневой грязи, такая же грязь полосами покрывала лицо и бороду. Мысли сочились изумлением и злобой, а лицо исказилось от ярости.

Мужчина завел руку за плечо, вытащил из колчана еще одну стрелу, поставил ее на тетиву огромного лука, каких Эдеард еще никогда не видел, и отвел руку назад.

Вопль Эдеарда прозвучал в мыслях и повторился по всей цепочке загонщиков. Даже напавший на него человек, спуская тетиву, невольно поморщился.

Эдеард выбросил руки перед собой, присоединив к ним всю доступную мощь телекинеза. Стрела, не пролетев и половины расстояния, рассыпалась в щепки.

На этот раз изумленный вопль в эфире исходил из разума нападавшего.

«Бандиты, — послышался негромкий физический и телепатический голос Мелзара. — Это засада. Собирайтесь вместе, объединяйте силы для защиты. Торан, помоги нам!»

Эдеард неловко поднялся на ноги. Вокруг него бушевала буря эмоций и криков. В лесу, сбрасывая свою маскировку, проявлялись сущности других бандитов. В воздух взлетали стрелы. Эдеард направил срочный приказ ген-волку. Времени было в обрез. Лесной разбойник, бросив лук на землю, бежал нему, сжимая в руке нож.

Телекинетический толчок едва не сбил Эдеарда с ног. Он ощутил, как — энергетический поток ледяными пальцами скользнул по его коже, но без труда отразил нападение. Бандит пытался дотянуться до его сердца; этот прием подмастерья, собираясь в Эшвилле, обсуждали благоговейным шепотом. Использовать телекинез внутри чужого тела было строжайше запрещено. Любого, кто нарушал этот закон, изгоняли. Навечно.

Бандит, громко топая, несся на Эдеарда. В руке блеснул нож. Третья рука шарилась по телу, отыскивая уязвимые органы.

Страх у Эдеарда исчез. Он даже не думал об остальных. Перед ним маньяк, который всерьез пытается его убить. Это обстоятельство заслонило в сю остальную Вселенную. И, как объяснял Акиим во время редких занятий по оборонительной тактике с применением телекинеза, просто блокирующих даров не существует.

Эдеард остановился, опустил руки и прикрыл глаза. Третья рука наготове. Ждать. Уже слышится топот босых ног бандита. «Ждать...» Раздался безумный вопль. Нож, сжимаемый побелевшими пальцами, взметнулся вверх. «Ждать... Выбирать момент». Про-взгляд отчетливо обрисовывал силуэт бандита, высвечивая даже до предела напряженные мышцы ног, что означало готовность к прыжку. «В любой момент...»

Попытка добраться до сердца закончилась, все силы теперь были направлены на прыжок и удар ножом.

«...Пора!»

Бандит оторвался от земли. Эдеард подвел третью руку под поднимающуюся в воздух фигуру и сильно толкнул, сопровождая усилие яростным ревом. Ему еще никогда не приходилось так напрягаться, даже в ответ на откровенные издевательства Оброна.

Через мгновение торжествующий вопль бандита сменился испуганным визгом. Эдеард, открыв глаза, увидел над головой измазанные грязью ступни.

— Пошел ты! — рывкнул он и легким толчком чуть-чуть изменил траекторию.

Голова бандита врезалась в ствол дерева в четырех футах над землей. Раздался глухой стук. Эдеард отдернул третью руку. Бандит камнем полетел вниз, рухнул на землю и застонал. Ген-волк бросился в атаку.

Эдеард отвернулся. Зверь начал зубами и когтями рвать неподвижное тело, и сдерживаемые эмоции обрушились на Эдеарда сокрушительной волной. Он уже забыл, с какой яростью эти существа набрасываются на свою добычу. Ноги у него так задрожали, что в любой момент он был готов упасть, а внутри все органы сплелись в тугую узел.

Лес вздрогнул от треска выстрелов, и Эдеард резко развернулся. «Это. должно быть, наши стрелки. Или нет?»

Выстрелы и крики доносились со всех сторон. Эдеард не мог решить, что делать дальше. Один из голосов сорвался на пронзительный вопль. Джанин!

«Небесная мать, пощади!» — взвыл Оброн.

Его мозг сиял ужасом, словно миниатюрная звезда.

Эдеард направил на него про-взгляд. К объятому ужасом подмастерью приближались два быстролиса. Эдеард никогда раньше не видел этих зверей, но сразу же узнал по описанию. Они немного уступали в росте ген-волкам, но превосходили их в скорости, особенно на спринтерских дистанциях. Узкое поджарое тело зверей покрывал короткий черный мех, плотный как броня. Голова, казалось, состояла только из рогов и клыков — и тех и других было слишком много. Хорошо развитые мышцы задних лап давали быстролисам возможность одним стремительным прыжком достигать жертву.

И на них были надеты ошейники.

Эдеард помчался наперерез, вытянув перед собой третью руку. До зверей оставалось еще не меньше сорока футов, но он уже ощущал ритмичные сокращения их стальных мышц. Он не знал, есть ли у этих существ сердце, как у людей и земных животных, и тем более не имел представления, где оно находится. Так что о сжатии сердца можно забыть. Его телекинетический орган проник в череп первого из зверей и просто *разорвал* все ткани, какие там обнаружались. Быстролис отключился на бегу, его узкое тело по инерции прочертило борозду в сухих листьях. Второй быстролис метнулся в сторону, злобные глазки мгновенно отыскивали источник угрозы. Зверь остановился и зарычал на бегущего Эдеарда. В следующее мгновение он уже присел на задние лапы, готовясь к прыжку.

— Что ты делаешь? — завопил Оброн.

Эдеард понимал, что это безумие. Наплевать. Адреналин подхлестывал его силы. Он ответил быстролису таким же рычанием и чуть не рассмеялся. А потом, не дав зверю прыгнуть, обхватил его третьей рукой и поднял. Быстролис завизжал от ярости, лапы забили по воздуху с такой скоростью, что лились в одно мутное пятно.

— Это ты сделал? — недоверчиво спросил Оброн.

— Ага, — с усмешкой ответил Эдеард.

— Вот это да! Оглянись!

В их сторону из леса выбежали трое бандитов. В точно такой же одежде, как и тот, что напал на Эдеарда, — в потрепанных маскирующих плащах, с ножнами для кинжалов на поясе. У одного имелся еще и лук.

Эдеард отдал короткую команду, подзывая ген-волка.

Бандиты замедлили шаг. При виде быстролиса, беспомощно перебирающего лапами над землей, в их мыслях блеснул испуг. Из леса снова послышались выстрелы.

— Ставь защиту, — скомандовал Эдеард, увидев, что бандит накладывает на тетиву стрелу.

Щит Оброна заметно окреп.

Трое разбойников остановились, не сводя глаз с барахтающегося в воздухе быстролиса. Эдеард стал медленно разворачивать хищника, пока не направил его морду на бандитов. В мозгу зверя он обнаружил только простые мотивационные связи. Очень похоже на разум ген-формы, только самые сильные импульсы вырабатываются под воздействием страха. Скорее всего, какая-то дрессировка, основанная на наказании и поощрении. Бандит

выстрелил из лука. Оброн испуганно вскрикнул, а Эдеард уверенно отбросил стрелу в сторону.

Наконечник звонко щелкнул по дереву, и бандиты снова замерли. Телекинетические пальцы скользнули по коже Эдеарда, но он также легко отогнал их. Тогда все трое подняли короткие мечи. Эдеард вбил приказ в мозг быстролиса и убедился, что предыдущие установки изменились. Хищник перестал молотить лапами по воздуху и зарычал на бандитов. Те изумленно переглянулись. Эдеард осторожно опустил зверя на землю.

— Взять, — уверенно скомандовал он.

Быстролис рванул вперед с невероятной скоростью. Через миг его задние лапы оттолкнулись от земли, и зверь взлетел по плавной дуге. Бандиты закрылись телекинетическими щитами. Против одного хищника защита могла бы устоять. Но сбоку прыгнул ген-волк.

— О Небесная Заступница!

Оброн задрожал, услышав пронзительные вопли, он сильно побледнел, но все равно не мог отвести взгляда от ужасной бойни.

— Пошли. — Эдеард дернул его за руку. — Надо найти Фахина. Мелзар приказал собраться в группу.

Оброн заковылял вперед. Где-то неподалеку раздался выстрел револьвера. Эдеард решил, что это кто-то из группы стрелков. Вероятно, они поспешили на помощь. Вместо беспорядочных криков теперь звучали отдельные призывы. Эдеард расслышал несколько имен подмастерьев. Телепатические посылы были перегружены эмоциями, время от времени мелькали ужасные картины, грозившие захлестнуть мозг. Боль в сочетании с кровью, толчками вытекавшей из длинной раны на бедре Алси. Стрела, торчащая в тунике, онемение, быстро распространяющееся вокруг раны. Заляпанные грязью лица, пляшущие в такт наносимым ударам. И снова боль. Бандит в камуфляжном плаще, убегающий из-под прицела винтовки. Серо-черный силуэт быстролиса. Огромная лужа крови вокруг разорванного трупа.

Эдеард подбежал к зарослям зебраторна.

— Фахин, Фахин, это мы. Где ты? — Он никого не видел. Про-взгляд не обнаруживал ни малейшего проблеска мысли. — Фахин!

— Он пропал, — задыхаясь, воскликнул Оброн. — О Небесная Заступница, неужели они утащили его с собой?

— Ты видишь где-нибудь кровь? — спросил Эдеард, осматривая опавшую листву.

— Нет. Ой!

Эдеард проследил за его взглядом и увидел убежавшего в лес бандита. В его руке был меч, с которого стекала свежая кровь. Эдеарда охватила ярость. Он вытянул третью руку, схватил бандита за лодыжку и резко дернул. А пока человек падал, повернул меч, поставив его вертикально. От оглушительного вопля заколотого мужчины Эдеард содрогнулся. Умиравший мозг бандита выплеснул наружу остатки злобы и изумления. Затем мерцание его мыслей угасло.

— Он был в пятидесяти ярдах от тебя, — изумленно прошептал Оброн.

В его голосе кроме удивления проявился и оттенок страха.

— Фахин, — продолжал звать Эдеард. — Фахин, где ты?

Внезапно его про-взгляд наткнулся на слабый мерцающий лучик в самой гуще кустов.

— Фахин?

«Эдеард?»

Телепатический посыл долговязого парня источал страх.

— Да, да, это мы с Оброном. Давай выходи. Бояться нечего. Я так думаю.

Вместе с Оброном они увидели, как Фахин выполз из кустов. Его лицо и руки сплошь покрывали кровоточащие царапины, а старый шерстяной свитер где-то потерялся. Липкий ягодный сок стекал по волосам и очкам, висевшим на одном ухе. Что удивительно, медицинская сумка по-прежнему была зажата в его руках. Оброн помог Фахину подняться и, к немалому удивлению, вдруг оказался в его крепких объятиях.

— Я так перепугался, — жалобно лепетал Фахин. — Я сбежал. Простите меня. Я ничем вам не помог.

— Все в порядке, — заверил его Оброн. — От меня пользы было ничуть не больше. — Он обернулся и внимательно взглянул на Эдеарда. Разум Оброна окутала печальная задумчивость. — Меня спас Эдеард. Он убил уйму врагов.

— Нет, — запротестовал Эдеард. — Ничего подобного...

Он не договорил, внезапно осознав, что сегодня действительно убивал людей. Горестный взгляд наткнулся на бандита, напоровшегося на его собственный меч. Этот человек мертв, и убил его Эдеард. Но меч уже был в крови. А другие бандиты... они бы всех их убили. «У меня не оставалось выбора», — подумал он.

Иногда надо сделать что-то неправильно, чтобы потом выйти на верный путь.

«Кто-нибудь видит или ощущает близость врагов?»

Услышав посыл Мелзара, Эдеард поднял голову. Оброн и Фахин тоже стали оглядываться.

«Никто? — спросил Мелзар. — Хорошо, тогда все собирайтесь ко мне. Если есть раненые, помогите им добраться. Фахин, ты здесь?»

Голос живого Мелзара немного примирил Эдеарда с действительностью. Он даже сумел слегка усмехнуться. Оброн облегченно вдохнул и присвистнул.

— Да, сэр, я здесь, — ответил Фахин.

«Отлично, парень, поторопись, у нас есть раненые».

— О Небесная Заступница, — простонал Фахин. — Я ведь всего лишь подмастерье Доктор не доверяет мне даже приготовить некоторые отвары из листьев.

— Просто сделай то, что сможешь, — посоветовал Эдеард.

— Но...

— Ты же вылечил нас от похмелья, — напомнил Эдеард. — За помощь пострадавшим тебя никто не упрекнет. Мы и не ждем, что ты будешь лечить так же хорошо, как доктор Сенео. Но ты должен что-то сделать, Фахин. Ты же не можешь отвернуться от раненых. Так нельзя. Ты нужен им.

— Он прав, — подхватил Оброн. — Мне кажется, я слышал крик Джанин. Что скажут ее родители, если ты просто пройдешь мимо?

— Да, конечно, — согласился Фахин. — Вы правы. Небесная Заступница, а где же мои очки? Я не могу все время пользоваться про-взглядом.

Он повернулся к колючим зарослям.

— Вот они, — сказал Эдеард.

Его третья рука осторожно вернула очки на место, предварительно стерев с них сок ягод.

— Спасибо, — обрадовался Фахин.

Они поспешили через лес навстречу Мелзару. В том же направлении вместе с ними двигались и другие подмастерья. Несколько человек с опаской обменивались телепатическими посылками. Эдеард вспомнил Алси и его раненое бедро. Парень выглядел не слишком хорошо.

Вокруг Мелзара оборонительным барьером выстроились подмастерья с револьверами, их возглавлял Торан. Эдеард с облегчением заметил Генрила, все еще дрожащего от возбуждения. Генрил рассказал, что у него в револьвере остался всего один патрон и что он наверняка подстрелил кого-то из бандитов.

— Я так испугался, когда на нас выскочили быстролисы! Одного из них Торан убил из винтовки. Небесная Заступница! Это был отличный выстрел.

— Ты бы видел, как сражался Эдеард, — заявил Оброн. — Ему даже оружие не нужно.

— Как? — воскликнул Генрил. — А что ты сделал?

— Ничего, — ответил Эдеард. — Просто я понимаю, как обращаться с животными, вот и все. Ты и сам это знаешь.

— А твоя сила? — спросил Оброн.

— Да, верно, — подхватил Генрил. — Мы слышали твой посыл еще с возвышенности, и ты как будто кричал мне прямо в ухо. Да я чуть не упал, когда в тебя попала стрела!

— Разве это важно?

Эдеард оглянулся вокруг, гадая, где же остальные. Из двенадцати подмастерьев и четверых взрослых загонщиков их пока было только пятеро, включая его самого, Оброна и Фахина. Вскоре появился плотник Канан; он нес на руках потерявшего сознание Алси. Фахин, увидев грубую повязку, уже пропитавшуюся кровью, с тревогой посмотрел на товарища. От волнения он совсем растерялся.

— Иди, — подтолкнул его Эдеард легким посылом. — Сделай все, на что ты способен.

— П-п-положите его на землю, — попросил Фахин.

Он встал на колени рядом с раненым и начал копаться в своей сумке. Эдеард снова отвернулся к лесу и стал осматривать окрестности про-взглядом. Где же остальные? Сердце забилось быстрее, когда он заметил среди деревьев какое-то движение. Из леса выбежали еще двое подмастерьев.

— Все в порядке, — попытался успокоить их Мелзар. — Теперь вы в безопасности.

— Мы оставили Джанин, — чуть не плача, крикнул один из них. — Мы пытались ее спасти, но в нее попала стрела. Я побежал...

Он упал на землю и всхлипнул.

— Девять, — прошептал Эдеард, не прерывая наблюдения. — Девять из двенадцати.

На его плечо легла рука Мелзара.

— Если бы не ты, не осталось бы никого, — тихо произнес он. — Нас спасло твое предупреждение. И меня тоже. Эдеард, я обязан тебе своей жизнью. И все мы.

— Нет. — Эдеард сокрушенно покачал головой. — Я вас не предупреждал. — просто испугался, вот и все. Вы услышали мой страх.

— Я знаю, он был очень сильным. А что произошло? Что тебя насторожило?

— Я... — Эдеард нахмурился, вспоминая ощущение охватившего его ужаса. Никаких причин он указать не мог. — Я что-то услышал. — неуверенно сказал он.

— Как бы там ни было, я рад.

— Почему мы не смогли почувствовать их присутствие? Мне казалось, у меня довольно сильный про-взгляд. Они были ко мне ближе, чем Оброн и Фахин, а я ничего не заметил.

— Есть способы скрыть свои мысли, заслонить их от про—взгляда. Но в Эшвилле эта техника неизвестна, и до сегодняшнего дня я никогда не видел, чтобы ею владели так хорошо. Только Небесной Заступнице известно, где они этому научились. А еще они приручили быстролисов, что тоже удивительно. Нам надо будет послать гонцов в соседние города, чтобы предупредить о неприятной новости.

— Неужели бандитов здесь так много?

Эдеард на мгновение представил себе целые армии, окружившие караван.

— Нет. Сегодня мы обратили их в бегство. Даже если поблизости рыскал кто—то еще, теперь им придется задуматься. Засада провалилась. И все благодаря тебе.

— Боюсь, Джанин и остальным так не кажется, — горько возразил Эдеард.

Он даже не заметил, как грубо разговаривает с Мелзаром. После того что произошло, многое потеряло смысл.

— На это я ничем не могу тебе ответить, парень. Мне очень жаль.

— Почему они так поступают? — спросил Эдеард. — Почему охотятся на других людей? Почему не живут мирно в своих домах, в деревнях? Это же какие—то дикари.

— Я тебя понимаю. Но больше они ничего не умеют. Они выросли в лесой глуши и своих детей воспитывают точно так же, как воспитали их. Мы не в состоянии разорвать этот порочный круг. Всегда есть люди, предпочитающие жить вне общества.

— Я их ненавижу. Они убили моих родителей. А теперь убили моих друзей. Мы должны уничтожить их. Всех. Это единственный способ жить спокойно и мирно.

— В тебе говорит гнев.

— Мне все равно. Я действительно так думаю. И всегда думал.

— Возможно. И теперь я с тобой почти согласен. Но мой долг — доставить вас всех домой живыми и невредимыми. — Мелзар слегка наклонился, изучая мысли и эмоции Эдеарда. — Ты мне поможешь?

— Да, сэр. Помогу.

— Ну и хорошо. А теперь собери наших ген—волков.

— Ладно. А как быть с быстролисом? — Эдеард чувствовал, что хищник бродит где—то неподалеку, на пределе досягаемости его про—взгляда. Лишившись хозяина, зверь растерялся.

— Быстролисом?

— Эдеард его приручил, — сказал Оброн. — Он схватил его третьей рукой и заставил напасть на бандитов.

Все собравшиеся подмастерья посмотрели на Эдеарда. Кроме усталости и страха, преобладавших в их мыслях, после этих слов они проявили искренний интерес.

— Я же говорил, — мрачно произнес Эдеард. — Я знаю, как обращаться с животными. Этому учат в моей гильдии.

— Никто не видел прирученного быстролиса, — воскликнул Торан, заработав укоризненный взгляд Мелзара.

— Но бандиты сделали это, — возразил Генрил. — Я видел на зверях ошейники.

— Они научили их подчиняться, — пояснил Эдеард. — И мой приказ оказался сильнее, вот и все.

— Ладно, — вздохнул Мелзар. — Зови и быстролиса. Если сможешь его контролировать, пусть охраняет караван. Если нет... — Он похлопал по прикладу винтовки. — Но я должен тебя предупредить, старейшины никогда не согласятся терпеть этого

хищника в деревне.

Сточки зрения Аарона, Риизи только выиграл, лишившись статуса. Остался его величественный вид, присущий любой столице, остались роскошные общественные парки и развитая транспортная сеть, а также отличные условия для отдыха, но, после того как министерства и тамошние бюрократы перебрались за океан в Маккатран-2, из жизни города исчезла напряженность и суматоха. А также заоблачные цены на недвижимость. Теперь это был богатый город, оснащенный всевозможными удобствами, и его население наслаждалось преимуществами.

И работать Аарону стало намного легче. Перелет на такси из Маккатран-2 занял девять часов, и они приземлились на одной из сотен почти одинаковых площадок. Корри–Лин, к счастью, проспала почти всю дорогу, а когда просыпалась, беспрекословно выполняла все, что Аарон ей предлагал. По просторному пассажирскому терминалу они перемещались на движущихся пешеходных дорожках, заходя по пути во все залы. Только после этой прогулки они вернулись к стоянке такси и взяли машину до бывшего здания парламента в самом центре города. Солнце к тому моменту стояло уже высоко, и в окружающих кварталах кипела бурная деятельность. Там Аарон и Корри–Лин пересели в другое такси. Потом снова сменили машину.

После трех пересадок их поездка наконец закончилась в жилом районе на восточном берегу реки Камоа.

Еще во время перелета из Маккатрана-2 Аарон снял квартиру на первом — этаже пятнадцатизэтажной башни. Здание ничем не выделялось среди соседних строений, и Аарон назвал квартиру конспиративной. Корри–Лин могла считать, что там вполне безопасно. Но сам он прекрасно знал, что все эти смены такси и оплата покупок анонимными кредитками — просто любительские уловки. Любой мало–мальски грамотный офицер полиции сможет вычислить их парочку уже назавтра.

Первые два дня он ничего не предпринимал. Целые сутки у Корри–Лин ушли на то, чтобы выплакаться. Он позволил ей заказывать все что угодно из еды и одежды, но запретил покупать любой алкоголь и аэрозоли. На второй день она молча дулась на него, к тому же мучаясь от жуткого похмелья. И, как он понимал, от ужасных воспоминаний о том, что произошло с капитаном Мэнби. По ночам из ее спальни доносились крики.

На следующее утро Аарон решил немного исправить настроение Корри–Лин роскошным завтраком. Он задал кухонному процессору самые сложные варианты, а к ним добавил свежие продукты из службы доставки местных деликатесов. Завтрак начинался с синефрукта из Олберона, за которым следовали гренки с бананами в карамели; главным блюдом были гречневые блинчики с поджаренными утиными яйцами, убанскими грибами и копченым айрширским беконом, покрытым нежным омлетом с икрой. Дополнял завтрак настоящий ассам — единственное, что Аарон мог пить по утрам, в не самое лучшее для него время суток.

— Ух ты! — восхищенно воскликнула Корри–Лин.

Она вышла из спальни, едва открыв глаза и накинув пушистый голубой банный халат. При виде накрытого стола она мгновенно встрепенулась.

— Добавь к синефрукту сахара, — посоветовал Аарон. — Он рафинирован из выращенных на Дранском клубней, лучших во всей Галактике.

Корри–Лин посыпала дольку фрукта серебристой пудрой и надкусила.

— М–м–м, вкусно.

И отломил еще дольку.

Аарон, усевшись напротив, сделал первый глоток чая. Столик стоял у окна, откуда открывался отличный вид на реку. Над водой уже скользили несколько огромных океанских барж, а между ними кружили речные суда меньших размеров. Аарон не смотрел на них. Его взгляд не отрывался от разошедшихся отворотов халата Корри–Лин, откуда выглядывали выпуклости груди. Крепких, прекрасной формы. Он не мог не отметить превосходного состояния ее тела и, словно ища подтверждения, опустил глаза на ноги. Относительно секса с Корри–Лин у него не было никаких указаний, из чего он сделал заключение, что гормональным подъемом обязан только своему телу. Он усмехнулся. В конце концов, это была нормальная реакция.

— Ты вовсе не агент по аренде космических кораблей, — неожиданно заявила Корри–Лин, обиженно надув губы.

Он осознал, что позволил своим эмоциям частично просочиться в Гейя–сферу.

— Верно.

— Так кто же ты?

— Наверное, какой–то секретный агент.

— Наверное?

— Ну да.

— Так ты не знаешь?

— Точно не знаю.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все довольно просто. Если я ничего не знаю, я ничего не смогу выдать. Я знаю только то, что должен сделать.

— Так ты ничего не помнишь о своей личности?

— Нет, совсем ничего.

— А тебе известно, на кого ты работаешь?

— Нет.

— А как же ты узнаешь, что тебе необходимо на них работать?

— Извини, не понял.

— Откуда тебе известно, что ты работаешь не на Окайзенскую Империю и не стремишься разрушить Великое Содружество? А вдруг ты сохранившийся агент Звездного Странника? Говорят, что Паула Мио так и не смогла выловить их всех.

— Вряд ли, но да, я не знаю наверняка.

— Как же ты можешь утверждать, что это не так?

— Я не представляю себе, что мог бы так поступить. Если бы ты сейчас попросила меня сделать что–то подобное, я бы отказался. По крайней мере до тех пор, пока мне не вернут все воспоминания.

— Все воспоминания. — Корри–Лин отпила чай с той же осторожностью, с какой пробовала синефрукт. — Тот, кто соглашается лишиться своих воспоминаний, чтобы получить нелегальный контракт, должен быть настоящим экстремалом. И ты убиваешь людей. Со знанием дела.

— Моя боевая программа просто лучше, чем у них. А их оживят. Твой приятель капитан Мэнби, должно быть, уже приступил к нашим поискам. Подумай, как благодаря мне

усилилось его рвение.

— Без воспоминаний ты даже не знаешь, какой ты на самом деле.

Аарон потянулся за гренком.

— А тебе это интересно?

— Во имя Оззи, а тебе — неужели нет?

— Нет.

Она удивленно тряхнула головой.

— Это же какая-то искусственная жизнь.

— Ну и что? Зато у меня намного повышается эффективность при выполнении задания.

При оживлении корректировка персональных качеств имеет огромное значение. Если хочешь стать администратором, твоя нервная система должна получить навыки уверенности и агрессивности.

— Выбирайте профессию и подгоняйте под нее свою личность. Отлично, это по-человечески.

— А каким ты представляешь себе современного человека? Высшим? Прогрессором? Натуралом? И что скажешь насчет Улья? В Раю Хаксли уже полторы тысячи лет существует регулируемое общество; судьба каждого обитателя этого мира определена генетическим путем, и население планеты довольно своей жизнью. Ты можешь с уверенностью сказать, кто из нас больше соответствует понятиям о человеческой расе?

— Я не собираюсь спорить с тобой об эволюции. Кроме того, это отвлекает от главной темы.

— Я думал, мы уже договорились о том, что никто из нас не знает, кто — такой. Тебя это и привлекает во мне?

— Только в твоих извращенных снах!

Аарон усмехнулся и надкусил гренок.

— В чем же состоит твоя миссия? — спросила Корри-Лин. — Что именно ты *должен* делать? Похищать советников Воплощенного Сна?

— Бывших советников. Но нет, это не совсем верно.

— И что же тебе потребовалось от меня?

— Мне необходимо отыскать Иниго. И я уверен, ты сможешь в этом помочь.

Корри-Лин уронила ложку и недоверчиво взглянула на него.

— Ты, верно, шутишь.

— Нет.

— Ты надеешься, что я тебе помогу? После всего, что только что сказал?

— Надеюсь. А почему нет?

— Но...

— Воплощенный Сон пытается тебя убить, — прервал он ее. — Пойми, ни не останутся. И то, что случилось той ночью, только усилит их решимость. Единственный, кто мог бы заставить вашего милейшего нового Пастыря притормозить, это только сам Иниго.

— Ага, значит, ты работаешь на противников паломничества.

— Нельзя с уверенностью сказать, что Иниго, вернувшись, не откажется т паломничества. Ты знаешь его лучше, чем кто-либо другой. Я прав?

Она неохотно кивнула:

— Да, думаю, это так.

— Так помоги мне его найти.

— Нет, — едва слышно сказала она. — Как ты можешь просить об этом, если сам не знаешь, что с ним сделаешь, когда отыщешь.

— Любой, кто так долго скрывается, не позволит застать себя врасплох, даже если мы его выследим. Он знает, что за ним охотятся многие серьезные личности. Кроме того, если бы я хотел его устранить, зачем тратить силы на поиски? Раз уж он сошел со сцены, значит, не может управлять актерами, не так ли? Выходит, что я хочу вернуть его целым и невредимым.

— Я не знаю, — прошептала она.

— Я спас тебе жизнь.

Корри–Лин слабо усмехнулась.

— Это управляющая тобой программа спасла мою жизнь. Потому что я тебе нужна. Ты сам говорил, что я твой единственный шанс.

— Ты просто первая в моем списке.

— Значит тебе придется подумать о том, чтобы завлечь в свои сети номер второй.

— Нет, моя печень не вынесет еще одного посещения «Любимого». Ты действительно нужна мне, Корри–Лин. А что ты скажешь о себе? Что тебе нужно? Разве ты сама не хочешь его отыскать? Разве не хочешь услышать, почему он покинул тебя и миллиарды последователей? Может, он разуверился в своих идеалах? Может, Воплощенный Сон с самого начала был несбыточной мечтой?

— Так нечестно.

— Сама ты ничего не сможешь сделать. Это не в твоем характере. Но ты знаешь, что Иниго надо найти раньше, чем начнется паломничество. Кто-нибудь *обязательно* его найдет. Никому не удастся скрываться так долго, не в этой Вселенной. Политики такого не допустят. И ты хочешь, чтобы его нашел кто-то другой?

— Я... нет, — тихо сказала Корри–Лин.

— Я тебя понимаю. Я могу еще немного подождать.

— Спасибо.

Она опустила взгляд, словно стыдилась своего решения, и принялась за гренки.

После завтрака Аарон не видел ее почти три часа. Корри–Лин ушла в свою спальню и не показывалась. Его юз–дубль зарегистрировал слабую активность в унисфере: Корри–Лин просматривала стандартную информацию из городских храмов Воплощенного Сна. Он догадывался, что искала она друга, которому могла бы довериться, а это означало, что ситуация складывается в его пользу. Стоит им выйти наружу, как Мэнби или его местный коллега тотчас бросится вдогонку и откроет стрельбу.

В следующий раз, когда Корри–Лин появилась в дверях спальни, на ней был красный свитер со свободным воротом и черные обтягивающие брюки. Серебряное монисто двумя длинными петлями обвивало шею и спускалось до самых бедер. Темные волосы Корри–Лин тщательно взбила и украсила красными и зелеными искрами с длинным периодом мерцания. Аарон послал ей одобрительную улыбку, которую она проигнорировала.

— Я должна кое с кем поговорить, — сказала Корри–Лин.

Он постарался не слишком явно демонстрировать свою радость.

— Конечно. Надеюсь, ты не будешь настаивать на поездке в одиночку? На улицах полно плохих парней.

— Ты можешь поехать со мной, но разговор будет с глазу на глаз.

— Хорошо. Скажи, встреча уже назначена?

— Нет.

— Отлично. Не посылай никому вызовы. В узлах эллезелинской кибер-сферы стоят правительственные мониторинговые схемы. Команда Мэнби свалится нам на головы со скоростью метеорита.

Она беспокожно моргнула.

— Я уже подключалась к унисфере.

— Ничего страшного. Вряд ли они будут отслеживать подключения твоего юз-дубля, — солгал он. — Тебе известно, где может находиться этот человек?

— В Даэсском храме, это на южной окраине города.

— Хорошо. Мы доберемся до нужного района на такси и выйдем за пару кварталов от храма. А внутри попытаемся установить визуальный контакт с твоим приятелем.

— Он мне не приятель, — автоматически возразила она.

Аарон пожал плечами.

— Ну, кто бы он ни был. Если мы его найдем, можешь поговорить с ним наедине. Не вызов пошлем только в самом крайнем случае, и прошу предоставить это мне. Мой юз-дубль оснащен доработанной программой, которая затруднит слежку.

Она кивнула в знак согласия, взяла красную сумочку и набросила на плечи длинный шарф золотисто-коричневого цвета.

— Я готова.

В такси Аарон позволил себе расслабиться. Пролетая над городом, он любовался вертикальной перспективой проплывающих внизу зданий. Жители города увлекались садиками на крышах, почти половина домов была украшена разнообразной зеленью, очень часто там же виднелись небольшие плавательные бассейны.

Он не знал, к чему приведет запланированный Корри–Лин разговор. И это его ничуть не беспокоило. Он был уверен только в одном: в надлежащий момент он будет знать, как поступить. И в этом, отметил про себя Аарон, заключается огромное преимущество, компенсирующее его уникальное неведение.

Они приземлились на перекрестке в самом конце Даэсского проспекта. Здесь раскинулся коммерческий район, в центре которого возвышались монолитные здания бывшего министерства связи Эллезелина с Внешними мирами, руководящего политикой зоны Свободного Рынка. Позиция министерства во многом определялась превосходством этого мира над соседствующими звездными системами в области политики и торговли. Теперь здания были отданы под гостиницы, казино и роскошные магазины. Дорога к храму проходила вдоль богато украшенных каменных фасадов, и Аарон настоял, чтобы они время от времени заходили в некоторые магазины. О хотел хорошенько осмотреться в поисках вероятных преследователей и облегчить им работу.

— А ты знала заранее о его намерении исчезнуть? — спросил Аарон.

Корри–Лин искоса взглянула в его сторону.

— Нет, — со вздохом призналась она. — К тому моменту наши отношения немного испортились. Я не могу сказать, что это была отставка, но я больше не принадлежала к его ближайшему окружению.

— А кто был к нему ближе?

— В том-то и дело, что никто. Иниго уже давно отдалялся от всех. Не один год. Наша близость не позволила мне сразу заметить, как это происходило. Ты ведь понимаешь, как

оно бывает.

— Могу себе представить, — сказал он, получив в ответ сердитый взгляд. — Выходит, ты больше не была первым номером?

— А, ты говоришь об этом пресловутом Последнем сне? Нет, о нем я не знала. Но потом со всех сторон стали приходить слухи.

Еще до того как Воплощенный Сон набрал большинство в парламенте планеты, старший советник Рирази утверждал, что нельзя пройти по городу и двух километров, чтобы не увидеть один из храмов. Эти здания не имели общих отличительных особенностей: годилось любое, лишь бы в нем имелся достаточно просторный зал, чтобы вместить верующих, а также несколько помещений для офисов и квартир служителей. Даэсский проспект проходил по богатому кварталу города, соответственно, и здание местного храма имело внушительный вид. Современная постройка в форме куба с полосами на стенах, идущими под углом в пятнадцать градусов друг относительно друга; их яркая текучая поверхность отражала малейшие солнечные лучи, превращая стены в радужные водопады. Издали могло показаться, что все сооружение постепенно ввинчивается в землю. Вокруг храма раскинулась широкая площадь с огромными фонтанами во всех четырех углах. Высокие струи воды под действием антигравов поднимались из центров наклонных колец.

Аарон осмотрел шумную площадь, тщательно оценивая местность и при помощи боевой программы планируя пути для отступления. В то же время его юз-дубль извлекал из архивов планы соседних зданий, схемы расположения подземных коммуникаций и маршруты городского транспорта. Напротив главного входа в храм стояла галерея с изогнутой хрустальной крышей, под которой на трех уровнях расположились пятьдесят самых роскошных магазинов и салонов; в ней имелось множество выходов на три соседние улицы и пять подземных грузовых складов, а также семь разгрузочных площадок и десять стоянок для капсул на крыше. Этот объект трудно охватить слежкой даже при наличии внушительного отряда агентов. По соседству с галереей стояло здание бывшего министерства, в котором теперь работали несколько финансовых организаций и пара экспортных контор. Там не было такого количества входов и выходов, зато имелся обширный подземный гараж, заставленный дорогами антиграв-капсулами. На проходящем поблизости бульваре работали всевозможные развлекательные салоны, бары и рестораны, и выставленные наружу столики создавали атмосферу единого огромного кафе под открытым небом. Юз-дубль Аарона вызвал три такси и оставил их на общественных стоянках, оплатив ожидание тремя независимыми и действительно анонимными кредитками.

— Ты хочешь, чтобы я вошла внутрь и поискала его? — спросила Корри-Лин.

Аарон посмотрел на главный вход в храм — усеченную арку, освещенную обеих сторон мягким сиянием таким образом, что сам проход оставался — относительной темноте. Через него входили и выходили многочисленные посетители, в основном одетые в костюмы, соответствующие стилю Кверенции. Среди них отчетливо выделялись яркие цвета одеяний клириков.

— Как я полагаю, это один из служителей Воплощенного Сна, достаточно высокого ранга, если учитывать твое собственное положение.

Она коротко кивнула:

— Ив. Он один из здешних заместителей. Мы с ним знакомы лет пятьдесят. Он искренне предан учению Иниго.

— Старая гвардия, да?

— Да.

— Отлично, значит, его не придется искать по всему храму. Он должен постоянно сидеть в своем кабинете.

— Это на четвертом этаже. Наверное, я сумею туда подняться, у меня еще есть допуск. Только не уверена, что смогу взять с собой тебя.

— Любой имевшийся у тебя допуск к настоящему моменту уже отозван. И если ты подключишься к сети Воплощенного Сна, поднимется такая тревога, что ее заметят со Старой Земли.

— И что же ты предлагаешь?

— Ну... Если честность не платит... У меня есть в запасе несколько трюков, чтобы попасть в кабинет, не привлекая к себе внимания. Тебе останется только молиться, чтобы этот человек не выдал нас в ту же секунду, когда мы скажем «привет».

— Когда я скажу «привет», — подчеркнула она.

— Как тебе будет угодно.

Его подпрограмма уже выделила в толпе на площади трех вероятных преследователей. Он продолжал разглядывать светящееся здание, испытывая отчетливое ощущение ловушки, которая вот-вот должна захлопнуться.

Беда была в том, что демонстрация слежки не убедит Корри-Лин в необходимости ему помогать. Для этого нужен настоящий испуг, не меньший, чем впечатление от встречи с капитаном Мэнби на улице Маккатрана-2. Отличие только в том, что сейчас она трезвая и в полном сознании. Она должна понять, что Воплощенный Сон теперь стал ее главным врагом.

— Мы войдем через центральную дверь, — сказал он. — Нет смысла навлекать на себя неприятности, вламываясь через служебный вход.

— Двери имеются в каждой из четырех сторон здания, — заметила Корри-Лин. — И все они ведут в главный зал. Все входы открыты, мы всем рады.

— Это была метафора, — ответил он. — Пойдем. — Юз-дубль известил его с получением епархиальной полицией Рирази сообщения о прибытии в город двух опасных и агрессивных политических активистов.

— Леди и джентльмены, Элвис здоров и находится в здании, — неизвестно почему пробормотал Аарон.

Корри-Лин, услышав такую чушь, раздраженно фыркнула и направилась к входу в храм. Аарон, усмехаясь ее нетерпимости, последовал за ней. В Гея-сфере площади царила приятная и благожелательная атмосфера, от смещения мыслей верующих у Аарона по спине пробежала легкая дрожь. Как будто кто-то ласкал внутренность его черепа. Гея-сфера сулила удивительные чудеса, ожидающие внутри храма. Надо только войти...

Аарон подивился примитивности приманки. По его мнению, это был мысленный эквивалент запаха свежеспеченного хлеба в зимнем утренней воздухе. Он не сомневался, что аромат соблазнил бы любого случайного прохожего, вот только на Эллезелине таких почти не встречалось — большинство жителей фанатично верили в Воплощенный Сон. Этот храм, как и все остальные храмы в Великом Содружестве, был местом слияния по токам Гея-сферы, потому неудивительно, что наибольший эффект обольщения достигался именно на площади.

Аарон и Корри-Лин прошли сквозь окутанную мерцающим светом арку и никто даже не посмотрел в их сторону. Сканер силовых полей, включенных на минимальную мощность,

показал Аарону, что трое подозреваемых тоже начали двигаться по направлению к храму. Ни у кого из них он не обнаружил признаков биоников и потому надеялся, что его наблюдение останется незамеченным.

Сенсоры, расположенные вокруг входа с целью обнаружения оружия были подключены к стандартной системе регистрации и свидетельств личности. Такими устройствами оборудовались почти все общественные заведения, и бионики Аарона позволили без труда ускользнуть от внимания сенсоров.

В самом храме соблазняющий призыв, господствующий в Гея-сфере снаружи, сменился доминирующей нотой гармонии. Внутреннее оформление вместе с ментальным внушением создавали ощущение мира и спокойствия, и даже воздух в храме веял приятной прохладой. Главный зал до малейших деталей был похож на помещение во Дворце-Саду, где мэр приветствовал именитых жителей города. Здесь клирики негромко беседовали с небольшими группами прихожан. Аарон и Корри-Лин пересекли зал вышли в крытую галерею, ведущую к восточному входу. В ответвляющемся от нее коридоре имелся невидимый барьер. В результате осторожных манипуляций биоников Аарона управляющее электронное устройство отключило заградительное поле. Он немного подождал, наблюдая за системами здания, но сигнала тревоги не поступило.

— Можно идти, — негромко произнес он.

Лифт поднялся на четвертый этаж, и они попали в коридор без окон, уже не такой широкий, как внизу. В тот же момент юз-дубль доложил, что кто-то изучает программы, управляющие заказанными им такси. Аарон еще не решил, когда сообщить Корри-Лин о том, что за ними снова охотятся. Чем дальше он откладывает этот момент, тем труднее им будет выбраться из храма. Он хотел, чтобы Корри-Лин испугалась и согласилась помогать в его миссии, но не так сильно, чтобы лишиться способности соображать.

До сих пор в храме еще не было заметно никакой тревоги, и Аарон вслед за Корри-Лин прошел по коридорам до самого кабинета Ива. Вход в него защищало активное поле, но сканер Аарона преодолел барьер. Внутри находился только один человек, не оснащенный боевыми системами.

Корри-Лин легонько коснулась груди Аарона.

— Я пойду одна, — сказала она, понизив голос до хриповатого шепота.

Он даже не разобрался, то ли женщина заигрывает с ним, то ли проявляет крайнюю настойчивость. Как бы то ни было, в кабинете ей ничего не угрожало, так что Аарон просто улыбнулся и показал на дверь.

После того как Корри-Лин вошла в кабинет, Аарон прогулялся по коридору, обследуя соседние комнаты. В это время из одного кабинета вышла женщина в простой коричневой с синим одежде клирика. Увидев его, она нахмурилась.

— Могу я вам чем-нибудь?..

Аарон выстрелил в нее маломощным шок-импульсом из оружия, скрытого в левом запястье. Женщина еще не успела упасть, а маскирующее поле уже блокировало связь с унисферой, предотвращая автоматический вызов полиции и скорой помощи, вырабатываемый макроклеточными ячейками. Аарон даже не стал затаскивать ее обратно в пустой кабинет — временные рамки, в которые он планировал уложиться, не предусматривали обнаружение кем-нибудь бессознательного тела в коридоре.

Аарон уже возвращался к кабинету Ива, когда все лифты стали спускаться на первый этаж. Маломощное сканирование на предельной дистанции показало лишь то, что внизу

активируется оружие. Аарон решительно распахнул дверь.

— Нам надо уходить, — сказал он, а потом неслышно выругался.

Корри–Лин сидела на краешке длинной кожаной кушетки, а на другом конце безвольно ссутулился Ив. Рядом стояла раскрытая красная сумочка, а в руке женщины был зажат баллончик аэрозоля, который она с виноватым видом отвела от лица. В ее глазах уже сиял блаженный восторг. Аарон не мог себе простить, что не проверил ее вещи, пока она спала. Это было абсолютно непрофессионально.

— А, привет, — забормотала она заплетающимся языком. — Ив, это тот парень, о котором я говорила, мой спаситель. Аарон, это Ив, мы тут немного подлечились.

— Дерьмо!

Аарон выстрелил в Ива шок–импульсом. Он уже навел оружие на Корри–Лин, но сигнал тактической программы его остановил. Чем возиться с Корри–Лин в таком состоянии, легче эвакуировать ее из храма без сознания, однако, чтобы сделать правильный вывод, она должна видеть опасность.

Ив с мягким стуком сполз с кушетки назад, так что его ноги задрались вверх, а потом медленно разошлись в стороны. Корри–Лин ошеломленно уставилась на старого приятеля.

— Что ты делаешь? — взвыла она.

— Лезу вон из кожи, чтобы спасти твою шкуру. Ты можешь идти?

Корри–Лин подползла к другому краю кушетки и вытаращилась на обмякшее тело.

— Ты убил его! Ив! Ох, Оззи, какой же ты ублюдок!

— Он оглушен. И это обеспечивает отличное алиби. Ты в состоянии идти?

Она повернула голову и сосредоточила взгляд на Аароне, что явно потребовало от женщины немалых усилий.

— Он в порядке?

— Проклятье! — У него не оставалось времени, чтобы ждать, пока она придет в себя. — Да, все будет в порядке. Забудь о нем, нам пора убираться отсюда.

Он стащил ее с кушетки и перебросил через плечо.

Корри–Лин опять завывала.

— Отпусти меня!

— Ты не в силах даже стоять, не то что идти. А нам надо бежать. — На бедре у него открылась походная аптечка, и оттуда вынырнула ампула. Он прижал ее к шее Корри–Лин чуть выше сонной артерии. — Это приведет тебя в чувство через пару минут.

— Нет, нет, нет, — заныла она. — Оставь меня в покое.

Аарон, больше не слушая ее стонов, вышел в коридор. Корри–Лин, свешиваясь с плеча, отчаянно колотила его руками по ягодицам и громко проклинала. Несколько клириков выглянули в коридор, чтобы узнать о причинах такого шума. Аарон, проходя мимо, выпускал в каждого по шок–импульсу.

— Что происходит? — пробормотала Корри–Лин.

— Мы пытаемся выбраться. Твои друзья опять нас отыскиали.

Ее кулаки повисли неподвижно, и снова послышались рыдания. Аарон раздраженно потряхнул головой. Он считал, что Корри–Лин крепче. У лифта его биононики запустили дезинтегрирующий импульс. Двери треснули, а потом стали быстро темнеть, словно каждую секунду старились на целое столетие. Затем створки рассыпались в пыль и мелкие хлопья, которые давно опустились на крышу стоявшей внизу кабины. Аарон крепче перехватил женщину и прыгнул в шахту. В охватившей их темноте у Корри–Лин вырвался вопль,

вызванный искренним страхом смерти.

Интегральное силовое поле смягчило падение. Очередной импульс распада, сверкнувший из биононика, превратил в пыль крышу кабины под ногами Аарона. Двое изумленных полицейских устали на упавшего сверху человека. Оба офицера были защищены силовым полем и потому не пострадали от удара. Зато встроенное в запястье оружие для преодоления защиты увеличило мощность шок-импульсов сразу на два порядка. Аарон вышел из лифта, все так же держа Корри-Лин на плече. В коридоре между лифтом и главным залом их встретили несколько полицейских. На их крики остановиться Аарон реагировать не стал. Последовавший залп окружил его и Корри-Лин ярким пурпурным ореолом, но даже не заставил замедлить шаг. Выйдя в зал, Аарон увидел, что клирики и прихожане с криками — как звуковыми, так и мысленными — разбегаются в разные стороны. Полицейские укрылись в арках трех коридоров и усилили обстрел. Аарон послал несколько маломощных импульсов распада в потолок. В результате вниз долетели осколки композитных панелей, а стальные и карбоновые балки прогнулись и угрожающе закрипели. Полицейские дрогнули и отступили, опасаясь обрушения. Аарон направился к главному выходу, а Корри-Лин, до смерти перепуганная жуткими картинами хаоса, стонала и всхлипывала, болтаясь на его плече.

Снаружи городская киберсфера оповещала о разразившемся бедствии всех, кто находился в радиусе двух кварталов от храма. Люди поспешно докидали площадь, и тактическая программа определила, что этот фактор для Аарона неблагоприятен. В ход пошел интеллектуальный полицейский модуль: загружаясь в узлы киберсферы, он руководил преследованием, защищал местную сеть от возможных диверсий, изменял потоки движения капсул и наземного транспорта, анализировал показания сенсоров и направлял полицейских, чтобы окружить беглецов.

Юз-дубль Аарона подключился к незащищенной программе, управляющей фонтанами, и изменил направленность антигравитационного поля в наклонных кольцах. Высокие струи дрогнули, а потом неожиданно стали опускаться, пока потоки воды не повисли горизонтально над землей. Плотные струи буквально смывали людей с каменной мостовой. Аарон, частично скрытый тучами брызг, выскочил из храма и побежал через площадь. Биононики усилили его мышцы, а силовое поле способствовало ускорению. Первые пятьсот метров он преодолел за семь секунд. Мимо него проносились сбитые струями фонтанов тела. Полицейским офицерам пришлось отложить погоню. Силовые поля не могли защитить от мощных струй, и толчки воды опрокидывали их с такой же легкостью, как и всех остальных. Кое-кто попробовал выстрелить в фонтан энергетическими зарядами, но в результате возникали потрескивающие водовороты ионов, извергающие причудливые столбы горячего пара. Прохожие отчаянно пытались увернуться от этой новой опасности и кричали полицейским, чтобы те перестали стрелять.

Струи фонтанов начали слабеть, когда Аарон пробежал уже две трети площади. В этот момент два энергетических заряда выбили из его силового поля фонтанчики искр, и от чувствительного толчка он поскользнулся на мокрых камнях.

— Помедленнее, — заорала Корри-Лин, как только он снова набрал скорость. — О великий Оззи! Нет!!!

Сенсоры Аарона охватили панораму площади. Храм начал разваливаться: стены складывались внутрь и немного вбок, словно повторяя узоры светящихся линий.

— Похоже, разрушение оказалось сильнее, чем я рассчитывал, — проворчал Аарон.

Из арочных проходов, словно реактивные выбросы древних ракет, вырвались потоки пыли и дыма.

Аарон подбежал к входу в галерею. Вокруг собралось немало людей, наблюдавших за разворачивающимся на площади представлением. При появлении Аарона все зрители поспешно попятились, а потом и вовсе разбежались, словно испуганные птицы. Жители Содружества не знали гражданских беспорядков, и обитатели Риизи в этом отношении ничем не отличались от остальных. Аарон задержался у входа, где представлял собой отличную мишень для не менее чем пяти полицейских. В его силовое поле снова ударили энергетические разряды, вызвавшие очередной фейерверк и пронзительный визг, на мгновение заглушивший даже крики Корри–Лин. Незащищенные поверхности вокруг него начали вздуваться и дымиться от жара. Аарон и сам выстрелил трижды, целясь в несущие опоры вокруг входа в галерею. Хрустальная крыша стала проседать, по массивным пластинам побежали широкие трещины. За спиной Аарона ускорился процесс разрушения храма. Разлетающиеся обломки проносились над площадью и попадали в ближайшие здания. В одно мгновение поднялась буря из десятков тысяч смертельно опасных стеклянных осколков. Полицейские, прекратив стрельбу, бросились искать укрытие.

Корри–Лин разразилась было истерическими рыданиями, но, когда начала разваливаться хрустальная крыша галереи и гигантские осколки кинжалами ударили в пол, умолкла. Зато взвыла сирена пожарной сигнализации, и из оставшихся на потолке распылителей полетела ярко–голубая пена. Аарон вознесся на третий этаж, где торговали женским бельем ручной работы. Ключья пены, соскальзывая с его силового поля, ковром разлетались

по полу. Двое задержавшихся продавцов, завидев его, бросились к аварийному выходу.

— Ты можешь идти? — спросил он у Корри–Лин.

В это время его юз–дубль проводил атаку на полицейские программы в сетевых узлах галереи, загружал помехи в каналы внутренних сенсоров и старался блокировать подачу энергии. Одновременно одному из поджидавших такси был послан вызов, направивший капсулу к заднему входу галереи.

Аарон поставил Корри–Лин на пол, но она лишь обхватила себя руками за плечи. Ноги у нее так сильно дрожали, что она могла упасть в любой момент.

— Проклятье!

Он снова забросил ее на плечо и направился к задней двери магазина. Там находился вход в подземное хранилище, который Аарон тотчас взломал. Быстрое сканирование показало ему целую стаю полицейских антиграв–капсул, кружащих низко над площадью, и пару отважных офицеров, что поднялись на сохранившиеся балки галереи. Полицейские принесли с собой какое–то очень мощное оружие.

Воздух в подвале оказался сухим, неподвижным и более прохладным, чем наверху. Падающий с потолка свет позволил осмотреть прямоугольное помещение с гладкими бетонными стенами, заставленное металлическими стеллажами. В дальнем конце громоздились старые рекламные дисплеи. Юз–дубль доложил Аарону, что ему удалось частично блокировать полицейские программы от местной сети. Преследователи будут знать, что Аарон находится в здании, но не увидят, чем он здесь занимается.

Широкая малометаллическая дверь разгрузочной площадки отошла в сторону, пропуская Аарона в узкий подземный подъездной проезд, обслуживающий несколько магазинов. Полицейские перекрыли в ближайших кварталах все движение, так что проезд был пуст. В

десяти метрах от выхода виднелся люк коммуникационного тоннеля. Юз–дубль взломал электронный замок, и крышка плавно поднялась. Аарон пробежал до люка, впихнул в тоннель не сопротивлявшуюся Корри–Лин и запрыгнул сам. Крышка за его спиной тотчас захлопнулась.

Он осмотрелся. За исключением желтых светящихся колец вокруг ручки аварийного замка, другого освещения в тоннеле не было. И он оказался слишком низким, чтобы выпрямиться во весь рост. Корри–Лин, скорчившись, сидела рядом с люком.

«Сенсоров наблюдения внутри тоннеля не обнаружено, — доложил юз- дубль. — Только датчики огня и воды».

— Воды?

«На случай наводнения. Таково предписание городских властей».

— Обычная бюрократическая перестраховка, — пробормотал Аарон. — Корри–Лин, нам надо идти дальше.

Она никак не отреагировала на его слова. Женщина все еще сильно дрожала. Но после того как он потянул ее за руку, Корри–Лин начала двигаться. Они пробирались по тоннелю, ссутулившись, словно пара обезьян. Люки попадались через каждые пятьдесят метров. Аарон остановился у шестого по счету и запустил сканер, чтобы определить вероятность опасности вне тоннеля. Поблизости никого не оказалось. После этого юз–дубль открыл задвижку, и они выбрались на лестничную площадку, освещенную голубоватыми полосками полифото.

«Управляющая система здания работает в обычном режиме, — известил Аарона юз–дубль. — Полицейские сконцентрировали свои силы вокруг храма и галереи».

— Это ненадолго, — сказал Аарон. — Скоро они расширят зону поисков. Взломай для нас замок какой–нибудь капсулы.

Аарон помог Корри–Лин подняться на ноги, а потом, обхватив ее одной рукой, повел вверх по ступеням. Поднявшись на один пролет, они вышли в подземный гараж бывшего министерства. Юз–дубль к тому времени уже внедрил в управляющую программу роскошной капсулы и подогнал ее к лестнице.

Капсула взмыла по узкому желобу в задней части здания и присоединилась к потоку уличного движения над соседней улицей. На запрос контролирующей полицейской системы юз–дубль Аарона ответил предъявлением кода сертификата истинного владельца капсулы. Корри–Лин не отрывала взгляда от клубящейся внизу пыли. Дрожать она перестала, но Аарон не мог определить, то ли это результат мягкого успокоительного, которое он ей ввел, чтобы ликвидировать последствия аэрозоля, то ли следующая стадия шока.

Навстречу пролетела небольшая флотилия медицинских и спасательных служб.

— Они сразу начали в нас стрелять, — вдруг заговорила Корри–Лин. — Никаких предупреждений, никаких приказов остановиться. Просто открыли огонь.

— Я свалился им на голову из лифтовой шахты, — заметил Аарон. — Это очевидное свидетельство преступления.

— Ой, великий Оззи! Если бы не твое силовое поле, мы были бы уже мертвы. И полицейские того и добивались. Полиция должна работать иначе. А это действительно были полицейские?

— Да, это городская полиция, все в порядке.

— Но мы выбрались, — озадаченно вздохнула она. — Их было так много... десять или двадцать?

— Около того.

— А ты просто шел, как будто тебя невозможно остановить. И не обращал на них внимания.

— Это биононики Высших. В наше время добиться преимущества в оружии можно только путем повышения мощности. А у них не было ничего серьезного.

— Так ты Высший?

— Мои биононики включают в себя боевую программу. Насчет всех других аспектов я не уверен. Эта сторона жизни кажется мне довольно бессмысленной, как существование аристократии в эпоху до создания Содружества.

— А что это такое?

— Очень богатые люди, всю свою жизнь проводившие в роскоши и развлечениях, тогда как все остальные должны были трудиться до самой смерти, чтобы обеспечить им такой уровень существования.

— А, верно. — Его объяснения не вызвали у нее интереса. — Иниго был Высшим.

— Нет, не был, — непроизвольно поправил ее Аарон.

— Нет, правда, он был Высшим. Но держат это в строжайшей тайне. Знали только два-три человека. И новый Пастырь, скорее всего, не догадывается об истинной сущности своего кумира.

— Ты...

— Уверена? Конечно, уверена.

— Интересно. Об этом нет никаких свидетельств, что в наше время — великое достижение.

— Я же говорила, он скрывал это. На Высшего, показывающего свои сны, никто не обратил бы внимания, по крайней мере во Внешних мирах. Он должен был быть таким же, как все обычные люди, стать одним из нас.

Аарон насмешливо фыркнул:

— Высшие тоже люди.

— Только некоторые, — многозначительно поправила его Корри-Лин.

— А клирик Ив тоже знал об Иниго?

— Нет. — Она резко вздохнула и оглянулась назад. — Великий Оззи! Ив! Он же был без сознания, когда храм рухнул.

— С ним все будет в порядке.

— В порядке? — воскликнула она, наконец-то оживившись. — В порядке? Он же мертв!

— Ну, возможно, ему и впрямь понадобится оживление. Но сейчас эта процедура занимает не больше двух месяцев.

Она презрительно фыркнула и, прислонившись к прозрачной стенке капсулы, стала смотреть вниз, на город.

«Потрясение, гнев и страх, — решил Аарон. — Но больше всего страха».

— Тебе надо решить, что делать дальше, — произнес он таким сочувственным тоном, на какой только был способен. — Действовать со мной заодно или... — Он пожал плечами. — Я могу предоставить тебе кое-какие анонимные средства, это поможет скрыться на какое-то время.

— Мерзавец. — Она вытерла глаза, а потом опустила взгляд на одежду. Красный свитер покрылся мокрыми пятнами, к нижней части прилипла голубая пена, колени после

путешествия по коммуникационному тоннелю вытянулись и испачкались. Корри–Лин пассивно опустила плечи. Он нередко уходил, — сказала она негромко и совершенно бесстрастно.

— Иниго?

— Да. Он не в первый раз исчезает, предоставляя Воплощенному прикрывать его отсутствие. Но никогда он не уходил так надолго. С большее на год.

— Понятно. А где он скрывался?

— На Анагаске.

— Это его родной мир.

— Да.

— Внешний мир. Один из первых. Сплошь Прогрессоры, — многозначительно добавил Аарон.

— Не собираюсь с этим спорить.

— Он когда–нибудь брал тебя с собой?

— Нет. Говорил, что навещает родных. Я не знаю, насколько это верно.

Аарон раскрыл файлы, касающиеся семьи Иниго. Информации было не слишком много: его родные не стремились к известности, особенно после образования Воплощенного Сна.

— Его мать довольно давно перебралась в центр Содружества. А потом загрузила свою память в АНС в три тысячи четыреста сороковом, после как...

— Возникло общество Высших. Это я знаю.

Аарон не слишком хорошо разбирался в этих вопросах, но переход в категорию Высших, не отмеченный ни в каких записях, был практически невозможен. Наверное, Корри–Лин ошибается.

— Нет никаких сведений о его братьях или сестрах, — заметил он.

Корри–Лин вздохнула и прикрыла глаза.

— У его матери была сестра–близнец. Что–то там произошло... Я не знаю точно, какой–то давний несчастный случай, ставший большим потрясением для обеих сестер. Несчастье стало причиной их разрыва, и отношения между сестрами так и не восстановились.

— В архивах об этом нет никаких сведений, я даже не знал, что у него есть тетка.

— Теперь знаешь. И что дальше?

— Едем на Анагаску. Попытаемся отыскать тетку или ее детей.

— Как же мы туда доберемся? Я думаю, полиция еще долго будет следить за космопортами и червоточинами.

— Да, наверное. Но у меня есть космический корабль.

Он замолчал, удивленный неожиданным воспоминанием о космическом корабле, всплывшим из глубин сознания.

Корри–Лин от изумления широко распахнула глаза.

— У тебя есть корабль?

— Думаю, да.

— Великий Оззи, какой же ты странный.

Через семнадцать минут капсула опустилась на посадочную площадку космопорта Риази. Аарон и Корри–Лин, выбравшись наружу, увидели перед собой пурпурный эллипс на пяти массивных опорах, сверкающий хромированными деталями.

Корри–Лин восхищенно присвистнула.

— Он выглядит упоительно дорогим. Это действительно твой корабль? — Да.

— Странное название, — заметил она, проходя под округлым торцом фюзеляжа. — Что бы это значило?

— Представления не имею.

Его юз-дубль подключился к системам «Бестии». Аарон предъявил сертификат ДНК и ввел код, который вспомнил так же неожиданно. Интел-центр корабля подтвердил его право на управление.

— Держись, — скомандовал он Корри-Лин и протянул ей руку.

Основание корабля втянулось, образовав темный тоннель. Гравитация вокруг изменилась, и они плавно поднялись внутрь.

Шолапур был одним из немногих миров Содружества, где принципы сообщества не работали. Для нормального развития планеты присутствовали все условия: стандартная биосфера, звезда класса G, океаны, обширные континенты с горами, пустынями, равнинами, джунглями и листопадными лесами, великолепными побережьями и архипелагами. Несколько видов местных растений оказались пригодными для еды, а дикие звери были не настолько опасными, чтобы представлять существенную угрозу. В тектонической области тоже все обстояло благополучно. Два небольших спутника, вращающиеся вокруг планеты на расстоянии семисот тысяч километров, создавали приливы и волны, которые могли удовлетворить любителей любых видов водного спорта.

В физическом смысле никаких отклонений не наблюдалось. Проблема заключалась в людях.

Заселение планеты началось в 3120 году, когда АНС официально была признана правительством Содружества. Это обстоятельство стало стимулом для удаления из Центральных миров оставшихся политических, культурных и религиозных течений. Постройка колоссального механизма завершилась, и общество Высших заняло бесспорно доминирующее положение, поколебать которое было уже невозможно. Миллионы несогласных стали переселяться в самые дальние из Внешних миров. Шолапур, расположенный на расстоянии четырехсот семидесяти световых лет от Земли, представлял собой весьма соблазнительный вариант для тех, кто стремился обрести далекий рай. Поначалу все шло гладко. Инвестиции не заставили себя долго ждать, а в числе переселенцев было множество первоклассных профессионалов. Но группы людей, уехавших из Центральных миров, не просто отвергали Высших, они хотели полной изоляции от других идеологий и стилей жизни. Незначительные местные споры быстро охватывали все этнические и идеологические сообщества. В результате колоссальной внутренней миграции крупные города вскоре превратились в миниатюрные государства, разительно отличающиеся друг от друга законами и обычаями. Сотрудничество между ними свелось к минимуму. В 3180 году, после очередной драки между сенаторами, завершившей горячие дебаты, парламент планеты «временно прекратил работу». Это событие в некоторой степени и оказалось началом конца экономического и культурного развития Шолапура. Содружество стало относиться к нему как к отшельнику. Даже Внешние миры при всем своем нескрываемом стремлении к независимости смотрели на Шолапур как на отбившегося от стаи сородича. В ближайших заселенных мирах его называли Планетой горячих голов и старались свести контакты к необходимому минимуму. Но, несмотря ни на что, на Шолапур приходило множество космических кораблей. Особенности (или полное отсутствие) законов некоторых микрогосударств делали этот мир весьма привлекательным для определенного

типа торговцев.

Корабль «Искупление Меллани» вынырнул из гиперпространства в потоках радиации Черенкова в пяти тысячах километров над поверхностью планеты. Единого центра управления орбитальным движением Троблум не обнаружил, а потому послал запрос в Икео-сити и получил разрешение на посадку.

Корпус «Искупления Меллани», построенный в форме слегка расширяющегося конуса, имел в длину около тридцати метров, а его скругленные хвостовые лопасти соответствовали всем требованиям аэродинамики, хотя на самом деле были термическими радиаторами, добавленными для поддержания значительно усовершенствованной энергетической установки. По краям круглого центрального помещения кабины располагались десять спальных отсеков и душевая. Корабли с гипердвигателями редко имели большие размеры, это было бы просто невыгодно. Трансзвездные компании держали их исключительно для самых обеспеченных клиентов, согласных платить за скорость. В остальных случаях для перелетов использовались непрерывные червоточины; основанные на этом принципе корабли проигрывали в скорости, но не были ограничены в размерах. «Искупление Меллани» первоначально предназначался для перевозки между Внешними мирами исключительно важных грузов или небольших групп пассажиров. Это начинание считалось рискованным даже в лучшие времена. Компании, обеспечивающие работу для корабля, кое-как перебивались от одного финансового кризиса до другого, пока наконец Троблум не направил им заказ на сверхбыстрое судно. Он заявил, что корабль будет переоборудован в большую личную яхту, хотя при этом несколько отклонился от истины. Его привлекали три больших грузовых отсека — их объема хватило бы для размещения оборудования, при помощи которого он собирался воссоздать «одноразовую» червоточину аномийцев. Марий поддержал идею приобретения судна, и на счету Троблума появился дополнительный РМЭ. Предполагалось, что до тестовой стадии проекта корабль останется на Аревало, но Троблум решил, что «Искупление Меллани» как нельзя лучше подходит для одной из проводимых им операций. Существенным преимуществом было наличие маскирующего поля, не уступающего оснащению кораблей флота, что позволило покинуть Аревало без согласия Мария.

Назвать Икео городом можно было только при желании проявить чрезмерную любезность. Поселение раскинулось на пятидесятикилометровом участке субтропического побережья, в центре его стоял небольшой городок, а по обе стороны тянулись отдельные поместья. Определяющей идеологией здесь было понятие свободной торговли, но кое-кто занимался поисками артефактов. В Икео даже имелся оплачиваемый жителями отряд полиции, на который менее обеспеченные соседи смотрели как на стратегические силы обороны.

«Искупление Меллани» приземлился на площадке номер 23 между несколькими расположенными на поверхности сенсорами слежения. Это был двухкилометровый круг скошенной травы с двадцатью четырьмя бетонными посадочными площадками, парой черных куполообразных ангаров и складским комплексом Межзвездной торговой компании. Никаких формальностей для приезжающих не предусматривалось. Как только Троблум, пытая от местной жары и влажности, спустился по надувному трапу, к кораблю подошла капсула.

На ней он преодолел несколько километров до невысокой скалы, где стояла вилла в римском стиле. Во дворе П-образного одноэтажного здания скрывался тщательно

ухоженный пруд, обсаженный живописными растениями. Несколько декоративных водопадов, стекающих с огромных валунов, с плеском роняли свои струи. Внизу открывался чудесный вид на белый песчаный пляж и изящный глассер, стоящий на якоре у самого берега.

Коротышка Флорак ждал у барной стойки на краю пруда. Он весьма чувствительно относился к любым намекам на свой рост, так что называть его Коротышкой в лицо никто не осмеливался. Он был настолько озабочен этим вопросом, что ни разу не попытался увеличить рост во время процедур омоложения. Поступить так значило бы признать, что он на голову ниже большинства взрослых мужчин и что это беспокоит его. Флорак встретил Троблума в спортивных штанах длиной до колен и простой светло-голубой рубашке, расстегнутой до самого пояса, так что из-под нее выглядывала заросшая волосами грудь и выпуклость намечавшегося животика. При виде гостя хозяин широко улыбнулся и поднял на лоб большие солнечные очки. Троблум заметил, что волосы у него намного реже, чем он привык видеть у жителей Внешних миров.

— Эй! Здорово, дружище, — громко приветствовал его Флорак. Он широко раскинул руки и покачал бедрами. — Сидел на диете?

Хозяин громко рассмеялся собственной шутке, а вслед за ним заулыбались и его спутницы. Вокруг пруда их было семеро; они лежали на шезлонгах, сидели за столиком у мелкого края пруда и попивали коктейли, в основном состоящие из фруктовых соков и льда. Девушки Коротышки, живущие на его вилле, всегда немного смущали Троблума. Они не были клонами, но все удовлетворяли стандартным требованиям. Например, ростом они намного превосходили своего хозяина, а две из них — и самого Троблума. Естественно, все они обладали привлекательной внешностью, длинными шелковистыми волосами и легким загаром, как будто состояли в каком-то древнем атлетическом обществе спортсменов-олимпийцев. На всех были облегающие бикини. В этом месте одеться к обеду означало натянуть шорты и сунуть ноги в шлепанцы. Ненавязчивое сканирование показало, что у них имелось вживленное оружие разных систем, так что часть выступающих мускулов под гладкой кожей на самом деле представляла собой сеть силовой защиты. Если бы девушкам вздумалось напасть на Троблума всем скопом, ему не помогла бы и защита биоников. Красотки были гибридами проституток и исполнительных помощников. Троблум понимал, о чем говорит эта демонстрация, но еще не знал ее причины. Похоже, что у Коротышки есть и другие слабые места, помимо роста.

Троблум поднял руки, и его старый поношенный плащ-костюм собрался в складки.

— Разве я стал тоньше?

— Эй, брось, я просто пошутил. Моя находка дает мне такое право.

— Это ты так говоришь.

— Подожди, пока не посмотришь, старик, тогда сам убедишься. Как ты поживаешь? Мы давненько не виделись.

Коротышка обнял Троблума, но его руки обхватили всего треть массивного туловища. В этот момент он мог сойти за юнца, нашедшего родителя после долгой разлуки.

— Слишком давно, — ответил Троблум.

— Да, и ты успел приобрести корабль. Неплохое судно. Похоже, вы, Высшие, хорошо живете.

Троблум опустил взгляд на голову Коротышки.

— Так присоединяйся к нам.

— Вот те на! Нет, к такому я еще не готов. Понятно? Даже не шути на эту тему, старик. Мне лет десять потребуется, чтобы стереть все неподобающие воспоминания, прежде чем мне позволят ступить в Центральные миры. Эй, тебе надо выпить. И съесть пару сэндвичей. Алсинда все делает, она знает, как обращаться с кухонным процессором. — Он подмигнул и понизил голос: — И она умеет обращаться не только с ним, старик.

Троблум едва удержался, чтобы не поморщиться.

— Если только немного пива.

— Конечно, конечно. — Он жестом пригласил гостя за столик, а одна из девиц принесла большую кружку светлого пива. — Эй, Сомони, давай-ка сюда ту вещицу для моего гостя, ладно?

Девушка в ярко-красном бикини коротко кивнула и ушла в дом.

— Где ты это отыскал? — спросил Троблум.

— Принес один из моих людей. Ты что, думаешь, у меня удалили мозг и я ничего не заметил? Если я раскрою тебе все свои контакты, с чем я останусь в этой Вселенной?

— Ты прав.

— У меня целая сеть агентов, рыщущих по цивилизованному Содружеству. То один что-нибудь находит, то другой. Кто знает, где может всплыть это дерьмо? Если хочешь меня подсесть, сначала организуй собственную сеть.

— Я это уже сделал.

Флорак изумленно моргнул, и его широкая дружеская улыбка слегка померкла.

— Уже сделал?

— Конечно. Сотни парней вроде тебя.

— Ты меня убиваешь! — Он рассмеялся — чересчур громко — и поднял свой бокал. — Говоришь, люди вроде меня? Нет, парень!

— Я хотел только спросить, на какой планете оказалась эта вещь. По моим сведениям, Вик Рассел после перемещения с Буунгейта сдал ее в Управление по расследованию особо тяжких преступлений. На тот момент это оружие уже устарело. В Управлении должны были его уничтожить.

— Понятия не имею, — бросил Флорак, пожимая плечами. — Полагаю, и в те времена встречались люди вроде нас с тобой.

Троблум промолчал. Перекупщик, вероятно, был прав. Несмотря на все его личные недостатки и явное отсутствие вкуса, он поставлял по-настоящему ценные вещи. В коллекции Троблума многие экспонаты поступили из рук Флорака.

Сомони вернулась из дома с длинным футляром, обеспечивающим стабилизирующее поле. Судя по напрягшимся мышцам ее рук, предмет был довольно тяжелым. Девушка положила контейнер на столик между Троблумом и Коротышкой.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Троблум, — хочу предупредить, что мне известен серийный код Управления. Подлинный. Ну как, ты все еще хочешь мне его показать?

— Мне плевать, какой номер ты заполучил, но эта вещь настоящая. И вот что еще: ты ведь не единственный чудака в Содружестве, который балдеет от подобного барахла. Я обратился к тебе в первую очередь, потому что считал тебя другом. А ты пытаешься выставить меня на посмешище, пытаешься уничтожить мою репутацию. Знаешь что, катись-ка обратно на свой корабль, толстяк, и убирайся с этой планеты. С моей планеты.

— Давай-ка лучше посмотрим, что там, — предложил Троблум. — Мне бы не хотелось

терять твою дружбу.

На самого Флорака он плевать хотел, таких перекупщиков было полным- полно, но Троблум и не подозревал, что есть и другие коллекционеры, кроме музеев. У него даже возникла идея попытаться что-то перекупить у них. Возможно, Флорак сумеет об этом договориться.

Юз-дубль Флорака ввел код футляра, и верхняя крышка поднялась, открыв взгляду древнюю ионную винтовку. Вокруг нее мерцало защитное силовое поле, но Троблум прекрасно видел метровое дуло с короткой рукояткой из черного металла, на которой сохранились остатки креплений и открытое индукционное гнездо.

— Ну, вот, — воскликнул Коротышка, изобразив легкое смущение. — Вторая часть отсутствует. Это очевидно. Но какая разница? Ведь основной узел сохранился, вот что главное.

— Другой части никогда и не было, — сказал Троблум. — Это оружие предназначено для силового защитного скафандра, оно пристегивается к предплечью.

— Шутишь?

Троблум с трудом заставлял себя говорить спокойно. Оружие, похоже, было настоящим.

— Ты не мог бы отключить силовое поле?

Мерцание исчезло. Сканер силового поля Троблума прошелся по древнему артефакту. В глубине дула имелись длинные цепочки молекул, ориентированных особым образом, что и являлось уникальным кодом винтовки. Троблум слизнул пот с верхней губы.

— Она подлинная, — хрипло прошептал он.

— Ха! — Коротышка торжествующе хлопнул в ладоши. — Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Троблум не мог оторвать глаз от винтовки.

— Только в личных делах. Хочешь сразу получить деньги?

— Старина, вот за это я тебя и люблю. Да. Пожалуйста. Я хочу сразу получить деньги.

Троблум дал команду юз-дублю перевести требуемую сумму.

— Не останешься на ужин? — предложил Коротышка. — Может, развлечешься с кем-то из девушек?

— Активируй, пожалуйста, защитное поле. Эта влажность очень опасна.

— Да, конечно. Ну, какую ты выбираешь?

— Ты ведь даже не представляешь себе значения этого артефакта, не так ли?

— Старик, я знаю, что предмет весьма ценный, а остальное меня не волнует. Тот факт, что какой-то полицейский тысячу лет назад застрелил из него чужака, не имеет для меня значения.

— Вик Рассел работал с Паулой Мио. О ней ты точно слышал.

— Да, верно, это настоящий кошмар для нашей планеты. Но я не знал, что она работала и в те времена.

— Да, она начала еще до войны со Звездным Странником. И Вик застрелил вовсе не чужака, это был Тарло, его коллега по Управлению, который стал агентом Звездного Странника и подставил Вика и его жену. Вполне вероятно, что чужак считал Тарло одним из самых важных своих агентов.

— Великий Оззи, теперь понятно: он был убит из винтовки, и это для тебя очень важно.

— Приблизительно так.

— Значит, тебя может заинтересовать и древнее оружие чужака?

— Все, что относится к наследию Звездного Странника. А что, тебе попался еще один фрагмент его корабля?

Коротышка покачал головой:

— Не совсем так, старик. Но моя соседка специализируется на диковинках технологии чужаков и прочих любопытных вещицах. Знаешь, всякие странные штучки, которые попадают к поисковым партиям и о которых никогда не услышишь в унисфере, поскольку АНС и флот предпочитают помалкивать. Если хочешь, я сведу тебя с ней. Она очень осторожна, я могу поручиться.

— Передай ей, что я буду счастлив посмотреть любую реликвию, имеющую отношение к аномийцам, — сказал Троблум, зная, что такого просто не может быть. — Все остальное меня не интересует.

— Ладно, я просто подумал, что тебе это будет полезно.

Троблум поднялся на ноги, молча радуясь, что не пришлось прибегать к помощи биоников; с другой стороны, в здешнем мире сила тяжести составляла всего лишь восемь десятых от стандарта.

— Ты не мог бы вызвать мне капсулу?

— Деньги поступили, так что все, что пожелаешь. И за это я тоже люблю тебя, старик: никакой пустой болтовни.

— Точно.

Троблум взял герметичный футляр. Он оказался довольно тяжелым, на лбу и между лопаток даже выступила испарина. Неужели Коротышка никогда не слышал об антигравях?

— Послушай, старик, ты единственный из Высших, с кем я знаком, так что позволь задать один вопрос. Как АНС относится к паломничеству? Чепуха все это или пора собирать вещи и сматываться, пока Бездна нас не поглотила?

— Правление АНС сделало по этому поводу вполне определенное заявление. Паломничество нежелательно, но не стоит предполагать, что действия Воплощенного Сна могут вызвать угрозу Великому Содружеству.

— Это я слышал. Обычная чепуха от правительства. Но... что ты сам думаешь? Может, мне стоит загрузить свой корабль и убраться отсюда?

— Куда же ты денешься? Если верить противникам паломничества, обречена вся наша Галактика.

— Ты все шутишь, да? Ну же, старик, скажи ясно. Мы все в дерьме?

— Мои источники в АНС не проявляют беспокойства, так что я тоже не слишком тревожусь.

Коротышка на мгновение задумался, а потом к нему вернулось его невыносимое веселье.

— Спасибо, старик, я перед тобой в долгу.

— Не стоит. Но если я что-то узнаю, я тебя извещу.

В капсуле по пути к кораблю Троблум задумался над вопросом Коротышки. Похоже, зря он упомянул об источниках внутри АНС, хотя и в общих чертах. Да и вряд ли можно считать Коротышку одним из агентов, работающих на противников Мария, хотя нельзя не признать, что их повсюду достаточно много. Звездный Странник вербовал себе и более непривлекательных агентов, чем Коротышка. Но, если тот все же работает на какую-то фракцию АНС, значит, они ведут серьезную игру, и ситуация с паломничеством прояснится скорее рано, чем поздно. Троблум покачал головой и придвинул футляр поближе к себе. Все

это очень интересно, но, похоже, он преувеличивает значение мелких событий. Паранойя иногда полезна, но Марию он не станет сообщать ничего. Скорее всего, это был просто страх Коротышки, рожденный невежеством и распространенными предрассудками.

Капсула приземлилась рядом с «Искуплением Меллани», и Троблум бережно перенес футляр на корабль. Несмотря на жгучее желание снова открыть контейнер и проверить подлинность еще раз, он на время полета до Аревало запер новый экспонат в своей спальной каюте.

Первым признаком надвигающейся катастрофы стал фонтан искр из рабочей конечности робота над самым гнездом крепления инструментов. Араминта в этот момент, стоя на коленях перед французским балконом, пыталась демонтировать неисправный сервомотор. За устройством не ухаживали лет десять, и когда она сняла кожух, то обнаружила толстый слой грязи, покрывающий все элементы. Араминта разочарованно поморщилась и потянулась за небольшим универсальным набором электроинструментов, купленным в «Аскаhare» — компании, специализирующейся на торговле подержанным строительным оборудованием. Юз-дубль вытащил из памяти устройства инструкции и через макроклеточные ячейки загрузил их в мозг Араминты. Теперь она инстинктивно должна была знать, как управляться с этими миниатюрными штучками. Но для начала следовало определить, какое из приспособлений справится с таким слоем грязи. Чистящие насадки предназначались для удаления с мелких деталей легкого налета пыли — а не этого слежавшегося пласта.

Араминта снова стала рассматривать детали сервомотора, и в этот момент ее отвлекла яркая вспышка. Обернувшись, девушка увидела догорающие искры на стопке листов изоляции, сложенных в углу гостиной. Оттуда уже начали подниматься тонкие струйки дыма. Робот дернулся и замер, и нижний сегмент его конечности, лишившись подачи энергии, потемнел. А потом Араминта заметила, что от внутреннего перегрева чернеет и остальная часть серебристого корпуса.

— Великий Оззи! — вскрикнула она и бросилась к стопке изоляции, чтобы погасить тлеющие искры.

Ее юз-дубль не смог подключиться к роботу, машина была безнадежно мертва, и в воздухе уже отчетливо чувствовался запах горячего масла. Второй робот выкатился из кухни с огнетушителем и начал поливать пеной поврежденную конечность своего собрата. При виде пузырящейся жидкости, стекающей на доски пола, Араминта застонала от отчаяния. Деревянные поверхности снова вошли в моду, и только накануне она приказала роботу отшлифовать старый пол, чтобы проявилась структура дерева. Она собиралась закрыть все изоляционными щитами до тех пор, пока не приведет в порядок комнату, а потом отполировать пол, оставив на виду волнистый рисунок местного золотисто-розового муравьиного дерева.

Араминта поскребла ногтем мокрое пятно и поняла, что все не так уж плохо. Надо было задействовать еще одного робота и снова зачистить пол. Работы в квартире выполняли пять многофункциональных машин, и все они сменили по два, а то и три хозяина и тоже были куплены в «Аскаhare».

Араминта убедилась, что пожар ей не грозит, и через юз-дубля связалась с Бартом Реником, владельцем компании.

«Я ничем не могу вам помочь», — сказал он, выслушав рассказ Араминты о поломке робота.

— Но я купила его у вас всего два дня назад!

«Да, но почему вы купили его у нас?»

— Простите, вы сами его предложили.

«Верно, это «Кандел восемь тысяч восемьдесят три», подходящий по уровню мощности для ваших работ. Но ведь вы обратились ко мне, а не к лицензированному дилеру».

— О чем вы говорите? Я не могу позволить себе приобрести новую машину. По отзывам в унисфере, эти устройства достаточно надежны.

«Так и есть. Именно потому я продаю много восстановленных устройств. Но у того, которое купили вы, гарантийный срок закончился десять лет назад. И теперь при всем хорошем к вам отношении я могу сказать: вы получили то, за что заплатили. Если вам нужна замена, у меня на складе имеются более новые модели».

Араминта пожалела, что не может послать трояна сквозь фильтры его юз-дубля, причем такого, который бы разбил наглецу нос.

— Вы возьмете этого робота в счет уплаты за новую модель?

«Я мог бы забрать кое-какие детали, которые удастся извлечь, но для этого надо привезти робота в мастерскую и посмотреть, что от него осталось. Заключение будет готово... да, к середине следующей недели, тогда и определится величина компенсации».

— Клянусь Оззи, вы продали мне настоящий хлам.

«Я продал то, что вы просили. Послушайте, я предлагаю взять детали в зачет только по своей доброте. Я веду дело и не хочу терять клиентов».

— Ну, меня вы уже потеряли.

Она прервала контакт и приказала юз-дублю больше никогда не отвечать на вызовы Барта Реника.

— Проклятье!

Ее юз-дубль быстро откорректировал график ремонта, добавив к расчетной дате окончания работы еще три дня. Замены вышедшему из строя «Канделу-8038» не предусматривалось. И это было правильное решение. Реконструкция шла не так гладко, как рассчитывала Араминта, и вовсе не из-за ее медлительности, просто времени на очистку квартиры и демонтаж старого оборудования понадобилось больше, чем она предполагала сначала.

Араминта снова села на пол и уставилась на сломанную машину.

«Я не буду плакать. Я не такая глупая».

Тем не менее потеря «Кандела-8083» сильно ее расстроила. Оставалось только надеяться, что другие роботы выдержат. Араминта дала команду юз-дублю заняться их диагностикой, а сама попыталась извлечь из покрытого пеной гнезда «Кандела-8083» абразивную насадку. Набор инструментов был достаточно дорогим и, в отличие от робота, совершенно новым. Текущее состояние квартиры никак не могло улучшить настроение Араминты. Она трудилась здесь уже пять полных дней, и все это время ушло на очистку стен и пола и демонтаж старинного домашнего оборудования. Теперь помещение выглядело просто ужасно. Все поверхности покрывал слой тончайшей пыли вперемешку с опилками, что ничуть не улучшало общего впечатления, не говоря уже о гулком эхе, гулявшем по пустым комнатам. Если сегодня закончить уборку, можно будет заняться меблировкой, а это наверняка добавит энтузиазма. За последнюю неделю Араминта не раз испытывала приступы паники, удивляясь, как она могла быть настолько глупой, чтобы позариться на такую развалину.

Абразивная насадка наконец поддалась и вышла из гнезда. Два из оставшихся роботов под контролем юз-дубля вытащили своего сломанного собрата из квартиры и забросили в стоящий снаружи контейнер для промышленных отходов. Араминта поморщилась, услышав, как робот стучит по ступеням лестницы, но остальных съемщиков в это время еще не было, так что они даже не узнают, откуда появились вмятины.

Она вставила насадку в гнездо другого робота — «Браклиф-34В», всего восемь лет эксплуатации — и вернулась к сервомотору балконной двери. Если горевать над сломанной машиной, Араминта наверняка перейдет к тому, чтобы начать жалеть себя, и тогда точно ничего не успеет. Она просто не могла себе этого позволить.

Араминта решила, что проще всего будет снять моторчик и вручную >чистить его от грязи, а после при помощи инструментов довести до рабочего состояния. Второй купленный ею набор содержал несколько пневматических ключей. Она приступила к делу с таким воодушевлением, какого не способны дать никакие аэрозоли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пока она работала, юз-дубль подбирал местные и межзвездные новости на интересующие ее темы и выдавал заголовки негромким журчащим потоком. После покупки квартиры она отменила команду составлять ежедневную сводку из объявлений риелторов. Увидеть какое-нибудь исключительное предложение было бы очень обидно. Вместо этого Араминта тихонько посмеивалась над картинками в периферийном поле зрения, наблюдая за судом над сыном члена городского совета, который попался на мошеннических сделках с недвижимостью. Расследование вплотную подбиралось и к его папочке, который заведовал зональным строительством. А вот Деббину, старшую дочь миллиардера Ликана, арестовали прошлой ночью за непристойное поведение в общественном месте. Появилось и ее изображение на выходе из центрального участка полиции Колвин-сити в сопровождении двух адвокатов. Растрепанная блондинка утром пребывала в том же черном спрей-платье, в котором развлекалась накануне. «Хансел», одна из крупнейших компаний Эллезелина, опубликовала план застройки промышленного квартала на окраине Колвина, к этому сообщению прилагались и экономические расчеты. Араминта не удержалась, чтобы не отыскать взглядом цены на новую недвижимость.

Из политических сводок ее заинтересовало только одно сообщение от нового движения в сенате, организованного Мариан Кантил, сенатором от Земли. Там говорилось, что Воплощенный Сон должен воздержаться от паломничества. В ответ на это сенатор от Эллезелина покинул зал. За ним последовали сенаторы от Тари, Идлиба, Лирно, Куихууда и Агры — планет зоны Свободного Рынка. Араминта ничуть не удивилась, узнав, что сенатор от Виотии воздержался от голосования, равно как и сенаторы еще семи Внешних миров, население которых в своем большинстве поддерживало движение Воплощенного Сна. Далее последовал репортаж с гигантской строительной площадки на окраине Большого Маккатрана, где должны были собираться корабли паломников. Чтобы посмотреть на это, Араминта даже оставила свою работу. Армада строительных машин разравнивала площадку в пятнадцать квадратных миль, подготавливая ее к бетонированию. Первый эшелон обрабатывал почву диспергирующими лучами, перемалывая небольшие холмы и насыпи до требуемого уровня. Разрыхленная почва вместе со щебнем и песком поднималась при помощи антигравов, формировалась силовыми полями в плотный поток, направлявшийся прямо в трюмы огромных сухогрузов, стоявших в дельте реки у края участка. После выравнивания почвы к работе приступали более тяжелые машины, ввинчивавшие в

материковый грунт опорные сваи, предназначенные для поддержки тяжелых корабельных каркасов. Предполагалось, что флотилия паломников будет состоять из двенадцати кораблей длиной в целую милю, где смогут разместиться до двух миллионов человек. И представители Воплощенного Сна заявляли, что это лишь «первая волна».

Араминта покачала головой, не в силах поверить, что найдется так много глупцов, а потом переключилась на местные деловые новости и репортажи с участием знаменитостей.

Часа через два в квартиру вошла Крессида. Она нахмурилась, увидев следы на толстом слое грязи, оставляемые ее блестящими кожаными туфельками с украшенными бриллиантами ремешками. Пушистый кашемировый костюм плотнее обхватил ее тело, чтобы защитить кожу от пропитанного пылью воздуха. Рука, поднявшаяся, чтобы прикрыть рот, сверкнула золотисто-алым маникюром.

Араминта смущенно улыбнулась в кухне. Только сейчас она осознала, как жалко выглядит в неряшливой одежде, с подобранными под бейсболку волосами и пятнами смазки на руках.

— В вашем мусорном контейнере лежит сломанный робот, — сказала Крессида, не скрывая раздражения.

— Я знаю, — со вздохом ответила Араминта. — Расплата за дешевизну.

— Так это одна из твоих машин? — Крессида приподняла бровь. — Хочешь, я свяжусь с поставщиком и заставлю его заменить робота?

— Заманчиво. Оззи свидетель, он стоил не так уж мало, если учесть мой бюджет. Но нет, с недавних пор я предпочитаю сама вести свои битвы.

— А, родная кровь. Глупое упрямство до последнего.

— Спасибо.

— Я здесь по двум причинам. Во-первых, мне нужно увидеть все своими глазами. Это уже сделано. Очевидно, что одного месяца будет мало. Во-вторых, я хочу во всех безобразных деталях услышать отчет о ночи четверга. Ты довольно рано удалилась с этим очень симпатичным мальчиком по имени Китч. Я хочу услышать самый подробный рассказ.

— Вряд ли Китча можно назвать мальчиком.

— Ха! Он моложе меня по крайней мере на целое столетие. Расскажи обо всем своей любимой кухне. Что было дальше?

Араминта застенчиво усмехнулась.

— Ты и сама можешь догадаться. Мы поехали к нему. — Она слабо взмахнула рукой, обводя разгромленную квартиру. — Не приглашать же мне его сюда.

— Отлично. И?..

— И что?

— Чем он занимается? Женат или нет? Каков он в постели? Сколько раз звонил тебе? Настаивал ли на следующей встрече? Присылал цветы и драгоценности или обошелся шоколадным набором? На каком курорте вы проведете ближайший уик-энд?

— Стоп, притормози немного.

Улыбка Араминты померкла. Честно говоря, Китч был более чем хорош в постели и действительно несколько раз попытался с ней связаться. Но она не хотела отвечать на вызовы. На данный момент она больше всего стремилась быть свободной, оставаться хозяйкой положения, экспериментировать и ни перед кем не отчитываться, а еще самой выбирать, как ей развлекаться. Она хотела простой жизни без каких-либо привязанностей и обязательств. *Пока* ей этого вполне хватало, и Араминта не стремилась снова выйти замуж.

— Китч был великолепен, но я не собираюсь с ним встречаться. Я слишком занята.

— Это мне нравится. Попользовалась и бросила. Похоже, под невинной внешностью скрывается стальной стержень. Я права?

Араминта пожала плечами:

— Тебе виднее.

— Если задумаешься о карьере юриста, я с удовольствием буду твоим спонсором. Лет через семьдесят ты станешь одним из партнеров.

— Черт, это еще заманчивее.

Крессида отвела руку ото рта ровно настолько, чтобы рассмеяться.

— А, ладно, должна же я была попытаться. Ну как, встречаемся в четверг?

— Да, обязательно. — Араминте очень нравились их девичники. Крессида, похоже, знала все самые лучшие клубы Колвин-сити и почти везде числилась в списках постоянных гостей. — А что было после того, как мы ушли? Ты подцепила еще кого-нибудь?

— В моем-то возрасте? В полночь я уже благополучно отправилась в постель.

— С кем?

— Не помню, как их звали. Знаешь, тебе пора подняться на следующий уровень и поучаствовать в оргии. Это фантастическое занятие, особенно если партнеры *знают*, что делают.

Араминта хихикнула.

— Нет, спасибо. Думаю, я для этого еще не готова. Для меня и мои похождения достаточно экстравагантны.

— Ну, если созреешь...

— Я непременно дам тебе знать.

Крессида нечаянно вдохнула пыль и закашлялась.

— Великий Оззи, это место вызывает у меня воспоминания о ранней юности. Послушай, я свяжусь с тобой чуть позже. Извини, что не предлагаю практической помощи, но, должна признать, я ничего не смыслю в дизайнерских программах.

— Я хочу все сделать своими руками. И *сделаю*.

— Эй, ты сможешь пробиться в партнеры и через пятьдесят лет. У тебя для этого есть все необходимое.

— Вспоминаешь себя? — усмехнулась Араминта.

— Нет, я думаю, ты еще энергичнее, к несчастью. Пока, дорогая.

Ленч Араминта заменила сэндвичем, съеденным в грузовой капсуле по пути к первому из трех поставщиков ее списка. Капсула, как и роботы, знавала лучшие дни: судя по документам, за тридцать лет службы она сменила пятерых владельцев. Но, как заверил продавец, машина была весьма надежной. Ей, безусловно, не хватало скорости новых моделей, а при полной загрузке багажника она даже не могла подняться до заявленного потолка высоты. Но Араминта была в ней уверена больше, чем в работе «Кандел-8038»; из-за возраста капсуле полагалось проходить строгий контроль на пригодность к полетам, осуществляемый транспортным комитетом Виотии, и последняя проверка состоялась всего за два месяца до покупки.

Капсула приземлилась на площадке «Ванные и кухни Бови», одного из восьми огромных магазинов, образующих гигантский торговый комплекс в районе Гроби. Араминта вошла в магазин и окинула взглядом демонстрационные залы, стоявшие по обе стороны от широкого центрального прохода. Здесь можно было увидеть ванные комнаты и кухни всех

мыслимых размеров, стилей и цветов, продававшиеся по самым различным ценам. Хотя, те образцы, что находились ближе к дверям, выглядели более изысканно. Араминта смотрела на роскошные комплекты и думала о том, что когда-нибудь обязательно будет отделывать апартаменты, в которых без подобного великолепия не обойтись.

— Могу я вам помочь?

Араминта обернулась. Перед ней стоял мужчина в форменном красносинем костюме, высокий, на вид не более тридцати лет. Смуглую кожу выгодно оттеняли светлые волосы, а симпатичное лицо отличалось правильными чертами, но при этом, как заметила Араминта, не было чересчур красивым. Взгляд светло-серых глаз говорил о здоровом чувстве юмора. Если бы она встретилась с этим человеком в баре, то определенно разрешила бы ему оплатить напитки — а возможно, и сама предложила бы стаканчик.

— Я ищу мебель для ванной комнаты и кухни. Все должно выглядеть по высшему классу, но стоит минимум.

— А, понимаю. Это я могу вам обеспечить. Меня зовут мистер Бови.

Внимание владельца магазина польстило Араминте.

— Приятно познакомиться. Я Араминта.

Он вежливо пожал ее руку. Ей показалось, что он подумывает о платоническом приветственном поцелуе. В этот момент она пожалела, что не имеет доступа к Гея-сфере, чтобы понять его эмоции, если только он позволяет им просачиваться наружу. Но хозяин крупного магазина вряд ли может себе такое позволить. «Черт, сосредоточься, девочка!»

— Вы не могли бы для начала ознакомить меня со своими размерами? — попросил он.

Араминта успела сдержать дерзкую усмешку. Возможно, он и не имел в виду никакой двусмысленности, но просьба прозвучала именно так.

— Вот, пожалуйста, — сказала она, пересылая план помещения через своего юз-дубля.

— И, пожалуйста, посчитайте стоимость заранее. Это мой первый проект по реконструкции квартиры, я не хочу, чтобы он оказался последним.

— Ага. — Взгляд мистера Бови переместился на ее руки, все еще хранившие следы смазки. — Как я понимаю, вы и босс, и рабочая сила.

— Боюсь, на сегодня моя работа закончилась. Сгорел один из роботов. Больше дорогостоящих ошибок я себе позволить не могу.

— Понимаю. — Он немного помолчал. — А вы случайно купили его не Барта Реника?

— Да, — осторожно ответила она. — А что?

— Знаете, на будущее — только я вам ничего не говорил — я бы посоветовал более надежного продавца.

— Я знаю, что это не высший класс, но я проверяла модель по потребительским отзывам, все казалось не так уж плохо.

На этот раз мистер Бови откровенно поморщился.

— В следующий раз, когда вам понадобится что-то купить, в том числе и у меня, я бы рекомендовал воспользоваться информацией из «Индекса Дейва». — Юз-дубль мистера Бови переслал адрес. — Потребительские отзывы и «независимые» отчеты о работе устройств, как правило, оплачиваются корпорациями, и потому там очень редко встречаются негативные высказывания. А «Индекс Дейва» — действительно самостоятельное издание.

— Спасибо, — поблагодарила она, направляя адрес в одну из ячеек памяти. — Я обязательно туда загляну.

— Рад помочь. А пока посмотрите кухни в седьмом проходе. Я думаю, там вы сумеете подобрать что-то по своим параметрам.

— Спасибо.

Араминта, слегка разочарованная тем, что он ее не проводил, направилась седьмому проходу. Вероятно, владелец магазина придерживается правила не флиртовать с покупателями. Жаль.

В указанном месте ее подждал человек в такой же красно-синей форме. Он показался ей лет на пять старше мистера Бови, но был значительно выше и обладал сухощавой фигурой марафонца. Бледную кожу северянина оттеняли коротко подстриженные рыжие волосы, и лишь на макушке был оставлен узкий стоячий гребень. Как ни странно, но его зеленые глаза смотрели на мир с таким же весельем, что и у мистера Бови.

— Я бы рекомендовал вам присмотреться к этим двум кухонным гарнитурам, — заговорил он, не считая нужным поздороваться. — Они подходят вам по размерам, а вон тот вариант уже снят с производства. На складе осталось всего два комплекта, так что я могу предоставить вам значительную скидку.

Араминта слегка растерялась. Мистер Бови, вероятно, переслал ее запрос, но это не давало сотруднику права разговаривать с ней так, словно они давно знакомы.

— Давайте посмотрим, — сказала она, но уже не так приветливо, как раньше.

Модель, на которую указал продавец, оказалась самой подходящей, к тому же цена со скидкой была очень привлекательной. Кроме кухонного процессора среднего уровня и набора резервуаров для хранения компонентов, Араминта получила стойку для завтрака вместе со стульями и вспомогательное оборудование: холодильник, робота-горничную, полки и шкафчики. Все изделия были чисто белыми с тонкой черно-золотистой полоской.

— Если в цену входит и стоимость доставки, я беру этот комплект, — сказала Араминта.

— Мы доставим товар в любое удобное для вас время, — заверил ее продавец.

Она проигнорировала намек на фамильярность и приказала юз-дублю перевести задаток.

— Ванные комнаты начинаются с одиннадцатого прохода, — ничуть не смутившись, сказал продавец.

Человек, встретивший ее у одиннадцатого прохода, позволял себе выглядеть лет на пятьдесят с лишним, что для Виотии было весьма необычно. На его темной коже уже проявились морщинки, а волосы поредели и начали седеть.

— Я подобрал четыре варианта, которые, как мне кажется, вам подойдут, — услышала Араминта его первую фразу.

— Здравствуйте, — резко бросила она.

— Э... что?

— Меня зовут Араминта, я рада вас видеть. И я подыскиваю для своей квартиры оборудование для ванной комнаты. Не могли бы вы мне помочь?

— Что?

— Я только хотела сказать, что вы ведете себя не совсем вежливо. Неужели трудно было поздороваться, даже если вы получили файл с моим запросом? Я ведь живой человек.

— Я думал... А-а!

Изумление улетучилось с его лица, что привело Араминту в еще большее смущение, чем его первоначальное дружелюбие.

— Вы не знаете, кто я? — спросил мужчина.

— Простите?

— Я мистер Бови. Мы все здесь — мистер Бови. Я мультиличность.

Даже не видя своего лица, Араминта поняла, что ее щеки стали пунцовыми. Конечно же она знала о мультилюдях: одна личность благодаря особенностям технологии Гея-сферы делилась между несколькими телами. Сторонники этого метода утверждали, что человечество таким образом совершает очередной эволюционный скачок, а все остальные пути развития ведут в тупик. Мультичеловек не может погибнуть, пока живо хотя бы одно из тел. Они верили, что когда-нибудь все люди будут такими же, как они. А после этого возможно и объединение сознания, и тогда останется один разум в миллиардах физических оболочек. Они считали, что это намного лучше, чем загружать память в искусственно созданную АНС.

Их оппоненты считали такие убеждения противной природе ересью и подражанием праймам с Альфы Дайсона. Более яростные противники заявляли, что мультиличности появились благодаря оставшимся среди людей агентам Звездного Странника, продолжающим человеконенавистнический заговор своего мертвого хозяина.

— Простите, — застенчиво пробормотала Араминта. — Я не знала.

— Все в порядке. Тут есть моя вина, я должен был вас предупредить. Но в торговле это явление стало довольно распространенным.

Араминта смущенно усмехнулась.

— Полагаю, непрерывность обслуживания дает некоторые преимущества.

— Я должен быть лучше, чем Барт Реник.

— Разумеется!

— Ну вот и хорошо. Ну что, посмотрим ванные?

— Конечно.

Араминта выбрала третий вариант, предложенный старшим из мистеров Бови. Покупка не была обусловлена чувством вины, он действительно предложил ей отличную сделку, а простая зеленая с золотом отделка как нельзя лучше подходила к интерьеру квартиры. Когда ощущение неловкости исчезло окончательно, оказалось, что с мистером Бови очень интересно общаться. Хотя привыкнуть к тому, что один и тот же человек разговаривал с ней в облике пожилого мужчины, озорно подмигивал из соседнего отдела и встречал у входа в магазин, было довольно трудно.

— Дайте мне знать, когда вам нужно доставить оборудование, — сказал третий продавец после того, как юз-дубль Араминты перевел задаток.

— А вы... Какой-то из вас.. Кто-то из вас занимается и доставкой?

— Не беспокойтесь, первый опыт общения с мультилюдьми всегда вызывает некоторую напряженность. Да, я приеду с грузовой капсулой и прослежу за разгрузкой. Не обязательно в этом теле, но это буду я.

— С радостью снова с вами встречусь.

— Пара моих обликов действительно хороши собой и молоды. Можете назвать это тщеславием, но я не лишен обычных человеческих недостатков. Я постараюсь включить их в график доставки.

— Так же привлекательны, как вы?

— Э, леди, скидок больше нет. Вы и так выбрали все, что было возможно.

Она рассмеялась.

— В таком случае мне лучше вернуться к своей работе.

Араминта улыбалась всю обратную дорогу до самой квартиры. Мистер Бови был очарователен во всех своих ипостасях. У нее создалось впечатление, что это не просто любезность продавца по отношению к покупателю. Интересно, он пошутил насчет молодых и привлекательных тел? По правде сказать, ей понравился даже последний его облик пожилого мужчины. А вдруг он попросит ее о свидании? За столом она окажется в компании всех его образов?

«Если попросит... А если попросит, что я ему отвечу?»

Само предположение было настолько необычным, что чрезвычайно заинтересовало ее.

«А если встреча пройдет хорошо, неужели приглашать их ко мне всех сразу?.. Ой, прекрати!»

Она все еще улыбалась, пока поднималась по ступеням и отпирала переднюю дверь. Но вид квартиры быстро охладил ее веселье. Роботы достигли некоторого прогресса в очистке квартиры, но тот, что работал с вакуумной насадкой, оказался забит мусором. Автоматического ремонта в них предусмотрено не было, и Араминте пришлось чистить машину вручную. И сервомоторчик на балконной двери все еще оставался в разобранном состоянии. До доставки кухни и ванной еще оставалось достаточно времени, так что Араминта приступила к уборке, рисуя в своем воображении новую встречу с мистером Бови.

Ближе к вечеру, когда квартира наконец была приведена в порядок и Араминта начала закрывать пол защитными матами, юз-дубль доложил ей о вызове Ларила.

— Ты не ошибся? — удивилась она.

«Нет».

Араминта задумалась, не известить ли Крессида, чтобы получить вознаграждение от налоговой службы.

— Откуда поступил вызов?

«Сигнал пришел с маршрутизатора на Октиере».

В ее периферийном поле зрения появились все координаты.

— Центральный мир Содружества, — прочитала она. — Что он там делает?

«Мне это неизвестно».

— Конечно. — Она села на ящик раскладной кровати и сняла перчатки. Вытерла лоб. — Хорошо. Прими вызов.

В ближней перспективе экзозрения Араминты его облик, казалось, возник прямо перед ней. Если изображение соответствовало текущему моменту, Дарил не слишком изменился. Все те же коротко подстриженные каштановые волосы, круглое лицо с тяжелой челюстью и, как всегда, густая темная щетина, гораздо длиннее, чем ей хотелось бы. Араминта еще вспомнила, какими колючими были эти заросли. И сколько бы она ни просила, Ларил никогда не пользовался смягчающим гелем.

«Спасибо, что ответила, — заговорил он. — Я не был уверен, что ты примешь вызов».

— Я тоже не была в этом уверена.

«Как я слышал, ты справилась с трудностями, разбогатела».

— Я получила деньги по суду. Ларил, чем ты занимаешься? Как попал на Октиер?

«А ты сама не догадываешься?»

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы найти ответ, и еще больше, чтобы его принять. Охотнее всего она бы сочла это какой-то неудачной шуткой.

— Ты переселяешься во Внутренние миры? — недоверчиво спросила она.

На его лице появилась та же беспечная улыбка, которой она любовалась при их первой встрече. Обаятельная, теплая и уверенная. После свадьбы Араминта ее почти не видела.

«В конце концов это происходит с каждым из нас», — сказал он.

— Нет! Не могу поверить! Ты станешь Высшим? Ты?

«Первая партия биоников была внедрена мне неделю назад. Они только начинают вырабатывать основные поля. Весьма интересные впечатления».

— Но... — Она помолчала. — Ради Оззи, общество Высших никогда тебя не примет. Что ты сделал? Удалил половину воспоминаний?

«Это довольно распространенное заблуждение. Знаешь, общество Высших не похоже на католическую церковь, здесь нет необходимости каяться и получать отпущение прошлых грехов. Значение имеет только текущее состояние».

— Я знаю, что они не принимают преступников. Много лет назад был подобный случай — Джоллиан решил, что может избежать наказания, стерев память и убежав во Внутренние миры. Паула Мио вычислила его, преступника лишили биоников и судили во Внешнем мире в том состоянии, в каком он был в момент совершения преступления. Мне помнится, он получил пару веков небытия.

«Так вот какого ты обо мне мнения... Думаешь, я такой же, как тот Джоллиан? Ну, спасибо, Араминта. Но ты должна кое-что знать: за мной не гонится Паула Мио. По той простой причине, что я не совершал никаких преступлений».

— И ты можешь повторить это в налоговой службе Виотии?

«Мой бизнес в плачевном состоянии. Но я ни от кого не скрываюсь. Я даже рассказал о своем финансовом положении наставнику из Высших. Знаешь, что она мне ответила?»

— Продолжай.

«Общество Высших не признает власть денег».

— Как это для тебя кстати!

«Послушай, я просто хотел поговорить с тобой и извиниться. Я ни о чем не прошу. И еще я хотел убедиться, что у тебя все в порядке».

— Тебе не кажется, что ты немного запоздал? — огрызнулась она. — Я не собираюсь становиться частью искупительной терапии, предшествующей твоему перерождению.

«Ты не совсем правильно меня поняла, возможно, потому что еще сердисься».

— Великий Оззи! Ты и впрямь нуждаешься в лечении.

«Для того чтобы стать Высшим, не нужно никакого лечения. Это неизбежный переход. Когда-нибудь, возможно, и ты решишься мигрировать».

— Никогда.

Его губы скривились в легкой усмешке.

«Помню, я и сам так думал. Кажется, лет в двадцать. В таком возрасте, когда каждый день несет новые и свежие впечатления, все эти рассуждения не имеют никакого смысла, но после нескольких веков жизни во Внешних мирах начинается скука и разочарования. Каждый день продолжает одну и ту же битву. Политики глупы и продажны, новые проекты никогда не осуществляются в срок и требуют все больших вложений, бюрократы испытывают удовольствие, срывая планы, и борьба за деньги никогда не кончается».

— Эту борьбу ты проиграл.

«Я содержал себя и свои семьи на протяжении трех столетий, и с меня хватит. Признай, даже тебе кое-что досталось. И в то же время я немногого достиг, не так ли? Несколько десятков тысяч долларов за три с половиной столетия. Этого маловато, чтобы оставить свой

след во Вселенной. И так происходит не только со мной, такова участь миллиардов людей. Внешние миры привлекают своей рыночной экономикой, многообразием идеологий и убеждений. В юности все это очень нужно. А потом приходит день, когда необходимо оглянуться и оценить результаты своей жизни. Для меня он наступил после нашей встречи».

— Ну-ну. Ты хочешь обвинить меня в своих неудачах в бизнесе?

«Нет. Я тебя ни в чем не обвиняю. Как ты не понимаешь? Я благодарен тебе. Я стал старым и понял это только благодаря тебе. Я увидел, насколько разителен контраст между нами. Нет большего дурака, чем старый дурак и частично глупость заключается в самообмане. Я устал от этой жизни, но не хотел признаваться даже самому себе. И одним из способов уйти от реальности стал брак с молоденькой девушкой. Но ничего не получилось, не так ли? Я сделал несчастными нас обоих».

— Это еще мягко сказано, — пробормотала Араминта. Но его признание своей вины ей польстило. — Из-за тебя я порвала все связи с семьей.

Он улыбнулся.

«А разве это так уж плохо?»

— Да, пожалуй, ты прав, — смущенно признала она. — Тут ты оказал мне слугу. Я не слишком подхожу для того, чтобы в ближайшие пару веков заниматься продажей сельскохозяйственной электроники.

«Это я понял в первый же момент, когда тебя увидел. И как же продвигается процесс реконструкции недвижимости?»

— Труднее, чем я думала, — признала она. — Я совершила немало глупостей.

«Я знаю. Так вот, представь свои разочарования, умноженные на триста лет, и ты поймешь, что я ощущал».

— А теперь больше не ощущаешь?

«Нет».

— Я не думаю, что в обществе Высших нет бюрократии, коррупции, глупости или политиканства. Может быть, там все не так явно, но от этого никуда не денешься.

«Да, пожалуй. Ну, наверное, там не все так плохо, как во Внешних мирах. Скорее всего, Высшим это просто не нужно. Большая часть социальных проблем Внешних миров рождена нашими рынками, жадной денег и материализмом — всем, что обусловлено старыми понятиями экономики. По правде говоря, она и есть источник всех бед. Эти трудности преодолеваются у Высших благодаря кибернетизированному производству и принципу распределения ресурсов, что составляет основу общества. К тому же у них зрелый взгляд в будущее. Нам нет необходимости вести борьбу из-за мелочей, и потому можно позволить себе осмысленно смотреть вперед».

— Ты рассуждаешь так, словно уже стал одним из них.

«Это перспектива и для тебя тоже. Культура Высших — состояние сознания, подкрепленное материальным достатком».

— Такую цель ставят себе все обитатели Внешних миров. Все хотят стать миллионерами.

«Нет. Все имеют равные права на доступ к ресурсам, а этого вам не хватает. Но я не могу не повторить: в конце концов Внешние миры переходят в общество Высших. Мы представляем собой вершину технологического и социального прогресса человечества. Другими словами, именно к этой цели стремилась раса людей с того момента, когда первобытный человек в африканских равнинах взял в руки дубинку, чтобы получить

преимущество над другими хищниками. Мы улучшаем свой род при первой же возможности».

— Так почему бы тебе сразу не загрузиться в АНС? Ведь именно так улучшают себя Высшие, не так ли?

«Когда-нибудь я, вероятно, так и поступлю. Но следующая стадия для меня — Высшие. Я хочу еще некоторое время провести в своем теле, и это не так уж трудно. В ближайшие пару столетий мне остается только расслабиться и заняться обучением. Я получаю возможность увидеть и совершить многое из того, чего раньше не мог себе позволить. Для этого здесь удивительнейшие условия».

Араминта негромко рассмеялась — в этих словах она узнала старого Ларила.

— Что ж, в таком случае я желаю тебе удачи.

«Спасибо тебе. Мне очень не хотелось расставаться с тобой так, как мы: расстались. Если тебе что-то понадобится, звони, даже если просто потребуется плечо, чтобы выплакаться».

— Конечно. Я так и сделаю, — солгала она, сознавая, что никогда не решится на подобный шаг.

После разрыва контакта Араминта ощутила невероятную радость. Похоже, финальный разговор был нужен им обоим.

У людей не было лиц. По крайней мере он не мог их разглядеть. А перед ним бежали десятки людей: мужчин, женщин и даже детей. Они бежали, словно испуганное стадо от хищника. От их воплей звенело в ушах. В общем шуме проскальзывали отдельные слова: в основном это были мольбы о пощаде, о сохранении жизни, о милосердии. Но, как бы быстро ни убегали люди, он все время оставался рядом с ними.

Вся эта странная суматоха происходила в роскошном зале с куполообразным потолком, сверкающим хрустальной резьбой. Бегству толпы к выходу из зала препятствовали полукруглые ряды стульев. Он не мог или не хотел оглянуться. Он не знал, от чего они пытаются спастись. Послышался визг энергетического оружия, и люди бросились на пол. А он остался стоять и продолжал смотреть на распростертые тела. Всеобщий ужас его почему-то не затронул. Он не понимал, почему так получилось. Ведь он был рядом с этими людьми, он был частью происходящего. А потом по полу пробежала тень, как будто демон развернул крылья.

Аарон, задыхаясь, сел в своей постели. Кожа покрылась холодной испариной, сердце стучало с удвоенной частотой. Он даже не сразу понял, где находится. Но вот свет в спальном отсеке стал ярче, и показались изогнутые переборки. Аарон уставился на них и заморгал, прогоняя остатки ужасного сна.

Он почему-то был уверен, что это не просто сон. Какие-то воспоминания из предыдущей жизни оказались настолько сильными, что остались в нейронах, несмотря на то что прочие части его сознания были заблокированы. Он ощутил одновременно испуг и любопытство.

«Во что же я, черт побери, вляпался?»

Затем он решил, что все эти ужасы ничуть не хуже, чем его нынешняя миссия. Его сердце постепенно успокоилось даже без вмешательства биоников. Аарон глубоко вздохнул и выбрался из койки.

— Где мы находимся? — спросил он у интел-центра «Бестии».

«В шести часах пути от Анагаски».

— Хорошо. — Он потянулся и повел плечами. — Сделай мне душ, — сказал он интеллекту. — Начни с воды и переходи к очищающим спорам по моей команде.

Каюта начала меняться. Койка поднялась и спряталась в переборке, пол стал твердым, под ногами проступили черно-белые мраморные плитки. Из каждого угла высунулись золотистые распылители, и на Аарона хлынула теплая вода.

Наличие на корабле ультрадвигателя стало для него приятной неожиданностью, несмотря на свою явную принадлежность к обществу Высших. Узнав о возможностях «Бестии», Аарон понял, что работает на одну из фракций АНС. Это обстоятельство возбудило в нем большее любопытство, чем сам двигатель. Оно означало, что паломничество воспринимается более серьезно, чем могла предполагать основная масса людей.

Поток спор очистил и осушил кожу, и Аарон, натянув простой темнокрасный комбинезон, вышел в общую комнату. Его спальный отсек тотчас крылся в переборке, освободив дополнительное пространство. Каюта Корри-Лин — гладкий округлый выступ, выдающийся из стены гостиной, — была все еще занята. Накануне женщина леденящим взглядом встретила предложение Аарона разделить постель, пожелала спокойной ночи и ушла.

Возможно, Корри-Лин не выйдет до самой посадки.

Кулинарный процессор выдал превосходный завтрак из яиц по-бenedиктински, уилтширской вяленой ветчины и тостов, намазанных толстым слоем английского джема. Аарон был в высшей степени приверженцем традиций.

— Должен производить такое впечатление, — пробормотал он про себя.

Он успел надкусить уже третий тост, когда из каюты вышла Корри-Лин.

На ней было скромное (с ее точки зрения) кашемировое платье-свитер цвета морской волны длиной до колен, произведенное корабельным синтезатором. Каюта немедленно скрылась в переборке, а Корри-Лин заказала себе большую чашку чая и уселась напротив Аарона.

Определение эмоционального состояния собеседника являлось немаловажным источником информации для Аарона, но этим утром лицо Корри-Лин оставалось абсолютно непроницаемым, словно у объемной проекции.

Некоторое время она наблюдала за Аароном, прихлебывая чай и, похоже, ничуть не расстраиваясь из-за неловкой ситуации.

— Тебя что-то тревожит? — негромко спросил он.

Тот факт, что он первым нарушил молчание, говорил о многом. Мало кому когда-либо удавалось заставить Аарона почувствовать себя неловко.

— Не меня, — с преувеличенной серьезностью ответила она.

— Что ты имеешь в виду? А, брось, ты же привлекательная женщина. Я просто обязан был спросить. Ты бы могла обидеться, если бы я поступил иначе.

— Я говорю не об этом. — Она пренебрежительно махнула рукой. — Я имею в виду сон, что тебе приснился.

— Э... сон?

— Ты что, забыл? Меня выбрали советником Воплощенного Сна не за красивую попку. Я погружаюсь в сны других людей, исследую их эмоциональное состояние и пытаюсь помочь обрести согласие с тем, что они видят. Сны прекрасно раскрывают сущность личности.

— Проклятье! Я позволил сновидению просочиться в Гейя-сферу.

— Конечно. И я должна заметить, что ты очень встревожен. Но это вряд ли станет для тебя каким-то откровением, не так ли?

— Я видел, что участвую в битве. Нет ничего удивительного, что мое подсознание выталкивает наверх такую дрянь.

Он торжествующе усмехнулась.

— Но самой битвы ты не помнишь, верно? И никаких других битв из той инкарнации. А это означает, что только данное событие было исключительно важным, раз оно сохранилось в твоём подсознании. Техника стирания памяти в наши дни достаточно эффективна, а я подозреваю, что у тебя имелся доступ к самым современным ее вариантам.

— Брось, все это слишком странно, чтобы относиться к воспоминаниям.

— Большая часть снов рождается именно в воспоминаниях, если, конечно, не считать сны Инниго. Корни сновидений прорастают из реальности, из пережитого нами опыта. И то, что ты видишь, это твое личное восприятие определенного события. Сны правдивы, Аарон, их нельзя игнорировать или прогнать при помощи аэрозоля. И если ты не поймешь этого, ты никогда не сможешь жить в мире с самим собой.

— И что, теперь я должен посеребрить ручку?

— Сарказм — один из самых жалких вариантов защиты, тем более в данных обстоятельствах. Мы оба понимаем, насколько ты встревожен. Ты не в состоянии скрыть свои эмоции от такого опытного эксперта, как я.

Аарон постарался закрыть все каналы гейя-частиц, чтобы из его разума ничто не могло просочиться наружу.

— Ну ладно, — буркнул он. — Так что же мне снилось?

— Что-то из твоего прошлого.

— Да уж, ты настоящий эксперт галактического масштаба.

Корри-Лин невозмутимо отпила еще глоток чая.

— Если точнее, тьма из своего прошлого. А судя по столь сильному проявлению чувств, я бы сказала, что это переломный момент в твоём психологическом развитии. Эти люди напуганы, вернее, они в ужасе. Многочисленная толпа будет поспешно убегать только от неотвратимой смертельной угрозы. В условиях Содружества сегодня такое встречается крайне редко, даже во Внешних мирах.

— Значит, я участвовал в эвакуации при каком-то стихийном бедствии. Событие редкое, но вполне реальное. Во Внешних мирах некоторые явления могут причинить немало бед, хотя на более развитых планетах они проходят незаметно.

Корри-Лин грустно улыбнулась ему.

— Аарон, ты же был выше их. Помнишь? Ты не бежал вместе со всеми. Это ты был источником их страха. И то, что стояло за тобой.

— Какая чушь!

— Мужчины. Женщины. Дети. Все в страхе бежали от тебя. Все они обезумели от ужаса. Мне интересно, что ты собирался с ними сделать. В храме мы установили, что угрызений совести ты не испытываешь.

— Очень умно, — фыркнул он. — Я тебя разозлил, и теперь ты ищешь способ мне отомстить. Должен тебя предупредить, леди: чтобы поймать меня на крючок, требуется намного больший опыт, чем у тебя, и в этом я могу поклясться именем Оззи.

— Я вовсе не пытаюсь тебя подловить, Аарон, — заверила она его. — Воплощенный

Сон, настоящий Воплощенный Сон этим не занимается. Единственная наша цель — вести человечество к реализации его мечты. Обещания Бездны — значительная, но не единственная часть пути к осознанию самого себя, своей сущности. Я хочу освободить скрытый в тебе потенциал, я чувствую, что в твоём разуме есть не только бессмысленная жестокость. Если бы ты согласился мне помочь, твоё сознание могло бы значительно расшириться. Вместе мы разберемся в твоих снах.

— Считай меня отсталым и старомодным, но мои сны принадлежат только мне.

— Меня интересует тьма, увиденная тобой в самом конце.

— Эта тень?

Аарон невольно удивился, что Корри–Лин заметила и ее.

— *Крылатая* тень — та самая, что фигурирует в сознании большинства людей, независимо от их развития и культуры. И это больше, чем просто тень. Она имела для тебя огромное значение. Для твоего подсознания, как мне кажется. Ты ведь не удивился, увидев ее. Более того, ты ей почти обрадовался.

— Как тебе будет угодно. Но в данный момент у нас есть более важные проблемы. Через пять с половиной часов корабль приземлится.

Что–то подсказывало ему, что этот разговор пора прекратить. Корри–Лин пыталась его отвлечь, заставить утратить бдительность. Но такого допустить нельзя, он должен полностью сосредоточиться на поиске Иниго.

Корри–Лин приподняла бровь.

— Ты всерьез утверждаешь, что тебя это не интересует? Мы ведь говорим о твоей истинной сущности.

— Я еще раз повторяю: я вполне доволен тем, что есть. Так ты говорила, что Иниго посещал Анагаску, чтобы встретиться с семьей?

Она уныло вздохнула.

— Я говорила, что время от времени, когда он сильно уставал, то посещал родной мир. И мне известно, что у него была семья. Все остальное — твои собственные домыслы.

— Его мать мигрировала в центр и загрузилась в АНС. А как насчет тетки?

— Я не знаю.

— Были у тетки дети? Двоюродные братья или сестры, которые росли вместе с Иниго?

— Я не знаю.

— Имела ли семья свое поместье? Родовое гнездо, где Иниго чувствовал бы себя в безопасности?

— Я не знаю.

Аарон откинулся назад, едва сдерживаясь, чтобы не накричать на нее.

— В официальной биографии сказано, что он вырос в Кухмо. Это не вранье?

— Я полагаю, что информация верна. То есть у меня нет повода для сомнений. Именно там Воплощенный Сон создал архив Иниго.

— Центральное место поклонения живому богу, так?

— Я больше не удивляюсь, что ты отказываешься познать самого себя. Ты настоящее дерьмо и прекрасно это знаешь.

«Бестия» благополучно вышла в реальное пространство в тысяче километров над Анагаской. Аарон дал команду интел–центру связаться с местной службой движения космических судов и запросить разрешение на посадку в космопорте Кухмо. Запрос был немедленно удовлетворен, после чего корабль начал снижаться в центре затянутого

облаками восточного континента.

В 2375 году, когда планету признали пригодной для жизни и заселения, Анагаска была ничем не примечательным миром третьей зоны космоса, обреченным на длительное и неторопливое развитие. Но затем Звездный Странник спровоцировал войну между Содружеством и праймами, и судьба этого мира кардинально изменилась.

Последняя сокрушительная атака праймов поразила сорок семь миров Содружества; их солнца подверглись обстрелу «бомбами–вспышками» и квантовыми ракетами, в результате чего смертельные вихри радиации, бушевавшие несколько недель, уничтожили всю биосферу планет. Одной из них была планета Ханко, чье население, насчитывающее около пятидесяти миллионов человек, оказалось запертым под силовыми полями городов в умирающем мире с несущей смерть атмосферой. Единственным возможным выходом была полная эвакуация. Благодаря усилиям Найджела Шелдона и отделения ККТ, управляющего червоточиной Ханко, обитатели планеты смогли перебраться на Анагаску, расположенную в сорока двух световых годах.

На Анагаске, к сожалению, в то время не было ничего, кроме диких лесов, прерий и опасных джунглей, да еще пяти исследовательских станций на местах будущих поселений, где проживало несколько сотен ученых. Но у Найджела имелось в запасе средство для решения и этой проблемы. В червоточине, перебрасывающей население Ханко в новый мир, был задан особый, чрезвычайно медленный режим течения времени. После окончания войны на создание инфраструктуры Анагаски и других сорока шести миров были брошены миллиарды долларов. На строительство основных городов селений сталинской архитектуры ушло больше ста лет. Зато обитатели Ханко, вышедшие из червоточки на Анагаске, были обеспечены крышей над головой и достаточными запасами продовольствия, чтобы продержаться, пока не наладят собственное производство и сельское хозяйство.

Возможно, из–за того что беженцы пережили потрясение, экономическое развитие новых миров шло крайне медленно. Главные города едва успевали приспособиться к новому времени, а Содружество опять претерпевало глобальные изменения. Что же касается провинциальных поселений, они неуклонно превращались в застойное захолустье. Никто не голодал, никто не впадал в нищету, но их жителям не хватало динамизма, присущего остальному человечеству после появления биоников. возникновения АНС и образования новых политических и общественных блоков.

Кухмо был одним из таких городков. За семь столетий, прошедших между прибытием новых жителей и рождением Иниго, здесь мало что изменилось. Ребенком в центре города он видел все тот же шестиугольный купол, приютивший его предков, хотя необитаемые верхние уровни уже качали разрушаться, а нижние этажи были заняты дешевыми квартирами для неимущих семейств и неудачливых дельцов. И шестьдесят лет спустя, когда он уезжал, купол все еще стоял на том же месте, став непосильным бременем для города, не имеющего средств ни на ремонт, ни на снос здания.

Еще через сто лет верхняя треть купола наконец была разобрана при участии правительственного фонда безопасности Анагаски. А потом представители Воплощенного Сна сделали городскому совету предложение, от которого он не смог отказаться. Жильцов купола переселили в новые, специально построенные дома в пригородах, а сам купол был разобран. На его месте выросло новое здание, не такое огромное, но гораздо более значительное. Воплощенный Сон возвел здесь первый на Анагаске храм с пристроенным к нему архивом и колледжем бесплатного образования. Учреждение стало привлекать людей

не только со всех концов планеты, но и из ближайших звездных систем. Многие из приезжих оставались жить в городе, навсегда изменяя облик Кухмо.

Аарон стоял под высокими деревьями, что преобладали в храмовом парке, смотрел на конические башни, увенчанные каменными скульптурными группами, и недовольно морщил нос.

— Первоначальный купол не мог выглядеть хуже, чем нынешний ужас, — заявил он. — И это первый храм вашего лидера, воздвигнутый в родном городе в благодарность за его стремление поднять человечество к новым вершинам? Проклятье! Должно быть, он и впрямь настолько ненавидел этот старый городишко, что сотворил такое «чудо». У меня складывается впечатление, что надо опасаться кухмонианцев, дары приносящих.

Корри–Лин вздохнула и покачала головой.

— Великий Оззи, какой же у тебя мещанский вкус!

— Я по крайней мере знаю, что мне нравится. Так вот, леди, это мне не нравится. Даже в Большой Дюжине архитектура и то лучше.

— И что же ты намерен сделать? Обстрелять храм разрушительными импульсами?

— Было бы неплохо. Но нет. Сначала мы произведем небольшие раскопки в поисках информации.

Музей Иниго, по сути, бывший его часовней, оправдал наихудшие ожидания Аарона. Для начала им не разрешили побродить по нему самостоятельно. Нет, им пришлось встать в очередь верующих и ждать, пока к группе не прикрепят «гида». Экскурсия была выдержана в строго официальном тоне. Каждый экспонат сопровождался выбросом соответствующих эмоций, поступавшим в местную Гея–сферу.

Аарону пришлось сжать зубы, нацепить на лицо покорную улыбку и осматривать дом, в котором прошло детство Иниго, заботливо перенесенный с его первоначального места в двух километрах от музея и любовно восстановленный с применением аутентичных материалов. Каждой комнате соответствовал рассказ о скучных, но вызывающих благочестивый восторг периодах детства. Первый был посвящен матери Иниго, Сабине, чья объемная проекция тоже присутствовала в комнате. Затем шли довольно остроумные сценки из жизни дедушки и бабушки, которым принадлежал дом. Период, посвященный отцу, Эрику Хорови, был окрашен печалью, поскольку родитель покинул супругу через несколько месяцев после рождения Иниго.

Аарон с задумчивым видом осмотрел проекцию Эрика и дал команду юз–дублю посетить местный архив, чтобы поискать интересных фактов. На момент рождения Иниго Эрику было всего восемнадцать лет. На уточняющий вопрос Аарона экскурсовод ответил, что Сабине, когда она дала жизнь ребенку, до восемнадцатого дня рождения оставался еще месяц.

— Неужели в те времена они ничего не знали о способах предохранения? — внезапно спросил он у экскурсовода.

Корри–Лин застонала и покрылась румянцем. Доброжелательная улыбка экскурсовода слегка потускнела, а в глазах мелькнула настороженность.

— Простите?

— Я говорю о средствах предохранения. Они достаточно популярны у подростков независимо от того, к какому обществу они принадлежат. — Он помедлил, просматривая ни о чем не говорящую информацию о родителях Сабины. — Если только они не происходили из семей старозаветных католиков, или инициированных талибов, или евангелистов—

ортодоксов.

— Ничего подобного, — строго заявил гид. — Иниго гордился тем, что не происходит ни из одной средневековой секты старой Земли. Это означает, что его намерения абсолютно чисты.

— Понимаю. Значит, его рождение было запланировано?

— Его рождение стало благословением для всего человечества. Он избран Идущим—по Воде, чтобы показать нам, что лежит внутри Бездны. А почему вы спрашиваете? Вы журналист из какого—то издания унисферы?

— Нет, конечно, нет. Я антрополог в области культуры. И, естественно, интересуюсь ритуалами деторождения.

Гид подозрительно покосился на него, но не стал вдаваться в подробности. Юз—дубль Аарона уже был наготове, чтобы блокировать любой запрос экскурсовода в местную сеть. Вход в музей они с Корри—Лин миновали без осложнений, а это означало, что Воплощенный Сон еще не поднял тревогу по всему Содружеству. Но любые запросы относительно их личностей, независимо от того, с какой планеты они поступят, вызовут мгновенную реакцию. А тот факт, что они оказались на Анагаске всего через два дня после инцидента на Риази, укажет на тип корабля, которым они воспользовались. Такого Аарон позволить не мог.

— Вряд ли это стоит называть ритуалом, — насмешливо фыркнул экскурсовод.

— Антропологи считают, что все наши действия можно описать как набор ритуалов, — без запинки пояснила Корри—Лин. — А скажите, пожалуйста, это действительно университетская спальня Иниго?

При этом она старательно обвела жестом голографическую проекцию унылой комнатки. Немногочисленные ветхие предметы, дополнявшие проекцию, были заперты в прозрачные витрины со стабилизирующим полем.

— Да, — ответил гид, возвращаясь к своим привычным обязанностям. — Это она. Здесь он начинал изучение астрофизики, здесь был сделан первый шаг на пути к станции «Центурион». Значение окружающей его обстановки в столь важный момент жизни невозможно переоценить.

— Боже! — с придыханием воскликнула Корри—Лин.

Ее способность управлять выражением лица произвела на Аарона сильное впечатление.

— Зачем тебе это понадобилось? — спросила Корри—Лин, когда они уже направлялись к отелю космопорта в капсуле—такси.

— Тебе это не кажется странным?

— Что двое сексуально озабоченных подростков решили завести ребенка? Не так уж необычно.

— Нет, это очень странно. Они оба еще не закончили школу. А через несколько месяцев после рождения сына Эрик исчезает. Да еще эта тетка, о которой ты говорила и которую буквально вычеркнули из числа родных. А если Иниго был Высшим, как ты утверждаешь, его трансформация могла произойти или при рождении, или в самом раннем детстве, то есть задолго до миссии на «Центурионе».

— На основании чего ты так говоришь?

— Ты ведь сказала, что он хранил свою принадлежность к Высшим в строжайшем секрете; вряд ли он обзавелся биониками после того, как основал движение Воплощенного Сна.

— Согласна. Но что дают тебе все эти рассуждения?

— Они доказывают, что официальная информация — полная чушь, — сказал Аарон, махнув рукой в сторону оставшегося за спиной музея. — Весь этот фарс только маскирует реальную историю, создает альтернативную версию, подкрепленную настоящими фактами, что придает ей определенное правдоподобие, не вызывающее вопросов. Если, конечно, не встречается кто-то вроде нас, кому известны некоторые сомнительные подробности. Если Иниго родился Высшим, значит, Высшим должен быть хотя бы один из его родителей. Скорее всего, это не Сабина. А Эрик бросил ребенка через несколько месяцев после рождения.

— Парень не рассчитал свои силы, только и всего. Если рождение Иниго было незапланированным, как ты и говорил, этому вряд ли стоит удивляться.

— Нет. Все не так. Я не думаю, что появление ребенка на свет было случайным. Как раз напротив. — Аарон дал команду юз-дублю сделать подборку новостей за год, предшествующий рождению Иниго, причем из источников, не контролируемых Воплощенным Сном. Результат он получил уже у самого отеля. — Ага, вот оно. — Он передал ей файл. — Архив одной из местных компаний. Двести лет назад ее купил Межзвездный синдикат, и городской офис был закрыт, поэтому и все сведения оказались упрятаны так глубоко. Гуманитарное отделение колледжа сгорело за восемь с половиной месяцев до рождения Иниго.

— Здесь сказано, что инцидент произошел в ходе войны между бандами, — заметила Корри-Лин, наскоро просмотрев сообщение. — Сражение между молодежными группировками за сферы влияния.

— Да, верно. А теперь поищи историю банд в Кухмо. Особенно все, что касается инцидентов с применением оружия. Давай. Ставлю тысячу против одного, что никаких подобных сообщений не было ни за пятьдесят лет до этой даты, ни в пятьдесят следующих лет. Стоит только прочитать историю городишки до строительства чудовищного творения Иниго. Здесь просто *ничего* было делить даже подросткам из самых низов общества. Члены Совета составляют три партии, ничем не отличающиеся друг от друга, проводящие одну и ту же политику: уменьшение налогов, снижение непроизводительных расходов, привлечение финансовых вложений и озеленение города. Господи, они даже не смогли без посторонней помощи избавиться от этого уродливого купола. И так тянется девять столетий. Великий Оззи, *девять столетий!* И до сих пор они не в состоянии действовать сообща. Кухмо — суцая дыра, местное общество барахтается в одном и том же болоте почти тысячу лет. Плохие парни не желают терпеть застой. Это все равно, что быть приговоренным к небытию при сохранении пыток. Плохие парни просто уезжают отсюда.

— Ладно, ладно, я не возражаю. Семейная история Иниго не во всем соответствует истине. Но какой из этого вывод?

— Я считаю, что необходимо подробное изучение, надо только правильно определить временной промежуток. И информацию искать не в новостных выпусках, как бы глубоко они ни были запряганы.

— И как же мы выясним, что произошло на самом деле?

— Есть только один способ. Надо спросить у Протекторов.

Корри-Лин с горестным стоном уронила голову на руки.

Ремонтный ангар стоял на краю космопорта Дароки. Один из двадцати трех одинаковых блестящих черных прямоугольников в ряду, крайнем из десяти таких же рядов. Всего в

космопорте имелось восемнадцать таких блоков. Сам космопорт был огромным, намного больше, чем участок на другом конце города, занятый кораблями флота. Обитатели Дароки много путешествовали среди звезд, а проект «Эфир» в последние столетия значительно увеличил количество космических кораблей на планете. Без помощи путеводаителя унисферы человек мог бродить между ангарами целый день, но все равно не отличил бы одно строение от другого. А незначительное вмешательство в сетевую программу космопорта делало невозможным отыскать ангар Троблума даже при использовании электронного навигатора. Ворота других ангаров время от времени открывались, чтобы впустить или выпустить корабли, Троблум же почти всегда держал свой запертым, за исключением чрезвычайно редких случаев. А когда створки ворот все же расходились, охранное поле препятствовало проникновению внутрь как визуальных, так и электронных взглядов. Даже немногочисленные сотрудники, ежедневно помогающие Троблуму, оставляли свои капсулы снаружи, а сами пользовались маленькой боковой дверцей, за которой проходили сквозь еще три кордона силовых полей и только после этого попадали в центральную секцию ангара. Почти две трети обширного помещения занимало сверхсложное оборудование для синтеза и фабрикации. Все машины были сделаны по индивидуальным проектам, и на приобретение необходимого набора у Троблума ушло целых пятнадцать лет. Из-за этого ему и пришлось прибегнуть к помощи посторонних людей. Нейманова кибернетика и внедрение биоников широко использовались в повседневной жизни, но для выхода за общепринятые рамки требовалось сначала построить машины, которые могли бы создать необходимые устройства.

Троблум без особого труда свел воедино модифицированную теорию экзотической материи и принцип действия двигателя, перемещающего планеты со сверхсветовой скоростью. Он даже описал базовую технологию требуемого для этого генератора. Но воплотить абстрактные рассуждения в реальность было нелегко. Для начала потребовалась информация о нова-бомбах, но флот даже спустя 1200 лет после войны держал детали технологии этого чудовищно мощного оружия в строжайшей тайне. И вот тогда появилась Эмили Альм.

Их познакомил Марий. В то время Эмили работала в отделе боевой техники флота на Августе. После трех веков службы ей стало попросту скучно.

«В нашей работе больше нет смысла, — пожаловалась она Троблуму при первой же встрече. — Принципиально нового оружия не создается уже несколько столетий. Мы только тем и занимаемся, что совершенствуем уже имеющиеся системы. Все принципиально новые проекты по распоряжению начальства немедленно закрываются».

«Ты имеешь в виду правление АНС?» — уточнил тогда Троблум.

«Кто знает, где рождаются эти приказы? Мне известно только, что к нам они поступают прямым из офиса адмирала Казимира, а мы послушно их выполняем. Это просто глупо. Я не знаю, зачем вообще существует наш отдел. Насколько нам известно, корабли системы обороны и их вооружение не менялись уже пятьсот лет».

Изложенная Троблумом задача стала причиной отказа Эмили от немедленной загрузки в АНС. После к его разношерстной группе присоединились и другие сотрудники. С Дэном Масселом никто не мог сравниться в познаниях в области функционального молекулярного конфигурирования. Ами Коуи помогала при форматировании экзотической материи. В сборке неймановой кибернетики участвовали поочередно несколько техников, но каждый уходил, как только закончивал свою машину. Впрочем, трое первых сотрудников оставались

с Троблумом почти с самого начала. И сносить его характер им помогали лишь их возраст и терпение Высших — да еще заинтересованность в самом проекте.

Троблум поставил свою устаревшую капсулу на площадке рядом с ангаром и удивился, увидев на бетоне у блестящей черной стены только машины Эмили и Дэна. Он ожидал, что Ами тоже будет здесь.

Уже проходя через второй маленький кабинет, он понял, что что-то не так. Не было слышно тихого гудения. Пассивное сканирование, произведенное после отключения третьего силового барьера, показало полное отсутствие электронной активности. Ангар был разделен на две половины. В одном конце громоздким конусом в тени сборочной секции стоял «Искушение Меллани». Троблум, остановившись под кормой корабля, с недоумением огляделся. Кибернетические модули Неймана, высящиеся прямо перед ним, размерами превосходили небольшие дома; они были подсоединены к решетчатому кубу из похожих на стекло прозрачных пластин размером с коммерческую капсулу, и каждый модуль светился одним из основных цветов. Как будто кто-то разъял радугу, а потом решил залить в прозрачный куб. В центре, на три метра выше головы Троблума, висел красно-черный конус — выводное устройство финишного экструдера. Вокруг него должна была сиять сложнейшая паутина пересекающихся квантовых полей прессорных фидеров, электронных манипуляторов и молекулярных инжекторов. Троблум не смог обнаружить ни малейшего проблеска энергии. Если бы в последние несколько дней все шло гладко, перемещающий планеты двигатель, атом за атомом собираемый в стабильной матрице сверхплотной материи и фиксируемый собственным когерентным интегральным полем, должен был быть готов на две трети. К этому моменту внутри экструдера уже виднелся бы его конус, мерцающий выровненным экзотическим излучением, словно в нем содержалась собственная галактика.

Вместо этого на крышке атомного фазового соединителя сидели и пили чай Эмили с Масселом. Оба хмуро молчали и встретили вошедшего Троблума виноватыми взглядами.

— Что случилось? — спросил он.

— Возникла какая-то нестабильность, — сказала Эмили. — Мне очень жаль, Троблум. Формат фиксирующего поля оказался неверным. Ами пришлось его отключить.

— И она ничего мне не сказала!

— Она побоялась встретиться с вами лицом к лицу, — объяснил Массел. — Ами знала, как вы будете разочарованы. Сказала, что не хочет разбить вам сердце.

— Это не... О-ох... — простонал он.

Его биононики зафиксировали растущее возбуждение мозга и впрыснули в кровь депрессанты. Троблум вздрогнул, словно от порыва морозного ветра. Зато его разум мгновенно прояснился. Перед экзовзглядом развернулся список социальных приоритетов.

— Спасибо, что вы меня дождались, — сказал Троблум. — А с Ами я свяжусь сам и скажу, что это не ее вина.

Эмили и Массел озадаченно переглянулись.

— Вы очень добры, — сказала Эмили.

— Насколько велика нестабильность?

Массел поморщился.

— Довольно большая. Нам придется пересмотреть весь процесс.

— А нельзя ли просто усилить мощность поля?

— Я надеюсь, что можно, но такой шаг способен вызвать внутри эффект домино.

— Авось обойдется, — без особой уверенности предположила Эмили. — Мы учитывали довольно большие операционные погрешности. В пределах базовых параметров можно варьировать величины достаточно широко.

Троблум молчал, чувствуя разочарование, с которым не могли справиться никакие депрессанты. Если Эмили ошиблась и действительно требуется пересмотр всего процесса, неймановы кибермашины придется перестраивать. На это уйдет не один год. Снова потеря времени. А генераторный двигатель был реальной надеждой, Троблум искренне верил, что к концу недели получит функционирующее устройство. Других способов заставить людей поверить в его теорию не существовало. Марий не допустит, чтобы исследования поддержал флот, в этом Троблум был твердо уверен. Проект обеспечил бы ему недостающие доказательства.

— Вы ведь сумеете добиться выделения ресурсов? — с надеждой спросил Массел. — Ваша теория подтверждена такими грандиозными сооружениями. — Он показал на молчавшие кибермашины. — Надо только заручиться поддержкой влиятельных политиков в каких-нибудь комитетах. Ведь это вовсе не провал, ошибка допущена только в одном аспекте.

Троблум старался не смотреть в сторону Эмили. Массел был взят в проект без ведома Мария.

— Да, вероятно, я смогу найти РМЭ для переделки машин.

— Здорово! Вы хотите начать работу прямо сейчас, или сделаем перерыв на несколько дней?

— Сделаем перерыв, — сказал Троблум, сверяясь со списком социальных приоритетов. — Нам всем надо немного отдохнуть. Я пока займусь телеметрией, а тебе пошлю вызов, как только вычислю новый формат фиксирующего поля.

— Ладно. — Массел ободряюще улыбнулся и спрыгнул на пол. — Я как раз пообещал одному технику из «Эфира» совместную поездку на курорт. Сейчас дам ей знать, что освободился.

Он бросил равнодушный взгляд в сторону Эмили и вышел.

— Ресурсы на продолжение работы найдутся? — спросила Эмили.

— Не знаю. Возможно, не от нашего общего друга. — В глубине сознания возникла мысль, что подобный исход выгоден для Мария. Как далеко намерен зайти представитель фракции Ускорителей, чтобы достичь такого результата? — Но я все равно буду продолжать. У меня еще остались личные запасы РМЭ.

Она окинула взглядом колоссальный набор ультрасовременного оборудования, и губы дрогнули в скептической усмешке.

— Отлично. Если понадобится моя помощь, дайте знать.

— Спасибо, — ответил он.

Кабинет Троблума был невелик; всего лишь угол в пристройке, где помещалось большое кресло с высокой спинкой, окруженное объемными проекциями хорошего разрешения. Он плюхнулся на потертое сиденье и уставился в узкое окно, за которым находилась сборочная секция. Теперь, когда он остался один и действие химических препаратов ослабело, ему не хватало смелости начать диагностическую проверку. Новый двигатель должен был плавно выскользнуть из экструдера прямо в модифицированный грузовой отсек «Искупления Меллани». К концу недели Троблум надеялся доказать Содружеству свою правоту, открыть новую страницу в истории Галактики. Разочарование было несвойственно Высшим, но в

данный момент Троблум был близок к тому, чтобы разгромить все кибермашины к чертовой матери.

Спустя некоторое время охранная система проинформировала его о приземлившейся рядом с ангаром капсуле. Он нахмурился, вытащил сенсорный значок из периферийного поля зрения и увидел, как открылась дверца капсулы. Перед ангаром появился Марий.

Троблум не на шутку испугался за свою жизнь. Предупреждения в ресторане вполне хватило, чтобы лишить его покоя. Он был настолько уверен в правильности своего проекта, что не мог не подозревать кого-то в намеренном вмешательстве в процесс изготовления — другими словами, в саботаже. И осуществить его мог только один человек. Троблум оценивающим взглядом окинул корпус «Искупления Меллани». Корабельную защиту не может преодолеть даже снабженный лучшими бионониками представитель фракции.

Но это не выход. Бежать Троблumu было некуда, у него нигде не осталось настоящих друзей. А если Марий явился, чтобы его уничтожить, то делает это по приказу Ускорителей, и бегство под защиту силового поля корабля только отложит неизбежный исход. Надо было заранее подумать о путях отступления.

Троблум неохотно дал команду открыть боковой шлюз ангара.

Марий по своему обыкновению вплыл в кабинет и, не скрывая отвращения, огляделся.

— Так вот где ты проводишь свободное время.

— Ты чем-то недоволен?

— Ничуть. — Марий слабо усмехнулся. — У каждого должно быть свое хобби.

— А у тебя?

— Ничего такого, что пришлось бы тебе по вкусу.

— Зачем ты пришел? Я сделал так, как ты просил. Не обращался к флоту.

— Я знаю. И это не прошло незамеченным. — Он осмотрел огромные силуэты кибермашин за окном кабинета. — Тебе сегодня пришлось несладко.

— Как ты узнал...

Зеленые глаза представителя фракции уставились на Троблума.

— Не будь ребенком. Я здесь по той причине, что тебе нужны дополнительные ресурсы, а у нас есть проект, который тебя может заинтересовать.

— Проект?

Угрозы немедленной ликвидации уже не было, и Троблум не мог сдержать своего любопытства.

— Тебе будет трудно от него отказаться, когда узнаешь все детали. Мы запускаем производство сверхсветовых двигателей. И кто знает, не исключено, что в финансировании появятся кое-какие излишки, которыми ты мог бы воспользоваться.

Троблум представить себе не мог, что за двигатели понадобились фракции Ускорителей, особенно после того, как по просьбе Мария он уже поучаствовал в предыдущем сверхсекретном проекте.

— И ты поможешь мне набрать достаточный РМЭ для переделки этих машин?

— В нашей неопределенности бюджеты сильно оскудели, но весьма возможно, что в случае быстрого и успешного выполнения программы образуются кое-какие не востребуемые излишки, которые можно будет направить на твою работу. Да, еще предлагается особый бонус, вероятно, представляющий для тебя интерес.

— Что за бонус?

— Геном Брэдли Йоханссона.

— Что? Это невозможно. От него ничего не осталось.

— Не совсем так. Он несколько раз проходил процедуру омоложения в одном из Изолированных миров. А мы получили к нему доступ еще несколько веков назад.

— Ты шутишь?

Марий молча приподнял бровь.

— Звучит соблазнительно, — сказал Троблум. — Очень соблазнительно. Мне даже не потребуется много времени на раздумья.

— Ответ мне нужен немедленно.

И Троблум снова задал себе вопрос, что произойдет, если он откажется. В организме представителя фракции он не мог обнаружить никакого внедренного оружия, но это не означало избавления от мгновенной и безвозвратной смерти. Как всегда, кнут и пряник.

— Согласен. Только сначала я пару дней потрачу на анализ того, что здесь произошло.

— Мы бы хотели, чтобы ты немедленно отправился на сборочную платформу.

— Если я не смогу справиться со своей проблемой здесь, вам не будет от меня никакой пользы. Я думаю, ты это понимаешь.

У Мария окаменело лицо, а зеленые глаза потемнели почти до черноты.

— Ну, хорошо. У тебя есть сорок восемь часов. И ни минутой больше. К тому времени ты должен быть уже в пути.

Юз-дубль Троблума получил от Мария файл с подробностями перелета.

— Я вылечу вовремя.

Бионикам пришлось потрудиться на полную мощность, чтобы помочь Троблуму унять дрожь после того, как представитель фракции покинул его кабинет. А избавиться от испарины на спине, промочившей костюм, он и вовсе не смог. Только после того, как сенсоры оповестили Троблума о старте капсулы Мария, он снова постарался сосредоточиться на сборочной площадке. Все как-то очень точно совпало. Проблемы в преддверии успеха. Благородное предложение помочь со средствами для решения этих проблем плюс и вовсе невероятный шанс клонировать Брэдли Йоханссона. Троблум направил поток энергии своих биоников на неподвижные машины.

— Что же натворил этот мерзавец? — пробормотал он.

Объемные проекции вокруг его кресла рассыпались разноцветными формулами, замерцали точки соприкосновения уравнений. Где-то в этой программе, на которую он потратил пятнадцать долгих лет, должна скрываться ошибка, намеренно вставленная команда отказа. Единственным, кто мог это сделать, была Эмили. Троблум выделил сектора, в создании которых она принимала участие. В процессе изучения информации он снова испытал какие-то эмоции. И только немного позже понял, что это была печаль.

Из кабинета в пятом по счету строении от ангара Троблума Экспедитор увидел, как капсула Мария взмыла в небо. Поскольку он пользовался только своими глазами, представитель Ускорителей никак не мог обнаружить слежки.

— Он уехал, — доложил Экспедитор. — А в базовой программе навигации положение этого ангара указано неверно, так что без приглашения сюда попасть практически невозможно. Наверняка здесь что-то замышляют плохие парни. Хотите, чтобы я проник внутрь?

«Нет, спасибо, — ответил представитель фракции Консерваторов. — Пока обойдемся пассивным наблюдением».

— А как насчет этого Троблума? О нем есть информация?

«Судя по имеющимся данным, он сильно увлечен войной против Звездного Странника. Маршруты его полетов представляют определенный интерес, он посещает довольно необычные места».

— Вы думаете, он тоже представитель фракции?

«Нет. Он ученый, имеющий связи в командовании флота».

— Он связан с флотом?

«Да».

— Каким образом?

«Разыскивает и хранит артефакты и сведения о войне. Его интерес граничит с фанатизмом».

— Чем же вызван визит Мария?

«Хороший вопрос. Мы продолжим наблюдение за ним».

— Могу я теперь отправляться домой?

«Да».

— Отлично.

Если он доберется до межзвездной червоточины Аревало за десять минут, то успеет вовремя вернуться и выпить чаю с дочками.

ТРЕТИЙ СОН ИНИГО

Наступил чудесный летний вечер, и яркое солнце над гильдией эгг-шейперов приобрело оттенок раскаленной меди. Эдеард вышел на девятиугольный двор гильдии и удовлетворенно вздохнул, увидев команду из пяти ген-шимпанзе, отдирающих с крыши псарни последние клочки кимха. Их маленькие ручки острыми коготками снимали длинные плотные полосы пурпурной растительности, освобождая участки бледно-серого шифера. Псарни оставались последними строениями, крыши которых еще не были отчищены. Все прочие постройки вокруг двора шимпанзе уже освободили от растительности и отремонтировали. Еще они устранили протечки, вредящие подрастающим ген-формам, прочистили дренажные стоки, переполнявшиеся при каждом дожде. Стены зданий гильдии в результате работы ген-шимпанзе тоже обновились. Густые заросли гурклозы сократились до аккуратных желтых прямоугольников между дверями и окнами, что дало возможность подмастерьям-каменщикам ликвидировать щели и заполнить их свежим раствором. Обрезка растений не проводилась давно, так что еще одним плюсом стал огромный урожай ягод: темно-красные грозди свисали с лозы почти до самой земли.

Эдеард остановился, давая возможность Гонату и Эвоксу загнать на ночь в стойло жеребят ген-лошадей.

— Все вычищены и расчесаны? — спросил он двух юных подмастерьев, а сам провзглядом прошелся по короткой грубой шерсти в поисках пятен грязи.

— Конечно, Эдеард, — возмущенно ответил Эвокс. — Я прекрасно знаю, как подавать команды ген-мартышкам.

Эдеард добродушно усмехнулся, невольно сравнив себя с Акиимом, инструктирующим новых учеников гильдии. Его провзгляд отыскал и Сансию в пустом стойле. Она неподвижно сидела на стуле, а ее третья рука осторожно формировала эмбрион новой ген-формы, развивающийся в яйце. Способная молодежь. Нетерпеливы, но всегда готовы учиться. Две новые ген-лошади были вылеплены Эвоксом без посторонней помощи, и парень очень гордится своими жеребятами.

Прием новых подмастерьев стал для Акиима и Эдеарда началом новой жизни гильдии. Эвокс пришел к ним всего через неделю после судьбоносного путешествия в Визам. Сансия и Гонат переселились в спальни подмастерьев до начала зимы, и еще два фермера пока обсуждали возможность отослать своих детей в гильдию хотя бы на холодные месяцы. Через полгода после прихода подмастерьев, когда они привыкли к новой жизни, дела в гильдии пошли на лад. Эдеард даже обнаружил, что теперь обладает недостижимой прежде роскошью: свободным временем. И это тогда, когда ген-шимпанзе всю занимались ремонтом помещений! Пока новички тренировались отдавать команды шимпанзе, они и сами кое-что сделали внутри: побелили стены, отмыли полы и даже научились заготавливать продукты в кувшинах и бочонках. Значит, грядущая зима будет не такой унылой, как предыдущие.

— Как дела с кошками? — спросил Гонат.

— Я как раз иду их проведать, — ответил Эдеард.

Ген-кошки так хорошо справлялись с перекачкой воды, что совет постановил вырыть второй колодец по другую сторону от скалы. Теперь Эдеарду, кроме формирования ген-форм на замену кошкам в существующем колодце, надо было создать второй комплект. По

правде говоря, животные работали не так долго, как он надеялся, всего пару лет. А формировать их было до сих пор невероятно трудно.

— Не забудьте, что завтра утром привезут продукты с фермы Доддита, проверьте, чтобы в хранилище было достаточно места.

— Ладно, — простонали хором Эвокс и Гонат.

Подмастерья поспешно загнали резвых жеребят в конюшню и убежали, пока Эдеард не нашел им еще каких-нибудь дел. Во дворе было шумно от ржания, блеяния, лая и стука копыт. Как только новые подмастерья освоили базовые принципы формирования, поголовье ген-форм в гильдии сразу же удвоилось. В стойлах теперь было два десятка аморфов, и Акиим уже договаривался с Ведардом о расширении помещений. Большая часть животных по-прежнему расходилась по фермам, но и в самой деревне многие жители расчищали давно неиспользуемые сараи и просили ген-мартышек или шимпанзе. Спрос на ген-волков после возвращения каравана из Визама тоже многократно возрос. Эдеард радовался этому, но тот факт, что взрослые отказывались выслушивать обновленные инструкции, его обескураживал. Старики ворчливо заявляли, что командовали ген-формами еще до появления на свет родителей Эдеарда. Не поспоришь, конечно, но если делать это неправильно и ничего не менять, то ничего и не добьешься. Вот почему в Эшвилле до сих пор бродили плохо управляемые ген-формы, раздражавшие окружающих. Так что Эдеард втайне от родителей старался обучить новым командам хотя бы ребятишек. Лореллан по-своему помогала ему, позволяя принимать участие в своих наставлениях. Против этого никто не осмеливался возражать.

Эдеард вошел в общий зал и взбежал по лестнице, радуясь, что убрался со двора. Гильдия переживала расцвет, поголовье увеличилось, но одним из побочных эффектов этого был сильный запах, распространявшийся из помещений для животных. Через неделю после того, как в спальне поселился Эвокс, Эдеард переехал в комнатку помощника мастера.

«Я пока еще не могу назвать тебя мастером, — печально сказал ему тогда Акиим. — Несмотря на то что ты сделал вне этих стен, несмотря на твое искусство, законы гильдии должны соблюдаться. Прежде чем стать мастером, тебе следует пять лет прослужить помощником».

«Я понимаю», — ответил Эдеард, но в душе посмеялся над формализмом Акиима: «Упаси нас Заступница от стариков, старающихся сохранить порядок в этом мире...»

«И я бы хотел, чтобы ты серьезнее относился к порядкам в гильдии», — резко добавил учитель.

Веселье Эдеарда мгновенно угасло. Похоже, что Акиим способен уловить любые эмоции, как ни старайся их скрыть.

В новой комнате хотя бы имелась кое-какая мебель. Приличный стол, полученный от гильдии плотников, буфет и комод, необходимый для хранения увеличившегося гардероба, кровать с мягким матрацем, набитым гусиным пухом. После нескольких неудачных попыток Эдеард все-таки научил свою личную ген-мартышку основам стирки и теперь раз в неделю получал чистую рубашку, пахнущую лавандой с маленькой грядки на огороде — тот дождался наконец должного ухода.

Эдеард наскоро умылся из фарфорового кувшина, стоявшего на комод. Комплекс построек гильдии еще не был подключен к примитивному деревенскому водопроводу, но Мелзар пообещал исправить это уже к концу месяца. Вместе с кузнецом он пытался построить плиту для подогрева воды, поступающей в дома, и давно экспериментировал с

сетью труб вокруг жаровни. Они все время протекали и лопались, но определенный прогресс уже был достигнут.

Старинным лезвием Акиима Эдеард поскреб клочки волос на подбородке и недовольно поморщился, заметив царапины. Новое лезвие и приличное зеркало стояли в его списке покупок на первом месте. Из стопки оставленной ген-мартышками чистой одежды он выбрал свободную белую рубашку из хлопка и щегольские брюки из армшелка. Эдеард нашел в деревне несколько ткачих, которые в обмен на ген-пауков снабжали его изделиями из этого материала. Акиим знал о неформальном обмене, но только предупредил, чтобы бартер не мешал официальным сделкам гильдии. Ботинки Эдеард носил все те же, что купил в Визаме. За год они немного потерлись, но оставались все такими же прочными и удобными, единственное, что его огорчало, так это то, что обувь опять становилась ему тесноватой. За последний год он вырос еще на два дюйма, но не раздался в плечах. Он очень боялся, что в конце концов станет таким же костлявым, как Фахин.

Из каменного углубления напротив очага в большом зале Эдеард достал кожаную сумку с наплечным ремнем. Это было единственное место, защищенное от случайного прозвляда. Проверив ее содержимое и убедившись, что юные подмастерья до нее не добрались, Эдеард забросил ремень на плечо.

— Настоящий франт, — раздался голос Акиима.

Эдеард вздрогнул и с виноватым видом сжал руками сумку. Он и не заметил, что старый мастер все это время сидел в комнате. Все они с переменным успехом время от времени пытались освоить защиту, применяемую бандитами, но Эдеард сомневался, что Акиим сейчас применил этот метод. Старый мастер всегда обладал способностью просто сидеть неподвижно и становиться незаметным на окружающем фоне.

— Спасибо, — ответил Эдеард и непроизвольно одернул полу рубашки.

— Собираешься уходить? — спросил Акиим, насмешливо махнув рукой в сторону длинного стола, накрытого на пятерых.

Насчет сумки он ничего не сказал.

— Э-э, да. Работа выполнена. Формировать лошадей и собак для фермы Джибита я начну завтра с утра. У трех аморфов намечается овуляция, самцы готовы к оплодотворению.

— Да, некоторые проблемы у других видов решаются проще, — заметил Акиим, многозначительно разглядывая наряд Эдеарда. — Какое же из увеселительных заведений ты собираешься сегодня почтить своим присутствием?

— Ну, таверна мне еще не по средствам. Мы просто собираемся с другими подмастерьями, вот и все.

— Очень хорошо. А среди них случайно не будет представительниц женского пола?

Эдеард поспешно обуздал свои мысли, но избавиться от румянца на щеках не получилось.

— Я думаю, придет Зехар. Может быть, и Калинди тоже.

Он пожал плечами, сохраняя самый бесстрастный вид, на какой только был способен.

На этот раз смутился Акиим, но его разум надежно укрывал мысленный щит.

— Знаешь, парень, надо бы нам с тобой поговорить на эту тему.

— На какую? — с беспокойством спросил Эдеард.

— О девушках, Эдеард. Тебе ведь уже шестнадцать. Я уверен, что ты уже обращаешь на них внимание. Ты ведь знаешь, что именно надо спросить у доктора Сенео, если... представится удобный случай?

Эдеард замер и мысленно взмолился, прося Заступницу, чтобы это кошмар поскорее закончился.

— Я... э-э... да. Знаю. Спасибо.

Прийти к доктору Сенео и попросить флакончик сока винака? Милосердная Заступница, да я лучше совсем его себе отрублю.

Акиим откинулся на спинку стула и поднял взгляд к потолку.

— А, я помню свои любовные приключения в Маккатране. Эти городские девчонки одеваются просто потрясающе. Те, кто из зажиточных семей, целый день только и делают, что наряжаются и причесываются, готовясь к балам и вечеринкам. Ах, Эдеард, жаль, что ты их не видел. Ты бы наверняка влюбился в какую-нибудь с первого взгляда. Нет, конечно, они сильно сердятся, когда сдергиваешь с них лифчик, но зато какой вид...

— Мне пора идти, а то я опоздаю, — выпалил Эдеард.

В возрасте Акиима не стоит употреблять такие слова, как «любовные приключения» и «лифчик».

— Да, конечно. — Старый мастер улыбнулся своим мыслям. — Я удерживаю тебя здесь из чистого эгоизма.

— Несколько минут у меня еще есть.

— Я говорю не о сегодняшнем вечере.

— Гм...

— Мне больше нечего тебе дать, Эдеард. Ты почти превзошел своего мастера. Думаю, тебе пора отправляться в Маккатран, чтобы продолжить обучение в Синей башне. Меня там еще должны помнить. Да и мое звание кое-чего стоит. Я мог бы написать тебе рекомендацию.

— Я... Нет. Нет, я не уйду.

— Почему же? — негромко спросил Акиим.

— В Маккатран? Я? Нет, это невысказано. Это... Это так далеко, я даже не знаю где. Как я туда доберусь?

— Так же, как все, мой мальчик. С караваном. В этом путешествии нет ничего сверхъестественного. Ты должен научиться заглядывать за горизонт, а если останешься в Эшвилле, он будет тебя сковывать. Я не хочу, чтобы ты попусту растрчивал свой талант. В мире есть и другая жизнь, не только жалкое существование в нашей деревне на краю дикого леса. В этом ты убедишься еще по пути в Маккатран.

— Вряд ли я зря растрчиваю свой талант, оставаясь здесь. Я нужен нашей деревне. Вспомните только, насколько увеличилось поголовье ген-форм.

— Ты так думаешь? Ты раздражаешь местных жителей, Эдеард. Ты силен и умен, а они не могут похвастаться ни тем, ни другим. Нет, не пойми меня превратно, это прекрасное место для таких как я, кто доживает оставшиеся дни. Но не для тебя. Поверь мне, Эшвилле жил сотни лет без тебя и проживет еще столько же. Эти люди так упрямы, так приросли корнями к месту, что и без тебя никто из них не провалится в черное сердце Хоньо. На следующей неделе я напишу письмо. А к концу месяца подойдет караван Бар-куса. Мы с ним давно знакомы, и он мне кое-чем обязан. Ты сможешь отправиться с его караваном.

— В этом месяце? — изумленно прошептал Эдеард. — Так скоро?

— Да. Откладывать поездку нет смысла. Я уже все обдумал.

— А новые ген-кошки...

— Я справлюсь, Эдеард. Прошу, не делай этот нелегкий для меня шаг еще труднее.

Эдеард подошел к старому мастеру.

— Спасибо, сэр. Это... — Он вдруг усмехнулся. — Трудно себе представить.

— Ха! Посмотрим, как ты будешь меня благодарить через год. Мастера Синеи башни совсем не такие мягкосердечные, как я. Они вобьют в твою голову понятия о почтительности. Твое тело покроется синяками еще до конца первого дня обучения.

— Я выдержу, — заверил его Эдеард. Он положил руку на плечо Акиима и открыл свои мысли, наполненные любовью. — Я докажу, что вы не зря отправили меня к ним. Что бы ни случилось, я все снесу ради вас. И никогда не дам повода сомневаться в вашем ученике. Вы будете мной гордиться.

Акиим взял его руку и крепко сжал.

— Я уже тобой горжусь. А теперь иди. Ты попусту теряешь время, пока твои друзья веселятся. Иди, а мне предстоит очередной ужин с юными недоумками, придется выслушивать их глубокомысленную болтовню и отвечать на заковыристые вопросы.

Эдеард рассмеялся.

— Какой же я плохой ученик, раз оставляю своего мастера на такие мучения.

— И в самом деле. Уходи, ради Заступницы. Дай мне собраться с духом, иначе я сбегу в таверну.

Эдеард повернулся и вышел из зала. Он почти остановился, чтобы полюбопытствовать, что имел в виду Акиим, говоря, что он раздражает местных жителей. Но решил, что успеет спросить утром.

— Эдеард, — окликнул его Акиим.

— Да, мастер?

— Хочу тебя предостеречь. Помалкивай о том, что уезжаешь, не говори даже своим друзьям. Зависть — не самый приятный цветок, и он пахнет обидой.

— Хорошо, мастер.

Солнце уже спустилось до верхушки крепостной стены, и Эдеард поспешил свернуть с главной улицы в переулок, ведущий к гранитной скале на окраине деревни. В голубом небе, словно столбы утреннего тумана, уже выростали призрачные колонны ночного сияния. Старина Булуку застыл прямо над головой. Фиолетовая струя коварной змеей скользила по небу своей дорогой, постичь которую был не в силах ни один из астрономов Кверенции. Ее путь не могли изменить ни смена времен года, ни движение солнца. Эдеард увидел, как по всей ее длине в течение нескольких минут бежали ярко-голубые отблески, слишком слабые, чтобы вызвать тени на высохшем грунте дорожки. Море Одина — неправильный овал мерцающего зеленовато-голубого тумана, появляющийся летними ночами, — уже двинулось к северному краю горизонта. Последователи Заступницы говорили, что там находится Ядро Бездны, куда Небесные Властители уносят души мужчин и женщин, чтобы те могли грезить в тихом блаженстве до конца своего существования. Эта участь была уготована только самым достойным, и в небесах Кверенции так давно не видели Небесных Властителей, что они превратились в легенду, поддерживаемую лишь последователями Заступницы. Из неровных краев Моря Одина выступали алые рифы, куда Небесные Властители отправляли души менее достойных людей, чтобы те медленно падали в сердце Хоньо, навстречу полному забвению.

Эдеард частенько недоумевал, не исчезли ли эти великие существа из-за того, что им приходилось уносить так много недостойных людей. Значит, мы по своему невежеству сами виноваты в упадке этой Вселенной. К счастью, учение Заступницы говорило, что люди

просто ослабели духом и потому Небесная Заступница была призвана Первожителями, чтобы направить их на путь истинный, который и приведет в Ядро Бездны. Жаль только, что в нынешнее время к словам Заступницы прислушиваются лишь немногие.

— Призываешь Небесных Властителей? — раздался рядом голос.

Эдеард с улыбкой обернулся. Его про-взгляд отыскал ее еще десять минут назад, на пороге церкви. Именно из-за нее он и выбрал этот маршрут. Из теней рыночной площади вышла Салрана. Позади пустых палаток и прилавков церковь со спокойной уверенностью возвышалась над остальными зданиями деревни. Прозрачная крыша мерцала отблесками горящих внутри лампад.

— Они не отвечают, — сказал он. — Никогда не отвечают.

— Когда-нибудь ответят. Кроме того, ты еще не готов к отплытию в Ядро Бездны.

— Нет, не готов.

Он был не в состоянии поддержать ее добродушную насмешку. Отъезд в Маккатран, такой далекий, казался Эдеарду почти равносильным полету в Ядро. «Что она будет делать после моего отъезда?» — подумал он.

Этим летом вырос не только Эдеард. За последние пару лет Салрана тоже прибавила в росте несколько дюймов. Плечи у нее стали шире, как будто девочка превращалась в обычную крепкую крестьянку, но, в отличие от сверстников, которые становились все более массивными, готовясь к столетию тяжелой работы на земле, она оставалась стройной и хрупкой. Простая бело-голубая одежда послушницы плотнее обтягивала тело, и Эдеард, глядя на нее, испытывал одновременно восторг и смущение. Это обстоятельство усугублялось еще и тем, что девушка постепенно избавлялась от детской пухлости, и в ее лице проявились высокие скулы, каких он не видел больше ни у кого. Уже всем было видно, какой красивой она станет спустя некоторое время. К счастью, Салрана все еще мучилась от своих веснушек, а ее медно-рыжие волосы оставались такими же непослушными, как в детстве. Если бы не это, Эдеард испытывал бы большие трудности в ее обществе. Пока же их дружба вызывала у него одновременно и радость, и страх. Салрана была еще слишком молода для того, чтобы делить постель с мужчиной, но он не представлял, что произойдет, когда она еще немного повзрослеет. После таких размышлений он опасался, что Небесная Заступница поразит его огненным копьем самого Хоньо. Впрочем, ее служительницам не возбранялось выходить замуж.

«Теперь это не важно, — подумал Эдеард. — Если даже я сюда вернусь, то лишь через несколько лет. К тому времени у нее будет тупица-муж и трое ребятишек».

— У тебя какое-то странное настроение, — с невинным любопытством заметила Салрана. — Что-нибудь случилось?

— Да, вроде того. Я получил хорошие новости. Великолепные. — Он предостерегающе поднял руку. — И я тебе о них расскажу, только немного позже.

— Господи, какие могут быть секреты в Эшвилле? Спорим, я обо всем узнаю завтра еще до полудня.

— Спорим, что не узнаешь.

— На что спорим?

— Ни на что. Это было бы нечестно. Это личное дело.

— Ты ведешь себя просто жестоко. Но я попрошу Заступницу, чтобы она тебя простила.

— Ты очень добрая.

Салрана подошла к нему вплотную и ласково улыбнулась.

— А ты собрался в пещеры?

— Да, один или два подмастерья сказали, что заберутся туда. И я тоже решил к ним присоединиться.

— А когда меня туда пригласят?

— Вряд ли мать Лореллан одобрит твои ночные вылазки.

— Ха. Добрая матушка не знает о многих моих проделках.

Салрана решительно тряхнула волосами и расправила плечи. Постояв в агрессивной позе не больше двух секунд, она начала хихикать.

— Я буду молиться, чтобы она и дальше оставалась в неведении. — сказал ей Эдеард.

— Спасибо. — Ее пальчики игриво пробежались по его руке. — Кто бы мог такое представить еще несколько лет назад? Мы оба счастливы, и ты стал своим среди других парней.

— До того, как они меня приняли, я участвовал в бою.

Убивал людей. Даже теперь он видел искаженное страхом и удивлением лицо бандита перед тем, как тот врезался в дерево.

— Конечно, это свойственно всем мальчишкам. Как и ночные походы в пещеры. Все мы должны приспособиться к здешней жизни. Эдеард. Нам суждено провести в Эшвилле долгие—долгие годы.

Он не нашел слов для ответа и только напряжено улыбнулся.

— И будь осторожен с Зехар. Она давно похвается, что скоро окрутит тебя. Девушка весьма красноречива в своих мечтаниях. Особенно для подмастерья пекаря.

— Она? Она собирается?..

На лице Салраны вспыхнула издевательская усмешка.

— Да—да. — Затем она хихикнула и послала ему воздушный поцелуй. — Не забудь все подробно мне рассказать. Очень хотелось бы узнать, способен ли ты на такие непристойности.

С этими словами она повернулась к нему спиной, приподняла подол юбки и побежала вниз по склону, продолжая хихикать.

Эдеард выдохнул. Его мысли беспорядочно металась в голове, а ноги противно дрожали. Если у него и имелась причина остаться в Эшвилле, то сейчас он смотрел именно на нее. Его про—взгляд провожал Салрану и после того, как она свернула за угол на главную улицу. Эдеард следил за ней до тех пор, пока не убедился, что девушка, выполнявшая какое—то поручение, не оказалась в безопасности.

В скалах позади Эшвилля имелось немало пещер. Многие из них использовались уже не одно десятилетие. В тех, где держалась постоянная температура и влажность, долгими зимами хранили всевозможные припасы. Самые большие пещеры давно превратились в надежные амбары. Но ни одна из них Эдеарда не интересовала. Он направился к узкой, причудливо изогнутой трещине в скале всего в тридцати ярдах от основания крепостного вала. Чтобы добраться до нее, ему пришлось вскарабкаться на груды округлых булыжников, потом ухватиться за нависающий выступ и протиснуться в темную расщелину. Более крупный человек сюда бы не поместился, да и сам Эдеард мог бы ходить этим маршрутом еще только год или два. Он оказался в постепенно расширяющемся проходе, куда не проникали телепатические посылы жителей деревни. Теперь его мир ограничивался влажной темнотой, и даже про—взгляд не мог пробиться сквозь толщу скалы. Все ощущения ограничивались открывшейся впереди пустотой. И только после пологого поворота он

увидел впереди мягкий желтоватый свет.

В узкой пещере под проходящей высоко над головами трещиной вокруг пары старых коптящих масляных ламп собрались семь подмастерьев. Приход Эдеарда нарушил их разговор, но молчание быстро сменилось приветственными улыбками. Ощущение причастности к их кружку не переставало радовать юношу. Даже Оброн приветливо махнул рукой, а Фахин жестом предложил сесть рядом с ним. Эдеард постарался пройти как можно дальше от Зехар, а на ее кошачью усмешку ответил нервной улыбкой.

— Я думал, ты уже не придешь, — сказал Фахин.

— Я просто немного задержался, — ответил Эдеард.

Открыв кожаную сумку, он достал и высоко поднял большую бутылку с вином, чем заслужил одобрителный свист.

Фахин наклонился к его уху.

— Я решил, что ты сбежал в страхе перед Зехар, — многозначительно подмигнув, прошептал он.

— Милосердная Заступница, неужели она всем рассказывает обо мне?

— Я подслушал ее разговор с Марили. Она просила Келину достать у доктора Сенео пузырек с соком винака. Я думал, ты в курсе.

— Нет, не в курсе, — буркнул Эдеард.

— Ладно. Если возникнет такая потребность, просто скажи мне. Я смогу достать тебе флакончик так, что никто не будет об этом знать, тем более Сенео.

— Спасибо, я запомню.

Фахин кивнул, не проявляя дальнейшего интереса к этой теме, о чем свидетельствовали и его пассивные поверхностные мысли. Он открыл свою старую сумку на поясе и достал несколько высушенных листьев кестрика. Теперь они двое стали центром нескрываемого интереса со стороны остальных подмастерьев, собравшихся в пещере.

Эдеард уселся поудобнее и откупорил бутылку. Вино было темно-красным, что, по словам Акиима, свидетельствовало о его высоком качестве. Сам Эдеард в этом не разбирался. Все вино в Эшвилле обладало сильным привкусом, остающимся во рту даже на следующий день. Эдеард полагал, что со временем привыкнет к нему, но чтобы получать удовольствие...

— Фахин, каким ты себя видишь лет через пятьдесят?

Тощий ученик доктора поднял взгляд от приготовленной сланцевой ступки.

— Дружище, ты сегодня что-то слишком серьезен. Имей в виду, она действительно производит эффект.

На мгновение Эдеард решил, что речь идет о Салране, но взгляд Фахина, усиленный толстыми линзами, метнулся в сторону Зехар.

— Нет, это не то, — раздраженно отмахнулся Эдеард. — Только представь, прошло пятьдесят лет. Чего ты ждешь от жизни?

— Ну, я обязательно стану доктором. Сенео ведь намного старше, чем это кажется со стороны. А она говорит, что таких многообещающих учеников, как я, не было уже много лет.

Он начал растирать листья в ступке, вращая пестик плавными неторопливыми движениями.

— И это все? Деревенский доктор?

— Да. — Фахин больше не смотрел на Эдеарда, в его мыслях проскользнул оттенок нетерпения. — Я не такой, как ты, Эдеард. И пусть меня заберет Хоньо, я даже не такой, как

Оброн. Я уверен, что при тебе гильдия эгг-шейперов уже в следующем столетии обретет небывалое величие. Возможно, лет через тридцать ты станешь мэром. Эшвилль прославится по всей стране, сюда начнут стекаться толпы людей, и наш край дождетса процветания. В этом мы все на тебя надеемся. А в таких условиях быть доктором и твоим другом весьма почетно.

— Ты действительно считаешь, что я на это способен?

— Ты *сможешь* это сделать. — Фахин растер в пыль последние кусочки листьев. — В противном случае ты поведешь армию варваров на штурм Маккатрана и разрушишь старые порядки. В тебе есть особая сила. Я это видел. Мы все видели. Такая сила привлекает людей.

— Не говори так, — попросил Эдеард. — Даже в шутку.

— А кто шутит?

Фахин насыпал порошок кестрика в маленькую белую фарфоровую трубку и добавил немного табака.

Эдеард с беспокойством смотрел на друга.

«Так вот что думают люди! И поэтому я их раздражаю!»

— А знаешь, сторожа на башнях по ночам видят про—взглядом твоих быстролисов, — сказал Фахин. — Ты по—прежнему удерживаешь их снаружи?

— Что? Нет! Я прогнал быстролиса сразу, как только мы вернулись; ты ведь был рядом и сам все видел. Да и как эти старые дурни могли что—то увидеть? Они спят большую часть ночи, кроме того, не в состоянии отличить одного зверя от другого.

— Быстролисы были в ошейниках.

— Это не мои! — возразил Эдеард. — Постой, лис был не один? Ты же знаешь, что я управлял только одним зверем. А когда они их видели? — заинтересовался он.

Фахин чиркнул спичкой и сильно затянулся, загоня пламя в чашечку трубки.

— Точно не помню. — Он выпустил клуб дыма. — Кажется, пару месяцев назад.

— Почему никто мне не сказал? Я бы мог выяснить, правда это или нет.

— А зачем?

Спичка догорела, Фахин сделал глубокую затяжку, и его взгляд мгновенно утратил четкость.

Эдеард смотрел на своего друга с растущим беспокойством. Все они собрались в пещере, чтобы выпить, покурить и поболтать, как поступали все подмастерья с самого основания Эшвилля. Но Фахин с недавних пор стал употреблять кестрик почти каждый вечер, и после возвращения каравана из Визама эта привычка быстро укреплялась.

— Милостивая Заступница, — прошептал Эдеард и обернулся к другому подмастерью.

«Может, и правильно, что я уеду отсюда».

Фахин передал трубку соседу. Зехар, не переставая хищно улыбаться, протянула руку к бутылке Эдеарда. Прежде чем передать ей вино, он с преувеличенной жадностью сделал большой глоток.

...Первым, что ощутил Эдеард после пробуждения, был сильнейший приступ тошноты. Попытавшись перевернуться, он сильно ударился виском о холодные доски пола. Он даже не сразу понял, что лежит не на своем чудесном мягком матрасе, а почему—то прямо на полу, рядом с кроватью, к тому же полностью одетый, если не считать одного сброшенного ботинка. И изо рта жутко воняет!

Эдеард застонал и снова ощутил, как к горлу поднимается кислота. Отказавшись от попыток контролировать свой организм, он уступил позывам рвоты. А через мгновение его

охватил ужас, выступивший холодной испариной из каждой поры тела. Дрожащими руками Эдеард попытался стереть клейкую жидкость, капающую с губ, и едва не заплакал от жалости к самому себе. Он мог бы смириться с похмельем, даже таким сильным, какое давало красное вино, но сейчас испытывал нечто более страшное, чем расплата за невоздержанность. Эдеард вспомнил. Лес. Засада бандитов.

Его тело среагировало на алкоголь и пару затяжек трубки. А разум на глубинном инстинктивном уровне вопил о смертельной опасности, надвигающейся из темноты. Эдеард заставил себя сесть. Слабый рассеянный свет ночного неба, проникающий сквозь щели в ставнях, позволил осмотреть комнату. Все было в порядке. Все, кроме него самого. Он всхлипнул, не в силах сопротивляться животному ужасу, почти ожидая, что его в любой момент поглотит какое-то чудовище. Похмелье отдавалось в голове пульсирующей болью. С трудом сосредоточившись, он медленно открыл про-взгляд и осмотрелся.

Трое младших подмастерьев спали в своих постелях. Эдеард продвинул про-взгляд дальше, едва не плача от острой боли позади глаз. Аким тоже мирно храпел в своей комнате. Во дворе подрастающие ген-формы, как и всегда, спали стоя, переступая с ноги на ногу и пофыркивая. Две кошки неторопливо пробирались по крыше, выслеживая мелких грызунов. Ген-волк, сидя на привычном камне у ворот деревни, медленно поворачивал голову, послушно наблюдая за дорогой.

Эдеард в изнеможении застонал и отвел про-взгляд. Он все еще дрожал от холода. Влажная и липкая на груди рубашка невыносимо воняла. При малейшем движении его снова начинало тошнить. Он не без труда освободился от рубашки, дотянулся до стакана с водой, стоявшего на прикроватной тумбочке, и отпил несколько глотков. Из комода, с самого дна одного из ящиков, Эдеард достал мешочек вымоченных в масле лепестков джуна, приготовленных Фахином. Он развязал бечевку, закрыл глаза и положил в рот один лепесток. Снадобье обладало отвратительным вкусом, но Эдеард протолкнул его в горло последним глотком воды.

За все шестнадцать прожитых лет ему еще никогда не было так плохо. И страх все еще не унимался. От нового приступа дрожи на глазах выступили слезы, а руки непроизвольно обхватили плечи.

«Что со мной происходит?»

Он доковылял до окна и распахнул ставни. В комнату ворвался прохладный ночной воздух. Море Одина уже почти спустилось за горизонт, а это означало, что после полуночи прошло около двух часов. Впереди бледными пятнами в призрачном свете звездных туманностей простирались соломенные крыши низеньких домишек. Ничто не двигалось. Но от одного вида этой безмятежной картины Эдеарду стало еще страшнее. На мгновение в ушах зазвенели крики, перед глазами мелькнули языки пламени. Живот опять скрутило болью, так что Эдеард привалился к подоконнику.

«Заступница, за что мне все это?»

Выпрямляясь, он инстинктивно взглянул на ворота в крепостной стене и две сторожевые башни. Ни одного из часовых не было видно. Впрочем стояла ночь, а ворота находились в доброй полумиле. Эдеард решительно набрал полную грудь воздуха и уперся обеими руками в оконную раму. Он снова сосредоточился на про-взгляде. «Если там все в порядке, — решил он, — я иду спать».

Сторожевые башни были построены из гладкого камня, а в течение последующих десятилетий их еще укрепили изнутри толстыми брусьями. В их стенах до сих пор не было ни

одной пробоины, но сверху вниз уже поползли извилистые трещины. На широких парапетах башен могли одновременно поместиться до десяти воинов, и в их распоряжении имелось несколько тяжелых орудий, угрожавших любому глупцу, осмелившемуся штурмовать ворота. Сегодня на восточной башне никого не было. А вот на парапете западной башни под сигнальным колоколом стоял человек. Он повернулся и посмотрел на деревню. У его ног на каменных плитах лежали три тела.

Эдеард испуганно вздрогнул и попытался изменить фокусировку про—взгляда. Мысли одинокого мужчины мерцали оттенком удовлетворения Эдеард ощутил его злобную усмешку.

«Привет», — донесся до него телепатический посыл.

У Эдеарда сжалось горло, он перестал дышать.

— Кто ты?

В его голове зазвучал мысленный смех.

«Нам известно, кто ты такой. Мы все о тебе знаем, смышленный мальчишка. Мы знаем, как ты поступил с нашими друзьями. И поэтому сегодня ты — моя добыча. Обещаю, твоя смерть не будет быстрой».

Эдеард ахнул и отпрянул от окна. Но слабое ощущение прикосновения чужого про—взгляда все равно осталось. Он вложил в телепатический посыл все свои силы:

— Акиим! Акиим, проснись. Бандиты! Бандиты уже в деревне!

Его мысленный вопль стал своеобразным сигналом. Мягкое сияние мыслей проявилось на дорожках и переходах между строениями гильдии. Эдеард закричал. Бандиты были повсюду!

Как их много! Здесь собрались негодяи со всего дикого леса.

— Во имя Заступницы, что случилось? — донесся мысленный вопрос сонного Акиима.

— Бандиты! — снова крикнул Эдеард и мысленно, и вслух. — Сотни бандитов. Они уже здесь.

Он обратился сразу ко всем ген—волкам, оставшимся в гильдии, и да: команду атаковать чужаков. В ответ по двору раскатился угрожающий рык.

На улице у гильдии появились пятеро бандитов. Они излучали силу и уверенность и уже не старались остаться незамеченными. В отличие от своих лесных собратьев, они не были измазаны грязью и носили простые темные куртки и крепкие ботинки. И они не пользовались ни луками, ни стрелами. Вместо этого грудь каждого пересекали два ремня крест—накрест, к которым были пристегнуты небольшие металлические коробочки и несколько кинжалов. Эфир вокруг бандитов дрожал от телепатических посылов. А потом Эдеард заметил рядом с каждым по паре быстролисов.

— Милосердная Заступница, — выдохнул он.

Его мозг уловил посылы Акиима, обращенные к старейшинам деревни, и в них короткие и четкие команды объявить общую тревогу.

Но было уже поздно. Над крышами Эшвилля взметнулось пламя. Ярко горящие факелы, пропитанные маслом, взлетали в воздух и, направляемые телекинетической силой, падали прямо на соломенные кровли. Сухая погода, стоявшая в последние месяцы лета, способствовала распространению огня, и вскоре вся деревня запылала оранжевым костром.

По двору гильдии пронеслись ген—волки. Эдеард, протянув третью руку, распахнул перед ними ворота. И тогда он впервые услышал этот грохот. Ужасный оглушительный раскат, словно выстрелили сразу сотни пистолетов. В открытом окне полыхнули белые

вспышки, а в его голове отозвались злорадные мысли бандитов. Ген-волки попадали на землю; их тела изрешетили пули, а через мысленную связь пронеслись импульсы мучительной боли. Те, которые сумели уцелеть под выстрелами, были атакованы быстролисами. Металлический грохот затих, а звери сцепились между собой, принялись прыгать, вертеться и рвать друг друга клыками.

В этот момент Эдеард услышал женский крик. В нем было столько смятения и боли, что он не осмелился посмотреть на жертву про-взглядом, он знал, что означает такой крик. Знал, что это значит для любой женщины деревни. Или девочки.

Его пронизывающая расстояние мысль метнулась к церкви.

— Салрана!

«Эдеард, — донесся до него ее посыл. — Они здесь, они уже в церкви».

Его мысль мгновенно отыскала ее, словно подсветив мощным лучом. Салрана закрылась в своей комнатке в покоях настоятельницы, примыкающих к церкви. А под куполом церкви между пустыми скамьями в сопровождении быстролисов уже шли трое бандитов, излучавших презрение и злобное торжество. Мать Лореллан, поднявшись с кровати, спешила в церковь навстречу осквернителям. Для служительницы богини ее мысли сияли необычайно сильной агрессией.

Эдеард понимал, что бандиты и их звери через минуту разорвут ее в клочья.

— Беги, — крикнул он Салране. — Беги быстрее. Выпрыгни из окна в сад. Старайся не попадаться им на глаза и пробирайся к рыночной площади. На мостовой нет огня. Я встречу тебя у палатки взвешивания зерна.

«Ой, Эдеард!»

— Не медли. Беги скорее.

Он бросился к окну. В несколько прыжков он оказался на улице. Бой быстролисов с выжившими ген-волками уже почти закончился. Если здесь и остался еще кто-то из зверей, он сможет с ними справиться. Напротив гильдии полыхал весь ряд домов. Из распахивающихся дверей выбегали мужчины, закрытые щитами, с ножами в руках. Бандиты подняли свое оружие, и снова раздался грохот. Они как-то умудрялись перезаряжать свои пистолеты с невероятной быстротой и посылали подряд десятки пуль. Эдеард в оцепенении смотрел, как плоские предметы в их руках плюются пурпурно-филовым пламенем. Пули легко пробивали щиты, и жители деревни один за другим падали на землю в страшных мучениях.

— Мерзавцы! — крикнул Эдеард и рванулся вперед.

«Нет! Стой!»

Телепатический посыл Акиима был настолько мощным, что половина людей застыла на месте. На несколько мгновений стих даже грохот оружия.

Эдеард приземлился и едва не вскрикнул от боли в босой ноге. Ближайший к нему бандит пригнулся, словно собирался схватиться врукопашную. Каким-то образом Эдеард чувствовал сразу и Акиима, и бандита на сторожевой башне и знал, что оба они затаили дыхание. Бандит на улице, торжествующе оскалив зубы, поднял оружие. Эдеард третьей рукой потянулся к его руке. Он не был уверен, что даже его щит сможет устоять против множества одновременно бьющих пуль, но, как и с любым другим оружием, для выстрела надо было нажать на курок. Бандит вытаращил глаза, ощутив на себе силу телекинеза Эдеарда. А потом улица огласилась воплями, когда третья рука Эдеарда быстро переломала ему все пальцы по очереди. Эдеард стал поворачивать оружие под изумленным взглядом

бандита, пока дуло не уперлось в грудь стрелка. А потом резко нажал на курок. Разряд, хоть и длился долю секунды, оказался необычайно мощным. Потом внутри оружия сработал какой-то механизм, и сердце бандита взорвалось. Обрывки плоти и брызги крови окропили пыльную улицу.

Еще трое бандитов подняли оружие. Эдеард напрягся, обхватил их тела третьей рукой и лишил возможности двигаться.

— Разберитесь с ними, — крикнул он оставшимся в живых крестьянам, выбежавшим из горящих домов.

«Твоя смерть будет неимоверно мучительной», — уловил он посыл бандита со сторожевой башни.

За спиной Эдеарда громынуло оружие. Резко обернувшись, он увидел, как падает пятый бандит, не устоявший под натиском целой стаи ген-мартышек, проинструментированных Акиимом.

— Я же сказал остановиться, — упрекнул его учитель.

— Спасибо, — ответил Эдеард.

Жестокость крестьян, набросившихся на неподвижных бандитов, его неприятно поразила. Он ослабил хватку на окровавленных трупах. Люди, опомнившись, повернулись к нему, ожидая указаний.

Собирайтесь все вместе во дворе гильдии, — сказал им Эдеард, припомнив действия Мелзара во время нападения в лесу. — Держитесь единой той, так ваша защита будет крепче.

И ты тоже иди с нами, парень, — позвал его Акиим, увидев, что Эдеард ял оружие одного из бандитов.

про-взгляд открыл ему внутреннее устройство, оказавшееся невероятно сложным. Эдеард ничего не понял в работе механизма, кроме того, что надо нажимать на курок и еще что в передней камере металлического футляра лось не так уж много пуль.

- Я должен помочь Салране.

- Нет. Здесь все кончено. Уходи. Живи, Эдеард, я прошу тебя. Постарайся пережить эту ночь, не дай им одержать победу.

Эдеард пустился бегом по улице, морщась от боли при каждом шаге босых ног.

- Нельзя допустить, чтобы они разрушили всю деревню.

- Они уже сделали это, мой мальчик! Беги и прячься!

Его про-взгляд постоянно осматривал путь в поисках новых бандитов, переулка навстречу выскочил быстролис. Эдеард почти поравнялся дм, а потом проник третьей рукой в череп и вырвал мозг. При этом он ощутил злобу зверя, обжигающую, словно пламя факела. От полыхающих домов на улице стало светло задолго до рассвета. Ночную тишину прогнали утихающие крики, стоны, грохот оружия и треск огня.

«А ты ловкий парень, верно?» — послышался в его мыслях насмешливый голос бандита с башни.

Эдеард направил туда свой про-взгляд, но на башне уже никого не было. Быстрый осмотр не выявил ничего, кроме разбитых ворот и мертвых сторожей.

- Где ты? — с досадой воскликнул Эдеард. — Акиим. помоги, я не чувствую и половины бандитов.

Физический слух уловил щелчок механизма, и Эдеард инстинктивно усилил защиту. Из дома, мимо которого он пробежал, вырвалась очередь выстрелов. Позже он решил, что ему повезло: бандит плохо прицелился, и в Эдеарда попали не все пули. Да еще в мозгу

послышатся чей-то слабый телепатический посыл: «Нет, только не его». Но даже и при этом ударная сила отбросила его назад и почти оглушила. Третья рука Эдеарда непроизвольно потянулась к источнику выстрелов. Бандит, слегка пошатываясь, уже выходил на дорогу. Эдеард дотянулся до горячей соломенной крыши и резко дернул. Языки пламени взметнулись к небу, а остатки крыши рухнули на голову бандита, тот упал на колени и завопил, но, к счастью, его крики быстро затихли.

«Ты в порядке?» — спросил Акиим.

Эдеард со стоном поднялся на ноги. Вокруг повсюду бушевали пожары, в ночное небо то и дело взмывали столбы искр, из дверей и окон домов вырывались оранжевые потоки. От невыносимого жара кружилась голова, и казалось, что не защищенная одеждой кожа вот-вот почернеет и вздуется пузырями.

— Я здесь, — ответил он, — но я не чувствую их, я не знаю, где они находятся.

Он был уверен, что бандит из сторожевой башни уже подкрадывается к нему, скрываясь за бушующим пламенем и оседающими стенами домов.

«Попробуй вот это», — сказал Акиим.

Тон его телепатического посыла стал высоким, словно звонкая птичья трель. Эдеарду казалось, что эта песня до отказа заполнила его разум. В ней содержались знания, грани таланта, мысли и даже воспоминания, позволяющие осуществить особые действия разума. Учась формировать зародыши, Эдеард усвоил множество базовых толкований, но это оказалось намного более сложным. Когда песнь закончилась, он начал объединять свой прозгляд и третью руку в единую силу, которая образовала вокруг оболочку непроницаемой темноты. Теперь он как будто попал в сгусток плотного тумана.

«Я прошу тебя, — снова заговорил Акиим. — Уходи. Не рискуй своей жизнью. Эдеард, воздержись от напрасного риска. Пожалуйста. Запомни: Синяя башня в Маккатране. Иди туда. Раскрой свой дар».

— Я не могу вас оставить! — закричал он в кошмарную ночь.

«С деревней покончено. А теперь уходи. Ступай, Эдеард. И пусть наши старания не пропадут понапрасну».

Эдеарду хотелось опровергнуть слова старого мастера, сказать, что его отважные друзья-подмастерья и мастера вроде Мелзара и Бедарда сумеют дать отпор. Но, взглянув на окружающий хаос и огненный шторм, он понял, что был бы неправ. Вокруг все еще раздавались отчаянные крики, рычание быстролисцов и грохот оружия. Бандиты встречали сопротивление только поблизости от нескольких гильдий, а вся остальная деревня уже пала. Спасать было некого. Кроме Салраны.

Эдеард снова заставил себя бежать к рыночной площади. Мимо него по улице, не дальше, чем в пяти ярдах, проскочил бандит — и даже не заметил присутствия Эдеарда. Тот мог бы убить его без труда, хотя бы в отместку за гибель своих соотечественников, но тогда выдал бы себя. Несмотря на охвативший его гнев и отчаяние, Эдеард понимал, что для борьбы с человеком со сторожевой башни у него нет ни сил, ни опыта.

По пути к рынку он проскочил еще мимо трех разбойников. Вокруг площади повсюду бушевал огонь, но ближе к центру было уже не так жарко. Вдруг он увидел, что двое мужчин удерживают лежащую женщину и смеются, наблюдая, как третий ее насилует. Быстролисы, охраняя своих хозяев, образовали вокруг них кольцо.

Этого Эдеард стерпеть не смог. Он даже узнал женщину, хотя и не вспомнил ее имени, — она помогала подготавливать шкуры в дубильной мастерской.

Бандиты ни о чем не догадывались, пока их быстролисы не развернулись мордами внутрь кольца и не зарычали, показав клыки величиной с человеческий палец.

— Что за... — только и успел выкрикнуть один из насильников.

Он поднял оружие, но было слишком поздно. Звери прыгнули, и по площади разнеслись отчаянные вопли терзаемых разбойников.

«А, вот ты где, — раздался в голове злорадствующий телепатический голос. — А я уж испугался, что ты от меня ускользнул».

Эдеард зарычал от ярости, подняв взгляд к затянутому дымом ночному небу. Как он ни старался, отследить источник посылы он не мог.

«Ну и что же ты намерен здесь делать, кроме как истреблять моих товарищей? Ах, да, уже вижу».

Эдеард уже заметил, что Салрана, спрятавшись под прилавком весовой, озадаченно смотрит вверх. Он со всех ног устремился к ней.

«Он на рыночной площади, — на всю деревню объявил бандит. — Окружайте».

Эдеард почувствовал, как все разбойники повернулись в его сторону.

«А она хорошенькая. Очень молода, к тому же из церкви, верно? Да, я ее: наю. Позволь тебя поздравить, ловкий парнишка. Отличный выбор. Ради такой девчонки можно и рискнуть».

Эдеард добрался до Салраны и окружил ее своей защитной маскировкой. Его появление вызвало у нее изумленный возглас.

«Вот я тебя и поймал».

Эдеард отчетливо ощущал злорадное удовлетворение в посыле бандита. Он даже почувствовал, как тот напряг мышцы ног, чтобы добраться до испуганного мальчишки.

«В самом конце я пришил тебе веки, чтобы ты не мог закрыть глаза и видел, как я ее трахаю, — объявил бандит, наполняя свой посыл предвкушением наслаждения. — Это будет последнее, что ты увидишь перед смертью. И ты отправишься к Хоньо с одной мыслью: я оставляю ее себе, ловкий парнишка. И буду обрабатывать каждую ночь. Следующее десятилетие твоей девчонке предстоит вынашивать моих детей».

— Вставай, — закричал Эдеард, потянув Салрану за руку.

Она плакала и уже почти не могла шевельнуться от страха.

— Не отдавай меня им, — рыдала она. — Пожалуйста, Эдеард. Убей меня. Л этого не вынесу. Я не могу, лучше целую вечность провести в темноте Хоньо.

— Ни за что не отдам, — заверил ее Эдеард и обнял, окутывая своей защитой.

«Приведите на рынок быстролисов, — приказал бандит. — Выследите его по запаху».

— Пойдем, — прошептал Эдеард.

Он направился к главному выходу, но сразу же остановился. Навстречу шло больше десятка бандитов с целой сворой быстролисов. Прямо перед ними, спасаясь от огня, пробежала стайка цыплят и группа отчаянно визжащих ген-мартышек, но хищники даже не оглянулись на них.

— Милосердная Заступница!

Он оглянулся по сторонам, не осмеливаясь воспользоваться про-взглядом из страха, что чертов бандит его обнаружит.

«Мне наплевать, что огонь мешает взять след. Найдите его!»

Злость в мыслях бандита стала для Эдеарда первым за эту ужасную ночь поводом для радости. Только оглянувшись по сторонам, он понял, насколько разрушительным оказался

пожар. Горели все дома. Столб удушливого дыма поднимался на сотни футов, закрывая созвездия и туманности. Падающие стены засыпали обломками палисадники, а за ними виднелись пылающая мебель и домашняя утварь. Кольцо пламени не только не позволяло бандитам взять след, но и самому Эдеарду мешало найти путь к бегству. Ему надо было отвлечь преследователей, и как можно быстрее. Его третья рука дотянулась до пирамиды пивных бочек и толкнула ее. Бочки раскатились по мостовой, некоторые из них разбились, выплеснув на камни быстро растекшуюся волну пива. Одновременно Эдеард дотянулся до всех ген-форм, которых только мог достать, и позвал их на рыночную площадь, обещая спасение от огня. Животные хлынули на рынок, прыгая через прилавки и проскакивая в узкие проходы. Разгоряченные быстролисы вышли из повиновения и, подчиняясь природным инстинктам, устремились за ними.

«Прекрасный ход, — издевательски похвалил его бандит. — Думаешь, это поможет тебе скрыть запах? А как тебе такой поворот?»

Бандиты на площади выстроились с одной стороны и начали обстреливать рынок, рисуя изрыгающими пули стволами широкие дуги. Пораженные выстрелами звери подняли оглушительный вой и попытались скрыться. К общему шуму добавился и злобный рык быстролисов, тоже попавших под обстрел. Вскоре вся площадь была усеяна безжизненными телами зверей. Кровь, смешавшись с пивом, потекла вниз по улице.

Эдеард и Салрана, пригнувшись от выстрелов, начали пробираться к выходу ползком. Вскоре стрельба закончилась. Эдеард ждал очередной насмешки, но ничего не услышал.

— Бежим, — поторопил он Салрану.

Взявшись за руки, они ринулись в переулок, ведущий к гильдии плотников. Вдоль стен бродили разбойники со своими быстролисами. Внутри бушевало пламя, жадно поглощавшее столярные мастерские и запасы леса, языки огня пробивались сквозь клубы дыма и поднимались в небо. Шиферная крыша главного здания уже провалилась. Эдеард гадал, остался ли там кто-то в живых. Оброн наверняка сумел пробраться в глубокие погреба. Эдеард просто не мог представить себе мир без Оброна.

На перекрестке Салрана потянула его вправо.

— Не туда, — прошипел Эдеард.

— Но стена там, — зашептала она.

— Они будут нас там ждать, и, если мы попытаемся перелезть через вал, быстролисы почуют наш запах.

— А куда же мы пойдем?

— Вверх, к скале.

— Но... они же будут обыскивать пещеры.

— Мы не пойдем в пещеры, — заверил ее Эдеард.

Он собрал оставшиеся поблизости ген-формы, в основном собак, пару мартышек и даже одного жеребенка. Всех животных он заставил пройти вокруг них с Салраной, чтобы затоптать следы. Впрочем, Эдеард сомневался, что в таком дыму на засыпанной пеплом земле смогут учуять запах даже быстролисы.

Через пару минут они с Салраной добрались до места, где копали новый колодец. Эдеард и его команда успели углубиться всего на пять ярдов и не более трети шахты обложили камнями.

— Полезай туда, — скомандовал Эдеард, указывая на деревянную лесенку, ведущую на дно, где ген-мартышки целыми днями рыли землю и глину.

— Они обязательно заглянут сюда, — жалобно простонала Салрана.

— Только в том случае, если колодец будет открыт, — ответил Эдеард и махнул рукой на каменную крышку, которой собирались закрыть колодец после окончания работ.

— Ты сможешь ее сдвинуть? — недоверчиво спросила Салрана.

— Сейчас мы это выясним. Зато я абсолютно уверен, что сквозь нее не пробьется ни один про-взгляд.

Салрана, излучая страх, начала спускаться по грубо сколоченной лесенке. Эдеард последовал за ней, а когда его голова оказалась на уровне земли, остановился. Он шел на огромный риск, от которого зависели жизни их обоих, но другого способа скрыться от быстролисов и кровожадных разбойников не видел. Он лишь осмелился направить телепатический посыл точно в гильдию эгг-шейперов.

— Акиим? — тихо окликнул он.

Ответа не последовало, а пользоваться про-взглядом было слишком опасно. Он в последний раз окинул гневным взглядом огненный шторм, разрушивший его дом, а потом сосредоточился на третьей руке. Каменная плита приподнялась над землей на пару дюймов, медленно проплыла по воздуху и с негромким скрежетом опустилась на колодезную шахту. Надежная крышка преградила путь и отблескам огня, и грохоту оружия, и горестным крикам.

Эдеард провел в ожидании не один час. Они с Салраной сидели на деревянном настиле на дне шахты, прижавшись друг к другу, черпая силы в дружеской близости. Девочка время от времени засыпала беспокойным сном, часто вздрагивая и постанывая. Эдеард такой роскоши как сон себе позволить не мог.

«Неужели я во всем виноват? — думал он. — Неужели это месть за битву в лесу? Но ведь они начали первыми. — Впрочем, самым тяжелым был вопрос, снова и снова терзающий его душу: — А мог ли я сделать больше?» Теперь, когда Эдеард окончательно протрезвел и похмелье отступило, он постоянно вспоминал внезапно разбудившее его ощущение. Оно было точно таким же, как ужас, охвативший его в лесу, предчувствие какой-то беды. Предвидением, естественно, подаренным Небесной Заступницей, обычно обладали старшие служительницы церкви. Значит, это реально. «Если бы я не был таким глупцом! Если бы не пренебрег предупреждением!..»

Эдеард не хотел открывать крышку колодца. Он боялся, что не выдержит ужасного зрелища, ожидавшего его наверху. «Моя вина. Только моя вина».

Прошло несколько часов, и вдоль края каменной плиты, там, где она неплотно легла на землю, стали пробиваться слабые лучики света. Но Эдеард продолжал ждать. Восход солнца еще не гарантировал ухода бандитов. На десятки миль вокруг им было нечего бояться. Теперь каждый вечер, ложась спать, станут испытывать страх только жители окрестных деревень.

— Мы не подозревали, что они так хорошо организованы, — горько произнес Эдеард. — А уж я-то должен бы это понять.

— Не говори глупости, — ответила Салрана. В темноте шахты она придвинулась к нему вплотную, и тонкая ручка обвилась вокруг его талии. — Откуда тебе было знать? Даже мать-настоятельница не могла этого увидеть.

— А у матушки Лореллан было предвидение?

Нет, нельзя сказать, чтобы это было предвидение. Вчера она была чем-то озабочена, но не могла определить причину беспокойства.

— Она не могла предвидеть собственной смерти? Какое же это откровение?

Салрана снова заплакала.

— О, Заступница, прости, — воскликнул он и крепче прижал Салрану к себе. — Я не подумал. Какой я глупый.

— Нет, Эдеард. Ты пришел мне на помощь. Только мне, а не своим друзьям, не матери—настоятельница. Почему? Почему ты помог именно мне?

— Я... Знаешь, все эти годы мне казалось, что мы вдвоем противостояем целому миру. Ты была моим единственным другом. Не думаю, что без тебя я смог бы чего—то достичь. Я не раз думал о том, чтобы убежать в леса.

Она возмущенно тряхнула головой.

— Тогда ты стал бы одним из бандитов, одним из тех, кто вчера напал на нашу деревню.

— Нет, не говори так. Никогда. Я ненавижу их. Сначала мои родители, теперь... — Он не удержался, опустил голову и всхлипнул. — Все. Все пропало. Я не смог им помочь. Все вокруг опасались моей силы, а когда она понадобилась, я ничего не смог сделать.

— Смог, — возразила она. — Ты помог мне.

Долгое время они сидели, прижавшись друг к другу. Немного погодя слезы Эдеарда высохли, чувствуя себя несчастным и никчемным, он стер остатки влаги ладонью. Ладони Салраны обхватили его лицо.

— Ты хочешь меня? — прошептала она.

— Э-э... Нет.

Ему было очень трудно это выговорить.

— Нет? — Ее мысли, и до того рассеянные, выплеснули волну обиды. — Я думала...

— Не сейчас, — поспешил продолжить он, сжимая ее ладони. Он знал, что она испытывает: сокрушительное горе, одиночество и страх — все это ясно отпечаталось в ее мыслях. Она жаждала утешения, а физическая близость просто была самым сильным способом. И в его растерянности и горе близость между ними очень бы ему помогла. Но Эдеард слишком заботился о Салране и не мог, что называется, воспользоваться ситуацией. — Я бы очень хотел, но ты еще молода. Слишком молода.

— Линем в прошлом году родила ребенка, а она была не старше, чем я сейчас.

Он не удержался от усмешки.

— Какой пример ты бы подала своей пастве?

— Паствы больше нет.

Веселье Эдеарда моментально испарилось.

— Есть. Это я.

Салрана подняла взгляд к каменной плите.

— Как ты думаешь, там остался кто—то еще?

— Кто—нибудь обязательно остался. Акиим всегда говорил, что Эшвилль может многое выдержать. Ведь его жители так эффективно сопротивлялись всем переменам уже не одно столетие.

— А ты правда хотел бы?..

— Я... — Легкость, с которой она перескакивала с одной темы на другую, особенно, когда одна из тем была *об этом*, приводила его в замешательство. — Да, — осторожно признался он. — Ты даже не представляешь, какой ты становишься красивой.

— Лжец! Я три раза в неделю прихожу к доктору Сенео за притираниями для лица.

— Ты с каждым днем становишься все краше, — настойчиво повторил он.

— Спасибо, Эдеард. Ты самый лучший. Я никогда даже не думала о других парнях. Только о тебе.

— Гм. Правильно.

— Было бы обидно умереть девственницей, правда?

— Леди! Вы самая ужасная послушница во всей Бездне.

— Глупости. Заступница никогда не отвергала любовь. Она была женой Раха, и половина жителей Маккатрана считают себя их потомками. Это же великое множество детей.

— По-моему, это богохульство.

— Нет. Это человечность. Именно поэтому Первожители призвали Заступницу, чтобы она помогла нам снова обрести свою истинную натуру.

— Ладно, сейчас нам важнее просто остаться в живых.

— Я знаю. А насколько я должна быть старше? Такого возраста, как ты?

— Ну, наверное. Да, пожалуй, так.

— Не могу дождаться. А прошлую ночь ты провел с Зехар?

— Нет! Эй, это тебя не касается.

Он почему-то пожалел, что не поддался заигрываниям Зехар. *Она уже мертва, и, если ей повезло, ее смерть была быстрой.*

— Ты станешь моим мужем, и я должна знать о твоих бывших подружках.

— Я пока еще не твой муж.

— Пока, — подчеркнула она. — В моем предвидении ты им станешь.

Он поднял руки, признавая свое поражение.

— Как долго ты намерен здесь оставаться? — спросила Салрана.

— Не знаю. Даже если им здесь нечего бояться, вряд ли они задержатся в сожженной деревне. В окрестных селениях уже знают о том, что произошло. Дым пожара поднялся к самому Морю Одина, и фермеры разбежались, рассылая телепатические посылы во все стороны. Я надеюсь, что в провинции поднимут милицию и организуют преследование.

— Милицию? А она сможет справиться с разбойниками?

— В критических условиях каждая провинция имеет право образовать отряды милиции, — пояснил он, стараясь припомнить основы конституционного закона Кверенции, передаваемые ему Акиимом. — А сейчас именно такой случай. Но в реальности, я думаю, бандиты уйдут подальше задолго до того, как сюда доберется хоть какой-нибудь отряд, а в диком лесу их никто не будет преследовать. Да еще это оружие, что у них появилось. — Он поднял свой диковинный трофей, в котором угадывалась грозная мощь. — Я никогда не слышал ни о чем подобном. Наверное, такие вещи имелись у людей до полета в Бездну.

— Так как же это? Никакой справедливости нет?

— Должна быть. Пока я жив, они будут проклинать свою дерзость этой ночи. Уничтожением деревни они заслужили свою смерть.

Салрана прильнула к его плечу.

— Не гоняйся за ними, Эдеард. Пожалуйста. Они живут в лесах, это их владения, и они знают только жестокость и насилие. Я не перенесу, если тебя схватят.

— Я и не думал преследовать их сию минуту.

— О, спасибо.

— Ладно, сейчас, наверное, уже полдень. Надо выглянуть наружу.

— Хорошо. Но, Эдеард, если они все еще там и если нас увидят... я не стану его

наложницей.

— Никто нас не схватит, — искренне заверил он девушку и в подтверждение своих слов похлопал по трофейному оружию. — Давай посмотрим, что там снаружи.

Он протянул третью руку к холодному камню. И в этот момент к его губам прикоснулись губы Салраны. Его рот непроизвольно открылся в ответ, и поцелуй затянулся.

— Просто на всякий случай, — пробормотала Салрана, снова прижимаясь к нему. — Я хотела, чтобы мы оба знали, что это такое.

— Я... я рад, — смущенно буркнул он.

На этот раз сдвинуть каменную плиту было намного труднее. Только сейчас, когда он попытался ее приподнять, Эдеард понял, насколько он голоден и испуган. Но тем не менее сумел сдвинуть крышку на несколько дюймов, так что появился тонкий полумесяц серого дневного неба. В яму не проникали ни крики, ни про-взгляды. Сам Эдеард не мог воспользоваться про-взглядом из-за того, что отверстие было слишком узким, а его голова все еще оставалась ниже уровня земли. Но вместо этого он мысленно позвал ген-орла, жившего в гильдии. К счастью, отклик величавой птицы поступил без промедления. Орел, уставший и совершенно сбитый с толку, сидел на скале. И то, что он показал Эдеарду, когда пролетел над деревней, мгновенно погасило робкие искры надежды.

От Эшвилля ничего не осталось. Ничего. Вместо домов дымились груды обгоревших обломков, каменные стены гильдий обвалились. Эдеард с трудом мог определить расположение улиц. Над руинами все еще висела тонкая пелена дыма.

Затем орел спустился ближе к земле, и стали видны трупы. На обгоревших телах колыхались почерневшие клочки одежды. Еще хуже выглядели конечности, торчавшие из-под обломков. Внимание орла привлекло какое-то движение, и птица почти вертикально слетела вниз.

У развалин своего дома, уронив голову на руки и раскачиваясь назад и вперед, сидел старый Формал. По его морщинистому лицу текли слезы. Маленький мальчик, совсем голый, бегал вокруг прилавка на рыночной площади. Его тело покрывали многочисленные синяки и ссадины, лицо словно окаменело, и взгляд был обращен куда-то за пределы физического мира.

— Они ушли, — сказал Эдеард. — Давай выбирать.

Он бросил на землю ненавистное оружие и отодвинул каменную плиту.

Хуже всего был отвратительный запах; неистребимая вонь дыма сторевшего дерева и сожженной плоти. В первый момент Эдеарда чуть не стошнило. Сгорели не только ген-формы и домашние животные. Он оторвал от своих потрепанных брюк полоску ткани, смочил ее в луже и повязал на лицо.

Они остановили мальчика, которого налет поразил так глубоко, что он перестал воспринимать реальность. Увели старика Формала с пепелища, бывшего ему домом в течение ста двадцати трех лет. Отыскали маленького Сагала, спрятавшегося под пустой бочкой рядом с работающим колодцем.

Семь человек. Это все, кого смог отыскать орел. Семь человек осталось в деревне, еще вчера насчитывающей более четырех сотен душ.

Все собрались у разбитых ворот, в тени бесполезной теперь крепостной стены, где не так сильно чувствовался трупный запах. Эдеард пару раз возвращался в деревню, пытаясь отыскать какую-нибудь еду и одежду, но его сердце в этих поисках участия не принимало.

Там их и обнаружил перед наступлением сумерек отряд из Села-над-Водой. Их было

около сотни человек, хорошо вооруженных, на лошадях и ген-лошадях, и с целой стаей ген-волков. Глядя на руины деревни, люди с трудом верили своим глазам, но еще менее они были склонны поверить, что в этом повинны отлично организованные лесные бандиты. Никто и не подумал преследовать разбойников и отомстить за погибших. Вместо этого мужчины, беспокоясь о своих родных и близких, сразу же повернули обратно. Выживших обитателей Эшвилля они взяли с собой в Село-над-Водой. Обратно никто из них так и не вернулся.

Эдеард обратился к Салране телепатическим посылом.

— Караван уже здесь.

— Где? — удивилась она. — Я ничего не чувствую.

— Они только что миновали ферму Молби и на мосту перед деревней будут примерно через час.

— Это очень далеко для про-взгляда, даже для твоего.

— Мне помогает ген-орел, — признался Эдеард.

— Мошенник!

Эдеард засмеялся.

— Встретимся через полчаса на площади.

— Хорошо.

Он закончил инструктаж группы ген-мартышек, отобранных для чистки конюшен, и отпросился у Тонри, старшего подмастерья. Ответом на его вежливую просьбу отлучиться было только неопределенное ворчание. В гильдии эгг-шейперов Села-на-Воде ему не очень обрадовались. Проблема заключалась в его статусе. Мастер так и не признал его своим помощником. Желание Эдеарда занять это положение вызвало у подмастерьев бурю негодования; они считали, что новичок должен быть младшим членом гильдии. А то, что его талант превосходил способности каждого из них, считая и самого мастера, ничуть не улучшало положение.

Салрану в церкви Заступницы Села-на-Воде приняли более приветливо. Но счастливец она не выглядела.

«Это место никогда не станет нашим домом», — печально сказала она Эдеарду уже через неделю.

Не то чтобы жители Села-на-Воде неприязненно относились к беженцам, но и не слишком их привечали. Провинция Рулан теперь жила в страхе перед бандитами. Если уж лесные разбойники могли напасть на деревню в трех милях от опушки дикого леса, они с таким же успехом могли атаковать любой другой населенный пункт. Жизнь кардинально изменилась. Между фермами и лесом теперь постоянно дежурили патрули, а ремесленники были вынуждены оставить все самые срочные дела ради того, чтобы укрепить стены. Этой зимой в провинции Рулан все стали немного беднее.

Эдеард шел на рыночную площадь под теми же косыми взглядами, которые замечал на себе все три последние недели. Сама площадь, вымощенная булыжником и заставленная рядами палаток, в точности повторяла рынок Эшвилля — но была, конечно, больше. Село-на-Воде, более крупное поселение, располагалось между двумя рукавами реки Гвош, обеспечивающей естественную защиту с двух сторон. Между руслами быстротекущей реки был прорыт канал с крепким подъемным мостом посередине, замыкающий кольцо обороны. Единственный путь в деревню пролегал через мост, и в этом отношении здесь было безопаснее, чем в Эшвилле. Если только бандиты не воспользуются лодками. Но откуда им

взять столько лодок?

Про—взгляд Эдеарда уже отыскал бегущую навстречу Салрану. Они встретились в рыбном ряду. Девушка снова получила голубую с белым форму послушницы церкви Заступницы, но сейчас одежда была ей немного великовата.

— Почти как раньше, — сказал Эдеард, окидывая ее взглядом с головы до ног.

Обращенных на нее взглядов других молодых парней на площади он предпочитал не замечать. Салрана поежилась и одернула длинные, расширяющиеся книзу рукава.

— Я давно забыла, как колется одежда, пока она новая, — пожаловалась она. — В Эшвилле я надевала собственное платье только один раз, на церемонии инициации. В остальное время я донашивала старье. А здесь мать- настоятельница выдала мне пять комплектов. — Салрана окинула оценивающим взглядом его костюм. — А ты все еще не нашел ткачей?

Эдеард отряхнул рукой свою старую рубашку с заплатками неопределенного цвета. Брюки на нем были короче, чем нужно, а кожа на ботинках потрескалась от старости.

— Чтобы ткач изготовил рубашку, ему надо заплатить. Подмастерьев одевают гильдия. А подмастерьям без статуса достается то, что не нужно никому другому.

— Он так и не подтвердил твоего статуса помощника мастера?

— Нет. У него своя политика. Все его помощники ни на что не способны, и только из-за его собственной небрежности в обучении. Они теряют по крайней мере шесть из десяти яиц. Это недопустимо. Даже новички у Акиима и то работали лучше. Кроме того, все помощники лет на пять старше меня, и поставить меня вровень с ними означало бы признать свою несостоятельность. Я не ценил свои отношения с Акиимом.

Он помолчал, вспоминая печальные события. Надо бы выбрать время и позаботиться о телах, устроить жителям деревни подобающее погребение, благословленное Заступницей.

— Ты справишься, — подбодрила его Салрана.

— Да. Спасибо.

Пока они бродили по рынку, Эдеард с завистью смотрел на выставленную одежду. Подмастерьям не разрешалось продавать ген-формы, полученные ими из яиц, все они принадлежали гильдии. Акиим в этом отношении проявлял большую гибкость, он верил в систему материального поощрения. Зато теперь у Эдеарда не было ни денег, ни друзей, ни уважения. Он словно вернулся в прошлое, снова стал десятилетним мальчишкой.

— Вчера вечером вернулся один из патрулей, — сказала Салрана. — А утром матушка была на совете старейшин. Командир патруля сказал, что они не встретили ни одного разбойника, не говоря уж о многочисленных бандах. Скорее всего, завтра будут обсуждать отмену патрулирования.

— Идиоты, — буркнул Эдеард. — А что они ожидали найти? Мы же предупреждали, что бандиты превосходно маскируются.

— Я знаю. — По лицу Салраны скользнула тень смущения. — Нашим словам здесь не очень-то доверяют.

— Чем же они объясняют страшную гибель Эшвилля?

— Будь к ним терпимее, Эдеард. Весь их мир перевернулся с ног на голову. С этим нелегко смириться.

— А мы, по их мнению, просто развлекались.

— Это нечестно.

— Извини. — Он набрал полную грудь воздуха. — Мне это неприятно. В конце концов,

все мы прошли через такое испытание, а к нам относятся как к нежелательной обузе. Надо было мне сохранить оружие.

Он бросил пистолет на дне колодца, не желая принимать наследство убитых бандитов. Это оружие воплощало в себе абсолютное зло. Но с тех пор он постоянно пытался зарисовать странные мелкие детали, увиденные внутри. Когда он показал свои наброски кузнецу Села-на-Воде, тот высмеял Эдеарда и заявил, что подобные детали изготовить невозможно. Да и остальные жители скептически относились к их рассказам о непрерывно стреляющем оружии.

— Ты правильно поступил, — сказала Салрана. — Если бы каждый имел такое оружие, жизнь стала бы невыносимой.

— Невыносимо то, что им обладают бандиты, а у нас нет ничего подобного, — резко возразил он. — Что может им помешать пройтись по всей провинции? И даже по всей области?

— Это невозможно.

— Да, потому что губернатор поднимет армию. К счастью, нас больше, чем их, и мы сможем победить, несмотря на их вооружение. Но произойдет колоссальное кровопролитие, какого еще никогда не было. — Эдеарду очень хотелось со всей силы стукнуть кулаком по какому-нибудь прилавку. — Откуда они взяли такие вещи? Как ты думаешь, может, они отыскали корабли, — которых сюда прилетели люди?

— А если они никогда и не покидали эти корабли? — негромко ответила она.

— Возможно. Не знаю. Почему нас никто не слушает?

— Потому что мы еще дети.

Он повернулся, чтобы ответить очередной резкостью, но вдруг заметил глубокое беспокойство в ее мыслях и усталость на лице, покрытом пятнами зеленоватого притирания. Как же она красива! Эдеард не сомневался, что Акиим одобрил бы его рискованную попытку спасти девушку.

— Извини. Не понимаю, почему я все это на тебя выплескиваю.

— Потому что я тебя всегда готова выслушать, — сказала Салрана.

— Знаешь, в некотором отношении жизнь здесь хуже, чем в Эшвилле. Старейшины такие... отсталые. Наверное, выродились в результате инбридинга, как собаки.

Салрана ухмыльнулась.

— Не говори так громко, — посоветовала она ему.

— Ладно. — Он улыбнулся в ответ. — Надеюсь, теперь нам уже недолго здесь осталось.

На краю площади собралась толпа людей, встречающих караван. Пока приезжие пересекали подъемный мост, Эдеард насчитал тридцать две повозки. Ко многим были привязаны земные животные — лошади, ослы, волы и коровы, — на повозках виднелись и клетки со свиньями. Рядом бежали ген-волки. Сопровождающих верховых с оружием стало намного больше, чем помнилось Эдеарду. Повозки остались такими же громоздкими и крепкими, какими он их запомнил, катились они на окованных металлом колесах гостом с него самого. Большая часть повозок была накрыта тентами из темной промасленной ткани, и лишь на нескольких возвышались настоящие передвижные дома из просмоленного дерева. Рядом с возницами сидели целые семьи, и по пути к рынку приезжие с улыбкой махали руками встречающим. Караван шел по провинции каждый год и привозил на продажу животных, семена, яйца, инструменты, продовольствие, напитки и прекрасную одежду из самого Маккатрана. Он не всегда сворачивал в Эшвилль, но волнение, сопутствующее

каждому приезду каравана, Эдеард помнил очень хорошо.

Повозки еще не остановились, а жители села уже начали окликать приезжих, спрашивая о привезенных товарах. Благодушно настроенной толпе не было дела до приветственной речи мэра, обращенной к предводителю каравана, и торговля началась задолго до окончания формальностей. Всем желающим, особенно подмастерьям, было предложено отведать привезенного пива и вина. Эдеард съел ломтик вяленой говядины, приправленной незнакомыми ему специями. Салрана скромно взяла понемножку маринованных фруктов и овощей, но, когда дошла до подноса с заморскими сладостями, проявила меньшую сдержанность.

К концу дня настроение Эдеарда значительно улучшилось. Большая часть покупателей поспешили по домам на ужин, чтобы позже вернуться к традиционным вечерним развлечениям. Эдеард и Салрана направились к повозке предводителя каравана. Последние покупатели уже торопились в другую сторону, старательно отводя взгляды от эшвилльской пары.

Баркус, караванный мастер, оказался точно таким, каким его помнил Эдеард. На вид ему давно перевалило за первую сотню лет, но мужчина оставался крепким и сильным. У него были самые роскошные бакенбарды, какие только видел Эдеард. Полоски побелевших волос обрамляли скулы и румяные щеки. На бочкообразном туловище красовалась красная шелковая рубашка и экстравагантный голубой с золотой отделкой жилет.

— Чем могу вам услужить, прекрасная парочка? — насмешливо спросил он, когда Эдеард и Салрана подошли ближе к повозке. Члены его большой семьи, едва посмотрев в их сторону, продолжили натягивать тент на раму из дерева мартоза, чтобы установить дополнительную палатку. — Боюсь, что образцы пива у нас уже закончились.

Он подмигнул Эдеарду.

— Я хочу с вами добраться до Маккатрана, мы оба этого хотим, — выпалил Эдеард.

Баркус раскатисто расхохотался. Двое его сыновей, забивавших столбики для палатки в твердую землю, громко захихикали.

— Уверен, путешествие было бы романтическое. Как я догадываюсь, вы... как бы это выразиться... ждете прибавления, которому ваши родители не обрадуются. Послушайте старика. Идите домой и признайтесь.

Салрана негодуяще расправила плечи.

— Я не беременна. Я со всей серьезностью отношусь к своим обетам.

Такая откровенная ложь мгновенно развеяла негодование Эдеарда.

— Меня зовут Эдеард, а это Салрана. Мы беженцы из Эшвилля. — Он сразу заметил, какая настороженная тишина установилась после его слов. Все родственники Баркуса теперь смотрели на них. С противоположной стороны повозки протянулись нити про-взгляда. — Я надеюсь, что вы помните моего мастера, Акиима.

Баркус осторожно кивнул.

— Нам лучше пройти внутрь. А вы занимайтесь своими делами, — добавил он, обращаясь к родственникам.

Его повозка как раз была одной из тех, на которой возвышался деревянный корпус. Внутри жилище украшала древняя искусная резьба, какая и не снилась Гиипалту и его подмастерьям, да еще сиявшая позолотой. Все пространство стен от пола до потолка состояло из дверей, причем некоторые были не больше кулака Эдеарда. Баркус открыл две горизонтальные створки, и они развернулись в длинные мягкие скамьи. За двумя

маленькими дверцами, отодвигающимися в сторону, показались матовые стеклянные панели. Баркус чиркнул спичкой, поднес ее к небольшому отверстию у края стекла, и внутри зажегся фитиль лампы. Комнатка осветилась знакомым уютным светом ямоларового масла.

Эдеард смотрел на все это, не скрывая восхищения.

— Я вспоминаю твоего мастера с глубочайшей любовью, — заговорил Баркус, указывая им на скамью напротив себя. — Много лет назад он странствовал с нашим караваном. Мне тогда было примерно столько же лет, как сейчас тебе. И твоя мать, послушница Салрана, тоже относилась ко мне с искренней добротой. Я скорблю по ним обоим. Это горестная утрата.

— Спасибо, — сказал Эдеард. — Я бы не хотел навязываться, но ни один из нас не может оставаться в Селе-на-Воде. К нам относятся с нескрываемой неприязнью, да и в любом случае это слишком близко к Эшвиллю.

— Понятно. То, что произошло, повергло в шок всю провинцию, хотя я уже услышал несколько различных версий рассказов. И пара вариантов, должен заметить, выставляют тебя, парень, не в самом выгодном свете. Я не стал их никому пересказывать, потому что помню тебя с нашей последней встречи, четыре лета назад. И помню, как о тебе говорил Акиим. Он восхищался твоим талантом, а удивить старого Акиима было нелегко. Тем более что ты еще совсем молод.

— Эдеард рисковал своей жизнью, спасая меня, — встала Салрана.

— Об этом я тоже слышал.

— Накануне той ночи Акиим сказал, что хочет отправить меня в Маккатран, чтобы я продолжил обучение в Синей башне. Я постараюсь... нет, я обязательно выполню его желание.

Баркус слегка улыбнулся.

— Достойная цель, молодой человек.

— Мы отработаем свой проезд, — решительно заявил Эдеард. — Я не буду для вас обузой.

— И я тоже, — добавила Салрана.

— Ничего другого я и не ожидал, — сказал Баркус. По его лицу пробежала тень беспокойства. — Однако дорога предстоит дальняя, мы не доберемся до Маккатрана раньше следующей весны, да и то если все будет благополучно. Уже не один караван сократил свой маршрут, чтобы обойти стороной эту провинцию. Рассказов о несчастье Эшвилля ходит много, но все они вселяют страх. Насколько я помню, Акиим говорил, что у тебя сильная третья рука.

— Верно. Но мой основной талант — формирование зародышей. В горах и лесах этой провинции много аморфов. К началу зимы я смогу сформировать вам целую стаю ген-волков, так что мимо них не пройдет ни один бандит, какой бы ни была его маскировка. Я дам им самое сильное чутье, какого вы до сих пор не встречали. И еще я могу сформировать ген-орлов, они будут кружить в небе и осматривать местность на мили вокруг каравана, отыскивая малейшие признаки засады.

— В этом я не сомневаюсь.

Но Баркуса все еще одолевали сомнения.

— Еще я могу научить тебя и твоих родных вот этому.

Эдеард выстроил вокруг себя маскирующее поле. Баркус ахнул, удивленно моргнул и наклонился вперед. Эдеард чувствовал, как про-взгляд караванного мастера мечется по

комнате. Он тихонько встал, пересел на скамью рядом с Баркусом, а потом снял маскировку.

— Как смогут бандиты напасть на вас, если они вас не увидят?

— Милосердная Заступница! — воскликнул Баркус. — Я и не знал, что такое...

— Это подарок Акиима.

Баркус быстро оправился от растерянности.

— Он знал, что делает. Акиим не ошибался в тебе, и, как я думаю, половина рассказов соответствует истине. Ладно, молодые люди, я приму вас в качестве младших членов моей семьи. Вы отправитесь в Маккатран вместе с нами. И вы действительно отработаете свой проезд. Посмотрим, чего стоят твои способности, когда доберемся до гор Ульфсен. Однако, Эдеард, у меня есть одно условие: ты никого не будешь учить искусству маскировки, согласен?

— Да, сэр. Только я не понимаю почему.

— Ты никому не рассказывал об этом в Селе-на-Воде?

— Нет, сэр.

— Значит, у тебя есть политическое чутье, мой мальчик. Давай и дальше ему следовать. В нашем мире полно всяких неприятностей, а что будет, если каждый может незаметно рыскать вокруг? Но если ты найдешь способ преодолеть эту защиту, я с благодарностью тебя выслушаю.

— Хорошо, сэр.

— Ты отличный парень. Мы отправляемся отсюда на рассвете третьего дня. Если вас в это время здесь не будет, мы все равно уйдем. Хотя я думаю, что твой мастер не станет возражать, если ты отправишься с нами.

— Я думаю, он будет доволен, сэр.

Когда они покинули повозку, Эдеард воскликнул:

— Маккатран!

Теперь, когда Баркус пообещал взять их с собой, все прошлые обиды и сомнения быстро рассеялись. Ему казалось, что он трусливо убегает, оставляя между собой и бандитами несколько провинций, обрекая их жителей на решение новых проблем ценой своей крови, а сам в это время будет в безопасности в большом городе. Но теперь он принял решение, они с Салраной уедут.

— Не могу поверить! — в тон ему сказала Салрана, беззаботно улыбаясь. — Как ты думаешь, там действительно так чудесно, как говорится в рассказах путешественников?

— Там в десять раз великолепнее, чем они говорят, это будет прекрасный сон.

— И мы окажемся в безопасности, — добавила она.

— Да. — Он по-дружески обнял ее за плечи. — Мы окажемся в безопасности. И нас ждет прекрасная жизнь в столице мира.

Обнаружить ошибку оказалось на удивление легко. Но Троблум догадывался, что у Эмили Альм не было времени, чтобы ее скрыть, да она и не предполагала, что кто-то станет ее искать, по крайней мере в ближайшее время. Она ввела несколько изменений в рабочий проект; каждое из них само по себе казалось вполне невинным, что, безусловно, должно было затруднить поиски, но в совокупности эффект оказался губительным. На устранение сбоя Троблуму понадобился всего один час, а потом он снова запустил процесс изготовления.

Затем юз-дубль установил скрытую одностороннюю связь с квартирой Троблума. Теперь, когда было ясно, что Марий пытается им манипулировать и пойдет на все, лишь бы достигнуть желаемой цели, Троблум убедился в необходимости подготовки путей отступления. Ускользнуть от представителя фракции он мог только в колониях. После войны против Звездного Странника у старых Династий остались ковчеги — космические корабли, построенные на случай победы праймов и способные переправить верхушку каждой Династии в безопасное место на другой конец Галактики. Учитывая затраченные на сооружение ковчегов средства, лидеры Династий не захотели отказаться от них по той лишь причине, что человечество одержало верх. Вместо этого корабли были посланы на поиски новых миров и цивилизаций, абсолютно независимых от Содружества. В путь отправилось около четырех десятков ковчегов, но эта цифра была приблизительной, так как лидеры Династий не горели желанием признавать, сколько денег они вложили в собственное спасение в ущерб всем остальным. В течение последующих столетий было построено еще несколько таких кораблей. Тогда они взяли на борт не только представителей Династий, но более широкий круг семейств, идеологических и религиозных обществ, стремящихся к полной независимости, которой невозможно было достичь даже во Внешних мирах. Последний громкий старт состоялся в 3000 году, когда Найджел Шелдон лично возглавил флотилию из десяти космических кораблей — самых больших из когда-либо построенных людьми, — чтобы основать где-нибудь еще «новую жизнь человечества». В то время ходили упорные слухи, что эти корабли способны на трансгалактический переход.

После установления канала связи с апартаментами Троблум поручил юз-дублю со всеми предосторожностями прочесывать унисферу в поисках любых намеков на возможные координаты колоний внутри Галактики. Всего нашлось около сотни сообщений о стартах ковчегов и тысячи статей посвященных каждой из флотилий в более позднее время. Большая часть рассуждений касалась одного и того же вопроса: почему ни одна колония не выходила на связь хотя бы с кратким сообщением о прибытии на место назначения. Не было ни одного упоминания о том, что корабли флота обнаружили где-то еще человеческие миры, но они не имели возможности исследовать и доли процента от общего числа пригодных к жизни планет. Последователи Воплощенного Сна во всеуслышание заявляли, что бóльшая часть экспедиций — а может, и все — закончилась в Бездне. Но встречались и работы серьезных ученых, вычислявших наиболее вероятные цели, хотя оставшиеся Династии делали все возможное, чтобы свести на нет их усилия. Даже при условии, что предположения ученых были верны, область, где пришлось бы вести поиски, измерялась сотнями световых лет. С другой стороны, «Искупление Меллани» — прекрасный корабль, он вполне способен пролететь пятьдесят тысяч световых лет до звездного скопления Драси, куда, по слухам,

направилась Династия Брандт.

Троблум знал, что не будет скучать по Содружеству, его здесь ничего не удерживало, а большинство колоний наверняка достигли высокого уровня цивилизации. Если ему повезет обнаружить мир Династии Брандт, возможно, они с удовольствием выслушают его рассказ о бионниках, появившихся намного позже отправления ковчегов. Ему оставалось решить только проблему артефактов. Расстаться со своей коллекцией он не мог, а если попытаться перевезти ее в ангар, Марий обязательно это заметит. Троблум ввел инструкции в домашнюю систему насчет фрахта, а потом, хоть и с большой неохотой, обратился за помощью к коротышке Флораку.

На создание сверхсветового двигателя, перемещающего планеты, неймановым машинам потребовалось тридцать два часа. По окончании процесса Троблум стоял под сверкающим цилиндром, выходящим из экструдера, и восхищался его элегантностью. Полевое сканирование подтвердило устойчивый баланс между сгустком концентрированной энергии и гипернапряженной материей. Устройство обеспечивало настолько бурную активность экзотических частиц, что его можно было считать почти самостоятельной сингулярностью.

Если в колонии не заинтересуются бионниками, это им наверняка понравится.

В полном удовлетворении он смотрел, как силовое поле перемещает цилиндр в «Искупление Меллани». Наконец модифицированный грузовой отсек закрылся, и Троблум перевел двигатель в режим ожидания. Взломать код управления кораблем было не под силу даже АНС. Двигатель принадлежал только ему, и никто другой им воспользоваться не мог.

Убедившись в надежной сохранности своего детища, он вернулся в кабинет и восстановил в проектном плане изменения, внесенные Эмили Альм, а к ним добавил и собственные, на более глубоком уровне. Теперь двигатель стал действительно уникальным.

Через пару часов его вызвал Марий.

«Ты еще не закончил свой анализ?»

— Почти закончил. Я думаю, придется полностью изменить каналы разгона экзотических частиц.

«Звучит не слишком обнадеживающе, хотя я даже отдаленно не представляю, о чем ты толкуешь».

— Это действительно не очень хорошо.

«Я уверен, тебе хватит на эту работу наших фондов. Но я хочу попросить тебя об одном одолжении».

— Да?

— Я хочу, чтобы ты забросил на станцию нашего коллегу.

— Взять пассажира? — с тревогой переспросил Троблум.

Если на борту окажется кто-то еще, ему не удастся спокойно улететь. Мысль о том, что именно этим и была обусловлена «просьба», повергла Троблума в полное уныние. Неужели Марий что-то заподозрил? Он мог поклясться, что его кодировку никому не под силу взломать, но, с другой стороны, он ведь имеет дело с фракцией АНС.

«Проблемы? Твой корабль может вместить не одного пассажира, да и полет будет не слишком длинным. В конце концов, мы все еще находимся в пределах Содружества».

У Троблума больше не осталось сомнений.

— Никаких проблем. Но мне надо провести предполетную подготовку.

«На это потребуется не больше часа. Приятного путешествия».

Никаких вежливых вопросов о его личной готовности, скорее, завуалированный приказ.

К раздражению Троблума добавилось легкое любопытство. «Что же еще им от меня надо?»

— Троблум?

— Что?..

Троблум развернулся со всей скоростью, какую позволяла его грузная фигура. В кабинете стоял человек. Это был очень высокий мужчина с почти голым черепом, если не считать островков коротко подстриженных рыжеватых вьющихся волос. Простая одежда серого цвета подчеркивала необычную длину его конечностей.

— Кто ты, черт побери?

Биононики мгновенно окутали его защитным силовым полем, а вживленное оружие было готово к стрельбе по незваному гостю.

— Я Лакен. Надеюсь, ты меня ждал?

— Так ты...

— Твой пассажир. Корабль готов?

— Как ты сюда попал?

Выражение лица Лакена осталось абсолютно невозмутимым.

— Тебе нужна какая-то помощь в подготовке к полету?

— Э-э, нет.

— Тогда приступим.

Троблум с негодованием по поводу его бесцеремонности одернул свой старый костюм.

— Насосы уже подключены. Мы стартуем сразу, как только наполнятся баки. Не хочешь пройти в свою каюту?

— Ты намерен подняться на борт?

— Нет. У меня есть одно важное дело, которое я хотел бы закончить.

— Я подожду. Поднимусь на корабль вместе с тобой.

— Как хочешь.

Троблум откинулся на спинку своего кресла и активировал объемные проекции — просто чтобы показать, что ему абсолютно все равно.

Лакен не шелохнулся. Но и не сводил глаз с Троблума.

Похоже, полет будет долгим.

Станция словно перенесла его в далекое прошлое. В последний раз Троблум видел ее лет пятьдесят назад и даже не думал, что когда-нибудь сюда вернется. По правде говоря, он даже удивился, что она еще существует. На перелет с Арвало до безымянного красного карлика «Искуплению Меллани» потребовалось трое суток. Вокруг неяркого красноватого пятна, излучавшего свет, не было ни твердых, ни газообразных планет, только огромный диск бесформенных углеводородных астероидов. Но с тех пор, как Троблум здесь работал, астероидов стало меньше. Он улыбнулся, вспомнив тот запуск тестовой программы. Тогда он напился в последний раз и ничуть не беспокоился о том, каким дураком он выглядит.

«Искупление Меллани» вышел из гиперпространства в десяти а. е. от звезды и в восьми тысячах километров точно над пунктом назначения. Троблум задал ускорение в семь g и направил корабль в центр темного тороида, диаметр которого составлял около пяти километров. Эскадрилья патрульных кораблей, сбросив маскировку, взяла судно в плотное кольцо. Их корпуса длиной более ста метров каждый были похожи капли ртути, застывшие в падении и распространяющие пульсирующие поля, а элегантным и плавным полетом они напоминали стаю водяных существ, заигрывающих с незнакомым пришельцем. Вот только в их анализаторах, исследующих «Искупление Меллани» на квантовом уровне, не было ничего

игривого. Тро- блум, затаив дыхание, ждал, выдержит ли их сканирование передний отсек его корабля, снабженный дополнительной защитой. Барьер устоял, ведь не зря же Троблум лично принимал участие в проектировании этих быстроходных патрульных судов семьдесят лет назад. Он даже удивился, что за прошедшие десятилетия не появилось ничего нового. Видимо, человеческие технологии достигли своего наивысшего развития, и Эмили Альм была права насчет флота. По ее словам, во Вселенной не существовало ничего нового, только разнообразные модификации уже созданных устройств.

Патруль проводил «Искупление Меллани» до самой станции. Корабль спустился за край тороида и скользнул в широкую трубу внутреннего перехода. Троблум осматривал сооружение при помощи скрытой сенсорной сети корабля и по пути отметил, что целые секции были восстановлены. Черную титановую оболочку пересекали длинные тонкие штрихи, словно всю станцию разрисовал сильный мороз. Большая часть полосок светилась белоголубым огнем, но между ними в случайном на первый взгляд порядке встречались и тускло-красные отрезки, как будто уловившие фотонный поток ближайшей звезды.

Троблум подвел «Искупление Меллани» к основанию красного зубца, оказавшегося примерно семисот метров длиной. Дверь ангара открылась, пропуская корабль. Когда створки сошлись, Троблум не мог не вспомнить о двери древней тюремной камеры, закрывающейся за узником.

— Спасибо, что воспользовались «Линиями Троблума», желаю приятного дня, — легкомысленно бросил он.

Лакен открыл шлюз и вышел наружу. С самого начала полета этот человек не произнес ни слова. Он даже не спал, просто все время сидел в центральной каюте. К тому времени, когда Троблум открыл небольшой чемодан и надел костюм изумрудного цвета, Лакена и след простыл. Корабль в гигантской глянцевой белой камере выглядел маленьким и почти жалким. Из-под пола высунулись трубы насосов и подключились к заправочным люкам. В стенах не было никаких признаков наружных дверей или какого-то другого выхода в помещение станции. Троблум шагнул по изогнутому полу и отметил, что направление гравитации все время изменяется, так что он как будто постоянно находится в вертикальном положении. В сочетании с визуальным эффектом это производило странное впечатление.

У носа корабля его поджидала женщина. Она была примерно одного с ним роста, с абсолютно безволосым черепом и большими, совершенно круглыми глазами, выделяющимися на плоском лице. Ее шея длиной около двадцати сантиметров была полностью закрыта рядом тонких золотых колец, словно какая-то сегментированная металлическая конечность. Кожа женщины излучала мерцание плащ-костюма серо-стального цвета. Троблум предположил, что подобный эффект был достигнут путем модификации всей поверхности кожи. Впрочем, Высшие перед загрузкой в АНС нередко экспериментировали со своей физиологией.

— Приветствую вас на станции, — заговорила она приятным молодым голосом. — Я много о вас слышала.

— Жаль, но не могу ответить вам тем же, — сказал он, руководствуясь протоколом поведенческих программ, открытым в экзозрении.

— Я Неския, руководитель станции. Мой предшественник очень высоко отзывался о ваших способностях. Наша фракция благодарна вам за согласие вернуться.

«Можно подумать, у меня был выбор».

— Прекрасно. Но какова цель моего визита? Неужели в работе роя возникли сбои?

— Ничего подобного.

Плавным жестом она указала направление, и ее змеиная шея повторила движение руки, причем лицо осталось повернутым в сторону Троблума. Он шагнул следом, и чемодан послушно поспешил за хозяином, держась прямо над его головой. Над ними открылась дверь—диафрагма. Да, внутренность станции за семьдесят лет, безусловно, изменилась.

— Ого.

— Вы, кажется, разочарованы? — спросила она, помедлив у двери.

Троблум так и не понял, то ли пол изогнулся таким образом, что дверь оказалась впереди, то ли гравитация на станции вела себя еще более странно, чем он думал. Но полевое сканирование он применять не стал. Попытки дезориентировать его в пространстве казались чересчур ребяческой выходкой.

— Нет, не разочарован. Я полагаю, что прибыл сюда с целью проинспектировать и укрепить рой на случай наихудшего варианта развития событий. Сценарий паломничества начинает оправдываться. Несколько последних разработок позволяют повысить эффективность машин.

— Рой рассредоточился в соответствии с заданной целью. И он постоянно модернизируется. Мы не думаем, что экспансия Бездны создаст какие-либо проблемы.

— Вот как? Значит, именно поэтому станция продолжает работать?

— И поэтому тоже.

Женщина миновала дверь и вышла в коридор с голубовато—серыми стенами, которые Троблум тотчас узнал. Похоже, они не все здесь изменили.

— Я отвела вам номер в секторе семь—В—пять, — сказала Неския. — Вы можете изменить его по своему вкусу, просто скажите интел—центру станции, чего вы хотите.

— Спасибо. И какова же все—таки причина моего присутствия здесь?

— Мы собираем двенадцать ультрадвигателей для флотилии паломников. Ваш опыт в используемой нами технике сборки был бы для нас весьма полезен.

Троблум так резко остановился, что чемодан едва не ударил его по затылку.

— Ультрадвигатели?

— Да.

— Вы не шутите? Я всегда думал, что это лишь слухи.

— Нет, не слухи. Вы будете работать с небольшой командой, состоящей из пятидесяти экспертов. Изготовление осуществляется при помощи неймановых машин, создавших рой.

— Великолечно. — Его уныние и мысли о шантаже и угрозах начали рассеиваться. — Но я хотел бы изучить теорию, лежащую в основе работы двигателей.

— Конечно. — Ее огромные глаза моргнули. — Мы устроим брифинг, как только вы будете готовы.

— Я готов прямо сейчас.

Пока не приехала Шелли, чтобы вступить в права владения квартирой, Араминта оставалась там. Она не обязана была при этом присутствовать, поскольку фирма Крессиды оформила сделку, значит, все в порядке. Но личное участие в сдаче работы служило лишним подтверждением профессионализма, а репутацию в бизнесе нельзя купить ни за какие деньги.

Араминта с балкона наблюдала, как капсула Шелли приземлилась на специально обозначенной площадке рядом с домом, а следующий за ней грузовик опустился на общественную стоянку. После удаления чехлов с мебели квартира показалась Араминте

совершенно непривлекательной, и все тщательно выбранные ею детали и элементы только подчеркивали разнородность обстановки.

— Все в порядке? — спросила Шелли у открывшей ей дверь Араминты.

— Да. Я только хотела убедиться, что вы всем довольны.

— О да. Не могу дождаться переезда.

Шелли, сверкая радостной улыбкой, прошла мимо Араминты, с довольным видом оглядывая почти пустые комнаты. Эта высокая привлекательная девушка уже открыла в районе собственный салон. Араминта немного завидовала ей: та была на год моложе нее, но уже обзавелась своим бизнесом. «Но ведь она не делала таких ошибок, как я с Ларилом».

Взгляд Шелли остановился на большом букете цветов, стоявшем на рабочей кухонной панели.

— О, спасибо, вы очень любезны.

— Не за что. — Юз-дубль Араминты переслал Шелли коды активации квартирной сети. — Если возникнут какие-то проблемы, звоните мне, пожалуйста.

Спускаясь по лестнице, она была вынуждена придерживаться за стену. Мимо нее на антиграв-лифте проплыл вверх большой красно-черный диван. Араминта и сама от такого бы не отказалась, но... Она тряхнула головой и вышла из дома.

Старенькая капсула перенесла ее через весь Колвин-сити в район Боданат, где приземлилась на общественной стоянке. Утро было пасмурным, ветер с моря гнал грязновато-медные тучи, грозившие дождем. Араминта выбралась из капсулы и с улыбкой окинула взглядом шестиэтажный жилой дом. Он был построен по стандартному проекту, со сплошными белыми ребрами балконов, увитых разноцветными лозами и лианами. По углам здания стояли черные стеклянные колонны, внутри которых непрерывно проскакивали светящиеся красные и синие штрихи, то поднимающиеся, то опускающиеся, словно мелкие ползучие зверьки. Крышей дома служил прозрачный золотистый купол, под которым располагался общественный бассейн и спортивный зал. Под целыми рядами аккуратно подстриженных лужаек и клумб, украшавших фасад, скрывались личные гаражи жильцов.

С ненастного неба спустилась изящная капсула Крессиды и приземлилась рядом с Араминтой.

— Поздравляю с успехом, дорогая.

Сегодня на кухне было пушистое черно-белое пальто, ласково льнувшее к ее телу при каждом движении. Она окинула взглядом фасад здания и прищурилась, заметив груды испорченных вещей на трех балконах.

— Я получила коды доступа и сертификат владельца. Может, мы поднимемся?

Араминта купила весь четвертый этаж дома, где располагалось пять больших квартир. Весь дом подлежал реконструкции, и, когда Икор, один из застройщиков, решил выставить свою часть на продажу, Араминта не смогла устоять перед открывающимися перспективами.

Крессида вошла в первую из квартир и закатила глаза.

— Не могу поверить, что ты решилась.

— Почему нет? Это для меня превосходный шанс.

Араминта усмехнулась, видя страх Крессиды, и подошла к балконной двери. Стелянные створки плавно разошлись, приглашая на свежий воздух. С других этажей донеслись слабые звуки работающих инструментов. Остальные владельцы уже готовили свои помещения к сдаче в аренду.

— Дому всего девяносто лет, он нуждается только в косметическом ремонте. Ты

посмотри, какой открывается вид.

Крессида поджала глянцево-синие губки и выглянула на парк района Боданат, простиравшийся до самого Кэрнса. Как раз напротив дома от набережной тянулся причал, а стоявшие на берегу домики сияли белизной, словно только что вышли из плавильной печи.

— Ты выбрала не ту сторону парка, дорогая. Вон там обитают настоящие деньги. Кроме того, отсюда всего несколько кварталов до района Хельи. Нет, правда!

— Перестань ворчать. Я доказала, что могу, и тебе это прекрасно известно.

— Мне известно и то, сколько ты заплатила за здешние лачуги. Да, дорогая, по сотне тысяч за каждую. Как тебя заставили на это пойти?

— В каждой квартире по три спальни. И работы здесь намного меньше, чем в предыдущих помещениях. Из двух апартаментов открывается отличный вид. А с прошлой квартиры я получила сорок тысяч чистой прибыли.

— И все-таки я не могу поверить, что вот на это банк выдал тебе ссуду.

— Это стандартный коммерческий кредит. Мой бизнес-план им понравился, — с гордостью сказала Араминта.

— Ага, и Оззи вернется, чтобы нас спасти. Ладно, уж мне-то ты можешь сказать. Ты переспала со всеми сотрудниками банка?

— Это простая экономика и ничего больше.

— Ха! Ты только что доказала, что не представляешь, о чем говоришь. Экономика никогда не бывает простой.

— Я обновлю лучшую из квартир — допустим, эту — и буду ее демонстрировать, чтобы люди увидели, что можно сделать, и оценили качество работы. Задатки окупят стоимость работ.

— И это лучшая? О боже!

— Да, лучшая квартира. А район Хельи быстро развивается и весьма перспективен. Не будь такой брюзгой. Это раздражает.

В ее словах прозвучало больше недовольства, чем она хотела высказать.

Крессида неожиданно смягчилась.

— Извини, дорогая. Но моя жизнь теперь лишена всякого риска. Честно говоря, твое участие в этой игре меня восхищает. Но ты должна признать, что играешь, причем очень азартно.

— Конечно, играю. Но в жизни ничего не достигнешь, если не будешь рисковать.

— Ну-ну, надо же, как изменилась маленькая девчонка из захолустного Лэнгхэма.

— Она умерла. И на ее похороны никто не пришел.

Бровь безукоризненно изящного рисунка удивленно поднялась.

— Кого же я выпустила в этот мир?

— Я думала, ты обрадуешься, что я иду вперед.

— Я рада. А ты опять будешь выполнять всю работу сама?

— Большую часть. У меня есть несколько новых роботов, и теперь я знаю, где искать материалы и арматуру. Это будет престижное жилье с отделкой по высшему классу.

— Да, конечно. А тебе известно, что отели в городе заполнены до отказа?

— А какое это имеет значение?

Крессида смахнула рукой пыль с перил балкона и прислонилась к ним.

— К нам хлынул колоссальный поток приверженцев Воплощенного Сна. Ходят слухи, что на Виотии обнаружился Второй Сновидец.

— Я об этом ничего не знала, но я и не подключалась к новостным шоу уже несколько недель — была очень занята работой.

— Об этом не говорят вслух, но правительство очень обеспокоено проблемой размещения людей и прочими аспектами — например, общественного порядка.

— Ой, брось!

— Серьезно. За семь недель к нам прибыло более двух миллионов человек. А знаешь, сколько уехало?

— Нет.

— Ни одного. И если все они обратятся с просьбой о предоставлении жилья, нас ожидает демографический кризис.

— Что ж, значит, мы снова принимаем иммигрантов. Это обычный путь развивающихся планет. И спрос на жилье возрастет. Так что я только выиграю.

— Я лишь хочу сказать, что во времена гражданских потрясений цены на недвижимость падают.

— Все так серьезно?

Араминта внезапно забеспокоилась; в конце концов, Крессида всегда была отлично информирована.

— Знаешь, к Эллезелину у нас всегда относились с некоторой неприязнью. А если число приверженцев Воплощенного Сна будет расти такими темпами, осложнений не избежать. Кому захочется жить в теократическом мире?

— Да, но ведь они собираются организовать паломничество. И все снова вернутся на Эллезелин, не так ли? Вряд ли они отыщут своего дурацкого Сновидца, тем более у нас. По моему, все это какие-то политические игры нового Пастыря. Как ты считаешь?

— Кто знает. Но я бы настоятельно советовала тебе подыскать какого-нибудь простофилю, который сразу купил бы у тебя эти апартаменты, и как можно скорее.

Араминта вдруг вспомнила, как настойчиво предлагал Икор заключить сделку. И дело показалось ей выгодным, по крайней мере на тот момент. «Может, простофиля — это я?»

— Пожалуй, присмотреть такого клиента не помешает, — сказала она.

Четыре мистера Бови разразились проклятиями, пытаясь протащить старинную каменную ванну через холл и дверь ванной комнаты. Честно говоря, холл в этой квартире был не слишком большим, да еще и угол поворота они выбрали неудачно.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — крикнула с кухни Араминта.

Вместе с тремя роботами она вносила последние изменения в схему разводки, чтобы подключить заказанные приборы.

— Я справлюсь, спасибо, — раздался в ответ хор четырех ворчливых голосов.

Отенок обиды в их отказе вызвал у нее смех.

— Хорошо.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем один из мистеров Бови зашел на кухню. Это был тот, с которым она встретилась в отделе ванн комнат, — пожилой мужчина с кожей цвета черного дерева. Хоть он и сохранял облик биологически старого человека, тем не менее от физической работы не отказывался. В морщинках на его лбу блестела испарина.

— Я приготовила чай, — позвала Араминта и показала на чайник с набором старинных чашек. — Похоже, что небольшой перерыв тебе не помешает.

— Согласен, пусть работу заканчивают мои более молодые «я». — Он улыбнулся, увидев поднимающийся над чашками пар и пакет с чайными пирамидками. — Все это ты

сделала сама?

— В ожидании доставки кулинарного процессора, — подтвердила она, изобразив мученический вздох.

— Обещаю, его доставят следующим рейсом, — сказал он, принимая чашку. Его взгляд упал на пакеты с едой и печь-гидратор. — Ты здесь и живешь?

— Да. Экономия небольшая, но какой смысл снимать квартиру? Я владею пятью апартаментами, и они не так уж плохи — крыши не текут, а остальное только дело вкуса. В течение нескольких месяцев я могу это выдержать.

— Я тобой восхищаюсь. Немногие люди в твоём возрасте решились бы на подобный проект.

Она иронично приподняла брови.

— А в каком это возрасте?

— Честно? Не имею понятия. Но, как мне кажется, ты живешь первую жизнь.

— Да, верно.

— Могу я предложить тебе замену полуфабрикатам на сегодняшний вечер? Я знаю один неплохой ресторанчик.

Она усмехнулась и поднесла к губам кружку с чаем.

— Звучит неплохо. Только я ненавижу карри!

— Это не страшно, некоторые из нас тоже его не любят.

— У вас разные вкусы?

— Конечно. Вкус определяется биохимическими процессами, а в каждом человеческом теле они протекают по-разному. И ты не сможешь отрицать, что мне есть из чего выбирать.

— Хорошо. — Она смущенно опустила взгляд. — Но я должна спросить. Я никогда раньше не встречалась с мультилюдьми. За столиком со мной будут сидеть все твои варианты?

— Нет, я думаю, это было бы для тебя слишком сложно, не так ли? Кроме того, мне надо управлять магазином, осуществлять доставку, установку и тому подобные дела. Моя жизнь продолжается непрерывно.

— Ну да. — Тут сложно было что-либо возразить.

— А вот если бы и ты стала мультиличностью, дело пошло бы совсем по-другому.

— Как это?

— Мы бы заказали целый ресторан со столиками на двоих и собрались бы все вместе. Все ты и все я одновременно вели бы пятьдесят разных бесед и пробовали бы все блюда в меню и все вина, указанные в карте. Что-то вроде ускоренного развития свидания.

Она рассмеялась.

— А ты когда-нибудь проделывал такое?

— Я отвечу тебе сегодня вечером.

— Хорошо. И какой же из вас будет сидеть со мной за столиком?

— Выбор за тобой. Сколько и какие из меня.

— Один. И ты меня вполне устроишь.

Араминта бесконечно долго размышляла, что надеть и какие выбрать косметические мембраны. Одеваться она начала за два часа до назначенного времени. Придирчиво осматривала себя в зеркале и отвергала один вариант за другим. Пятьдесят минут спустя все чемоданы в ее спальне были открыты. Вся одежда, купленная за последние два месяца, лежала на всех предметах мебели и на полу, почти не оставив свободного места. Араминта

испробовала четыре разных стиля, используя масштабные мембраны. Она взбивала и приглаживала волосы. Смазывала их маслом и делала пышные локоны. Украшала красными мерцающими звездочками, потом голубыми, зелеными и ярко-белыми.

В конце концов — за одиннадцать минут до встречи — она приняла волевое решение: быть естественной. Мистер Бови не тот человек, которого можно поразить внешним блеском. Его капсула приземлилась на площадке рядом с домом, и она вызвала лифт. Кабина доставила ее в пыльный вестибюль, заваленный строительным мусором и упаковочной тарой. Все это было залито безжалостно яркими лучами временного освещения.

Мистер Бови, одетый в светло-серый плащ-костюм с минимальным поверхностным блеском, встретил ее у самых дверей и улыбнулся.

— В наше время женщина, которая не опаздывает, дорогого стоит.

Она окинула его взглядом и одобрительно кивнула, невольно представив себе брошенных покупателей, задержки в установке аппаратуры и транспортные капсулы, мечущиеся по городу из-за неправильно выданных адресов.

— А выглядишь ты, — он слотнул, стараясь подобрать слова, — фантастически. Просто великолепно.

— Спасибо.

Она завела руки за спину и подставила щеку для формального приветственного поцелуя, словно молоденькая инженеру. Значит, выбор она сделала правильно. Черное платье без рукавов из гладкой шелковистой ткани широким разрезом спереди, едва скрепленным парой тонких изумрудных цепочек, так, что создается впечатление, будто девушка вот-вот вырвется из одежды. Золотисто-каштановые волосы двумя волнами спускаются ниже плеч. Никаких изменений в лице, кроме того, что губы стали чуть темнее естественного оттенка, а на веках зажглись изумрудные искры. И самая важная деталь облика: легкая полуулыбка, гарантирующая помутнение разума всей мужской половины человечества.

Мистер Бови справился со своими эмоциями.

— Ну что, едем?

— Хорошая идея.

Выбранный им ресторан назывался «У Ричарда». Небольшое, но роскошное заведение занимало два этажа старинного белокаменного здания в районе Адно. Его владелец был также и шеф-поваром и, как рассказал мистер Зови, имел небольшой катер, на котором пару раз в неделю отправлялся в дельту реки и сам ловил рыбу для фирменных блюд.

— Так как, ты встречался с другими мультиличностями? — спросила — Араминта после того, как они сделали заказ.

— Конечно, — ответил мистер Бови. — Хотя на Виотии нас не так уж и много.

— А что насчет браков? Вы заключаете союз только с себе подобными?

— Однажды я был женат. На мультиженщине по имени Рион. Это было... — он нахмурился, словно что-то вспоминая, — довольно приятно.

— Но звучит ужасно.

— Нет, я к ней несправедлив. Мы прекрасно проводили время, пока длился наш союз. Секс был просто потрясающим. — Он бесстыдно ухмыльнулся. — Вообрази, тридцать меня и тридцать ее. И все вместе каждую ночь. Вы, одиночки, даже не представляете себе, что это такое, несмотря на все ваши оргии.

— Но и ты не знаешь, как я веду себя в оргиях.

Не успела она договорить, как почувствовала, что у нее покраснели уши. Она удивила

его уже второй раз за этот вечер, а свидание не продлилось еще и часа. «Крессида бы мной гордилась».

— Ну, все равно — продолжал он, — мы решили, что пора заканчивать лет через семь после женитьбы. Никакой враждебности между нами не было, мы и сейчас остаемся друзьями. К счастью, мы не объединили свой бизнес.

Брачный контракт никогда не помешает, каким бы ни был союз.

— Да, я усвоила это после сурового урока.

— Ты была замужем?

— Да. Наш брак оказался неудачным. Но ты прав, я еще молода. Моя зина утверждает, что научиться можно только на собственных ошибках.

— Твоя кухня права.

— Так ты сегодня собираешься обратиться ко мне?

— Обратиться?

— Убедить поверить в преимущество мультиличности. Мне казалось, что ты считаешь неизбежным переход к такой форме жизни.

— Да, считаю. Но я не проповедник. Хотя кое-кто из нас действительно стал ярким пропагандистом, — признал мистер Бови.

— И ты встречаешься?..

— С представителями другой веры? Конечно. Каждый человек представляет интерес, независимо от его убеждений.

— Высшие, по-моему, слишком скучны. Если это позвучало чересчур резко, могу пояснить: мой бывший сейчас как раз в процессе миграции.

— Значит, это не совсем беспристрастное мнение.

Араминта приподняла свой бокал.

— Помоги нам, Оззи, надеюсь, что нет.

— Стремление стать Высшим — не самый лучший вариант, это путь технократии. А мы решаем проблемы смертности и эволюции гуманистическими методами.

— Но и вы зависите от технологии.

— В очень малой степени. Лишь несколько геев-частиц, чтобы объединить наши разумы. Это простейшая процедура.

— Ага! Ты все-таки пытаешься меня обратиться.

Он усмехнулся.

— Это паранойя.

— Это свойство всех разведенных. А среди твоих вариантов есть женщины?

— Нет. Некоторые мультиличности действительно бисексуальны, но это не для меня. Слишком смахивает на мастурбацию.

— У меня возник еще вопрос, и ты должен ответить, иначе будет нечестно.

— Что нечестно?

— Ну, ты можешь не сомневаться, что у меня сегодня не назначено других свиданий...

— А, — он лукаво усмехнулся. — Значит ты подумала, что другие «я», кроме занятий в бизнесе, могут сидеть в другом ресторане и болтать с другими женщинами?

— Да, — призналась Араминта.

— А впрочем, почему в другом ресторане? — Он обвел жестом весь зал. — Скажи честно, ты могла бы определить, что среди посетителей нет другого меня?

От таких слов у Араминты перехватило дыхание, и она оглянулась по сторонам.

Мистер Бови рассмеялся.

— Нет, ничего подобного, — заверил он ее. — Сегодня меня интересуешь ты и только ты. — Его взгляд остановился на разрезе ее платья. — Да и как может быть иначе?

— Очень лестно. — Она отпила глоток вина. — Спасибо.

После этого их свидание продолжилось по более или менее стандартно- сценарию.

Могучие создания свободно летели в грандиозных переливающихся потоках, сиявших на фоне бесконечной черноты. Они огибали огромные пурпурные выступы, простирающиеся на много световых лет, поднимались и пускались над переливающимися лентами холодных разреженных газов. Все, что испытывали их тела во время полета, мерцающим сиянием отражалось в мыслях, словно они плыли по океану воспоминаний другого существа. И это было недалеко от истины, особенно в такой близости от ядра их Вселенной.

То существо, с которым она связана, медленно поворачивается вокруг своей оси, не теряя контакта с сородичами. Стая растянулась на миллионы километров. На расстоянии диаметра планеты парит его другая сущность; по обеим сторонам от его продолговатого тела размером с гору широко распростёрты вакуумные крылья — тончайшие скопления молекул, каждое величиной с атмосферный фронт, мерцающие в слабом свете звезд. Колоссу известно, что где-то на другой стороне бескрайней бездны с поверхности твердого мира поднимается слабый шепот мыслей. И среди них снова есть мысли отдельных личностей, которые становятся все сильнее и постепенно вплетаются в ткань этой галактики. Огромное существо купается в мягком сиянии звездной туманности и размышляет, когда же мысли станут достаточно сильными, чтобы влиять на реальность. И оно, и его сородичи уверены, что рано или поздно такой момент настанет. И тогда стая покинет прекрасную туманность, чтобы искать новых пришельцев и направлять их мысли к ядру, где осуществляется кульминация всей жизни.

Приятная перспектива вызвала у Араминты вздох удовлетворения, хотя огромное существо уже исчезало в далекой тьме. Звездное мерцание превратилось в подвижные язычки свечей. Призрачное касание космической пыли сменилось скользящими движениями сильных пальцев. Другая пара рук поглаживала ее живот, еще одна ласкала грудь. Теплое масло втиралось в кожу с настойчивой чувственностью. Языки проникали в самые интимные уголки ее тела.

— Пора просыпаться, — прозвучал негромкий голос.

С противоположной стороны от нее раздался другой голос:

— Пора снова предаваться наслаждениям.

Все еще в приятной дремоте, Араминта перевернулась, подчиняясь движению рук и приоткрыла глаза. Мистер Бови, с которым она ужинала в ресторане, стоял у края широкой кровати и улыбался ей, глядя сверху вниз.

Она ответила ему ласковой усмешкой и вдруг ощутила, как в нее входят сзади. Ее изумленный и взволнованный вздох осветил его лицо восторгом. Еще одна пара рук смяла ее ягодицы. Она приоткрыла рот и приняла член совсем молодого мистера Бови.

Она не знала, сколько его вариантов с ней на этот раз совокуплялись. Не знала, утро сейчас или еще полночь. Ей было все равно. Вся ее Вселенная сейчас заключалась только в ее плоти и наслаждениях.

После ужина в ресторане «У Ричарда» они в капсуле мистера Бови отправились в его большой городской дом на южном берегу, с лужайками доходящими до самой реки. Еще не было даже полуночи. Несколько его вариантов сидели в гостиной, двое на кухне занимались

приготовлением каких-то блюд, трое плавали в большом бассейне. По его словам, остальные отдыхали в спальнях на верхних этажах.

Араминта словно бы оказалась хозяйкой большого приема. Два мистера Бови сидели по обе стороны от нее на мягком диване, а остальные расположились у ее ног на больших подушках. Потребовалось немало времени чтобы она смогла победить инстинктивное ощущение, что все они разные люди. Он с удовольствием поддразнивал ее, то подхватывая чей-то разговор на середине фразы, то затевая спор с самим собой. Но совместный смех всех его тел звучал ласково и добродушно. Это было очень медленное и мягкое соблазнение.

А потом тот, с кем она ужинала, наклонился и поцеловал ее. От вина и предвкушения к этому времени у нее уже лихорадочно стучало сердце, а кожа горела огнем.

— Выбор за тобой, — прошелестел его голос.

— Выбор?

— Сколько и какие из нас.

Она окинула взглядом лица, и на каждом увидела одинаковое выражение восторга и желаний. На то долгое мгновение все лица показались ей абсолютно одинаковыми, словно это были клоны. Тогда ее подсознание и постигло тот факт, что все они — один человек.

— Безусловно, ты, — сказала она своему компаньону по ужину. — Это ведь ты сделал самую тяжелую работу, убедив меня прийти сюда. — Затем она стала просто показывать. — Ты. — Очень красивый парень. — И ты. — Молодой и мускулистый, это она заметила, когда он выбирался из бассейна.

Выбранная тройца проводила ее наверх. Араминта думала, что вела себя достаточно отважно, но затем мистер Бови стал обучать ее приемам, осуществить которые можно было только в группе, и ночь превратилась в горячее сексуальное приключение.

— Доверься мне, — сказал он, открывая перед ее лицом аэрозоль. — Это стимулятор. Он усилит наслаждение и уравнивает наши возможности.

Араминта вдохнула газ. Он оказался довольно мощным средством.

Они собрались вокруг нее, поддерживая сильными руками в разных положениях. По мере того как стимулятор насыщал кровь, Араминта достигала оргазма с каждым по очереди. После третьего она в приятной истоме пала на матрац. И только тогда заметила, что вокруг постели в полной наготе стоят другие варианты мистера Бови, молча ожидая ее внимания. Она не стала возражать, видя их горящие желанием лица.

— Да, — выдохнула она.

Новые тела одновременно приблизились к кровати.

Той ночью Араминта в экстазе не раз отключалась от реальности. Каждый газ мистера Бови давал ей немного отдохнуть, а потом снова начинал возбуждать. В один из таких периодов она и увидела тот странный сон.

Она проспала почти до полудня. А когда наконец проснулась, все подробности прошедшей ночи слились в непрерывную череду почти животного секса. Араминта сама удивилась, что соглашалась на все, что он ей предлагал.

В постели рядом с ней лежал мистер Бови, пригласивший ее в ресторан. Больше в спальне никого не было.

— Доброе утро, — ласково произнес он.

Она все еще ощущала невероятную усталость и неприятное раздражение. Действие аэрозоля закончилось, а ее кожа стала холодной и слегка липкой.

— Ты знаешь, что ты очень красива, когда спишь?

— Я... Раньше мне никто об этом не говорил.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вроде бы неплохо.

— Ладно, — с понимающей улыбкой сказал он, убирая с ее лба прядь волос. — Тогда я спрошу прямо: ты бы хотела повторить такую ночь?

— Да, — прошептала она, сознавая, как лицо заливают краской.

Несмотря на порой полуобморочное состояние, эта ночь была лучшей в ее жизни. О чем-то похожем говорила Крессида, когда рассказывала о сексе с несколькими партнерами одновременно, но такого Араминта в силу своей застенчивости попробовать не решалась. Этой же ночью она занималась любовью с одним и тем же человеком и потому не стыдилась своего возбуждения — почти.

— Я надеялся, что ты согласишься. Не каждый моночеловек способен вести себя со мной таким образом. Ты необыкновенная женщина, Араминта.

— Я... — Она помедлила, не решаясь на откровенность. Какая глупость! — Я чувствовала, что становлюсь частью тебя. Я это себе выдумала?

— Нет. В таком эмоциональном состоянии гея-поля могут смешиваться, а между нами почти все время существовала близость. Ты делала это по доброй воле?

— Во мне нет гея-частиц.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Интересно. А мне всегда казалось... Ладно, это не важно. Ванна для тебя уже готова.

— Спасибо. А куда мы отправимся потом?

— В «Империи Бродвея» идет неплохая пьеса, комедия с реальными актерами. Я купил билеты на сегодняшний вечер.

Это было не совсем то, на что она надеялась.

— Прекрасно. А потом?

— Я бы хотел, чтобы ты вернулась сюда, в эту постель. Правда, мне очень понравилось.

Араминта застенчиво кивнула.

— Согласна.

Она не надеялась, что вчерашняя ночь повторится. Первый опыт всегда особенный. Но, если Араминта будет такой же возбужденной, как накануне, секс станет самым горячим во всем городе. Она выбралась из постели и охнула, выпрямляя тело.

— Гм, сколько же у тебя тел?

Пришла его очередь проявить сдержанность.

— Больше трех десятков.

— А сколько... прошлой ночью?..

— Шесть, — ответил он и очень по-мужски удовлетворенно ухмыльнулся.

— Великий Оззи!

«Вот это да, я теперь законченная распутница. Скорее бы увидеться с Крессидой и все рассказать. Она мне позавидует».

— Что бы ты хотела на завтрак? — спросил мистер Бови, остановив Араминту на пороге ванной комнаты.

— Апельсиновый сок, кофе, черный и крепкий, и круассаны с джемом из клубники и хиджани.

— К твоему выходу все будет готово.

Над поросшей кустарником пустыней антиграв-капсула увеличила скорость. За

прозрачным корпусом мертвые иссушенные растения, почти того же цвета, что и почва, из которой они росли, слились перед глазами Аарона в сплошное мутное мелькание. Дрожащее пятно внизу искажало визуальную перспективу, и было трудно определить, летят они на высоте нескольких метров или нескольких километров. Аарон не раз ловил себя на том, что ищет глазами черную тень, скользящую по земле.

За пару минут до приезда на ранчо он увидел забор: выбеленные солнцем деревянные столбики ограничивали участок, ничем не отличающийся от остальной пустыни. Между столбиками была натянута ржавая колючая проволока. По мере приближения капсулы к дому внизу мелькнули еще какие-то изгороди. Обнесенные ими участки были намного меньше и ближе располагались друг к другу. Наконец появились и строения самого ранчо — небольшое скопление в центре паутины колючей проволоки.

— Что он здесь разводит? — спросила Корри-Лин.

— Корримулов, — ответил Аарон.

— Я не вижу, чтобы там хоть что-нибудь двигалось.

— Полагаю, сейчас неподходящий сезон.

Корри-Лин с сомнением посмотрела на пустыню.

— А здесь есть какие-то сезоны?

— Да. Раз в десять лет идет дождь.

— Черт побери, какое счастье для фермеров!

Капсула сделала круг над ранчо. Аарон насчитал восемь больших отдельно стоящих амбаров из древнего ржаво-коричневого композита и белокаменный дом в центре, окруженный изумрудной зеленью обширного сада, Бассейн под открытым небом сверкал насыщенной бирюзой. По широкому выгулу скакали земные лошади.

— Ну, вот это по крайней мере выглядит неплохо, — ворчливо заметила Корри-Лин.

Юз-дубль Аарона доложил о широкоспектральном сканировании капсулы.

— На рай немного непохоже, — пробормотал он.

Его собственное пассивное сканирование выявило внизу мощные источники энергии. Располагались они по всему периметру ранчо — своего рода оборонительный рубеж.

Капсула приземлилась на специальную площадку у самого края сада.

— Ты не могла бы... — заговорил Аарон и тотчас заметил на лице женщины выражение глубокого равнодушия. — Предоставь все переговоры мне, хорошо?

— Конечно. Может, мне просто остаться здесь? Или ты сначала заткнешь мне рот? А может, предпочтешь упрятать в передвижную стазис-камеру?

— Очень соблазнительно, — ухмыльнулся он, игнорируя ее хмурый взгляд.

Поль Алкофф, одетый в выцветший джинсовый костюм, со стетсоном на основе, подждал их, облокотившись на ворота выгула. Этот высокий худой мужчина наконец позволил проявиться своему возрасту в семь с половиной столетий. Его длинные волосы, аккуратно зачесанные назад, сильно поредели и стали совсем белыми. Суставы рук и ног, видимо, утратили гибкость, и их движения были несколько замедленными. На сильно загоревшем лице выделялись бледно-голубые глаза. Еще одной отличительной особенностью была аккуратно подстриженная борода. Даже Аарон понял, что встретился с непростой личностью. Он сразу же задумался, сколько повидал этот человек за свои семьсот пятьдесят лет.

— Сэр, спасибо, что согласились встретиться со мной.

Его уважительный тон вызвал удивленный взгляд Корри-Лин.

Поль слегка улыбнулся, приподнял свой стетсон ровно на дюйм и чуть наклонил голову в сторону Корри–Лин.

— Добро пожаловать, мэ.м.

— Хм, привет, — выдавила основательно смущенная Корри–Лин.

— Как правило, я не пускаю в дом таких, как вы, — обратился Поль к Аарону. — Так что не обижайтесь, что не приглашаю преломить хлеб.

— У меня только боевые биононики, я не Высший.

— Угу. Полагаю, в наши дни это не так уж важно, сынок. Битва случилась много лет назад.

— И вы победили?

— Планета все еще принадлежит людям, так что я считаю, мы тогда не напрасно старались.

— Так вы Протектор?

— Мои бывшие партнеры просили меня сдать землю в аренду. Я навел справки и понял, что на них надавили высшие чины, люди, о которых мы давно ничего не слышали. Вы это допустили, сынок, так что я бы не хотел, чтобы ты снова начал ту же игру.

— Я здесь не для того.

— Что же тебе нужно?

— Информация.

— Я так и думал. — Он повернулся и поставил локти на верхнюю перекладину ворот. — Видишь, вон там Джорджия? Крапчатая кобыла.

Корри–Лин и Аарон подошли к воротам.

— Да, сэр, — ответил Аарон.

— Резвая малышка, верно? Я могу проследить ее родословную до земных арабских скакунов середины девятнадцатого столетия. В ней нет ни капли чужой крови. И никаких модификаций в генах. Зачата естественным путем и рождена из чрева своей матери, как и все ее предки. Для меня это истинная красота. И я не хочу, чтобы ее испортили. Нет, в самом деле, не желаю, чтобы ее жеребят *улучшали*. Она и ее сородичи имеют право существовать в этой Вселенной в том виде, в каком их создал родной мир.

Аарон проводил взглядом скачущую галопом лошадь с развевающейся гривой.

— Мне это понятно, сэр.

— В самом деле? А моя шляпа?

— Сэр?

Поль снял стетсон, внимательно его осмотрел и снова водрузил на голову.

— Должен сказать, что это настоящая вещь. Одна из последних, выпущенных в Техасе двести пятьдесят лет назад на фабрике, которая изготавливала шляпы почти тысячу лет, пока АНС не прикрыла ее якобы за ненадобность. Потомки людей, живущие в том несчастном мире, больше не делают их даже в кустарных мастерских. Я купил целую партию и храню в стазис–поле. Как только одна шляпа изнашивается, я надеваю новую. Осталось всего две штуки. Это вопиющее безобразие. Хотя я не думаю, что протяну так долго, чтобы износить последнюю. Она будет покоиться на крышке моего гроба.

— Прискорбно это слышать, сэр.

— А скажи–ка, сынок, что ты обо мне думаешь?

— Э-э, не знаю.

Поль уставился на Аарона пронизывающим взглядом.

— Если уж я так расстраиваюсь, говоря о подлинности шляпы, подумай, я испытываю, когда исчезновение грозит всему человеческому наследию.

— А!

— Да. Я Протектор и горжусь этим. Я немало постарался, препятствуя распространению мерзопакостных фальсификаций и ханжеской идеи превосходства среди этих великолепных звезд. Высшие — не фанатики какой-нибудь старомодной религии или идеологии. С теми, даже имея различные взгляды, можно было всю ночь проспорить за бутылкой виски, а утром посмеяться и по-джентльменски разойтись. Но только не с Высшими. Я смотрю на них как на физический вирус, который необходимо уничтожить. В противном случае он заразит всех нас. Те, кто рождается с бионниками в клетках, уже лишены права выбора. Они *обязательно* загрузятся в АНС. Вот так. Нет выбора, нет альтернативы. Твоя сущность украдена еще до рождения. Люди, настоящие люди, обладают свободой воли. У Высших этого нет. И быть не может.

— А жизнь, которой они живут между рождением и загрузкой? — спросила Корри-Лин.

— Не имеет значения. Это все равно что домашние собачки, вернее, скот, окруженный заботой и охраной машин до того момента, когда они решают принести своему железному богу последнюю жертву.

— Так какой же смысл этому богу их создавать?

— В конечном итоге какая-то цель должна быть. Несмотря на прошедшие годы, это еще только начало. АНС считает, что таково наше будущее. Если дать им волю, система нас уничтожит.

— Многие расы живут в стабильности постфизического состояния, — заметил Аарон. — Для большинства сингулярность является процессом регенерации. Те, кто не согласен с этим, отделяются и осваивают новые звезды.

— Согласен. Но это совсем другое. — Поля снова отыскал взглядом Джорджию. — Если ее не защищать, Вселенная никогда не будет такой, как прежде. Это неправильно. Нельзя этого допускать.

— Радикальное движение внутри АНС почти уничтожено, — сказал Аарон. — АНС следит за тем, чтобы не было несанкционированного доступа.

Поля слабо улыбнулся.

— В том-то все и дело. Может, добрый Бог просто смеется над своим железным соперником.

— Я хочу спросить вас о тех временах, когда вы были активным Протектором.

— Валяй, сынок. Я не знаю, кто ты, но абсолютно уверен, что ты не полицейский в любой их разновидности.

— Нет, сэр, я не полицейский.

— Рад это слышать.

— Я здесь ради Иниго.

— А! Он один из первых в моем списке. Вы ищете его?

— Вы знали, что он был Высшим?

Реакция Поля удивила Аарона. Старик хлопнул ладонью по перекладине ворот и просиял широчайшей улыбкой.

— Сукин сын! Я знал, черт побери, знал. Да, он был хитрой бестией. Знаете, сколько времени мы за ним следили?

— Так вы подозревали?

— Конечно, подозревали.

— Значит, Высшим был Эрик Хорови?

— Эрик? Нет. Бедняга! Проклятый ангел его просто использовал, так же как и сестер.

— Сестер? Вы говорите о тетке Иниго?

— А вам не так уж много об этом известно, не так ли?

— Нет, сэр. Но я должен во всем разобраться. И срочно.

— Ха! Всегда все срочно. В наши дни вся Вселенная куда-то торопится. Я-то понимаю это, потому что я стар...

— Эрик, — мягко напомнил ему Аарон.

— Давай-ка начнем с ангела. Вам известно, кто это такие?

— Я о них слышал.

— Высшие-радикалы хотели обратить в свою веру целые миры. Они не собирались предоставлять людям право выбора. Как я говорил, рожденный с биониками человек не мог выбирать, как провести свою жизнь. Так вот. в те времена ангелы высаживались на планету и начинали свою грязную работу: сеяли заразу, которая должна была поразить все население. Протекторы организовали наблюдение за космопортами и стали следить за всеми носителями биоников. Как я полагаю, они и сейчас этим занимаются. Так вот, ангелы приспособились высаживаться где-нибудь в глуши. Они прыгали с корабля, находящегося на низкой орбите, а силовые поля спасали их от последствий аэродинамического торможения. — Он внимательно посмотрел на Аарона. — А ты можешь такое проделать?

— Да, наверное, смогу. Весь вопрос в форматировании. Но тогда это была новейшая технология.

— О, эти мерзавцы получали все, что хотели. Из-за своих силовых полей они и получили свое название. У них как будто вырастали крылья, несущие тела в огненном потоке. Многим удавалось и вовсе остаться незамеченными В тот раз нам повезло. Сочувствующий нашему движению рыбак заметил термальный след и известил нас. Я и моя команда проследили этого ублюдка до Кухмо. Но мы опоздали. К тому времени, когда мы туда добрались, он уже подцепил Эрика Хорови и Эмильду Виатак, они в то время встречались, как это бывает у нормальных подростков. Ангелы обладают одной особенностью: они гермафродиты, и еще они очень красивы. По-настоящему красивы. А тот был исключительным экземпляром даже для своего рода — то прекрасный юноша, то ли потрясающая девчонка, зависит от пола партнера. Ангел подружился с Эриком и Эмильдой и переспал с ними обоими. Сначала с Эриком. И это очень важно. Он впрыснул ему свою сперму с биониками. А потом он соблазнил Эмильду, и она забеременела от измененной спермы Эрика.

— А меры предохранения? — спросил Аарон.

— Бесплезно. Ангелы нейтрализуют любую контрацепцию быстрее, чем медики. Так что вскоре молодые люди поняли, что Эмильда ждет ребенка, а анализ ДНК показал, что отцом без сомнения был Эрик. Обнаружить бионики в зародыше чертовски трудно даже в наши дни. Они не проявляют себя до полового созревания, а тогда уже слишком поздно. Стоит заразить ими часть населения, и через несколько поколений большинство младенцев будут рождаться Высшими. Но мы вовремя разрушили этот любовный треугольник.

— Пожар в колледже? — спросила Корри-Лин.

— Да, мэм. Вы скажете, что ангелы хорошо вооружены, но мы все равно справились с ним. Победить обладателя биоников можно, только следует подобрать более мощное оружие. Здание гуманитарного отделения при этом сильно пострадало.

— А что стало с ребенком?

— Мы отвезли Эрика и Эмильду в свою штаб-квартиру. Она была беременна, как мне помнится, около двух недель, и эмбрион оказался заражен.

— Я думал, это невозможно определить.

Взгляд Поля устремился за горизонт.

— Выяснить всегда можно. Надо только исследовать саму клетку.

— Ох, Оззи, — выдохнула Корри-Лин и сильно побледнела.

— Мы извлекли из Эмильды эмбрион и исследовали его. Такой процедуры не вынесет ни один зародыш. К счастью, мы успели вовремя.

— Что бы вы ни говорили, это бесчеловечно.

Аарон метнул в ее сторону сердитый взгляд. Корри-Лин хотела еще что-то добавить, но только махнула рукой и ушла.

— Извините за эту сцену, — сказал Аарон. — Что же было дальше?

— Стандартная процедура, когда женщина знает, что она беременна, как в случае с Эмильдой. Мы не могли стереть две недели из ее памяти, это было бы слишком заметно. Потому мы извлекли ее яйцеклетку, оплодотворили спермой Эрика и поместили в матку. После этого им обоим удалили память о вечере, проведенном в нашей штаб-квартире. На следующее утро ребята проснулись с головной болью и не могли вспомнить, что делали накануне. Обычный случай среди молодежи.

— Что же не получилось?

— Нет, сынок, все прошло великолепно. Спустя девять месяцев у них родилась хорошенькая девочка. Вполне нормальная.

— А как же был зачат Иниго?

— У Эмильды была сестра.

— Сабина.

— Да. Они были близнецами. Однойцевыми близнецами.

— А, вот теперь я начинаю понимать.

— Я должен был учесть такое развитие событий. Это же мечта каждого подростка, да и большинства мужчин тоже!

— Он спал с ними обеими.

— Да. И он, и ангел. И ты только что подтвердил мою догадку. После стольких лет. Частью процедуры зачистки для Протектората является исследование памяти ангела, чтобы узнать, кого он успел заразить. Взламывать чей-то разум — ужасно, это одно из тяжелейших прегрешений современной медицинской технологии. На то, чтобы преодолеть защиту биоников, уходит несколько дней. Да простит меня Бог, в нашей команде этим занимался я. Тяжелая необходимость. Другого способа узнать, что натворили отродья дьявола, не существует. Процесс нельзя назвать чисто научным опытом сейчас, нельзя было и тогда. Разум — это не просто небольшое хранилище наподобие кристалла памяти. Мне приходилось погружаться в его разум и терпеть его коварные мысли в своей голове. При исследовании последних по времени воспоминаний я чувствовал себя так, словно сам переспал с Эмильдой. — Он прикрыл глаза, явно страдая от болезненных воспоминаний. — Я помню ее лицо в нескольких дюймах от моего. Она... она была такой красивой! Хотя я не

могу с уверенностью сказать, что запомнил именно ее. Я не отличал одну сестру от другой. Черт, в то время я и не знал, что должен был искать различие между ними.

— Выходит, Иниго появился на свет в процессе инфильтрации Высших.

— Да. Мы были в шоке, когда обнаружили, что Сабина беременна, но это случилось уже накануне родов. Мы долго спорили, как поступить.

— Выкрасть ребенка и протестировать его.

— Да, это был один из вариантов. Наиболее мягкий. — Поль оглянулся на Корри—Лин, сидевшую на бетонном бордюре, идущем вокруг одного из амбаров. — Но с течением времени вмешательство становилось все более проблематичным, особенно после рождения ребенка. Мы не... Между прерыванием беременности и детоубийством существует огромная разница — по крайней мере для меня. Раз уж младенец появился на свет, он имеет законное право на существование. Даже если бы мы забрали его у матери и доставили в Центральные миры, его бы тотчас отослали обратно. Таковы наши законы. Протекторат для того и задумывался, чтобы прекратить этот кошмар, пока он не повлек за собой политических осложнений.

— И что же вы решили?

— Я никогда не верил, что рождение детей у двух сестер с разницей в две недели может оказаться простым совпадением. Если Иниго был заражен, он обязательно выдал бы себя, так всегда происходит.

— Но этого не произошло.

— Нет. Мы не спускали с него глаз, пока ему не исполнилось двадцать пять лет. И он ни разу не ошибся. Он вел себя в точности как любой другой нормальный человек. Школа. Университет. Средние успехи в спорте. Травма во время игры в футбол. Потом он нашел работу. Держался вдалеке от местной политики. Заключил контракт с финансовой компанией, страхующей процесс омоложения. Когда попробовал аэрозоли, достиг желаемого эффекта. Занял невысокую скучную должность в департаменте космологии государственного университета. Ничто не указывало на присутствие в его организме биоников. До самого вашего сегодняшнего появления я еще сомневался, что он заражен. Я склонялся к мысли, что его рождение все-таки было случайным совпадением. Поверь, сынок, если бы мы нашли подтверждение своей догадке, по достижении совершеннолетия ему был бы предъявлен негласный ультиматум.

— Жить или умереть.

— Да. Другого пути бороться с ними не существует.

— А потом он покинул этот мир, не так ли? И попал на станцию «Центурион».

— Да. И надо же, чем все кончилось! Половина чужаков в этой Галактике хотят нас уничтожить. И кто может их винить?

— Нам угрожает только Окайзенская Империя.

— Ты хотел сказать, что только они открыто высказывают свое недовольство. Не думаю, что остальные спокойно сидят и ждут, пока мы уничтожим их звезды.

Кто знает. Если мне удастся его отыскать, может, мы сумеем предотвратить паломничество.

— Мне следовало уничтожить его в утробе матери при первой возможности.

— Ну, кем бы он ни был, Высшим его назвать нельзя.

— Может, он и не развращен их культурой, но это пока.

— Скорее всего, вы правы. Он нашел альтернативу пути, который вы считали

неизбежным. Его судьба — в Бездне, а не в АНС.

Поль пожал плечами.

— Как бы то ни было, это не судьба нормального человека.

— Наша судьба такова, какой мы себе ее выстроим. Свободный выбор, вы сами об этом сказали.

— Ты ошибаешься, сынок. Я вижу, что ты веришь в себя, и желаю, чтобы так было и дальше. Но здесь ты ошибаешься.

— Ладно, тут наши мнения расходятся. А что произошло с Эриком?

— Утрата тела. — Поль заметил изумленный взгляд Аарона. — Не тут ни при чем. Обычный несчастный случай. Он упорно работал, чтобы поддержать обеих сестер. Полагаю, он был порядочным малым. Фе которому он помогал, не следил за своими машинами. Агробот сильно ранил Эрика. Парень к тому времени уже выплатил страховку, но не успел загрузить в хранилище воспоминания. Так часто бывает. В новом теле лась лишь память о нескольких месяцах, а этого для воссоздания личности явно недостаточно. В новом теле он остался ребенком, и, возможно, к лучшему, поскольку настоящего детства он не знал. У Эрика больше не было эмоциональных связей ни с сестрами, ни с собственными детьми. Но Эмильда очень постаралась, и ей удалось это исправить. Они уехали вместе. Сабина и маленький Иниго остались. Так в большой семье возникла глубокая трещина. С тех пор сестры не разговаривали друг с другом.

— И поэтому тетя Эмильда была вычеркнута из официальной семейной хроники.

— В общем—то, да.

— Никогда не встречала личности, более достойной презрения, — сказала Корри—Лин, как только антиграв—капсула поднялась с ранчо. — Даже по сравнению с нашим дражайшим Духовным Пастырем.

— А ты когда—нибудь встречалась с ангелом Высших?

— Нет.

— То—то же.

— И все? — сердито крикнула она. — А что ты сам думаешь?

— Я не пытаюсь никого оправдать. Я только хочу сказать, что на каждое действие находится равное противодействие. То, что они делали, было обусловлено эпохой.

— Он психопат. Черт знает сколько он убил младенцев. Он заслужив небытия до конца вечности.

— Смерти, ты хотела сказать.

— Какая разница! — отрезала она и плюхнулась в кресло.

Ее привлекательное личико исказила гримаса ярости.

— Я же просил предоставить все переговоры мне.

— Заткни пасть.

— Что ж, по крайней мере он нам помог.

— Чем это?

— Знаешь, если ты не перестанешь беситься...

— Пошел к дьяволу! Держу пари, до лишения памяти ты и сам был Протектором. Тебе это очень подходит.

— Нет.

— Ты же не можешь знать наверняка. Иначе откуда у тебя такие связи в этой мерзкой организации?

— Мне просто известно, кого в данной ситуации надо спрашивать. Информирование не означает согласия, и мне неизвестен источник моих знаний.

— Пф!

Она отвернулась и уставилась на пролетающую внизу пустыню.

Аарон немного подождал, пока Корри—Лин отойдет. И не дождавшись, молча улыбнулся.

— Иниго оплатил полис на омоложение, — произнес он немного погодя.

— И что?

Она умудрилась вложить в эту фразу больше капризной раздражительности, чем пятилетний ребенок.

— Это часть его плана поддерживать иллюзию нормальной жизни. Обладатели биоников не нуждаются в омоложении, оно — участь Профессоров и нормальных людей. Бионики поддерживают клетки человеческого тела в оптимальном состоянии, после двадцати пяти лет организм не становится старше. Иниго сделал это в попытке одурачить Протекторат. Он ведь знал о своем наследии, соответственно, знал и о том, что с ним сделают, если он допустит ошибку.

— И как нам это поможет?

— Он должен был завести и хранилище памяти. Скорее всего, как раз перед тем, как отправиться на станцию «Центурион».

— Жаль, что ты внезапно оглох. Я спросила: как это нам поможет?

— Где-то на Анагаске сохранилась электронная копия юного Иниго. Алкофф дал мне название компании, где он покупал полис.

— Я не намерена... Всемогущий Оззи! Ты же не собираешься?..

Аарон весело усмехнулся.

— Наконец-то эту планету что-то встряхнет.

До войны со Звездным Странником, когда население Содружества было однородным и состояло преимущественно из физических лиц, правительство учредило весьма серьезный комитет, названный Советом внешней защиты Содружества, в чьи задачи входила оценка степени угрозы со стороны каждой новой расы чужаков. После того как АНС вступила в действие и взяла на себя управление всеми операциями флота, угроза стала несущественной. Если уж старое Содружество нашло в себе силы победить праймов, то АНС с ее почти постфизическими технологиями вряд ли могло угрожать нечто менее могущественное, чем постфизическое зло. Но исключать вероятность ударов со стороны физического сектора Галактики тоже было неразумно, и потому Совет внешней защиты продолжал функционировать внутри АНС, но независимо от правления.

Заседания совета собирались крайне редко, поэтому на призыв адмирала Казимира откликнулись все делегаты, впрочем, догадывающиеся о причине созыва. Они встретились в нейтральной реальности внутри АНС, представляющей собой старомодный зал заседаний, хотя и обставленный экстравагантной мебелью оранжево-белой расцветки, с большим панорамным окном, за которым виднелись равнины Моллави и стена водородных вулканов.

Казимир, активировав реальность восприятия, появился в кресле во главе стола. Через миллисекунду справа от него возник Гор, следом за ним прибыла и Джастина. Следующей появилась Иланта — хрупкая на вид женщина, одетая в серо-голубое трико. Ее коротко подстриженные темные волосы украшали пурпурные пряди, созданные не ради каких-то усовершенствований, а лишь в довершение внешнего облика. Казимиру казалось, что он

узнал этот стиль, но без обращения к усиленной нейронной памяти назвать его не мог. Иланта не стоила того: она представляла в Совете фракцию Ускорителей и с удовольствием вносила суматоху в любые мероприятия. Самым главным при общении с ней было не попасться на уловки.

Криспин Голдрич появился рядом с Джастиной. Более тысячи лет назад он был сенатором и членом первоначального Совета внешней защиты. С тех пор он этого поста не покидал. Казимир и правление АНС позволили ему остаться, поскольку среди всех членов правления ему не было равных в вопросах политического урегулирования любых конфликтов. К несчастью, его полезность ограничивалась ксенофобией по отношению к любым представителям чужих рас. Несколько членов семьи Голдрича пропали на Наттавааре во время войны против Звездного Странника, и с тех пор его мнение о чужаках ничуть не изменилось. В силу своих убеждений он всегда поддерживал фракции Изоляционистов и Интерналистов.

Последними прибыли Грииван и Джон Телвелл, представлявшие в Совете фракции Хранителей и Дарвинистов соответственно.

— Благодарю всех за согласие присутствовать на заседании, — произнес Казимир. — Я созвал совет по той причине, что наши отношения с Окайзенской Империей вступили в новую стадию. Корабли флота, базирующиеся в секторе Ханчер, обнаружили многочисленную флотилию Империи. Траектория ее движения нацелена на Содружество, а если точнее, то на сектор, где находится Эллезелин.

— Сколько в ней кораблей? — спросила Джастина.

— Две тысячи восемьсот семнадцать, — ответил Казимир. — Девятьсот из которых — класса «Старслайер», самые мощные и дорогие из имеющихся у окайзенцев кораблей. Для их производства Империи в последние сорок лет пришлось сильно напрячь экономику. Эти корабли вооружены боеголовками, подобными квантовым ракетам. Окайзенцы считают, что нам неизвестно об их оружии, но мы засекали их испытания еще сорок пять лет назад.

— У них появились квантовые ракеты? — переспросил Голдрич.

— Некоторое их подобие, — сказал Казимир. — Этого надо было ожидать. По сравнению с Империей наши милитаристы эры атомных бомб выглядят кучкой пацифистов.

— Наше предполагаемое неведение Империя рассматривает как фактор собственного превосходства. Если мы обнародуем тот факт, что у Империи имеются смертоносные ракеты, мы со своей стороны лишимся преимущества, к тому же сильно пострадает уверенность нашего населения в собственной безопасности.

— Они сошли с ума, — пробормотал Грииван. — Император должен знать том, как мы реагируем на подобные угрозы. Им известно, насколько мы сильны.

— На самом деле это не совсем так, — возразил Казимир. — Помимо правления АНС и меня лично, никто не в состоянии точно оценить способности наших сдерживающих сил.

— Надеюсь, они справятся с Окайзенской Империей?

— На этот счет можете не сомневаться. Империя не представляет для нас существенной угрозы.

— Окайзенцы действуют в одиночку? — спросил Гор. — Посланник вполне определенно высказывался о каких-то могущественных союзниках.

— Не-имперских кораблей в их флотилии нет, — заверил его Казимир.

— Ты становишься настоящим политиком, мой мальчик. Можем ли мы быть уверены, что эти «Старслайеры» вооружены только квантовыми ракетами, или чужаки отыскивали

какие-то остатки вооружения расы, перешедшей в постфизическое состояние?

— Для того чтобы точно ответить на этот вопрос, нам бы пришлось захватить «Старслайер» и исследовать его содержимое, — сказал Казимир. — Но я бы не советовал так поступать. Для окайзенов это равносильно объявлению войны. Кроме того, мы бы преждевременно обнаружили свою мощь.

— Ладно, а что бы ты посоветовал, черт побери? — воскликнул Криспин. — Они и так скоро о ней узнают.

— Я бы хотел этого избежать. В отношении окайзенов я бы предпочел прибегнуть к интенсивному дипломатическому воздействию, чтобы они развернули флотилию и отправились домой.

— Это невозможно, — сказал Грииван. — Если уж Империя решила запустить стиль весь свой флот, она не остановится, пока не устраним угрозу паломничества. Никакие уговоры не подействуют на окайзенов. Нам придется применить силу.

— А если возникнет другая, более существенная угроза Империи? — предложила Джастина. — Какие-нибудь неизвестные корабли, подошедшие с противоположного направления? Мы ведь сможем такое устроить, не так ли?

— Да, — согласился Казимир. — Но это лишь отложит конфликт на некоторое время. Мы можем создать видимость угрозы, но, если флотилия вернется, наш блеф будет раскрыт. Я не имею права отдать приказ уничтожать звезды лишь для поддержания иллюзии. И дело не только в морали, возникнет значительная физическая проблема радиации. Наш проект «Огненный вал» это подтвердил.

— Сколько осталось времени до прибытия окайзенов? — спросила Иланта.

— Расчетное время приближения к Эллезелину — семьдесят девять дней, — ответил Казимир. — И это очень важно, поскольку флот паломников еще не будет построен. Окайзены собираются ударить по кораблям еще на поверхности планеты. Если Воплощенному Сну удастся подняться в космос, перехватить их будет намного труднее, особенно для Империи.

— В таком случае я не понимаю твоего нежелания организовать диверсию. Как только флотилия паломников поднимется, атака Империи будет нейтрализована. И не надо никаких драматических шагов вроде взрыва звезды на противоположной от Империи стороне. Запустите тысячу дронов с фиктивными опознавательными знаками, чтобы они были похожи на приближающийся к Империи флот. Выиграйте время для Воплощенного Сна.

— Они догадаются, — сказал Гор. — Все дело в выборе времени. Они послали флотилию. Нам необходимо ее задержать, и вдруг из космоса появляется неизвестная армада. Даже окайзены не настолько глупы, чтобы поверить в простое совпадение.

— Не стоит на это рассчитывать, — тихо пробормотал Джон Телвелл.

— Чтобы заставить их вернуться, необходимо нечто более существенное, — сказал Казимир.

— Подкрасться к границам Империи и взорвать пару звезд или хотя бы планет.

— Мы слишком буквально воспринимаем слово «Империя», — заметила Джастина. — Более точно их название переводится как «миры, в которых мы гнездимся». Мне жаль, что наш Совет демонизирует окайзенов в оправдание силовых мер. Мы должны отыскать мирное решение.

Гор метнул в сторону дочери сердитый взгляд, на что Иланта отреагировала торжествующей улыбкой.

— Если бы они не посылали к нам флотилию с квантовыми ракетами, способными уничтожить все планеты Содружества, я не стал бы относиться к ним как к компании сумасшедших придурков, — огрызнулся Гор. — А в данных обстоятельствах мы собрались для того, чтобы помочь флоту выбрать соответствующий ответный шаг. Ты встречалась с Посланником. И как ты считаешь, к каким мирным предложениям прислушается *Империя*?

— Мы должны предложить им встречные меры, — сказала Джастина. — Предпочтительно такие, которые помогут им сохранить лицо.

— Например усилить давление на Воплощенный Сон, чтобы они отказались от своего идиотского паломничества, — предложил Грииван.

— Это вне компетенции флота, — быстро возразила Иланта. — Мы обязаны помочь флоту выбрать ответные меры. — Она даже не посмотрела в сторону Гриивана. — Если тебе так хочется, подними вопрос на политическом уровне или в правлении АНС.

— Это убедительный аргумент, — сказала Джастина.

— Но не здесь. Здесь мы решаем, сколько звезд надо превратить в сверхновые, чтобы убедить okayzenov повернуть назад.

— Никто не собирается превращать солнца Империи в сверхновые, — сказал Казимир. — Как я уже говорил, их флотилия не представляет для Содружества никакой физической угрозы. Она может быть эффективно нейтрализована.

— Довольно смелое заявление, — отметила Иланта. — Ты в этом уверен?

— При условии, что у okayzenov не было доступа к постфизическим технологиям, уверен полностью.

— Так нейтрализуйте их корабли. Оставьте без движения в межзвездном пространстве. Вряд ли у них найдется еще один флот, чтобы послать его на выручку в случае неудачи.

Казимир обвел взглядом всех сидящих за столом.

— Все согласны с такой рекомендацией?

— Нет, конечно, — воскликнула Джастина.

— А какой план ты предлагаешь? — насмешливо поинтересовалась Иланта.

— Предупреждение, — сказал Джон Телвелл. — Или, учитывая, с кем мы имеем дело, несколько предупреждений. Сопровождаемых демонстрацией пашей мощи и намерений.

— Неоднократной демонстрацией, не так ли? — едко спросила Джастина. — Чтобы ни у кого не осталось сомнений, насколько мы опасны.

— Если они поймут, что не смогут воспрепятствовать паломничеству, им придется повернуть назад.

— Это при наличии разума и логического мышления, — заметил Криспин. — Но мы говорим об okayzenah. Они вознамерились нас остановить — не оставят своих попыток до гибели последнего корабля.

— Их корабли будут нейтрализованы, но не уничтожены, — вмешался Казимир. — Я не могу допустить потери жизни в таких масштабах.

— Тогда я не понимаю, для чего нас здесь собрали, — обиделся Криспин.

— Правление АНС и я сам не хотели бы раскрывать наших возможностей до того, как возникнет реальная угроза, которой пока нет.

— Тупик, — буркнул Гор. — Единственный способ их убедить без значительных потерь жизней — это демонстрация технологий АНС, что, в свою очередь, насторожит всех чужаков физических миров нашего сектора Галактики.

— Будем обсуждать вопросы морали? — ехидно осведомилась Иланта.

— Такой шаг может вызвать беспокойство даже у райелей, — сказала Джастина.

— Поддерживаю, — согласился Гор. — Высокомерные подонки. Давно пора хорошенько тряхнуть их пьедестал.

— Ой, прекрати, — взмолилась Джастина.

Гор слегка наклонился вперед.

— Надо послать предупреждение на командный корабль, — сказал он. Если оно будет проигнорировано, вывести его из строя. Если окайзены после этого продолжат наступление, нейтрализовать значительную часть флотилии. Но использовать низший уровень технологии, лишь бы достичь желаемого эффекта.

— Согласен, — произнес Криспин.

— Должен заметить, что во главе флотилии, скорее всего, стоит кто-то из гнезда Императора, — сказал Грииван. — Последствия поражения представителей правящего гнезда крайне нежелательны. Высока вероятность нестабильности.

— Нам нет никакого дела до этого, — возразил Джон Телвелл. Он окинул Хранителя презрительным взглядом. — Мы и раньше устраивали выволочку Императору, но окайзены ничему не научились.

— Наше положение накладывает на нас определенные обязательства, — сказала Джастина.

— Только с точки зрения человеческой морали, — парировала Иланта. — А мы обсуждаем чужаков.

— Спасибо, но я бы хотела остаться верной своим принципам, — строго заметила Джастина.

— Да, конечно.

— Я не согласен ни на какое применение силы против флотилии Императора, даже приемов сдерживания. Мы должны найти другое решение.

— Спасибо, мама, — поблагодарил ее Казимир. — Кто-нибудь еще против последнего предложения?

Грииван поднял руку.

Казимир обвел глазами стол.

— В таком случае оно принимается большинством голосов. Флот направит предупреждение на командный корабль и в случае игнорирования нейтрализует его. Я немедленно отдам соответствующий приказ.

— А если движение флотилии продолжится после того, как командный корабль выйдет из строя? — спросила Джастина. — Ведь никто не сомневается, что так оно и будет.

— Тогда я снова соберу заседание совета, — ответил Казимир.

Джастина с шумом выдохнула и в нарушение всех правил этикета мгновенно исчезла. Присутствующие уставились на опустевшее место, а реальность восприятия сгладила последствия ее отсутствия.

— Вот что делает пребывание в физическом теле, — насмешливо отметила Иланта.

— Ультиматум мы, безусловно, отправим по закодированному каналу, — сказал Казимир. — И вы все сможете отслеживать дальнейшие события.

— Как скоро окайзены получают наши требования? — спросил Джон Телвелл.

— Мне придется задействовать корабль с оснасткой, позволяющей нейтрализовать командный «Старслайер» без потери жизней, — пояснил Казимир. — В эскадрилье над Ханчером такие есть. Полетное время — около десяти дней. Сроком выполнения

ультиматума пусть будут земные сутки.

— Значит, мы снова соберемся здесь через пару недель, — вычислил Гор.

Меньше чем через секунду после официального закрытия заседания Иланта направила Гору запрос о встрече в его личной реальности. Он этого ожидал и потому сразу же разрешил доступ на пляж с белым песком, лежащий под его владениями. Иланта вышла из моря в бело-голубом бикини.

— Совсем как Урсула Андресс, — одобрительно хмыкнул он.

Прическа в стиле Кэт кардинально изменилась, и теперь Иланта стряхивала капли с длинных медово-золотистых прядей.

— Благодарю. — Она прищурилась в лучах полуденного солнца, прикрыв глаза бледной ладонью. — Управляющие этим местечком довольно жестоки. Мне грозит солнечный ожог?

— Никакой жестокости. Обычные предосторожности от проникновения троянов и прочих неприятных сюрпризов. Нет, ожоги тебе не грозят, но фактор пигментации кожи не мешало бы повысить.

— Ага. — Она моргнула, наблюдая, как бледная кожа приобретает густой бронзовый оттенок. — Все-таки для меня это слишком земной пейзаж. Ты собираешься меня напоить и соблазнить?

— Секс между врагами — довольно обычное дело.

— Ах, Гор, — промурлыкала она. — Мы не враги. Кроме того, мы оба в ходе заседания получили то, чего хотели.

— В самом деле?

— Мы голосовали за одно и то же предложение. Почему? Джастина все еще дуется?

Он зашагал вдоль кромки воды.

— Хочу дать один совет: никогда не стоит недооценивать мою дочь. Я порой еще допускаю эту ошибку. И напрасно.

— Предупреждение принято. Ты считаешь, что Казимир ради нее задержит дело?

— Ни за что. Он самый исполнительный служака из всех, кого ты видела. Правительство отдает приказ, он щелкает каблуками, салютует и нажимает на кнопки.

— Какой ты старомодный. Тебе обязательно надо обновить программные ссылки.

— Что? Перетащить себя целиком в двадцать пятое столетие?

— Постепенно, шаг за шагом.

— Это ведь время твоего рождения, не так ли?

Она хихикнула.

— Они правы. Ты настоящий дьявол.

— Кто это «они»?

— Ну, почти все.

— В таком случае, наверное, правы. Итак, что же я могу для тебя сделать?

— Мы способны договориться?

— Относительно паломничества? Конечно.

— Любопытная уступка. И почему я не могу тебе поверить?

— Паломничество обещает стать значимым событием, и об этом знают во всех фракциях. Черт, снаружи начинают просыпаться даже некоторые животные. Дарвинисты того и гляди описаются от волнения. Да и твоя компания не намного лучше, бегают вокруг, суется и суются куда не следует.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Этот засранец Марий намотал немало световых лет.

Она изобразила удивление и даже схватилась рукой за горло.

— Не больше, чем ваш Экспедитор.

— Настоящие Консерваторы всегда в той или иной степени подвержены паранойе. И у них есть на то причины.

— Разве ты не один из них?

— У меня с ними крепкая связь.

— Забавно. Согласно твоему личному файлу, ты председатель правления.

— Это тебе надо бы обновить программные ссылки.

Она подняла руки на бедра.

— Послушай, ты собираешься договариваться или нет?

— А в такой позе ты очень соблазнительно выглядишь. Тебе об этом известно?

— Гор!

— Ладно, что же ты предлагаешь?

— Ослабить давление. Чуть меньше манипуляций с обеих сторон.

— Хочешь сказать, пусть животные сами решают? Не думаю, что могу поверить этому предложению, если оно исходит от тебя. В любом случае мы так долго расставляли свои фигуры, что теперь они продолжают двигаться и без нашего участия. — Он слегка наклонил голову набок и усмехнулся. — Или я что-то пропустил?

— Нет.

— В самом деле? Возможно, ты стараешься ради того, чтобы какое-то важное событие прошло гладко?

— Такие моменты, как этот, впоследствии тщательно описываются историками и скрашивают их скучное существование. Нет таких факторов, которые могли бы решить судьбу паломничества.

— Вот как? А ты не пробовала сказать Оззи или Найджелу, что действия отдельной личности не влияют на ход истории?

— Ими никто не манипулировал. В этом-то вся разница. Мы просто хотим, чтобы обе стороны немного успокоились.

— Значит, фракция Ускорителей предоставляет животным решать судьбу Галактики. Гм. Ничего удивительного, что тебе не нравится этот пейзаж, в нем нет никаких летающих свинок.

— Это твой ответ?

— Нет. Но мне становится интересно. Если не вмешается правление АНС или какая-нибудь из фракций, паломничество состоится. И на что же рассчитывают Ускорители, когда Бездна поглотит всю Галактику, включая и нас самих?

— Этого не произойдет. Я и пришла сюда ради того, чтобы сказать о принятых нами предосторожностях.

Гор остановился и посмотрел на нее с искренним удивлением.

— О чем ты, черт побери, толкуешь?

— Если границы Бездны расширятся до этого сектора Галактики, Земля и АНС останутся в полной безопасности.

— Ты не можешь этого знать.

— Нет, мы знаем.

— Я искренне, искренне надеюсь, что ваши утверждения не базируются на каких-то

продуктах боевой технологии, которые вам удалось получить при помощи пары устаревших репликаторов. Райели не способны пробить границу Бездны. Даже правление АНС не может предсказать, что произойдет в случае ее расширения.

— Подобный уровень расширения настолько маловероятен, что граничит с невозможностью. Во-первых, звезды Стены обладают колоссальной массой. Этого достаточно, чтобы в течение многих столетий исполнять волю каждого паломника Воплощенного Сна. А утверждение о том, что Галактика будет поглощена Бездной, абсолютно ошибочно. Пропаганда райелей, подхваченная окайзенами. Райели принадлежат к древней несостоявшейся расе, настолько же неизменной, как сама Бездна, и они не имеют права диктовать нам свою волю. Даже если поглощение затронет самое ядро Галактики, это не имеет значения. Там нет ничего живого, одни лишь насыщенные радиацией обломки скал. Ты и сам все понимаешь, но обвиняешь Ускорителей в стремлении к поглощению. Я тебе уже об этом говорила?

— Нет. Я прекрасно знаю, чего хотят Ускорители: слияния. Вы собираетесь соединить АНС с тканью непрерывности Бездны. Вы считаете, что так мы сможем достичь постфизического состояния.

— Ты ведь изучал сны Иниго, нам известно, что Консерваторы анализировали их так же тщательно, как и все остальные. Внутри Бездны мысль воздействует на ткань Вселенной, мы могли бы сами управлять своей судьбой.

— Нет, нет и нет! — крикнул Гор. — Бездна — не Вселенная, черт побери, а микровселенная, крохотный, ничего не значащий сгусток пустоты. В космологии этот объект даже не регистрируется. Вы можете изображать там богов, как делает Идущий-по-Воде. Но богами вы останетесь только там и нигде больше. Это версия АНС для чужаков, вот и все. Не достижение превосходства, а уход от действительности, да так далеко, что больше вы ничего не увидите.

— Это превосходная возможность роста. Бездна установилась, она не меняется миллионы — миллиарды! — лет. Мы сумеем вселить в нее новую силу. Люди всегда так поступали. Достойные сострадания животные теперь овладели ментальной мощью, какую даже мы с трудом можем себе представить. Подумай, что произойдет, если АНС получит доступ к этой технологии и даст ей новое направление.

— Всемиловитый Оззи, сострадания достойны вы сами. Я бы презирал себя, если бы считал вас разумными существами, вам не дано даже этого.

— Мы знали, что ты будешь возражать против слияния, и потому выдвинули иное предложение.

— Ну-ка? — с подозрением произнес Гор.

— Мы продублируем АНС. Те, кто захочет достичь слияния, останутся здесь, кто не захочет, смогут свободно переместиться в другое пространство.

— Это ничего не решает, девчонка. Нельзя позволить Бездне сливаться с постфизическим разумом или даже с АНС — которой, надо заметить, там пока нет.

Взгляд Иланты ожесточился.

— Твои слова выдают тебя с головой. «Нельзя позволить»? У тебя нет права на подобные заявления. Эволюция продолжится, и не важно, подтолкнет ее паломничество или более прямое вмешательство. Вполне возможно, что расширение Бездны способен спровоцировать и Идущий-по-Воде.

— Он существовал тысячу лет назад, возможно, и десять тысяч лет назад.

— Внутри Бездны время не имеет значения.

— Проклятье! Вы больше не Ускорители, вам явился свет, и вы примкнули к Воплощенному Сну.

— Мы увидели возможность усовершенствования и решили ею воспользоваться. Мы никогда и ни от кого не скрываем своей цели.

— Ускорители никогда ранее не пытались заигрывать с Бездной.

— Теперь твои слова выдают твой возраст и твою неизменную натуру.

— Значит, я просто должен уйти с вашего пути, не так ли? Может, мне самоуничтожиться? И не препятствовать Новому Порядку?

— Ты сам отвечаешь за свою судьбу. — Она пожала красивым плечиком. — Это твой выбор.

— Согласен. И будь уверена, я его сделаю. Но предположим, что вы правы и Бездна не превратится во всепоглощающее космическое цунами, когда паломники проникнут внутрь. Как вы намерены добиться слияния ее с АНС?

— Нам не придется этого делать. На кораблях паломников отправятся и Высшие. Они изучат истинную природу Бездны и поддерживающий ее механизм.

— Если это было построено однажды, — пробормотал Гор, — это может быть построено снова.

Иланта усмехнулась.

— Теперь ты все понял. Мы создадим вторую Бездну здесь, в Солнечной системе, и тогда произведем слияние. АНС пройдет следующий этап эволюции.

— Чудесный научный эксперимент. А что произойдет, если он не удастся? АНС представляет собой ядро цивилизации Высших, а Земля — физический центр Содружества. В случае неудачи пострадают обе цивилизации.

— Никогда не думала, что увижу такое: Гор Бурнелли — плаксивый либерал. Натуралы, Прогрессоры и Высшие получают возможность прокладывать свой путь во Вселенной. Это и есть эволюция.

— Ага, в Галактике, которую вы по своему невежеству обрекаете на весьма недолгое будущее.

— Наше предложение удовлетворит все фракции. И каждый из нас сможет жить как и прежде.

— Ты даже родилась не на Земле. А я родился там. Это мой дом. И я никому не позволю им рисковать.

— В таком случае ты еще более отсталый тип, чем мы думали. Наше предложение остается в силе. Я уверена, остальные фракции, увидев неизбежность грядущих событий, его поддержат.

— А флотилию Империи вы планируете выбить из космоса?

На лице Иланта отразилось искреннее негодование.

— Нет, конечно. Окайзены не играют никакой роли. Так или иначе Казимир с ними справится. — Она холодно улыбнулась. — Гор, прошу тебя обдумать наше предложение. Оно составлено в духе примирения. В конце концов, если кого-то и можно назвать отцом АНС, то только тебя. Наверное, пришло время позволить ребенку искать собственный путь в жизни.

После этих слов она пробежала по песку и нырнула в воду.

Гор посмотрел, как она исчезает в волнах, и мысленно проследил ее уход из его личной

реальности.

— Проклятье! — буркнул он.

Поднявшись по тропинке к дому, он обнаружил, что у бассейна под башней его уже поджидает Нельсон. На столе перед ним, как обычно, стоял высокий бокал.

— Ты все видел и слышал? — спросил Гор, усаживаясь рядом с Нельсоном.

— Да. Вот только не думаю, что всему можно верить. Для начала она чересчур бойко предсказывает проникновение кораблей паломников внутрь Бездны. Что ты собираешься делать?

— Я знал, что Ускорители стремятся овладеть технологией Бездны, это логическое продолжение пути к постфизическому состоянию, но способ исследования вызывает у меня тревогу. Я ни за что не поверю в кучку самоотверженных академиков, собравшихся лететь вместе с паломниками, чтобы узнать, как все работает. Нам придется удвоить усилия и раскопать их истинные намерения. Выясни все, что удастся, об этом Марии и его визите на Аревало, где он встречался с ученым по фамилии Троблум.

— Будет сделано. А что если АНС все-таки найдет способ завершить переход к постфизическому состоянию?

— Я с самого начала знал, что такое произойдет. В этом весь смысл организации АНС. И в обретении способностей надежно защитить Содружество.

— Ты собираешься этому помешать?

— Ни в коем случае. Я просто хочу, чтобы процесс шел естественным путем. А для этого нам надо быть очень осторожными.

Антиграв-капсула приземлилась на стоянке рядом с административным зданием клиники Святой Марии глубокой ночью. Аарон вышел и осмотрелся. Клиника располагалась в четырех милях от края густого леса, и на ее территории стояло множество небольших индивидуальных домиков. Вокруг посадочной площадки высилась темная стена деревьев-гистрел, чьи длинные перистые листья полностью скрывали из вида отдельные виллы, лечебные корпуса и спортивно-оздоровительные комплексы. Кругом было темно, и только в тридцати метрах от стоянки черные стволы освещались огнями приемного покоя.

Корри-Лин остановилась рядом с Аароном и одернула блузу. Ее лицо недовольно сморщилось.

— Господи, в этих темных джунглях того и гляди наткнешься на диких зверей. Хорошенькая встреча.

— Может, пока мы в клинике, нам удастся вылечить тебя от маниакально-депрессивного психоза.

— Пошел к черту.

— А теперь запомни, *дорогая*, у нас должны быть счастливые лица.

Он сжал ее руку и изобразил широкую радостную улыбку. Она едва не попыталась вырваться, но, припомнив что-то, тяжело вздохнула.

— Ладно. Только пусть все это поскорее закончится.

Двери приемного покоя распахнулись, как только Аарон и Корри-Лин подошли к невысокому зданию. Внутри их ждал роскошный интерьер, казалось, высеченный из розового и золотистого мрамора. В стенах просторного центрального зала открывались ниши, в основном служившие витринами невероятно дорогих магазинов дизайнерской одежды и аксессуаров.

Навстречу прибывшим вышла Рут Стол, их персональный врач-консультант, — ее

внешность могла служить отличной рекламой самой клиники. Тело юной богини было изящно задрапировано серебристо-розовым шелком. Даже Аарон, полностью сконцентрировавшийся на предстоящей миссии, помедлил секунду, наслаждаясь жизнерадостной улыбкой женщины, и с удовольствием пожал безупречной формы ручку. Детекторы засекли сканирование, производимое системой безопасности клиники, но он легко блокировал его, представив сенсорам образ слегка располневшего мужчины. Дополнительный объем вокруг его туловища занимала португепя с целым набором оружия.

У Рут Стол никакого оружия не имелось, но макроклеточных узлов было больше, чем у среднего Прогрессора, и ее нервная система работала с такой скоростью, какой нормальному человеку удалось бы достичь только при помощи значительной дозы ускорителей.

— Спасибо, что вы выбрали нашу клинику, мистер Тефлер, — сказала она.

Ее пальчики кокетливо сжали ладонь Аарона. Биононики отреагировали тестом на выделение феромонов. Паранойя! Но ее голос и прикосновение действительно возбуждали, и графики в экзозрении показали учащение сердцебиения и увеличение температуры кожи.

«Инфильтрации не обнаружено», — доложил его юз-дубль.

Значит, все естественно. Но это и не удивительно.

— Не стоит благодарности.

Голос Корри-Лин был пронизан таким холодом, что мог покрыть инеем весь зал.

— Э-э, да, — с запозданием ответил Аарон. Он неохотно отдернул руку и с удовольствием отметил озорной блеск в ясных зеленых глазах доктора. — Я рад, что вы сразу же согласились нас принять.

— Мы с удовольствием помогаем супружеским парам достичь гармонии в их отношениях, — сказала Рут Стол. — Как я помню, вы говорили, что хотели бы близнецов?

— Близнецов? — беспомощно повторила Корри-Лин.

— Да, верно. — Аарон обнял Корри-Лин за плечи и ощутил, как напряжены ее мышцы. — И самых лучших, насколько это возможно.

— Конечно, — кивнула Рут Стол. — Мальчиков или девочек?

— Дорогая? — обратился Аарон к Корри-Лин.

— Мальчиков, — ответила она.

— У вас есть какие-то особые требования к их физиологическому состоянию?

— По крайней мере не хуже, чем у вас, — заявил Аарон и получил очередную улыбку. — Кроме того, я бы хотел, чтобы и мы сами немного улучшились в этом отношении. В последнее время я совсем за собой не следил. — Он похлопал рукой по выступающему вперед животу. — Вероятно, придется подправить процесс метаболизма.

— Я была бы этому очень рада, — сказала Корри-Лин. — Его вид абсолютно невыносим. Не говоря уж о сексе.

— Дорогая, ты обещала об этом не упоминать.

Она ответила широкой улыбкой.

— Выявить все проблемы с самого начала крайне важно, — заметила Рут Стол. — Вашей семье скоро будут завидовать окружающие. Завтра утром мы начнем оздоровительные процедуры и подберем наиболее подходящий курс. Наши первоклассные специалисты ускорят процесс, и я надеюсь, что он займет не более двух недель. Вы собираетесь сами вынашивать близнецов? — спросила она у Корри-Лин. — Или предоставите это утробе-резервуару?

— Я еще не решила, — с улыбкой ответила Корри–Лин. — Я, конечно, достаточно люблю своего мужа, чтобы стерпеть физические неудобства, но прежде, чем принять окончательное решение, хотела бы узнать, что вы можете предложить для облегчения этой ноши.

— Очень разумно. Утром я ознакомлю вас с полным пакетом мер для всего периода беременности, и не забывайте, что позже вы всегда сможете изменить ход процесса.

— Отлично.

— Мы отвели вам виллу под номером сто шестьдесят три. Там есть собственный бассейн, и расположена она недалеко от третьего корпуса, где будут проходить процедуры.

— Прекрасно, — сказал Аарон. — Я, пожалуй, сначала осмотрю главный бассейн и загляну в рестораны, в первую очередь в «Сингапурский гриль», о котором уже наслышан. А ты, дорогая?

— День был очень долгим, я отправлюсь к вилле. — Она окинула взглядом витрины. — Только немного познакомлюсь со здешними магазинами. Некоторые модели мне очень понравились.

— Только не трать слишком много.

Аарон на прощание прикоснулся к ее щеке губами и направился к выходу. Его юз–дубль извлек из внутренней сети план клиники, что пока выглядело вполне нормально.

— Ты можешь проникнуть в хранилище? — спросил Аарон.

«Нет. Информационных каналов связи с хранилищем не обнаружено».

Аарон выбрал дорожку, ведущую от посадочной площадки к зданию общего плавательного бассейна — огромному голубоватому куполу, под которым укрывалась пышная тропическая растительность и собственно бассейн, построенный в виде лагуны. Дорожка под ногами загорелась полосой желтого тумана.

— А как насчет системы безопасности? — спросил Аарон у юз–дубля.

«Доступ получен только к нижним уровням. Все гости постоянно остаются под наблюдением, кое–кто из них помечен красными иконками».

— Вот как? А на нас эти метки есть?

«Нет».

— Будет ли известно, если я сверну с дорожки?

«Да. Интел–центр принимает сигналы различных пассивных сенсоров».

— Тогда запусти отвлекающие маневры. Устрой несколько сигналов тревоги подальше от меня. Но ничего серьезного, что повлекло бы вызов полиции.

«Выполняю».

Аарон свернул с дорожки и побежал между деревьями. Его костюм активировал маскирующее поле. Через минуту, незаметно проскользнув между стволами, он оказался у административного блока. Над землей поднимались два этажа, тогда как ниже поверхности сканирование показало еще десять. Секретное хранилище располагалось на самом нижнем уровне. Стены здания и прилегающий участок парка охранялись сложной системой наблюдения. Аарон воспользовался усиленными мускулами, стремительно пробежал между деревьями до края лужайки, а потом подпрыгнул и растянул силовое поле в пару длинных, загнутых назад лепестков. Невидимые крылья понесли его; словно бесшумную ракету, к техническому окошку на верхнем этаже. Аарон усмехнулся бьющему в лицо ветру. Начало нарастать возбуждение, с которым могли справиться только его биононики. Он знал, что сейчас предстоит сделать, и несмотря ни на что испытывал наслаждение. Ради таких

моментов он и существовал.

Выпущенный им электромагнитный импульс вывел из строя датчики и источники мощности вокруг окна. Когда до цели оставалось пять метров, Аарон включил дезинтегратор. Последовал мягкий хлопок, как будто встряхнули мокрую ткань, и стекло превратилось в белый порошок, который потоком воздуха втянуло внутрь. Аарон отменил формирование крыльев, нырнул в проем и кувырком прокатился по полу.

Он оказался в продолговатом помещении бухгалтерии. Пустом и темном. Дверь была заперта. Аарон даже не стал использовать дезинтегратор, а просто вышиб замок при помощи усиленных мускулов плеча. Оранжевое аварийное освещение рождало на стенах странно изогнутые тени. Многофункциональный шифратор отключил связь в половине здания. Аарон выскочил на пожарную лестницу, перегнулся через перила и с громким стуком упал на бетонный пол, но силовое поле предоохранило его от удара. Он осмотрелся.

В контрольном центре сидели два тяжеловооруженных охранника. Их неподвижные позы говорили о том, что оба через своих юз-дублей подключаются к общей охранной системе клиники, чтобы понять, что произошло в лесу.

Аарон ворвался в помещение через разбитую дверь. Оружейная система под его костюмом выпустила восемь энергонакопителей. Черные диски размером с кулак пролетели в воздухе, словно кибернетические шершни, и ударили в охранников, не дав им возможности произвести хотя бы выстрел. Оба мгновенно превратились в силуэты из ослепительно-белого света; их защитные поля оказались безнадежно перегружены, от пылающих фигур метнулись миниатюрные молнии. От ковра из-под их ног поднялись струйки дыма. Люди отчаянно заметались под невыносимо пронзительный визг энергетических разрядов. Потолочная панель освещения взорвалась и рассыпалась вихрем пластиковых осколков.

Аарон заметил, что ореол света вокруг первого охранника начал угасать, и вытащил гель-ружье. Защитное поле охранника замерцало пурпурными и оранжевыми разводами. Яркость свечения уменьшилась, так что проступили темные пятна дымящейся формы. Аарон выстрелил. Тело охранника, превратившись в студенистую массу, расплескалось по комнате кровавыми сгустками. После этого Аарону оставалось только подождать, пока энергонакопители закончат работу со вторым охранником и силовое поле рассеется. Женщина почти без сознания со стоном упала на пол бесформенной грудой, и комната погрузилась в темноту.

Аарон опустился рядом с ней на колени и достал из кармана хирургический резец. Небольшое серебристо-черное устройство, осторожно приложенное к голове, выпустило восемь малометаллических манипуляторов. В отличие от Рут Стол, охранники явно не пользовались возможностями клиники. У лежавшей перед Аароном женщины было плоское круглое лицо с темными глазами, выдающими наличие усилителей зрения. Смуглая кожа на щеках успела покраснеть от электрических ожогов. При виде Аарона у женщины потекли слезы.

— Пожалуйста, — прохрипела она.

— Не беспокойся, — сказал он. — После оживления ты не вспомнишь эту ночь.

Резец, словно летучая мышь, прижался к черепу и приставил манипуляторы к покрасневшей коже. Через мгновение выдвинувшиеся микрохирургические волновые лезвия начали свою работу. Аарон ждал в тишине, нарушаемой только падающими с потолка каплями липкой крови.

«Процедура закончена», — спустя некоторое время доложил юз-дубль.

Аарон нагнулся и легонько потянул за корпус резца. С негромким чавкающим звуком прибор поднялся, увлекая за собой и верхнюю половину черепа. По краям разрезанной кости выступили мелкие капельки крови, быстро исчезнувшие в спутанных волосах. В слабом свете аварийных фонарей, пробивающемся из коридора, блеснула светло-серая масса обнаженного мозга.

Аарон поднес к нему левую руку, остановив ее в паре сантиметров от мягкой бугристой поверхности. Кожа на ладони вздулась семью небольшими бугорками. Из каждого потянулись гибкие щупальца. Аарон опустил руку на мозг и, стараясь ни на волос не сдвинуть ладонь, при помощи своего силового поля установил связь. Щупальца тем временем стали углубляться в ткань, разветвляясь снова и снова, словно корни растения в поисках влаги. Гибкие манипуляторы отыскивали устойчивые нейронные связи, лишая мозг возможности контролировать не только тело, но и мысли.

Вскоре защитная реакция была нейтрализована, и интеллектуальная программа Аарона начала выделять из потока хаотических импульсов смысловые последовательности.

Вирц Акку. Возраст — сто семнадцать лет. Прогрессор по рождению. В настоящее время состоит в браке с Ашером Лелом. Двое детей. Младшему, Гарри, исполнилось два года. Необходимость выходить в ночную меню ее огорчает, поскольку Гарри очень любит, когда она читает ему перед сном.

Программа Аарона перевела фокусировку ближе к настоящему времени.

Все предыдущие эмоции смыло волной непреодолимого ужаса. Сигналы восприятия, почти подавленные импульсами боли при обрушении силового поля, были очень слабыми. Одно воспоминание преобладало над остальными: приближающийся хирургический резец. Оно повторялось снова и снова. Бессвязные мысли разлетались в состоянии наступающей паники. Реакция тела выражалась во вздрагивании конечностей.

«Забудь об этом», — продиктовал инструкцию мозгу Аарон. Ему пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы подавить ощущение ужаса. Эффективность внушения усиливалась безупречно выбранным расположением щупалец, искажающих работу нейронов и лишаящих разум возможности сопротивляться. Затем началось ментальное давление иного рода. Сознательные мысли начали слабеть, постепенно погружая разум в состояние комы.

«Встань», — скомандовал Аарон телу-марионетке.

Женщина поднялась, и вместе с ней поднялся он сам. Благодаря скрепляющему полю его рука оставалась точно над обнаженным мозгом.

«Система безопасности клиники».

В их общем экзозрении появилась схема расположения постов охраны. Юз-дубль Аарона, получив доступ к системе безопасности, прекратил отвлекающие маневры и разослал подложные сообщения об исправности оборудования, которое на самом деле Аарон вывел из строя.

«Коды».

Из собственной памяти Вирц и ее макроклеточных узлов тут же начали поступать файлы с кодами для всех возможных ситуаций в клинике. Аарон воспользовался ими, чтобы подавить систему безопасности и свести степень защиты к нулевому уровню. Следующая череда команд устранила тревогу интел-центра, убедив его в том, что полученные сигналы были ложными и охранники держат ситуацию под полным контролем.

Поступил вызов с поста оперативников на другой стороне парка.

— Все в порядке. — Вирц повторила команду по служебному каналу. — Был

кратковременный сбой, эти проклятущие глинты опять добрались до кабельной сети. Мелкие пакостники загадили узловой модуль. — Словечко «проклятущий» Вирц употребляла при каждом удобном случае, а глинтами назывались мелкие местные грызуны, населявшие лес и постоянно причинявшие неприятности, несмотря на две незаконные попытки персонала от них избавиться.

Объяснение в общих чертах было принято. Вирц обменялась с коллегами еще несколькими специфическими фразами и отключила связь.

«Хранилище».

Они пошли по коридору первого этажа бок о бок, рука Аарона по-прежнему лежала на голове женщины. Код Вирц открыл двери лифта. Аарон отыскал узлы корректировки и удалил часть изображения, скрыв свое присутствие.

На уровне, где располагалось хранилище, возникли проблемы. Все пространство здесь покрывала сеть сенсоров, передающих информацию по секретным каналам непосредственно в интел-центр. Аарон понял, что откорректировать изображение не удастся. Если сенсоры его заметят, то немедленно затребуют данные о его личности.

С этого момента миссия стала сверхсрочной.

Как только лифт остановился на нижнем уровне, Аарон ЭМ-импульсами нейтрализовал все датчики и незащищенные системы. Шифратор вывел из строя секретный канал связи. Теперь интел-центру было известно, что произошло какое-то нарушение, но он не мог определить какое. Весь этаж стал электронной мертвой зоной.

Свободной рукой Аарон отодвинул створку лифта. Металлическая дверь оказала значительное сопротивление, механизм привода под натиском издал пронзительный скрип. Аарон шагнул в темноту. Полевой сканер и инфракрасный фильтр показали, что короткий коридор впереди пуст. Вместе с зомбированной Вирц Аарон прошел в самый его конец, до двери хранилища, изготовленной из усиленного малметалла. Стену и дверь защищало мощное силовое поле, источник питания которого находился внутри. Свободной рукой Аарон провел по незащищенной стене коридора, пока его пальцы не наткнулись на армированный кабель, несущий часть служебной сети связи. Аарон прижал к стене ладонь. Импульс дезинтегратора небольшой мощности разрушил бетон. Не обращая внимания на летящую пыль, Аарон запустил ладонь в отверстие. Добраться до кабеля ему удалось только после того, как рука по локоть ушла в стену. После небольшого столкновения силовых полей кабель подался, обнажив скрытые внутри оптические проводники.

Кончики его пальцев пронизали волокна кабеля, погрузившись в сияние когерентных вспышек внутри линии связи. Теперь собственные системы Аарона имели прямой контакт с интел-центром через незащищенный канал. Юз-дубль запустил серию разрушительных помех, разъедающих основные программы интел-центра, словно кислота кожу. В первые восемь миллисекунд атаки интел-центр потерял больше половины управляющей мощности. Аварийные программы отключили его от системы хранилища.

Юз-дубль Аарона перешел к другому концу захваченного кабеля и обнаружил отдельную систему охраны подземелья. Меньше секунды понадобилось на то, чтобы выявить ее основные узлы, выйти из-под контроля интел-центра и избежать процедур проверки. Силовое поле отключилось, и массивная дверь открылась с легким малметаллическим шорохом.

Аарон вытащил руку из дыры в стене. Он и Вирц одновременно прошли сквозь воздушно-пылевой занавес — охранное поле лишь издало легкое жужжание. Сработала

независимая система освещения, и впереди открылся светлый продолговатый зал, заставленный высокими, до самого потолка, стеллажами с кубиками из прозрачного розового пластика.

Прямо напротив двери стояла невысокая металлическая тумба — системный реестр.

Вирц подсоединилась к заключенной внутри неактивной программе и получила запрос о сертификате личности согласно ДНК.

У самого порога Аарон провел сканирование и обнаружил признаки двух странных источников энергии в противоположной стене хранилища — последний рубеж защиты полумиллиона бесценных ячеек памяти, хранящихся в зале. Эти меры предосторожности нигде не числились. Весь комплекс был давным-давно вывезен из Центральные миры, где подобная технология стала уже привычной: два тяжеловооруженных охранника в состоянии временного небытия, поддерживаемом контейнерами из экзотической материи. Их оружие было готово к бою еще в самом начале двухлетней смены. Вернувшись в реальность, они не стали задавать вопросов, а сразу открыли огонь.

Силовое поле Аарона, которым он попытался защитить себя и Вирц, мгновенно напряглось почти до предела. Под энергетическими лучами, бьющими и в него, и в женщину, невыгодное положение стало для Аарона очевидным. Плотные алые потоки фотонов в слепящей ярости уперлись в его грудь и плечи. Он с трудом сделал полшага назад.

«Введи сертификат личности».

Однако программа реестра была сугубо гражданской, в таком электромагнитном вихре она не могла принимать и проверять информацию.

— Проклятье!

Боевая система Аарона выпустила партию дронов и пять нуль-губок. Охранники уклонились от угрозы, спрятавшись за стеллажами. Аарон свободной рукой схватился за верхушку колонки. Очередной энергетический залп еще больше истощил его защитное поле. Тонкие волокна выступили из кончиков пальцев и попытались проникнуть в провода и кабели, скрывающиеся под металлом.

Оба охранника выскочили из-за стеллажей и снова открыли огонь. Нуль-губки активировались и собрались в одном месте. Энергетические лучи причудливым образом вильнули в воздухе и, не причинив никакого вреда, исчезли в непроницаемо черных пятнах, почти неподвижно висящих перед Аароном. Их область поглощения быстро стала увеличиваться. Охранники достали кинетические карабины. Сверхбыстрые снаряды беспрепятственно миновали скопление нуль-губок и ударили по Вирц и Аарону. Защитное поле вспыхнуло яркой медью с оттенком кармина. Шквальный залп едва не опрокинул его, удержаться помогли только усиленные мускулы.

«На колени!»

Вирц быстро упала на блестящий пол. Она представляла меньшую мишень и была более устойчива. Нитевидные пробники уже проникли сквозь металл и начали внедряться в тончайшую оптоволоконную сеть.

В сторону Аарона полетели два энергогасителя. Он сбил их простым ионным импульсом излучателя, закрепленного в предплечье. Защитное поле на мгновение реформировалось, чтобы пропустить поток ионов, и охранники усилили обстрел, спеша воспользоваться этим преимуществом. Аарон почувствовал, как кинетические снаряды пронзили плечо и верхнюю часть груди. Боевая система доложила о пяти прямых попаданиях и начала сканирование, чтобы определить природу чужеродных тел. Номер

один: разрывной снаряд, нейтрализованный гасящим полем, превратившим его в кусок раскаленного металла. Номер два: пакет тончайших шипов, которые распространяются в теле, поражая плоть на клеточном уровне, самовоспламеняются и повреждают органоиды биоников. Этот заряд можно нейтрализовать только особым частотным дезинтегратором, что приведет к ослаблению еще действующих в области поражения биоников. Номер три: заряд нервнопаралитического вещества, способный уничтожить пятьсот человек. Бионики быстро объединяют усилия и обезвреживают смертельный яд. Номер четыре: обычная взрывчатка, нейтрализованная вместе с первым снарядом. Номер пять: блок микроизлучателей — генераторов размером с микроб, подавляющих действие нервной системы, а также замедляющих работу биоников и боевых систем. Вторичный эффект — болевые импульсы. Для их уничтожения потребуется активация помехоизлучателя.

Из рваных ран хлынула кровь, путь ей преградило реформированное защитное поле. Ткань разорванного костюма быстро стала влажной. Бионики сконцентрировали усилия, стягивая края ран, закрывая разорванные вены, артерии и капилляры. Распространение шипов в теле прекратилось, после того как дезинтегратор разрушил их молекулярную структуру. Но этот процесс слишком затянулся, и внутренние органы оказались сильно повреждены. Действующие микроизлучатели усилили эффект.

В его мышцах и кровеносных сосудах шла настоящая война микротехнологий, и Аарон, запрокинув голову, издал мучительный стон. Но Вирц и реестр хранилища все еще оставались под его контролем.

Бионики отключили целую серию нервных окончаний, устранив боль и все другие ощущения в плече и руке. На медицинском дисплее в экзозрении красным цветом окрасился опасно большой сектор. К горлу подступила тошнота. Руки и ноги мелко затряслись. Полевая аптечка, внедренная в бедро, вприснула в кровь дозу ингибитора.

На Аарона обрушился очередной залп кинетических снарядов. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Бионики и боевые системы работали на пределе своих ресурсов. Противостоящие дроны делали все возможное, чтобы сбить прицелы противников, но в небольшом замкнутом пространстве оказались почти бесполезны.

Пробники Аарона наконец-то подключились к реестру.

«Введи сертификат личности».

Управляющая реестром программа признала полномочия Вирц. Юз- дубль тут же бросился на поиски личного хранилища Иниго. Как только он нашел ячейку памяти, ее физические координаты загрузились в боевую систему Аарона. Этот объем в восемь кубических сантиметров должен сохраниться невредимым — а все остальное хранилище можно уничтожить.

Аарон разъединил контакт с реестром и с Вирц. Женщина упала вперед, встряхнув ничем не защищенный мозг. Вдоль среза черепа появились кровавые пузырьки. Нуль-губки прекратили вращение, черные поглощающие пятна стали уменьшаться. Аарон поднял голову и хищно оскалился, глядя на охранников. Они прекратили стрельбу и оценивали обстановку.

— Пора платить по счетам, — решительно воскликнул он.

Первый же импульс дезинтегратора превратил драгоценные стеллажи в тучи оплавленного пластика. Оба охранника попятнулись. Гель-ружье ударило по их защитным полям. Энергогасители подобрались к ним с обеих сторон. Черные пятна нуль-губок сжимались и расширялись, подобно инверсным сверхновым звездам. Кинетические снаряды ударили в бетонные с мраморные стены. Еще несколько стеллажей обрушились со звоном

антикварного стекла. Загоревшиеся пластиковые контейнеры начали отекать, славясь и разбрызгивая искры.

Аарон занял позицию между охранниками и ячейкой памяти Иниго, защищая ее от любых возможных повреждений. Ему удалось пробить силовое поле одного из противников, и в образовавшуюся пробоину ударил заряд сель-ружья. Нога человека мгновенно превратилась в жидкую массу разрушенных клеток. Охранник с криком упал. Силовое поле сомкнулось вокруг обрубка, и вязкая масса, исходя паром, стекла на пол. Энергогасители хищными грызунами впились в защиту пострадавшего и сократили поле до критического минимума.

Аарон остался один на один со вторым охранником. Они двигались друг к другу, полагаясь только на оружие. Теперь исход битвы решали не программы и не человеческий опыт. Победить могла только грубая сила.

Под конец они оба стали подобны летящим навстречу друг другу атомным зарядам. Они столкнулись с ослепительной вспышкой, испепелившей все, что было рядом. И один из огненных шаров внезапно угас.

Аарон поднялся над кучкой пепла, секунду назад бывшего его противником. Не отводя взгляда, он поднял непострадавшую руку. Из предплечья появилось дуло рентгеновского лазера. Его луч пронзил голову одноногого охранника и вильнул немного вверх, чтобы наверняка уничтожить ячейку памяти. Аарон испустил протяжный вздох и поморщился от тупой боли в плече. Кровавое пятно уже расплзлось по всей груди. Из-под обугленной и рваной ткани костюма виднелся участок потемневшей, сочащейся кровью кожи. Медицинский дисплей показывал, что шипы глубоко проникли в тело и нанесли значительные повреждения. Острая боль в левой ноге заставила Аарона невольно вскрикнуть. Колено подогнулось. Биононики всю старались нейтрализовать микрогенераторы, переносимые потоком крови. Аптечка в бедре все впрыскивала и впрыскивала лекарства, предотвращающие болевой шок. Если он не доберется до медицинского учреждения, потеря крови тоже скоро станет серьезной проблемой. Но Аарон все еще оставался в сознании, хотя испытывал необходимость в деактивации остатков нервнопаралитического яда. Биононики свидетельствовали, что еще не вся отравы вышла из организма. Сканер поля самостоятельно настроился и снова произвел исследование.

Аарон приблизился к стеллажу с ячейкой памяти Иниго. Нуль-губки подлетели ближе и скрылись в боевой портуpee. Под ногами хрустнули обломки пластика, слипшиеся от крови. Аарон протянул руку и взял ячейку. Самая трудная часть миссии осталась позади.

Направляясь к выходу из хранилища, он заметил, что одежда Вирц уже загорелась. Женщина так и не шевельнулась после того, как упала на пол. Аарон направил в ее голову луч рентгеновского лазера. Этот акт милосердия он совершил на тот случай, если ее ячейка памяти еще продолжает что-то фиксировать. Вообще-то подобные поступки были несвойственны Аарону, но победитель может позволить себе проявить великодушие.

Через три минуты Аарон уже был на крыше административного здания. Прерывисто дыша, он подошел к краю. Онемевшее плечо уже начало невыносимо холодить, отчего по всему телу распространялись волны слабости, с трудом сдерживаемые бионониками. Ужасная боль терзала колени, живот и спину, ослепляя, едва не сбивая с ног. На дисплеях в экзозрении, которые Аарон уже едва видел, появился отчет бионоников о прогрессе: оставшиеся восемь микрогенераторов, отравлявших его кровь, были успешно нейтрализованы.

Аарон медленно, с трудом выпрямился, постоял, качаясь и чуть не упав со второго этажа. Юз–дубль, подключившийся к унисфере сразу после того, как Аарон вышел из шахты лифта, известил его о том, что остаток интеллцентра клиники вызывает на помощь полицию по всем сохранившимся каналам связи.

«Оперативный отряд полиции принял вызов, — доложил юз–дубль. — Охрана клиники наготове. Периметр под наблюдением».

— Пора выбираться отсюда, — с напускной храбростью заявил Аарон. Он морщился от фантомной боли в уничтоженной выстрелом ключице и вызвал Корри–Лин. — Поехали. Я на условленной позиции 1-А.

«Ох, — донесся ее ответ. — Ты уже закончил?»

На мгновение ему показалось, что она шутит.

— Что?

«Я не думала, что ты так быстро справишься».

От ярости он весь заледенел. Составленный им график четко обозначал ее действия. Ни внезапное появление охранников, ни последующая перестрелка не задержали его больше, чем на сорок секунд.

— Где ты находишься?

В его экзозрении появился план клиники с приближающимися на скорости восемь М полицейскими капсулами.

«Э-э... Я все еще в приемном покое. Знаешь, у них здесь действительно отличная одежда, и советы Рут Стол мне очень помогают. Кто бы мог подумать? Я уже примерила пару прекрасных шерстяных...»

— Быстро марш в капсулу! Сию же секунду! — заорал он.

Тактическая программа выдала рекомендации, соответствующие собственным соображениям Аарона. Позиция на крыше была слишком открытой. Переждав еще один приступ дрожи, он упал через ограждение, полностью положившись на боевую систему. Силовое поле трансформировалось, смягчив падение. Но, несмотря на это, боль, казалось, взорвалась в самом мозгу, Аарон перекатился через голову и поднялся на ноги. Слишком медленно.

«Дверь не открывается, — пожаловалась Корри–Лин. — Я не могу добраться до капсулы. Здесь завыл сигнал тревоги. Подожди–ка... Рут говорит, чтобы я не двигалась».

Аарон со стоном заковылял через лужайку, окружающую административное здание. Деревья, конечно, не обеспечат ни малейшей защиты, тем более от сил, которые за ним охотятся. Желание скрыться в темноте было продиктовано чисто животным инстинктом.

— Выруби эту суку, — крикнул он Корри–Лин.

«Что?»

— Ударь ее. Вот боевая программа. — Его юз–дубль переслал Корри–Лин соответствующий файл. — примени обезвреживающий удар. Без колебаний.

«Я не могу этого сделать».

— Давай. И быстро вызывай капсулу. Она разобьет двери.

«Аарон, а нельзя просто вызвать капсулу? Как–то неудобно бить человека безо всякого предупреждения».

Аарон добрался до деревьев. Ноги подогнулись, он упал и покатился по земле, заросшей колючими лианами. В раненом плече вспыхнула боль, не имеющая ничего общего с оставшимися микрогенераторами.

— Помоги, — прохрипел он. — Проклятье! Корри–Лин, давай сюда капсулу.

Он начал ползти. Вокруг сужающегося поля зрения заплясали неразборчивые экзобразы.

«Эй, она меня схватила».

— Корри–Лин...

«Корова!»

— Я не могу тебе помочь.

Он уперся здоровой рукой во влажную песчаную почву, пытаясь подняться на ноги. Над головой безмолвно пролетели две полицейские капсулы. Через секунду их гиперзвуковая волна снова бросила его на землю. Жестокий удар сбил с деревьев несколько веток. Аарон жалобно застонал и перекатился на спину.

«Ох, Оззи, сколько крови. Кажется, я сломала ей нос. Я и ударила–то совсем не сильно».

— Вытащи меня, — прошептал он.

Он мысленно послал единственную команду нуль–губкам, остававшимся в портупее. Небольшие шарики взмыли в ночную темноту, огибая ветви деревьев. С неба, словно фиолетовые молнии, ударили лазерные лучи.

— Напрасно, — прошептал он полицейским.

Нуль–губки собрали энергию, посланную в них с капсул. Теоретически нуль–губки до полного насыщения могли поглотить миллиарды киловатт- часов. Аарон запрограммировал им намного меньший предел. Энергия полицейских лазеров быстро насытила губки, и поглощение сменилось выделением.

Пять мощных взрывов осветили ночной лес, создав гигантские перепады давления. Повредить полицейские капсулы они не могли, для этого защитное поле было слишком сильным. Но взрывные волны преодолели направленную силу антиграв–двигателей, завертели машины в воздухе и отбросили за границы леса. Внизу деревья, словно сделанные из бумаги, начали падать друг на друга, создавая эффект домино, распространившийся вокруг эпицентра.

Шквал, несущий гравий и обломки веток, приподнял Аарона и прокатил по земле метров на пять, после чего сильно стукнул о ствол. Он очнулся, лежа на спине и глядя в небо, испещренное сложным узором мерцающих ионных потоков. Как ни удивительно, ячейка памяти все еще была зажата в его руке.

— Корри–Лин, — в отчаянии позвал он.

Огни в небе стали меркнуть, и в поглотившей Аарона тьме не было видно ни одной звезды.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН ИНИГО

Сразу после восхода солнца караван покинул лагерь и еще три часа провел в пути, пока наконец не поднялся на последнюю гряду, отделявшую его от прибрежной равнины. Всплеск адреналина вызвал у Эдеарда радостную улыбку. После почти целого года странствий он смотрел в свое будущее. Салрана, остановив рядом с ним ген-лошадь, пронзительно ахнула и хлопнула в ладоши. В повозке О'Лрани от неожиданного шума недовольно захрюкали несколько свиней.

Эдеард придержал своего ген-коня. Мимо повозка за повозкой тянулся караван. Впереди предгорья кряжа Донсори круто спускались к бескрайней — равнине Игуру. Плоская местность простиралась на многие мили. И повсюду плодородная земля была возделана, разделена на огромные поля, сулящие богатые урожаи. Неглубокие реки, ограниченные земляными дамбами, питали обширную цепь оросительных каналов. Однообразие рельефа нарушали редкие и невысокие вулканические конусы, в нижней части покрытые лесами. В расположении вулканов Эдеард не видел никакой закономерности, их вершины были хаотически разбросаны по всей равнине.

После горных перевалов, густых лесов и долин открывшаяся картина казалась странной. Эдеард пожал плечами, удивляясь необычному виду, прищурился на восточный край горизонта. То ли в силу воображения, то ли из-за легкой дымки море Лиот показалось ему узкой сероватой линией. Зато представлять себе сам город необходимости не было. Маккатран поднимался над горизонтом, подобный освещенной солнцем жемчужине. В первый момент Эдеарда разочаровали скромные размеры города, и лишь потом он вспомнил о разделявшем их огромном расстоянии.

— Потрясающий вид, не так ли? — произнес Баркус, поравнявшись с Эдеардом.

— Да, сэр, — ответил Эдеард. Все слова восхищения показались ему в этот момент лишними. — Как далеко мы от города?

— Еще по крайней мере полдня пройдет, пока мы спустимся в долину, это последний довольно сложный отрезок пути. Потом встанем на ночлег в Клипшаме — первом настоящем городе на равнине. И нам понадобится еще целый день, чтобы добраться до самого Маккатрана.

Баркус доброжелательно кивнул и снова тронул своего ген-коня.

«Почти два дня пути». Эдеард устремил на столицу восторженный взгляд. Говорят, что это единственный настоящий город на Кверенции. Караван проходил обширные поселения с многочисленными жителями, где одни только парки площадью превосходили весь Эшвилль. В то время Эдеард считал эти города огромными и не мог представить себе что-то еще большее. «Заступница, какой же я чурбан».

— Ты в чем-то сомневаешься? В таком месте? — спросила его Салрана. — В твоей голове бродят какие-то печальные мысли.

— Я просто раздавлен, — сказал он.

В ее разуме сверкнули искры радости, а на лице вспыхнула задорная усмешка.

— Задумался о Франли?

— Не вспоминал о ней уже несколько месяцев, — с достоинством ответил он.

Салрана озорно рассмеялась.

Франли он встретил в Плаксе, главном городе провинции по ту сторону гор Ульфсен.

Череду неприятностей в пути, включая ломавшиеся колеса и болезни животных, привела к тому, что в Плакс караван пришел с опозданием. А в результате необычно ранней зимы, засыпанной снегом дороги пришлось остаться в городе на целых шесть недель. Вот там Эдеард и встретил Франли, ученицу из гильдии эгг-шейперов, свою первую настоящую подружку. Большую часть ненастных дней они проводили вместе — либо в постели, либо в дешевых городских тавернах. Мастер гильдии, распознавший талант Эдеарда, предлагал ему остаться в качестве старшего подмастерья и обещал статус помощника мастера через год работы. И Эдеард *чуть было* не остался.

Но последнее обещание, данное Акииму, не позволило ему свернуть с пути. Оправиться от горя он смог только к концу зимы, по другую сторону от хребта Ульфсен, отделившего его от Плакса. Да еще помогла Розейлин. встреченная в одной из горных деревушек. И Далиция. И... еще несколько девчонок в разных местах.

— Ты только посмотри, — искренне воскликнул он. — Мы правильно поступили, отправившись в путь.

Салрана запрокинула голову и прикрыла глаза от яркого утреннего света.

— Забудь про город, — сказала она. — Я никогда не видела так много неба.

Он поднял голову и понял смысл ее слов. С высоты, где они остановились, открывался отличный вид на бескрайний лазурный купол, нависший над равниной. Небольшие облачка были настолько тонкими, что и сами отсвечивали голубоватым цветом. Они сплетались над Игуру узкими и хрупкими жгутами и только в термальных потоках над горами становились плотнее и темнее. «Ветер в городе всегда дует с моря, — припомнил Эдеард слова Акиима, — а уж если он поворачивает в другую сторону, берегись».

— Что это за запах? — озадаченно спросил он.

Воздух вокруг казался свежим и бодрящим, но в то же время с привкусом какой-то гнили.

Из проходящей мимо повозки раздался смех.

— Эх ты, темная деревенщина, — насмешливо крикнул возница. — Это же запах моря.

Эдеард снова опустил взгляд к горизонту. Он никогда еще не видел моря. По правде говоря, с такого расстояния оно не производило особого впечатления: какая-то расплывчатая серо-голубая линия. Он решил, что вблизи море окажется более интересным.

— Спасибо, старик, — крикнул он в ответ, сопровождая слова издевательским жестом.

К этому времени он успел подружиться почти со всеми семействами каравана, и расставание в Маккатране грозило стать не меньшим огорчением, чем в Плаксе.

— Поехали, — поторопила его Салрана.

Она тронула коня, и спустя несколько мгновений Эдеард последовал ее примеру.

— За завтраком я разговаривала с Магрит, — сказала Салрана. — Она говорит, что по этой самой дороге Рах повел своих товарищей после долгих споров, которые последовали за приземлением корабля на Кверенции. Он должен был впервые увидеть город с этого же места.

— Удивительно, во что он превратил равнину, — пробормотал Эдеард.

— Знаешь, порой я совсем тебя не понимаю. Мы добрались до Маккатрана, во что раньше я с трудом могла поверить. Мы, два жалких беженца из Эшвилля, оказались в центре всего мира. А ты говоришь о каких-то дурацких фермах вокруг.

— Извини. Просто... это место кажется мне очень странным, вот и все. Оглянись по сторонам, горы отступают, словно их кто-то остановил.

— Я уверена, твой интерес порадует географическую гильдию, — фыркнула Салрана. — Любопытно, ты сумеешь туда вступить?

— А что, это идея, — неожиданно оживился он. — Ты думаешь, будет очень трудно?

— Ах ты!.. — сердито воскликнула Салрана. Ее третья рука обхватила его за пояс, пытаясь стащить с седла. Эдеард ответил тем же, и Салране пришлось натянуть поводья. — Эдеард! Осторожнее!

— Прости.

В караване уже давно шутили, что он не знает своей силы. Юноша тряхнул головой и сосредоточился на группе ген-форм, идущей в караване. Он убедился, что ген-лошади исправно тянут повозки, ген-волки держатся поблизости, а ген-орлы описывают в небе широкие спирали. Перед караваном расстилалась отличная дорога, выложенная плоскими каменными плитами, почти как в большом городе. Не зря же она шла через горы до самой столицы. Глазами и про-взглядом он постоянно замечал на петляющей трассе то повозки, то группы всадников. Навстречу каравану неторопливо двигался отряд мужчин, сопровождаемый ген-волками. По расчетам Эдеарда, они должны встретиться примерно в полдень.

Открытое восприятие дало ему возможность прислушаться к постепенно усиливающемуся эмоциональному фону города. Негромкое неутихающее бормотание было похоже на ауру любого другого поселения, но пока Эдеард находился слишком далеко, чтобы даже при своем таланте ощутить настроение жителей Маккатрана. Кроме того, темп человеческих мыслей здесь был другим — более медленным и спокойным. Общее впечатление сводилось к ощущению праздного летнего дня, сплетенного в одну бесконечную мелодию. Он зевнул.

— Эдеард! — окликнула его Салрана.

Юноша моргнул. Беспокойство в голосе подруги мгновенно заставило его собраться. Его ген-лошадь брела по самому краю дороги. На этом отрезке никакой опасности не было, но чуть дальше начинался очередной поворот, и откос круто уходил вниз. Пара мысленных инструкций, обращенных к лошади, исправили положение.

— Давай попытаемся добраться до места целыми и невредимыми, — едко заметила Салрана. — Всемиловитая Заступница, ты так до сих пор и не научился ездить верхом.

Он был слишком взволнован, чтобы продолжить вечную перебранку. И даже не слышал больше смутных мыслей горожан — в его крови шумел излишек адреналина. Теперь, когда город уже показался впереди, Эдеард ощутил неподдельное волнение. Ужасное прошлое наконец осталось далеко позади.

В середине дня, как обычно, караван остановился, наполнив окрестности стуком дерева, лязгом металла, криками животных и негромкими разговорами людей. Повозки растянулись на добрые полмили на длинном повороте, загородив почти всю дорогу. Капитан милицейского патруля извинился за неудобство, но настойчиво попросил караванщиков задержаться.

Эдеард в это время ехал за пару повозок от переднего экипажа, так что без труда услышал вопрос Баркуса:

— Какие-то проблемы, сэр? Наш караван приходит в столицу каждый год и хорошо известен местным властям.

— Я и сам вас узнал, Баркус, — сказал капитан, поглядывая на ген-волков.

Капитан сидел верхом на угольно-черной земной лошади и в форменном синем с

красным кантом мундире с начищенными медными пуговицами выглядел весьма внушительно. Эдеард не удержался и при помощи про-взгляда исследовал содержимое его белой кожаной кобуры. Оказавшийся там револьвер был удивительно похож на тот, что хранился в семье Генрила. Вооружение остальных членов патруля оказалось вполне обычным — ничего даже отдаленно похожего на то, что Эдеард видел у бандитов. Он не знал, радоваться этому или огорчаться. Хорошо хоть, что не грозит ужасная битва, как в Эшвилле.

— Однако я не припомню, чтобы у вас было так много ген-волков, — заметил капитан.

— В прошлом году мы проходили через провинцию Рулан, там бандиты дотла сожгли одну из деревень и опустошили несколько ферм. Осторожность никогда не помешает.

— Проклятые дикари, — воскликнул капитан. — Наверное, два племени дрались из-за какой-нибудь шлюхи. Не понимаю, ради чего вы туда ездите, Баркус, по-моему, от них нельзя ждать ничего, кроме неприятностей. Эдеард медленно выпрямился и, не сводя глаз с капитана, усилил свою защиту.

«Успокойся», — телепатировал ему Баркус.

— Эдеард, — тихо прошептала Салрана.

В ее мыслях он ощутил едва сдерживаемую ярость. Мысли остальных членов каравана были наполнены печалью и сочувствием.

— Это выгодно, — спокойно ответил Баркус. — Мы очень дешево покупаем там некоторые товары.

Капитан, не обращая внимания на разразившуюся вокруг эмоциональную бурю, громко рассмеялся.

— А потом, полагаю, намного дороже продаете моим друзьям.

— В этом весь смысл торговли, — сказал Баркус. — В конце концов, риск путешествий мы берем на себя.

— Что ж, удачи вам, Баркус. Но я в ответе за безопасность Маккатрана, поэтому должен предупредить, что в стенах города вы должны держать своих зверей на привязи. Вряд ли они знакомы с цивилизацией. И нам не нужны никакие неприятности.

— Безусловно.

— Вам придется познакомить их с порядком, как только выйдете на равнину.

— Я сам за этим прослежу.

— Всего хорошего. Да, и никакой торговли с обитателями района Сампалок, ладно?

— Конечно.

Капитан и его люди освободили дорогу и неспешно поехали дальше, уводя своих ген-волков.

Баркус, убедившись, что караван снова тронулся в путь, подъехал к Эдеарду и Салране.

— Мне жаль, что вам пришлось это выслушать, — сказал он.

— Но ведь не все жители города так думают? — с тревогой спросила Салрана.

— О, Заступница, конечно, не все. Офицерами милиции обычно становятся младшие сыновья из старинных семей, молодые глупцы, ничего не знающие о жизни. В силу своего положения они до крайности высокомерны, но денег им не достается. Служба в милиции позволяет поддерживать определенный статус, пока не найдется богатая невеста. К счастью, патрули не причиняют особого вреда.

Рассказ Баркуса вызвал изумление у Эдеарда.

— Если они нуждаются в деньгах, почему не вступают в гильдии, почему не развивают

свои способности или не организуют какое-нибудь дело?

К его не меньшему удивлению, Баркус разразился хохотом.

— Ох, Эдеард, ты проделал с нами огромный путь, но сколько же еще тебе предстоит пройти! Чтобы благородный отпрыск зарабатывал себе на жизнь?

Он опять рассмеялся, дернул поводья и отъехал к соседней повозке.

После Клипшама Эдеарду захотелось погнать лошадь галопом до самого Маккатрана. На это ушло бы всего несколько часов. Но он сумел сдержать свое нетерпение и послушно трусил рядом с повозками, помогая успокаивать ген-волков, не привыкших бежать на сворке.

На равнине было тепло, и мягкий ветерок приносил с моря влажный воздух, странным образом подбадривавший Эдеарда. По словам Баркуса, зима здесь длилась немного меньше, чем в провинции Рулан, но в холодные месяцы случались и жестокие морозы, и снежные бури. Лето же, наоборот, было очень знойным и продолжалось более пяти месяцев. Богатые семьи в разгар жаркого сезона предпочитали переезжать в виллы в горах Донсори.

Благоприятный климат сказывался на сельском хозяйстве, и все поля вокруг выглядели поразительно. Вдоль дороги тянулись узкие полосы пальм, окутанных лентами синего мха и увенчанных лохматыми метелками алых и зеленых листьев. Многие растения на полях Эдеард видел впервые. Зерновых было очень мало, а вместо них тянулись плантации цитрусовых и плодовых деревьев, сменяемые акрами винограда и ягодников. Местами встречались делянки тростника, который уже сжигали, и к чистому небу с земли поднимались темные столбы дыма. Вулканическая почва способствовала процветанию фермеров не меньше, чем частые дожди, регулярно падавшие со щедрого на солнце неба. В полях под присмотром верховых суетились целые толпы ген-мартышек. Дома фермеров, выбеленные известкой и покрытые красной черепицей, не уступали размерами комплексам эшвилльских гильдий.

Караван час за часом шел по равнине, но панорама с обеих сторон оставалась удручающе однообразной. Только вулканические конусы и отмечали его путь. Эдеард замечал на их склонах серебристые нити ручьев, исчезающих под темно-зеленым пологом деревьев, но кратеров не было, все конусы заканчивались округлыми вершинами.

На узких выступах кое-где виднелись небольшие, но изящные строения. Друзья объяснили Эдеарду, что это всего лишь летние домики зажиточных горожан, проводящих праздные дни среди великолепия природы. Еще чаще там жили любовницы богачей.

По мере приближения к Маккатрану движение на дороге усиливалось. Здесь вместо ген-лошадей чаще встречались их земные аналоги, а всадники щеголяли роскошными одеяниями. К рынкам и складам столицы тянулись вереницы повозок, нагруженные продукцией с ферм и из поместий равнины. Мимо каравана проносились элегантные экипажи с занавешенными окнами. К удивлению Эдеарда, почти все они были окутаны слабым подобием его маскирующей защиты, а сидевшие снаружи лакеи свирепыми мыслями предостерегали встречных от проявления назойливого интереса к пассажирам.

Последний отрезок пути перед городом изумлял разнообразием растущих вдоль дороги деревьев. Древние серые и черные многовековые стволы часовыми стояли с обеих сторон, их узловатые ветви смыкались над головой арками. В первый момент Эдеард решил, что здесь произошло какое-то землетрясение: все деревья, независимо от возраста и вида, наклонялись в одну сторону, их ветви загибались в том же направлении. И только потом догадался, что причиной тому был постоянно дующий с моря ветер. Последнюю четверть

мили караван шел среди лугов, где паслись отары овец. Вскоре деревья расступились, и Эдеард увидел город впервые с тех пор, как спустился на равнину. Перед ним встала хрустальная стена, отвесноподнимающаяся с уровня земли на тридцать ярдов вверх. Несмотря на прозрачность, она обладала золотистым оттенком, который искажал очертания стоящих внутри зданий и мешал составить точное впечатление о самом городе. Стена по правильной окружности огибала его с трех сторон и заканчивалась лишь у порта, позволяя волнам плескаться у причалов. Слабые приливы и отливы Кверенции не оказывали на нее видимого воздействия: кристалл был настолько прочным, что не поддавался ни природным силам, ни каким-либо другим посягательствам. Разрушить его не могли ни пули, ни кирки, к гладкой поверхности даже не прилипала глина. Стена являла собой почти идеальный оборонительный рубеж.

Материал был восприимчив лишь к телекинезу, способному постепенно одолеть его прочность. Именно таким образом Раху удалось открыть город для своих людей. Обладавший мощным даром, Рах постепенно разрезал хрусталь, сформировав трое ворот. Легенды утверждали, что на каждые ворота у него ушло два года работы. Его спутники зажали отсеченные сегменты в огромные металлические скобы, превратив в плотно прилегающие створки. За два тысячелетия, прошедших с тех пор, ворота закрывались восемь раз. Последние семь веков они были постоянно распахнуты.

Караван вошел в город сквозь северные ворота. Их ширина в основании составляла семь ярдов, а потом проем постепенно сужался, образуя арку высотой в десять ярдов. Створка ворот была плотно закреплена на внутренней стене. Эдеард никак не мог заставить себя поверить, что такая громадина способна двигаться; массивные шарниры показались ему ужасно примитивными, но содержались они отменно — нигде не было ни пятнышка ржавчины, и все поверхности лоснились от масла.

Внутри, сразу за воротами, с левой стороны вдоль стены тянулся ряд загонов, называемый Высоким Рвом, и заканчивался он у припортового района Верхний Конец. Поскольку лошади не допускались на главные улицы города, многие семьи строили тут простые деревянные стойла; здесь же находились загоны для скота, предназначенного на продажу, помещения для путешественников и даже пара дешевых рынков. С другой стороны от дороги подобный полукруг составлял Низкий Ров, заканчивающийся у Главных ворот. По внутренней стороне оба Рва ограничивал канал Северная Дуга, облицованный тем же светлым материалом, из которого состоял: большинство городских построек. Он напоминал снежный мрамор, но по прочности превосходил любой металл, получаемый людьми в кузницах Кверенции.

Снующие по каналу гондолы привели Эдеарда в восхищение. Лодки он видел и раньше, в Селе-на-Воде и в других городках их было предостаточно. Но по сравнению с изящными черными корабликами те суденышки казались неуклюжими и неповоротливыми. При низкой осадке нос у каждой гондолы высоко поднимался над водой и заканчивался искусно вырезанной фигуркой. Мягкие скамьи в середине лодки были защищены от солнца белыми навесами, а сам гондольер стоял на корме и ловко направлял кораблик длинным шестом. При каждой гондоле имелось не менее двух ген-кошек. При виде традиционных ген-форм, грациозно резвящихся в соленой воде. Эдеард радостно улыбнулся. В отличие от раздутых существ, сформированных им для колодца в Эшвилле, эти звери обладали стройными вытянутыми телами, перепончатыми лапами и длинными гибкими хвостами. Ген-кошки непрерывно охотились за проворными водяными крысами или жевали стебельки водорослей

трилан, так что вода в канале ни на минуту не оставалась спокойной.

— Милосердная Заступница, — воскликнула Салрана, разглядывая город.

— Мы правильно поступили, — решительно заявил Эдеард. — Да, правильно.

Внутри хрустальных городских стен его окутала истинная аура города. Он никогда еще не ощущал такой жизненной силы, такого опьяняющего эмоционального заряда, какой мог возникнуть только в результате скопления множества человеческих существ. Выделить индивидуальности в этом потоке не получалось, но общий фон казался источником неиссякаемой энергии. Эдеард чувствовал себя намного бодрее просто от того, что стоял и впитывал бесконечные звуки и зрительные образы.

Караван свернул с дороги. После недолгого разговора Баркуса с городским мастером движения им было отведено три отсека в Высоком Рве, где они могли расположиться. Повозки, постукивая на каменной мостовой, двинулись к финальной цели.

Эдеард и Салрана подвели своих ген-лошадей к Баркусу. Это было почти как в Селена-Воде, когда они обратились за помощью к караванному мастеру. Члены семьи Баркуса опять устанавливали навес рядом с повозкой. Тогда они смотрели на чужаков с любопытством и подозрением. Теперь Эдеард успел хорошо познакомиться с каждым из этих людей, со многими — подружиться, и оттого становилось еще труднее. Мысли Салраны, обращенные к Баркусу, тоже были подернуты печалью.

Старый мастер окинул взглядом заплечные мешки в руках у молодых людей.

— Значит, вы действительно решили остаться здесь?

— Да, сэр.

Он по очереди обнял обоих. Салране пришлось смахнуть пару слезинок с ресниц. Эдеард и сам с трудом удерживался от слез.

— У вас достаточно денег?

— Да, сэр, все в порядке.

Эдеард похлопал по внутреннему карману брюк, где держал все свои сокровища. По пути он продал достаточно ген-пауков, чтобы несколько недель платить за постой в приличной таверне. И он снова обзавелся пристойной одеждой.

— Если что-то не получится, мы будем здесь еще неделю. И с радостью примем вас обратно. Вас обоих. У нас вы всегда можете рассчитывать на дом в дороге.

— Я никогда не забуду вашей доброты, — сказал Эдеард.

— И я тоже, — добавила Салрана.

— Тогда уходите, и покончим с этим.

По взволнованным мыслям старика Эдеард видел, что прощание для него менее болезненно, чем для них. Прежде чем уйти, он пожал Баркусу руку и отвернулся. Салрана обняла караванного мастера за шею и крепко поцеловала.

Дорога, которая привела их в город, заканчивалась у канала Северная Дуга. Эдеард и Салрана прошли немного вдоль водного пути до ближайшего моста. Он был возведен из того же материала, что и большинство городских построек, только коричневатого-желтого цвета, а впоследствии с обеих сторон появились деревянные ограждения. По мосту шло так много людей, то Эдеарду пришлось крепче прижать к себе рюкзак. Но он не заметил, никаких животных, даже ген-мартышек. Мост привел путников в район Илонго, застроенный небольшими двух — и трехэтажными домиками-коробками с высокими готическими крышами и стенами, зачастую отклоняющимися от вертикали. Общей формы окон тоже не наблюдалось: среди них встречались узкие полумесяцы, косые щели, овалы, круги, но не

было ни одного прямоугольника. Вместо стекол окна закрывали прозрачные кристаллические панели, которые увеличивались, формировались и самостоятельно заменялись по мере роста самого здания. Входами служили простые арочные или овальные проемы, а деревянные двери навешивали сами жильцы, закрепляя петли гвоздями, вбиваемыми при помощи телекинеза. Материал постепенно выталкивал инородные тела и затягивал отверстия, так что каждые десять лет приходилось все начинать сначала. Постоянное обновление вещества, из которого состояли дома, придавало городу свежий вид словно его только-только построили.

Проходы между домами порой были настолько узкими, что Эдеард протискивался через них боком, но иногда попадались широкие вымощенные тротуары, где свободно могли идти несколько человек в ряд. По пути встречались небольшие площади и скверы, повсюду были фонтаны — из их широких колонн с журчанием сбегали струи свежей воды.

— Неужели здесь никто не работает? — с удивлением спросила Салрана после того как им пришлось минут десять проталкиваться сквозь толпу на узком тротуаре. — Похоже, что на улицы вышли все горожане.

Эдеард лишь пожал плечами. Весь район представлял собой запутанный лабиринт. Только здесь Эдеард понял, что строительный материал города почти непроницаем для его про-взгляда. За стенами он различал только смутные силуэты, а уж с другой стороны здания и вовсе ничего не было видно. Эдеард не привык к такому ограниченному обзору, и это его немного нервировало. В конце концов он призвал на помощь своего ген-орла и послал кружить над крышами, указывая нужное направление.

Эдеард хотел попасть в район Тоселла, где стояла Синяя башня гильдии эгг-шейперов. Он располагался к востоку от Илонго и отделялся от него Скрытым каналом. Несмотря на сравнительно небольшое расстояние, их с Салраной пришлось минут сорок бродить по Илонго, пока не нашелся простой деревянный мост, пересекающий узкий канал.

В районе Тоселла они обнаружили более высокие здания, чем те, что встречались им прежде. Длинные прямоугольные дома с узкими вытянутыми окнами громоздились друг на друга и достигали высоты в шесть этажей, а крышей им служили круглые концентрические купола, пересекающиеся между собой, словно мгновенно замерзшие волны. Высокие тонкие столбы у стен отделяли общественный тротуар от панно с разными символами, выложенными яркой блестящей мозаикой. Нижние этажи были построены в виде изогнутых галерей, охватывающих маленькие внутренние дворики, где в длинных желобах под рассеянным светом, проникавшим сквозь высокую крышу, росли цветы. Здесь Эдеард впервые после приезда в город ощутил присутствие ген-форм. В одном из таких домов нижний этаж был переоборудован в стойла. Он даже успел заметить подмастерьев и старших учеников в каком-то дворике и уловил их беспокойство по поводу настроения мастера. Эдеард с улыбкой вспомнил рассказы Акиима о тяжелой участи подмастерьев Маккатрана.

— Я знаю, что об этом спрашивает каждый, — сказала Салрана, когда они задержались у одного из особняков, чтобы полюбоваться радужными бликами, играющими на его снежно-белом фасаде. — Но интересно, кто построил этот город?

— Я думал, Первожители. Разве не так говорила Заступница?

— Об этом в точности не рассказывается ни в одном из ее учений. Она только говорила, что город оставили пришедшие раньше.

— Значит, это могли быть и не люди.

— Почему ты так считаешь?

— Ну, мы с успехом пользуемся этими конструкциями, поскольку понятие укрытия универсально для всех. Но здесь нет ничего, что создавалось бы специально для нас. Даже ворот не было до тех пор, пока не пришел Рах.

— Наверное, жители уходили и приходили морем, поэтому здесь столько причалов, — с улыбкой ответила она.

— Нет. — Он не смог поддержать ее насмешливого тона. Взгляд Эдеарда скользнул по фасаду особняка. Архитектура во всем — от функциональности до эстетики — основывается на склонностях расы, а Маккатран ничем не отвечал эмоциональному складу людей. Эдеард сам чувствовал себя здесь не на своем месте. — Люди никогда не строили этот город, мы просто приспособились к нему.

— Какой ты всезнайка! А мы ведь пробыли здесь не больше часа.

— Извини. — Он усмехнулся. — Но это любопытно, ты ведь и сама согласна.

— Говорят, что самый странный из всех Замковый район. Это в нем находится храм Пифии, единственное здание, построенное для людей. Город предоставил его Заступнице, чтобы ее паства была поближе к башням, когда вернутся Небесные Властители.

— К башням?

— Да. Именно там они спускались с неба в последний раз, когда приходили за душой Раха, чтобы унести ее на отдых в Море Одина.

— Ух ты! Постой, значит, храм Заступницы построили люди?

Салрана преувеличенно громко вздохнула.

— Вот видишь! Если б ты хоть изредка обращался к церкви, ты бы об этом знал. Так говорится в писании Заступницы.

Он снова с сомнением посмотрел на особняк.

— Похоже, будто дома формируются, как и ген-формы. Интересно, создатели города привезли с собой аморфов?

— Если тебя выгонят из гильдии географов, можешь попытаться счастья в гильдии историков.

— Нахалка!

Он шутливо замахнулся на нее. Салрана отскочила в сторону и высунула язык. Непривычное поведение послушницы Заступницы вызвало несколько удивленных взглядов прохожих. Салрана состроила сокрушенную мину и скромно спрятала руки за спиной, но ее глаза и мысли все еще искрились смехом.

— Пошли, — сказал Эдеард. — Чем быстрее мы доберемся до Синей башни, тем быстрее ты окажешься в общежитии для послушниц, где тебе самое место — вдали от зла и соблазнов.

— Помнишь наши обещания? Я собираюсь стать Пифией, а ты будешь мэром.

— Помню, — усмехнулся он. — Это может занять пару лет, но мы своего добьемся.

Улыбка Салраны погасла, а в мыслях мелькнула печаль.

— Эдеард, ты ведь не забудешь меня, правда?

— Эй, конечно, не забуду.

— Я говорю серьезно. Обещай. Обещай, что мы и впредь будем разговаривать каждый день, хотя бы передавать друг другу телепатический привет. Он поднял руку и повернул ладонь в ее сторону.

— Клянусь Заступницей, я тебя не забуду. Это просто невозможно.

— Спасибо. — На ее лицо вернулась озорная улыбка. — А ты не хочешь снова

поцеловать меня, прежде чем мы разойдемся по разным спальням?

Он горестно застонал.

— Может, мне следовало остаться с караваном?

На этот раз Салрана попыталась его ударить.

Синяя башня стояла в центре района Тоселла и по меньшей мере вдвое возвышалась над всеми зданиями, что встречались им до сих пор. Ткань города окрасила ее стены в цвет темной лазури, и казалось, что они поглощают солнечный свет и излучают тень. Стоя под опорами ее арок, похожими на корни древних деревьев, Эдеард чувствовал себя полным ничтожеством. Нет, такое здание не могло предназначаться для тех, кто работал чтобы людям легче жилось. Эта крепость больше подходила для лесных бандитов.

— Ты уверен, что хочешь туда? — нерешительно спросила Салрана.

Грозная мощь башни поразила ее не меньше, чем Эдеарда.

— Э-э... Да. Я уверен.

Еще ему хотелось, чтобы зыбкая дрожь в его мыслях была не столь заметной.

Они вошли через главный вход, сходство которого с открытой пастью неприятно поразило обоих. Стены и пол внутри были темно-красного цвета и блестели не хуже полированного дерева. Сумрак помещения прорезали яркие лучи солнца, проникавшие в узкие остроконечные окна высоко над головой.

В зале не было никого, кто встретил бы посетителей и указал им нужную комнату. Эдеард не знал, куда ему идти, и, чувствуя, как быстро иссякает его решимость, остановился посреди обширного помещения.

— Мне почему-то кажется, что комнаты для подмастерьев находятся не здесь, — едва шевеля губами, прошептала Салрана.

Люди в зале негромко разговаривали между собой, разбившись на маленькие группы. Поверх роскошных костюмов их окутывали отороченные мехом мантии, а на обоих концах высокого воротника золотыми нитками был вышит символ гильдии — яйцо, заключенное в неправильной формы круг. В сторону Салраны и Эдеарда обратились неодобрительные взгляды, а затем и удивительное число про-взглядов.

Собственный про-взгляд Эдеарда выявил трех вооруженных револьверами охранников, направляющихся в их сторону. Поверх безукоризненно белых мундиров на них были надеты еще и легкие жилеты из армшелка. Герб гильдии сиял на их шлемах.

Сержант сердито взглянул на Эдеарда, но к Салране, одетой в форму послушницы, отнесся менее враждебно.

— Эй, вы, — проворчал он. — Что вам здесь нужно?

— Какой теплый дружеский прием прибывшего издалека собрата по гильдии, — саркастически отметил про себя Эдеард. А потом понял, что ничуть не испугался охранников. После бандитов сержанта с его немногочисленным отрядом нельзя было считать серьезной угрозой.

— Я помощник мастера гильдии, — произнес Эдеард, удивляясь своему уверенному и спокойному тону. — Я приехал из провинции Рулан продолжить обучение.

Сержант сморщился, словно надкусил гнилое яблоко.

— Ты слишком молод, чтобы называться помощником мастера. И где твой значок?

— Путь сюда был неблизким, — сказал Эдеард, не желая рассказывать несчастье, постигшем его деревню, тому, кто не знает другой жизни, кроме городской. — Я потерял его.

— Понятно. А письмо?

— Письмо?

Сержант говорил медленно, почти не скрывая презрения, окрасившего его мысли.

— Письменное поручительство твоего мастера гильдии?

— У меня его нет.

— Ты пытаешься меня надуть, щенок? Прошу прощения, мисс, — ворчливо добавил он, повернувшись к Салране. — Убирайся отсюда, пока мы не отправили тебя в Справедливый Суд по обвинению в подлоге и краже.

— Я ничего не украл, — громко возмутился Эдеард. — Мой мастер Акиим погиб, не успев написать письмо.

— Ты проник сюда с единственной целью что-нибудь украсть, деревенский мальчишка! — закричал сержант. — И ты, на свое несчастье, вывел меня из себя. — Он потянулся за Эдеардом, но изумленно моргнул, наткнувшись за сильную телекинетическую защиту. — Ага, ты сам напрашиваешься на трепку!

Он попытался схватить Эдеарда третьей рукой.

Эдеард легко отвел его попытку, а потом приподнял над полом. Сержант вскрикнул от изумления и забил ногами в воздухе.

— Взять этого негодника, — приказал сержант своим людям.

Их третьи руки протянулись к нарушителю, но безуспешно. Охранники попытались схватиться за оружие, однако обнаружили, что их руки едва могут преодолеть сопротивление внезапно сгустившегося воздуха.

— Эдеард! — предостерегающе крикнула Салрана.

Эдеард и сам не мог понять, как потерял над собой контроль.

— Достаточно, — раздался чей-то повелительный баритон.

Про-взгляд показал Эдеарду, что через весь зал к ним направляется пожилой мужчина. За его спиной в такт быстрым шагам развевалась мантия. На склоне лет он сильно располнел, и даже его брюки цвета охры были скроены так, чтобы прятать округлившийся живот, а свободная рубашка довершала маскировку. Но излишний вес выдавали и пухлые пальцы, и собравшаяся в складки шея, и отяжелевшие щеки. Тем не менее он двигался с проворством юноши, и даже без учета его решительных мыслей весь вид выдавал в нем человека высокого положения.

— Опустите его, — приказал он Эдеарду.

— Да, сэр, — промямлил Эдеард. Он уже понял, что перед ним мастер, равный Акииму. — Я прошу прощения. Но мне ничего не остава...

— Помолчи. — Он повернулся к сержанту. Охранник, ни на кого не глядя, приводил в порядок свою одежду. — А вам, сержант, следует быть сдержаннее. Я бы не хотел, чтобы Синюю башню охраняли узколобые параноики. Постарайтесь научиться более разумно относиться к людям, или вам придется заканчивать службу, охраняя поместья гильдии по ту сторону от гор Донсори. Я ясно выразился?

— Да, сэр.

— Можете идти. Я сам выясню, насколько большую угрозу представляет этот юноша.

Сержант удалился вместе со своими людьми, но прежде бросил на Эдеарда взгляд, не суливший ему ничего хорошего.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Эдеард, сэр.

— А я Топар, мастер Совета Гильдии и помощник Грандмастера Фини- тана. Так что ты должен понимать, в какие неприятности впутался. Могу я узнать имя послушницы Заступницы?

— Салрана.

— Хорошо. Насколько я понимаю, вы оба недавно прибыли в Маккатран. Верно?

— Да, сэр. И я очень сожалею...

Топар раздраженно взмахнул рукой.

— Мне следовало бы рассердиться, но имя Акиима очень давно не произносилось в нашей великой башне. Я заинтригован. Я правильно расслышал, ты сказал, что он погиб?

— Да, сэр. К сожалению, это так.

Топар на мгновение утратил свой величавый вид.

— Жаль. Очень, очень жаль.

— Вы знали его, сэр?

— Нет, я его не знал. Но я отведу вас к тому, кто знал его очень хорошо. Он захочет узнать подробности. Я в этом уверен. Следуйте за мной.

Он провел их в противоположный конец зала и стал подниматься по лестнице, открывшейся за арочным проходом. По пути наверх Эдеард окончательно убедился, что город построил кто угодно, только не люди. Ступени оказались ужасно неудобными, они, скорее, напоминали застывшие волны. Закругленные края не позволяли прочно поставить ногу, да и расстояние между ними было слишком большим: мышцы голени, не привыкшие к столь суровым испытаниям, быстро налились болью.

В какой-то момент, на высоте четвертого или пятого этажа. Топар обернулся и подмигнул своим юным спутникам.

— Представьте себе, насколько я был бы круглее, если б мне не приходилось спускаться и подниматься по этой лестнице по пяти раз на дню.

Он весело усмехнулся и продолжил путь.

К тому моменту, когда они остановились в большом помещении, похожем на вестибюль, Эдеард успел запыхаться. Он не имел представления, на какую высоту они поднялись, но подозревал, что верхушка башни наверняка не дальше пары футов. Этим он и объяснил легкое головокружение.

— Подождите здесь, — сказал им Топар и скрылся за деревянной дверью, окованной узорными полосами железа.

Стены вестибюля тоже были красными, но светлее, чем в нижнем зале. Потолок над головой мерцал бледным янтарем, отчего кожа Эдеарда приобрела неприятный серый оттенок. Он бросил свой рюкзак на пол и упал в большое кресло на гнутых деревянных ножках. Салрана, растерянно оглядываясь, уселась рядом.

— Мы попали в беду или нет? — спросила она.

— Мне, кажется, уже наплевать. Какая же свинья этот сержант! Он же знал, что мы не опасны.

Она улыбкунулась.

— О тебе я бы этого не сказала.

Эдеард слишком устал, чтобы спорить. Его про-взгляд ограничивали стены башни, но за деревянной дверью он ощущал присутствие двух разумов. Об их эмоциональном состоянии он почти ничего не мог сказать, но, проходя по улицам города, он уже заметил, насколько искусно скрывают свои чувства местные жители.

Топар открыл дверь.

— Теперь можешь войти, Эдеард. Послушница Салрана, надеюсь, ты согласишься подождать здесь. Скоро кто-нибудь подойдет, чтобы о тебе позаботиться.

Еще на пороге комнаты Эдеард догадался, что его принимает Грандмастер Финитан. Юноша вошел — и едва не споткнулся, настолько сильным был пронзивший его про-взгляд, подобный порыву холодного ветра. Волоски на руках встали дыбом. В голове мелькнула мысль: если кто-то и способен видеть сквозь психомаскировку бандитов, то только этот человек.

Грандмастер сидел лицом к двери за большим дубовым столом в кресле с высокой спинкой. Его кабинет, вероятно, занимал четверть всего этажа башни, но при столь огромных размерах оказался почти пустым. Никакой другой мебели, кроме стола и кресла, здесь не было. Две стены занимали книжные полки с сотнями переплетенных в кожу книг. За спиной Грандмастера стена была почти прозрачной, только с тонкими хрустальными ребрами, так что с высоты открывался превосходный вид на Маккатран. У Эдеарда отвисла челюсть. Он едва удержался, чтобы не подбежать к окну, словно восторженный ребенок. Даже с того места, где он стоял, было видно, что волнистые крыши простираются вдаль на целые мили, а каналы пересекают город серо-голубыми артериями. Этот вид убедил Эдеарда в том, что город живой, а люди — всего лишь чужеродные бактерии, поселившиеся на теле, постичь природу которого не способны.

— Прекрасный вид, не так ли? — мягко произнес Грандмастер Финитан.

Во многих отношениях он был полной противоположностью Топару.

Высокий, худощавый, с густыми, распущенными по плечам волосами, только начинающими седеть. И все же возраст успел наложить свой отпечаток морщинами на лице. Несмотря на это мысли Топара текли спокойно и были окрашены не высокомерием, а любопытством и благожелательностью.

Эдеард перевел взгляд на Грандмастера.

— Да, сэр. Э-э, я еще раз прошу прощения за сцену внизу...

Грандмастер приложил палец к губам, заставив его замолчать.

— Больше ни слова об этом, — сказал Финитан. — Ты ведь проделал долгий путь, не так ли?

— Из провинции Рулан, сэр.

Финитан и Топар переглянулись, улыбнувшись общим мыслям.

— Долгий путь, — задумчиво повторил Финитан. — Хочешь чаю?

Эдеард, обернувшись, увидел, как под книжными полками открылась дверца, слишком маленькая для человека, всего около фута высотой. Оттуда выбежали ген-мартышки с парой стульев и чайным подносом. Стулья поставили к столу Грандмастера, а поднос с серебряной посудой разместился рядом с подставкой, на которой покоилось ген-яйцо.

— Присядь, мой мальчик, — пригласил Финитан. — Итак, ты говоришь, что наш коллега Акиим мертв. Когда это произошло?

— Почти год назад, сэр.

— Это воспоминание поднимает в твоей голове какие-то темные мысли. Расскажи мне, пожалуйста, всю историю. Я достаточно стар, чтобы вынести самые ужасные подробности.

Эдеард подавил разочарование, поняв, что его разум прозрачен для Грандмастера, набрал в грудь воздуха и начал рассказ.

Он закончил, и некоторое время Грандмастер и его помощник сидели молча. Затем

Финитан опустил подбородок на сплетенные пальцы.

— Ах, мой добрый бедняга Акиим. Такое завершение его жизни — это простительная трагедия. Целая деревня вырезана бандитами. Небывалый случай.

— Но это произошло, — вспыхнул Эдеард.

— Я не ставлю под сомнение твой рассказ, мой мальчик. Меня возмущает то, что часть общества, живущая в лесах, настолько отличается от нашего. И огорчает их непримиримая враждебность.

— Они настоящие звери, — буркнул Эдеард.

— Нет. Это инстинктивная реакция, и довольно справедливая в твоём случае. Но для организации такого рейда требуются немалые способности. — Финитан откинулся назад и отпил чай. — Неужели существует другая цивилизация, не отмеченная на наших картах? Эти люди обладают техникой психомаскировки и фантастическим оружием. Я всегда считал, что подобные вещи могут появляться только в нашем городе.

— У вас есть непрерывно стреляющее оружие? — спросил Эдеард.

За все время путешествия он не встретил ни одного человека, кто хотя бы слышал об этом. Целый год разочарований заставил его усомниться даже в собственных воспоминаниях о той ужасной ночи.

Финитан и Топар снова обменялись взглядами.

— Нет. И это беспокоит меня сильнее, чем искусство психомаскировки. Но хорошо, что Акиим владел техникой, доступной только мастерам гильдии.

— Он и был мастером, сэр.

— Да, конечно. Я имел в виду тех, кто входит в Совет. Печально, что Акиим не удостоился такой чести. Но это, безусловно, вопрос политики. Боюсь, мой юный Эдеард, тебе быстро придется усвоить, что городская жизнь полностью подчинена вопросам политики.

— Да, сэр. А вы были знакомы с Акиимом?

Финитан улыбнулся.

— А ты еще не понял, мой мальчик? Неужели? Я думал, ты более сообразителен. Между мной и тобой существует связь, потому что я, будучи младшим подмастерьем, учился у мастера Акиима.

— Ох.

— Но это означает, что из-за тебя у меня возникнет весьма неприятная проблема.

— Из-за меня? — с тревогой переспросил Эдеард.

— У тебя нет официального письма от мастера с подтверждением статуса. Более того, после уничтожения деревни у нас не осталось никаких доказательств, что ты вообще был принят в гильдию.

Эдеард неуверенно улыбнулся.

— Но я уже умею формировать зародыши в яйце. — Его про-взгляд проник в яйцо на столе Грандмастера и выявил силуэт свернувшегося внутри эмбриона. — Вы сформировали собаку. Я не могу разобрать отдельные детали, но это точно собака. Как я понимаю, вылупится она через пару дней Топар одобрительно кивнул:

— Впечатляюще.

— Акиим был лучшим из мастеров, — с горячностью воскликнул Эдеард Финитан тяжело вздохнул, и его лицо стало еще печальнее.

— Да, ты проходил обучение в гильдии, и я признаю твой талант и силу. В этом-то и

проблема.

— Сэр, я не понимаю.

— Ты сказал, что Акиим признал тебя помощником мастера?

— Да, сэр.

— Но я не могу принять тебя в гильдию в этом качестве. Я понимаю, звучит очень жестоко, Эдеард, но есть законы, которым я должен следовать.

Эдеард почувствовал, как вспыхнули его щеки. Но не от гнева — просто невольно вспомнилась мелочность мастера гильдии в Селе-на-Воде. Гранд-мастер, стоящий во главе всей гильдии эгг-шейперов, конечно, не мог быть настолько ограниченным. Просто таковы законы.

— Я понимаю.

— Сомневаюсь в этом, но я разделяю твое раздражение. Я был бы рад принять тебя в гильдию Маккатрана, Эдеард, но ты снова стал бы младшим подмастерьем. Я не могу делать исключений, особенно в твоём случае.

— Что вы имеете в виду?

— Если я приму тебя помощником мастера без официального письма, члены Совета сразу же обвинят меня в фаворитизме.

— Политика, — добавил Топар.

— Я понимаю, — прошептал Эдеард.

Он испугался, что вот-вот расплечется. Добраться до Маккатрана, попасть на прием к Грандмастеру, а потом услышать, что все его достижения бесполезны без клочка бумаги...

— Простите мою глупость, сэр, — грустно произнес он.

— Это не глупость. Но я одобряю твою вежливость, мальчик.

Эдеард шмыгнул носом.

— Сколько времени мне потребуется, чтобы стать помощником мастера?

— Здесь, в Синей башне, при наличии соответствующего таланта на это нужно семь лет. Присвоить тебе статус помощника мастера в столь юном возрасте... было опрометчиво даже для Акиима. Но, с другой стороны, очень на него похоже.

— Семь лет, — отрешенно вздохнул Эдеард.

Семь лет повторения всех уроков и упражнений, которые он уже усвоил. На семь лет вернуться назад. Семь лет быть в подчинении помощника мастера, уступающего ему в искусстве. *Семь лет!*

— Я знаю, о чем ты думаешь, и для этого даже не требуется прибегать про-взгляду, — мягко сказал Финитан. — Требовать от тебя такой жертвы очень жестоко.

— Я не уверен, что смогу такое выдержать, — сказал Эдеард. — Я думал, — то в Маккатране больше всего буду стремиться к членству в гильдии, но теперь... Эти формальности... Акиим всегда говорил, что мне будет трудно с ними смириться. Я думал, он поддразнивает меня.

— Послушай меня, Эдеард, — снова заговорил Финитан. — Послушай внимательно, поскольку то, что я сейчас скажу, граничит с кощунством.

— Сэр?

— Иерархия не только в нашей, но и во всех других гильдиях существует для тех, кто стремится продвинуться в нашей политической системе.

Талант в выбранной области играет немалую роль, но важнее таланта — деньги и власть. Так обстоят дела в столице. Если ты родился не в благородном семействе, но

обладаешь честолюбием, ты вступаешь в гильдию и пробиваешь себе путь наверх. А теперь будь особенно внимателен, по- ::<ольку тебе предстоит сделать выбор на всю жизнь. Действительно ли членство в гильдии эгг–шейперов — предел твоих мечтаний? Я хотел имен- но этого, и я добился своей цели. Я стал Грандмастером. Но подумай о сражениях, которые ожидали меня на каждом уровне. Вокруг меня столько людей, стремящихся занять мое место в этом кабинете, что я не могу сделать исключение для твоего таланта только потому, что сто лет назад обучался того же мастера, что и ты. Хочешь ли и ты так жить, Эдеард? Мне приходится ежедневно рассматривать десятки подобных вопросов, и нельзя оступиться ни на шаг — я должен поддерживать традицию, какой бы сухой и безжизненной она ни была. Таким правилам следую я, Эдеард, таким же правилам следует Топар. Временами я впадаю в отчаяние от своей беспомощности, от того, что стал зависимым от системы, которую когда-то хотел изменить и улучшить.

— Но, сэр, кто же может ее изменить, если не вы?

— Никто, Эдеард. Только не сейчас. Наше общество устоялось, а изменения вызывают нестабильность. И потому все существующие у нас организации противятся любым переменам. Сохранение статус-кво стало нашей единственной целью в жизни.

— Это неправильно.

— Да, неправильно. Но как решишь поступить ты? Хочешь ли ты надрываться еще семь лет, чтобы заработать звание помощника мастера и сделать первый шаг на пути к статусу мастера, когда твой талант перестанет иметь значение и придется вплотную заняться политикой? На каждом заседании Совета тебе придется вербовать друзей и отбиваться от врагов, чтобы заработать определенное положение и получить контроль над Советом. Но это будет всего лишь положение и контроль над Советом, в конечном итоге они немногого стоят.

— Вы советуете мне вернуться и присоединиться к каравану?

— Нет. Мое предложение вступить в гильдию — абсолютно искреннее, и оно останется в силе, пока я буду Грандмастером. Кто знает? Может, когда-нибудь ты сумеешь занять мой кабинет и что-то изменить? Но я должен тебя предупредить, что в эту должность никогда еще не вступал человек моложе ста лет.

— Я не знаю, — беспомощно признался Эдеард.

— Есть одна альтернатива. Ты уже научился формировать яйца, и, если ты вступишь в гильдию, тебе ничего не останется, кроме как заняться политикой. Однако служба городских констеблей постоянно набирает рекрутов. Это благородная профессия. Мое положение в Высшем Совете обеспечит тебе место в их рядах. И они с радостью примут того, кто обладает настолько сильной третьей рукой. Такие люди, как ты, очень нужны нашему городу, чтобы укрепить закон. Без соблюдения закона мы все пропадем.

— Констебль?

Эдеард имел об этой профессии самое смутное представление.

— Даже в таком великолепном городе, как Маккатран, существует преступность. Добропорядочные люди, особенно в бедных районах, живут в страхе перед бандами, которые хозяйничают на улицах по ночам. Купцы страдают от грабежей и, соответственно, повышают цены, что сказывается на всех нас. Ты будешь помогать реальным людям. И без промедления. В отличие от других гильдий, подмастерьев констеблей не гоняют по пустякам, чтобы облегчить жизнь мастера. Иерархия у них намного проще, чем в любых других гильдиях. И существует неплохая перспектива повышения. Ты силен и умен. Я не

стану обманывать тебя, предлагая легкую жизнь, поскольку это далеко не так. Но ты уже побывал в смертельном бою, и такого опыта нет больше ни у одного рекрута. Ты справишься.

— Я не уверен.

— Конечно. Я и не жду от тебя немедленного ответа. Тебе потребуется время, чтобы обдумать будущее. От этого решения зависит вся твою жизнь. Почему бы тебе не проводить твою подругу до храма, а потом просто не осмотреться? Если захочешь испытать себя на службе констеблей, телепатируй сюда, Топару, и мы позаботимся о том, чтобы тебя приняли.

— Благодарю вас, сэр.

— Рад помочь. И еще одно слово, Эдеард.

— Сэр?

— Я рад, что в конце жизни у Акиима был такой одаренный ученик. Думаю, в Эшвилле ему приходилось нелегко, а ты скрасил его последние годы.

— Спасибо. — Эдеард понял, что его время истекло, и встал. — Сэр, почему Аким ушел из Синей башни?

Финитан приветливо улыбнулся.

— Он был таким же как ты, мой мальчик. Он хотел перемен, хотел помогать людям. Здесь он мало что мог сделать. Вне хрустальных стен, в Эшвилле, я думаю, ему удалось изменить жизнь крестьян к лучшему.

— Да, сэр, удалось.

— Что там произошло? — спросила Салрана, как только Эдеард вышел из кабинета. — Ты выглядишь не слишком счастливым.

— Так и есть, — признал он и поднял рюкзак. — Пойдем, надо доставить тебя в храм до заката. А по пути я тебе все расскажу.

— Ты не должен сдаваться, — умоляющим тоном сказала Салрана, когда они с Эдеардом переходили по мосту через Садовый канал в Замковый район. — Ты так долго этого добивался!

— Но Финитан прав. Какой смысл? Я уже умею формировать яйца не хуже любого другого. Если я вступлю в гильдию, мне останется только карабкаться вверх по служебной лестнице и больше ничего. И что с того, что я могу стать Грандмастером? Сидеть на вершине башни, управлять гильдией, пока все остальные члены Совета ждут моей ошибки? У меня будет миллион врагов и ни одного друга. Ничего не изменится. Я не смогу никому помочь.

Вспомни Эшвилль. Люди не сразу поняли, что ген-мартышки способны облегчить их труд. Так вот, Маккатран поймет это еще лет через тысячу. И мы не можем создавать лучшие ген-формы или увеличить их поголовье.

— Когда ты станешь Грандмастером, ты станешь продвигать ген-формы в районы, близкие к дикому лесу. Гильдия эгг-шейперов способна изменить жизнь не только на равнине Игуру. Ты же знаешь, какова жизнь в отдаленных провинциях. Так сделай ее лучше, Эдеард, сделай ее такой же легкой, как в столице.

— Это невозможно, — сказал он. — Салрана, я не сумею этого сделать. Кроме того, я должен буду еще семь лет работать младшим подмастерьем.

А любое положение ниже помощника мастера будет для меня огромным шагом назад. Я не могу. Жаль.

Он почти увидел, как старый Акиим удрученно качает головой. Чувство вины было невыносимым.

Салрана погладила Эдеарда по щеке, чем снова вызвала изумленные взгляды прохожих.

— Я не собираюсь отказываться от тебя. И не позволю тебе сдать после того, что нам пришлось пережить.

Я не знаю, что бы без тебя делал.

— Я с тобой, — весело воскликнула она.

Эн поднял голову: вокруг повсюду высились странные изогнутые шпили, похожие на гигантские сталагмиты. Даже самый маленький из них превосходил высотой Синюю башню. На них не было видно ни окон, ни балконов, только единственный вход у основания, откуда до самого верха поднималась спиральная лестница. Заканчивались шпили широкими круглыми платформами, ужасно неустойчивыми на вид, словно грозящими упасть в любой момент.

После нескончаемой суеты других районов здесь было почти пустынно. Приближался закат, и все верующие спешили на вечернюю службу в главный храм Небесной Заступницы, чтобы помолиться или поблагодарить свою покровительницу. Из трещин в неровных стенах башен начал пробиваться свет, окутывающий землю бледно-оранжевым сиянием. Эдеард с интересом отметил, что точно такие же отблески освещали лестницу в Синей башне. Похоже, его без всякого выделения тепла излучал материал, из которого состоял весь город.

— Где ты будешь сегодня ночевать? — спросила Салрана.

— Не знаю. Найду недорогую таверну, где сдаются комнаты.

— Ах, Эдеард, тебе будет там так одиноко. Почему бы тебе не вернуться в караван? Там тебя с радостью оставят на ночь.

— Нет, — решительно ответил он. — Я не вернусь.

Она сердито поджала губы.

— Твоя гордость тебя погубит.

— Возможно, — с усмешкой сказал он.

Центральный храм Заступницы производил неизгладимое впечатление: огромный снежно-белый купол, верхняя треть которого была сделана из того же хрусталя, что и городская стена. От центра купола отходили три крыла, обрамленные балконами.

— Я пришла, — восторженно воскликнула Салрана. В ее глазах блеснули слезы, а мысли засияли счастьем. — Сама Заступница провела здесь последние годы своей жизни. Ты чувствуешь, какая это священная земля? Она реальна, Эдеард. Послание Заступницы миру — реально.

— Я знаю, — просто сказал он.

Главные двери были распахнуты, и на широкую площадь из храма изливался золотисто-розовый свет. Несколько служительниц в роскошных серебристо-белых одеяниях стояли на пороге и приветствовали паству. Салрана расправила плечи и подошла к ближайшей из женщин. Они стали о чем-то разговаривать, и Эдеард изо всех сил старался не подслушивать. В завершение беседы служительница храма обняла Салрану. На ее телепатический призыв откликнулись еще две женщины, и все вместе они стали что-то оживленно рассказывать внезапно оторопевшей Салране.

Затем она обернулась и махнула рукой Эдеарду.

— Они принимают меня к себе, — сказала она, сияя от счастья.

— Вот и хорошо, — негромко ответил он.

— Пойдем, дитя мое, — сказала первая из служительниц, покровительственно обнимая Салрану за плечи. — Молодой человек?

— Да, матушка.

— Мы благодарим тебя за помощь нашей заблудшей душе. Да благословит тебя Заступница за твои добрые дела.

Он не знал, как ей ответить, и потому просто кивнул в знак признательности.

— Ты останешься на службу?

— Я... Э-э, спасибо, но мне еще надо подыскать комнату на ночь.

Он попятился, потом повернулся и торопливо покинул площадь.

— Не забудь, — донесся до него телепатический посыл Салраны. — Завтра утром сразу же свяжись со мной. Я хочу знать, что у тебя все хорошо».

— Не забуду.

Несмотря на оранжевое сияние из причудливо изогнутых башен, Эдеард неуютно чувствовал себя в почти безлюдном районе. Высокие шпили вырисовывались на вечернем небе мрачными темными силуэтами. Эдеард сосредоточился на теплой ауре человеческих мыслей по ту сторону Садового канала. Еще даже не дойдя до моста, он принял решение. Про-взгляд Эдеарда обратился к Синей башне. За ее стенами было нелегко распознать искры мыслей, но он упорно искал, пока не нашел знакомый разум.

— Извините, если я не вовремя, сэра, — обратился он к Топару.

Помощник Грандмастера не удержался от всплеска удивления, но быстро его сгладил.

«Где ты находишься, Эдеард?»

— В Замковом районе, сэра.

«И оттуда ты проник сквозь стены Синей башни?»

— Э-э, да, сэра.

«Ну, конечно. Итак, что же я могу для тебя сделать?»

— Это, наверное, покажется вам несколько неожиданным, но я обдумал слова Грандмастера и хочу стать констеблем. Больше мне ничего не остается.

«Да, мы действительно сделали тебе такое предложение. Очень хорошо. Обратись в центральный участок района Дживон. К тому времени, когда ты туда доберешься, они уже будут тебя ждать. А письмо с поручительством доставят капитану утром».

— Да, сэра. Прошу вас поблагодарить от меня Грандмастера, сэра. Я его не подведу.

«Я почему-то уверен в этом, Эдеард. Хочу дать тебе один совет, как давнишний обитатель Маккатрана».

— Да, сэра?

«Поначалу постарайся не демонстрировать своим коллегам все, на что ты способен. Это может вызвать нездоровый интерес. Политика, помнишь?»

— Я помню, сэра.

— Подъем, мелкие негодяи!

Эдеард, чувствуя невероятную усталость, тихо застонал и прищурился на оранжевый свет, затопивший спальню. Реальность жестоко ворвалась в уже исчезающий сон, и его мысли остались в полном беспорядке.

— Подъем! У меня нет времени нянчить ваши жалкие задницы. Какая от вас польза, если вы даже не в состоянии проснуться? Никакой. И это меня совсем не удивляет. Через пять минут вы все должны одеться и собраться в малом зале. Тот, кто не успеет войти, пока я не закрою двери, может отправляться обратно, к своей мамочке. Шевелитесь!

— Что?.. — простонал Эдеард. Кто-то подошел к его кровати и ударил по ноющим от боли ногам дубинкой. — Ой!

— Если ты считаешь, что это больно, подожди, пока я займусь тобой всерьез, деревенщина.

Эдеард торопливо сбросил одеяло и скатился с постели. В спальне имелось шесть альковов с кроватями, и только две из них пустовали. С остальными рекрутами он познакомился только вчера вечером, но, не успели они поболтать, как Чаэ, их сержант-наставник, распахнул дверь и приказал заткнуть рты и немного поспать. «Завтра у вас ранний подъем», — предупредил он.

Эдеард, путаясь в рубашке, решил, что остальных Чаэ тоже разбудил.

— Он, верно, пошутил, — сказал Бойд, высокий блондин с большими ушами.

Четвертый сын пекаря, которому уже перевалило за двадцать, отлично видел, как старший брат постепенно прибирает к рукам всю пекарню, и понял, что отцовского наследства ему ждать не придется. Его сестры уже вышли замуж, а остальные братья покинули дом и пытались организовать собственное дело в другом районе. Сам он не обладал предпринимательской жилкой, так что оставалось только вступить в гильдию либо записаться в милицию или службу констеблей. Но денег, чтобы купить место в милиции, не хватило, а экстрасенсорные способности Бойда были довольно ограниченными.

— О нет, он не шутит, — ответил Максен, торопливо застегивая брюки.

Его история лишь немного отличалась от истории Бойда. Он родился у любовницы патриарха одного из благородных семейств. Такие отцы, как правило, без особого шума покупают своим отпрыскам младший чин в милиции или проталкивают их в гильдию юристов или клерков. Но, на беду Максена, глава семейства отправился в путешествие на юг вдоль побережья с одним из своих торговых кораблей, когда в море Лиот разразился один из нечастых штормов. Жена и старший сын покойного выгнали Максена из домика в горах, даже не дождавшись поминальной церемонии.

Эдеард сунул босые ноги в ботинки.

— Придется выполнять его требования, по крайней мере до тех пор, пока мы не выясним, насколько серьезны здешние офицеры, — сказал он.

Он бросил взгляд на сундучок в ногах кровати, где покоился его рюкзак, и задумался о безопасности имущества. Но ничего ценного там не было. «В конце концов, это же участок констеблей».

— Чаэ вполне серьезен, можете не сомневаться, — заверил его Динлей.

Четвертый обитатель спальни тоже был младшим сыном, но родился в семье констебля. И Динлей единственный из всех уже обзавелся формой. Сейчас он застегивал серебряные пуговицы на темно-синем мундире. Начищенные металлические кружочки ослепительно сияли, на брюках были наглажены острые стрелки. То, что форма не новая, становилось понятно, только если внимательно присмотреться. Прошлым вечером он сообщил им, — то форма принадлежала его отцу, когда тот был констеблем-стажером. Из всех четверых только один Динлей относился к будущей профессии с энтузиазмом. Он перешел на телепатический посыл.

«Отец сказал, что сержант Чаэ — горький пьяница. На этот участок его травили после того, как выгнали со всех других».

— И ему доверили тренировать рекрутов? — воскликнул Максен.

Динлей поморщился и опасно оглянулся по сторонам.

— Не так громко. Он не любит вспоминать о том, как загубил свою карьеру.

Бойд хихикнул.

— Карьеру. На службе констеблем. Ну и шутник ты.

Динлей сердито сверкнул на него глазами и надел очки в проволочной оправе. Что-то в его наружности напоминало Эдеарду о Фахине — не только близорукость, но и уверенность в правильном выборе пути, хотя нельзя было сказать, что Динлей для этого пути создан.

Эдеард вздрогнул, несмотря на толстый шерстяной свитер. Он давно не вспоминал о Фахине. Не самое удачное начало дня.

Хотя до дня было еще далеко, Эдеард заметил это, лишь когда вприпрыжку спускался по центральной лестнице участка в маленький зал, где рекрутам предстояло провести ближайшие полгода, изучая новую специальность. Яркие созвездия Кверенции просвечивали сквозь полог перистых облаков, набегавших с моря. До рассвета оставалось не меньше часа.

Эдеард еще не привык к тому, что здания Маккатрана блокируют его про-взгляд. Поэтому он удивился, увидев в зале сержанта Чаэ и еще одного констебля-стажера. Это была девушка примерно того же возраста, что и Эдеард, возможно, немного старше, с темными, очень коротко подстриженными волосами — такой прически у женщин он еще не видел. На ее лице, на котором, казалось, навсегда застыло сердитое выражение, выделялись пухлые щеки. Даже по стандартам Маккатрана ее разум был тщательно защищен и не пропускал никакого проблеска эмоций. Эдеард старался не слишком пристально ее рассматривать, но, когда его взгляд поднялся с ног — длинных, но чересчур полных в бедрах — к груди, парень понял, что девушка тоже смотрит на него. Она насмешливо приподняла бровь. Эдеард покраснел и отвернулся.

Чаэ стоял в дальнем конце комнаты, под одной из круглых осветительных вкладок. Его гнев, к счастью, уже испарился.

— Очень хорошо, мальчики и девочки. Почти вовремя. Хотите верьте хотите нет, но сегодняшняя ранняя побудка предназначалась не для того, чтобы усложнить вам жизнь. Для этого в ближайшие месяцы у меня будет предостаточно других возможностей. Сегодня нам предстоит познакомиться друг с другом. Это означает, что мы начнем с нескольких простейших тестов, чтобы выявить ваши способности — или их отсутствие. Так мы сможем объединить вас в отряд, действующий намного эффективнее, чем если бы каждый из вас работал в одиночку. Поверьте, умение работать сообща вам очень пригодится. Здесь немало банд, которые готовы порвать вас на части только за то, что вы перейдете им дорогу.

Эдеард не слишком ему поверил, но постарался, чтобы его сомнений никто не заметил. Он сосредоточился на том, чтобы выглядеть таким же бесстрастным, как и все остальные.

— Констебль Кансин, начнем, пожалуй, с тебя, — скомандовал Чаэ.

Он показал рукой на стоящую впереди скамью. На старинной деревянной доске лежали пять металлических шаров. Самый маленький был размером с кулак, а каждый следующий — больше предыдущего. Шестой шар, дюймов восемнадцати в поперечнике, лежал на полу.

— Который? — спросила Кансин.

— Покажи мне, на что ты способна, девушка, — ответил Чаэ. В его голосе прозвучало нескрываемое презрение. — Так я определяю, какое тебе дать задание. Или вовсе никакого.

Лицо Кансин стало еще более сердитым. Она остановила взгляд на четвертом шаре. Он медленно поднялся над полом.

Максен одобрительно свистнул и хлопнул в ладоши. Остальные констебли-стажеры тоже заулыбались. Эдеард, немного помедлив, выразил и свое одобрение. Он заподозрил,

что Кансин получила такой же совет, как и он сам, — не показывать все свои возможности.

— Это все? — спросил Чаэ.

— Да, сэр, — пробормотала Кансин.

— Ладно, спасибо. Бойд, давай посмотрим, из чего сделан ты.

Бойд, усмехаясь, шагнул вперед. Четвертый шар дрогнул и поднялся над полом на пару дюймов. На лбу Бойда выступила испарина.

Максен умудрился поднять пятый шар. Динлей уверенно хмыкнув, поднял пятый и второй шары, чем заслужил громкие аплодисменты. К ним присоединилась даже Кансин.

— Давай, Эдеард, покажи, насколько деревенские парни сильнее городских.

Эдеард неторопливо кивнул и вышел вперед. Остальные с любопытством за ним наблюдали. Ему хотелось швырнуть шестой шар прямо в сержанта, но предупреждение Топара было еще слишком свежо в его памяти.

Третья рука Эдеарда сомкнулась вокруг пятого шара и, вращая, подняла в воздух на половину высоты зала. Остальные стажеры разразились восторженными возгласами. Он поднял и второй шар, а потом устроил целое представление с третьим, приподняв его над скамьей всего на несколько дюймов.

Первый шар вдруг сорвался с места и полетел в Эдеарда. Он усилил защиту и легко отразил удар, сразу же уронив все три поднятых шара.

Стажеры замолчали и недоуменно переводили взгляды с Эдеарда на Чаэ.

— Прекрасно, Эдеард, — протянул Чаэ. — Ты меня почти убедил. Только многовато времени между ударом и падением шаров. Тебе стоит над этим поработать.

Эдеард хмуро уставился на сержанта.

Чаэ наклонился вперед и заговорил нарочито громким шепотом:

— У меня имеются друзья в охране гильдии эгг–шейперов, приятель. Эдеард покраснел.

— Констебли в первую очередь должны быть честными, — продолжал Чаэ. — Особенно со своими товарищами по отряду. Ваши жизни во многом зависят от действий коллег. Ну, хочешь попробовать еще разок?

Эдеард подбросил вверх шестой шар. Бойд вскрикнул от удивления.

— Спасибо, Эдеард, — сказал Чаэ. — Теперь займемся про–взглядом.

Я разместил в районе несколько отметин. Посмотрим, кто сможет что–то найти.

Эдеард осторожно опустил шестой шар. Интересно, что сказал бы Чаэ, если бы знал, насколько больший вес он способен поднять.

Испытания разных способностей продолжались еще час, пока Чаэ не заявил, что с него хватит. Результаты заинтересовали Эдеарда. Про–взгляд Кансин оказался почти таким же сильным, как у него, а телепатический посыл Динлея достигал чуть ли не середины Игуру, чем парень очень гордился. Защита Максена значительно превосходила силу его третьей руки — ничем не удалось ее пробить. Бойд не отличался никакими особыми талантами. Эдеарду оставалось только гадать, то ли он сам превосходит средний уровень, то ли его товарищи по отряду значительно до него не дотягивают. Но он заметил, что сам сержант Чаэ обладает достаточно сильным даром во всех отношениях.

Чаэ отправил их на завтрак, а потом приказал решить вопрос с формой.

— Если у кого–то из вас есть деньги, я советую потратить их на мундир, кого денег нет, получают форму, но будут выплачивать ее стоимость из своего жалованья в течение шести месяцев. И я вас уверяю, к концу недели у вас от жалованья останется совсем немного.

Они промаршировали в главный зал участка — длинное помещение со сводчатым

потолком и хрустальным окном в дальней стене. Несколько столов уже были заняты. Сержант указал на скамью в самом конце зала — там им предстояло сидеть до окончания стажировки. Остальные констебли не обратили на молодежь никакого внимания.

Ген-мартышки выбежали из кухни и проворно расставили посуду. Эдеард, заказывая чай и омлет, отметил, что мартышки неплохо понимают приказы. Хорошо хоть, что участок обеспечивает стажеров питанием. Затем он подумал, не послать ли весточку Салране. Солнце еще только выглядывало из-за горизонта.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то поднимал такой вес, — сказал ему; Бойд. — У тебя настоящий талант, Эдеард.

Эдеард пожал плечами.

— Я, пожалуй, буду держаться поближе к нему, когда в нас полетит дерьмо, — добавил Максен. — И пули.

— Мне кажется, вы все сможете постоять за себя, если нас загонят в угол, — ответил Эдеард.

— Выбор у нас невелик, верно? — сказал Максен. — Для гильдии маловато таланта, а купить место в милиции не на что. И вот мы здесь, тычемся в жизнь с черного хода, и это еще только начало. Начало долгого падения в сточную канаву, мои друзья-неудачники.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Динлей. — Он слишком зол на то, как с ним обошлись в семье отца.

— Не так зол, как будут злы они, когда я до них доберусь, — с неожиданной горячностью воскликнул Максен.

— Планируешь отомстить? — поинтересовалась Кансин.

— И планировать нечего. Эти высокомерные мерзавцы нарушают закон по десять раз в неделю. Когда-нибудь я стану достаточно влиятельным чтобы разорить и упрятать в тюрьму их всех.

— О, вот это мне нравится: честолюбивые помыслы.

— Эдеард, а почему ты не вступил в гильдию? — спросил Максен. — У тебя таланта больше, чем у нас всех, вместе взятых.

— Я не хочу подчиняться чужим приказам еще семь лет, — откровенно ответил он.

— Благодарение Заступнице, — сказал Динлей. — Нам надо стиснуть зубы всего на шесть месяцев, и мы у цели.

— Интересное определение цели, — пренебрежительно заметила Кансин принимая от ген-мартышки тарелку с овсяной кашей и высокий стакан с молоком. — Отвоевывать улицы у банд и нарываться на побои в попытках предотвратить драки в тавернах.

— А почему же тогда ты оказалась здесь? — спросил Максен.

Она неторопливо отпила глоток молока.

— А ты можешь представить меня примерной женушкой какого-нибудь неотесанного лавочника?

— Не все лавочники тупицы, — с обидой возразил Бойд.

Максен проигнорировал его слова.

— Ты молодчина, — сказал он Кансин.

Она медленно повернула голову и неторопливо окинула его взглядом.

— Не интересуется, спасибо.

Эдеард усмехнулся, а Бойд и Динлей громко засмеялись.

— Меня тоже, — нашелся Максен, но момент был упущен, и его слова прозвучали не

слишком убедительно.

— Так что там Чаэ говорил насчет формы? — спросил Эдеард.

Он подозревал, что монет у него в кармане больше, чем у остальных.

— Как посмотреть, — откликнулся Динлей. — Если ты окончательно решил стать констеблем, то не имеет значения, как платить. Но если еще не уверен, лучше уж пусть вычитают часть зарплаты, вдруг через пару недель захочешь все бросить, тогда вернешь форму, не теряя собственных денег.

— Надо смотреть фактам в лицо, — сказал Максен. — Если уж мы оказались здесь значит, все решено, и больше податься некуда.

— Говори за себя, — заметил Динлей. — Это наша семейная профессия.

— В таком случае прошу прощения. А у меня просто нет другого выбора.

— Ты мог бы вступить в банду, — легкомысленно заметила Кансин. — Там, вероятно, платят больше.

Максен ответил коротким пренебрежительным жестом.

— Насколько они опасны? — спросил Эдеард. — Я имею в виду банды. Я и не слышал о них, пока не приехал в город.

— Заступница, да ты и впрямь из деревни, да? — воскликнул Максен. — Когда ты познакомился с городом?

— Вчера.

— Вчера!

Он так громко выкрикнул это слово, что на их стол оглянулись несколько констеблей.

— Вчера, — настойчиво повторил Эдеард.

— Ладно, теперь все равно уже поздно. В некоторых районах действуют крупные банды, в других — поменьше. Хуже всего дело обстоит в районе палок. Для богатых они не составляют большой проблемы, но, если ты беден, приходится несладко. Они собирают дань с торговцев. Можно сказать, составляют конкуренцию налоговой системе Большого Совета.

— Но они действуют жестоко, — добавил Динлей. — Это безжалостные ублюдки, их всех необходимо истребить.

— Только после того, как суд признает их вину, — с усмешкой произнес Максен.

— Это серьезная проблема, и со временем становится все хуже и хуже, — сказал Бойд. — Мой брат вынужден платить, чтобы его пекарню оставили в покое, а он работает в десяти минутах ходьбы от центрального участка, и это очень далеко от Сампалока. Раньше там было намного спокойнее, мой отец не имел никаких проблем с бандитами.

— А почему он не пожалуется на них констеблям? — спросил Эдеард.

Максен презрительно фыркнул.

— Оглянись по сторонам, Эдеард. Ты бы стал просить нас о защите от организованной банды, если тебе угрожают побросать в канал твоих детишек и мать, привязав им камни на шею? Или ты собираешься охранять булочную двадцать четыре часа в сутки на протяжении десяти лет? Думаешь, Чаэ тебе позволит? Да если бы и позволил, как быть с остальными жителями района? Нет. Теперь это неотъемлемая часть жизни Маккатрана. Констебли могут только поддерживать хрупкое равновесие и не давать нам скатиться к полной анархии.

— Такой молодой и такой циничный, — сказала Кансин. — Не обращай на него внимания, Эдеард. Все не так плохо, как он говорит.

— Надеюсь, — подавленно произнес он.

Может, он еще не освоился в городе, но что-то подсказывало, что Финитан не был до

конца откровенным, говоря о жизни в Маккатране.

Следователь второго класса Харлан стоял на пороге подземного хранилища и смотрел на učinенный внутри разгром. Все поверхности — стены, пол, потолок, тела — были покрыты густым ковром голубовато-серой паутины, как будто здесь всю ночь проработали миллионы пауков. На самом деле тонкие волокна представляли собой полуорганические нити, которые за три часа могли нейтрализовать нервнопаралитический яд, разлившийся из кинетических снарядов, а также подавить смертельно опасные источники энергии, питавшие оставленное после битвы оружие. Применение запрограммированных охранников в клинике Святой Марии немного удивило Харлана, но он понимал, что важные персоны хотели, чтобы их воспоминания действительно были в *безопасности*. Он предупредил управляющего клиникой, что днем проверит сертификат на пользование отравляющим оружием. Времени, чтобы сделать нужные звонки и выправить лицензию у того было достаточно. Такой гибкий подход обеспечил Харлану уже два повышения по службе. Он давно понял, что миром правят важные персоны и, раздражая их, не наживешь состояния. Именно поэтому комиссар полиции и поручил ему расследование. Как только Харлан получил задание, помощник мэра связался с ним, чтобы высказать свои политические соображения. И прежде всего, сказал он, никакого уничтожения полумиллиона ячеек памяти, принадлежащих самым богатым и влиятельным личностям этого мира, не было. Произошел всего лишь временный сбой в системе считывания информации из-за отказа силового генератора. Случай, достойный сожаления, но никакого повода для тревоги, и уж тем более — для журналистского расследования. А репортерам пусть показывают разрушения в парке. В административный блок и, конечно, в подземное хранилище их пускать нельзя.

Юз-дубль Харлана закончил анализ сделанного паутиной и доложил, что обработка помещения завершена.

— Отлично, — сказал он и обернулся к своей команде из восьми криминалистов, дожидавшихся указаний в коридоре. — Я хочу получить полную картину вплоть до молекулярного уровня. Средств не жалеть, для нас это дело первостепенной важности. Кол, Анджело, вы составите для меня временной график. Дарвал, попробуй назвать имя того, за чьими воспоминаниями охотился этот подлец Тефлер.

Дарвал заглянул внутрь через плечо Харлана; аварийный прожектор, установленный в дверном проходе, создавал впечатление серебристо-голубой голографической проекции, лишенной теней. Тончайшая паутина, покрывающая осколки полумиллиона ячеек, казалась озером лунного света.

— Во имя Оззи, как же я смогу это сделать, шеф?

Харлан сердито фыркнул.

— Здесь, вероятно, не хватает одной ячейки. От тебя требуется просто перебрать все осколки и сказать мне, что пропало.

— Будь я проклят!

— Дельное замечание. План «Б»: просмотри имена клиентов и определи, воспоминания могли привлечь столь серьезное внимание. Начни с политиков, преступников и финансистов.

Дарвал нерешительно кивнул.

— Защитные поля не отключать ни при каких обстоятельствах, — приказал Харлан. — Здесь применялись весьма неприятные средства, и я не желаю никаких неожиданностей.

Криминалисты осторожно зашли в хранилище. Вместе с ними двинулись экерт-боты, похожие на свинцовых тараканов с черными электромускульными конечностями. Их корпуса мгновенно оцетинились бесчисленными сенсорными антеннами, и машины начали ощупывать ими все поверхности под нейтрализующей паутиной. Для составления всеобъемлющей молекулярной карты хранилища на стенах и полу работали более двух тысяч ростов.

Харлан подождал, пока эксперт-боты перестанут кружить вокруг трупа Вириц Акку, а потом и сам тщательно его осмотрел. Тело все еще оставалось на коленях, с согнутой вперед спиной, словно на молитве. Верхнюю часть черепа женщины криминалисты обнаружили наверху, пока ждали, когда закончится процедура обезвреживания. Харлан понял, что это означает. Дело с самого начала принимало неприятный оборот.

Он просмотрел результаты анализа эксперт-ботов, поступившие в его экзозрение, и обнаружил на поверхности мозга тонкие линии ожогов. Объемное сканирование помогло ему определить глубину проникновения лучей. Похоже, использовался мощный источник энергии. Ячейка памяти в голове женщины была уничтожена.

— Надеюсь, она не так давно обновляла воспоминания, — пробормотал он.

— Что вы об этом думаете, шеф? — спросил Анджело, стоя перед контейнером из экзотической материи.

— Полагаю, неплохая идея. Я никогда не видел их раньше. Тефлер, вероятно, не знал об этих охранниках.

— Но клинике они принесли не много пользы. Они ведь его почти не задержали, не так ли?

— Верно. Уровень его боевых систем был на порядок выше.

Харлан еще раз вызвал в памяти основной файл дела. В экзозрении явилось изображение Тефлера, взятое с камеры наблюдения в прием покое. Мужчина, предположительно восточной этнической группы, но с серыми глазами. Возраст — выше тридцати, что тоже довольно необычно. И густая щетина на щеках. Но зацепиться не за что. И Харлан знал, что это не случайно. Впрочем, в современном мире черты лица и возраст не играли большой роли; нельзя было полагаться даже на анализ ДНК, хотя материала для этого имелось предостаточно, кровавый след тянулся до самой крыши. Камера запечатлела и улыбку Тефлера при встрече с красивой сотрудницей клиники. А вот его спутница — совсем иное дело, ее внешность никак нельзя было назвать обычной: настоящая красotka с веснушками на лице и темно-рыжими волосами. И симпатичный носик, с восхищением отметил Харлан. Такое лицо люди обязательно должны запомнить.

В их поведении не было ничего необычного до того момента, когда в системе безопасности клиники начались сбои, а Тефлер исчез из поля зрения интел-центра. И вся операция была проведена на высоком профессиональном уровне. За исключением отхода. Женщина казалась неподдельно изумленной, словно ей пришлось импровизировать. Но это было бы бессмысленно.

— Шеф, — окликнул его Дарвал.

— Да?

— Реестр взломали.

Харлан направился к столбику реестра, возле которого стоял Дарвал. Несколько

эксперт-ботов ползали по серебристой паутине, исследуя верхнюю часть устройства своими антеннами.

— Было физическое... — начал говорить Дарвал, но так и не закончил фразу.

В хранилище вошла женщина. Харлан с удивлением взглянул на собираясь спросить, какого черта ей тут нужно. Он полагал, что это один помощник мэра, поскольку никто другой не мог бы пройти сквозь полицейский кордон без разрешения. Но, увидев ее лицо, Харлан передумал задавать вопросы. Он прекрасно знал эту живую легенду, ее знали все работники сил правопорядка.

— Всемиловый Оззи, — пробормотал он.

И без того неприятное дело грозило обернуться настоящим кошмаром. Женщина была ниже ростом, чем большинство современных людей, но из — лучала необычайную уверенность. Харлан достаточно много общался с Высшими, чтобы узнавать их слегка надменную горделивость, но эта женщина на порядок превосходила их всех, а ее хладнокровие было сродни спокойствию ледника. В ее очаровательном лице угадывались черты филиппинцев и европейцев, живших на Земле до образования Содружества. Прямые черные волосы, зачесанные назад, ничто не украшало. Ее внешность так и хотелось назвать старинной — что было не так уж далеко от истины, если учесть, что внешность женщины не менялась четырнадцать столетий.

Вся команда криминалистов при виде ее погрузилась в благоговейное молчание.

Харлан, надеясь, что сумел скрыть беспокойство, шагнул вперед. Консервативного образца плащ-костюм кремового цвета облегал стройную фигуру женщины, не уступающую лучшим образцам клиники Святой Марии.

Попытка самого деликатного сканирования, на какое только были способны усовершенствования Харлана, оказалась моментально отклонена. Судя по приборам, женщины перед ним не существовало, о ее присутствии говорило лишь изображение, рисуемое его физическим зрением.

— Мэм, я следователь Харлан, ведущий это дело. Я... Э-э, мы польщены видеть вас на месте происшествия.

— Благодарю, — ответила Паула Мио.

— Могу я узнать, что вызвало ваш интерес?

— Речь не о моем личном интересе, я представляю здесь правление АНС.

— В этой Вселенной, — тихонько шепнул Дарвал на ухо Анджело.

Паула приветливо улыбнулась.

— Древние шутки никогда не устаревают.

Дарвал заметно смутился.

— Хорошо, — продолжал Харлан. — Что же интересуется правление АНС?

— Мистер Тефлер.

— Он Высший?

— А как вы считаете?

— Его биононики боевой системы превосходят все, что мы до сих пор видели на Анагаске. Здесь была самая современная охрана, но он обезвредил обоих сторожей меньше чем за минуту. Если он и не Высший, то имеет доступ к лучшим достижениям Центральных миров.

— Отлично, — похвалила Паула. — И что из этого следует?

Вероятно, он работает на одну из ваших фракций.

— Превосходная логика, следовательно. Я пришла как раз для того, чтобы убедиться в верности этого вывода. А теперь я бы хотела получить результаты работы ваших криминалистов.

— Э-э, я обязательно перешлю вам все копии.

— Правительство вашей планеты гарантировало АНС полное сотрудничество в этом деле. Я полагаю, вы и сами подозреваете, что здесь замешана политика. Вы можете связаться со своим комиссаром или мэром города, но мне нужны не копии. Я хочу получить неограниченный доступ к первичной информации.

Харлан понял, что бой проигран.

— Да, мэм. Неограниченный доступ.

— Спасибо. Кто из вас занимается реестром?

— Я, — нерешительно признался Дарвал.

— За кем, по вашему мнению, охотился Тефлер?

Дарвал бросил взгляд на Харлана, и тот едва заметно кивнул.

— Это оказалось довольно легко определить. Одна из ячеек памяти принадлежала Иниго.

— Ага. — Паула улыбнулась. Она прикрыла глаза и сделала глубокий выдох через нос. — Когда было последнее обновление?

— В три тысячи триста двадцатом.

— В тот год, когда он отправился на станцию «Центурион», — уточни она. — И он не возвращался на Анагаску до три тысячи четыреста пятнадцатого года, верно?

— Да, — подтвердил Харлан. — В Кухмо был построен центральный храм Воплощенного Сна, и Иниго прилетел на Анагаску к его освящению.

— Любопытно, — негромко бросила Паула.

— Вы думаете, кто-то собирается сотворить его полный клон?

— А зачем еще надо было похищать его воспоминания? — сказала Паула. — Благодарю вас за содействие. И жду результатов исследования.

Затем она повернулась и пошла к выходу.

— Это все? — спросил Харлан.

Паула остановилась и подняла голову, взглянув в глаза следователю.

— Если только вам больше нечего добавить.

— А как насчет Тефлера?

— Желаю вам удачи в его поисках.

— Вы не окажете нам помощь?

— Я не стану чинить вам в этом препятствий, ни политических, ни каких-либо иных.

Она покинула подземное хранилище, оставив Харлана и его команду в растерянности и негодовании.

Паула вышла из административного блока и посмотрела на лесопарк. Взрывные волны нанесли незначительный ущерб; основная часть здания осталась невредимой, а после уборки упавших больших деревьев останется молодая поросль. Полицейский кордон из патрульных роботов и офицеров в форме растянулся на несколько сотен ярдов. Обслуживающий персонал клиники вместе с временно нанятыми рабочими и роботами лесного хозяйства уже приступил к устранению самых крупных завалов. В некоторых местах, где ночью занялся пожар, с обожженной земли еще поднимались струйки дыма.

Она не замедляла шаг, проводя полевое сканирование, но двоих из временных рабочих

ее юз–дубль немедленно пометил красными метками. Оба они были защищены современными отражающими системами, доступными только для биоников высокого уровня. Ее аппаратура, безусловно, была лее мощной. Эти люди держались вдали от кордона, но глаза Паулы смогли приблизить и зафиксировать их изображения. Ее юз–дубль меньше чем за секунду провел перекрестный анализ. Оказалось, что около тысячи лет назад Паула уже сталкивалась с ними обоими. Сейчас ей нравилось думать, что ее характер немного смягчился — на самом же деле предпочтительнее было позволить им думать, будто они в безопасности.

Родилась Паула в Раю Хаксли, уникальном мире, созданном Фондом структуры человечества, который генетически модифицировал каждого человека, чтобы он вписывался в простую социальную структуру цивилизации с невысоким технологическим уровнем. К ужасу и смятению остального Содружества, так называемое генетическое рабство исправно работало, население было вполне довольное своим предопределенным жребием. Немногочисленных мятежников сдерживал отряд офицеров полиции, получивших особое психоневрологическое профилирование. Среди прочих особенностей их наделяли непреодолимым стремлением продолжать расследование во что бы то ни стало. Одним из таких офицеров и должна была стать Паула, но из родильной палаты ее похитили члены радикальной группировки, намеренные освободить несчастных рабов. Девочку перевезли в один из миров Содружества, и со временем Паула стала работать в Управлении по расследованию особо тяжких преступлений, а последние семь веков была агентом правления АНС.

Рай Хаксли продолжал существование, и его население, избегая любых перемен, мирно следовало избранному курсом. Великое Содружество теперь почти не поддерживало контактов с этим миром, и сама Паула не посещала уже лет триста, а последний визит был вызван элементарной ностальгией. Общество Рая Хаксли не нуждалось в пристальном присмотре, а правило АНС чрезвычайно бережно относилось к сохранению существующих цивилизаций за пределами миров Высших. Такая политика, как с иронией отмечала сама Паула, почти не оставляла ей возможности вернуться; ее обязанности по предотвращению нелегального вмешательства фракций АНС в жизнь Внешних миров почти не оставляли свободного времени.

Юз–дубль Паулы установил ультрасекретную связь с Джастинной Бурнелли.

— Я в клинике Святой Марии, — сказала Паула.

«И?»

- Мы не ошиблись, налет был организован фракцией.

«

Можно определить, какой именно?»

— Ну, Марий и Экспедитор держатся поблизости, так что они, вероятно, заинтересованы не меньше, чем мы.

«Следовательно, они в этом не участвовали».

— Не будь так уверена. До сих пор я не замечала, чтобы Ускорители и Консерваторы действовали настолько откровенно. Скорее, похоже, что это сделал кто–то из них, а второй пытается его разоблачить или помешать. Ты же знаешь, на что они способны.

«За чьими воспоминаниями охотились?»

— А вот здесь начинается самое интересное: за памятью Иниго.

«О боже! В самом деле? — удивилась Джастина. — Странно, что Иниго так слабс

позаботился о своей безопасности».

— Если быть точным, то это Иниго периода, предшествующего Воплощенному Сну. Старая история.

«Кто же может извлечь из нее какую-то пользу?»

— Пока трудно сказать. Консерваторы только выиграют, если он вернется и заставит нового Пастыря остановить проект паломничества. Но нельзя с уверенностью сказать, что он так и сделает. Он ведь может одобрить проект и сам в нем поучаствовать.

«Если одной из фракций удастся его клонировать, у нее в руках окажется мессия-марионетка. Очень удобно для продвижения собственных идей».

— Но это не будет полноценный клон, — возразила Паула. — Всего лишь его ранняя версия.

«У меня есть мысль».

— Рассказывай.

«Клон ранней версии, вероятно, сможет принимать сны Бездны, как и оригинал, что даст его хозяевам значительное преимущество перед соперниками».

— Ты хочешь сказать, что они смогут добраться до предполагаемого Последнего сна?

«Вернее, до снов Небесных Властителей. Этан, несмотря на колоссальные усилия, еще не смог отыскать Второго Сновидца. Тебе известно, что Воплощенный Сон модифицирует все имеющиеся в его распоряжении узлы восприятия Гея-сферы? А это около восьмидесяти процентов Великого Содружества. Они торопятся: продолжительность новых снов возрастает. Теперь это уже не отдельные фрагменты, в Гея-сферу просачиваются целые цепочки видений».

— Я не думаю, чтобы за налетом стоял Воплощенный Сон.

«А они бы точно выиграли», — сказала Джастина.

— Да, но мой юз-дубль идентифицировал спутницу мистера Тефлера. Это бывший член Совета Воплощенного Сна Корри-Лин. В настоящее время — персона нон грата для Воплощенного Сна, да еще и подозреваемая в умышленном лишении тел на Эллезелине. Выданные в Содружестве ордера весьма подробны, в них упоминается и ее возможный сообщник по имени Аарон, чья внешность в точности соответствует облику мистера Тефлера.

«Очень интересно. Есть какие-то предположения относительно этого Ларона или Тефлера?»

— Нет. Но сразу после нападения в клинике эта парочка скрылась на космическом корабле. В настоящий момент на Анагаске неизвестна цель прибытия только одного судна, это «Бестия».

«Что за корабль?»

— Стандартная частная яхта, зарегистрированная на Шолапуре.

«О, уже что-то проясняется. Если речь идет о Шолапуре, установить имя владельца почти невозможно».

— Верно. Полная история полетов нам недоступна, однако сразу после беспорядков в храме Риази «Бестия» стартовала с Эллезелина.

«Известно, что Корри-Лин когда-то была любовницей Иниго. Может, до сих пор по нему тоскует? Создание клона — неплохой способ его вернуть».

— Нет. Она — пешка. Тефлер использует ее, чтобы добраться до Иниго. «Как поможет добраться до него устаревшая ячейка памяти? Его многие пытались разыскать. Возможно, он

совсем покинул Содружество. Или самостоятельно добрался до Бездны, или присоединился к Оззи».

— У Оззи он не появлялся. Я проверяла это пятнадцать лет назад.

— Я всегда завидовала твоей жизни, — призналась Джастина. — Захватывающая опасность и неожиданные путешествия, в этом для такой богатой и преуспевающей девчонки, как я, есть нечто опьяняющее. Как поживает Оззи?»

— Как и я, совершенно без изменений.

«Ты думаешь, на кого работает этот тип, Аарон?»

— Как ты и говорила, многие фракции, захватив Иниго, получают неоспоримое преимущество. Этот налет просто свидетельствует об их возросшей настойчивости. Но до сих пор никто еще не вел себя настолько самонадеянно, чтобы оставить подпись.

• Каким же будет твой следующий шаг?»

— Налет на клинику — только один аспект какого-то серьезного процесса в политической жизни. Я думаю, сейчас важно разыскать Второго Сновидца, опередив людей из Воплощенного Сна. Этот человек, безусловно, сыграет огромную роль в судьбе паломничества.

«Ого, да ты, как всегда, не мелочишься, не так ли?»

— Я всегда считала любое расследование многосторонним процессом. И это убеждение за прошедшее тысячелетие ничуть не изменилось.

• А как насчет Аарона и Корри-Лин?»

— Я прослежу за их поисками. Следователю Харлану не потребуется много времени, чтобы идентифицировать личность Корри-Лин, и тогда дело получит широкую огласку. Если же я начну интересоваться Вторым Сновидцем, возникнет нездоровый интерес во многих фракциях.

«Хочешь, чтобы я искала Второго Сновидца?»

— Нет. Ты тоже у всех на виду. Почти так же, как и я. Думаю, тебе лучше присмотреть за Экспедитором и Марием.

«Это я сделаю. А кто же возьмет след Второго Провидца?»

Паула широко улыбнулась, зная, что оба агента фракций в лесу тоже сосредоточатся на этой задаче.

— Тот, на кого никто никогда бы не подумал.

Состояние коммунального питающего трубопровода в третьей кварт оказалось намного хуже, чем предполагала Араминта. Она выбилась из графика, отслеживая шахты в стенах и полах и следя за роботами, выдирающими полуразвалившиеся трубы. После такой работы возник жуткий беспорядок, а это означало, что потребуется дополнительная уборка и останется меньше времени на подготовку стенных проемов для новой отделки. И общий срок окончания работы отодвигался.

Юз-дубль напомнил, что уже одиннадцать часов, а значит, времени едва хватит, чтобы принять спорный душ в четвертой квартире, где жила Араминта. Две из пяти насадок старого душа совсем не работали, а одна из оставшихся распространяла странный запах. До прихода клиентов Араминта успела нанести на кожу освежитель, а потом натянуть элегантные брюки и жакет. Освежающий гель неожиданно вызвал в памяти тот день, когда узнала об отъезде Дарила с Виотии. Вспомнила Араминта и о том, как часто ей тогда приходилось пользоваться освежителем вместо душа, а после возникло чувство вины из-за того, что она целую вечность не была в кафе «У Ника».

Араминта стиснула зубы, прогоняя неожиданный приступ сентиментальности, и вышла на площадку как раз в тот момент, когда лифт поднял из вестибюля ее новых клиентов. Ей сразу бросилась в глаза странная одежда Данала и Марибель. На женщине была надета длинная широкая юбка цвета корицы и замшевая безрукавка с блестящими пуговицами, из-под которой выглядывала простая белая блузка. Под развевающимся подолом виднелись грубые коричневые ботинки. Густые черные волосы она зачесала назад и переплела простыми эластичными лентами. Ее спутник был одет в кожаные брюки и такие же, как у Марибель, ботинки, а его желтая рубашка почти полностью скрывалась под коричневой курткой из какой-то промасленной ткани.

Несмотря на архаичную внешность посетителей, Араминта не смогла удержаться от улыбки. От этой пары исходили волны всепобеждающего энтузиазма и радостного нетерпения. Кроме того, мужчина и женщина постоянно держались за руки.

— Добро пожаловать, — сказала Араминта, открывая дверь демонстрационной квартиры.

В этих апартаментах она каждую комнату оформила в простой двухцветной гамме и поставила минимальный набор мебели. На пол в открытой гостиной постелила паркет из дорогого черного дерева. Искусно подобранные столики и кресла, а также кушетка были выполнены в стиле Герфал — крутые изгибы и муаровые металлические ножки, — популярном три сотни лет назад. За открытой балконной дверью простирался парк, освещенный яркими и теплыми солнечными лучами.

Марибель восхищенно ахнула.

— Потрясающе, — воскликнула она. — Как раз то, что мы ищем.

Данал ухмыльнулся.

— Извините мою жену, она, похоже, ничего не понимает в искусстве торговаться.

— Я точно так же вела себя на переговорах с прежним владельцем, — призналась Араминта. — Эти квартиры трудно не полюбить. Я даже подумываю, не оставить ли одну из них для себя.

Марибель подошла к двери на балкон.

— А из той квартиры, о которой мы договаривались, открывается такой же вид?

— Третья квартира угловая, — сказала Араминта. — С одной стороны вы будете смотреть на парк, а с другой — на западную часть города. Оттуда виден и подвесной мост.

— Как мило.

— Мы могли бы туда пойти? — спросил Данал.

— Не сейчас. Городской закон о технике безопасности не позволяет мне приводить людей на стройплощадку.

«А кроме того, там настоящие развалины, что может вас отпугнуть».

— На стройплощадку? Какие-то проблемы с конструкцией здания?

— Нет, ничего подобного. Здание в отличном состоянии. Если вы хотите в этом убедиться, результаты независимой экспертизы, подтвержденные глубоким сканированием, хранятся в городской ратуше. Я занимаюсь только отделкой и перепланировкой. К несчастью, городской совет из-за прокладки новой проводки и труб предпочитает называть это строительством. Мне приходится оформлять больше документов, вот и все.

Данал сочувственно вздохнул.

— На Эллезелине все то же самое. Милосердная Заступница, ведь Идущему-по-Воде не требовалось никаких официальных запросов, чтобы что-то сделать. Но попробуйте сказать

это нашему правительству

— Ну, ну, милый. — Марибель крепче сжала его руку. — У него тоже были проблемы с бюрократами, — пояснила она.

— Мы все от этого страдаем, — заверила их Араминта.

— Спасибо, — кивнул Данал.

— Так вы переезжаете с Эллезелина? — спросила Араминта.

— О да, — хором воскликнули они.

— Я техник по обслуживанию узлов восприятия, — сказал Данал. — Сейчас везде много работы по модификации Гея–сферы, а на Виотии тем более.

— Почему? — поинтересовалась Араминта.

— Здесь находится Второй Сновидец, — ответила Марибель. — Мы все в этом уверены. Вы не находите, что последние два сна были более содержательными, чем предыдущие фрагменты?

— У меня нет гея–частиц, — сказала Араминта.

Она старалась сохранить легкомысленный тон, словно признавалась в небольшом недостатке, подлежащем корректировке, и молилась, чтобы это признание не повлияло на исход сделки. Задаток за третью квартиру был ей необходим. Продать апартаменты оказалось не так просто, как она рассчитывала, а поставщики все время присылали новые счета.

На лицах Марибель и Данала одновременно отразилось сочувствие, словно они ее пожалели. Их единогласие немедленно напомнило Араминте о мистере Бови.

— Нет, я бы не согласилась жить без Гея–сферы, — тихо произнесла Мирабель. — Я всегда, где бы мы ни были, даже на разных планетах, чувствую присутствие Данала. Постоянная эмоциональная связь очень успокаивает и вселяет уверенность.

— И мы напрямую получаем сны Иниго, — добавил Данал.

Его улыбка излучала тихое блаженство, доступное лишь истинно верующим.

Араминта постаралась сделать вид, что разделяет их чувства.

— А я и не знала, что вы можете определить местонахождение источника снов, — сказала она, надеясь отвлечь их от своего вопиющего недостатка.

Всем известно, как фанатики любой веры или идеологии любят распространяться перед иноверьцами о преимуществах своей религии.

— Да, по отношению к Гея–сфере это справедливо, — честно признала Мирабель. — В ней не все так ясно и точно, как в унисфере. Мысли людей — не числовые последовательности, это эмоции. Я чувствовала несколько последних снов о Небесных Властителях, они были мне по–настоящему близки. Такая близость утрачивается, когда сны запоминаются узлами восприятия, но от этого они не становятся менее удивительными. Мы все надеемся, что будем ощущать, как Небесный Властитель прилетит в Маккатран за душой Идущего–по–Воде. После того что он сделал для народа Кверенции и всех нас, он достоин отдыха в Море Одина.

Что–то в откровениях Мирабель заставило Араминту насторожиться точно слова пробудили давние воспоминания. Но это было нереально.

— Я понимаю, — сказала Араминта. Ее познания в истории Идущего–по– Воде были в лучшем случае поверхностными, и, уж конечно, она не знала никаких подробностей. — И поэтому вы хотите жить здесь?

Мирабель энергично кивнула.

— Я уверена, что Второй Сновидец где-то рядом. Скоро настанет день, когда он объявится, и тогда начнется паломничество.

— Вы тоже решили отправиться в путь?

Они переглянулись и снова взялись за руки.

— Мы надеемся на это.

— Не хотела бы показаться слишком навязчивой, но лучшего места для ожидания вы не найдете.

— Я думаю, мы примем ваше предложение, — сказал Данал. — Жилье на Виотии сейчас ищет множество наших братьев по вере. В гостинице довольно удобно, но мы хотим переехать в свой дом.

— Это я могу только одобрить.

— Мы согласны заплатить запрошенную цену, но хотелось бы получить гарантию, что работа будет закончена в срок.

— Это условие я могу заверить своим сертификатом.

— И полученная нами виртуальная модель превосходна, но...

— Я хочу внести некоторые изменения, — быстро сказала Мирабель. — Чуть уменьшить роль технологических новинок, а отделку сделать более натуралистичной.

— Натуралистичной?

— Поменьше искусственных материалов, побольше дерева. Как на Кверенции. Мы не против техники, мы все время ею пользуемся, но она не должна играть главную роль. К примеру, нельзя ли установить на кухне настоящую плиту? С конфорками и духовкой?

— Я проверю, нет ли на этот счет ограничений в городских законах, обязательно вас извещу.

— Так ты можешь достать для меня *настоящую* плиту? — спросила Араминта в тот же вечер, когда ужинала с мистером Бови.

Они сидели в его доме за небольшим столиком на балконе, выходящем да лужайку. По краю ее протекала река Кэрнс, и подстриженная трава уступала место густому тростнику и узкой полосе поникших корановых деревьев, опустивших в воду желто-голубые ветви. В темной гладкой воде отражались яркие огни домов, стоящих на противоположном берегу. Несколько мистеров Бови приготовили изысканный ужин, еще трое сидели вместе с Араминтой, наслаждаясь приятной расслабляющей атмосферой.

— Смогу, — ответил ей привлекательный блондин.

— Ты говоришь с такой уверенностью...

— Потому что за последние десять дней я уже продал три такие плиты, — сказал темноволосый парень невысокого роста. — Последователи Воплощенного Сна предпочитают примитивный комфорт. И водные ванны споровому душу.

— Великий Оззи, кухня была права, их становится все больше. Надо поднять цену на две оставшиеся квартиры.

— Не хотелось бы портить вечер, но мне происходящее не по нраву. Главным образом потому что их здесь стало слишком много, уже не один миллион.

— А я думала, спрос на недвижимость принесет тебе выгоду, так же как и мне.

— В финансовом отношении да, — согласился блондин. Он подцепил кебаб из пряного торкала и свинины, маринованной в красном меду. — Но в легендах Воплощенного Сна нет места мультиличностям.

Он откусил мясо и начал жевать.

— В Маккатране нас нет, — пояснил мужчина восточной наружности.

— Но ведь они не возражают против вашего образа жизни, не так ли?

Араминта вспомнила, насколько преданными своей идее показались ей Марибель и Данал. Но в них не было ни капли враждебности, просто неприятие другого образа мышления.

— О, нет, никаких активных проявлений. Ничего подобного. Их драгоценный Идущий-по-Воде хотел, чтобы все жили вместе, в мире и согласии. Но скажи мне, как твои покупатели отреагировали на то, что ты не разделяешь блаженства, существующего только в Гея-сфере?

— Они удивились, — признала она. — А потом пытались меня обратить.

— Я и не сомневался.

— Но это не затянется надолго, — добавила Араминта. — Как только начнется паломничество, они все улетят. Моя пара так и сказала. Они прибыли сюда только потому, что ищут Второго Сновидца.

— И это тоже очень неприятно.

— Почему? — спросила она, подливая себе еще немного прекрасного розового вина.

— Если это еще один избранный, почему он скрывается? Более того, зачем продолжать транслировать сны, чтобы все узнали о твоём существовании и нежелании открыться?

— Я плохо разбираюсь в идеях Воплощенного Сна. Да и все учение в целом кажется мне какой-то глупостью.

— Ты употребила не то слово. Оно опасно, — сказал невысокий мистер Бови. — Слишком много невыполнимых обещаний, слишком много верующих. Неприятная комбинация.

— Ты старый циник.

Все трое приподняли бокалы с вином.

— Виновен и горжусь этим.

— У тебя есть гея-частицы. Скажи, вторые сны действительно реальны?

— А разве сны могут быть реальными? — Все трое одновременно усмехнулись. — Сны существуют. А все остальное зависит от персонального восприятия. Если хочешь им верить, значит, Второй Сновидец существует где-то неподалеку и получает сны от Властителя Небес напрямиком из Бездны. Если же нет...

— Я не знаю, чему верить. Я почти согласна внедрить в мозг гея-частицы, чтобы в этом разобраться.

— Возьми мои, — предложил блондин. — Но дело того не стоит. Гея-сфера — это всего лишь очередной фокус, на котором играет группа фанатиков.

— Почему же Оззи его создал?

— Он говорит, что так люди смогут лучше понимать друг друга. Больше сопереживаний, меньше враждебности. Великолепная теория. Но я не замечал, чтобы она и впрямь повлияла на человеческую природу.

— Но ты бы без этого не мог существовать. А ты считаешь, что будущее принадлежит мультимедиям.

Мистер Бови восточной наружности скромно улыбнулся.

— Верно. Но я сомневаюсь, что Оззи предвидел наше появление.

Она поднесла бокал к самому лицу и скромно потупила взгляд.

— Я тоже этого не предвидела.

— Есть много вещей, о которых мы не знаем, пока с ними не столкнемся.

Восточный вариант мистера Бови прижался к ней и забрал из руки бокал.

Тепло его тела было ей приятно. С другой стороны блондин погладил де- вушку по щеке и повернул ее не сопротивляющуюся голову для поцелуя.

Она закрыла глаза. Руки погладили ее спину. Руки погладили бедра. Поцелуй все продолжался и продолжался.

— Пойдем со мной, — предложил один из них.

Поцелуй закончился, и она увидела, что все три мистера Бови улыбаются особым образом, ласково и понимающе, не скрывая своего нетерпения.

Все трое повели ее на второй этаж, в теплую спальню, освещенную уют- ным оранжевым пламенем свечей. Араминта встала у края кровати, а они начали раздеваться перед ней, как раз так, как ей нравилось, когда она чувствовала себя центром их внимания, центром всех желаний. Затем наступи- ла ее очередь, и она стала медленно снимать одежду, не скрывая своего тела, упиваясь их восхищением и одобрителем блеском трех пар глаз. Все трое принялись ласкать ее обнаженное тело с непреодолимой настойчивостью. Наконец она задрожала от наслаждения, выдохнула «Да», и они подняли ее и уложили в постель.

Стремительный полет в космосе вызывал в широко распростертых ваку- умных крыльях ощущение поцелуев редких молекул. Люминесценция незначительных ударов струилась по краям, оставляя слабый светящийся след. Впереди, на великолепном фоне волнующейся бирюзовой туманности, ярко сияла звезда, создающая теплую волну фотонов, мучительно медленно утоливших физический голод. Гигантское существо лениво поворачивалось в обильном потоке света и прислушивалось к мыслям, все громче звучащим на планете, до которой было еще много световых лет.

Одна мысль казалась особенно отчетливой: «Видишь, сейчас ты нуждаешься в отдыхе. Если бы ты была мультиличностью, твое другое тело могло продолжать. Твое наслаждение длилось бы часами. А если принять участие сразу несколькими телами? Представь, что удовольствие, которое ты сейчас испытываешь, удвоилось, учетверилось, удесятерилось. Разве это тебе не понравилось бы? Разве твоя жизнь не стала бы лучше, насыщеннее?..» Но вот мысль растаяла, унесенная солнечным ветром.

Проснувшись, Араминта обнаружила, что в постели с ней остались только два мистера Бови. Она посмотрела на часы в экзотичности и удрученно застонала. Было уже пять минут восьмого. А в третьей квартире сегодня предстояло так много сделать! И в пятой квартире, где роботы всю ночь сбивали старые плитки, работа прекратилась в три часа. Как доложил юз- дубль, строительные машины столкнулись с проблемой, непосильной для их полуинтеллектуальной программы. А в четвертую квартиру в четыре часа пополудни придут потенциальные покупатели.

— Оззи все милостивый, — пробормотала Араминта, выбираясь из кровати.

На душ времени уже не оставалось. Она собрала одежду, в которой ужинала накануне вечером, — для повседневной работы та явно не годилась. «Надо бы принести сюда сумку, чтобы переодеться по утрам. Интересно, как он к этому отнесется?»

Она покинула спальню, не потревожив спящих мистеров Бови. Сбежала по лестнице, на ходу распутывая пальцами пряди волос. Из кухни донесся аромат кофе и тостов. Ее тело откликнулось волной озноба. «Надо быть поосторожнее с этими аэрозолями». Неужели нельзя потратить минутку на чашку горячего чая, не рискуя испортить весь день?

Она выглянула из арочного прохода и улыбнулась всем, кто собрался в просторной

кухне. Пять мистеров Бови завтракали за стойкой, и еще трое расположились на большом старом диване.

— Привет.

Ее улыбка мгновенно погасла. Шестой стул за стойкой занимала женщина, одетая в не по росту большой пушистый халат. Один из мистеров Бови, обняв ее за плечи, ласково массировал основание шеи. Женщина подняла взгляд от дымящейся чашки кофе и изобразила насмешливо-виноватую улыбку.

— Привет. Меня зовут Джосилл. Полагаю, меня обрабатывала та половина его вариантов, которая прошлой ночью не была с тобой. А они хороши в постели, правда? Я справилась с четверыми.

Она самодовольно улыбнулась, обернувшись к своему ближайшему соседу.

Араминта сумела удержать выражение лица, чтобы не допустить сердитого взгляда, не надуть губы или не начать орать на весь дом, каким дерьмом считает она его хозяина.

— Правда, — выдавила она. — Мне пора бежать. Придут люди, которых я не могу подвести.

Она поспешила к выходу, едва удерживаясь, чтобы не пуститься бегом. И даже успела выйти из дома. Ее старенькая капсула стояла на покрытой гравием площадке. Всего в пятнадцати метрах от двери.

— Подожди минутку.

Она обернулась. Перед ней был тот мистер Бови, с которым она впервые ужинала в ресторане. Он всегда использовал это тело, когда хотел поговорить о чем-то серьезном. Очевидно, считал, что почтенный возраст внушает большее доверие.

— Проваливай, — огрызнулась она. — Проваливайте вы все.

— Ты же знала, что я встречаюсь с другими женщинами.

— Я... — От негодования у нее начал заплетаться язык. — Нет! Я ничего не знала! Я думала, мы...

Ее упрямство не позволяло расплакаться в его присутствии. Хотя какой в этом смысл, если он успел досконально ее изучить. И все-таки она не желала доставить ему удовольствие, показав, насколько ее задел этот случай.

— Выслушай меня. — Он встал перед ней, воспользовавшись моментом, чтобы собраться с мыслями. — Ты прекрасная, восхитительная женщина. Меня давно ни к кому не тянуло так сильно, как к тебе. Думаю, ты и сама знаешь.

— Что ж, это...

— Необычный способ выказать свою привязанность? Нет. Это понятие для одиночек, а не для меня.

— Как смешно, — бросила она.

— Возможно, ты предпочитала закрывать на это глаза, не знаю. Чтобы привыкнуть к образу жизни мультитюдей, требуется немало времени. Тебе нелегко, и ты расстроена.

— Я ничуть не расстроена, — заносчиво воскликнула она.

— Мы с тобой прекрасно проводили время независимо от того, где мы были и чем занимались. В этом-то и проблема. Подумай сама. Ты удивительная, здоровая и сильная женщина с огромным сексуальным аппетитом. Мечта любого мужчины. И я всегда удивлялся, скольких меня ты удовлетворяла, когда мы с тобой ложились в постель. Но даже тебе не под силу физически удовлетворить тридцать восемь мужских тел за ночь. Все это время мы менялись, но до сих пор есть я, которых ты даже не видела, не говоря уж о том,

чтобы заняться сексом. Ты распалаяешь меня и приводишь в иступление, и каждый раз большая часть моих тел остаются неудовлетворенными.

— Я... Ох. В самом деле?

Его объяснения были очевидны, но он сказал правду: она абсолютно не хотела задумываться ни о чем подобном.

— Я могу найти только один выход. Джосилл и другие помогают снять вызываемое тобой возбуждение.

Другие. Опять она отказывалась это принять. Да, выходит, что знакомство с мультиличностью ведет к гигантским осложнениям. Она шумно вдохнула и уставилась на гравий под ногами.

— Извини. Ты прав. Я не задумывалась над этой проблемой. Мне было так хорошо, что я полагала, ты испытываешь то же самое. Образ мышления одиночки.

— Да. — Он положил руку ей на плечо. Его прикосновение успокаивало, как и весь этот мудрый сочувственный разговор. — Но я смею надеяться, что мы справимся.

Она виновато оглянулась на дверь.

— Я не уверена, что смогу привыкнуть к мысли о твоих свиданиях А ты... Нет, даже не хочу знать.

Он приподнял бровь и терпеливо ждал.

Араминта вздохнула.

— Прошлой ночью ты занимался сексом одновременно с нами обеими?

— Да.

В ее голове мелькнула зловредная мысль.

— И она смогла справиться только с четверыми?

— Боюсь, что так.

— Бедная девочка. — Слабый проблеск юмора быстро угас. — Я не знаю, смогу ли я это принять. Я не уверена. Тебе необходимо множество женщин. Но такое не годится для долговременных отношений.

— Послушай, я уже говорил, что ты стала для меня особенной с первой же встречи, и чем больше я тебя узнаю, тем сильнее хочу удержать.

— И что же ты хочешь сделать? Кастрировать половину себя? Я в с деле не могу... Тридцать восемь — это слишком.

Он усмехнулся.

— Я снова узнаю свою Араминту. Но есть другой вариант, не так л

— Какой?

Он не стал отвечать. Просто взял ее пальцами за подбородок и осторожно поднимать голову, пока ей не пришлось встретиться с ним в дом. Спустя некоторое время она покорно кивнула.

— Я создам себе несколько дополнительных тел, — тихо сказала Араминта.

— Я не собирался на тебя давить. Я не мог бы так поступить с тобой, это было бы неправильно. Решение придется принимать тебе самой. Я только хочу, чтобы ты подумала. Ты лично убедила во всех практических преимуществах. И прошлой ночью я лишь напомнил тебе о дополнительных возможностях в сексуальной жизни.

Она твердо смотрела ему в глаза.

— Скажи, если я это сделаю, ты перестанешь встречаться с другими женщинами? Ты останешься только со мной?

— Да, разумеется, только с тобой. Все ты в моей жизни, все ты в постели. Единение сердец. Я хочу этого, Араминта, очень хочу. Будь у гея-частицы, я бы показал тебе, насколько я серьезен. Но мы можем обойтись и просто регистрацией в городской мэрии.

— Великий Оззи! Предложение выйти замуж и полностью изменить стиль жизни, а ведь еще только половина восьмого.

— Прости, что тебе приходится решать проблему таким образом.

— Тут нет твоей вины. Ты прав, мне следовало раньше об этом подумать. Но я исправлюсь и обязательно все обдумаю. Только не жди немедленного ответа. Я не привыкла решать такие вопросы за один день.

Он обнял ее обеими руками и прижал к груди, словно сам искал у нее утешения.

— Это очень важный вопрос. Я понимаю. Раздумывай столько, сколько требуется.

Час за часом он скакал на огромном коне, хотя мальчишечьи ноги едва свешивались с седла. Вдали маячили настоящие горы, их снежные вершины высоко поднимались в ясное сапфировое небо. И горы, и густые леса, покрывающие нижние склоны, он оставил позади. Теперь его конь мчался сквозь дикий вельд, бескрайние просторы пышной тропической растительности, пересекаемой быстрыми ручьями и небольшими речками. На невысоких холмах росли деревья с десятков планет — грандиозный фейерверк форм и окрасок. Горячий воздух, плотный от чужеземной пылицы, бил в лицо.

Рядом скакали шесть его друзей, они подбадривали друг друга громкими возгласами, объезжая небольшие возвышения и впадины. Ни Ни одного из них нельзя было назвать взрослым, но они достаточно выросли, чтобы им позволяли самостоятельные вылазки. Такие дни придавали смысл его жизни, наполняя ее ощущением свободы и восторга.

Потом послышался чей-то крик: «Царь-орлы, прилетели царь-орлы».

Он прищурился против яркого света и над изрезанным горизонтом увидел черные точки. И сам, едва не задыхаясь от волнения, радостно вскрикнул. Благородные повелители небес его мира постепенно становились все больше, и конь скакал все быстрее.

В небе вспыхнули красные огоньки. Царь-орлы вытянулись в темные динии, они стали переплетаться и изгибаться, образуя серый прямоугольник. Скакун исчез, оставив наездника лежать ничком на спине. Огоньки из красных стали фиолетово-синими и растворились по мере того, как поднималась крыша медицинской палаты. В поле зрения попало обращенное к нему лицо, Он несколько раз моргнул, фокусируя зрение. Очень красивое веснушчатое лицо и масса завязанных сзади темно-рыжих волос.

— Ты в порядке? — спросила его Корри-Лин.

— Хр-р, — прохрипел Аарон.

— Вот, попей.

Между губ скользнула пластиковая трубочка. Он пососал, и в саднящее горло пролилась приятно прохладная жидкость.

— Что? — сумел произнести он.

— Что?

— Что произошло?

— Ты провел пару дней в исцеляющей камере корабля.

Он попытался пошевелить руками и поморщился. Левая сторона тела одеревенела, словно вся кожа ссохлась.

— Погоди, — сказал он.

Юз-дубль развернул в его экзозрении медицинскую карту. Аарон, пропуская детали,

сосредоточился на основном лечении. Повреждения оказались более обширными, чем он предполагал. Чтобы устранить входные отверстия кинетических снарядов и последствия действия токсинов, потребовалось колоссальное количество мышечной и костной ткани. В лечении использовалась посторонняя ткань из нейтральных клеток, ДНК которых обладали способностью формировать любой орган, мышцу или кость, нуждающуюся в замене. Но на самом деле посторонняя ткань вовсе не была посторонней, ДНК соответствовала егс образцу, и в ней имелся полный набор органоидов биоников.

Лечение тела производила как медицинская камера, так и оставшиеся в организме бионики. Их интеграция и объясняла ужасное самочувствие. Расчетное время полного ассоциирования составляло еще семьдесят два часа.

— Могло быть лучше, но могло быть и хуже, — решил Аарон.

— Я беспокоилась, — отозвалась Корри–Лин. — Такие огромные раны! И кровь!..

Ее лицо побледнело так сильно, что веснушки почти исчезли.

Аарон медленно подтянул руки и приподнялся на матрасе. Только тогда он понял, что на нем нет никакой одежды.

— Спасибо тебе.

Она ответила растерянным взглядом.

— Я ведь должен благодарить тебя, не так ли? Что случилось? Последнее, что я помню, это твоя стычка с Рут Стол.

— Мелкая высокомерная шлюха.

— И что дальше?

Аарон спустил ноги с края постели; с некоторым опозданием он почувствовал движение. Переборки вокруг него повернулись и отошли назад. Каюта корабля приняла вид общей гостиной, и из боковых стен выдвинулись длинные диваны. Он перебрался на ближний из них, после чего медицинская капсула ушла в пол. Аарон уселся и с интересом провел указательным пальцем по груди. Половина его туловища, затянутая блестящей защитной мембраной, приобрела отвратительный желтовато–розовый оттенок.

— Я сделала так, как ты посоветовал, — продолжала Корри–Лин. — Капсула пробилась двери и въехала в приемный зал. Только я успела заскочить внутрь, как в лесу прогремел ужасный взрыв. Он немного подбросил капсулу, но меня поддержало внутреннее защитное поле. А потом мы оказались около административного корпуса. Ты был в жутком состоянии, но я умудрилась затащить тебя внутрь. Капсула, как ты и запрограммировал, помчалась навстречу «Бестии». Пока мы перебирались на корабль, «Бестия» прикрывала капсулу своим силовым полем. Все отлично получилось. Полицейские просто взбесились. Они стреляли в нас из всего подряд; когда мы стартовали, вокруг вся земля была изрыта кратерами. Я приказала интел–центру вывести нас из звездной системы, но он выполнял твой план полета. И сейчас мы сидим в какой–то дыре гиперпространства в световом годе от Анагаски. Я не могу подключиться к унисфере. Интел–центр мне не подчиняется.

— Я загрузил несколько дополнительных опций, — сказал Аарон. Его юз–дубль проинструментировал интел–центр, и один из стальных шкафов открылся. — Ты не могла бы подать мне тот халат?

Она неодобрительно нахмурилась, но халат подала.

— Я действительно очень беспокоилась. Я думала, что в случае твоей смерти я застряну тут навсегда. Это было бы ужасно. Медицинская камера омолаживала бы меня каждые пятьдесят лет, и я бы торчала в кают–компании, подключившись к библиотеке ощущений и

питаюсь продукцией кулинарного процессора. Нет уж, благодарю, я не хотела бы провести так целую вечность.

Он облачился в халат, усмехаясь ее драматическому монологу.

— Если уж медкамера смогла бы тебя омолодить, тебе ничто не мешало бы оживить меня.

— Ох.

— В любом случае, если я умру, интел-центр перейдет под твой контроль.

— Это правильно.

— Но! — Он схватил ее за руку. Она внезапно сообразила, в чем дело, и попыталась вырваться. — Ничего бы этого не произошло, если бы ты заорала меня в тот момент, когда я был готов.

— Я уже несколько недель не видела достойной одежды, — возразила она. — Я просто потеряла счет времени, вот и все. Я не *собиралась* задерживаться. Кроме того, в назначенный момент ты уже был ранен.

Он в отчаянии закрыл глаза.

— Корри-Лин, на боевом задании не предусмотрено хождение по магазинам. Понятно?

— Ты ничего не говорил о боевом задании. Быстрый налет и небольшая кража в хранилище, ты сам так сказал.

— Запомни на будущее: тайная миссия, в которой обе стороны вооружены, считается боевой операцией.

Она сердито надулась.

— «У них нет ничего такого, что сравнилось бы с моими бионониками».

— Я никогда такого не говорил.

— Нет, говорил.

— Я...

Он набрал полную грудь воздуха, чтобы успокоиться.

«Йога. Она все время заставляла нас заниматься йогой. Какая глупость».

Корри-Лин нахмурилась.

— Ты в порядке? Может, снова переберешься в медицинскую капсулу?

— Я отлично себя чувствую. Слушай, спасибо, что вытащила меня оттуда. Я понимаю, что в прежней жизни ты не сталкивалась с такими вещами.

— Не за что, — ворчливо ответила она.

— И, пожалуйста, скажи, что ячейка памяти все еще в наших руках.

Корри-Лин озорно улыбнулась и показала ему небольшой пластиковый футляр.

— Ячейка памяти все еще в наших руках.

— Благодарение Оззи.

Его юз-дубль запросил у интел-центра бортовой журнал — Аарон решил посмотреть, какие были предприняты усилия ради их поимки. После поспешного старта с Анагаски несколько кораблей провели обширное сканирование радиусом до нескольких световых лет — но ничто не могло обнаружить судно с ультрадвигателем в трансмерном погружении. Еще одна запись в журнале свидетельствовала о том, что Корри-Лин сумела обойти запрет на производство алкогольных напитков, наложенный им на кулинарный процессор. Но сейчас был неподходящий момент, чтобы заострять на этом внимание.

— Хорошо, — снова заговорил он. — Я думаю, нас никто не засек. Хотя после нашего налета над Анагаской были замечены космические корабли с характерными квантовыми

признаками. Интел-центр предполагает, что это суда с ультрадвигателями, но пользующиеся маскировкой.

— И кто бы это мог быть?

— Не знаю. И не желаю больше околачиваться здесь, чтобы это выяснить. Пора двигать дальше.

— Наконец-то.

Он протянул руку, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица.

Корри-Лин бросила на футляр сентиментальный взгляд и помедлила, прежде чем уронить его в подставленную ладонь.

— Мне не слишком нравится твое намерение прочесть мысли Иниго.

— Я и не собираюсь этого делать. Погружение в память не похоже на подключение к постановкам в унисфере или общности ощущений в Гея-сфере. Реальные воспоминания нельзя усвоить быстро. Их можно уплотнить относительно реального времени, но в ячейке как-никак сорок лет его жизни. Человеческому мозгу, чтобы переварить информацию, потребуется несколько месяцев. Это один из определяющих факторов при оживлении клонов. А у нас, если мы хотим найти Иниго до начала паломничества, такого запаса нет.

— Что же ты собираешься делать?

— Отвезти ячейку к тому, кто сможет усвоить воспоминания намного быстрее, и попросить его об услуге.

— Ты сказал, что человеческий разум не в состоянии усвоить воспоминания быстрее.

— Верно. Именно поэтому мы сейчас зададим курс на Высокий Ангел.

Корри-Лин потрясенно ахнула:

— На корабль райелей?

— Да.

— А почему ты уверен, что райели согласятся тебе помогать?

Он с улыбкой кивнул на футляр.

— У нас есть отличный повод с ними поторговаться.

У Корри-Лин не хватало терпения для обширных исследований, и Аарону пришлось заполнять пробелы длиной в десятки и сотни лет, допущенные ей в изучении файлов, касающихся райелей. Он рассказал, что люди обнаружили Высокий Ангел еще в 2163 году, когда открыли червоточину, разыскивая в звездной системе пригодные для жизни планеты. Разведка ККТ быстро убедилась, что таких миров здесь нет, но астрономы успели засечь сантиметровые волны, поступающие с орбиты газового гиганта Икаланайз.

— И какое отношение это имеет к ангелам? — спросила Корри-Лин. — Они были настолько религиозны?

— Нет, астрономы не были религиозны.

При помощи сенсоров, направленных на источник сигналов, удалось обнаружить спутник длиной в шестьдесят три километра, от которого отходили крылья жемчужно-переливчатого света. Что-то вроде крыльев ангела.

— Все-таки мне кажется, что они были религиозными, если уж такое уравнение пришло им в голову.

Аарон застонал. Разведчики поспешно применили самые мощные датчики, и тогда истинную природу артефакта удалось раскрыть. Это оказался сколок скалы с двенадцатью выступами, на которых стояли обширные купола. Пять из них оказались прозрачными, и внутри виднелись парковые зоны и постройки.

Это был космический корабль — живое существо или машина, эволюционировавшая до разумного состояния. Происхождение объекта выяснить не удалось, и о нем корабль не рассказывал. Под куполами проживали представители нескольких рас. Общаться с людьми согласились только райели, но и они поведали не слишком много.

Несколько крупнейших астроинженерных компаний заключили договор об аренде трех куполов, и Высокий Ангел стал городом-спальней для орбитальных станций, где для Содружества выпускались наиболее современные и ценные продукты передовых технологий. Численность работников и их семей неуклонно возрастала, и со временем (с одобрения Высокого Ангела) это поселение стало автономным, что обеспечило его представителю место в сенате.

С началом войны против Звездного Странника Высокий Ангел оказался основной базой для боевого флота Содружества, а орбитальные станции перешли на выпуск военной продукции. Выросли или были построены а может, вызваны магическим путем еще несколько куполов для размещения персонала флота. Технологии Высокого Ангела до сих пор никто не понимал.

— А сейчас мы знаем о нем больше? — заинтересовалась Корри-Лин.

— Не совсем так. Возможно, что-то известно АНС, и в Центральном мире при помощи биоников дублируются некоторые его функции. Но во Внешних мирах не достигли ничего подобного.

Людам, продолжал рассказывать Аарон, пришлось подождать еще две сотни лет после войны, и только тогда история космического корабля чужаков немного прояснилась. В результате легендарного полета Уилсона Кайма на корабле «Исследователь» вокруг Галактики было обнаружено существование Бездны и станции «Центурион», а также защитных систем райелей, охраняющих звезды Стены. В последующих экспедициях корабли флота встретили и другие корабли класса «Высокий Ангел», единственно же расой, которая обитала на всех них, была раса райелей.

После таких открытий райели наконец объяснили, что создали корабли еще миллион лет назад, когда переживали расцвет. Это был золотой век райели посещали тысячи планет, встречались с сотнями других цивилизаций, направляли их и наблюдали, как десятки рас переходили в постфизическое состояние. Они даже были знакомы с сильфенами, еще до того как их Исток-остров дал начало волшебным тропам.

А потом Бездна вступила в фазу расширения. Райели не смогли предотвратить поглощение целых звездных скоплений. Звезды, увлеченные к горизонту событий, срывались со своих мест, и гравитация в галактическом ядре резко изменялась. На цивилизации вне Стены обрушились катастрофы Тысячи уникальных биосфер погибли, прежде чем эволюция в этих мирах достигла расцвета. Под угрозой штормов сверхжесткой радиации, распространявших свои спирали на тысячи световых лет, пришлось эвакуировать целые миры.

После того как все закончилось, после спасательных и восстановительных операций, продолжавшихся тысячелетие, райели заявили, что не намерены больше терпеть существование Бездны. Первожители, сотворившие ее на заре зарождения Галактики, не предусмотрели губительного влияния своего детища на расы, пришедшие в следующую эпоху. Райели создали армаду кораблей, способных действовать в любом квантовом состоянии которое теоретически могло создаться внутри Бездны. И пошли на штурм Сто тысяч кораблей окружили грозный барьер и ринулись внутрь. Все напрасно.

Ни один из них не вернулся.

Бездна осталась в неприкосновенности.

Остатки цивилизации райелей были вынуждены отступить. Защитная система для охраны звезд Стены создавалась в слабой надежде сдержать очередное макрорасширение. Для неожиданно оказавшихся под угрозой рас были построены корабли-ковчег, чтобы перенести их из обреченной Галактики в такое место, где разумные существа в мирных звездных скоплениях смогли бы восстановить свои цивилизации. Это был акт милосердия расы, потерпевшей неудачу в главном сражении. Раз уж райели не сумели спасти Галактику, они решили биться до последнего, лишь бы обеспечить безопасность менее способным народам.

— Я не могу поверить в эту версию истории, — спокойно сказала Корри- Лин, когда изображения файлов собрались в центре каюты и исчезли. — Очень трудно представить враждебность Бездны, когда я видела царящую внутри нее прекрасную жизнь.

Она сделала плоток горячего шоколада, сдобренного порцией бренди, и устроилась поудобнее на длинном диване.

— Версию? — удивленно переспросил Аарон с другого конца каюты.

— Ну, ее ведь никто не может подтвердить, не так ли?

— Если я правильно помню, ты получила результаты почти шестисотлетних наблюдений со станции «Центурион», которые подтверждают, что этот неестественный барьер поглощает звездные системы. И кто же собрал часть информации? Ну да, лично Иниго.

— Но как тогда быть с атакующей армадой? Все-таки это сто тысяч кораблей с оружием, способным сокрушать звезды. И где же они? Ни в одном из снов Иниго не показано ни единого осколка.

— Погибли. Распылены на отдельные атомы и поглощены точно так же, как поглощается любая частица материи, проходящая сквозь барьер. — Он задумчиво помолчал. — Все, кроме единственного человеческого корабля, прорвавшегося внутрь и приземлившегося на Кверенции.

— Довольно странная тактика для существ, считающих себя самой передовой цивилизацией. Почему бы им не послать для начала пару разведчиков?

— Возможно, они так и сделали. Если хочешь, спроси, когда доберемся до Высокого Ангела.

Она бросила в сторону Аарона полный сочувствия взгляд.

— Если они разрешат нам хотя бы приземлиться.

— Ты плохо меня знаешь.

«Бестия» вернулась в реальное пространство в десяти тысячах километрах от Высокого Ангела. Позади корабля чужаков светился восковой полумесяц Икаланайз, испещренный топазовыми и платиновыми разводами бурь. Вдоль экватора виднелся ряд маленьких черных кружков, отмечавших тени некоторых из тридцати восьми лун.

В сторону корабля развернулись излучатели нескольких датчиков. Бычий Ангел до сих пор оставался базой для флота Содружества. И адмирал весьма серьезно относился к вопросам безопасности. В интел-центр в качестве ответа на запрос уже был загружен файл с новым удостоверением личности и сертификатом. Юз-дубль Аарона запросил разрешение на посадку у купола «Нью-Глазго» для «Алини». Разрешение было выдано почти мгновенно.

Вокруг Высокого Ангела на тысячекилометровой орбите медленно проплывали

производственные платформы, образующие плотное кольцо серебристых пятнышек. Между ними и куполами, заселенными людьми, сновали служебные челноки — они собирали полученные материалы и приборы для дальнейшей отправки во Внешние миры, где подобная продукция все еще была в цене.

— Ну, как тебе это? — с довольным видом произнес Аарон, принимая изображение с датчиков корабля. — Настоящий ангел с нимбом.

— Религиозные аналогии могут завести тебя слишком далеко, — насмешливо ответила Корри–Лин.

Над скалистой поверхностью поднималось уже семнадцать куполов. Шесть из них, заселенные людьми, имели прозрачные стены, так что Аарон и Корри–Лин хорошо видели и города, и зеленые парки. Четыре из оставшихся куполов тоже были относительно прозрачны, и оттуда, согласно суточному циклу чужаков, пробивался свет, по своему спектру схожий с лучами их солнц. Внутри можно было заметить силуэты странных зданий. По ночам они соблазнительно подмигивали разноцветными огоньками. Один из куполов принадлежал райелям. Остальные были закрыты для обзора, и ни Высокий Ангел, ни райели никогда не обсуждали с людьми их обитателей.

По инструкции Аарона интел–центр корабля направил коммуникационный мазер на купол райелей.

— Я бы хотел получить разрешение на стыковку с куполом райелей, — передал Аарон. — Мне необходимо поговорить с одним из его обитателей.

«Это необычный для частного лица запрос, — ответил Высокий Ангел приятным мужским голосом. — От лица райелей могу говорить и я».

— Это не совсем то. Тебе известен тип моего корабля?

«Да, я узнаю его. Поблизости от меня корабли АНС с ультрадвигателями проходят нечасто. Технология их конструкции довольно сложна. По-видимому, ты один из представителей АНС».

— Что–то вроде того. И я должен поговорить с одним определенным райелем.

«Хорошо. Я высылаю новый план полета. Следуй ему».

— Спасибо. Райеля, с которым я хотел бы встретиться, зовут Кватукс.

«Конечно».

«Бестия» слегка изменила курс и, огибая массивную темную скалу, направилась к куполу райелей. У основания стержня, уходившего в толщу скалы, показались большие темно–серые овалы. Один из них словно растворился, открыв вход в ничем не примечательную белую камеру. «Бестия» нырнула внутрь, и наружная стена сразу же появилась вновь.

— Приготовьтесь к телепортации, — предупредил их Высокий Ангел.

Корри–Лин озадаченно подняла брови.

— Я опять прошу тебя, — сказал Аарон, — хотя и без малейшей надежды на твое внимание: оставь все переговоры мне.

Она только и успела, что приоткрыть рот, чтобы ответить. Камера вокруг них исчезла, мгновенно сменившись просторным круглым залом с бледноизумрудным светящимся полом. Если здесь и был потолок, он терялся в сумраке где–то высоко над головой. Корри–Лин ахнула и почти оцепенела. Аарон поспешно схватил ее за руку. Он не помнил, чтобы сам посещал Землю и пользовался планетарной телепорт–сферой, но почему–то был готов к внезапному перемещению.

— Великий Оззи, — выдохнула Корри–Лин.

— Я надеюсь, что вы не слишком сильно шокированы, — раздался мягкий шепот райеля.

Аарон торжественно поклонился. Райель был огромным, как и все взрослые представители его расы, больше, чем земной слон, с такой же серовато-коричневой кожей, на которой топорщились толстые волосы. Хоть Аарон и не считал себя большим знатоком, но эта особь показалась ему исключительно здоровым образцом. Округлую голову спереди охватывал целый ворот щупалец; внизу виднелась пара толстых конечностей, метра четыре длиной, с сегментированными захватами, предназначенными для тяжелых работ. Остальные щупальца были намного меньше, вплоть до пучка тонких манипуляторов, напоминающих чрезвычайно гибких змей. На голове с обеих сторон располагалось по пять небольших круглых и синхронно поворачивающихся глаз. Ниже глаз кожа свисала несколькими свободными складками, образующими ротовую зону. Во время разговора Аарон даже успел заметить влажную внутреннюю полость и ряд острых коричневых зубов.

— Нет, все в порядке, — слегка заикаясь, ответила Корри–Лин.

Она вспомнила о хороших манерах и неловко склонила голову.

— У меня уже давно не было физических встреч с людьми, — грустным шепотом произнес Кватукс. — Я заинтересован. Не предполагал, что мое имя еще сохранилось в вашей памяти.

— Боюсь, что мне известно только твое имя и ничего больше, — сказал Аарон. — Но я благодарен за то, что ты согласился с нами встретиться.

— Я сыграл в вашей истории скромную роль. Я принимал участие в экспедиции людей во время войны против Звездного Странника. У меня были друзья. Друзья среди людей, что необычно для райелей и тогда, и сейчас. Скажите, вам знакома Паула Мио?

Аарон с удивлением отметил, что при звуке этого имени его сердце слегка дрогнуло. «Надо будет посетить медицинскую камеру».

— Я слышал о ней.

— Паула Мио мне очень нравилась.

— Она сейчас представитель правления АНС.

— А вы?

— Мы работаем на другом уровне.

В душе он взмолился, чтобы Корри–Лин не стала ничего уточнять.

— Какова причина вашего появления здесь? — спросил Кватукс.

— У меня к тебе просьба. — Аарон поднял вверх футляр. — Здесь ячейка памяти человека. Я бы хотел, чтобы ты впитал его воспоминания. Мне необходимо прояснить некоторые вопросы относительно его личности.

Кватукс не ответил. Его глаза повернулись от Аарона к Корри–Лин, потом обратно.

— Ты можешь это сделать? — спросил Аарон.

Что-то было не так, но он не понимал, что именно. Его разум подсказывал, что из всех райелей именно Кватукс способен ему помочь. И до сих пор интуитивное знание, загруженное в его подсознание, ни разу не подводило.

— Раньше я это делал, — прошептал Кватукс. — А однажды человеческое эмоциональное состояние поглотило меня целиком. Женщина стала моей женой.

— Женой? — вырвалось у Корри–Лин.

— Прекрасная леди по имени Тигрица Панси. Такой эмоциональной отзывчивости я

больше не встречал. Мы провели много счастливых лет на планете, которую вы называете Дальней. Я разделял все ее мысли, все переживания.

— Что же случилось? — спросил Аарон, подозревая недоброе.

— Она умерла.

— Как жаль.

— Она умерла самым ужасным образом. Женщина по имени Кэт растянула ее смерть на несколько дней. Намеренно. И все это время я разделял страдания со своей женой. Я испытал человеческую смерть.

— Проклятье, — пробормотал Аарон.

— С тех пор я не допускал в себя человеческих мыслей и чувств. Своей смертью моя жена излечила меня от этой странной слабости. Таков был ее последний подарок, хотя и сделанный против ее воли. Я снова стал райелем и в своей расе занимаю наивысшее положение.

— Не надо было нам обращаться к тебе с этой просьбой, — смущенно сказала Корри—Лин. — Но мы ничего не знали. Мне очень жаль.

Аарону захотелось ее оглушить.

— Это память Иниго, — сказал он, снова поднимая футляр. — Того человека, что видит сны о жизни людей внутри Бездны.

Кватукс снова замер в полной неподвижности, всеми своими глазами уставившись на Аарона.

— Аарон! — сквозь стиснутые зубы прошипела Корри—Лин.

Он ощущал ее гнев, разливающийся в Гея—сфере, но полностью его игнорировал.

— Я разыскиваю его, — обратился он к молчащему чужаку, глядя прямо в его глаза. — Его необходимо найти, пока приверженцы Воплощенного Сна не спровоцировали своим паломничеством очередную фазу расширения Бездны. Ты поможешь нам?

— Иниго? — переспросил Кватукс едва слышным шепотом.

— Да. В этой ячейке хранятся его воспоминания до того момента, когда он отправился на станцию «Центурион». Годы формирования его личности. После образования Воплощенного Сна его жизнь известна всем, даже райелям. Или, возможно, особенно райелям. Я надеялся, что воспоминания о годах его юности помогут тебе понять его мотивацию и ты сумеешь определить, где он может быть.

— Райели очень долго пытались узнать, что происходит внутри Бездны. Ради того мы и существуем. Мы стали судьбой Бездны так же, как она стала нашей судьбой. Этой ролью, выпавшей на нашу долю, мы довольствовались более миллиона лет. А потом появляется человек и просто видит во сне то, что происходит внутри. Никто из нас не способен на это. Сильнейшие представители нашей расы сгнули в обители зла, и от них не осталось никаких следов. Ничего.

— Это не обитель зла, — угрюмо возразила Корри—Лин.

— Я бы хотел поверить, но не могу. Мы узнали о Бездне задолго до того, как ваша раса обрела разум. Бездна несет гибель всему живому, гибель всех надежд. От нее ничто не может спастись.

— Внутри Бездны живут миллионы людей. Их жизнь полна надежд, любви и радости, их жизнь лучше, чем жизнь многих из нас.

— И ради этой великолепной жизни, которой вы так завидуете, они убивают вас. Они убивают Галактику. А вы стремитесь к ним присоединиться, усилить степень разрушения до

такого уровня, который не в состоянии себе представить.

— Вы предотвратите паломничество? — спросил Аарон.

— Не я. Не этот корабль–ковчег. Его миссия иная, мы всего лишь хранители. Но есть и другие райели, служащие другой цели. Это защитники Галактики. Мне неизвестно, что они предпримут в связи с паломничеством.

Аарон взглянул на Корри–Лин и заметил, как решительно сжаты ее губы.

— Ты поможешь нам с воспоминаниями Иниго? Если я отыщу его и поговорю, может быть, появится шанс остановить паломников.

Кватукс двинулся в сторону Аарона. Восемь коротких толстых ног с обеих сторон под животом плавно понесли его вперед. Аарон остался на месте, хотя и заметил, что Корри–Лин сделала маленький шаг назад; ее эмоции в Гея–сфере менялись от гордости к тревоге.

— Я сделаю, что смогу, — сказал Кватукс, вытягивая среднего размера щупальце.

Аарон со вздохом облегчения поднял в руке ячейку памяти. Кончи щупальца обвился вокруг футляра и потянулся назад. За воротником щупалец на эквиваленте шеи райеля свисали бесчисленные выступы плоти заканчивающиеся тяжелыми вздутиями технологического прохождения. Пластиковый кубик утонул в темной поверхности вздутия, словно упавши в воду камешек.

По массивной туше Кватукса прокатилась волна дрожи, а его продолжительный вздох граничил с мучительным стоном.

— Я изведу вас, когда закончу, — сказал он.

После этого Аарона и Корри–Лин бесцеремонно телепортировали на бор: «Бести».

Близнецы Марса приобрели невероятно насыщенный красный оттенок; ураганы в верхних слоях их атмосферы кружились и сталкивались тысячекилометровыми фронтами, отбрасывая на поверхность темные тени. Грозное явление природы в полной мере соответствовало настроению Духовного Пастыря Этана, беспокоило мерившего шагами зал Лилиалы. Над его головой на призрачном потолке бушевали бури, они сходились, озаряя все вокруг синеватыми вспышками молний, а потом откатывались назад, словно штурмующие берег волны. Сплетающиеся вихри порой полностью закрывали собой обе небольшие планеты. Эта безмолвная, но красочная битва сопровождала Этана, пока он не прошел в арочную дверь, ведущую в покои мэра.

В первой приемной уже поджидали Ринченцо и Фалвен, его самые надежные сторонники в Совете; отсветы молний придали их встревоженным лицам зловещий оттенок. А в Гея–сферу оба они позволяли просачиваться лишь оттенку вежливого ожидания. И даже легко ощущаемое беспокойство Этана не могло поколебать их наружной невозмутимости.

Он жестом пригласил их за собой и, не останавливаясь, прошел в овальный кабинет. Яркий солнечный свет, льющийся в высокие окна в стиле французской готики, падал на большой деревянный стол, точно такой же, как тот, за которым сидел Идущий–по–Воде, когда был мэром Маккатрана. Перед столом выстроились пять простых стульев. У одного из них, ожидая, пока не сядет Этан, стоял советник Пелим. Он был одет в повседневное зеленое с синим платье, призванное продемонстрировать каждому просителю, что Пелим готов оказать любую помощь. На нем это одеяние производило отталкивающее впечатление, подчеркивая его рост и суровое выражение лица.

— Итак, Властитель Небес, похоже, на пути к Кверенции, — произнес Этан, садясь за стол.

Фалвен откашлялся.

— Он направляется к какой-то планете. Мы можем предположить, что это Кверенция. Существование в Бездне других миров, заселенных людьми, грозит нам значительными осложнениями.

— Не совсем так, — возразил Ринченцо. — Меня не волнует, сколько в Бездне пригодных для жизни людей планет и кто их населяет. Нас интересует только Кверенция и Идущий-по-Воде. Мы склонны следовать его примеру.

— Для таких заявлений слишком много неизвестных факторов, — заметил Фалвен.

— Ну, не так уж и много, — сказал Этан. — Мы не можем сомневаться в том, что Второй Сновидец передает видения Властителя Небес. Это существо ощущает души и мысли разумных созданий. Он и его стая летят к твердой планете, чтобы собрать души и унести их к Морю Одина. Это соответствует учению Заступницы.

— Интересно бы узнать, какой стала сейчас жизнь в Маккатране, — негромко произнес Ринченцо. — Прошло так много времени.

— Ты скоро сам это выяснишь, — сказал Этан. — Производство корпусов для наших кораблей уже началось. Скоро мы будем готовы к отлету. Пелим?

— Корпуса и внутренние системы должны доделать к сентябрю. — сказал Пелим. — Их цена колоссальна, но зона Свободного Рынка обладает значительными производственными мощностями. Сборка по большей части кибернетизирована: после загрузки шаблонов процесс становится довольно простым. И, несмотря на критику, Внешние миры никогда не отказывались от наших денег.

— Сентябрь, — повторил Ринченцо. — Великий Оззи, уже так скоро...

Этан старался не смотреть на Пелима. Кроме них двоих об ультрадвигателях, обещанных Марием, не знала ни одна душа.

— В физическом отношении процесс подготовки идет гладко. — сказал он. — Нам остается только разобраться с таинственным Вторым Сновидцем. До сих пор нам неизвестно, почему он себя не обнаружил, но то, что с началом постройки кораблей его сны стали более содержательными, говорит о многом.

— Почему же он не откроется? — воскликнул Фалвен. В Гея-сферу прорвался проблеск его гнева. — Проклятье, неужели мы его так и не найдем?

— Он на Виотии, — сказал Пелим.

— Ты уверен?

— Да. Узлы восприятия на Виотии первыми зафиксировали его последний сон, а потом уже они рассеяли видения по всей Гея-сфере Содружества.

— А в каком именно месте на Виотии он находится, тоже известно?

— Пока нет. Но теперь, когда мы определились с планетой, мы сконцентрируем усилия на том, чтобы выяснить его точное местоположение. Да, конечно, люди переезжают с места на место, и если он стремится к анонимности, то будет поступать так после каждого сна.

— Но это необходимо предотвратить, — напрямик заявил Этан.

— Как? — спросил Ринченцо.

— Вот почему я и пригласил сюда вас, мои ближайшие друзья и союзники в Совете. Второй Сновидец — ключевая фигура для паломничества. Именно он должен просить Небесных Властителей провести нас сквозь барьер и дальше, к Кверенции. За неимением Иниго только он один способен осветить наш путь.

— И что же ты хочешь, чтобы мы сделали? — спросил Фалвен.

— У нас есть несколько способов, — негромко продолжил Этан. — И я уверен, что

один из них заключается в том, чтобы вовлечь Виотию в зону Свободного Рынка.

Оба советника озадаченно переглянулись.

— Но Виотия и так состоит в зоне Свободного Рынка, — осторожно заметил Фалвен.

— Да, по договору, — согласился Этан. — Но это не одна из наших ключевых планет. Пока. Мы должны быть готовы ускорить процесс ассимиляции и закончить его, открыв между двумя нашими мирами червоточину. После этого правительство Виотии должно изменить отношение к Воплощенному Сну в лучшую сторону. В конечном итоге я хотел бы видеть Виотию в составе нашей теократии.

Фалвен, не скрывая своего изумления, откинулся назад.

Ринченцо же только одобрительно улыбнулся.

— Там уже и сейчас немало наших последователей. Только достаточно ли, чтобы изменить соотношение сил?

— Возможно, — сказал Пелим.

— В таком случае я с радостью поддержу это предложение в Совете.

— Я тоже, — протянул Фалвен.

— В настоящее время на Виотии по отношению к нашим последователям проявляется некоторая враждебность и раздражение, — сказал Этан. — Если червоточина откроется и экономика планеты окажется привязана к нашей, раздражение может перерасти в уличные столкновения. Нам необходимо гарантировать безопасность всем приверженцам Воплощенного Сна.

— Мы можем это сделать? — настороженно спросил Фалвен.

— В основных мирах зоны Свободного Рынка достаточно сил правопорядка, чтобы поддержать законность на Виотии, — сказал Пелим. — После избрания Этана мы провели дополнительный набор персонала.

— И этого хватит?

— Да.

— Понятно.

— Я сожалею о неудобствах для населения Виотии, к которым может привести такой вариант, — сказал Этан. — Но нам нельзя лишиться шанса отыскать Второго Сновидца.

— Если бы мы только знали, почему он отказывается себя обнаружить, — сердито протянул Ринченцо.

— Не исключено, что он и сам об этом не знает, — устало ответил Этан.

— Как он может *не знать*?

— Иниго потребовалось несколько недель, чтобы понять, что с ним происходит. Сначала он решил, что это какое-то наложение полноэмоциональной драмы, просочившейся в Гея-сферу станции «Центурион». Я полагаю, что Второй Сновидец тоже заблуждается. Ведь сначала это были лишь небольшие фрагменты, краткие видения Небесного Властителя, которые мы вместе редактировали. Теперь контакт установлен, продолжительность и отчетливость снов возрастают. Как и в случае с Иниго. Скоро наступит кульминация, и тогда Второй Сновидец осознает, для чего он избран.

Фалвен растерянно обвел взглядом всех, кто находился в овальном кабинете.

— В таком случае зачем же нам присоединять Виотию?

— А вдруг Второй Сновидец не входит в число наших последователей? — вкрадчиво спросил Этан.

— Но...

— Есть и другие сценарии, много хуже, чем этот, — сказал Пелим. — Например, если кто-то из наших противников найдет его раньше и использует для срыва паломничества.

— А они будут искать, — заметил Ринченцо.

— Конечно, будут, — согласился Этан. — Но у нас, при нашем влиянии на Гея-сферу, имеется огромное преимущество. И его не в состоянии преодолеть даже презренные фракции АНС. Мы должны отыскать его первыми.

— А если он откажется нам помогать? — спросила Фалвен.

— Заставить его изменить образ мыслей, — ответил Пелим. — В буквальном смысле слова.

— Я полагаю, это необходимо, — неохотно признал Ринченцо.

— Надеюсь, что до такого не дойдет, — сказал Этан. — Но мы должны быть готовы к любым неожиданностям.

— Да. Я понимаю.

— В первую очередь я хотел бы обратиться напрямую и к Второму Сновидцу, и к Небесному Властителю, — продолжил Этан.

Мысли Фалвена подернулись удивлением, которого он даже не пытался скрыть.

— Обращение в унисфере?

— Нет. Прямое вмешательство в следующий сон.

— Как?

— Второй Сновидец транслирует сны в узлы восприятия в реальном времени, — сказал Пелим. — В последнем сне, в самом его конце, проскользнула незначительная аномалия. Заметить ее очень трудно, мы уверены, что на нее не обратили внимания большинство наших последователей. Но наши мастера снов тщательно изучили эти последние моменты. К потоку сознания Небесного Властителя примешивается человеческое чувство. Слабое ощущение удовольствия, окрашенного сексуальными нотами. Вероятнее всего, это свидетельство удовлетворения после совокупления.

— Второй Сновидец принимает сон Небесного Властителя во время сексуальных утех? — недоверчиво спросил Ринченцо.

— В моменты расслабленности человеческий мозг наиболее восприимчив, — сказал Этан. — И такое состояние возникает как раз после соития.

— И с Иниго тоже так было?

Фалвен едва сдерживал негодование.

Губы Этана дрогнули в довольной усмешке.

— Мне неизвестно. Но Иниго никогда не передавал свои сны в реальном времени, так что мы вряд ли теперь узнаем, как это было. Замеченная аномалия доказывает, что все происходит именно так. А следовательно, мы можем вмешаться и поговорить и со Вторым Сновидцем, и с Небесным Властителем. В случае успеха мы получим шанс установить прямую связь без посредничества Второго Сновидца. И все наши проблемы будут решены. Виотия потеряет значение, как и сам Второй Сновидец. А мы на шаг приблизимся к Бездне.

— Это было бы... великолепно, — сказал Фалвен.

— Сейчас наши мастера снов следят за узлами восприятия Виотии, чтобы определить, когда начнется передача Второго Сновидца. Как только это произойдет, мы предпримем свою попытку.

— А если она окажется неудачной?

— Тогда ты представишь Совету наше предложение.

Четырнадцать столетий — долгий срок жизни по любым стандартам. Однако некоторые граждане Содружества оставались в своих телах и долгие; кое с кем из них Паула даже встречалась. Но их общество ей не нравилось. В большинстве случаев это были члены Династий, не желающие забыть времена, когда их семейные империи правили Содружеством. После того как биононики, АНС и цивилизация Высших навсегда изменили Центральные миры, они собрали остатки своих богатств и удалились во Внешние миры, где пытались продлить свой персональный золотой век.

Им хватало денег и смелости на создание экспериментальных обществ, в чем-то новых, в чем-то интересных, но при всей своей близости к бессмертию эти люди никогда не пытались принять новый образ жизни. И чем дольше они умудрялись поддерживать свои личные маленькие империи, тем сильнее становилось их неприятие любых перемен. Особого расцвета стремление к социальному строительству достигло на Айоуд, где правили представители семейства Халгарт. Этот мир сопротивлялся изменениям еще более стойко, чем Рай Хаксли. По окончании пятидесятилетней жизни все граждане проходили процедуру омоложения, во время которой их память стиралась, и никто, кроме правительства не знал, кем они были и каким делом занимались. После выхода из клиники их снова обучали той же профессии, и еще пятьдесят лет они выполняли все ту же работу, что и в предыдущие пятьдесят, сто или триста лет. Это был настоящий феодализм.

Триста лет тому назад Паула с группой тайных агентов посетила тот мир. Агенты внедрились в клиники омоложения и начали медленно склонять людей к неповиновению. В последующие несколько лет механизм стирания памяти стал несовершенным, что позволило клиентам клиник вспоминать, кем они были раньше. Тысячи женщин обнаружили, что в их обновленных телах снова функционирует матка. Одновременно развивалась подпольная сеть помощи нелегальным матерям и их детям, которая организовала их в политическую силу сопротивления власти Халгартов.

Через сорок лет после завершения этой миссии на Айоуде произошел раскол, и правительство Халгартов было свергнуто почти без сопротивления. Еще полторы сотни лет потребовалось, для того чтобы извращенный мир обрел равновесие и встал на путь социально-экономического развития по образцу обычного общества среднего Внешнего мира.

В то время Паула беспокоилась, что она еще не готова к миссиям подобного рода. Значительные изменения происходили и в ней самой. С одной стороны, она сознавала, что должна приспособливаться к постоянно изменяющейся культуре Великого Содружества. Но, в отличие от всех остальных, ей для этого пришлось решиться на физические изменения. Тщательно выверенное строение ее ДНК жестко ограничивало нервную систему, придавая личности определенные черты. И для того чтобы выдержать любые изменения в психике, ей требовалось сначала разрушить старые барьеры, а это уже граничило с разрушением личности. Но самолюбие — как и у любого другого человека — не было обусловлено наличием особых звеньев ДНК; Паула считала себя вполне адекватной личностью, другими словами, ей нравилось быть самой собой. Тем не менее при каждом омоложении она подвергала свою психику едва заметной модификации. К концу трехсотлетнего процесса она еще проявляла чрезмерную настойчивость в отношении многих вещей, но теперь это был уже не физически непреодолимый инстинкт, а сознательный выбор. Давным-давно, когда она пыталась преодолеть стремление арестовать преступника, чтобы достичь главной цели, ее организм подвергся тяжелейшему потрясению. После снятия физиологических

ограничений, наложенных Фондом, разум Паулы стал работать с такой эффективностью, о которой его давно ушедшие в небытие создатели даже и не мечтали. От рождения ей было дано стремление преследовать отдельных преступников, которые могли появиться в обществе Мира Хаксли; теперь же она получила способность смотреть на проблемы в глобальном масштабе. Но ни одно из изменений ни в малейшей степени не затронуло ее личности; Паула всегда отчетливо различала грань между добром и злом. Ее душа осталась нетронутой.

Айоуд в полной мере испытал гибкость ее обновленной личности. Паула Мио признала, что конституция, навязанная Халгартами, абсолютно неприемлема, поскольку провозглашает угнетение всего населения. Признать это она могла и раньше. Но остановившееся в развитии общество Айоуда слишком уж было похоже на общество Рая Хаксли. Спустя некоторое время Паула решила, что разница все же имеется. На Айоуде свободу людей ограничивал авторитарный режим, злоупотребляющий технологическими достижениями Содружеств, тогда как в Раю Хаксли застой цивилизации обуславливали внутренние побуждения. Возможно, в самом начале, когда Фонд структуры человечества изменял ДНК всего населения в соответствии со своей грандиозной схемой, он совершил преступление. Представители древних либеральных кругов, наверное, были правы — это допущение могло бы порадовать радикалов, выкравших во младенчестве саму Паулу. Но, каким бы тяжелым ни был тот грех, ограничения, наложенные на жителей Рая Хаксли, оставались внутренним делом. Теперь они не могли измениться, не рискуя уничтожить свою личность. А это грех еще более тяжкий.

Так она убеждала сама себя. В конце концов она оставила решение этого вопроса философам. Интересно, но слишком уж далеко от реальной жизни. В Содружестве было множество других серьезных проблем, занимавших все время и внимание Паулы. Одно только паломничество постоянно подбрасывало все новые и новые трудности.

На этот раз она и сама не могла решить, имеют ли право последователи Воплощенного Сна организовывать поход, невзирая на последствия. Сомнения возникали, поскольку не было эмпирических доказательств того, что Бездна неизбежно поглотит оставшуюся часть Галактики. Паула не могла не признать, что люди, пропагандирующие идею паломничества, имеют полное право не верить в это. Все утверждения о грядущей катастрофе основывались только на информации, полученной от райелей. За то огромное время, что отделяло последнюю фазу макрорасширения Бездны от сегодняшнего дня, любая информация могла исказиться, как бы тщательно ее ни сохраняли. Мало того, источником сведений были чужаки, имеющие собственные представления о развитии событий.

Правление АНС стремилось получить как можно больше данных о складывающейся ситуации, так что Пауле не приходилось скучать, и, к счастью, у нее совсем не оставалось времени на изучение действующих политических сил. Цель ее была прежней: не давать фракциям АНС давить на физических граждан Содружества, чтобы удержать их от поступков, которые они без этого нажима и не подумали бы совершать.

Паула покинула клинику Святой Марии и вернулась на свой корабль «Алексис Денкен» — судно обтекаемой формы с ультрадвигателем, оснащенное и вооруженное АНС так, что могло бы вызвать тревогу у любого капитана флота. После старта с планеты Паула осталась в трансмерном пространстве в двадцати а. е. от звезды. Такое положение позволяло ей наблюдать за сверхсветовыми судами в системе Анагаски. К ее сожалению,

сенсоры корабля не могли зафиксировать холодный след. Никаких признаков корабля

Аарона она не обнаружила. Учтя промежуток времени между налетом на клинику и своим прибытием, Паула сделала вывод, что Аарон использовал корабль с ультрадвигателем. У Мария такой наверняка имелся. Ее юз-дубль отследил его возвращение в городской космопорт на личной яхте. Сенсоры «Алексиса Денкина» зафиксировали переход в гиперпространство. Осведомленный наблюдатель по возникшим искажениям мог без труда определить ультрадвигатель.

Спустя час с планеты на своем корабле стартовал Экспедитор, и его судно вызвало точно такие же искажения пространства. Экспедитор двигался в направлении прямо противоположном тому, что выбрал Марий. Через десять минут из трансмерного погружения вынырнул еще один космический корабль, он отправился тем же курсом, что и корабль Экспедитора.

— Желаю удачи, — обратилась Паула к Джастине.

«Спасибо».

Паула открыла канал сверхсекретной связи с правлением АНС.

— Похоже, что технология ваших ультрадвигателей перестала быть тайной, — сказала она.

«Этого следовало ожидать, — ответило правление АНС. — И мне не потребуется вся интеллектуальная мощь, чтобы определить утечку. Научные ресурсы имеются в большинстве фракций. А когда принцип действия известен, с производством справится любой репликатор выше пятого уровня».

— И все же я думаю, тебе надо воспользоваться своей властью. В конце концов, фракции — это часть АНС.

«Существование фракций — мой способ оставаться цельной системой. Я многогранен».

— Судя по этим высказываниям, ты испытываешь электронную версию раздвоения личности.

«Скорее, многомиллиардного деления. Но это то, что я есть. Все присоединяющиеся ко мне личности накладывают собственный отпечаток, на том и основывается мой авторитет. После передачи сознания они вольны стать теми, кем им хочется. И я не лишаю их воспоминаний, это было бы равно- сильно лишению личности».

— Чтобы играть наравне с богами, тебе придется пройти сквозь игольное ушко.

«Одно из лучших высказываний Иниго, — не без удовольствия отметило травление АНС. — Жаль, что остальные его проповеди не столь удачны».

— Ты не слишком-то стремишься облегчить мне работу.

«Тебе доступны любые из моих ресурсов».

— Но я одна, и порой мне кажется, что я сражаюсь с Гидрой.

«Недостаток уверенности? Это на тебя непохоже. В чем дело?»

— В паломничестве, конечно. Следует ли его допускать?

«Миллиарды людей верят, что это их право и их предназначение. Как могут быть неверными их убеждения?»

— Но они способны навлечь угрозу на триллионы других жизней.

«Верно. Этот вопрос не имеет ответа. По крайней мере настолько определенного, как бы тебе хотелось».

— А вдруг паломничество спровоцирует фазу окончательного поглощения Галактики Бездной? Или хотя бы частичного?

«Вот это уже более определенный вопрос. Но и на него, как мне кажется, мы не сможем

ответить, поскольку информации слишком мало. Ни я, ни кто-либо из постфизических существ, с которыми мне доводилось общаться, не знаем, что происходит внутри Бездны».

— Иниго тебе это показал.

«Иниго показал нам судьбу людей в Бездне. Что, кстати, не слишком отличается от загрузки личности в меня; в глазах многих людей Бездна имеет некоторое преимущество — это ее псевдомистические детали. И ты все еще предпочитаешь оставаться в физическом теле. Чего нам не показал Иниго, так это истинной природы Бездны».

— Выходит, ты готов рискнуть?

«В настоящий момент я готов позволить игрокам оставаться на сцене».

— Как всегда, ничего определенного.

«Если бы я захотел силой воспрепятствовать паломничеству, во мне мог бы произойти раскол. Поддерживающие Воплощенный Сон фракции, к примеру Ускорители, попытались бы создать собственную версию меня. Не забывай, я ведь не виртуальный объект. Я целиком и полностью базируюсь на узлах пересечений квантовых полей вокруг Земли».

— Ты боишься соперников?

«В человеческой расе еще никогда не было такого единства, как сейчас. На достижение гармонии потребовалась вся наша история. Люди — все люди — живут прекрасной жизнью, настолько разнообразной, насколько они сами этого пожелают. Они мигрируют во Внутренние миры и загружаются в меня. Внутри меня они вольны выходить за границы физического мира в той степени, на какую способно их воображение. Настанет день, и я весь, целиком, перейду на постфизический уровень. Те люди, которые не пожелают ступить на этот путь, начнут все сначала. Такой я вижу нашу дальнейшую эволюцию. Соперничество способно этому помешать и даже ослабить или исказить момент сингулярности».

— Бог может быть только один, так?

«Богов может быть много. Я просто не желаю способствовать зарождению враждующих богов. Никто не хотел бы стать свидетелем войны на небесах. Поверь, расширение Бездны по сравнению с этим суший пустяк».

— Я думала, многообразие относится к числу достоинств.

«Это одно из них, и оно прекрасно развито во мне».

— Но...

«Кроме того, существует опасность нашего полного уничтожения. Противодействующие силы должны быть сбалансированы. Именно этим я и занимаюсь».

— И именно в этом случае, если не соблюдать осторожность, ты можешь проиграть.

«Несомненно».

— Значит, надо искать другие варианты.

«Так поступали люди с самого начала цивилизации на Земле. И я считаю это величайшим достоинством».

— Что ж, ладно. — Паула помедлила, собираясь с мыслями. — Я пока не могу определить, кто стоял за нападением на клинику. Удивительно, что после этого происшествя здесь появились представители и Ускорителей, и Консерваторов. Ты не считаешь, что вовлечена какая-то третья сила?

«Весьма вероятно. И я не берусь сказать, какая именно. Возникает и разрушается множество союзов. Тем не менее ты, возможно, скоро установишь эту личность. В настоящий момент Казимир получает рапорт с базы «Адмирал» на Высоком Ангеле. Вероятно, он попросит тебя заняться этим вопросом».

— Ага.

«Если тебе что-то понадобится...»

— Я дам тебе знать.

Разговор закончился. Паула поудобней уселась в глубокое кресло, сформированное для нее каютой корабля. Учитывая ее собственную неуверенность по поводу данного дела, отсутствие помощи со стороны правления АНС ее сильно встревожило. Похоже, ей оставалось только радоваться, что правление было с ней достаточно откровенно.

Уже через минуту поступил вызов от Казимира.

«Как идет расследование происшествия на Анагаске?» — спросил он.

— Кое-какие результаты есть. Преступник явно обладает новейшими бионониками и, возможно, пользуется кораблем с ультрадвигателем. Целью налета была ячейка памяти Иниго.

«Интересно. А мне только что доложили, что на Высоком Ангеле приземлился частный корабль под названием «Алини»».

— Какое это имеет отношение к делу?

«Он пришвартовался к доку купола райелей. Система наблюдения Флота зарегистрировала искажения, свойственные для ультрадвигателя».

Сообщение адмирала неожиданно заинтересовало Паулу.

— Он и сейчас там? Райели допускают в свой купол далеко не каждого человека. Кому принадлежит «Алини»?

— Неизвестно. Корабль зарегистрирован на Шолапуре.

— Я уже отправляюсь.

Экспедитор приземлился в главном космопорте Дароки, поставив корабль с ультрадвигателем под названием «Джомо» на площадку третьего терминала, отведенного для пассажиров частных рейсов. Через летное поле он направился к расположенному неподалеку комплексу ангаров. Ему было известно об искажениях в системе наземной навигации, но даже при этом интел-центр космопорта ничем ему не помог. Все ангары выглядели одинаково и тянулись длинными ровными рядами. Это немного сбивало с толку. При имеющемся у Экспедитора оборудовании и врожденном чувстве направления сбиться с пути он, безусловно, не мог. Но одно дело — инстинкт... Его юз-дубль перехватывал изображения с сенсоров спутникового наблюдения и превосходно указывал путь.

Спустя какое-то время Экспедитор оказался перед гладкой темной стеной, боковую дверь в которой защищало необычно сильное поле. Даже его мощный сканер не мог проникнуть внутрь ангара. Экспедитор улыбнулся. Это и был самый ценный указатель.

Его биононики начали модифицировать функции поля, подбирая различные энергетические комбинации, вызывающие небольшую нестабильность защиты. Юз-дубль быстро сумел проникнуть в образовавшуюся брешь и запустил во внутреннюю сеть ангара шквал тщательно продуманных помех.

Створки двери бесшумно разошлись.

«Девяносто семь секунд. Неплохо».

Внутри сразу же началось сканирование на предмет боевых систем защиты, а юз-дубль тем временем овладел электронной сетью ангара. Оказалось, что Троблум установил стандартную защитную сеть с концентрическими барьерами вокруг основного помещения. Похоже, ученый больше заботился о секретности, чем о физической безопасности.

Сканирование не обнаружило в ангаре присутствия других людей. Первое помещение

было обычным кабинетом, предназначенным для тех, кому удавалось добраться сюда, несмотря на искаженную навигацию. За ним находился второй кабинет, и такого мощного интел-центра, как здесь, Экспедитор еще никогда не видел. Он не был подключен ни к сети ангара, ни к унисфере. Юз-дубль взломал периферийную систему и начал выискивать доступные файлы.

Экспедитор прошел в основное помещение ангара. И негромко присвистнул при виде колоссального набора неймановых модулей, занимавших большую часть пространства. Энергия на машины не подавалась, но Экспедитор без труда определил, что их сложность наверняка превышает шестой уровень репликатора. Довольно необычное имущество для обычного гражданина, даже в обществе Высших. Ничего удивительного, что Троблumu понадобился столь мощный интел-центр, ничто другое с таким набором бы не справилось.

— Можешь проникнуть в основную память? — спросил он у юз-дубля.

«Это не в моих силах. Требуется помощь высшего порядка».

Экспедитор негромко выругался и открыл ультрасекретный канал связи с фракцией Консерваторов. Разговор могла перехватить другая фракция или, что более вероятно, правление АНС, но важность находки оправдывала риск.

— Мне требуется помощь, чтобы получить доступ к интел-центру Троблума. Так мы выясним, что он построил со всеми этими машинами.

«Хорошо», — ответила фракция Консерваторов.

При связи через юз-дубля Экспедитор почти физически ощутил присутствие фракции в ангаре. Пока продолжалась атака на интел-центр, он подключился к сети ангара, стараясь отыскать рутинные записи о графиках поставки деталей. Отдельные компоненты машин должны были откуда-то поступать, и один человек не мог обладать достаточным РМЭ для таких приобретений. Конечно, Консерваторы бы не подали в суд на Ускорителей, даже если бы Экспедитор и отыскал их след, — такого суда просто не существовало. Но в случае раскрытия их доверенного лица, снабжающего Троблума дополнительным РМЭ, Экспедитор мог бы проследить и за остальными трансферами и тогда определил бы весь уровень операций Ускорителей.

«В интел-центре содержится информация только об одном устройстве. — объявила фракция консерваторов. — Похоже, что это двигатель, способный со сверхсветовой скоростью перемещать планеты».

Экспедитор обернулся к темнеющим в глубине ангара машинам и отыскал взглядом отверстие экструдера.

— Целые планеты?

«Да».

— И он будет работать?

«В основе проекта лежит оригинальная интерпретация теории экзотической материи. Если она применена правильно, устройство будет работать».

— И его создали здесь? — спросил он, все еще глядя на машины.

«Было сделано две попытки построить двигатель. Первая прервана. Вторая прошла успешно».

— Зачем им тащить планету со сверхсветовой скоростью? И какую именно планету?

«Это нам неизвестно. Необходимо уничтожить все машины и интел-центр».

Экспедитор положил руки на бедра и с ужасом посмотрел на машины.

— Какой уровень технологии позволено использовать?

«Без ограничений. Никто не должен узнать о существовании подобного с тройства, тем более, никто из Высших».

— Хорошо. Заказ принят.

Фракция Консерваторов прервала связь, и Экспедитор внезапно ощутил себя невероятно одиноким. После того как ему стала известна цель создания машин, безмолвный ангар почему-то стал похож на древнее место преступления. Это неприятное место вызывало у него сильнейшее раздражение.

Он связался с интел-центром «Джомо» и вызвал корабль. К моменту его появления главные двери ангара уже были открыты, и «Джомо», пройдя сквозь защитное поле, остановился на внутренней платформе, едва не уткнувшись носом в стену неймановых машин.

Экспедитор убедился, что защитный экран ангара работает на полную мощность, и только после этого позволил инверсной гравитации втянуть себя внутрь корабля. После трехуровневой авторизации он активировал м-поглотитель Хокинга, хранящийся в одном из носовых отсеков. Небольшое устройство помещалось внутри мощной реграв-капсулы; после активации капсула вышла наружу и замерла перед неймановыми машинами. Убедившись, что поглотитель на месте, Экспедитор направил на машину узкий луч дезинтегратора, держа его чуть выше капсулы. Полуметровая секция оборудования испарилась горизонтальным фонтаном раскаленного ионизированного газа. Струя плавно наклонилась и вся, до последней молекулы, исчезла в м-поглотителе Хокинга. Экспедитор стал перемещать луч дезинтегратора вдоль всего ряда машин, и капсула с м-поглотителем неуклонно следовала за ним.

На полное уничтожение ушло сорок минут. Когда все закончилось, квантовая черная дыра в центре м-поглотителя Хокинга собрала триста двадцать семь тонн материи, что почти исчерпало подъемную силу реграв-капсулы. Затем устройство медленно вернулось в носовой отсек корабля. Экспедитор запросил в космопорте разрешение на взлет, и вскоре «Джомо» взмыл в теплое летнее небо над Аревалом.

Джастина проводила его взглядом, сидя в собственном корабле, стоявшем через восемь ангаров в том же ряду.

Сумерки окутали бухту Хоксбил теплым золотистым сиянием, настолько прозрачным, что в безоблачном небе можно было различить мерцание незнакомых созвездий. Вокруг павильона у бассейна стояла тишина, нарушаемая только плеском волн о прибрежные скалы.

— Двигатель, перемещающий планеты со сверхзвуковой скоростью, — произнес Нельсон. — Можно только восхищаться. Они играют по-крупному.

— Они играют вслепую, — проворчал Гор. — АНС базируется в местных квантовых полях. Нельзя же просто разорвать все и нестись на другой конец Галактики ради сомнительной встречи с Бездной.

— Они, похоже, верят в Бездну. РМЭ поступал к Троблуму через один из их головных комитетов. Двигатель создавался для Ускорителей.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — возразил Гор, качая головой. — Троблум ведь организовал презентацию для флота, доказывал, что аномийцы при помощи похожего устройства доставили к Паре Дайсона генераторы для установки барьеров. И упрашивал Казимира провести тщательный поиск. Зачем Иланте разрешать ему опубликовывать свою идею? Они бы разложили его на атомы после первого же разговора с флотом. Нет, у нас по-прежнему слишком мало информации.

— Это имело бы смысл в качестве отвлекающего маневра, — неохотно согласился Нельсон. — Они бы не стали строить ничего столь важного для своих планов в Высших мирах. Мы бы так не поступили.

— Кроме того, при таком смехотворном бюджете у него ушло на работу несколько лет. Неверная расстановка приоритетов. Нет, необходимо отыскать Троблума и подробно расспросить о том, чем он занимается для Ускорителей.

— Некоторое время назад он покинул Аревало. Пунктом назначения указал Лутайн. Но не показывался там, как, впрочем, и ни в одном из миров Содружества, ни в Центральных, ни во Внешних.

— Необходимо его найти, — решительно повторил Гор.

— Вряд ли это удастся. Или его прячут Ускорители, или он сам решил скрыться, или он просто мертв.

— Тогда надо выяснить, что именно с ним произошло.

Джастина остановилась в центре странно пустого ангара и вызвала Паулу.

— Здесь определенно что-то не так.

«В каком смысле?» — спросила Паула.

— Я полагаю, Экспедитор устроил здесь большую чистку. — Джастина медленно повернулась кругом, открыв для Паулы канал оптического наблюдения. — Видишь? Тут что-то было. Сканирующее поле показывает, что эти кабели, как и опоры, рассечены лучом дезинтегратора. Здесь находилось что-то очень большое и потребляющее колоссальные объемы энергии. Но «Джомо» не больше моего корабля, следовательно, остается только один вариант.

«Я считала, что м-поглотители Хокинга засекречены еще надежнее, чем ультрадвигатели. К сожалению, похоже, что я ошибалась».

— Необходимо известить об этом Казимира, — сказала Джастина. Если по Содружеству ходят космические корабли, оснащенные таким оружием, адмирал должен об этом знать. Представителями фракций частенько становятся не самые благонадежные личности.

«Это я предоставляю тебе».

— Прекрасно. Премного благодарна. В нем еще достаточно человеческих свойств, чтобы во всем обвинить посланника.

«Он профессионал. С тобой ничего не случится. А тебе известно, куда направляется Экспедитор?»

— На границе моей системы слежения его курс был направлен на Землю. Я подозреваю, что сначала он постарается избавиться от массы, накопленной в м-поглотителе Хокинга, и сделает это в глубоком космосе. Уничтожение груза вызовет колоссальный выброс гамма-частиц.

«Можешь пока оставить его в покое. Фокус снова перемещается на Воплощенный Сон».

— Почему?

«Наши источники в этом движении сообщают о тревожных признаках, — сказала Паула. — Воплощенный Сон мобилизует силы правопорядка во всех ключевых мирах зоны Свободного Рынка. Они отменили все отпуска, и бойцы проходят тренировки».

— Тренировки? И где же они намерены применить этот опыт?

«Если они собираются захватить Виотию, им потребуются усиленные наряды полиции, чтобы умирить протесты населения».

— Господи! А они собираются это сделать?

«Этану не терпится взять Второго Сновидца под свой контроль. Он единственный человек, который мог бы немедленно остановить паломничество».

— И все уверены, что он на Виотии, — ужаснулась Джастина. — Боже милостивый! межзвездное вторжение! И это в наши дни! Просто невысказано, какой-то пережиток времен войны со Звездным Странником.

«Вот и подумай об этом. Я сделала ошибку, не сразу поняв важность проблемы. Правление АНС должно обеспечить защиту Второму Сновидцу. В таком случае никто не сможет давить на него, чтобы ускорить или остановить паломничество».

— Но сначала надо его найти. Когда тыпустишь по следу своего агента?

«Скоро. Я уже направляюсь к нему, только сделаю по пути короткую остановку».

Джастина обвела ангар подозрительным взглядом. К пустому месту подходили три толстых обрезанных кабеля.

— Не знаю, что они здесь строили, но Экспедитор, замечая следы, сильно рисковал. Мне кажется, у нас остается все меньше времени.

«Корабли для паломничества будут готовы не раньше сентября».

— А флотилия Окайзенской Империи появится здесь к концу августа, так что осталось меньше трех месяцев. Я бы хотела предложить одну ниточку, за которую, кажется, еще никто не тянул.

«И что же это?»

— Иниго начал видеть сны во время работы на станции «Центурион». А не происходило ли то же самое с кем-нибудь еще?

«Если бы случилось нечто подобное, мы бы об этом узнали».

— В том-то и загвоздка: узнали бы или нет? Предположим, контакт был слишком слабым и даже окончательно не установился. Или принимающий объект не захотел поддерживать религию Иниго. Некто, ведущий себя подобно Второму Сновидцу.

«Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь».

— Я бы хотела проверить узел восприятия на станции «Центурион», нет ли там каких-то воспоминаний о снах Бездны или их фрагментов. Может.

Второй Сновидец обрел связь с Небесным Властителем именно там, как и Иниго.

«Ты права, с этой стороны проблему еще никто не рассматривал».

— Если я стартую немедленно, мой корабль доставит меня туда за пятьсот часов.

«Ты собираешься лететь сама? Почему не воспользоваться линией связи флота?»

— Слишком большой риск перехвата.

«Но, если ты что-то обнаружишь, тебе потребуется еще пятьсот часов, чтобы вернуться. К тому времени, возможно, все будет кончено».

— Если я найду что-то важное, я воспользуюсь линией связи и передам тебе имя, закодированное самым надежным из наших шифров.

«Хорошо. Желаю удачи».

Троблум проснулся в кресле, где просидел целый день за изучением различных схем. Дисплеи его экзозрения замерли в тот самый момент, когда он уснул. По сторонам от него механическими призраками парили цветные контуры модуляторов массы экзотической материи, и вокруг каждого стайками синих и зеленых рыбок мерцали аналитические таблицы. Предполагалось, что эти компоненты будут без особых проблем выполнять свои функции. Проектировщики просто изменили масштаб уже существующих ультрадвигателей.

Вот только никто еще не создавал ничего подобного, и у Троблума возникло множество вопросов по поводу точного контроля за подаваемой энергией. А к стадии изготовления еще не приступали.

Он постарался напрячь мышцы отяжелевших ног и подняться с кресла. Выглядел он точь-в-точь как перевернутый на спину глагви, и после двух неудачных попыток его юз-дубль дал приказ станционной сети уменьшить местную силу притяжения. После этого толчок ногами вынес Троблума из мягких подушек. Сила тяжести медленно вернулась к прежнему значению, и он успел выпрямить колени, прежде чем ступни коснулись пола. Ощущение падения исчезло, заставив его громко рыгнуть. В животе все еще что-то бурлило, а ноги дрожали от напряжения. И еще Троблума мучила головная боль. Медицинский дисплей в экзозрении показал ему уровень сахара в крови, потом анализ на присутствие токсинов и содержание кислорода, после чего Троблум отменил запрос, не дожидаясь рекомендаций по режиму питания и физическим упражнениям. «Глупейший анахронизм в век биоников».

Он направился в салон, где обычно собиралась поболтать и обменяться идеями вся команда, работающая над ультрадвигателями. Здесь же стояли лучшие на станции кулинарные процессоры. Несколько столиков вдоль изогнутой стены уже были заняты группками, обсуждающими различные аспекты проекта. Троблум заметил Нескию в компании двух инженеров, работающих над проблемой маневренности в гиперпространстве. Все трое повернулись в его сторону, когда он сел на свободный стул и невольно поморщился, услышав хруст в суставах. На лицах обоих инженеров отразилось сдержанное неодобрение. Длинная металлизированная шея Нескии плавно изогнулась, так что ее плоское лицо оказалось обращенным точно к Троблуму.

— Благодарю, — сказала она своим собеседникам. — Мы продолжим позже.

Они коротко кивнули и встали из-за стола.

— Вы нашли то, что хотели? — равнодушно спросила она.

— Необходимо перестроить модулятор плотности массы, — сказал он.

Робот-официант доставил поднос с блюдами, заказанными кулинарному процессору его юз-дублем. Троблум начал переставлять тарелки.

Лицо Нескии повернулось вниз; ее огромные круглые глаза без тени каких-либо эмоций осмотрели еду.

— Понимаю. Вы хотите предложить новый дизайн?

— Нет, — буркнул он, не переставая жевать спагетти. — Я хочу получить ваше одобрение изменений, прежде чем потрачу на них целую неделю.

— А чем плох существующий модулятор?

— Это просто хлам. Не работает. Ваши идиоты не приняли во внимание требования по регулированию мощности.

— У вас имеются технические расчеты?

Троблум смог только кивнуть — он был слишком занят горячими хлебцами с моцареллой и травами. Его юз-дубль переслал файл с расчетами.

— Благодарю. Расчеты оценит техническая группа. Вы получите заключение в течение часа. Таков порядок.

— Конечно. Хорошо.

Он вздохнул. Хорошо, что с технической проблемой покончено, но вот черного перца в спагетти с фрикадельками из мяса джол и соусом аттрато можно было положить и

побольше. Он потянулся за своей кружкой, но вдруг обнаружил, что рука Нескии мешает ему взять пиво. Ее кожа то отливала белизной, то мерцала серебром. Троблум даже не смог разобрать, холодные у нее пальцы или теплые.

— Что?

Ее глаза медленно сменили черный цвет на темно-синий.

— На будущее. При посторонних. Пока вы находитесь на моей станции, убедитесь, пожалуйста, что ваша программа социального общения активирована, и следуйте ее советам.

— Ох. Ладно.

Он перевел взгляд на кружку.

— Благодарю вас, Троблум. — Она освободила его руку. — Вы обнаружили что-то еще?

Мне кажется, работа над проектом поглощает большую часть вашего времени.

— Да, есть кое-что интересное. Я мог бы предоставить ссылки на один из моих собственных проектов. Ультрадвигатели предполагают самые разнообразные интерпретации теории квантовой размерности. Кто их изобрел?

— Я думаю, их создало правление АНС. А это имеет значение?

— Нет.

Он отодвинул тарелку из-под спагетти и занялся седлом ягненка.

Неския все еще продолжала внимательно смотреть на него. Она собралась было что-то сказать, когда у их столика остановились два человека. Троблум, прежде чем поднять глаза, прожевал очередной кусок, — он прекрасно знал, что программа общения этого не позволяет. Сверху вниз на него с обычным выражением изысканного презрения смотрел Марий. Но лишил Троблума возможности двигаться не он, а его спутник. Руки и ноги отказывались шевельнуться. К счастью, губы тоже. А то бы Троблум не удержался и открыл рот, да еще бы и ахнул от удивления. Он даже дышать не мог, словно воздух в его легких внезапно замерз.

— Я вас представляю, — холодно произнес Марий. — Но если кто-то на этой станции и не нуждается в знакомстве, то это ты. Троблум. А ты?

— Тоже, — с усмешкой ответила Кэт. — Зачем?

Жуткие чары все еще удерживали мышцы Троблума в ужасном напряжении. Ее было нелегко узнать, прическу с торчащими пучками волос, известную по историческим файлам, она сменила. Ее темные волосы по-прежнему были коротко подстрижены, но зачесаны назад и оттенены надо лбом двумя прядями медного цвета. Но это мрачное выражение лица в сочетании с широкой довольной усмешкой на грани безумия... Ошибки быть не могло. Как ни странно, она оказалась миниатюрной и едва доставала ему до плеча, а он представлял ее настоящей амазонкой.

— Троблум увлекается историей, — продолжал Марий. — Ему известно немало интересных фактов.

— Какое мое любимое блюдо? — спросила Кэт.

— Ризотто с лимоном и спаржей, — промямлил Троблум. — Это было фирменное блюдо в ресторане, где ты работала официанткой в пятнадцать лет.

Улыбка Кэт стала еще шире.

— Что за чертовщина? — воскликнула она и обернулась к Марию, ожидая объяснений.

— Идиот, одержимый войной против Звездного Странника. Он нам полезен.

— Ну, если так...

— Ты осуждена на небытие, — выпалил вдруг Троблум. Он не мог удержаться, хотя и

испытывал страх. — Тебе вынесли приговор на пять тысяч лет небытия.

— Ух ты! Классный парень, — сказала Кэт Марию, а потом лукаво подмигнула Троблуму: — Когда-нибудь я отбуду срок. Обещаю.

— Не могли бы вы нас извинить, — обратился Марий к Нескии. — Нам необходимо подобрать нашей гостье подходящий корабль.

— Конечно.

Неския встала.

— Ах, да, — добавил Марий таким тоном, словно речь шла о пустяке. — Как Троблум себя показал?

Неския перевела взгляд с Марии на Троблума.

— Пока все отлично. Он нам очень помог.

— Продолжай в том же духе, — сказал Марий Троблуму уже без улыбки.

Троблум опустил голову, не в силах смотреть на них. Слишком много людей. Слишком близко. Слишком назойливы. «И одна из них — Кэт!» К такой встрече он был сегодня абсолютно не готов. И в любой другой день тоже. Но она каким-то образом выбралась из небытия. «Она здесь, на станции!»

На медицинском дисплее экзозрения вспыхнули голубые символы: подключились биононики, приводя в движение грудные мускулы, чтобы стабилизировать дыхательный ритм. Троблум и не заметил, что начал хватать ртом воздух, словно у него в горле встал комок. Небольшая доза лекарственной смеси, впрыснутая из макроклеточных желез, помогла восстановить дыхание и сердечный ритм.

Троблум рискнул поднять глаза, хотя и сознавал, что не в силах прогнать с лица виноватое выражение. Он не увидел никого из троих; они пропали из вида, покинули салон. Зато оставшиеся за столиками коллеги не скрывали своего любопытства. Ему захотелось им крикнуть: «Вам не на меня надо было пялиться!»

Вместо этого Троблум начал дрожать всем телом. Он поспешно поднялся. У него сразу закружилась голова. Усиленные бионониками мышцы ног позволили ему быстро выйти из комнаты. В коридоре юз-дубль вызвал ему работа с тележкой. Доехав до своего номера, Троблум упал на кровать. Сознывая всю бесполезность этого действия, он загрузил в дверной замок код девятого уровня.

«Кэт!»

Он лежал на кровати, включив подогрев и ощущая, как его организм постепенно приходит в норму. Но устранение физических симптомов никоим образом не могло освободить его от страха. Из всех мегаманьяков и психопатов Ускорители выбрали именно ее. Троблум лежал в теплой темноте и гадал, с чем таким ужасным они столкнулись, что не осталось других средств, кроме как вернуть Кэт. Сам он всегда сочувствовал движению Ускорителей, поскольку считал их выбор логически обоснованным. Они способствовали эволюции, которая началась с деления амебы на клетки а закончиться должна была переходом в постфизическое состояние. Необходимость, которую не стоило и обсуждать. Остальные фракции заблуждались, это выглядело совершенно очевидным. Для него. Философия Ускорителей была близка его натуре ученого — злобный ублюдок Марий прав, больше ему лично ничего не оставалось.

«Забудь об этом. Это несущественно.

Потому что те, кто вынужден воспользоваться услугами Кэт, не могут быть правы. Просто не могут».

ПЯТЫЙ СОН ИНИГО

Следовательно, поскольку город признается единым самостоятельным организмом, ни один человек не вправе «владеть» своим жильем в традиционном юридическом смысле. Однако в пятнадцатый год после прихода Раха только что сформированный Высший Совет принял первый Акт Регистрации. По существу это означает, что любой человек может занять жилье в пределах городской стены для собственного использования. Для регистрации необходимо просто найти незанятый дом, квартиру или комнату, пробыть там два дня и две ночи, а затем зафиксировать свои притязания в департаменте заселения. Заверенная нотариусом регистрация дает право проживать в помещении вам и вашим потомкам до тех пор, пока они сами не решат его покинуть. Поскольку новых зданий нет и быть не может, самые просторные и удобные помещения оказались заняты в течение десяти лет после того, как Рах открыл первые ворота. Теперь эти дворцы принадлежат древнейшим семействам, главам районов, и в них проживает до пяти поколений представителей рода, а старшие сыновья ожидают своей очереди унаследовать право на жилье и место в Высшем Совете. Оставшееся на сегодня в городе жилье невелико и малоприспособлено для проживания человека. Но и этот остаток быстро уменьшается. Следовательно, в силу малонаселенности таких районов, как Замковый...

Эдеард старался не слишком громко вздыхать от невыносимой скуки. Теперь он уже не хуже любого жителя Маккатрана научился скрывать свои чувства от случайного про–взгляда, но, если мастер Соларин из гильдии юристов еще раз произнесет слово «следовательно»... Удивительно, как этот старик может так долго говорить без остановки. В участке ходили слухи, что мастеру Соларину уже двести пятьдесят лет, и Эдеард ничуть бы не удивился, если бы это оказалось правдой. Учитель выглядел даже старше. Седые волосы на его голове так поредели, что макушка стала совсем лысой, чего раньше Эдеард ни разу не видел. Зато оставшиеся пряди свисали до самых плеч. Руки и ноги у него стали ужасно тонкими и хрупкими, а пальцы уже почти не гнулись. Но его голосовые связки, похоже, ничуть не ослабели.

Вместе со своими собратьями, констеблями–стажерами, Эдеард сидел на скамье в малом зале участка Дживон и слушал еженедельную лекцию по основам законов Маккатрана. Через пару месяцев им всем предстоит сдать несколько экзаменов по этому предмету и только тогда получить звание. Эдеард, как и все остальные, считал лекции Соларина настоящим испытанием. Быстрый взгляд по сторонам показал, что Бойд почти спит. В глазах Максена застыло отсутствующее выражение, значит, он при помощи телепатии болтает с девчонками из модного ателье в конце улицы. Кансин всем своим видом олицетворяла вежливое внимание, но Эдеард уже достаточно хорошо ее изучил, чтобы понять, насколько ей скучно. Зато Динлей сидел прямо, внимательно слушал лектора и даже что–то записывал. Эдеард почему–то и не усмехнулся, глядя на него. Бедняге Динлею предстояло так много доказывать своему отцу и дядьям, что он наверняка сдаст все экзамены с высшими оценками. А это грозило им всем существенной неприятностью — после выпуска Динлея могли назначить командиром отделения.

— ...Следовательно, для суда второй ступени был создан прецедент по рассматриванию ходатайства о выселении в случае совершения преступления внутри владения. На практике полного слушания дела обычно не требуется, и вы вправе запрашивать постановление о

выселении у магистрата, который de facto действует как высший орган для суда второй ступени. На этом, боюсь, наша встреча подошла к концу. На следующей неделе мы обсудим критерии для подобных актов. Тем временем я советую вам всем прочесть с тринадцатой по двадцать седьмую главы третьего тома «Общего права» Сампсолса. В них рассказывается о правомерности применения оружия в пределах городской стены. Возможно, я сделаю нашу следующую встречу немного веселее, предложив вам небольшой тест. Будет довольно интересно, не правда ли? На этом я благодарю вас за внимание и прощаюсь.

Соларин одарил их рассеянной улыбкой, снял очки в золотой оправе и захлопнул большую тетрадь с собственными заметками. Сопровождающие его ген-мартышки бережно уложили тетрадь и книги в кожаную наплечную сумку.

Динлей поднял руку.

— Сэр?

— Ах, мой милый, к сожалению, я сегодня спешу. Если бы ты записал свой вопрос и передал моему старшему помощнику в гильдии, я был бы весьма благодарен.

— Да, сэр.

Рука Динлея опустилась, и вместе с ней от разочарования опустились плечи.

Эдеард оставался на своем месте, пока Соларин, поддерживаемый двумя ген-мартышками, медленно пересекал зал. Он пытался представить себе, как бы мастер выглядел, если б действительно спешил.

— Вечером в «Орле Олована»?

— Что?

Эдеард тряхнул головой, прогоняя абсурдные видения. У его стола, самодовольно ухмыляясь, стоял Максен.

— Клеменса обещала прийти. Эвала говорила, что она о тебе спрашивала. И не раз!

— Клеменса?

— У нее длинные темные волосы, завязанные в хвост на затылке. Большая грудь. К сожалению, ноги тоже большие, но в мире нет совершенства.

Эдеард вздохнул. Еще одна девчонка из модного ателье. Большую часть свободного времени Максен проводил с ними — болтая и пытаясь свести со своими друзьями. Однажды он даже попробовал познакомить Кансин с подмастерьем плотника. Больше он этого делать не будет.

— Нет. Нет, я не могу. Я так отстал с этими юридическими текстами, а ты же слышал, что сказал Соларин.

— Напомни.

— Он проведет тестирование, — уныло произнес Эдеард.

— Ах, да. Важен только экзамен в самом конце. Не переживай. Послушай, я познакомился с одним парнем из гильдии юристов. Пара золотых шиллингов, и он обеспечит нас полным сборником Сампсолса.

— Это жульничество, — горячо запротестовал Динлей.

Максен придал своему лицу выражение праведной обиды.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах!

— Динлей, он просто дразнит тебя, — сказала Кансин, поднимаясь, чтобы уйти.

— Я абсолютно серьезен, — возразил Максен с самым невинным видом.

— Не обращай на него внимания, — посоветовала Кансин и легонько толкнула его в

плечо. — Лучше пойдём, поищем что-нибудь подходящее на обед.

Динлей успел бросить ещё один свирепый взгляд в сторону Максена и поспешил за Кансин. На ходу он принялся что-то спрашивать у нее о жилищных законах.

— Вот она, истинная любовь, — насмешливо пропел Максен, как только они скрылись из вида.

— Ты дьявол, — воскликнул Эдеард. — Настоящий дьявол.

— Только благодаря многолетней практике и самоотверженности.

— Ты же понимаешь, что он наверняка станет командиром нашего отделения.

— Да. Он получит назначение, как только гильдия эгг-шейперов объявит о формировании летающей свиньи.

— Я серьезно. Его оценки будут на порядок выше наших, плюс отец и другие родственники, уже служащие констеблями. На это наверняка обратят внимание.

— Чаэ не дурак. Он понимает, что ничего хорошего из такого назначения не получится.

Эдеарду очень хотелось верить Максену.

— Эй, Эдеард, Клеменса действительно тебя не интересует? — спросил Бойд.

— Ого, вот здорово, — воскликнул Максен, потирая руки. — Хочешь попытаться?

— Ну да, — ответил Бойд с неожиданной для Эдеарда храбростью.

— Превосходно. Она отличная девчонка. Я случайно узнал, что в постели она не знает удержу.

Бойд нахмурился.

— Откуда ты это узнал?

— Эвала рассказала, — без запинки ответил Максен. — Ее последний дружок выбыл из игры из-за недостатка выносливости.

Бойд уставился на Максена восхищенным взглядом.

— Я сегодня пойду с вами. Только пусть Эвала замолвит за меня словечко.

— Можешь положиться на меня, мой друг. Ты сегодня же будешь с ней кувыркаться до изнеможения.

Эдеард закатил глаза и мысленно пообещал Заступнице всегда примерно вести себя, если она удержит Максена от... от поступков Максена.

— Пошли, надо успеть пообедать, пока констебли все не съели, как в прошлый раз.

— Да-да, — поддержал его Бойд. — Наши любезные и доброжелательные коллеги. Они прескверно с нами обращаются.

— Еще два месяца, и все будет иначе, — заявил Максен.

— Ты в самом деле думаешь, что после выпуска они начнут относиться к нам с уважением? Я в это не верю.

— Я тоже, — согласился Максен. — Но мы по крайней мере сможем отыграться на новых стажерах. Я знаю, что мне от этого станет легче.

— Мы не должны так поступать, — возразил Эдеард. — Надо разговаривать с ними, помогать решать проблемы и дать им понять, что мы их ценим.

— Почему?

— Потому что именно этого я бы хотел от старших. Тогда к нам будет присоединяться больше людей. Вы никогда не обращали внимания на численность служащих? Не только в нашем участке, но по всему городу? В Маккатране не хватает констеблей. Люди, чтобы противостоять бандам, объединяются в самостоятельные отряды. А это подрывает власть закона.

— Великая Заступница, ты и в самом деле так думаешь? — спросил Максен.

— Да, — убежденно ответил Эдеард и дал им ощутить свое настроение, чтобы друзья поняли, что он не шутит. — Я знаю, что происходит, когда гражданские власти бездействуют. Я видел, как жестоко расправляются варвары с поселениями, не способными себя защитить. Нельзя допустить, чтобы Маккатран раздирали внутренние распри.

— Не понимаю, почему ты беспокоишься о назначении Динлея командиром отделения, — уже серьезно произнес Максен. — Им будешь ты. Сэр!

Эдеард до сих пор немного смущался, выходя в город в форме констебля. От кадровых служащих стажеров отличали только белые эполеты. Все остальное, как говорил Максен, было «подлинным». Нарядный темносиний мундир с серебряными пуговицами на груди; такие же брюки с широким регулируемым кожаным ремнем, на котором висела дубинка, два баллончика с перцовым газом, пара металлических наручников с замысловатым замком шестого уровня, который невозможно было открыть при помощи телекинеза, и маленькая аптечка. Под мундир надевалась рубашка, белизну и свежесть которой сержант Чаэ неукоснительно проверял по утрам. Ботинки каждый выбирал по своему вкусу, но им полагалось быть черными и высотой не ниже щиколотки (но не выше колена). И обувь следовало начищать до зеркального блеска. Круглый шлем был сделан из пропитанного смолой армшелка, а внутри имелась мягкая подкладка, чтобы уберечь череп от физических ударов. Как и все остальные, Эдеард обзавелся и жилетом из армшелка; предполагалось, что он достаточно прочен, чтобы задержать пулю. Максен пошел еще дальше и приобрел такие же шорты.

В теории цена обмундирования была не так уж и высока. Но на практике каждому констеблю требовалось не меньше двух мундиров и трех рубашек. Кроме того, постоянно приходилось покупать мыльную стружку для ген-мартышек, прикрепленных к их группе, чтобы все это стирать. Эдеард своим умением инструктировать мартышек заслужил всеобщее уважение, и уже через неделю Чаэ перестал отыскивать пятна на их рубашках.

Порядок дня почти не изменялся. По утрам проводились различные тренировки по физическому и телепатическому взаимодействию, а потом начинались лекции. Днем под бдительным надзором Чаэ они отправлялись патрулировать улицы. Иногда их сопровождал дивизионный капитан Ронарк. Вечером стажеры теоретически были предоставлены самим себе. Но в течение недели следовало заниматься еще и самостоятельно.

Эдеард терпеть не мог, когда Ронарк шел с ними, чтобы «проверить успехи». Ему было уже за восемьдесят, и подняться выше нынешнего положения шансов у него не оставалось. Жена бросила Ронарка несколько десятков лет назад, дети от него отреклись. После этого у него осталась только служба, к которой он относился почти с религиозным рвением. Все должно было делаться строго по правилам. Никаких отклонений не допускалось, а малейшие нарушения карались жестокими штрафами, дисциплинарными мерами и понижением в звании. В участке района Дживон численность рекрутов была самой низкой в городе.

Никто не обратил особого внимания, когда ровно в час дня Чаэ вывел отделение с территории участка. Только Ронарк, стоя у выпуклого круглого окна над двойными воротами, следил за сменой патрулей, сверяясь с древними карманными часами. На узком тротуаре им навстречу беглым шагом спешил вернуться утренний наряд, и младший сержант, запыхавшись и покраснев, старался минимизировать опоздание. Вдоль шеренги, радуясь возможности пробежаться, весело скакали ген-псы.

Констеблям-стажерам поддержка ген-форм не разрешалась. Хорошо хоть Чаэ

благодаразумно молчал о ген-орле Эдеарда, поселившемся в вольере на крыше участка вместе с двумя другими птицами.

Район Дживон был довольно приятным местом. В центре его даже имелся парк, за которым прилежно ухаживала целая команда ген-мартышек. Посреди парка в большом проточном пруду жили экзотические красные рыбы длиной добрых два фута — Эдеарду они всегда казались довольно злыми, и ему не нравились ни их острые зубы, ни плотоядный взгляд, устремленный на каждого, кто подходил близко к перилам. Еще в парке была размечена футбольная площадка, и в выходные дни Эдеард частенько принимал участие в соревнованиях местной молодежи. Его радовало, что в районе не много представителей великих семейств; здешние здания были недостаточно просторны. Хотя дома вдоль Мраморного канала выглядели великолепно. В этом районе располагались представительства гильдий плотников, ювелиров и врачей. А еще здесь был дом ассоциации астрономов, уже семь столетий борющейся за статус гильдии, в котором ей неизменно отказывала Пифия, утверждавшая, что небеса — это царство сверхъестественное и астрономия граничит с ересью. На извилистых улочках Бойд обычно рассказывал множество местных историй и сплетен; да и топологию района он, возможно, знал лучше, чем Чаэ.

Сегодня Чаэ повел отделение через Входящий канал в квартал под названием Силварум. Дома здесь имели странную округлую форму, словно гроздья сжатых пузырей. Бойд называл их стиснутыми ульями. Ни один из них не был достаточно большим, чтобы называться дворцом, но все принадлежали зажиточным семьям — средней руки купцам и старшим мастерам профессиональных гильдий. Товары в местных магазинчиках были куда дороже, чем мог позволить себе Эдеард — его накопления стремительно таяли.

На резном деревянном мосту через канал спутницей Эдеарда оказалась Кансин.

— Так ты не собираешься повеселиться сегодня вечером? — спросила она.

— Не-а. У меня осталось не так уж много денег, да и позаниматься тоже не мешает.

— Ты серьезно намерен сделать карьеру в службе констеблей?

— Спроси меня об этом через годик. А пока я не намерен тратить время зря. Я должен получить звание.

— Все мы этого хотим, — заметила она.

— Гм. — Эдеард отыскал взглядом Максена. Тот задержался в начале моста, чтобы обменяться беззлобными насмешками с проходящим внизу гондольером. Вместо мягких сидений на этой гондоле был установлен простой помост, на котором громоздились деревянные ящики. — Для того, кого вышвырнули на улицу без гроша в кармане, Максен, похоже, получает немало денег.

— Разве ты не слышал? — самодовольно усмехнувшись, воскликнула она.

— О чем?

— Его мать сошлась с известным мастером гильдии музыкантов. Теперь она живет в хорошеньком маленьком домике в районе Кобара. Очевидно, музыкант старше нее лет на сто.

— Нет!

Эдеард понимал, что не должен интересоваться слухами, но сплетни в Маккатране были второй валютой. Каждый, кто услышал какие-то новости о семьях мастеров, с радостью делился ими с приятелями. А скандалы ценились превыше всего прочего.

— Да-да. Раньше он путешествовал со своей группой по деревням равнины Игуру и предгорьям Донсори. — Она наклонилась и зашептала ему на ухо: — Турне, похоже,

пришлось прекратить, поскольку в этих деревнях появилось слишком много его отпрысков. Теперь он занимается с подмастерьями гильдии и играет для богатых семей.

В голове Эдеарда всплыли смутные воспоминания: поздний ночной разговор в таверне несколько месяцев назад, не предназначенный для его ушей. И слово «знаменитый».

— Ты говоришь о Дибале?

Кансин торжественно улыбнулась.

— Я не называла имени.

— Но... разве не его застали в постели с двумя послушницами церкви Заступницы?

— Это только часть истории. Если бы не популярность его сатирических песен, его вышвырнули бы из гильдии лет десять назад. Но, видимо, они очень *зажигательны*. Для младших отпрысков благородных семейств он кумир, а старшие с радостью утопили бы его в канале.

— Да, но... мать Максена?

— Да.

Кансин была счастлива увидеть недоверчивый взгляд Эдеарда. Она просто обожала показывать свое превосходство. Эдеард не придавал этому значения; таким образом она старалась утвердиться во время стажировки и окружить себя надежным барьером. Девушки редко шли в констебли — служба давалась им нелегко.

Чаэ свернул к площади, где находилось представительство гильдии химиков. Тротуар здесь был красновато-бурого цвета, а посередине тянулся ряд массивных конусов высотой до пояса. В каждом таком конусе, заполненном землей, росли высокие деревья саф-вишни, образующие над изогнутыми стенами зеленую крышу. Их розовые и голубые цветы только начали опадать, образуя под ногами тончайший ковер лепестков. Эдеард попытался присматриваться к прохожим, отыскивая признаки криминальной деятельности, как учил Чаэ. Это оказалось нелегко. В памяти Акиима отчетливые воспоминания сохранились только об одном: о девушках. Они здесь действительно были красивы. Особенно дочери благородных семейств стайками гуляющие по кварталу Силварум. Выходя на улицы города, они тщательно заботились о своем внешнем виде. Платья с глубоким декольте или юбки с изумительными разрезами среди складок и почти прозрачные кружевные ткани. Тщательно уложенные волосы, так чтобы прически казались небрежными. Умелый макияж, подчеркивающий улыбки, скулы и огромные невинные глаза. Сверкающие украшения.

Эдеард проводил взглядом группу девушек, которым не было еще и двадцати лет, но на их украшения не хватило бы и его месячного оклада. Они озорно засмеялись, заметив его взгляд, и начали поддразнивать. «Чем мы можем вам помочь, офицер?» «Смотри, Гиллиен, какая у него длинная дубинка!» «А вы обрабатываете ею плохих людей?» «Эмили у нас очень плохая, офицер, обработайте ее!» «Ханна! Она говорит непристойности, офицер Арестуйте ее», «Как вы думаете, у него есть темница, чтобы ее там держать?» Эдеард вздрогнул от удивления и лишь потом тщательно прикрылся и густо покраснел.

— Маленькие распутницы, — пробормотала Кансин.

— Э-э, конечно, — буркнул Эдеард.

Он оглянулся — просто чтобы убедиться, что они не натворят ничего дурного. Но две девушки все еще наблюдали за ним. На улице снова зазвенел смех. Эдеард вздрогнул и, приняв суровый вид, уставился прямо перед собой.

— Они тебя не соблазнили? — спросила Кансин.

— Нет, конечно.

— Эдеард, ты отличный парень, и я рада, что мы в одном отделении. Но в тебе еще так много деревенского! Это хорошо, — поспешила добавить она. — Но любая девчонка из приличной семьи съест тебя на завтрак и выплюнет косточки. Эти барышни не так уж хороши, Эдеард. Если копнуть поглубже, в них нет ничего основательного.

«Почему же они выглядят так красиво?» Он задумчиво вздохнул.

— Кроме того, они хотят заполучить в мужья старших сыновей мастеров, или членов гильдии, или, если уж совсем не повезет, офицеров милиции. Констебли им не подходят ни по статусу, ни по деньгам.

С площади они пошли дальше, к рынкам. Все три рынка располагались в паре кварталов от Главного канала, огибающего Силварум с северного края. Это были просто небольшие открытые площадки, заставленные прилавками. На первой торговали свежей рыбой и овощами. Разноцветные полотняные навесы тянулись над прилавками от края до края, создавая внутри теплую радужную полутьму. Неподвижный воздух загустел от самых разнообразных запахов. Эдеард с тоской смотрел на груды фруктов и овощей и даже не пытался прислушиваться к выкрикам торговцев, обещающих отличный вкус, свежесть и низкие цены. Он уже давно соскучился по настоящей еде, которой кормили в столовой эшвилльской гильдии. На кухне участка все продукты подавали запеченными в тесте и ни одну ген-мартышку не научили делать хоть какие-нибудь салаты.

— Опять впадаешь в меланхолию. — негромко заметила Кансин.

— Прости, — откликнулся он и сделал над собой усилие, чтобы сосредоточиться на патрулировании.

Чаэ говорил, что рынки всегда кишат ворами и карманниками. Возможно, так оно и было. Сегодня, как и всегда, продавцы тепло приветствовали констеблей, улыбались, предлагали мелкие подарки — яблоки, сливы, бутылочки домашнего вина — и обещали хорошие скидки, если те зайдут на рынок после смены. Присутствие констеблей оберегало продавцов от мелких воришек.

На некоторых улицах, куда направлял отделение Чаэ, отношение людей беспокоило Эдеарда. Их встречали мрачными взглядами и молчанием, даже не стараясь скрыть своей неприязни. Люди поворачивались к ним спиной, а на берегах каналов ощущались толчки третьих рук. Чаэ, конечно, не обращал на это внимания, но Эдеард нервничал. Он никак не мог понять, почему целые слои населения отвергают закон и порядок.

Второй рынок был отведен для торговли тканями и одеждой. Между прилавками в основном прохаживались молодые женщины; они с удовольствием рассматривали разноцветные товары и весело болтали друг с другом. Эдеард поставил легкую защиту и постарался удержаться от визуального контакта. Хотя была здесь пара девчонок, которые так и напрашивались на пристальное внимание. А вот Максен не испытывал подобных затруднений. Он весело болтал с каждой, кто смотрел в его сторону.

— Ты никогда не говорила, из каких мест сюда приехала, — произнес Эдеард.

— Не говорила, — подтвердила Кансин.

— Извини.

— И тебе надо перестать извиняться каждую минуту, — с улыбкой сказала она.

— Да. Я знаю. Дело в том, что для тебя все это привычно. — Он обвел рукой рынок. — А для меня — нет. Здесь, на рынке, больше людей, чем было жителей во всем Эшвилле.

На мгновение его охватило чувство вины. В последнее время он все реже и реже думал о доме. Некоторые лица уже потускнели в его памяти. Нет, Акиима он никогда не забудет. Но

вот Гонат — волосы у него были рыжими или темно-каштановыми? Эдеард нахмурился, стараясь представить себе его облик, но ничего не получилось.

— Беллис, — сказала Кансин. — Моя семья живет в Беллисе.

— Верно, — кивнул он. Район Беллис находился на восточной окраине города, неподалеку от порта, по другую сторону Главного канала от района Сампалок. Там они еще не патрулировали. — И ты пока не возвращалась туда, чтобы повидаться с родными.

— Нет. Мать не одобряет моего желания стать констеблем.

— Ох. Из... Очень жаль.

— Я думаю, она бы предпочла, чтобы я приняла обет послушания Заступнице.

— В этом нет ничего плохого.

— А ты действительно приехал из деревни, да?

— Это плохо? — сдержанно спросил он.

— Нет. Я полагаю, именно там, по ту сторону от гор Донсори, сохранились ценности, когда-то рожденные в городе. Меня просто удивляет, что кто-то еще придерживается определенных убеждений. Такие, как ты, редко встречаются в Маккатране, Эдеард. Тем более среди констеблей. Поэтому многие в твоём присутствии чувствуют себя неловко.

— Разве? — искренне удивился он.

— Да.

— Но... Ты ведь тоже веришь в эти ценности. Иначе зачем бы ты пошла в констебли?

— Затем же, зачем и половина других рекрутов. Через несколько лет я стану телохранителем главы района. Им всегда требуются люди с опытом и подготовкой констеблей. Особенно такие, как я, — женщин среди констеблей очень мало. А благородные дамы нуждаются в защите не меньше, чем их мужья и сыновья. Мне останется только назвать свою цену.

— Ого. — Эдеард был удивлен, он никогда не рассматривал службу констеблей как отправную точку для чего-то другого. Тем более для чего-то лучшего. — А кто чувствует себя неловко при мне?

— Ну, для начала Динлей. Он, как и ты, верит в правду и красоту и распространяется об этом намного чаще, чем ты. Но ты сильнее и умнее. Чаэ собирается рекомендовать тебя на должность командира отделения.

— Ты не можешь этого знать.

Кансин улыбнулась. Эдеард вдруг понял, насколько она привлекательна. Из-за формы он всегда упускал это из вида. А ведь, улыбнувшись, она могла затмить красотой многих женщин на этом рынке.

— Хочешь поспорить на деньги? — предложила она.

— Конечно, нет, — притворно возмутился он. — Это было бы противозаконно.

Они оба рассмеялись.

— Вам не нужна уединенная комната? — обернувшись через плечо, спросил Максен. — Я знаю место, где недорого можно снять помещение.

Кансин ответила ему энергичным жестом.

Максен изобразил презрительную гримасу.

— Правду говорят, что можно вывезти девчонку из Сампалока, но Сампалок из девчонки вывести невозможно.

— Засранец, — бросила она.

— Мы в патруле, — прервал их Чаэ. — Что это значит?

— Профессионализм всегда и во всем, — послушно ответили они хором.

— В таком случае не забывайте об этом.

Максен, Кансин и Эдеард весело переглянулись и вслед за сержантом направились к третьему рынку, где торговали ремесленники. Здесь на прилавках разместились мелкие предметы домашней обстановки, украшения, недорогая бижутерия и снадобья алхимиков. Один небольшой ряд был даже отведен для торговли редкими домашними животными. Над всеми прилавками стояли одинаковые навесы — полотняные шестиугольные конусы в оранжевую и белую полоску, с центральными шестами, увитыми орлиной лозой. Под ними было тепло, но от палящего зноя они защищали.

Эдеард прошелся про-взглядом до противоположного берега Главного канала, пересекающего весь город от порта до Окружных каналов, между которыми стоял Дворец-Сад. Напротив квартала Силварум находился район Йисидро, зажатый между задней границей Золотого парка и Нижним Рвом. В этом районе жили послушницы церкви Заступницы.

— Я тебе не помешал? — мысленно спросил он.

«Привет, — прилетел ответ Салраны, искрящийся радостью. Все в порядке. Мы сейчас в саду, высаживаем летние травы. Здесь так красиво».

В придачу к ее радости пришло и изображение. Он увидел обнесенный стеной сад и конические тисы, обрамлявшие засыпанные гравием дорожки. Разноцветная лоза и вьющиеся розы яркими пятнами украшали каменные стены. В центре находилась обширная лужайка — это выглядело необычно для Маккатрана; трава на ней была подстрижена так ровно, что Эдеард не смог определить, какую здесь пасли ген-форму. В конце лужайки стояла снежно-белая статуя Заступницы, почти такая же высокая, как и сами стены. Богиня с улыбкой смотрела на послушниц в бело-голубых одеждах, несущих ивовые корзинки с рассадой трав.

— Чудесно. А почему вы не используете для высадки трав ген-мартышек?

«Ох, Эдеард, тебе следует больше читать учения Заступницы. Цель жизни — в достижении гармонии с окружающим миром. Если во всех своих делах использовать ген-формы, ты воздвигнешь барьер между собой и миром».

— Ладно.

Он считал, что это неразумно, но постарался сдержать эмоции из страха, что Салрана их прочтет. В последние дни она ощущала почти все его мысли.

«Где ты?» — спросила Салрана.

— Мы патрулируем рынки в квартале Силварум.

Он показал ей суетившихся вокруг людей и богатые товарами прилавки.

«Арестовали кого-нибудь из преступников?»

— Нет. Они в ужасе бегут, увидев нас.

«Эдеард, ты грустишь».

— Извини. — Он поймал себя на очередном промахе и поморщился. — Вовсе нет. Просто мне скучно. И, знаешь, я уже жду не дождусь экзаменов Тогда все это закончится. И я стану настоящим констеблем.

«А я с нетерпением жду церемонии выпуска».

— Не думаю, что это будет интересно. Мэр вручит нам темные эполеты вот и все.

«Да, но это будет происходить в Дворце-Саду, там соберутся все стажеры и их родственники тоже придут посмотреть. Нас ждет большое событие, Эдеард, не преуменьшай

его значение».

— Я и не думал. А тебе удастся прийти, как ты думаешь?

«Обязательно. Матушка Галльян одобряет официальные церемонии.

Я уже сказала ей, что ты заканчиваешь стажировку».

— Только не забывай, что экзамены будут нелегкими.

«Ты все сдашь, Эдеард. Я помолюсь Заступнице, чтобы тебе достались простые вопросы».

— Спасибо. А ты сможешь освободиться на эти выходные?

«Не уверена. Главную службу...»

Сердитые крики заставили Эдеарда обернуться. Про-взгляд уловил мысли нескольких человек, переполненные яростью. Раздражение и гнев волнами стали расходиться по рынку.

Под навесами зазвучали громкие крики:

— Держите их!

— Воры! Воры!

— Кавайн ранен.

— Воры на рынке!

Эфир наполнился аналогичными телепатическими посланиями. В мозгу Эдеарда замелькали изображения лиц. Но их было слишком много, чтобы выделить кого-то одного.

При помощи про-взгляда он быстро разобрался в обстановке и определил центр возмущения. Толпа людей расступалась перед бегущими мужчинами, размахивающими руками. В руках у них сверкали длинные металлические ножи, от которых и шарахались окружающие. В эфире к гневу стали примешиваться струйки страха.

— Мы здесь! — крикнул сержант Чаэ. — Констебли! Скорее! С дороги!

Он одновременно телепатировал всем вокруг, чтобы люди дали дорогу его отряду. Чаэ пустился бегом. Эдеард вместе с Максеном и Кансин немедленно бросился за ним.

— В сторону! Расступитесь!

Бойд в замешательстве на мгновение замер, а потом побежал за товарищами. Динлей остался на месте, излучая полную растерянность.

Эдеард бежал изо всех сил, постепенно догоняя Чаэ. Люди, освобождая им путь, бросались врассыпную и прижимались к прилавкам. Визжали женщины, плакали перепуганные дети. Впереди возрастала суматоха, вызванная кражей.

— Помните: действовать заодно, — удивительно спокойным тоном обратился к стажерам Чаэ. — В любом случае вас должно быть минимум двое. Не разделяйтесь. И держите защиту.

Эдеард поднял в небо своего ген-орла, направив его к тому краю рынка, к которому бежали грабители. За пределами сомкнувшихся навесов все улочки были усыпаны розовыми и голубыми лепестками отцветающих саф-вишен. Его про-взгляд по-прежнему следил за преступниками, спешившими покинуть рынок. Их было четверо; трое размахивали ножами, а четвертый нес какой-то ящичек. Эдеард чувствовал, что он наполнен металлом. На прилавках вокруг было выставлено множество ювелирных украшений.

Чаэ, выгашив дубинку, врезался в толпу людей, собравшихся вокруг двух опрокинутых прилавков. На земле лежал мужчина; он громко стонал, и рядом уже собралась лужица крови.

— Заступница! — воскликнул Чаэ. — Разойдитесь, дайте ему воздуха. — Он потянулся за своей аптечкой первой помощи и опустился на колени рядом с лежащим хозяином стола.

— Доктор? — Посыл Чаэ перекрыл гвалт в эфире. — На рынке есть доктор? Здесь ранен человек.

Про–взгляд Эдеарда все еще следил за грабителями.

— Скорее, — крикнул он Максену и Кансин.

— Где они? — крикнул Максен. — Я их потерял.

— Они только что добрались до края рынка. Улица Албарик. Я все еще чувствую их.

Он бросился в погоню, расталкивая собравшихся зевак.

— Эдеард, нет! — крикнул вслед ему Чаэ.

Эдеард чуть не остановился, услышав приказ, но прекратить погоню он не мог. «У нас еще есть шанс их поймать». Это будет их первый настоящий арест. До сих пор, за четыре месяца стажировки, им приходилось лишь убирать с улиц пьяниц и разнимать драки. Ничего похожего на реальную работу констеблей не подворачивалось. Он свернул в узкий проход между прилавками. Максен и Кансин бежали следом.

— Вернитесь! — заорал Чаэ.

Эдеард проигнорировал приказ сержанта, и это вызвало в его крови всплеск грешного ликования.

Торговцы за прилавками подбадривали стажеров громкими криками. Эдеард и Максен телепатическими посылками разгоняли прохожих. Пока все получалось. Расстояние между ними и грабителями постепенно уменьшалось.

Ген–орел Эдеарда парил над улицей Албарик, едва не задевая крыльями цветущие деревья. Четверо преступников тяжело бежали под ним по тротуару по направлению к Главному каналу. Чтобы не привлекать внимания, они спрятали ножи, но и теперь мысли проходящих мимо людей излучали любопытство и беспокойство.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Куда они направляются? — спросила Кансин.

— Похоже, к каналу, — ответил Максен.

Его телепатический посыл переполняло радостное возбуждение.

Эдеард наконец увидел впереди край рынка; за полосатыми шатрами уже виднелась розоватая пелена пропитанных солнцем цветов.

— Ты можешь отыскать поблизости других констеблей? — спросил он.

— Проклятье, я в состоянии только определить, куда бегу, — пожаловался Максен.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила Кансин, не скрывая мрачных сомнений.

— Остановить их, — сказал Эдеард.

«Разве не ясно? Что это с ней?»

— Их больше, чем нас. И у них ножи.

— Я с ними справлюсь, — уверенно бросил он.

Сомнения Кансин пролетели мимо него, словно упавшие с дерева лепестки.

Теперь они быстро приближались к грабителям. По сравнению с многолюдным рынком улица Албарик была почти пустынной, и констебли быстро двигались вперед, прогоняя с пути случайных зазевавшихся прохожих.

Ген–орел взмыл в небо над последним деревом саф–вишни и показал Эдеарду, что улица упирается в набережную Главного канала. Широкий водный путь, разделяющий город на две части, простирался в обе стороны. На западе, в месте пересечения с Внешней Дугой, он образовывал Бирмингемскую заводь, а на востоке раскинулась Верхняя заводь,

объединяющая его с Витым и Рыночным каналами. Между Силварумом и районом Падуа стояло всего два моста — по одному у каждой заводи. Как и большинство мостов в Маккатране, они были узкими и крутыми, и многие люди предпочитали переправляться через канал, достигающий ста пятидесяти футов в ширину, на гондолах. В конце улицы у причала стояло несколько свободных лодок.

— Засек их, — воскликнул Эдеард. — Они только что добежали до конца улицы. — Но его ликование быстро развеялось; четверо преступников протопали по деревянному настилу причала и спрыгнули в поджидавшую их гондолу. Она сильно отличалась от изящных суденышек, скользивших по водным городским протокам, казалась старой и грязной, краска давно облупилась, а навес выгорел под солнцем. Но на корме стояли два гондольера с шестами в руках. — О, Хоньо!

— Что такое? — потребовала объяснений Кансин.

Она покраснела и запыхалась от бега, но не отставала.

— Лодка, — выдохнул Эдеард. — Скорее, мы еще можем их поймать.

Прямо перед ним из роскошного ресторана, каких на улице Албарик было немало, вышла величественная дама в развевающемся черно-белом одеянии, сопровождаемая эскортом молодых горничных. Его посыл освободить дорогу, похоже, не дошел ни до одной из женщин. Он метнулся в сторону, огибая процессию и ругаясь на бегу. Третья рука хлопнула его, словно назойливое насекомое, и Эдеард не удержался от свирепого взгляда.

Ген-орел поднялся по спирали и показал, что облупленная гондола отошла от причала и присоединилась к потоку судов, курсирующих по широкому каналу. Гондольеры, хоть и не утруждали себя ремонтом лодки, но дело свое знали отлично. Работая одновременно двумя шестами, они погнали свою гондолу быстрее всех остальных лодок. Четверо грабителей уселись на скамьях и засмеялись.

Эдеард, Максен и Кансин выбежали на берег канала и проскочили до самых ступеней причала, рискуя свалиться в воду.

— Мерзавцы! — крикнул вслед преступникам Максен.

Один из гондольеров издевательским жестом махнул им шляпой, украшенной зелеными и синими лентами. Гондола уже отошла вниз по течению ярдов на двадцать. Эдеард с мрачной уверенностью понял, что грабители беспрепятственно продолжат свой путь до самого Сампалока, а пострадавший торговец будет разорен.

— Помогите нам, — крикнул он оставшемуся у причала гондольеру. — Помогите их догнать.

Эта гондола сияла на солнце черными лакированными бортами, а навес над ней был вышит алыми птичьими лапками. Эдеард почему-то вдруг понял, что она принадлежит той женщине, которую они обогнали.

— Не могу, парень, — ответил лодочник. — Это личная гондола госпожи Флорелл.

Эдеард прикинул, не столкнётся ли его в канал и не реквизируют ли гондолу, чтобы пуститься в погоню. Но он не имел ни малейшего представления, как работать шестом.

Над водой раздался громкий хохот. Грабители, уже уплывшие на три десятка ярдов, перегибались через борта, сыпали насмешками и размахивали руками. У Эдеарда от такого издевательства заледенела кровь. Он свирепо усмехнулся. Какая-то часть его ярости видимо просочилась наружу. Максен и Кансин отшатнулись. Хохот прекратился.

Эдеард протянул третью руку и вырвал из рук грабителя похищенный ларец. Бандит судорожно схватил воздух, но ящичек уже поднялся над гондолой футов на десять.

Грабители попытались вернуть добычу при помощи своих третьих рук.

— И это все, на что вы способны? — поддразнил их Эдеард.

Их старания даже не ослабили его хватки.

Люди в гондолах в молчании смотрели, как ящичек плавно летит по воздуху и приземляется у ног злорадно улыбающегося Эдеарда. Он скрестил руки на груди и обратился к грабителям:

— Больше не появляйтесь в нашем районе, — отправил он телепатический посыл вслед удаляющейся гондоле. — Никогда.

— Считай, что ты уже сдох, паршивец, — пришел ответ.

Эдеард третьей рукой нажал на корму гондолы, заставив ее опасно качнуться. Но, чтобы ее опрокинуть, было уже слишком далеко, а потом все шестеро поспешно закрылись общим щитом.

Максен, рассмеявшись, сильно хлопнул Эдеарда по плечу.

— Клянусь Заступницей, ты лучший из нас, Эдеард. Самый лучший. Ты видел их рожи?

— Видел, — протянул Эдеард, ехидно улыбаясь.

— Этот день они никогда не забудут, — сказала Кансин. — Великие небеса, Эдеард, ты, верно, испугал их до смерти.

— Будем надеяться. — Он улыбнулся своим друзьям, уверенный, что это происшествие немного укрепило связь между ними. Кружевной зонтик ударил его по руке. — Ой.

Зонтик принадлежал пожилой женщине, которую они обогнали на тротуаре.

— В будущем, молодой человек, вы должны проявлять большее уважение к тем, кто старше вас и занимает более высокое положение, — заявила она Эдеарду. — Вы оттолкнули меня с дороги, когда гнались за кем-то, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Я такого не потерплю.

— Э-э, да, мадам. Простите.

— Госпожа Флорелл! — Ее голос задрожал от возмущения. — И не притворяйтесь, что вы не знаете, кто я такая.

Эдеард услышал за спиной сдавленный смешок Максена.

— Да, госпожа Флорелл.

Она окинула его подозрительным взглядом. Эдеард решил, что на вид она не моложе, чем мастер Соларин.

— Я доложу о вас моему племяннику, — сказала женщина. — В былые времена в констеблях служили достойные люди. Но эти дни прошли. А теперь прочь с моей дороги.

Говоря по правде, он и не стоял у нее на пути, но все же сделал шаг назад. Женщина, шурша необъятной юбкой, прошла мимо и стала спускаться по ступеням на деревянный настил причала. Ее свита поспешила следом. Две горничные одарили его озорными усмешками. А потом вся компания погрузилась в гондолу.

— Видел? — заговорил Максен, обнимая Эдеарда за плечи. — Такова наша награда — почет и уважение от благодарного населения.

— Кто *это*? — простонал Эдеард.

Его вопрос вызвал у Максена очередной приступ смеха.

— Ты действительно не знаешь? — недоверчиво спросила Кансин.

— Нет.

— Помимо всего прочего, это госпожа Флорелл, тетка нашего мэра.

— Ого. Полагаю, такая встреча не сулит нам ничего хорошего, да?

— Верно. В последние сто лет каждый мэр приходится ей каким-то родственником. По существу, она и решает, кого изберет Высший Совет.

Эдеард покачал головой и посмотрел на гондолу. Госпожа Флорелл скрылась под навесом. Гондольер подмигнул ему и отчалил.

— Надо возвращаться, — сказал Эдеард.

Неунывающий Максен нагнулся, чтобы поднять ящик. Ощувив его тяжесть, он оглянулся на Эдеарда.

— Я чувствую, что здесь полным-полно цепочек на шею. Должно быть, золотые.

— Я надеюсь, что с ним все в порядке, — сказал Эдеард.

— С Чаэ? — с некоторым беспокойством спросила Кансин.

— Нет, с пострадавшим торговцем.

— А, да. Наверное.

Высоко над Главным каналом ген-орел парил в потоках нагретого воздуха, не теряя из виду потрепанную гондолу, спешившую к Сампалоку.

Эдеард и его товарищи вернулись на место преступления, когда большая часть людей уже разошлась. Несколько торговцев в отличительных темнозеленых фартуках суетились вокруг поставленных на место прилавков и заново раскладывали товар. Бойд и Динлей помогали закрепить сорванный при нападении навес.

Раненый торговец все еще лежал на земле. Возле него на коленях стояла женщина, а у ее ног виднелся открытый докторский саквояж. Ей помогали двое подмастерьев. Они уже забинтовали грудь мужчины, и женщина, неподвижно замерев и прикрыв глаза, положила руку на повязку. Ее третья рука манипулировала рассеченной плотью, соединяя разорванные сосуды и связки. Утонченное лицо застыло от напряжения. Время от времени женщина негромко отдавала команды своим помощникам, и по ее указанию они задействовали свой телекинез.

Эдеард внимательно смотрел, одновременно пытаясь проследить за ходом процесса и своим про-взглядом. Доктор Сенео никогда не пользовалась для операций третьей рукой, хотя Фахин рассказывал, что во врачебных книгах такая тактика рассматривается.

— Вы трое в порядке? — пришел телепатический посыл от Бойда.

— Конечно, — ответил Максен.

Бойд взглядом указал на сержанта Чаэ, беседующего с группой торговцев.

— Будьте осторожны, — едва слышно прошептал он.

Чаэ направился к ним с искаженным яростью лицом. Его ботинки так тяжело ступали по серо-коричневому тротуару, что Эдеарду показалось, будто они оставляют в твердом покрытии отпечатки. Он и сам не понял, как вышло, что он встал впереди Максена и Кансин.

— Мне кажется, вы получили недвусмысленный приказ, — угрожающе спокойным тоном заговорил Чаэ.

Вся радость Эдеарда от возвращения похищенного ящика мгновенно испарилась. Он и не думал, что Чаэ может так разозлиться. На этот раз сержант даже не пытался скрыть свои чувства.

— Но, сержант...

— Я приказывал вам остановиться или нет?

— Ну, да... Но...

— Значит, вы меня слышали?

Эдеард опустил голову.

— Да, сержант.

— И вы не повиновались. Мало того, вы навлекли угрозу на себя и своих коллег. Вы напали на членов банды, к тому же при оружии. А если бы у них были пистолеты?

— Мы вернули его, — вызывающе заявил Максен.

— Что?

— Мы отняли его у грабителей, — громко объявил Максен.

Он слегка повернулся, чтобы видеть соседних торговцев, и поднял ящик Волна восхищения, выплеснутая людьми на рынке, удивила Эдеарда. И заставила замолчать сержанта Чаэ, хотя он и продолжал сверлить их сердитым взглядом. Максен шагнул к людям, стоящим ближе всех к раненому.

— Вот, — сказал он, демонстрируя ларец.

Один из молодых парней в зеленом фартуке вышел вперед.

— Я Монрол, Кавайн приходится мне дядей. Этот ларец они украли у него. — Он повернул диск замка несколькими уверенными движениями, и крышка поднялась. — Все на месте, — улыбаясь, объявил он и продемонстрировал открытый ящик всему рынку. — Абсолютно все. Они вернули его Констебли вернули похищенное.

Кто-то захлопал в ладоши. Вскоре к нему присоединились все зрители. Послышался пронзительный одобрительный свист, а потом трех констеблей окружили мужчины и женщины в темно-зеленых фартуках. Им пожимали руки и хлопали по спинам. Сияющий Монрол обнял Максена, потом повернулся к Кансин. Эдеард тоже очутился в чьих-то объятиях.

— Спасибо, спасибо, — слышалось со всех сторон.

— Сержант Чаэ, — раздался глубокий бас.

Торговцы замолчали, пропуская вперед Сетерсиса. Пару раз Эдеард видел его, когда Сетерсис жаловался сержанту Чаэ, что патрули констеблей слишком редко посещают рынки. Сетерсис возглавлял ассоциацию торговцев Силварума и благодаря этому входил в состав совета городской торговли что придавало ему почти такой же политический вес, каким обладали мастера гильдий.

— Я правильно понял? — заговорил Сетерсис. — Неужели констебли наконец пришли нам на помощь?

Чаэ заметно смутился.

— На этот раз мы подоспели вовремя. — Яростный блеск в его глазах несколько угас, и на лице появилось почти благодушное выражение. — Я как раз собирался выслушать доклад своих самых отчаянных сотрудников о преследовании.

— Самых отчаянных? — Сетерсис усмехнулся, глядя на троих стажеров. — Да вы еще совсем юнцы, не так ли? Молодцы. Если бы у нас было больше таких парней среди констеблей, мы бы не оказались в нынешнем плачевном положении. Извини, девочка.

— Принято, — любезно ответила Кансин.

— Ну так расскажите же, как прошла погоня. Вам удалось спихнуть этих мерзавцев в канал?

— Нет, сэр, — сказал Эдеард. — Очень жаль, но они ушли на гондоле. Направились в сторону порта.

Его что-то удержало от упоминания о ген-орле, который показывал, что грабители уже миновали Лесную заводь и приближаются к Сампалоку.

— И никто из гондольеров нам не помог, — сердито буркнул Максен. — Хотя мы просили.

— Ха! Да это крысы в человеческом обличье. Но вы все равно отлично справились с работой. Не могу припомнить другого такого случая, когда констебли возвращали похищенные ценности. — Он многозначительно посмотрел на сержанта, и тот обиженно поджал губы. — Примите мою благодарность. Я уверен, остальные торговцы будут более приветливо встречать ваши патрули.

Эдеард понимал, что его лицо расплылось в дурацкой улыбке. Но ему, как и Максену, и Кансин, было все равно. А потом он вдруг увидел Динлея, стоявшего с таким видом, будто умер его близкий родственник.

Вскоре доктор объявила, что Кавайн поправится, и Чаэ приказал патрулю возвращаться в участок. Не говоря больше ни слова, он увел констеблей с рынка. На этот раз мысли сержанта были надежно скрыты, и Эдеард не мог определить, грозят ли им большие неприятности.

Максен обратился к Бойду с узконаправленным посылом, не скрывая его лишь от Эдеарда и Кансин:

«Что тут наговорил Чаэ?»

«Не так уж и много, — так же скрытно ответил Бойд. — Он кричал, чтобы вы вернулись. А когда понял, что вы уже далеко, ограничился помощью пострадавшему торговцу. Мне пришлось зажимать рану руками, чтобы хоть немного остановить кровь. Ее было так много, что я чуть не упал в обморок. Монрол рассказывал, что грабителям пришлось ударить его ножами два раза, прежде чем они смогли отнять ларец. Жаль, что я не побежал с ва но я замешкался в самом начале. Простите».

— Не стоит извиняться, — сказал Эдеард. — Чем больше я об этом дум тем больше убеждаюсь, как глупо поступил. Чаэ был прав.

— Что? — вслух воскликнул Максен.

Он тотчас посмотрел на Чаэ, но сержант, похоже, ничего не заметил.

— Четверо вооруженных ножами бандитов. Шестеро, если считать гондольеров. Нас могли убить, и только по моей вине.

«Мы вернули ящик».

— Повезло. Только и всего. Просто повезло. Сегодня Заступница нам улыбнулась. Завтра она может отвернуться. Нам надо действовать так, как поступают настоящие констебли. Надо работать сообща, одной командой.

Максен разочарованно покачал головой. Эдеард, обернувшись к Кана смущенно пожал плечами.

— Я побежала с тобой, — негромко сказала она. — Меня тоже занесло, так что не стоит обвинять только одного себя.

Эдеард кивнул. Чаэ шагал впереди, все еще ни на кого не глядя. Идущий рядом с ним Динлей старался даже не смотреть на товарищей. Возвращаясь на рынок с отбитым у грабителей ларцом, все трое чувствовали себя победителями; сейчас это ощущение быстро тускнело. Эдеарду хотелось просто повернуться и сбежать из города. Он знал, что в участке его не ждет ничего хорошего.

«Твое настроение совсем не похоже на радость возвращающегося героя», — пришло к нему послание Салраны, смягченное глубоким сочувствием.

Эдеард, подняв глаза к небу, робко улыбнулся.

— Извини. Мы отняли у воров добычу, но ведь мы гнались за головорезами из банды.

«Я знаю! Я все время следила за тобой про-взглядом. Ты был великолепен, Эдеард.

Жаль, что я не пошла в констебли».

— Наш сержант не разделяет твоего восхищения. И, что еще хуже, он прав. Мы поступили неправильно.

«А вы не пробовали так и сказать пострадавшему торговцу?»

— Дело не в этом.

«Нет, в этом, Эдеард. Ты поступил правильно. И не важно, как ты добился успеха. Ты помог человеку. Заступница видела все, и она тобой довольна».

— Иногда надо совершить ошибку... — неслышно прошептал он.

Хорошее настроение частично вернулось, когда он представил, что бы сказал Акиим о нравоучениях и приказах Чаэ. Его суждение было бы кратким, но очень выразительным.

«О чем это ты?» — спросила Салрана.

— Так, ни о чем. Но я тебе благодарен. Сейчас мы вернемся в участок и постараемся разобраться с сержантом.

«Я всегда горжусь тобой, Эдеард. Расскажи мне вечером, чем все закончится».

— Обязательно. Я обещаю.

По возвращении в участок гнев Чаэ немного утих. Эдеард ждал, что сержант начнет кричать на них, как только за патрулем закроются ворота. Но Чаэ с грустным видом остановился, его защита на мгновение соскользнула, и Эдеард успел заметить, как сильно мысли Чаэ пропитаны усталостью.

— В малый зал, — скомандовал Чаэ.

Все послушно зашагали к зданию. Эдеард, пропустив товарищей вперед, немного помедлил у двери.

— Это полностью моя вина, — обратился он к Чаэ. — Я подбил их на погоню. Я не послушался вас и игнорировал тактику.

Несколько мгновений Чаэ внимательно рассматривал его, снова закрыв свои мысли от окружающих.

— Я знаю. А теперь представь, что бы произошло, если бы Сетерсис услышал, как я устраиваю вам разнос?

— Э-э, он, возможно, встал бы на нашу сторону?

— Верно. Парень, тебе пора повзрослеть и понять, как сохраняется равновесие в этом городе. Пойдем, я хочу поговорить со всеми вами.

Чаэ вошел в малый зал, и все констебли встали. Динлей аккуратно отдал честь.

— Отставить, — бросил Чаэ и третьей рукой хлопнул дверь. — Садитесь.

Стажеры недоумевающе переглянулись. Кроме Динлея, который все еще сторонился остальных.

— Итак, что вы можете сказать о своем поступке? — спросил Чаэ.

— Мы нарушили порядок, — осмелилась признаться Кансин.

— Да, нарушили порядок. Но мы спасли жизнь торговца. Отъявленные мерзавцы получили неприятный сюрприз. И похищенное добро возвратилось к его владельцу. Это положительные моменты. Следующие пару недель констебли будут пользоваться на рынках Силварума всеобщим уважением. В этом тоже нет ничего плохого. Я бы сказал, что вы поддержали власть закона. Эдеард?

— Сэр?

— Твой орел проследил за ними до конца?

— Э-э, да, сэр. Я видел, как они добрались до Сампалока и вошли в дом неподалеку от Главного канала. И пока еще не выходили оттуда.

— Итак, нам известен дом, в котором они предположительно живут. И что мы с этим будем делать? Собрать большой отряд и идти их арестовывать?

— Вероятно, нет.

— Почему? Они нарушили закон. Разве преступники не должны предстать перед судом?

— Слишком много усилий из-за мелкого правонарушения, — сказал Максен.

— Верно. Так что, пожалуйста, отзови своего орла.

— Сэр.

Эдеард послал в небо команду и почувствовал, как орел сделал круг, сложил крылья и стремительно понесся к земле. Вскоре замелькали изображения большого канала.

Чаэ неожиданно улыбнулся ему.

— А ты действительно можешь так далеко отправлять телепатический посыл?

— Сэр?

— Все в порядке. Я не сержусь на тебя и ни на кого из вас. Так что расслабьтесь и, ради Защитницы, постарайтесь услышать то, что я вам сейчас скажу. Сегодня вы сделали то, ради чего сюда пришли: вы остановили преступление и защитили жителей города. Это хорошо, это означает, что у вас есть чувство долга и верности друг другу. Официально я руковожу вами еще два месяца, потом вы будете действовать самостоятельно, а я начну учить очередную группу безнадежных юнцов. И моя ответственность за вас на этом закончится. Но до тех пор я попытаюсь вбить в ваши головы понятие о пропорциональности и, возможно, познакомить с основами политики. Давайте-ка об этом подумаем. Бандиты слегка шокированы силой Эдеарда и разъярены до предела, поскольку вернулись с пустыми руками. В следующий раз они постараются сделать так, чтобы вылазка была более удачной. Они предпримут дополнительные меры. Бойд, что бы ты сделал на их месте? Как бы ты застраховался от неудачи?

— Взял бы пистолет?

— Весьма вероятно. Значит, при попытке их задержать патруль констеблей попадет под обстрел.

— Постойте, — воскликнул Эдеард. — Мы не можем допустить, чтобы это нас останавливало. Если мы будем бояться ответных выпадов бандитов, мы ничего не добьемся, и они одержат победу.

— Правильно. И что же из этого следует?

— В следующий раз мы погонимся за ними, но и только, — сказал Максен.

— Хороший вывод. Хотя, говоря откровенно, ваша реакция была почти правильной. Это я повел себя не слишком верно — в основном из-за того, что беспокоился о тех, кто убежал. Есть древний закон природы, который гласит: каждому действию соответствует эквивалентное противодействие. Если эти бандиты среди белого дня явились на рынок и с ножом напали на торговца, значит, они не ожидали реакции констеблей. Они переступили черту. Но это еще не значит, что вы втроем можете гоняться за четырьмя грабителями. С ножами и пистолетом или даже без оружия, они превосходят вас численностью. В этом-то все и дело. Это неправильно. Кроме того, неправильно оставлять без помощи пострадавшего гражданина. Вы не остановились, чтобы ему помочь, хотя должны были. И еще: вы позволили своему инстинкту перевесить мой приказ, а это еще большее преступление,

независимо от того, насколько вы были правы. Моя обязанность — научить вас профессионально реагировать на сложные ситуации, и, похоже, я в этом не преуспел. Сегодня я склонен списать ваши проступки на волнение новичков и общее замешательство. Опыт вам нужен не меньше, чем теория, так что я никого не стану наказывать. Но поймите, такое *не должно* повториться снова. В следующий раз при нарушении закона вы будете действовать согласно уставу. Я понятно объяснил?

— Да, сержант, — хором ответили они.

— Значит, мы понимаем друг друга. Так что можете сегодня вечером отправляться в «Орел Олована», можете напиваться, но завтра утром вы должны явиться в этот зал и усвоить очередную порцию теории. И в нарушение своих привычек хочу вам сказать: пока вы не сдадите выпускные экзамены, вы остаетесь стажерами.

— Я оказался ни на что не годен, — пожаловался Динлей. — Я как будто заледенел. Я ни на что не годен.

Он снова отхлебнул пива.

Эдеард покосился на Максена, но тот только пожал плечами. Они уже час просидели в «Орле Олована», и Динлей продолжал твердить одно и то же. Удивительно, что им вообще удалось вытащить его в это заведение. После того как Чаэ отпустил их из малого зала в участке. Динлей не сказал и десяти слов.

— Ты затормозил на пару секунд, не больше, — сказала Кансин. — Ты ведь был рядом с Чаэ, когда он приказал нам остановиться и помочь раненому. Ты не мог поступить иначе.

— Я должен был послушаться его, как и вы. Я провалился.

— Ох, милосердная Заступница, — пробормотала Кансин и уселась на: вое место. Она пришла сюда в бело-синем платье с оранжевыми цветами. Оно не было ни самым модным из всего, что Эдеард видел в Маккатране, ни даже новым, но на ней выглядело отлично. Короткая стрижка выделяла не среди остальных девушек, носивших длинные волосы по последней моде. Но такая прическа оттеняла ее немного плоский носик и узкие темно-зеленые глаза и была ей к лицу. Даже после нескольких месяцев знакомства Кансин оставалась такой же загадочной, как и в первый день. Хотя Эдеард никогда не думал о ней иначе, чем как о коллеге и хорошем товарище.

— Никто не провалился, — сказал Эдеард. — Сегодня была такая неразбериха... Но ты ведь помог Чаэ с пострадавшим.

— Я впал в ступор, — обреченно повторил Динлей. — Я вас всех подвел. Подвел своих родных. Знаете, они ждут, что через десять лет я стану капитаном участка.

— Давайте еще выпьем, — предложил Максен.

— О да, это решит все проблемы, — едко заметила Кансин.

Максен подмигнул ей, а потом направил заказ телепатическим посылом официантке.

Одним заказом он не ограничился. Эдеард заметил, как девушка покраснела и с показным возмущением усмехнулась в ответ.

«Как он это делает? Дело даже не в словах, а во всех его манерах. И почему я так не могу?»

Эдеард откинулся назад и уставился на приятеля критическим взглядом. Максен сидел на небольшом диванчике в середине между Эвалой и Николар. Обе девушки немного наклонились в его сторону. Они смеялись его шуткам, ахали и хихикали, слушая рассказ о происшествии на рынке, превратившийся в полную волнующих подвигов легенду, которой Эдеард уже не узнавал. Он считал, что Максен, со своими светло-каштановыми волосами и

квадратной челюстью, довольно красив. Его карие глаза постоянно сверкали весельем, граничащим с насмешкой, и это придавало ему особую привлекательность. Сегодня он надел светло-коричневые брюки из мягкой замши, подпоясанные сплетенным из кожаных полосок поясом, и небесно-голубую атласную рубашку, едва видневшуюся из-под темно-зеленого сюртука.

«Я бы никогда не отважился надеть такой яркий костюм, а на нем он смотрится великолепно. Настоящий младший сынок из благородного семейства».

В сравнении с Максеном они все выглядели довольно уныло. Эдеард был вполне доволен своим черным пиджаком, сшитыми на заказ брюками и высокими, до колен, ботинками. Но рядом с Максеном он выглядел нищим приятелем, которого девушки из жалости пытались свести со своей не менее убогой подружкой. По этой причине... Эдеард старался не смотреть на сидящего напротив Бойда, на лице которого застыло выражение полного восторга. Рядом с ним, оживленно болтая о прошедшем дне, сидела Клеменса. Она была примерно такого же роста, как Бойд, да и по весу ему почти не уступала. Эдеард не мог удержаться, чтобы время от времени не смотреть украдкой на чрезвычайно глубокий вырез ее платья, особенно когда она наклонялась вперед, что случалось подозрительно часто.

Официантка принесла поднос с заказанным Максеном пивом. Динлей немедленно потянулся за кружкой, а Эдеард полез в карман за кошельком.

— Э, нет, сейчас моя очередь, — сказал Максен. Его третья рука бросила на поднос несколько монет. — Спасибо, — искренне поблагодарил он официантку.

Девушка улыбнулась ему, а Эвала и Николар прижались еще теснее.

Эдеард вздохнул. «Он к тому же всегда вежлив. Может быть, в этом все дело?»

— Бойд, — громко окликнул товарища Максен. — Прикрой рот, у тебя уже слюни текут.

Бойд щелкнул челюстью, бросил на Максена сердитый взгляд и густо покраснел.

— Не обращай на него внимания, — посоветовала Клеменса. Она положила ладонь ему на щеку, повернула к себе лицом и поцеловала. — Девушкам нравится, когда на них обращают внимание.

Эдеарду показалось, что Бойд от радости вот-вот лишится чувств.

— Надо выйти, — пробормотал Динлей. — Сейчас вернусь.

Он поднялся, покачнулся, но потом зашагал к арочному проходу в задней части бара, где находились туалетные комнатки.

К наличию туалетов на верхних этажах городских зданий Эдеард не сразу смог привыкнуть. Но и ресторан, занимающий сразу несколько этажей, тоже был для него новинку. Как и бледно-оранжевый свет, распространяющийся с потолка, почти такой же яркий, как свет дневного солнца. В первый вечер, когда Эдеард пришел в «Орел Олована», его удивило, что на полу нет соломы. Жизнь в городе была *цивилизованной*. Теплое помещение, огни, простирающиеся за окном до самого моря Лиот, хорошее пиво и приятная компания друзей; все это как-то не вязалось с преступлениями и бандами, омрачающими жизнь горожан.

— Что ты делаешь? — прошипела Кансин, повернувшись к Максену. — Он и так уже много выпил.

— Так лучше для него. Он не буйствует, когда напьется. Еще пару пинт, и он заснет. И проснется только завтра утром, когда ему будет не до грустных раздумий. Нам надо помочь ему пережить сегодняшней вечер.

Кансин явно была с ним не согласна, но не могла подыскать возражений. Она оглянулась на Эдеарда.

— Логично, — признал он.

Максен послал официантке еще один заказ.

— Придется пожертвовать моей печенкой, чтобы помочь Динлею дожить до выпуска, — пожаловалась Кансин.

— Мы, констебли, все заодно, — сказал Эдеард, поднимая кружку. — За упокой наших печенок. Кому они нужны?

Они выпили.

— Не беспокойтесь, — сказал Максен. — Наше пиво разбавлено. А у Динлея в каждой пинте по две стопки водки.

Засмеялась даже Кансин. Она ткнула кружкой в сторону Максена.

— Какой ты...

— Красивый злодей? — продолжил за нее Эдеард, печально глядя на свою кружку.

«И это разбавлено? Ни за что бы не сказал. На вкус то же самое».

— В точку, — воскликнула Кансин.

— Благодарю. — Максен обнял за плечи обеих девушек, притянул к себе и поцеловал — сначала Эвалу, потом Николар.

— Нам придется побеспокоиться не только о сегодняшнем вечере, — сказал Бойд.

— Неужели Бойду стоит переживать за сегодняшний вечер? — спросил Максен у Клеменсы.

Она с вождением посмотрела на Бойда.

— Нет, определенно не стоит. После ваших подвигов вы все в моих глазах настоящие герои. И заслуживаете награды.

— Он стремится реабилитироваться. И никакие слова сержанта Чаэ его не удержат. В следующий раз, как только мы столкнемся с ограблением или дракой, Динлей первым бросится в бой, чтобы задержать плохих парней.

— Я тоже так думаю, — согласился Эдеард.

— Придется нам это учитывать, — сказала Кансин. — Нельзя все время его прикрывать, мы сделаем только хуже. Но мы можем держаться рядом.

— Все за одного, — провозгласил Максен, поднимая кружку. — Всегда и во всем.

— Всегда и во всем, — хором крикнули они.

Эдеард так и не почувствовал воду в пиве.

Четыре ген-мартышки из участка констеблей медленно, словно в похоронной процессии, шли по улице и несли бесчувственного Динлея к его койке в общежитии.

Кансин оглянулась, присматривая за ними.

— Как ты думаешь, с ним все будет в порядке?

— Не совсем, — ответил Эдеард. — Если Максен не пошутил насчет водки, завтра его ждет дьявольское похмелье.

Он тоже оглянулся на мартышек. Их помощь была далеко не идеальным вариантом, но все же лучше, чем если бы тащить Динлея пришлось ему и Кансин. Бойд и Максен остались в таверне с девушками. Наверху там имелись уединенные комнатки, где они оба, несомненно, проведут ночь. Эдеард изо всех сил старался подавить в себе зависть.

— Ох уж этот Максен! — воскликнула Кансин.

— Он не такой уж плохой. Честно говоря, я предпочел бы, чтобы со мной рядом был он,

а не Динлей.

— Я тоже.

— Но ты предпочтительнее, чем они оба.

Выпитое пиво и благоуханный ночной воздух сделали его легкомысленным. Именно поэтому он так и сказал.

Кансин ничего не ответила, и некоторое время они молча шли по длинной, почти пустой улице.

— Сейчас я ни с кем не хочу встречаться, — спустя некоторое время с грустью сказала она. — Я только недавно рассталась с одним человеком. Мы были помолвлены. Но... ничего хорошего не вышло. Ему была нужна обычная хорошенькая девочка, знающая свое место.

— Мне очень жаль. Но я бы сказал, что это его потеря.

— Спасибо, Эдеард.

Они еще немного прошли, глядя, как меняются их тени в ярком оранжевом сиянии наружных стен зданий.

— Я не понимаю, в чем твоя особенность, — негромко заговорила Кансин. — Я не о силе твоей третьей руки. Но ты отличаешься от других. Ты такой, каким я представляла себе сыновей благородных семейств, вернее, какими они были до того, как стали богатыми и толстыми.

— Во мне нет ничего благородного.

— Благородство не в семейных связях, Эдеард, оно рождается внутри. Где была твоя деревня?

— Эшвилль стоял в провинции Рулан.

— Это ничего мне не говорит. Боюсь, все мои познания в географии ограничиваются равниной Игуру.

— Эшвилль далеко отсюда, на самом краю диких лесов. Я покажу тебе на карте, если только смогу найти такую. Нам понадобился целый год, чтобы добраться сюда.

— Покажи его мне.

— Что? Ах, да.

Эдеард сосредоточился, стараясь подыскать воспоминание, правдиво отражающее облик его дома. Он решил, что это весна, когда деревья пробуждаются к жизни, ветер приносит тепло, а небо становится невыносимо ярким. Вместе с другими детьми он выбирался за крепостную стену и поднимался высоко на скалы, откуда смотрел вниз на уютно расположившиеся внизу домики.

Он услышал мягкий вздох и тогда понял, как увлекся воспоминаниями, окрашенными меланхолией.

— Ох, Эдеард, это так красиво. Что же случилось? Почему ты оттуда ушел?

— На деревню напали бандиты, — сдержанно ответил он.

За все время обучения в спальне общежития он ни разу не рассказывал своим товарищам всей правды об Эшвилле. Они лишь узнали, что его родные погибли от рук разбойников.

— Как жаль, — вздохнула Кансин. Она на мгновение ослабила защиту своих мыслей, дав ему ощутить ее сочувствие. — Это было очень страшно?

— Выжили Салрана и я. И еще пять человек.

— О Заступница!

Ее рука сжала его пальцы.

— Не беспокойся. Я давно с этим смирился. Только до сих пор мне не хватает моего мастера, Акиима.

Эмоциональный взрыв, всколыхнувший его разум, был настолько же сильным, насколько и неожиданным. Эдеард искренне верил, что оставил позади свою скорбь. А теперь, едва вызвав воспоминания о бывшем доме, почувствовал себя так, словно все произошло только вчера.

— Тебе надо поговорить с кем-нибудь из матерей Заступницы. Они могут дать хороший совет.

— Да, возможно. — Он снова заставил свои ноги двигаться. — Пойдем. У меня есть предчувствие, что завтра утром Чаэ будет к нам не слишком снисходительным.

Ген-мартышки уложили Динлея на матрас и прикрыли одеялом. Он даже не проснулся, только застонал и немного поворочался. Эдеард не стал утруждать себя тем, чтобы снять с него обувь. Он внезапно почувствовал себя невероятно уставшим и едва смог стащить свои ботинки и брюки. Ген-мартышки еще немного посуетились в спальне, собирая одежду для стирки.

Но, как только он наконец-то лег, растревоженные мысли мгновенно прогнали сон, которого так жаждало тело. Мысленным приказом Эдеард уменьшил яркость осветительной розетки на потолке до звездного мерцания. Городские здания откликались только на эту команду людей. Вскоре затихли и ген-мартышки. Сверху доносился едва слышный шум, обычные звуки ночной смены констеблей. Эдеард так до сих пор и не привык к странным изгибам стен. В Эшвилле при строительстве придерживались прямоугольных форм, и девятиугольный двор гильдии эгг-шейперов уже казался необычным. Здесь, в спальне, овальные ниши были почти замкнутыми комнатами с арочными проемами высотой в два человеческих роста. Эдеарду нравилось представлять эту комнату спальней какого-то аристократа из расы, построившей Маккатран. Возможно, у них было не два пола, как у людей, а больше. Вот почему здесь стояло шесть кроватей. В таком случае здание участка представлялось чем-то более значительным. Эдеард не мог только сообразить, как использовались маленькие помещения, напоминающие соты, где сейчас держали арестованных или хранили инвентарь.

Не успел он об этом подумать, как его про-взгляд устремился вниз, прямо сквозь полупрозрачную серую панораму здания участка. Изображение, казалось, полностью его окружило. На мысль подействовала сила тяжести, и Эдеард, подобно призраку, опустился ниже подвального этажа. Внизу в земле обнаружились трещины; извиваясь, они уходили все глубже и глубже. Некоторые щели были не шире пальца, через другие мог пройти человек. Трещины разветвлялись и пересекались между собой, образуя странный узор, и в рассеянных мыслях Эдеарда представлялись сосудами кровеносной системы в человеческом теле. В некоторых расщелинах он чувствовал воду, а по другим гуляли сильные ветры. Несколько небольших трещин содержали нити фиолетового света, горящего вне изогнутых стенок. Он попытался прикоснуться к ним третьей рукой, но она прошла насквозь.

Его про-взгляд постепенно расширился и при этом слабел. Трещины распространялись от участка констеблей, проходили под улицей, сплетались с обширными филигранными контурами окружающих зданий. Эдеард от изумления открыл рот, а его про-взгляд все ширился и ширился; чем больше он расслаблялся, тем пространнее становилось его восприятие. В мозгу вспыхивали цветные полосы, словно его теневой мир обретал новую структуру. Эдеард больше не ощущал спальню. Сам участок превратился в маленький

светящийся камешек, окруженный огромным завитком многоцветных искр.

«Маккатран».

Эдеард ощутил чудо его мыслей. Погрузился в мелодию, где один такт длился годами, а аккорды, если бы они обрели физическую реальность, могли бы сотрясти землю. Город спал долгим сном гиганта; отчаянная суматоха людей, паразитирующих на его физических оконечностях, его ничуть не беспокоила.

Он был доволен.

Эдеард, наслаждаясь древней безмятежностью, медленно погрузился в ничем не потревоженный сон.

Сколько еще? — спросила Корри–Лин.

Аарон сердито заворчал и проигнорировал ее вопрос. Он находился в тренировочной каюте, предоставленной ему кораблем, испытывал свое отреставрированное тело на гибкость и силу. Поднимал вес, толкал вес, сгибался и поворачивался. По выделению пота измерял выносливость, определял уровень поглощения кислорода новой мышечной тканью, скорость кровяного потока и проводимость нервных окончаний.

— Ты заранее знал, что Кватукс может это сделать, — ныла она. — Так что должен знать, сколько потребуется времени.

Аарон скрипнул зубами; сила тяжести отклонилась от вертикали и увеличилась, заставляя его тянуть рукоятку, зажатую в руке, и одновременно выкручивая тело. Биононики показали, что напряжение сухожилий приближается к критическому уровню.

Терпение Аарона тоже подвергалось критическому испытанию. Они провели на борту «Бестии» пятнадцать часов, и все это время Корри–Лин посвятила выпивке и нытью. Теперь она считала передачу ячейки памяти Иниго для прочтения ужасным предательством и просто неудачной идеей. В общем, глупостью. О чем и не переставала твердить.

— Значит, у него в мозгу появится нечто вроде мини-Иниго?

Аарон взглянул на уровень использования кислорода плечевыми мышцами. Показатели отличались от его собственных лишь на пару десятых процента. Не так уж плохо за пару дней. Лекарства и биононики сделали все, что могли, теперь очередь была за старой доброй физкультурой. Программа соответствующих упражнений поможет довести уровень до нормы примерно за неделю. Он отключил тренажерное оборудование.

— Что-то вроде того, — сказал Аарон.

Корри–Лин, уже не ожидавшая ответа, слегка вздрогнула. Она перевернулась на кушетке и потянулась за кувшином с тасимионовой Маргаритой.

— И когда ты задаешь вопрос мини-Иниго...

— Кватукс озвучивает для нас ответ. Да.

— Какая чушь.

— Посмотрим. — Он стянул футболку и стал изучать свой торс. Защитная пленка начала шелушиться. Кожа под ней была еще слишком нежной, но по крайней мере по цвету почти сравнялась с остальным телом. — Я собираюсь принять душ, — сказал он.

— Ты быстро восстанавливаешься, — насмешливо заметила Корри–Лин. — Хочешь, помогу помыться?

Аарон закатил глаза.

— Нет, спасибо.

Ему начинало казаться, что бегство Иниго не имело никакого отношения ни к Последним Снам, ни к тяжести от преклонения миллиардов людей. «А может, Корри–Лин стала такой после его исчезновения?»

Тренажерный комплекс утонул в переборке, а до появления душевой кабины Аарон успел сбросить шорты и только потом шагнул внутрь. Корри–Лин одобрительно присвистнула. Да, восстановление идет нормально, его член уже поднялся. Но, если Кватукс сумеет определить место, где скрывается упрямый мессия, помощь Корри–Лин будет ему нужнее, чем прежде. Поэтому Аарон понизил температуру спор до минимума и постарался

переключить мысли на другие предметы. К сожалению, при скудости воспоминаний выбор оставался небольшой. Если только странные сны... Скачка верхом... ощущение молодости. Наверное, таким было его детство. Кажется, довольно приятным.

После душа Аарон вместе с Корри–Лин занялся изучением истории странного райеля, согласившегося им помочь. Они приняли во внимание сказанные им накануне слова и послали юз–дублей в унисферу на поиски файлов, касающихся истории планеты Дальняя в период войны против Звездного Странника. К их удивлению, было доступно более миллиона ссылок. На отбор полезной и проверенной информации ушло почти восемь часов. И даже после этого никаких упоминаний о присутствии Кватукса на Дальней обнаружить не удалось.

В бесконечном потоке документов описывалась погоня команды Брэдли Йоханссона за чужаком вплоть до самого его логова. Упоминался и таинственный отряд, посланный на помощь Найджелом Шелдоном. Одним из членов отряда был, конечно, Уилсон Кайм, этот факт вошел во все исторические источники. Как и его отважный полет на гиперглайдере над вершиной Геркуланума, и последующее его спасение лично Найджелом, и предательство Анны, и самопожертвование Оскара Монро. Говорилось и о Пауле Мио, а еще о десантной группе под названием Кошачьи Когти.

— А я и не знала, что Найджел сам послал Кэт на Дальнюю, — воскликнула Корри–Лин. — О чем он только думал?

После обеда и пары нейтрализующих алкоголь аэрозолей она опять обрела способность рассуждать трезво. Некоторые аспекты поисков вызвали у нее неподдельный интерес.

— Он же не мог предвидеть будущее.

В некоторых документах упоминалось, что в преследовании участвовал чужак. Но в то время было уже широко известно об участии в отряде мобайла Боуза. И ни слова не говорилось о райеле. В одном из файлов речь шла о помощи группы барсумианцев, поскольку Йоханссон доставил на Дальнюю их Святой Грааль в области генетики. Но что это было на самом деле, никто не знал.

— Давай попробуем подойти с другой стороны. — предложил Аарон. Он дал задание юз–дублю отыскать файлы, относящиеся к гражданке Содружества по имени Тигрица Панси в период войны.

Портал каюты воспроизвел ее ошеломляющий облик.

— Не может быть, — заявила Корри–Лин.

Аарон тоже с большим недоверием посмотрел на женщину. Она казалась почти безобразной: волосы в ужасном состоянии; некачественное перепрофилирование лица, нарушившее симметрию глаз, носа и губ, и усугубляющий эти промахи макияж; смехотворным образом увеличенная грудь; обтягивающая одежда, какую не будет носить ни одна девчонка старше двадцати лет — а женщине на снимке явно требовалась процедура омоложения.

— Заключила контракт с «Придорожной студией» на Октиере, — прочитала текст Корри–Лин. — Появлялась в значительном числе их, гм, постановок. Покинула студию в последний год войны против Звездного Странника. И больше никакой информации. Ничего: ни адреса в киберсфере какой–либо планеты, ни записей об омоложении, ни свидетельства об утрате тела. Она просто исчезла из поля зрения.

Аарон тряхнул головой и отключил проекцию.

— В то время это было довольно просто. Началась колоссальная миграция с

Утраченных двадцати трех планет, которые завоевали праймы. Затем случился настоящий хаос.

— Совпадение?

— Райели не склонны лгать. Может, Кватукс действительно на ней женился. Она кажется достаточно эмоциональной.

— Я бы охарактеризовала ее иначе, — пробормотала Корри–Лин. — А как она попала на Дальнюю? Планета была отрезана от всего мира несколько десятков лет, пока туда не начали летать космические корабли.

— Вероятно, она была в команде Йоханссона. Не думаю, что это важно.

— Не важно, но интересно. А зачем туда отправился райель?

— Хочешь его об этом спросить?

Она покачала головой.

— Нет, это неудобно.

— Я сам у него поинтересуюсь.

— Не надо. Оставим это.

— Но ты права. Очень интересно. Похоже, полученная мной информация подтверждается. Кватукс помогает людям.

— Он сказал, что помогал раньше. До убийства Тигрицы Панси.

— Совершенного не кем–нибудь, а именно Кэт. Это кого угодно может освободить от зависимости, какой бы приятной и укоренившейся она ни была.

— Да, благодарение Оззи, Паула Мио все–таки изловила ее.

— Угу. И приблизительно через четыре сотни лет мы все сможем порадоваться ее выходу из небытия.

— Брр. Не хотела бы я в тот момент оказаться поблизости.

— Кватукс хорошо знал Паулу Мио, — сказал Аарон. — Интересно, имеет ли для нас значение этот факт.

— С какой стороны?

Он помедлил, спрашивая свое подсознание, но никаких подсказок не получил.

— Не имею понятия.

Интел–центр «Бестии» известил их о вызове Высокого Ангела.

«Прошу приготовиться к телепортации», — сказал им чужак.

— Вот тоска, — пробормотала Корри–Лин, поднимаясь с кушетки. — Как я не люблю эту...

Каюта исчезла. Они снова оказались в большом круглом зале перед Кватуксом.

— ...часть.

Корри–Лин недовольно наморщила носик.

Аарон поклонился Кватуксу: Спасибо, что сделал нам одолжение.

— Не стоит благодарности, — прошептал огромный чужак.

— Твои усилия увенчались успехом?

— Я прожил ранние годы жизни Иниго. В них нет ничего выдающегося.

Аарон смотрел только на Кватукса, избегая взгляда Корри–Лин. Но его геля–частицы уловили всплеск, вызванный в ее мыслях этим высказыванием.

— Тем не менее воспоминания Иниго должны были помочь тебе понять мотивы его поведения.

— Им движет чувство вины.

— Вины?

— Всю жизнь он скрывал свою сущность от всех: от родных, от любимых и врагов.

— Ты имеешь в виду Протекторат?

— Да. Он знал об их постоянном наблюдении. Со временем, изображая обычного человека, он даже стал получать злорадное удовольствие. И это послужило одной из причин его отъезда на станцию «Центурион».

— Хорошо, понимаю. А куда он мог отправиться сейчас, учитывая обстоятельства его дальнейшей жизни?

— На Ханко.

К такому ответу Аарон был абсолютно не готов. Ни в малейшей степени.

— Одну из Вторых сорока семи планет?

— Да.

— Мне известно, что население Анагаски пришло оттуда, но они были вынуждены покинуть планету, потому что после атаки праймов она стала непригодной для жизни. Там ничего не осталось. Совсем ничего.

— Иниго всегда тянуло в мир, который он считал родиной своих предков, — сказал Кватукс. — Не забывайте, что он не принадлежал к обществу Прогрессоров, сложившемуся на Анагаске. Его личность начинала формироваться на Ханко, а одержимость предками возникла из-за раннего расставания с отцом. Подобная травма не проходит бесследно ни для одного ребенка, будь он Высшим или Прогрессором, особенно если он чувствует печаль матери.

— Рана, которой он не давал заживать то ли непреднамеренно, то ли нет.

— Верно. Ханко представлял идеальный выход для того, кто растерян так, как был растерян Иниго. Реальное, но в то же время недостижимое место. Иллюзия, которой не грозит крушение. Он часто совершал пожертвования в благотворительные общества поддержки команд Реставрации. Это говорит о многом. На Анагаске он не был богатым человеком.

— И ты считаешь, что он вернулся туда?

— Если он покинул Воплощенный Сон из-за неуверенности в дальнейшем пути, я с высокой долей вероятности полагаю, что именно это он и сделал. Он Высший, и климат и радиация на него не подействуют.

— В этом предположении слишком много неизвестных.

— Если бы вы имели на руках факты, вас бы здесь не было.

— Прошу прощения. Я ожидал услышать о его бегстве за пределы Содружества или о какой-то тайной политической силе, его прикрывающей. Но Ханко... Теперь понятно, почему его до сих пор никто не отыскал.

— Вы отправитесь туда?

Аарон взглянул на озадаченно моргающую Корри-Лин.

— Да, — ответил он.

— Амбиции и добрые намерения всегда образуют превосходную стартовую площадку, — сказал Ликан. — Потом вам приходится сталкиваться с реальностью, о которой вы и не подозреваете. Вы или приспособливаетесь, становитесь реалистами и отвечаете соответствующим образом, или начинаете барахтаться, пока не потонете под грузом собственных неудач. Мне известно, что присутствующих в этой аудитории нельзя назвать неудачниками. Неудачник просто не смог бы оплатить входной билет. — Он усмехнулся,

услышав сдержанное одобрительное бормотание. — В жизни либо давите вы, либо давят на вас. То же самое и в бизнесе...

Араминта, сидя в третьем ряду от кафедры, окинула взглядом своих коллег-предпринимателей. Можно было подумать, что здесь собрали армию клонов. Энергичные молодые люди, превосходно одетые и тщательно причесанные; старательно внимают словам богатейшего человека планеты, рассказывающего о том, как достичь этого самого богатства. Каждый отчаянно пытается уловить малейший намек на шанс овладеть рынком, мудрое изречение о финансовых тенденциях, об ожидающихся новых законах, о государственных проектах, в которых стоит поучаствовать.

Если они считали, что Шелдонит все это им выложит, их ждет огромное разочарование. Результат предварительного анализа: Ликан — человек безжалостный. Он приехал в Колвин-сити прочитать очередную лекцию на тему «Как я этого добился», чтобы поддержать свой авторитет и популярность, а не ради помощи своим юным соперникам. Лекции шли на пользу бизнесу, а заодно Ликан получал удовольствие от всеобщего восхищения. Вся эта затея наглядно иллюстрировала его любимый лозунг: выигрыш всегда и во всем.

Араминта представила, как разозлился бы Бови, и едва заметно улыбнулась. В окружении истинно верующих в идею подобные мысли граничили со святотатством. Но Бови всегда с недоверием относился к богатым и могущественным. Всех политиков он считал бесполезными и некомпетентными. Всех миллиардеров — развращенными преступниками. Он был одним из только что упомянутых неудачников, но он ей нравился. Ее забавляло, когда самый молодой его вариант, четырнадцатилетний подросток, отчаянно критиковал кабинет министров за социальные программы. Мистер Бови, как каждый самостоятельный предприниматель, искренне ненавидел чиновников и налоги, требуемые не только для продолжения работы, но и для расширения дела. Четырнадцатилетних подростков, по ее глубокому убеждению, не интересовали проблемы взрослых, в первую очередь их мучили беспочвенные страхи и неосуществимые стремления. Она очень хорошо это помнила.

Араминта сочувственно вздохнула. Громче, чем следовало. Взгляд Ликана устремился в ее сторону, но речь не прервалась ни на мгновение. Ее губы самокритично поджались.

Лекция оказалась точно такой, как Араминта и ожидала. Бесконечные рассуждения о целеустремленности, несколько анекдотов, полный набор рекомендаций по размещению капиталов и нескончаемая демонстрация зубов в улыбках во время пауз для аплодисментов или смеха. Араминта даже аплодировала вместе со всеми. В общем-то, стандартный набор фраз, но в этой пустой болтовне попадались крупицы полезной информации. Араминту интересовала молодость Ликана и то, как ему удалось от малого предприятия, как у нее, перейти на уровень корпорации. Согласно Ликану, расширение бизнеса невозможно без риска и готовности предпринимателя к решительным шагам. Наряду с целеустремленностью и тяжелой работой он немало говорил и об уверенности в собственных силах. Араминта представила себе встречу Ликана и Ларила. Вот *это* был бы интересный разговор.

Ликан закончил лекцию и удостоился бурной овации. Вместе со всеми Араминта поднялась со стула и немного похлопала в ладоши. Она-то хотела бы получить более определенные рекомендации, возможно, описание конкретных случаев. Председатель ассоциации малого бизнеса Колвин-сити поблагодарил высокопоставленного гостя и объявил, что в соседнем зале всем участникам предложены освежающие напитки и закуски.

Араминта вышла из аудитории и увидела, что ее собратья, хозяева мелких предприятий, уже собрались небольшими группами и оживленно обсуждают лекцию, поглощая бесплатную выпивку и бутерброды. Из обрывков разговоров по пути к бару она поняла, что в подавляющем большинстве это были владельцы виртуальных компаний. Речь шла о кривых расширения, комбинированном стимулировании сбыта и способах слияния. Проходя мимо мужчин, она ловила на себе их взгляды. Многие приветливо улыбались, а ее юз-дубль даже принял несколько пробных запросов с комплиментами и приглашениями. Юз-дубль не получил команды отвечать — анонимные запросы годятся *только* для подростков. «Если хочешь пригласить меня поужинать, наберись смелости сказать об этом в лицо». Сегодня она выбрала темно-бирюзовое платье, выгодно оттенявшее ее волосы. Откровенно говоря, вырез был немного низковат, а юбка коротковата для деловой встречи, но Араминта стала уже достаточно уверенной в себе, чтобы не беспокоиться об условностях — по крайней мере на таком уровне. В этом ей помогли обретенная независимость и влияние Крессиды.

— Грушевый напиток, — сказала она бармену.

— Интересный выбор.

Она обернулась и увидела стоящего рядом Ликана. Для такого богача он выглядел странно. Лицо казалось слегка отекившим, щеки покраснели, словно он запыхался. И биологический возраст значительно превышал общепринятый уровень — на вид ему было далеко за тридцать. Одежда — явно дорогая — смотрелась так, словно при выборе он руководствовался рекламными объявлениями. Шикарный пиджак из акульей кожи с блеском никак не подходил к фиолетовой рубашке с зеленым шейным платком. А коричневые брюки лучше было бы надевать для работы в саду.

— Вечером мне еще предстоит поработать, — сказала она. — Не хочу терять здравый смысл из-за алкоголя.

— Превосходное чувство меры. Мне это нравится.

— Спасибо, — равнодушно ответила она.

— У меня создалось впечатление, что сегодняшний вечер тебя несколько разочаровал.

Люди вокруг стали поглядывать в их сторону. Голос Ликана звучал так же громко, как и с трибуны, и это характеризовало его как сильную личность.

Араминта, обдумывая ответ, отпила немного из бокала.

— Я надеялась на более детальный анализ, — сказала она.

— Какие именно детали тебя интересуют? Не робей, ты заплатила за билет, ты имеешь право.

— Хорошо. Дано: маленькая успешная компания. Цель: перейти на следующий уровень. Вкладывать в дело всю прибыль и постепенно расширять объем работ — или взять ссуду в банке и перепрыгнуть сразу через несколько ступеней?

— Насколько небольшая компания?

— Одна женщина и несколько роботов.

— Специализация?

— Модернизация недвижимости.

— Хороший выбор для старта. Высокая прибыльность при небольших масштабах. Но имеется определенный потолок, особенно для единственного участника. После первых трех операций должно хватить прибыли на увеличение штата. После чего возможно не ограничиваться одним проектом. И время выбрано превосходно, благодаря Воплощенному Сну недвижимость разбирают, как горячие пирожки.

— Все относительно. При нынешнем спросе и покупать приходится по высокой цене.

— В таком случае предприниматель должен купить целую улицу не самого популярного жилья. Это обойдется дешевле, чем покупать дома по одному, и конечная цена поднимется, поскольку престижной станет вся улица.

— Серьезный шаг.

— Уровень риска, на который ты готова пойти, пропорционален растущему потенциалу. Если ты не решишься, останешься на одном месте. И это определит твою дальнейшую жизнь. Я почему-то думаю, что ты такого не хочешь.

— Вопрос: переход в состояние мультиличности может решить проблему увеличения штата?

— Нет.

— Почему?

— Переход в мультиличность не решает проблему персонала, хотя так может показаться со стороны. Строго говоря, это, скорее, стиль жизни, а не ведения бизнеса. Задумайся, чего ты сумеешь добиться, будучи мультиличностью, чего нельзя достичь при достойном агрессивном управлении. Поскольку ты сегодня пришла меня послушать, значит, ты задумываешься о будущем, задумываешься о большем. Недвижимость может стать фундаментом для корпоративной империи. Крепким фундаментом, у меня до сих пор имеется обширный пакет в этой области. Но, чтобы достичь значительного положения на рынке, ты должна разнообразить свои интересы. Так поступал Шелдон. Свою межзвездную транспортную монополию он использовал как источник средств, чтобы развивать в десятках миров индустриальные, коммерческие и финансовые предприятия.

Во время войны против Звездного Странника он был настоящим Императором Содружества.

— Вы тоже хотите стать императором?

— Да.

Его откровенность немного шокировала Араминту. Она решила, что он намеренно ее провоцирует.

— Почему?

— Потому что только тогда можно делать все, что захочешь. Абсолютная свобода. Разве не к этому все мы стремимся?

— Но с ростом могущества растет и ответственность.

— Так говорят политики, когда уговаривают нас проголосовать. Между политической и финансовой властью есть большое различие, особенно здесь, во Внешних мирах. И это я могу тебе продемонстрировать.

— Каким образом?

— Приезжай в мой дом на весь уик-энд. Ты сама увидишь, чего я достиг. И тогда решишь, хочешь ли ты жить так же.

— А как насчет ваших жен?

Всем было известно, что он старается подражать своему идолу, как в бизнесе, так и в стиле жизни, включая (возможно, и в первую очередь) и гарем.

— А что с ними?

— Они не будут возражать против моего визита?

— Нет. Они составят нам компанию в постели.

«Это мне урок: более откровенного приглашения нельзя и придумать». Она

порадовалась в душе, что сумела удержаться от видимой реакции — не выдала себя ни выражением лица, ни языком тела. В сущности, дала ему понять, что способна ни в чем ему не уступить.

— Я принимаю приглашение, — сказала она таким тоном, словно речь шла об анализе финансового положения.

— Я знал, что не ошибся в тебе, — сказал он.

— В каком смысле?

— Ты уверена в себе и знаешь, чего хочешь. Это опасное сочетание.

— Для кого?

— Для всех остальных. Этим-то ты и привлекаешь людей.

— Тогда — выигрыш всегда и во всем, — пошутила она.

«Алексис Денкен» без труда скользнул в большой шлюз у основания купола райелей. Стена за кормой быстро восстановилась, заслонив звезды. Паула поднялась, тщательно разгладила складки на костюме и выпрямила спину. Высокий Ангел телепортировал ее сразу в личные покои Кватукса. Дома райелей традиционно делились на три секции: общедоступную, жилую и личную. И попасть дальше общедоступного зала мог разве что очень хороший друг хозяина. В этом зале пол был светло-голубого цвета, а потолок, в соответствии с традицией, терялся где-то высоко над головой. Серебристо-серые стены слегка пульсировали, словно по ним струилась вода, но не было слышно ее журчания, и в воздухе не ощущалось влажности. Позади зыбкой поверхности сменялись хрупкие пейзажи незнакомых звезд и галактик. Лишь одно изображение постоянно оставалось четким и неподвижным. Человеческое лицо, прекрасно знакомое Пауле.

Она склонила голову перед восседавшим в центре огромным чужаком.

— Паула, я рад твоему приходу.

— Мы давно не виделись, Кватукс. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Если бы я был человеком, сказал бы, что я в отличной форме

— Я рада.

— Я достиг пятого эшелона Высокого Ангела.

— А сколько их всего?

— Пять.

Паула рассмеялась. Она уже забыла скрытый юмор Кватукса.

— Значит, ты теперь капитан.

— Я удостоился этой чести.

— Прими мои поздравления.

— А ты, Паула? Ты по-прежнему преуспеваешь?

— Я по-прежнему очень занята. Для меня это одно и то же.

— Чего и следовало ожидать. В вашей расе лишь немногие живут в своем теле так долго, как ты.

— И именно поэтому я здесь. Мне нужна информация.

— Совсем как в старое доброе время. Очень интересно.

Паула внимательно посмотрела на чужака, слегка склонив голову набок. Последняя фраза прозвучала немного странно. Все глаза Кватукса по-прежнему были устремлены на нее. В давние времена он никогда не отваживался ее поддразнивать. Но тогда, до самого окончания войны со Звездным Странником, он выглядел настоящей развалиной. Она и сама тоже сильно изменилась.

— Совсем недавно купол райелей посетил корабль «Алини». Не можешь ли ты мне сказать, были на борту эти люди?

Ее юз-дубль воспроизвел изображения Аарона и Корри-Лин.

— Были, — прошептал Кватукс.

— Что они хотели?

— Я полагаю, их миссия была конфиденциальной.

Она окинула своего давнего друга пронизательным взглядом; напрашивающийся вывод был ей не слишком приятен.

— Это ведь ты их принимал, да?

— Да.

По нижнему ярусу щупалец Кватукса пробежала дрожь, что было равносильно краске стыда на лице человека.

— Кватукс, ты прочел воспоминания Иниго?

— Да.

— Почему? — с неподдельной тревогой спросила она. — Я думала, это закончилось несколько столетий назад. Тигрица...

Она не договорила. Ее взгляд приковало к себе изображение за стеной. Глупая беззаботная ухмылка Тигрицы Панси сияла перед ее глазами, свидетельствуя о бездумном счастье женщины.

— Я понимаю, — зашептал райель. — Но могу тебя заверить, это не означает возвращения к моей давней зависимости. Немногие райели отказались бы от возможности исследовать разум Иниго. Паула, в своих снах он видит Бездну. Бездну! Эта мрачная загадка терзает нас так, как люди и представить себе не в силах.

— Хорошо. — Паула провела рукой по волосам, стараясь забыть о личных вопросах, которые затрагивало это расследование. — Ячейка памяти Иниго была похищена из клиники на Анагаске. Почему ты помогал Аарону?

— Я не знал, что воспоминания украдены. Он прибыл на корабле с ультрадвигателем. Подразумевалось, что он представитель правления АНС. Хотя прямо он об этом не говорил. Извини. Боюсь, что меня использовали. Какая глупость, с моей-то стороны. Его обман был почти очевиден.

— Не вини себя. Такое случается и с лучшими из нас. Так что же он хотел узнать?

— Он просил предположить, где Иниго может сейчас скрываться.

— Разумно. И это само по себе любопытно. О твоей бывшей проблеме известно лишь немногим людям. Вероятно, один из них присоединился к фракции. И что же ты ему ответил?

— Я предположил, что Иниго может быть на Ханко.

— Ханко? Но от этого мира остались только радиоактивные развалины. — Она помолчала, обдумывая новую мысль. — Впрочем, если не считать Землю, Ханко — его этническая родина. И все же очень странный выбор.

— Тебе известно, что он Высший от рождения?

— Нет, неизвестно. Об этом не говорилось ни в одном файле. Ты уверен?

Самые крупные щупальца Кватукса взволнованно вздрогнули.

— Я прожил первые сорок лет его жизни, Паула. Через меня ты говоришь с молодым Иниго.

— Если ни я, ни правление АНС ничего не знали, значит, можно не сомневаться, что

знал лишь очень ограниченный круг людей. Но это все меняет. Ничего удивительного, что его до сих пор никто не обнаружил. Личные ресурсы Высшего намного превосходят способности обычных людей.

— Ты отправишься вслед за Аароном и Корри–Лин?

— Еще не знаю. Я не предполагала, что Аарон так близко подобрался к Иниго. Но, даже если тот действительно на Ханко, Аарону потребуется время, чтобы его отыскать. Придется проконсультироваться с правлением АНС. Спасибо за помощь, Кватукс.

— Я всегда рад тебе помочь, Паула. Всегда.

Она уже собралась попросить, чтобы ее телепортировали обратно на корабль, но немного помедлила.

— Кватукс, что думают райели о паломничестве?

— То, что это невероятная глупость. Одно дело — снять барьер вокруг Альфы Дайсона, но такой поступок поднимает ваше упрямство на качественно новый уровень. Почему правление АНС это допускает?

Паула вздохнула.

— Не имею понятия. Люди всегда стремятся лично испытать пределы своих возможностей. Таков инстинкт.

— Глупый инстинкт.

— Мы не настолько стары, как вы. Мы не обладаем расовой мудростью и тем более не чувствуем ответственности.

— Высшие достигли этого уровня.

— Принцип всеобъемлющей ответственности лежит в основе их культуры, но отдельные личности еще далеки от его понимания. А что касается АНС, это интеллектуальный эквивалент первобытной трясины; кто знает, что выползет из нее к концу дня? Я начинаю сомневаться в способности правления АНС поддерживать порядок.

— Ты говоришь всерьез?

— Не знаю, — призналась Паула. — Все это дело меня сильно тревожит. Слишком много людей играют с катастрофически опасными неизвестными. Часть меня, старая часть, приверженная порядку, стремится закрыть проект паломничества. Я считаю его чудовищным безрассудством. С другой, либеральной стороны, я признаю, что все эти люди имеют право искать свое счастье, раз уж Содружество их не устраивает.

— Но, Паула, их «право» искать решение проблем в безупречности Бездны ставит под угрозу всю остальную Галактику. Нельзя позволить им осуществить это право.

— Верно. И все же у нас нет неопровержимых доказательств, что Бездна отреагирует именно так, как утверждаете вы.

Кватукс помолчал, словно ее слова ошеломили его.

— Ты сомневаешься в нас, Паула?

— Люди должны сами во всем убедиться. Такова наша природа, Кватукс.

— Это я понимаю. И мне жаль вас.

— Не стоит впадать в уныние. Даю тебе слово, что я изо всех сил стараюсь разобраться с этой проблемой.

— Ты была и осталась благородной личностью. Я надеюсь на твой успех. Я бы не хотел конфликта между нашими расами.

— Его не будет.

Высокий Ангел телепортировал Паулу обратно в каюту «Алексис Денкен».

Современный космический корабль предоставлял ей всевозможные удобства, совсем как номер в отеле, только с отвратительным видом из окна. Паула выбрала для себя простой стул и вынула из шкафчика гитару. На текущем отрезке жизни она увлеклась музыкой. По мере ослабления генетически заложенных ограничений стал расширяться ее культурный кругозор. Живопись она никогда не могла оценить по достоинству, поскольку в каждой картине искала рациональное содержание. Литература в большей мере удовлетворяла ее запросы, в книгах рассматривались различные проблемы и имелась развязка. Но в последнее время книги редко появлялись в унисфере, современные авторы отдавали предпочтение либретто и сценариям для постановок в области ощущений. Хотя классика ее радовала; единственное, чего она старалась избегать, это детективов и триллеров. А поэзию, как устаревший абсурд, не воспринимала совсем. Зато музыку можно было подобрать для любого настроения и для любых условий. Немалое удовольствие ей доставляло прослушивание самых различных произведений: от оркестровых аранжировок до самодеятельности, от джаза до гея–пес природы, от хорала до звездного танца. «Алексис Денкен» нередко мчался между звездными системами, содрогаясь от музыки Рахманинова, «Пинк Флойд» или «Дили КТС».

Паула села на стул и стала наугад перебирать аккорды, а потом постепенно перешла к «Бродяге» Джонни Кэша. Петь она даже не пыталась; в жизни имеются ограничения, с которыми приходится просто мириться. Вместо этого интел–центр включил в каюте изображение Человека в Черном, и тот начал тихонько подпевать мелодии.

Музыка помогала ей думать.

Она знала, что должна отправляться прямо к Оракуму или даже Ханко, но больше всего ее беспокоили последние слова Кватукса. Казалось, что вся эта ситуация с паломничеством создана специально для того, чтобы испытать ее суждения и объективность.

«Или это возраст заставляет меня впадать в уныние и неуверенность».

Паула оставила струны в покое. Человек в Черном бросил на нее укоризненный взгляд, но она лишь махнула рукой. Интел–центр отключил проекцию.

Юз–дубль Паулы открыл канал связи с Казимиром — человеком, сочувствующим ее положению.

«Чем могу помочь?» — спросил Казимир.

— Я сейчас на Высоком Ангеле. Аарон передал ячейку памяти Иниго Кватуксу. Кто–то знал о пристрастиях нашего общего друга.

«Кватукс прочел воспоминания?»

— О да. Он сказал Аарону, что Иниго может скрываться на Ханко.

«Интересно. Вероятно, именно туда и направляется сейчас «Бестия», он же „Алини“».

— Да.

«Перед самым стартом «Бестии» в звездной системе появился еще один корабль с ультрадвигателем. Командующий флотилией на Высоком Ангеле доложил, что судно некоторое время стояло в кометном поясе, а потом от правилось по горячим следам».

— Неужели такими кораблями обладают все фракции? — возмутилась Паула. — Джастина засекла Экспедитора на Аревало за использованием м-поглотителя.

«Да, она мне говорила. То, что фракции открыто используют подобные технологии, очень важно. Это паломничество вполне может стать причиной раскола человеческой расы».

— И на чью же сторону встанешь ты?

«Флот был создан АНС, чтобы защищать людей от сильных и враждебно настроенных

чужаков. Это я и продолжу делать до тех пор, пока занимаю свою должность. Если АНС предпочтет покинуть физическую реальность, я останусь и позабочусь о том, чтобы защита не ослабевала. Как ты думаешь, это означает встать на чью-то сторону?»

— Нет. Но план хорош.

«Ты собираешься преследовать Аарона?»

— Не сразу. Ты сможешь обеспечить защиту Ханко и Иниго, если он там?

«Я буду наблюдать и информировать тебя о развитии событий, но, как тебе известно, флот не может напрямую вмешиваться во внутренние дела граждан Содружества. Несмотря на масштаб проблемы, внешней угрозой ее назвать нельзя».

Ответ Казимира обескуражил Паулу. Она очень надеялась на его помощь.

— Тысячу лет назад я тоже не отступала от правил. Ничего хорошего из этого не вышло. Ты должен быть более гибким, Казимир.

«На то есть ты и другие представители правления, мне это ни к чему. Вы оперируете полутонами, а я имею дело с белым и черным».

— Такого деления не существует.

«Тем не менее я подчиняюсь законам, нарушать которые не намерен».

— Я понимаю. Просто сделай то, что сможешь.

«Обязательно».

«Бестия» вынырнула из гиперпространства в пяти тысячах километров над экватором Ханко. Исследующие поверхность датчики выдали несколько янтарно-желтых предупреждающих символов и даже пару красных. На поверхности местной звезды было неестественно много пятен, производящих угрожающе плотный солнечный ветер. Непрерывная пелена туч под пурпурным металлическим корпусом корабля отражала белый свет звезды обратно в космос, его однообразное сияние нарушали только вихри полярного сияния, несущиеся в стратосфере. Над атмосферой, намного выше геосинхронной орбиты, поднимались фиолетовые дуги излучения Ван Аллена, бомбардирующие планету высокоактивными частицами. «Бестия» соскользнула на орбиту с большим углом наклона, и ее корпус замерцал от коронных разрядов.

— Добро пожаловать в ад, — пробормотал Аарон, изучая изображения на мониторах.

Сквозь плотный слой туч корабль при помощи радара высокого разрешения, *стандартного радара, магноскана, датчиков квантовых искажений и электромагнитных сенсоров* начал исследовать замерзшую землю внизу. В возникающей на экране картине появилось несколько коммуникационных маячков — единственный признак активности в этом заброшенном мире. С маяков передавались сигналы команды Реставраторов, запрашивающие контакты всех проходящих кораблей.

Корри-Лин мрачно смотрела на портал, а корабль наматывал вокруг планеты виток за витком, собирая детальную информацию о поверхности. Через двенадцать веков после атаки праймов из полярных областей все еще двигались ледники.

— Не могу представить, чтобы это место чем-то привлекло Иниго, — сказала она.

— Ты слышала Кватукса: Иниго привлекала *мысль о родном мире предков*.

— Если бы даже он прилетел сюда, хватило бы одного взгляда, чтобы тотчас повернуть обратно. Здесь же ничего нет.

— Даже сегодня здесь работают команды Реставраторов. — заметил Аарон, указывая на красные огоньки, мерцающие на карте.

Маяки выполняли роль примитивных ретрансляторов единственной сети связи между

континентами.

— Это, должно быть, самое безнадежное дело во всей Галактике, — сказала она.

— Возможно, ты права. Семнадцать из сорока семи Вторых миров уже официально свернули программы Реставрации, а остальные постепенно угасают. Бюджеты урезаются ежегодно. И никто больше не поднимает шума по этому поводу, как было в первые пару столетий после войны.

После десяти витков интел-центр составил подробную карту всей поверхности, лежащей под вечным одеялом облачности. Датчики засекали двадцать три центра плотной электромагнитной активности. Самым большим оказался купол силового поля в центре Каджаани, бывшей столицы мира. Все остальные были не больше чем скоплениями оборудования и зданий, разбросанными по мертвой тундре трех континентов. Термальные датчики сквозь облачность не проникали, и нельзя было определить, есть в этих форпостах люди или нет.

— Понять, там ли он на самом деле, невозможно, — сказал Аарон. — По крайней мере отсюда. Мне даже не рассмотреть, какие корабли стоят под куполом силового поля.

— А чего ты ожидал?

— Ничего другого. Я просто осматриваю территорию перед высадкой, хочу убедиться, что нас не ждут неприятные сюрпризы.

Корри-Лин зябко потерла ладони, словно холод замерзшей планеты уже проник в кабину.

— Какую же легенду ты предложишь на сей раз?

— Нет необходимости что-то выдумывать. Вряд ли у этих людей имеется тяжелое вооружение.

— Значит, просто будешь расстреливать их по одному, пока они не выдадут нам Иниго?

Аарон раздраженно поморщился.

— Мы скажем, что ты разыскиваешь бывшего возлюбленного. Стараясь тебя забыть, он изменил имя и внешний облик, но стало известно, что он здесь. Все очень романтично.

— Я буду выглядеть законченной неудачницей.

— Да что ты? — насмешливо фыркнул он и приказал интел-центру вызвать маяк в Каджаани.

Ответ от защищенной силовым полем базы пришел через несколько минут. Явно удивленный руководитель проекта Реставрации по имени Ансан Пуриллар лично вышел на связь, чтобы дать им разрешение на посадку.

«Бестия» без труда преодолела трехкилометровый слой облачности. Ветер, достигающий скорости двести километров в час, ударил по корпусу почти плотными сгустками серого тумана, а молнии тотчас яростно вцепились в силовое поле. Наконец корабль достиг нижнего края туч и попал в слой чистейшего воздуха и очень низкой температуры. Внизу проявилась унылая картина. Черную промерзшую землю пересекали длинные дюны снега. Растительность отсутствовала, и весь пейзаж был выдержан в монохромном спектре. Над мертвой равниной тянулись длинные грязноватые облака.

— Какой ужас, — грустно воскликнула Корри-Лин.

— Праймы запустили в звезду две «бомбы-вспышки», — сказал Аарон. — Нейтрализовать их у флота был только один шанс — залпом квантовых ракет в корону. Результирующая радиация могла миллион раз убить каждую живую клетку. Атмосфера Ханко поглощала ее, пока не достигла точки насыщения, что вызвало колоссальный шторм,

который, в свою очередь, нагнал столько туч, что планета была отброшена в ледниковый период. И звезда до сих пор не стабилизировалась. В любом случае это уже не имеет значения, радиация полностью уничтожила биосферу. Согласно некоторым данным, в самых глубоких впадинах океана еще сохранилась какая-то жизнь, но больше ничего не осталось. Земля стерильна, как хирургическая палата. Взгляни на уровень излучения — а мы еще только на пятикилометровой высоте.

— Я и не представляла себе масштаб военных действий.

— Праймы стремились полностью нас истребить.

Последние слова дались ему с трудом, причиняя почти физическую боль. Ужасное время. Аарон вздрогнул. «Откуда мне известно, какой была эта война?» Глубинный инстинкт подсказывал, что он не настолько стар.

«Бестия» продолжала спуск сквозь рваные облака нижнего слоя; ее корпус сверкал, словно солнце, распространяя вокруг узкие и длинные щупальца накопленного электричества. Скорость ветра на этой высоте снизилась до ста пятидесяти километров в час, но из-за плотности воздуха устройства инверсной гравитации с трудом удерживали корпус судна в стабильном положении.

Когда корабль вдруг задрожал, Корри-Лин постаралась скрыть свою тревогу. Они попали в полосу облачности, и несущиеся с сумасшедшей скоростью градины врезались в силовое поле. Треск было слышно даже в каюте.

— Ага, теперь понятно, почему здесь не летают никакие капсулы, — пробормотал Аарон.

В области экзорения он видел, как купол меняет коэффициент проницаемости, давая им возможность проскользнуть внутрь. Скорость ветра снизилась до ста километров в час.

За пределами купола от города почти ничего не осталось, хотя в свое время в Каджаани проживало около трех миллионов человек. После нападения праймов силовое поле сдерживало натиск штормов, защищая станцию ККТ, чтобы можно было эвакуировать жителей на Анагаску. Бури на планете набирали силу, растительность уже начала сохнуть и погибать, и выделенные правительством машины доставляли беженцев из отдаленных районов всех континентов. Через семь недель и три дня после того, как премьер-министр планеты первым подал пример, ККТ закрыла червоточину на Ханко. Если здесь кто-то и остался, все контакты с окружающим миром прервались. К тому моменту для поиска людей были приняты все меры, удалось осмотреть все известные поселения и отдаленные фермы.

После ухода человечества силовые барьеры, защищающие города, один за другим стали падать, штормовые ветра обрушились на здания, а наводнения размыли вокруг них почву. Такому яростному натиску не смогли противостоять даже современные сверхпрочные материалы. Постройки начали трескаться и разрушаться. Наступила ледниковая эпоха, дожди сменились снегом, потом пришли льды. Каменистые осыпи скрыли обледеневшие развалины, уничтожив последние признаки обитаемого мира.

«Бестия» миновала силовой барьер и оказалась в тихом и теплом замкнутом пространстве, где располагалась главная база Реставраторов. Купол накрывал значительную часть бывшего городского парка. Землю под защитой силового поля дезактивировали и заново засадили растениями. Здесь, как и прежде, зеленела трава и стояли небольшие аллеи деревьев. Гроздя парящих наверху сфер полифото излучали свет, имитирующий солнечные лучи, по ирригационным трубам поступала чистая вода, в воздухе, вопреки постоянно темному небу и ледящим ветрам снаружи, порхали насекомые и даже птицы.

Корабль приземлился на небольшой забетонированной площадке на краю парка, где стояло всего одно судно — тридцатилетний торговый комби-транспорт с двигателем на непрерывной червоточине, который мог перевозить как людей, так и грузы. Разница между двумя судами была колоссальной: гладкий пурпурный с хромовой отделкой корпус «Бестии» и темно-серый фюзеляж из титаново-карбонового сплава с потускневшими логотипами.

Аарон и Корри-Лин плавно вылетели из шлюза и встали на бетон между пятью приземистыми опорами. Встретить их вышли десять человек — целая толпа по масштабам базы; всем интересно было посмотреть на неожиданных гостей. Во главе делегации стоял Ансан Пуриллар, слегка располневший мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами, в простой темносиней куртке с эмблемой Реставратора на рукаве.

— Приветствую вас, — заговорил он. — И хочу узнать, что привело вас сюда. Не поймите меня превратно, мы рады вас видеть. Но у нас еще никогда не было посетителей. Никогда.

Под его радушной приветливой улыбкой угадывался решительный и твердый характер.

Биононики Аарона провели пассивное сканирование. Директор Пуриллар, как и все его коллеги, оказался обычным Прогрессором. Ни одного Высшего среди них не было.

— Причина довольно деликатная, — сказал Аарон, смущенно усмехнувшись. — Э... Корри...

— Я разыскиваю одного человека, — подхватила она.

Ее низкий скорбный голос, наполнивший местную гая-сферу болью, произвел сильное впечатление на Аарона. И члены делегации мгновенно откликнулись сочувствием и пониманием.

— Мужчину. Йиго. Мы любили друг друга. А потом все кончилось. Это моя вина. Я так глупо себя вела. Не надо было... Я не хотела...

Она убедительно всхлипнула и опустила голову, и Аарон покровительственно обнял ее за плечи.

— Ну, ну, — успокаивал он ее. — Им не обязательно знать детали.

Корри-Лин кивнула и отважно продолжила:

— Он уехал. И я осознала свою ошибку только спустя долгое время. Но я обидела его, сильно обидела. Я разыскивала его три года. Он изменил имя и внешность, но его сестра проговорила, что он отправился сюда.

— Кто же это? — спросил директор Пуриллар.

— Я не знаю. Мне известно только то, что сказала его сестра, что он принял участие в проекте Реставрации. И я не могла не прилететь. Если есть хоть *какой-то* шанс...

— Гм, да, конечно. — Он оглянулся на коллег, но они лишь переглядывались между собой, ожидая, что кто-то признается. Тот самый. Пуриллар жестом обвел группу. — Кто-то кажется вам знакомым?

Корри-Лин с отчаянием покачала головой.

— Нет. Возможно, я его не узнаю. — Она подняла голову. — Йиго, пожалуйста, если ты здесь, прошу тебя, подай мне знак. Я хочу только поговорить. Пожалуйста.

Никто не ответил на ее взгляд.

— Это не обязательно делать при всех, — сказала она. — Подойди ко мне попозже. Я правда, *правда*, очень тоскую по тебе.

Последние слова вызвали в Гая-сфере взрыв неподдельного отчаяния.

— Ну, ладно, — с облегчением вздохнул Пуриллар. — Это можно организовать.

Давайте снова встретимся за ужином.

Люди стали расходиться, старательно сдерживая улыбки. Отойдя на несколько шагов, они разбились на пары и, наклонив головы друг к другу, стали оживленно обсуждать неожиданное событие.

Аарон, сохраняя бесстрастное выражение, посмотрел им вслед. Об их приезде на базе будут разговаривать еще лет двадцать.

Ансан Пуриллар остался стоять перед своими непрошенными гостями, одной рукой в замешательстве почесывая густую шевелюру. Его гея-частицы тоже излучали немалое беспокойство.

— Вы можете остановиться у нас, с тех пор как началась Реставрация, здесь освободилось немало домов. Но, честно говоря, я полагаю, что на вашем корабле будет намного удобнее. — Он с завистью оглянулся на «Бестию». — Наши жилые помещения не обновлялись уже лет сто.

— Вы очень добры, но, конечно, мы останемся на корабле, — ответил Аарон. — Мы не хотим причинять излишнее беспокойство.

— Что вы, напротив, — смущенно сказал Пуриллар. — Ваш приезд благотворно повлияет на моральное состояние людей. Единственное доступное нам развлечение — это сенсорные постановки, но со временем они бледнеют. А тут такая интрига... Романтическое прошлое одного из нас, старых и скучных парней.

— Сколько же времени вы здесь провели? — поинтересовался Аарон.

— Лично я? Скоро отмечу двадцать пять из последних ста тридцати.

Аарон присвистнул.

— Какая целеустремленность! Не могли бы вы назвать ее причину?

Пуриллар поманил их рукой за собой и зашагал по траве.

— Мне уже почти триста лет, так что это лишь небольшая часть моей жизни. И я не против пожертвовать временем, поскольку могу растягивать жизнь, пока не надоест.

— Очень похоже на философию Высших.

— Вероятно. По окончании проекта Реставрации я, возможно, и сам мигрирую в центр. Культура Высших мне вполне подходит.

— Но чем был вызван первый приезд?

— Все довольно просто. Я встретился с одной из Реставрированных. Эта женщина погибла сразу после атаки праймов, ураган застал ее вне силового поля. Спустя семь веков одна из наших команд обнаружила ее тело и извлекла ячейку памяти. Женщина была клонирована в новом теле и продолжила счастливую жизнь на Анагаске. Меня привлекла ее энергия; женщина обзавелась большой семьей и наряду с занятостью в местной общине вела насыщенную деловую жизнь. Мне вдруг подумалось, насколько беднее стал бы мир — мой мир — без нее. И тогда я подписал контракт. А здесь мы сами видим найденных людей: как их извлекают, опознают, определяют ДИК, затем восстанавливают ячейку памяти — вплоть до оживления. Это ни в чем не повинные люди, застигнутые врасплох, не заслуживающие смерти; жертвы отвратительной войны. Можете назвать меня эгоистом, но только представьте себе, какую радость это приносит.

— Трудно вообразить. Похоже, я решусь на финансовое пожертвование, когда вернусь на Анагаску.

Они пересекли травянистую лужайку и подошли к невысоким зданиям. Участники проекта размещались в небольших индивидуальных коттеджах, составляющих пять

аккуратных кругов с общественными зданиями в центре. Аарон заметил открытый плавательный бассейн, несколько лужаек для пикников и даже размеченную спортивную площадку. На данный момент использовались только две группы домов. Он не мог разглядеть, из чего построены коттеджи, настолько густо стены были увиты лианами с продолговатыми коричневыми листьями и золотистыми цветами. Пышные растения составляли разительный контраст с ледяной пустыней за пределами силового поля — и тщательно поддерживаемый контраст, как заметил Аарон: лианы закрывали все стены, но были подстрижены так, чтобы не закрывать окна.

Позади коттеджей располагались современные служебные корпуса. В одном, как объяснил Пуриллар, размещались лаборатории, а в другом находились мастерские и стояло оборудование.

— Здесь все автоматизировано, — сказал он, — но даже нам нужны техники, чтобы время от времени ремонтировать роботов.

— Он мог бы работать техником? — спросил Аарон у Корри–Лин.

— Кто знает? — пренебрежительно ответила она. — Я знаю только, что он здесь. Возможно. В конце концов, это ненадежная ставка.

Аарон даже не взглянул на нее. «Чертова болтушка!» Он умудрился влезть в программу кулинарного процессора и ввести изменения в ее заказы, так что в напитках содержалась только половинная доза алкоголя. Но ее поведение не сильно изменилось.

— Мы со всеми можем встретиться? — спросил Аарон.

— Конечно. Я так думаю. Это ведь гражданский проект. И я вовсе не комиссар полиции. Но я никого не вправе принуждать в случае отказа.

— Если кто–то откажется, можно предположить, что это именно Йиго, не так ли? — заметил Аарон.

— Звучит логично, — согласился директор. — Но вы должны понимать, что всем на планете уже известно о вашем визите и о его причине. У нас не слишком большое общество.

— А сколько здесь работает людей?

— Четыреста двадцать семь, из которых сто восемьдесят человек находятся здесь, на базе. Пятьсот лет назад здесь работали шесть тысяч человек.

— А сколько народу вы восстановили?

— Всего два миллиона и сто тысяч человек, — с гордостью ответил Пуриллар.

Аарон одобрительно свистнул.

— Я и не подозревал.

— Конечно, такая массовость была только в начальные годы. Но с тех пор наша техника значительно улучшилась. К счастью, поскольку даже в этом холоде, помогающем сохранить тела, наш главный враг — энтропия. Входите, я вам все покажу.

Он распахнул дверь лабораторного корпуса.

В первую очередь они осмотрели помещение для обследования. Это была просторная чистая палата с десятью длинными медицинскими столами, вокруг которых висели плайпластиковые манипуляторы с инструментами и сенсорами. На одном из столов лежало недавно обнаруженное тело. При виде его Аарон невольно поморщился. С первого взгляда в темном свертке смятой одежды, испачканном грязью, трудно было признать человека. От конечностей остались лишь продолговатые выступы. Только по прядям волос Аарон определил, где находится голова. Еще через минуту он понял, что тело свернуто в позе эмбриона.

Двое Реставраторов в герметичных белых скафандрах стояли у стола, осматривали тело через круглые шлемы и исследовали каждую трещину в поверхности при помощи щупов-сенсоров. От их движений на стол время от времени сыпались мелкие льдинки, которые тотчас убирал вакуумный насос.

— Мы поддерживаем здесь ту же температуру, что и снаружи, — сказал Пуриллар. — Любое нарушение условий может привести к катастрофе. По той же причине приходится соблюдать полную стерильность.

— Зачем? — спросила Корри-Лин.

— Радиация убила жизнь на Ханко вплоть до микробов. Это еще один фактор, помогающий сохранить останки. Если же сюда проникнут какие-нибудь организмы, у них начнется настоящий пир, а нам останется только слизь.

— А сейчас необходимо соблюдать предельную осторожность, — заметил Аарон.

— Верно. Это тело почти не пострадало. Обычно мы имеем дело с фрагментами.

— А вы не пользуетесь стабилизирующим полем?

— Нет, если без этого можно обойтись. Мы обнаружили, что стабилизатор пагубно влияет на ячейки памяти. Не забывайте, в те времена в Содружестве еще использовались кристаллические матрицы. В самом начале мы теряли до десяти процентов информации.

— Должно быть, нелегко извлекать эти ячейки.

— Мы даже не пытаемся. Как только мы получаем достаточное количество образцов ДНК, чтобы восстановить полный геном, мы запускаем в кристалл нитевидные инфильтраторы. И даже это довольно рискованная операция. Активировать ячейку памяти после столь долгого бездействия недопустимо. Она должна прочитываться в пассивном состоянии, то есть по одному молекулярному слою зараз. Прочтение каждого слоя занимает около девяти месяцев.

— А я думал, что кристаллические ячейки более долговечны.

— Даже тогда они изготавливались с огромным запасом прочности. Но подумайте, что с ними стало за двенадцать столетий. Это не пошло им на пользу.

— А кто он? — спросила Корри-Лин.

— Это женщина. Мы считаем, что ее звали Аэва Сондлин. Мы можем уточнить, когда прочтем ее геном, но местонахождение тела подтверждает догадку.

— Местонахождение?

— Ее обнаружили в четырех километрах от машины. Это было не так уж трудно. Смыта потоком при наводнении. Из архивов нам известно, что она жила в доме выше уровня паводка. Мы полагаем, что она пыталась добраться до ближайшего города, когда разразился шторм. В городе находился правительственный эвакуопункт, и она известила власти о своем приезде. Но не приехала. Ей помешал то ли ветер, то ли вода. Может, когда-нибудь она нам об этом расскажет.

— Вы знали, что она пропала?

— Да. Конечно, записи того времени далеки от совершенства, но надо учитывать обстоятельства. Но у нас имеются данные переписи всех, кто прибыл на Анагаску. Наша работа в том и заключается, чтобы выяснить, что стало с теми людьми, которые числятся пропавшими. Каждый случай приходится расследовать по отдельности. Что касается Аэвы, мы разыскивали ее в течение семидесяти лет.

— Вы шутите, — воскликнул Аарон.

— Уверю вас, это вполне серьезно.

— Простите, но семьдесят лет?..

— Сначала мы восстановили ее предполагаемый маршрут, потом выбрали наиболее опасные участки и начали прочесывать их при помощи роботов. Как и все остальное оборудование, роботы за прошедшие столетия стали значительно лучше. Большинство из них имеют функцию проходчика и бурят слои снега, льда и почвы. Колоссальные бури сместили такие массы верхнего слоя, что изменилась вся топология континентов, а потом все это превратилось в вечную мерзлоту. Девяносто девять процентов людей, обнаруженных в последнее время, были погребены под слоем земли. Так что роботы ведут поиски в очень неблагоприятных условиях даже для этого мира. В начале Реставрации в проекте участвовало в общей сложности четыреста пятьдесят миллионов человек. Сейчас активные поиски ведут одиннадцать миллионов. Они продвигаются не слишком быстро, но тем не менее результаты есть.

— А сколько человек вы еще надеетесь разыскать?

— Треть миллиона. Но шансы невелики. Большая часть жертв была смыта в море. — Он показал на темную глыбу на столе. — Машину Аэвы унесло на сорок семь километров от дороги, и это еще легкая находка, хотя поверх нее был толстый слой нанесенной почвы. Настойчивость все же приносит свои плоды. Даже сейчас мы находим около двадцати тел за год.

Они перешли в помещение, где проводился анализ ДНК. На взгляд Аарона, это был обычный кабинет с пятью мощными интел-центрами. ДНК человека быстро разлагается даже в обычных условиях; после двенадцати веков на Ханко оставались только отдельные фрагменты. Но в телах содержалось множество клеток, и в каждой фрагменты были разные. Определенная технология и высокопродуктивные компьютеры позволяли составлять из них полную последовательность. После ее получения можно было использовать семейные архивы. В подавляющем большинстве случаев полные данные о ДНК обнаруживались в клиниках. А после окончательной идентификации оставалось только вырастить клон для оживления.

— Но не здесь, — сказал Пуриллар. — Этим занимаются клиники на Анагаске. В конце концов, кому было бы приятно очнуться в таком мире? У людей и так появляется масса забот, в первую очередь о своем будущем. Очень многим приходится обращаться к помощи специальных консультантов.

— Жизнь настолько изменилась?

— Не так уж сильно. И большинство людей погибали, надеясь на оживление. Их потрясает в основном то, сколько времени прошло. У них не осталось ни родных, ни друзей. После пробуждения они испытывают острое одиночество.

После кабинета анализа ДНК шла комната восстановления памяти, где специалисты пытались прочитать информацию, сохранившуюся в ячейках. Процесс был на порядок сложнее, чем определение ДНК.

Исторический архив: для людей, которых не удалось идентифицировать. Все гражданские записи Ханко, воспоминания тех, кто потерял родственников, протоколы эвакуационных команд. И даже списки тех, кто мог посетить Ханко во время нападения. И межзвездный список всех когда-либо пропавших.

Специальные лаборатории анализа молекулярных структур: идентификация разнообразнейших ничтожных фрагментов, найденных роботами в промерзшей почве Ханко. Соответствие частиц краски определенной марке автомобиля. Сортировка обрывков одежды

по изготовителям, торговым сетям, банковским переводам. Ювелирные украшения. Даже домашние питомцы. Длиннейший список неизвестных предметов, возможно, принадлежавших еще какому-то труп.

Еще одно хранилище. Файлы на каждого, кто, как уже известно, пропал во время атаки праймов.

Операционный центр, поддерживающий связь с роботами и удаленными командами, ведущими раскопки в тяжелейших условиях.

В течение двух часов гости встретились со всеми, кто находился в здании. Никто не отреагировал на появление Корри-Лин, и никто не пытался уклониться от встречи. Аарон потихоньку сканировал всех. Наличия биоников не было обнаружено.

— На базе есть еще несколько человек, — сказал Пуриллар. — Вы можете встретиться с ними вечером в столовой. Мы предпочитаем собираться за ужином.

— А если его здесь нет? — спросил Аарон.

— Очень жаль, но я вряд ли смогу помочь чем-то еще.

Директор неловко покосился на Корри-Лин.

— А мы сможем посетить удаленные станции? — спросила она.

— Если он здесь, он уже знает о вашем приезде. И позвонил бы, воспользовавшись коммуникационным маяком. Я думаю, он не хочет с вами встречаться.

— Увидев меня перед собой, он может изменить свое намерение, — возразила Корри-Лин. — Прошу вас.

Волны ее печали, захлестнувшие Гейя-сферу, уже вызывали раздражение.

Директор явно расстроился.

— Если вы хотите отправиться наружу, я не смогу вам воспрепятствовать, официально мы все еще в свободном мире Содружества. Вы вольны поступать, как вам угодно. Но я бы этого не советовал.

— Почему? — спросил Аарон.

— У вас прекрасный корабль, но даже на нем трудно маневрировать над самой поверхностью. Капсулы невозможно использовать из-за сильных ветров, да и насыщенность атмосферы энергией слишком высока. Оба случая, когда мы поднимали наш корабль ради спасательных операций, едва не закончились катастрофой. Мы прервали обе попытки и были вынуждены оживлять членов команды.

— У моего корабля отличное силовое поле.

— Я не сомневаюсь. Но расширение силового поля ничего не даст, вы только создадите большую парусность. Здесь, внизу, самое опасное — это шторма. В воздухе вы можете рассчитывать только на ту стабильность, которую вам обеспечивают двигатели.

Аарону это не понравилось. «Бестия» обладала наилучшей защитой из существующих. *В нормальных обстоятельствах.* Он не мог не вспомнить, как тяжело работали реграв-узлы во время спуска к куполу базы, а эта цель была не маленькой.

— Как же добиваются на места ваши команды? — спросил он.

— Наземными гусеничными машинами. Каждая из них весит три тонны. Скорость у них не большая, но они надежны.

— Можно мы позаимствуем одну из них? У вас, вероятно, найдется что-то в запасе? Вы же говорили, что раньше персонала было намного больше. Нас устроит и старая машина.

— Вне базы работают больше двух десятков команд. Половина из них находятся на иных континентах. Чтобы добраться до других участков суши, мы пользуемся полярными

сегментами. У вас на объезд всех объектов уйдет целый год.

— Ну, мы бы хотя бы начали. Если Йиго узнает, что мы не ограничились базой, он поймет, что рано или поздно встретится со мной. Это может подтолкнуть его к контакту.

Пуриллар от волнения потер пальцами лоб.

— Это будет самая необычная аренда во всем Содружестве. Но я не могу найти никаких возражений.

— Я все понимаю. И благодарна вам.

После ужина Аарон и Корри–Лин отправились во второй ангар, чтобы осмотреть гусеничный вездеход, весьма неохотно предоставленный им Пурилларом. Парящие наверху светильники уменьшили яркость до мягких сумерек. Но молнии, сверкавшие за пределами силового поля, портили весь эффект.

— Его не было в столовой? — спросила Корри–Лин.

— Нет. Я уже просканировал всех обитателей базы. Ни у кого из них нет бионоников. Хотя кое у кого замечены весьма необычные приспособления. Здесь все не так спокойно, как утверждает наш директор.

— Ты всегда осуждаешь людей, да?

— Как раз напротив. Мне нет дела, чем они занимаются друг с другом в своих коттеджах. Я просто должен убедиться, что нам ничто не угрожает.

Малметаллическая дверь одиннадцатого бокса отошла в сторону, и за ней показался вездеход. Простой клиновидный корпус покоился на четырех низких гусеницах. На фоне ярко–оранжевого кузова глубокими пробойнами темнели узкие прорезы окошек. Генераторы силового поля скрывались под округлыми выпуклостями в верхней части машины, а похожие на крабов вспомогательные роботы цеплялись за наружную поверхность, словно детеныши сумчатого животного. Аарон, проверив внутренние системы, убедился, что в машине заложены функции самовосстановления. Третий грузового отсека занимали запасные узлы и устройства.

— В этой машине мы не пропадем, — сказал он Корри–Лин. — Ее поведет автоматика, а нам останется только говорить, куда мы хотим попасть.

— Все–таки собираешься ехать? Знаешь, Пуриллар прав. Если бы Иниго был здесь, он бы уже знал, что я его ищу. Он бы связался с нами. По крайней мере со мной.

— Правда?

— Ой, прекрати. — Она сердито нахмурилась. — Перестань.

— Возможно, он не так сильно скучает, как ты. Не забывай, ведь это он предпочел скрыться.

— Да пошел ты!

— Не стоит закрывать глаза на очевидные факты. Мне надо, чтобы ты действовала эффективно.

— Эффективно, — фыркнула она. — Так вот, я на это не способна. И когда мы его найдем, я сразу скажу, чтобы он не помогал тебе, псих ненормальный.

— Я от тебя ничего другого и не ожидал.

Она сердито сверкнула глазами, но не ушла. Аарон незаметно усмехнулся.

— Если он здесь, паломничество начнется задолго до того, как мы его отыщем, — мрачно заметила она.

— Не обязательно. У нас есть преимущество, позволяющее сузить область поисков. Нам известно, что он Высший.

— И чем это нам поможет?

Наряду с презрением в ее голосе прозвучали и нотки любопытства.

— Функция сканирующего поля в этих условиях должна быть очень полезной. Она помогла бы обнаружить погребенные в почве тела. Я могу заметить аномалии в нескольких сотнях метров. В твердой породе оперировать немного сложнее, но проникающая способность все же распространяется на значительное расстояние.

— Если он здесь, он добивается больших успехов по сравнению с остальными, — сказала она.

— На результаты влияют и другие факторы. Например, чтобы точно определить, где находится пропавший человек, нужно пристально изучить его личное дело. Но — да. Логично предположить, что Иниго работает в команде, добившейся наилучших результатов.

— И такая есть?

— Есть. Моему юз-дублю даже не пришлось ничего взламывать. Служебные файлы находятся в свободном доступе. Группа, в настоящий момент показывающая наивысшие результаты, работает в провинции Олхава. На этом континенте. Если мы отправимся в путь, мы будем там через сорок восемь часов.

Оскар Монро влюбился в дом с первого взгляда. Это был простой цилиндр с высокой стеклянной стеной между полом и потолком, стоящий в пяти метрах от земли на центральной опоре, внутри которой проходила винтовая лестница. Крыша и основание состояли из искусственного камня, имитирующего белый гранит. В голубоватом свете солнца Оракума он сиял, словно горный снег. Окрестные земли напоминали огромный старый заброшенный парк с заросшими густой травой дорожками, рядами декоративных деревьев, парой озер и небольшим водопадом между ними. Атмосферу старины создавали и несколько спрятанных в укромных уголках кирпичных строений в эллинском стиле, местами покрытых мхом и увитых цветущими лианами. За садом неустанно ухаживали несколько десятков роботов.

Он прожил здесь уже девятнадцать лет. В это прекрасное место было приятно возвращаться после летней смены, чтобы избавиться от стресса и отдохнуть от политической чепухи — и то и другое неизбежно сопутствовало любой работе в компании. Оскар водил космические корабли процветающей коммерческой корпорации Оракума, обслуживающей маршруты в двадцать Внешних миров. После оживления он не искал иного занятия, кроме пилотирования.

Пробуждение в клинике стало для него настоящим потрясением. Последним, что он помнил, было намеренное столкновение его гиперглайдера с точно такой же машиной, управляемой Анной Кайм. Спасение Содружества — это хорошо. Убийство жены лучшего друга — намного хуже. Без Анны, которая угрожала их миссии, Уилсон Кайм должен был беспрепятственно завершить полет, игравший решающую роль в войне против Звездного Странника. Момент перед столкновением, момент абсолютной искренности Оскар помнил очень хорошо. Он и не ожидал, что кто-то будет восстанавливать его ячейку памяти после того, как он признался, что в юности принимал участие в политическом теракте, ставшем причиной гибели четырехсот восьми человек. Третью часть из них составляли люди без ячеек памяти, в основном дети, еще не имеющие вставок. Тот факт, что никто не собирался этого делать, что люди погибли по ошибке и мятежники просто ударили не по той цели, никогда не принимался во внимание. Но похоже, что последующая служба Оскара Содружеству и финальная жертва для суда что-то значили. Он надеялся, что Уилсон по

старой дружбе оплатил услуги хорошего адвоката.

«Похоже, что мы выиграли эту войну», — были его первые слова после пробуждения.

Его голос звучал совсем как раньше.

Над ним возникло молодое улыбающееся лицо доктора.

«С возвращением, мистер Яохуэй».

«Зовите меня Оскаром. Это имя я носил дольше, чем предыдущее».

Под именем Оскар Монро он скрывался больше сорока лет.

«Как пожелаете».

Оскар сумел приподняться на локтях, и это его удивило. Он несколько раз видел оживленных клонов — жалкие создания со скудной плотью, едва скрывающей кости, и органами, искусственно доведенными до состояния зрелости. Несчастные месяцами не могли пошевелиться, пока наращивалась мускульная масса. А его тело казалось вполне оформленным. Значит, техника оживления заметно улучшилась. За время войны было утрачено множество тел — по меньшей мере десятки миллионов. Наверное, Оскара оставили ждать конца очереди.

«Как долго?»

«Прошу меня понять, э-э, Оскар, но вы были осуждены за ваше, гм, давнее правонарушение. Этот процесс, учитывая ваше состояние, создал новые прецеденты».

«Какой процесс? Какое состояние? Я же был мертв».

— Вы перенесли утрату тела. Ваша ячейка памяти уцелела в катастрофе — согласно законам Содружества, ваша личность сохранилась. Это и было использовано Паулой Мио.

«Угу. — Оскаром неожиданно овладели дурные предчувствия. — Меня восстановила Паула?»

«Да. Вас и Анну Кайм. Она доставила вас обоих на Землю».

«Но Анна была агентом Звездного Странника».

«Верно. По условиям объявленной амнистии, изменения, произведенные Звездным Странником, были стерты из ее памяти, и ее оживили как нормальную женщину. Скорее всего, ей суждена долгая жизнь и счастливый брак с Уилсоном Каймом. Во всяком случае, она вместе с ним участвовала в облете Галактики на «Исследователе»».

Плечи Оскара быстро устали, и он осел на матрас.

«Как долго?» — настойчиво повторил он.

«Вас признали виновным. Служба в составе флота была учтена при вынесении приговора в качестве смягчающего обстоятельства, но она не могла компенсировать гибель всех людей на станции Абадана. Суд приговорил вас к погружению в небытие. Но, поскольку клиники Содружества не справлялись с потоком ни в чем не виновных жертв войны, вам было позволено оставаться в прежнем состоянии без оживления до окончания срока».

«Как долго?» — прошептал Оскар.

«Вас приговорили к тысяче ста годам небытия».

«Ничего себе!»

Он остался в полном одиночестве — наказание, возможно, более тяжкое, чем небытие. В конце концов, он же не ощущал хода времени в течение этого тысячелетия и не мог обдумывать свою жизнь и раскаиваться в преступлении. А нынешний мир оказался другим. Все, кого знал Оскар, либо умерли, либо мигрировали во внутренний мир — странная фраза, благопристойное название для эвтаназии с гарантией безопасности. Может, в этом и

заклучался смысл вынесенного приговора. В любом случае он оказался довольно жестоким.

Оскар Монро, оставшись без друзей и родных, обладая знаниями и навыками, которые могли заинтересовать только музейных работников, был вынужден начинать жизнь с самого начала.

Вполне понятно, что на флот его не приняли. Он объяснил, что не настаивает на службе во флотилии сдерживания и согласен на переподготовку для пилотирования кораблей исследовательского подразделения. Ему снова отказали.

Раньше, до войны против Звездного Странника, он работал в исследовательском отделе ККТ. Открытие новых планет, предоставление людям новых шансов стало для него чем-то вроде личного искупления. Кроме того, эта работа доставляла ему удовольствие. Оскар начал новую жизнь с подготовки к пилотированию космических кораблей. К счастью, в двигателях с непрерывными червоточинами использовались те же принципы и теории, которые он усвоил в прежней жизни, и Оскар довольно быстро привык к современным технологиям.

«Солар Стар» на Оракуме была третьим местом, где он стал работать после оживления. Она ничем не отличалась от других транспортных компаний, предоставлявших перевозки на космических кораблях. Откровенно говоря, она была даже меньше многих. Оракум, расположенный на краю Великого Содружества, заселили две сотни лет назад, но благодаря своему положению этот мир был первым кандидатом для отправки исследовательских экспедиций и открытия новых миров. Впрочем, случались они все реже и реже. Силами флота все звездные системы по соседству с Внешними мирами были уже отмечены на картах. Освоение новых планет переживало свой исторический минимум. Граница между Центральными и Внешними мирами за последние столетия почти не изменилась. Давнее утверждение, что цивилизация Высших всегда будет расширяться, а впереди нее пойдет волна обычного населения, оказалось явным заблуждением. С началом внутренней миграции численность Высших оставалась практически неизменной. Внешние миры предоставляли на выбор людям любые типы общества в отношении этнического состава, технологии или религии. Если кто-то из граждан Содружества чувствовал себя ущемленным в правах в родном мире, ему стоило лишь совершить коммерческий перелет в любое другое место. Искать новые миры в настоящее время просто не было причин.

За девятнадцать лет, что Оскар провел на Оракуме, Содружество организовало всего три разведывательных полета. Два из них оказались короче, чем дальние торговые маршруты. Вряд ли это можно было назвать расширением границ. Но к тому времени у Оскара имелся приличный стаж. Если возникнет необходимость в других экспедициях, его наверняка выберут первым. Как и все пилоты, он был неисправимым оптимистом.

Когда он сдавал отчет о полете в одном из офисов компании, никаких признаков долгожданной миссии не увидел. Оскар только что вернулся из продолжительного полета к Трояну, расположенному в семидесяти световых годах, — пятнадцати часов, в течение которых ему было нечем заняться, кроме как беседовать с интел-центром да прочесывать унисферу в поисках чего-нибудь интересного. Он не сомневался, что однажды — и довольно скоро — люди откажутся от пилотов. Он и так занимает место в передней части корабля только для видимости. В пассажирской каюте вполне может быть тот, кто разбирается в устройстве корабля лучше, чем Оскар. Хотя до сих пор необходимости в ремонте не возникало. И вряд ли таковая возникнет.

По крайней мере Оскару предоставляется возможность посещать далекие планеты. Одни и те же. Раз за разом.

Его антиграв-капсула вынырнула из дымки легких облаков, по плавной дуге обогнула дом и приземлилась на траву рядом с группой величественных деревьев ранката высотой почти двадцать метров, с красновато-коричневыми узкими листьями, шелестевшими под слабым ветерком. Оскар выбрался из машины и вдохнул теплый, насыщенный цветочными ароматами воздух. До самого горизонта на неиспользуемых землях Оракума пышным ковром почти круглый год цвели дикие колосовидные цветы. Еще одной причиной поселиться здесь стал благодатный климат.

Из-под дома вышел Джесарал. На привлекательном лице юноши не было приветственной улыбки, но при виде Оскара он явно почувствовал облегчение. На его загорелом теле, от одного только вида которого у Оскара всегда немного быстрее начинала бежать кровь, были только белые шорты до колен. Джесаралу, самому молодому из его спутников жизни, едва исполнилось двадцать. По этой причине, полагал Оскар, его самого можно было считать наибольшим подлецом во всей Галактике. Разница в возрасте в тысячу с лишним лет — ужасный грех.

Парень широко развел руки и заключил Оскара в крепкие объятия, сопровождаемые долгим страстным поцелуем. Гея-сфера наполнилась его ничем не сдерживаемым энтузиазмом.

— Что произошло? — спросил Оскар.

— Они, — только и ответил Джесарал, обвиняющим жестом тыча большим пальцем на дом.

Оскар сдержал вздох. Он и двое его других партнеров, Дашику и Аня, составляли постоянное трио уже больше десяти лет. Обоим перевалило за сотню лет, и они прекрасно уживались друг с другом. В этом возрасте они отлично понимали, что ради прочных отношений иногда приходится идти на компромиссы. Возможно, именно потому новичку, который не обладал ни их опытом, ни уступчивостью, было так трудно вписаться в общую жизнь. И, вероятно, потому он так волновал Оскара, как в постели, так и вне ее.

— Что же они сделали?

— Это сюрприз для тебя. А я знаю, что ты ненавидишь сюрпризы.

— Не всегда, — заверил его Оскар. — Зависит от того, хороший он или плохой. Какой на этот раз?

— О нет. Я только говорю, что тебя ждет сюрприз. Я просто не хочу, чтобы ты расстроился, вот и все.

Оскар связался с домашней сетью посредством макроклеточного пакета. Что бы там ни скрывалось, оно было искусно заблокировано. Значит, поработала Аня, занимавшаяся коммерческими нейронными подпрограммами. В этом она не имела равных на всей планете.

— У тебя самая странная логика, — заметил Оскар.

Джесарал широко улыбнулся.

— Пойдем! Я не могу больше ждать.

Он потащил Оскара за руку, сияя энтузиазмом, словно восходящее солнце.

Они поспешили к основанию опорного столба и поднялись по широкой винтовой лестнице. Она вывела их в небольшой холл, украшенный живописными кустами из разных миров, тянувшимися своими цветами к открытому небу. В холл выходило десять дверей. Джесарал увлек Оскара к той, что вела в главную гостиную, отделанную, по контрасту со внешними стенами, местной разновидностью дерева каран, имевшего насыщенный

золотисто–коричневый цвет. Доски обшивки были подогнаны так тщательно, что казалось, будто находишься внутри огромного пустотелого ствола. Великолепие роскоши подчеркивала и красно–золотая мебель.

В центре гостиной, держа в руке стакан с солодовым виски и тремя кубиками льда, их ждал Дашику. Его широкое лицо освещала озорная улыбка.

— Добро пожаловать домой.

— Спасибо.

Оскар осторожно взял бокал.

— Как я вижу, Джесарал проявил свою обычную сдержанность.

— Я ничего ему не сказал, — запротестовал Джесарал.

— Итак? — спросил Оскар.

Дашику приподнял бровь и, полуобернувшись, показал на балкон за стеклянной стеной в дальнем конце гостиной. Прислонившись к перилам и рассказывая что–то об особенностях простирающегося внизу парка, стояла Аня. Через открытую дверь доносился ее звенящий смехом голос. Оскар прекрасно изучил этот ее тон: Аня изображала безупречную хозяйку, а заодно охраняла свою территорию. Она была невероятно красива, и на поддержание этого великолепия уходила треть ее жалованья. Минимум два посещения клиники в год, поскольку красота быстротечна, а мода, даже на Оракуме, предательски неуловима. Аня вернулась после такого визита три недели назад, продемонстрировав постройневшую фигуру и смуглую атласную кожу. Ее прекрасной лепки лицо обрамляла грива густых каштановых волос, спускавшихся до середины спины. Из тени ресниц невинно смотрели огромные золотисто–карие глаза, создавая впечатление девичьей застенчивости, сопровождаемое фонтаном невинного веселья, постоянно бьющим в Гея–сфере. Обманчиво простой наряд состоял из алой футболки и темно-голубой расклешенной юбки, почти не скрывающей миниатюрную женственную фигурку.

Но на этот раз достоинства Ани не произвели впечатления на ее собеседницу. Оскар посмотрел на вторую женщину, стоявшую у перил на балконе. На полголовы ниже Ани, в модном белом платье с легким поверхностным мерцанием и красно–коричневом жакете с короткими рукавами. Прекрасный стиль без свойственного Ане избытка женственности. Женщина не оказывала Ане восхищенного внимания, к которому та привыкла. Это Оскар отчетливо видел. Язык тела Ани и тон ее голоса давно стали для него открытой книгой. И чем больше она старалась произвести впечатление, тем сильнее проявлялось ее раздражение. Он даже позволил просочиться в Гея–сферу некоторой части своего удивления.

Должно быть, Аня его ощутила. Она капризно надула пухлые губки.

— Оскар, дорогой, я разговаривала с твоим давним другом.

Вторая женщина повернулась. И многозначительно улыбнулась.

Оскар выронил стакан; не только руки, но и все его тело мгновенно онемело от изумления. Осколки хрусталя и кубики льда со звоном раскатились по полированному дереву.

— Привет, Оскар, — сказала Паула Мио.

— Черт подери!

— Мы давно не виделись.

Оскар был не в силах даже застонать.

В Гея–сфере проявились искры тревоги, исходящие от наблюдающих за встречей его

партнеров.

— Вы двое... — Джесарал обвиняющим жестом ткнул пальцем в сторону Паулы. — Я думал...

— Все в порядке, — сумел выдавить из себя Оскар.

— Что такое? — сердито спросил Джесарал у Паулы. — Ты сказала, что вы были друзьями.

— Были когда-то. Очень давно.

— Опять одно и то же! Все случилось до моего рождения.

— Верно, — подтвердил Оскар.

Его юз-дубль дал команду роботу-горничной убрать осколки бокала. Только тогда на лице Оскара появилась слабая улыбка.

— Как поживаешь, Паула?

— Как и всегда.

— Да.

Она ничуть не изменилась. По крайней мере в физическом смысле. Разве что ее длинные темные волосы стали на пару сантиметров длиннее. В отличие от него, получившего превосходное тело Прогрессора, клонированное из его собственной ДНК, улучшенное макроклеточными ячейками, укрепленными костями, более эффективными органами и большей продолжительностью жизни. В свои восемьдесят шесть он еще и не думал об омоложении, хотя признаки вновь прожитой жизни уже стали проявляться на лице — и Аня никогда не уставала ему об этом напоминать. Но Паула... Оскар решил, что она уже стала Высшей. Он почему-то представить себе не мог, чтобы она посещала клинику в угоду своему тщеславию.

— Так вы знакомы? — неуверенно спросил Дашику.

— Да. — Оскар откашлялся. — Вы не могли бы ненадолго оставить нас наедине?

Его партнеры обменялись тревожными взглядами, наполнив Гея-сферу ощущением беспокойства с немалой примесью раздражения.

— Мы будем снаружи, — сказала Аня, на ходу похлопав его по руке. — Только позови.

Робот-горничная собрал осколки и начал всасывать виски. Оскар попятился к дивану и тяжело опустился на мягкие подушки. Оцепенение начало проходить, и на смену ему пришел гнев. Он окинул Паулу сердитым взглядом.

— Тысяча сто лет. Спасибо.

— Я спасла твою ячейку памяти.

— И отдала ее под суд!

— Сегодня ты жив, как и в день полета на гиперглайдере, чего нельзя сказать о жертвах Абадана.

— Слезы Иисуса! Ты когда-нибудь перестанешь меня преследовать?

— Я не могу вызвать у тебя чувство вины. Ты сам это делаешь.

— Да-да. — Он поглубже уселся на диване. — Какого дьявола ты здесь забыла?

— Ты неплохо устроился. — Она повернула голову, оглядывая гостиную. — Аня искренне гордится домом. И я ее понимаю.

— Моя страховка в ККТ, спасибо Уилсону, была переведена в трастовый фонд в день завершения суда. Знаешь, как выглядят проценты за тысячу сто лет? Ты на них смотришь. Проклятая инфляция! Если бы не она, я мог бы купить себе планету.

— И у тебя прекрасные спутники, очень хорошие люди. Джесарал ведь совсем молод, не

так ли?

— Так, — почти зарычал Оскар. — И еще у него большой член.

Паула усмехнулась.

— Ты не общался с Уилсоном после того, как вышел из клиники?

— Он оставил послание. И Анна тоже. Они оба давным-давно мигрировали в АНС. Я лично их не понимаю. Послушай, все это чепуха. Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Оскар не мог поверить своим ушам. Он сидит в одной комнате с Паулой Мио и смеется.

— О боже, неужели ты изменилась за эти столетия. Ты хочешь, чтобы я сделал что-то для *тебя*? Ты, наверное, шутишь.

Ответная улыбка Паулы граничила с непристойной усмешкой.

— Точно.

Смех Оскара мгновенно умолк, оставив неприятное ощущение жжения в желудке.

— Ох, черт. Ты не шутишь.

— Конечно, нет. Это вполне серьезное предложение. Кто бы заподозрил нечто подобное?

— Нет. Ни за что. Иди и шантажируй кого-нибудь другого. Я лучше снова уйду в небытие.

— Ну же, Оскар, ты ведь не Джесарал, так перестань ему подражать. Я приехала не для того, чтобы тебе угрожать. Я обращаюсь к тебе с просьбой, потому что знаю тебя и знаю, чего ты хочешь.

— Вы меня совсем не знаете, леди!

Паула, сверкнув глазами, наклонилась к нему.

— О да, Оскар, знаю. Мы провели вместе последние дни твоей жизни. Я чуть не умерла а ты погиб. И не говори, что мы не понимаем друг друга. Ты пожертвовал собой, чтобы спасти человечество. Ты благороден, Оскар. Угнетен чувством вины, но благороден.

Оскар изо всех сил старался ей не уступить.

— То был экстренный случай. Больше такого не повторится.

— Правда? Как ты думаешь, на кого я в последнее время работаю?

— Рискну предположить, что это АНС. Ты никогда не меняешься.

— Насчет АНС ты прав, но ошибаешься в другом. Я изменилась.

— Да уж, конечно. Одна и та же работа в течение тринадцати веков. Я тебя еле узнал. Паула, ты не можешь измениться, ты — это ты.

— Дальняя изменила меня. Она почти убила меня, но я поняла, что должна приспособливаться. И я перестроила свою ДНК, чтобы убрать инстинкт импульсивного поведения.

— Оно и видно.

— Свободная воля способна преодолеть искусственно созданный инстинкт.

— Былое естество против формирования. Я уверен, философы бы с радостью тебя послушали. Почему бы не обратиться к ним? Ах, да, верно. Все они мертвы уже две тысячи лет.

— Ты пытаешься уйти от ответа. Стараешься перед самим собой оправдать свой страх.

— Нет, леди. Все абсолютно не так. Я отвечаю: нет. Я не буду тебе помогать. Хочешь, повторю по буквам? «Н», «е», «т». Нет.

— Как ты считаешь, насколько все плохо, раз я решила обратиться к тебе?

— Мне все равно. Я не буду тебе помогать.

— Это паломничество, Оскар. Оно меня тревожит. Действительно тревожит.

Он уставился на нее, сомневаясь, что способен вынести еще одно потрясение.

— Послушай, я неплохо изучил эту историю. Впрочем, как и все другие. Флот остановит Окайзенскую Империю. АНС не позволит подняться в космос кораблям паломников. Не так уж плохо. А если дубоголовые бараны Иниго сунутся в Бездну, она поглотит половину Галактики.

— И ты считаешь, это все? Оскар, перед отправкой на Дальнюю мы с тобой были рядом с Найджелом. Тебе известно, насколько трудная сложилась тогда ситуация, как много неизвестных было задействовано в той игре. Так вот, сейчас еще хуже. Намного хуже. Бездна — лишь второстепенный фактор. Борьба начинается между фракциями. И это борьба за судьбу человечества. От ее результата зависит будущее нашей души.

— Я не могу тебе помочь, — сказал он уже чуть не плача. — Ради бога, я же просто пилот.

— Ох, Оскар. — Она опустила перед ним на колени и сжала его руки. Ее пальцы излучали тепло. — Хватит скромничать. Я прошу помощи из-за твоего характера. Я знаю, как только ты согласишься, мне больше не надо будет беспокоиться о проблеме. Ты не подведешь меня, вот что важно.

— В тебе говорит ностальгия. Я же просто пилот.

— Ты был просто пилотом флота, когда спас нас от Звездного Странника. Я расскажу, что мне от тебя надо. А потом объясню, почему ты возьмешься за это дело. Если ты возненавидишь меня за то, что я открыла тебе глаза, что ж, пусть так и будет.

Он вырвал руки из ее пальцев.

— Говори, что ты хочешь, а потом уходи.

— Фракции прекрасно меня знают и следят за мной, как я слежу за их агентами. А я не хочу, чтобы они знали, что мне необходимо отыскать Второго Сновидца.

Оскар рассмеялся. Но его смех граничил с истерикой.

— Искать Второго Сновидца? Мне?

— Да. А знаешь, почему это срабатывает?

— Потому что никто такого не ожидает.

Он говорил тоном школьника, повторяющего бесполезное правило.

— Правильно. А знаешь, почему ты сделаешь это для меня? Прошу не стрелять в гонца.

Он насторожился. Нет, он не помнил ничего такого, чем она бы могла ему угрожать. «Неужели я стер часть памяти? Господи, неужели был второй Абадан?»

— Почему?

— Потому что тебе до чертиков надоела эта монотонная жизнь, где ты бродишь, словно лунатик.

Оскар уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на нее. Сказать, что она все-таки спятила. Что она безумно заблуждается. Что у него насыщенная жизнь. Что рядом люди, которые его любят. Что каждый день приносит радость. Что он никогда не хотел вернуться к хаосу войны против Звездного Странника. Что испытанного им ужаса и возбуждения достаточно для одной жизни. Что подобные занятия лучше оставить для нового поколения. Но его голова почему-то бессильно опустилась на руки, и он тяжело вздохнул. Он не мог заставить себя посмотреть ей в глаза. И тем более не мог смотреть на своих партнеров.

— Как я им об этом скажу? — с болью в голосе прошептал он. — Как? Они решат, что

ВИНОВАТЫ.

Паула поднялась. Ее рука мягко сжала его плечо.

— Хочешь, я сама им скажу?

— Нет. — Он покачал головой. Вытер тыльной стороной ладони досадные капли влаги с глаз. — Нет. Я не настолько труслив.

— Ты получишь любую легенду на выбор. Я могу устроить... практически все.

— Угу.

— В местном космопорте тебя ждет корабль. — Она лукаво усмехнулась. — С ультрадвигателем.

Оскар слабо улыбнулся, прислушиваясь к зарождающейся в душе радости.

— Ультрадвигатель? Что ж, по крайней мере ты не считаешь меня дешевой шлюхой.

Совсем не так надеялась Араминта вернуться на континент Суворова, не в старой полугрузовой капсуле, летящей над Великим Облачным океаном медленнее и ниже всех остальных капсул на планете. Ничего шикарного в этом не было. Она всегда клялась себе, что вернется на родной континент только тогда, когда сможет выйти из роскошной капсулы и с улыбкой превосходства посмотреть на Лэнгхем и семейный бизнес.

Время еще не пришло.

К сожалению, поместье Ликана располагалось как раз на Суворове. И это было вполне понятно, поскольку там же находилась столица Виотии, Людор. Ликана никто бы не назвал провинциальным деятелем, ему необходимо было постоянно оставаться в гуще событий. Поэтому Араминта и отправилась через океан. С багажом самых лучших нарядов и растущим чувством беспокойства.

Таланты Шелдонитов ее действительно заинтересовали. Достижение такого уровня за каких-нибудь полторы сотни лет — это был феноменальный успех. Она могла бы многому у него научиться, если только сумеет его разговорить.

Существовало целое общество Шелдонитов. Тысячи людей в сотнях миров пытались подражать своему древнему идолу. Подражание, как считала Араминта, граничило со слепым преклонением. Но она воздерживалась от окончательного мнения, желая убедиться во всем лично. Может, она и сама выберет этот путь. Даже мистер Бови не отрицал, что Шелдонизм стал вершиной культуры бизнеса. Точнее сказать, успешный Шелдонизм. Во Внешних мирах можно было отыскать и довольно много неудачников, не преуспевших в своем подражании.

И, конечно, у него был гарем, типично мужская прихоть: богатый человек воплощает свои юношеские мечты. Но сейчас это встречалось намного чаще, чем в дни жизни Шелдона. Во Внешних мирах групповое партнерство становится все более популярным. Впрочем, Араминта решила, что ее это не касается. Ее собственные отношения с Бови малым чем отличались. Кроме того, сейчас она официально была свободна и одинока и пробовала различные способы сексуальной жизни, чтобы выяснить, что же ей больше по нраву. Вряд ли она высоко оценит гарем, но ведь и связь с Бови тоже стала сюрпризом.

«Значит, последний загул. Что бы я ни испытала, этот уик-энд пройдет под лозунгом «Выигрыш всегда и во всем»».

С такой мятежной мыслью, согревающей душу, Араминта направила капсулу вниз и полетела над землями Ликана. Он владел площадью в сто тысяч квадратных миль, в том числе и длинной прибрежной полосой, застроенной курортными комплексами. Далее шли сельскохозяйственные угодья с полями, где усилиями миллиона агроботов выращивались

всевозможные экзотические культуры, не встречающиеся в кулинарных процессорах, и потом продавались под собственной маркой.

Помимо всего прочего, Ликан построил еще и индустриальный комплекс «Олбани». Тот занимал квадрат со стороной в восемь миль на плоской равнине; высокие прямоугольные здания стояли ровными рядами; каждое из них было отдельной фабрикой или перерабатывающим заводом. С одной стороны от него по зеленому лугу до протекающей неподалеку реки тянулись посадочные площадки космопорта. Океанские баржи вспенивали воду, а массивные грузовые корабли приходили и уходили сплошным потоком. В самом «Олбани» никто не жил. Обслуживающий персонал размещался в спальнях городках в двадцати милях от порта. Пролетая над одним из них, Араминта удивлялась его прекрасному состоянию, большим домам, обширным массивам зелени и красивым общественным зданиям, где располагались все необходимые службы.

Он владеет всем этим. Более того, он все это создал. Вот реальное свидетельство.

На ее капсулу поступил запрос местной сети контроля движения. Араминта ввела свой сертификат и тотчас получила маршрут посадки.

Дом Ликана состоял из трех отдельных зданий. Два из них располагались на берегу десятимильного озера. Первое оказалось гигантским каменным замком, в котором было не меньше пяти сотен комнат. Араминте приходилось видеть целые поселки меньшего размера. Второе, расположенное почти напротив, представляло собой мерцающий овоид в ультрасовременном стиле, лежащий на боку и будто бы погруженный в воду. Третьим строением оказался сравнительно небольшой деревянный домик, стоящий на скалах острова.

Капсула приземлялась рядом с овоидом, чему Араминта тихо порадовалась. Ей очень хотелось осмотреть его изнутри и, возможно, перенять какие-то концепции для своей работы.

У самой капсулы ее встретили две представительницы гарема. Клемане была стройной девушкой в простой белой рубашке и голубых хлопчатобумажных шортах. Ее свежее личико украшали веснушки на лбу и носу, открытая улыбка и небрежно причесанные густые волосы. Такого Араминта совсем не ожидала. Зато вторая женщина, Мараката, отличалась высоким ростом, классической красотой и блестящей на солнце темной кожей. Ее алое платье, вероятно стоило, больше, чем все привезенные Араминтой наряды. И это она носит в середине дня? Легкие косметические мембраны подчеркивали ее желтовато-зеленые глаза и широкий рот. Мараката не улыбалась, но весь ее облик излучал благожелательную вежливость.

Клеманс, сияя улыбкой, бросилась вперед и обняла Араминту.

— Ликан нам рассказывал о тебе. Как здорово, что мы наконец-то встретились.

Араминта, слегка удивившись, осторожно ответила на объятия.

— И что же он обо мне говорил?

— Быть настороже. — Мараката, приподняв ухоженные брови, следила за реакцией Араминты.

— Он говорит, что ты честолюбивая, умная, красивая и сама себе босс... — Клемане, казалось, не хватило воздуха. — Во всех отношениях потрясающая.

Араминта не без труда освободилась из объятий девушки.

— Я и не знала, что произвела такое впечатление.

— Ликан очень быстр в своих суждениях, — сказала Мараката.

— А ты? — как можно сдержаннее спросила Араминта.

Величественная женщина наконец—то улыбнулась.

— Я не спешу — и делаю абсолютно правильный выбор.

— Буду знать.

Клемане хихикнула.

— Пойдем, мы покажем тебе твою комнату.

Она схватила Араминту за руку и потащила за собой, словно пятилетний ребенок, увлекающий родителей к рождественской елке.

— Твой багаж принесут слуги, — небрежно обронила Мараката.

Араминта нахмурилась, но быстро поняла, что та не шутит. Две женщины в одинаковых серых плащ—костюмах направились к капсуле в сопровождении антиграв—тележки.

— Вы держите человеческую прислугу?

— Конечно.

— Наверное, так было принято и у Найджела Шелдона.

— Гм, а ты быстро соображаешь, верно?

Клеманс рассмеялась и потянула сильнее.

— Пойдем! Я сама ее выбрала для тебя.

Они подошли вплотную к искрящейся поверхности овоида. Араминта еще даже не поняла, насколько он велик. Сооружение, вероятно, возвышалось над ней на высоту десятиэтажного дома, но изогнутая поверхность затрудняла точную оценку. Поверхность оказалась совершенно гладкой, не было заметно и никаких дверей. Основание овоида окружала широкая полоса мрамора, как будто гигантское яйцо лежало на подставке. Под ногами проявились две тонкие золотистые полосы, и Клеманс пошла между ними. А потом она проскользнула сквозь поток радужного света. Араминта шагнула следом. У нее возникло ощущение атмосферного барьера или спорового душа, кожу слегка закололо, потом вспыхнул яркий свет, и она оказалась в круглом зале с прозрачной мебелью, оконтуренной светящимися зелеными линиями, словно изогнутыми лазерными лучами. Буфеты и серванты оставались пустыми, а подушки стульев и диванов слегка светились и были похожи на некачественные проекции. Пол и купол стен повторяли мерцание внешнего покрытия дома, но более приглушенное. Только кремовые с золотом простыни казались на вид вполне материальными.

— Домашний интел—центр предлагает операционную программу, — доложил ей юз—дубль.

— Прими ее, — разрешила Араминта и в области экзозрения увидела открывающийся файл.

Клемане уже уселась на край кровати и слегка попрыгала на мягком матрасе.

— Нравится?

— Неужели основной вход в дом ведет в гостевую спальню?

— Только если ты этого хочешь, — весело ответила девушка. — Скажи своей управляющей программе, что ты хочешь выглянуть наружу.

Араминта последовала ее совету, и жемчужно—матовое мерцание одной из стен исчезло, так что стал виден сад и ее капсула, из которой на антиграв—тележку слуги выгружали чемоданы.

— Ну, а если тебе нужна ванная... — продолжала Клемане.

Вся комната вдруг заскользила вверх вдоль округлой наружной стены. Похоже, что где—

то под полом скрывались превосходные компенсаторы силы тяжести, потому что никакого ощущения движения у Араминты не возникло. Затем комната стала двигаться к центру овоида, и мимо проплыли какие-то другие круглые помещения.

Араминте пришло в голову сравнение с движением кровяных клеток в венах. Она восхищенно улыбнулась. Гениальная идея, бесконечное разнообразие!

Спальня остановилась вплотную к ванной комнате, и дверь отошла в сторону, позволяя войти внутрь. Обстановка там была более привычной: огромный бассейн-ванна, душевая установка и фены. Только размером ванная превосходила гостиные во многих квартирах, которые отделявала Араминта.

— Если захочешь кого-то навестить, или пройти в столовую на ужин, или просто сменить вид за окном — только скажи своей программе, — объяснила Мараката.

— Я так и сделаю, — уверенно ответила Араминта.

Напротив ванной открылась еще одна дверь, и Мараката вышла. Араминта успела только заметить белизну комнаты, длинный стол и гимнастический тренажер.

— Увидимся позже, — добавила Мараката перед тем, как дверь за ней закрылась.

— Это угроза? — негромко проворчала Араминта.

— А, не обращай на нее внимания, — сказала Клеманс. — Она всегда настороженно относится к новым людям. Зато в постели она просто чудо, честно.

— Не сомневаюсь.

Араминта повернулась и внимательно осмотрела комнату. В ящики комода, словно поднимающиеся из воды пузырьки, начала загружаться ее одежда. Араминта приказала юз-дублю доставить себя к Ликану.

Ванная комната скрылась за дверью, и перед глазами заскользили изгибающиеся стены: сперва комната двигалась горизонтально, затем начала подниматься.

— И убери прозрачность стен, — добавила Араминта.

Несмотря на превосходные стабилизаторы, вид движущихся предметов грозил вызвать головокружение.

Комната Ликана оказалась огромной. И Араминта предположила, что та не перемещается, иначе пришлось бы передвигать все остальные помещения. Комната тоже была круглой, с полированным дубовым полом, который казался единым огромным сегментом — искусственно выращенным, Араминта читала о таком в одном из файлов курса по дизайну. Стены здесь, окрашенные в бледно-розовый и голубой цвета, имели матовую полупрозрачную структуру. Треть их площади была совсем прозрачной и открывала панораму озера.

Ликан вышел навстречу, одетый в простую сиреневую хлопковую рубашку и длинные зеленые шорты. Вокруг него кружилось облачко мелких разноцветных символов, но оно быстро исчезло. Вероятно, стены были еще и порталами, обеспечивающими неограниченную возможность проецирования, решила Араминта. Скорее всего, огромная комната служила хозяину кабинетом. Ликан тепло улыбнулся, подошел к девушке вплотную и поцеловал ее. Этот поцелуй откровенно свидетельствовал о том, что ожидало ее вечером.

— Великолепный дом, — сказала Араминта.

— Я знал, что тебе понравится. Концепция довольно старая, но мы снизили стоимость процесса изготовления до приемлемого уровня. Хотя без репликаторов Высших это далось нелегко.

— Я была бы не прочь получить франшизу Колвин-сити.

Он ласково улыбнулся, не скрывая своего восхищения.

— Вот видишь, многие застройщики предпочли бы меня застрелить за то, что я подрываю их бизнес. Но ты... ты понимаешь, как приспособиться к новым условиям и продолжать двигаться вперед. Это и выделяет тебя среди прочих.

— Спасибо.

Клеманс подбежала к новой двери.

— До скорого!

Ликан небрежно помахал ей рукой и подвел Араминту к прозрачной стене.

— Хочешь чего-нибудь выпить? Или, может, перекусишь?

— На несколько часов меня еще хватит.

— Хорошо. На ужине будет премьер-министр и два министра из его кабинета.

— Пытаешься произвести впечатление?

— Они все равно бы пришли. Но, надеюсь, этот ужин даст тебе представление о моей жизни. Такой уровень невозможен без участия в политике.

— Знакомства в мэрии способны помочь в получении разрешительных документов.

— Пригласи на ужин инспектора по застройке. Предоставь члену местного совета высококлассную капсулу. У каждого из них есть своя цена. В противном случае они будут опустошать правительственную кормушку.

— Если только не начнут бороться с коррупцией.

— Верно. Эти доставляют серьезные проблемы. К счастью, они недолго задерживаются на своих местах.

— А ты циник.

— Прагматик, если не возражаешь. И в любой из областей обладаю большим опытом, чем ты. Так что можешь мне поверить, у каждого политика есть своя слабость.

— А у тебя? — насмешливо спросила она.

— Первая — влюбчивость. Но об этом ты уже знаешь. Вторая — склонность к риску. Вот моя настоящая слабость. Радость оправдавшегося риска ни с чем невозможно сравнить. Я всегда делаю высокие ставки. Мне слишком нравится выигрывать.

— А сейчас чем ты рискуешь?

— Умница, ты неплохо подготовилась. Прочла финансовые отчеты. Верно?

— Я кое-что изучила по пути сюда. Есть мнение, что ты слишком разбрасываешься.

— За последние пару лет это мнение значительно укрепилось. Как ты думаешь почему?

— Ты разоряешь торгующие недвижимостью компании такими вот домами? Вытесняешь их с рынка?

Он усмехнулся.

— Это слишком мелко. Я мыслю более крупными масштабами. Кроме того, чтобы подобное строительство вошло в моду и потом стало общепринятым, требуется лет десять. Подумай, в чем сейчас самая большая проблема Виотии?

— Воплощенный Сон?

— Близко. Эллезелин всегда нам угрожает. Это действительно так. Зона Свободного Рынка очень велика, она никогда не исчезнет и постоянно расширяется. Все уже существующие игроки имеют огромное финансовое и индустриальное преимущество перед компаниями бедной маленькой Виотии. Беда в том, что после открытия червоточины все наши компании останутся в проигрыше из-за дешевого импорта. Товары будут идти только в одном направлении.

Араминта вспомнила о грандиозном масштабе «Олбани».

— Ты собираешься перебить их цены.

— «Олбани» автоматизирован настолько, насколько это возможно без репликаторов. Я десять лет потратил на инвестиции в наиболее современные кибернетические системы, какие только есть у нас в наличии, чтобы снизить стоимость продукции. Но, чтобы выпустить на рынок товары почти по себестоимости, необходимо продавать большой объем. Вот это и беспокоит меня в настоящий момент. Заводы работают почти вхолостую. Но когда откроется червоточина...

— Финансовой бойни, как они ожидают, не произойдет.

— Они импортируют. Я экспортирую. Только количество экспорта будет в десять раз больше, чем они предполагают.

— Тебе потребуется система распространения.

Ликан с торжествующей улыбкой повернулся к окну.

— Обязательно потребуется.

— Ого, — протянула она. Она искренне восхитилась. Цель Ликана оказалась настолько велика, что по сравнению с нею собственные стремления Араминты были совсем незаметными. — Зачем ты все мне рассказываешь? Тебе нет необходимости производить впечатление, чтобы затащить меня в постель. Это ты уже сделал.

— Хотя я и весьма высокого мнения о своих способностях, я не могу лично уследить за каждым аспектом даже при аугментированном интеллекте. Слишком много деталей. Для фазы расширения на таком уровне мне требуются люди, которым я мог бы доверить ключевые посты — особенно в других мирах.

— Весьма лестно.

— И да, и нет. Я думаю, ты была бы способным управляющим: у тебя подходящее мышление и достаточно энергии. Нет опыта руководителя высшего звена, но это появится.

Она нахмурилась.

— Почему я?

— Насколько хорошо ты подготовилась? Много ли узнала о самом Шелдоне?

— Немного, — призналась она. — Только то, что усвоила в школе.

— Старые Династии были чем-то вроде семейных организаций. Это самый верный способ из всех, придуманных людьми, чтобы обеспечить лояльность и полный контроль. Найджел использовал свою плоть и кровь.

— Ага.

Ей вдруг показалось, что комната стала опускаться вниз.

— Все ключевые посты были заняты его потомками, — сказал Ликан. — И я планирую поступать так же.

В ее памяти мелькнуло имя.

— Деббина? — не удержавшись, выпалила она.

Ликан заметно поморщился.

— Что же мне с тобой делать? Нет, только не моя любимая маленькая девочка. Но многие мои дети уже управляют секторами компании.

— И при чем же здесь я?

— А как ты думаешь?

— Скажи, пожалуйста.

— Ты станешь одной из моих жен. Родишь мне детей. И они займут места в компании.

— Да, ты знаешь, как завлечь девушку.

Он криво усмехнулся.

— Да ладно, мы же взрослые люди. В наше время почти все браки заключаются с учетом интересов бизнеса. Мы будем прекрасно проводить время в постели. Я могу обеспечить любой стиль жизни, какой ты захочешь. Наши дети, став взрослыми, окажутся частью наиболее динамично развивающейся компании в этом секторе Содружества. Они не будут ни в чем нуждаться и получают практически неограниченные возможности. Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы понимать, что тебя привлекает. Кому нужны молодые бездельники, получающие трастовые фонды? Все это относится и к тебе лично. Оставайся со мной лет десять или пятнадцать, а потом можешь продолжать, получив пост в компании, или уйти с порядочной суммой денег и запасом знаний, позволяющим свободно чувствовать себя в любом обществе.

— Оззи милосердный! Ты говоришь всерьез?

— Абсолютно.

— Тебе не кажется, что столь лестное предложение слегка преждевременно?

— Ты думаешь, Шелдон сомневался, когда видел что-то подходящее? Ничуть. Он начинал охоту и получал желаемое. И не так уж это неожиданно, ты не находишь? Не станешь же ты отрицать, что наши отношения завязались еще во время моего выступления?

— Не стану, — признала она.

— Ну вот. Физическое влечение есть. Остаются только твои способности. Я провел некоторые изыскания.

— Вернее, посыльный твоего пятого помощника провел изыскания.

— Да, примерно так, — сухо подтвердил он. — Ты незаурядный ребенок из ниоткуда. Отвергаешь налаженный семейный бизнес. Ищешь способ выбраться. Неудачное замужество. В данный момент приходишь в себя после расторжения брака. Ты нетерпелива. И восприимчива. При наличии опыта, приобретенного в моей компании, ты будешь процветать. — Он подошел ближе, обнял Араминту рукой за плечи и поцеловал. На этот раз мягче. — Я не жду немедленного ответа. Ты ведь не зря сюда приехала. Посмотри и попробуй все, что хочешь, а потом подумай и реши.

«Ого, второе предложение всего за месяц!»

— Хорошо, — негромко ответила она. — Я так и сделаю.

— Обещаешь? Это не просто отговорка?

— Нет, я обещаю.

На ужин Араминта пошла не в привезенной из дома одежде. Она испытала на себе, что значит жизнь в гареме. По возвращении из огромного кабинета Ликана она застала поджидающую ее в спальне стилистку по имени Еленна. Это была общительная женщина, чей возраст приближался к омоложению и сказывался некоторым излишком веса, набранного в последние годы. Она вела себя очень доброжелательно и с удовольствием рассказывала все домашние сплетни, хотя для Араминты они не имели никакого значения. Зато их было много. Женщина работала у Ликана уже пятьдесят лет.

— ... Так что я все здесь знаю, милая, и многое повидала. Я никого не осуждаю, и ничто из того, что здесь происходит, не может меня удивить. Если хочешь на вечер что-то *особенное*, просто скажи мне.

Араминта еще не разобралась, что значит «особенное», и очень хотела бы узнать, что предпочли другие девушки. Еленна сказала только, что Ликану нравится, когда его

женщины выглядят элегантно.

— Мы приведем тебя в порядок, чтобы ты ни в чем не уступала другим.

На это ушел не один час. Ее спальня металась по всему овоиду, соединяясь с самыми различными специализированными помещениями. Сначала сауна, чтобы очистить поры. Массажист Нифран, настолько же безжалостный, насколько искусный; после его работы Араминта стекла со стола, не ощущая свободно работающих суставов. Примерочная. «В этом доме имеется примерочная?!» Здесь с нее сняли мерки для вечернего платья.

Спиральный спуск в салон, где свое колдовство наконец проявила Еленна. На лицо легли косметические мембраны, но Араминта, взглянув в зеркало, их даже не заметила. На нее смотрело лицо самой Араминты, только девятнадцатилетней. Такое, каким она всегда хотела его видеть, но никогда не получала: высокие скулы, ничего лишнего, длинные мягкие ресницы, абсолютно чистая кожа, искрящиеся глаза. Следующий час ушел на ремонт волос, как Еленна с неодобрением назвала эту процедуру. Затем их удлиняли, делали гуще, завивали и укладывали.

Все это время в соседнем кресле сидела Клеманс, а с другой стороны еще одна обитательница гарема, Алсена. Они непринужденно болтали, словно родные сестры. Араминта выслушала краткий обзор генеалогии Ликана, включая рассказы о непокорных отпрысках. Для этой саги ей пришлось открыть отдельную ячейку памяти, чтобы всегда иметь информацию наготове.

При всем своем дружелюбии женщины, казалось, были совершенно *оторваны* от реального мира. Это наблюдение могло показаться злобной придиркой, но Араминта не стала от него отмахиваться. Если ему нужны такие, как она, что же он делает с остальными? Они явно не стремились занять руководящие посты в его империи.

— Ему нравится разнообразие, — сказала Еленна, когда салон вернулся к примерочной.

Классическое маленькое черное платье никогда не выходило из моды. И когда помощник в примерочной показал Араминте одно такое, появившееся специально для нее, словно по волшебству, она поняла почему. Едва только натянув его, она уже ощутила себя легкомысленной женщиной, и одному только Оззи было известно, какой эффект оно произведет на любого мужчину, встретившегося ей на пути. Оно самым бесстыдным образом обтягивало ее тело, но в то же время позволяло груди двигаться совершенно свободно. На первых же шагах Араминта даже смущенно покраснела. Короткий подол и шелковистая микрофибра, распыленная на ее ноги, загадочным образом подтянули бедра и голени в соответствии с идеальным обликом девятнадцатилетней девушки, созданным Еленной.

Коктейли перед ужином для семьи и гостей Ликана были поданы в музыкальной комнате, из которой теперь открывался вид на озеро, как прежде из его кабинета. Араминта, сознавая, как великолепно она выглядит, вошла с высоко поднятой головой. Восхищенный взгляд Ликана, улыбки женщин его гарема и даже короткие аплодисменты Клеманс — все эти похвалы она восприняла как должное. И ее уверенность поднялась до уровня высокомерия. Даже когда Ликан представил ее премьер-министру и ее супругу, Араминта сохранила полное спокойствие и вела себя с ними как с равными.

И во время светской беседы, и пробуя удивительные на вкус канапе, она не переставала гадать, как бы повел себя здесь Бови. Он любил общество, мог быть настоящим снобом в вопросах еды и напитков, но она подозревала, что в компании сильных мира сего он мог бы попытаться задрать нос.

«А я все же здесь и ни перед кем не тушуюсь».

Участие в ужине имело и оборотную сторону. Супруг премьер-министра, сидевший рядом с Араминтой, был невыносимо скучен. К счастью, с другой стороны от нее расположился Эридал, один из старших сыновей Ликана. Такой же умный и очаровательный, как Ликан, он управлял финансовым центром в Людоре, но был лишен решительной уверенности, присущей отцу. Только из чувства долга Араминта старалась не болтать с ним целый вечер.

Прием закончился, и столовая спустилась на первый уровень, чтобы гости могли пройти к своим капсулам. Остались только Ликан и восемь женщин его гарема. Как только двери сомкнулись и стены снова стали искристо-матовыми, все с облегчением рассмеялись, и Араминта присоединилась к ним от всей души.

Ликан поцеловал ее в знак благодарности.

— Проклятье, я и забыл, какой это невыносимый тип, — сказал он. — Мне все время хотелось его щелкнуть, а ведь со мной он даже не разговаривал. Спасибо, что справилась с ним.

В столовой стали открываться двери спален, и жены Ликана исчезали в них одна за другой. Из присутствующих на ужине женщин они, безусловно, превосходили всех своей красотой. Араминта, несмотря на старания Еленны, рядом с обитательницами гарема чувствовала себя бедной родственницей.

— Иди и приготовься, — сказал ей Ликан. — Мы будем тебя ждать.

Он повернулся и ушел в какую-то затемненную комнату. Араминта, проводив его взглядом, призвала свою спальню. В качестве мачо, отдающего приказы, он ее не устраивал. У него не было ни обаяния, ни чувства стиля, ни подходящей наружности. С другой стороны, его успехи давали на это право. Она усмехнулась своему внутреннему диалогу. «Какого черта, Клеманс, по крайней мере, не даст мне соскучиться».

— Одень меня так, чтобы ему понравилось, — сказала она поджидавшей Еленне.

Процесс оказался более сложным, чем ожидала Араминта. Для начала снова потребовалась помощь Нифрана, пожурившего ее за недостаток физической подготовки и неспособности расслабиться. То, что он вытворял потом с ее ногами, уже было фактически сексом.

Еленна нанесла на ее тело невероятно приятно пахнущее масло, и после манипуляций Нифрана кожа Араминты словно начала светиться изнутри.

— Он не увлекается садизмом или чем-то подобным? — спросила Араминта.

Очень уж тщательными были приготовления. В ее понятии подготовка к горячей ночи заключалась в том, чтобы надеть что-то такое, что мужчина сможет быстро снять.

— Не беспокойся, моя сладкая, секс ему нравится такой же, как и женщины: со вкусом.

Араминта, позволив Еленне себя одевать, задумалась над ее словами. Затем посмотрела на себя в зеркало. Белый пеньюар преимущественно состоял из отдельных полос ткани, но закрывал большую часть тела, чем черное платье. «Значит, в его понятии «со вкусом» — это принцесса-шлюха? Очень по-мужски».

Спальня скользнула к будуару Ликана — иначе комнату назвать было никак нельзя. Огромная кровать располагалась в центре, мебель напоминала по форме половые органы, золотисто-розовое освещение было притушено. Весь гарем уже собрался, и действительно, женщины пришли в элегантных нарядах из шелка и атласа и вызывающе открытых ночных сорочках. Они удобно устроились на диванах, потягивали шампанское и наблюдали, как две из их числа занимаются любовью на кровати.

Араминта вошла, стараясь выглядеть не слишком встревоженной. Ликан встретил ее в черном халате.

— Шампанского? — предложил он.

— Спасибо.

Она взяла хрустальный бокал из рук Маракаты, тотчас подвергшей ее детальной оценке. В том, как эта строгая женщина выглядела в пеньюаре, было нечто загадочно-эротическое.

— Поцелуйте друг друга, — сказал Ликан.

Араминта всем телом прижалась к величественной женщине, наслаждаясь ее чувственными прикосновениями. Мараката явно в полной мере овладела искусством поцелуя.

Они закончили, и Ликан, взяв Араминту за руку, неторопливо подвел к кушетке, где улеглась Алсена. Она опустилась на колени и приступила к поцелую.

Затем, по инструкции Ликана, она обошла и всех остальных женщин. Араминта нашла, что этот процесс не столько элегантен, сколько стереотипен. Ликан превращал занятие любовью в застывший ритуал. Последний поцелуй достался ему самому, после этого Араминту повели к кровати. Хозяин предложил ей принять особую позу, почти по-детски шаловливую, и кто-то из женщин даже расправил волосы на ее плечах, чтобы они выглядели привлекательнее.

Клеманс сняла халат с Ликана, открыв его огромный возбужденный член.

— У меня есть подарок для тебя.

— Да, — многозначительно протянула она. — Я уже вижу.

— Это программа.

— Что?

— Некая композиция, которую я составлял несколько лет. Она позволит тебе глубже постичь собственный разум, прислушаться к нему почти на уровне подсознания, чего древние йоги добивались путем медитаций.

— Интересно, — нерешительно протянула она.

«Кстати, о том, как можно испортить настроение...»

Он нежно улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Я сам пользуюсь ею, чтобы сосредоточиться. Программа помогает очистить мозг от посторонних мыслей. Ты сможешь вернуться к животным инстинктам, составляющим основу нашей личности. — Его лицо приблизилось к ней вплотную. — В таком состоянии нет никаких ограничений. Все твои порывы абсолютно чисты.

— Никаких ограничений?

— Чистота разума очень помогает в бизнесе. Но и в занятии любовью тоже. Ты можешь целиком и полностью сосредоточиться на ощущениях своего тела. Программа усиливает даже малейшие сигналы нервов.

— Ты хочешь сказать, что оргазм окажется более сильным?

Все это было похоже на электронную версию аэрозолей, которыми она пользовалась вместе с Бови.

— Да. В ней заложена и биологическая обратная связь, способная влиять на твоё физическое состояние. Как только ты определишь источник наслаждения для своего тела, ты сможешь повторить его. — Голос Ликана превратился в соблазняющий шепот. — Столько раз, насколько хватит твоих сил.

Юз-дубль сообщил ей о предложении установить программу. Араминте вдруг стало

невыносимо жарко в пеньюаре.

— Проверь на угрозу внедрения и трояны, — сказала она юз-дублю, не сводя глаз с лица Ликана.

«Все чисто».

— Загружай и запускай.

В области экзозрения она увидела, как в одну из ее ячеек закачивается программа. По виду она мало чем отличалась от обучающих курсов, которым Араминта позволяла укореняться в своем сером веществе. В сознании забурлил источник инстинктивного знания.

— Не бойся, — ласково сказал Ликан. — Я тоже воспользуюсь программой вместе с тобой. Наша первая встреча будет более яркой.

Она кивнула, не решаясь что-то сказать. Прислушавшись к себе, она поняла, что очистить мозг стало намного легче; надо лишь следовать нарастающим циклам сна, но не поддаваться им полностью. Дыхание стало более равномерным, она смогла следить за ритмами своего тела. За сердцебиением. Стало ощутимым легкое прикосновение ткани к коже и выступившие бисеринки испарины. Она услышала шелест пузырьков в хрустальных бокалах и дыхание Ликана, увидела, как его рука поднялась и кого-то поманила.

Мараката, ответив на призыв, гибким движением скользнула на матрас. Ее пальцы погладили кожу Араминты. Сигналы нервных окончаний наводнили ее мозг приливной волной. Яркие впечатления вызвали у нее судорожный вздох, и она все свое внимание сосредоточила на самых приятных ощущениях, утопая в наслаждении.

По знаку Ликана Мараката спустила бретельки пеньюара с плеч Араминты. Вслед за прикосновением теплых пальцев обнаженную грудь окатило потоком воздуха. Она сильно вздрогнула, зафиксировала свою мысль на этом ощущении и улыбнулась. Горячая кровь прилила к соскам, заставив их распухнуть розовыми бутонами.

— Сюда, — сказала она обладателю пальцев.

Ласка повторилась, вновь произведя то же впечатление. Затем по ней скользило множество рук. Теплые страстные губы дарили поцелуи. Симфония ощущений, вызываемых женщинами гарема, исторгла из ее груди беспомощный вопль. Пеньюар куда-то исчез. Она инстинктивно выгнула спину. Член Ликана скользнул в ее плоть. Ощущение было почти непереносимым, она отдалась ему целиком. Но ее мозг все еще постоянно фиксировал поток физического наслаждения. Араминта пообещала себе не терять сознание, как иногда случалось в постели с Бови. На этот раз ее разум не затуманивали химические средства, и она могла свободно наслаждаться до самого невероятного завершения. Мощный ритм движения Ликана вызвал у нее одновременно слезы и смех. А потом гарем возобновил свое виртуозное представление.

Небесный Властитель, убрав вакуумные крылья, скользил вдоль наружного края атмосферы над твердой планетой. Плотные турбулентные потоки ионосферы охватывали его переднюю часть, вызывая продолжительные волны вибрации гигантского тела. Внутри особым образом струился поток энергии, мысли сплетались со стихийными силами тела, взаимодействуя с тканью Вселенной. Его воля, наложенная на реальность, уменьшила скорость. Он стал медленно погружаться в атмосферу. Далеко внизу звучала приветственная песнь разумных существ.

— Пора! — скомандовал Духовный Пастырь Этан, обращаясь к послушным его воле разумам мастеров снов.

Их мысли единым потоком хлынули в Гея-сферу, проталкиваясь в ткань сна, отыскивая

вход. Внимание Небесного Властителя обратилось к древнему прибрежному городу, и они ощутили его восприятие. Он чувствовал их! Он знал об их присутствии!

— Мой господин, — с глубоким почтением обратился к нему Этан. — Мы нуждаемся в твоей помощи.

Снижение Небесного Властителя прекратилось. И те, кто воспринимал сон Небесного Властителя, ощутили восприятие гигантского существа давлением целой планеты. Они *знали*, что оно вызвало ветра по всей равнине Игуру. Они чувствовали волны в море Лиот, лениво покотившиеся к берегу. И здесь, как раз под ними, так маняще близко, физические формы зданий Маккатрана коснулись их сознания.

Восхищение и благодарность хлынули в Гея-сферу, унося ввысь мысли Этана.

— Мы хотим подняться к тебе. Укажи нам путь, мой господин. Прими нас.

Сновидение рассыпалось апофеозом агонии. Колоссальная сила отвратила величественную мысль Небесного Властителя.

— Нет!!! — в осколках сна закричал Второй Сновидец. — Я здесь!

Бесконечная чернота, клубящаяся яростным гневом, закрыла трещину между Гея-сферой и Небесным Властителем.

Темнота охватила разум Этана и отозвалась в его мозгу ослепляющей болью. Он вскрикнул, напрягся всем телом, словно пытался вылететь из кресла, и провалился в милосердное забытие.

Араминта вскрикнула, просыпаясь, и рывком села в постели; сердце учащенно билось, и дыхание толчками вырывалось из груди. Она снова инстинктивно применила программу, успокаивая разбегающиеся мысли и снимая возбуждение. Программа помогла.

Что за чертовщина с этим сном?

Все начиналось так прекрасно: плавный полет над незнакомой планетой, теплое солнце, согревающее спину, проплывающие внизу незнакомые континенты. Потом что-то произошло. Ощущение удушья вызвало всплеск адреналина, она начала метаться, стараясь проснуться и освободиться от гнетущего спазма. Кто-то как будто пытался похитить ее душу. Она протестующе закричала во враждебную темноту и наконец проснулась.

Она билась и извивалась, перед тем как крикнуть. В самом деле? Оглядевшись, она поняла, что всего лишь слегка повернулась и села.

Араминта окинула комнату беспокойным взглядом. Спальню Ликана все так же заливал теплый свет. Кроме нее, никто не проснулся. Рядом, свернувшись клубочком и обняв одной рукой ее ноги, лежала Клеманс. Девушка приподняла голову и сонно заморгала, реагируя на движения Араминты. Она погладила ее по разметавшимся волосам и щеке, словно успокаивая ребенка. Клеманс преданно улыбнулась и снова закрыла глаза.

Араминта выдохнула и медленно опустилась на матрас. Несмотря на мягкую постель, ее тело было сильно напряжено — Нифран наверняка бы расстроился. Она прислушалась. Еще две женщины из гарема тихонько всхлипывали во сне. Значит, не она одна страдает от кошмаров. Пока она раздумывала, сумеет ли пройти через спальню и разбудить их, женщины погрузились в спокойный глубокий сон. А она никак не могла расслабиться. Что-то билось в ее подсознании, не позволяя успокоиться, какое-то ускользящее воспоминание. Но не сон, что-то произошло до него.

И снова ей на помощь пришла программа. Араминта освободилась от всех посторонних мыслей и сосредоточилась на воспоминаниях об оргии. В физическом отношении все было великолепно — этого она не могла отрицать. И женщины гарема с радостью обучали ее

разнообразным приемам, которыми потом она пользовалась с Ликаном. Но опять-таки, это было больше похоже на ритуальное действие, лишённое подлинной страсти, а вместе с ней и любовного возбуждения, испытываемого ею во время свиданий с Бови. Все как-то напоминало работу слаженного механизма, а женщины были озабочены лишь тем, чтобы выполнять инструкции Ликана.

Араминта вдруг снова села в постели, похолодев от изумления. Воспоминание о Ликане и Маракате отчетливо сохранилось в ее мозгу, благодаря все той же программе. Какая ирония! Она мысленно прокрутила всю сцену, потом вспомнила еще несколько подозрительных моментов, уронила голову на руки и застонала.

— Ох, черт!

Еленна, верная своему слову, не стала ее осуждать. Она ничего не сказала, когда домашняя программа опустошила все ящики и шкафы, и одежда Араминты стала исчезать в ее чемоданах, оставленных в кладовой. Араминту так и подмывало спросить Еленну, сколько еще женщин на ее глазах покидали дом после ночи с Ликаном. Но это было бы нечестно по отношению к ним обеим.

Ее комната еще раз скользнула по овоиду и открыла дверь перед дорожкой, огибающей здание. Озеро в предрассветных сумерках казалось скучносерым. Двое щеголевато одетых слуг уже загружали багаж в ее капсулу.

— Как жаль, милая, — заговорила Еленна. — Я почему-то думала, ты легко здесь приживешься.

— Я тоже, — ответила Араминта. Она порывисто обняла горничную. — Спасибо за все.

— Мне было приятно с тобой познакомиться.

Араминта повернулась и вышла из спальни. Створки двери сомкнулись за ее спиной.

— Подожди! — раздался крик Клеманс. — Ты не можешь так уехать!

Она выбежала из соседней двери метрах в десяти от Араминты, пытаясь завернуться в свой полупрозрачный пеньюар. Следом за ней, гораздо более спокойный, в темно-фиолетовом халате вышел Ликан. Его слегка отекшее лицо сердито хмурилось.

— Даже не захотела попрощаться? — спросил он.

— Домашняя сеть активна. Ты знал, что я уезжаю. Если тебе есть что сказать, можно было это сделать раньше, — произнесла Араминта. — Или сейчас.

— Я бы хотел узнать, почему ты убегаешь. Думаю, после моего вчерашнего предложения я вправе об этом спросить. Я знаю, что ты наслаждалась сегодняшней ночью. Так в чем же дело?

Араминта посмотрела на расстроенную девушку, нерешительно стоявшую между ними.

— Ты уверен?

Ликан шагнул вперед и обнял Клеманс за плечи, помогая ей справиться с одеждой.

— Я ничего не скрываю от своих жен.

— Даже то, что они подверглись психонейронному перепрофилированию?

Выражение его лица не изменилось.

— В начальной стадии это было весьма полезно.

— *Полезно?* — закричала она. — Ты сделал из них своих рабынь. Подобные манипуляции противозаконны и всегда были запрещены. Это не по-человечески. У них нет выбора. Нет собственной воли. Это отвратительно! Во имя Оззи, зачем? Тебе нет необходимости принуждать людей, чтобы лечь с ними в постель. Я, пожалуй, могла бы заключить с тобой союз. И я знаю, есть тысячи других, кто воспользовался бы таким

шансом. Зачем ты это сделал?

Ликан окинул Клеманс почти отеческим взглядом.

— Они были первыми, — просто ответил он.

— Первыми?

— В моем гареме. Надо же было с чего-то начинать. Стадия самораскрутки.

— О чем ты говоришь?

— В самом начале, когда у тебя еще ничего нет, приходится самостоятельно пробиваться наверх. Я должен был стать им, стать Найджелом Шелдоном. Он содержал гарем, поэтому и я обзавелся гаремом. Ты не понимаешь, каким был этот человек. Он *правил* сотнями миров, миллиардами людей. Не зря же я назвал его императором. Это величайший из всех когда-либо живших людей. И я должен знать, что значит мыслить, как мыслил он.

Он почти скрежетал зубами, выплевывая эти слова.

— И ради этого ты превратил их в рабынь?

— Они не рабыни. У каждого из нас есть предрасположенность к различным личным особенностям. Их сочетание — вот что делает нас личностью. А я просто усилил некоторые склонности девочек.

— Да, склонность к повиновению! Ликан, я видела их этой ночью. Они слушались тебя, словно роботы.

— Наши отношения намного сложнее.

— Но все сводится именно к этому. Почему ты не перепрофилировал себя, чтобы думать как Шелдон? Если уж кого-то уродовать, почему не начать с себя?

— Я ввел его доступные нейронные параметры в свою ДНК. Но нейронная структура — это только сосуд для личности. Необходимы соответствующие условия. Настолько схожие, насколько возможно.

— Ой, ради Оззи! Ты намеренно получил специально выведенных рабов. Неужели ты считаешь, что с их помощью можно достичь желаемой цели? Меня тошнит от этого. Я не желаю иметь ничего общего ни с тобой, ни с твоей ненормальной семьей. Ты их все равно не отпустишь! Почему бы тебе не удалить перепрофилирование при их следующем омоложении?

— Я создал их согласно своим убеждениям, хотя ты считаешь их неверными. Теперь, согласно твоим убеждениям, я должен их изменить? Ты не находишь, что это немного странно? Есть старая поговорка: минус на минус не всегда дает плюс. Я несу ответственность за всех своих жен, особенно за перепрофилированных, — так поступил бы и Шелдон.

Араминта сердито глянула на него, потом переключила внимание на Клеманс.

— Поедем со мной, — почти умоляла она. — Уедем отсюда. Это все поправимо. Я научу тебя свободной жизни, ты станешь полноценным человеком. Я знаю, ты мне не веришь, но хотя бы попробуй. Попробуй, Клеманс.

— Какая ты глупая, — сказала девушка и теснее прижалась к Ликану. — Меня не перепрофилировали. Мне нравится в гареме. Я люблю деньги. Я люблю жизнь. И я хочу, чтобы мои дети управляли целыми мирами. Без Ликана кем станут твои дети?

— Сами собой, — без особой уверенности ответила Араминта.

Клемане окинула ее полным искреннего сожаления взглядом.

— Для меня этого недостаточно.

Араминта нерешительно подняла руку.

— Она?..

— Их было только три, — заявил Ликан. — Клемане не входит в их число. Хочешь сделать еще одну попытку?

Араминта покачала головой, не зная, что сказать.

«Мараката. Точно Мараката, я в этом уверена. Возможно, если бы я только...»

— Прощай, — сказал Ликан.

Араминта поднялась в свою капсулу и приказала лететь домой.

Оскар никогда не предполагал, что ему придется вернуться в то место, где он погиб. Но и встречи с Паулой Мио он тоже не ожидал.

Как будто ему этого было мало, предприимчивые местные жители превратили его последний отчаянный полет в туристический аттракцион. И, что еще хуже, аттракцион оказался неудачным.

Зато ему предоставили право дать название новенькому космическому кораблю, который АНС доставила для него на Оракум. Без долгих размышлений он назвал его «Возмездие Элвиса». В его интел-центре хранился большой файл с инструкциями. Открыв и прочитав его, Оскар послал несколько запросов Пауле, уже вернувшейся на свой корабль и куда-то летевшей. Она так и не сказала, куда именно.

После прочтения файла он понял только одно: Паула переоценила его способности. Поисками Второго Сновидца занималось немало могущественных и решительных настроенных группировок. Нельзя сказать, чтобы это стало для Паулы неожиданностью, но...

— Я же только пилот, — повторил Оскар, когда она вызвала его по секретному трансмерному каналу и спросила, почему он направляется на Дальнюю.

Она не говорила о том, что может следить за «Возмездием Элвина», но Оскар почему-то совсем не удивился.

— Мне понадобится помощь. И, раз уж ты доверяешь мне, я тоже кое-кому доверяю.

Он не стал говорить, кому именно, и злорадно усмехнулся. Хотя, он подозревал, что и это ей известно — невелика тайна.

Он приземлился в аэропорту Армстронг-сити, занимающем огромное пространство к северо-востоку от города, с четырьмя пассажирскими терминалами и комплексом складских помещений, где постоянно садились и взлетали грузовые суда. Посадочную площадку он выбрал у самого ограждения — подальше от активной деятельности. После приземления он переключил визуальные сенсоры корабля на древний город, простирающийся вплоть до самого берега Северного моря. Верхний ярус побережья, как и повсюду, занимали высокие башни и пирамиды, а под ними раскинулись обширные поместья. По сравнению с другими мирами Содружества застройка здесь была более хаотичной, но Оскара это лишь приятно удивило. Он попытался отыскать признаки Первой магистрали, исторического пути, где его друзья преследовали Звездного Странника до самого его логова. Но вместо старого шоссе теперь тянулась широкая полоса городских зданий, на многие мили уходящая в Иральскую степь, словно дома пытались убежать от своего исторического центра. Наземное движение, как и в большинстве других миров, снизилось до минимума, зато в небе над городом двигались целые стаи антиграв-капсул.

Оскар выплыл из шлюза в нижней части «Возмездия Элвиса» и во второй раз ступил на поверхность Дальней. Сколь смешным это ни казалось ему самому, он почему-то дрожал. Он долго стоял, вдыхая свежий воздух, а потом зашагал прочь от корабля. Ноги, легко

отталкиваясь от травянистой поверхности, в условиях пониженной силы тяжести несли его тело плавными скользящими шагами. Он и забыл, насколько приятной была эта особенность здешнего мира, эта легкость парения, словно в Оскаре снова заиграли гормоны подростка.

Он вышел из-под корабля, остановился и оглянулся вокруг. С одной стороны тянулась изломанная линия городского горизонта, а вдали виднелись вершины гор. Он ничего не узнавал. Кроме великолепного сапфирового неба. К счастью, при восстановлении биосферы новыми организмами и растениями, привезенными людьми, цвет неба не поменялся.

Непрекращающееся движение космических кораблей приносило порывы теплого морского воздуха, растрепавшего волосы Оскара. Как это было не похоже на порт Оракума, откуда он прибыл и где за целый день совершалось не больше пятидесяти полетов! Но Дальняя, отказавшись от политической и экономической интеграции с Великим Содружеством, стала самопровозглашенной столицей Внешних миров. Даже сейчас она оставалась только аффилированным членом Содружества. Упорное стремление Дальней к независимости после войны со Звездным Странником вдохновило целое поколение новых миров. Политическая воля вкупе с окончанием транспортной монополии ККТ, вызванным развитием космического кораблестроения, позволило сторонникам отделения основать внутри Содружества новое общество. Как доступность биоников, обеспеченная Династией Шелдон, положила начало цивилизации Высших, так и генетические улучшения человеческого тела, разработанные барсумианцами, вызвали к жизни движение Прогрессоров. Впоследствии Дальняя, известная своими стойкими либертарианскими традициями, объявила себя идеологическим противовесом Земле и АНС. Сенаторы Содружества с высоты своей древней мудрости смотрели на это заявление с некоторым презрением, но граждане Дальней верили в свое предназначение.

Оскар улыбнулся, погрузившись в эмоциональное течение местной Гея-сферы. Даже здесь ощущалась резкость, характеризующая упрямство местных жителей. Его юз-дубль подключился к планетарной киберсфере и ввел код одноразового адреса, полученного Оскаром восемьдесят шесть лет назад, в день выхода из клиники. К его удивлению, ответ пришел немедленно.

«Да?»

— Мне необходимо с тобой увидеться, — сказал Оскар. — Возникла проблема, и мне требуется помощь.

«Кто ты, черт побери, и где украл этот адрес?»

— Я — Оскар Монро, а адрес мне дали. Довольно давно.

Возникла долгая пауза, но канал связи остался открытым.

«Если ты самозванец, у тебя есть только один шанс уйти невредимым, и уйти немедленно».

— Я знаю, кто я такой.

«Мы это проверим».

— Хорошо.

«Ладно. Через час будь в заповеднике Кайма на вершине Геркуланума. Один из нас тебя встретит».

Связь оборвалась. Оскар усмехнулся. Он не должен злиться на подобный прием и не будет этого делать.

Юз-дубль отыскал контакт местной прокатной компании, и Оскар выбрал себе отличную антиграв-капсулу. Учитывая характер встречи, он не хотел рисковать и допустить

утечку информации, появившись на корабле с ультрадвигателем.

Капсула взмыла в небо баллистической свечой и подняла его над вершиной Геркуланума всего за двадцать восемь минут. Этот колоссальный вулкан Оскар видел в день своей гибели, когда спровоцировал крушение на его нижних склонах. Сегодня полет был намного более комфортабельным. Капсула вышла за пределы верхнего слоя атмосферы и по огибающей планету дуге полетела на юго-запад. Благодаря сенсорам, он видел над горизонтом вершины Великой Триады. Они и сейчас оставались самыми высокими в обитаемых мирах. На планете со стандартной гравитацией они развалились бы под собственной тяжестью, а здесь продолжали расти за счет выталкиваемой наружу магмы. Геркуланум, самая высокая из гор, поднималась на тридцать два километра, и ее плоская вершина уходила за пределы тропосферы Дальней. К северу от нее на семнадцать километров возвышалась гора Зевс, а на юге от Геркуланума стояла гора Титан высотой в двадцать три километра, этот вулкан единственный из всей Триады до сих пор проявлял признаки активности.

Капсула Оскара описала кругую кривую над безбрежными просторами лугов плато Олдрин и только потом начала опускаться. Внизу раскинулся величественный конус Геркуланума. Его неровное буро-коричневое плато, состоящее из реголита, нарушалось двумя кальдерами. Вокруг, вплоть до кольца ледников, видневшегося далеко внизу, спускались каменные склоны, а за ледниками зеленели хвойные леса, сменяемые альпийскими лугами. По счастью, сегодня активность Титана была невысокой. Оскар заглянул в красный пылающий кратер; поверхность огромного озера лавы морщила слабая зыбь. Раскаленные добела камни вылетали из жерла и, рассыпая оранжевые искры, чертили в вакууме пологие дуги. Некоторые из них выбрасывало с такой силой, что они перелетали через стену кратера и долго катились вниз, пока не пропадали из вида.

Конечно же, внимание Оскара привлек и длинный сквозной каньон между Зевсом и Титаном, ведущий к основанию Геркуланума. Сторожевой каньон, где ветра с океана Хондю сжимаются до сокрушительного потока воздуха, которые отчаянные искатели приключений раннего Содружества использовали для разгона своих гиперглайдеров, чтобы вылететь за пределы атмосферы и подняться над Геркуланумом. Оскару не довелось испытать это приключение до конца, потому что он врезался в гиперглайдер Анны, чтобы Уилсон получил возможность добраться до вершины.

Оскар заранее готовился к эмоциональному потрясению при виде места своей гибели, но теперь не испытывал ничего, кроме легкого любопытства «Это значит, что я вполне приспособился к новой жизни. Да?»

Глядя вниз на длинную расщелину в скалах, он в области экзорения вызвал метеорологические файлы и убедился, что ветра на Дальней теперь уже не такие сильные, как тысячу лет назад. Терраформирование успокоило здешнюю атмосферу. Полеты на гиперглайдерах остались в легендах.

Капсула опустила его к большому куполу, установленному на самом восточном краю вершины Геркуланума, где начинался восьмикилометровый отвесный обрыв Трона Афродиты. Вокруг входа в сектор высадки, рассчитанный на два десятка капсул, стоял атмосферный барьер. Сейчас в металлическом ангаре было всего две пассажирские капсулы, и еще пять обычных машин стояли неподалеку.

Оскар прошел через шлюз в основное помещение комплекса и уплатил за вход двадцать местных долларов, воспользовавшись монетой-кредиткой, предоставленной ему Паулой.

Внутри, позади Трона Афродиты, стояло три невысоких здания. Оскар вошел в первое, согласно табличке, именующееся «Место крушения». Целая группа туристов, оживленно переговариваясь, уже уходила оттуда, направляясь к кафе за следующей дверью. Они не обратили на него никакого внимания, что весьма порадовало Оскара. Хотя его лицо до сих пор оставалось прежним.

Внутри было почти темно, и за одной из стен открывался извилистый пешеходный переход, установленный в трех метрах над поверхностью. Атмосферный барьер под ним поддерживал вакуум над участком реголита, а стабилизирующее поле предотвращало гиперглайдер от дальнейшего разрушения. Его некогда изящный корпус был смят от удара в выступ скалы, а плайпластиковые крылья сильно погнулись и местами лопнули. Оскар вспомнил, какими красивыми были эти машины с раскинутыми крыльями, и тихонько вздохнул.

Он медленно пошел по переходу, пока не оказался прямо над старинным экспонатом. Оскар представил себе, как его друг, охваченный ужасом и отчаянием, летит по плато в вышедшем из-под контроля гиперглайдере. От него зависит судьба целой расы, а скалы неудержимо несутся навстречу. Оскар нахмурился, глядя вниз. Гиперглайдер был практически перевернут, а это означало, что в какой-то момент произошел очень сильный удар. Он посмотрел на край Трона Афродиты, где сидел человек в древнем герметичном скафандре.

Оскар дошел до конца перехода и понял, что это была объемная проекция. Голова Уилсона Кайма хорошо просматривалась в не совсем точно воспроизведенном круглом шлеме. Прорехи в герметичном скафандре были запаяны какой-то смолой, на реголите остались потеки крови. В проекции Уилсон поверх гор Дессо смотрел на восток, где в яркой дымке закругляющегося горизонта виднелись увенчанные снежными шапками вершины. Именно эту картину тогда и видел Уилсон, и ради нее умерло так много людей — упомянутых в истории и оставшихся неизвестными. Двенадцать веков назад с этого места передавалась информация, необходимая для направления колоссального шторма, уничтожившего Звездного Странника и освободившего Содружество. Сегодня, в том же самом месте можно посидеть в кафе «Избавитель» и купить пончиков, названных его именем.

— Без тебя нас бы здесь не было.

Оскар вздрогнул. Рядом с ним в переходе стоял человек в очень темном плащ-костюме. «Хороший же из меня секретный агент; кто угодно может подобраться вплотную».

— Простите? — произнес Оскар.

Мужчина улыбнулся. Он обладал весьма привлекательной наружностью: квадратная челюсть, подбородок с ямочкой и слегка приплюснутый нос. Карие глаза окружала сеточка смешливых морщинок. Губы широкого рта в улыбке приоткрыли сияющие белизной зубы.

— Меня чуть не смыло волной меланхолии, запущенной тобой в Гея-сферу, — сказал он. — Это понятно. — Он махнул рукой, обводя сумрачный зал. — Сегодня лишь эта пародия напоминает о том, что совершили вы с Уилсоном. Но даю слово, *мы* помним и ценим ваш подвиг. И учим этому своих детей.

— Мы?

Мужчина вежливо поклонился.

— Рыцари-Хранители. С возвращением на Дальнюю, Оскар Монро. Чем мы можем тебе помочь?

По пути к капсуле Оскара он сказал, что его зовут Томансио.

— Полностью мое имя звучит так: Томансио Макфостер Стюарт. Это мой отец восемьдесят шесть лет назад снабдил тебя кодом.

— Я едва успел с ним увидеться. Правительство организовало кордон вокруг моей комнаты. Я должен был сохранить свою тайну. Тем не менее с — сумел пройти. А потом и выйти.

— Мы думали, ты забыл нас, — сказал Томансио. — Или еще хуже.

— Я уже не тот, каким был прежде, — заметил Оскар. — По крайней мере, я так думал.

— И все-таки ты здесь. Интересное время и для Великого Содружества, и для Галактики в целом. Не совсем подходящее для того, чтобы поддаваться ностальгии.

— Верно. Дело совсем не в ностальгии.

Они разместились в капсуле.

— Ты не возражаешь, если поведу я? — спросил Томансио. — Добраться до наших земель без посторонней помощи тебе будет трудновато.

— Пожалуйста, — согласился Оскар. Любопытство овладело им сразу, как только они поднялись со стоянки. — А где ваши земли?

— Там, где были всегда. От северо-восточной оконечности хребта Дессо до самого Дубового моря.

Капсула набрала скорость и стала подниматься над горами, свернув на север. Оскар впервые увидел Высокую пустыню, словно часовыми, окруженную величественными вершинами.

— И я не мог бы сам вас отыскать? Ведь это гора Сент-Омер, не так ли? Неподалеку от нее и разбилась «Мария Селеста».

— Знать и добраться — это разные вещи.

— Надо же, вы превратились в буддистов и начали изрекать предсказания.

Томансио птичьим движением склонил голову набок, и снова вспыхнула его улыбка.

— А, понимаю. Я не собирался загадывать загадки. Хотя, возможно, виновен в излишнем драматизировании. Но мы очень ценим тебя, Оскар. Я надеялся произвести впечатление.

На мгновение Оскару показалось, что он прожил каждый год из прошедших одиннадцати столетий. Господи! Да ему же надо было хорошенько порыться в истории, чтобы меня понять. Он слишком отдалился от жизни, занимаясь только своими спутниками. Стоит ли удивляться, что ему казалось, будто дом окружил себя мягким барьером, отделяющим их небольшую семью от окружающего мира.

— Мы охраняем свои земли телепорт-сферой, — пояснил Томансио.

— Вот как? Я думал, что она есть только на Земле.

— Мы себя не рекламируем. Это невероятно действенный способ защиты на всех уровнях, хотя для ее поддержания требуется колоссальная энергия. Тот, кто подходит, подъезжает или подлетает к нашим границам, попросту телепортируется на другую сторону. Невозможно постучать в дверь, которой даже не видишь. Надо, чтобы тебя пригласили.

— Здорово.

Территория, к которой они приближались, даже издали казалась покрытой невероятно буйной растительностью. Густую зелень пересекали серебристые нити рек, долины и пологие склоны холмов делили между собой луга и леса. На востоке поблескивало Дубовое море. Капсула вернулась в атмосферу. Мимо прозрачного корпуса поплыли быстро

сгущающиеся полосы облачности. После непродолжительного спуска снизу развернулся полог из разноцветной листвы. Планета Дальняя всегда славилась уникальным многообразием генетических форм. Команды терраформирователей, прибывшие на почти стерильную планету, привезли с собой семена из сотен миров и со временем создали удивительные по своим контрастам пейзажи.

— Вот мы и прибыли, — объявил Томансио, когда капсула снизилась до высоты в три мили.

Вид снаружи так внезапно изменился, что Оскар подпрыгнул на своем сиденье. Теперь они парили в сотне яров над землей, у начала длинной долины. На многие мили вокруг расстился голубовато-зеленый ковер травы, окружающий лесные массивы в складках пологих склонов. Повсюду виднелись дома, построенные из камня и дерева, прекрасно вписывающиеся в окружающий пейзаж, словно средневековая деревня из древнего прошлого Земли. Только это поселение было во много раз крупнее.

— Вы живете здесь? — воскликнул Оскар.

— Да.

— Я вам завидую.

— Видимость может быть обманчивой.

Капсула приземлилась у одного из каменных домов с потемневшими от времени деревянными брусьями, торчащими из-под шиферной крыши. Вдоль одной из стен тянулся узкий балкон. Сквозь открытые большие окна можно было увидеть весьма современную обстановку, а подступающая к самым стенам трава создавала впечатление полной естественной гармонии.

Оскар устало выбрался наружу. В Гея-сфере звенело эхо теплой тихой радости, окутывая его грезами ребенка, уснувшего на руках матери, — *домашним* уютом и безопасностью.

Это были приветственные мысли людей, спешивших с ним поздороваться. Они выходили из соседних домов или просто телепортировались, выскакивая из ниоткуда и увеличивая толпу. Затем появились всадники, вернее, из-за ближайшего холма выехал целый кавалерийский отряд в темной форме с развевающимися за плечами красными и золотистыми геральдическими лентами. Спины коней покрывала металлическая сетка, и ее золотистые кисти свисали до самой земли. При виде этих грозных гигантских скакунов с окованными металлом рогами и острыми клыками в мыслях Оскара мелькнули какие-то смутные воспоминания.

— Я видел их раньше, — взволнованно воскликнул он. — Во время нашей поездки по горам. Шарлемани. Кто-то показывал нам дорогу.

— Да, — подтвердил Томансио. — Мы до сих пор обучаем молодежь тактике конного боя. Но в настоящих сражениях после Отмщения планеты они больше не участвовали. Теперь это лишь часть церемониала. Всадники прибыли в честь твоего приезда. И царь-орлы тоже.

Он показал наверх.

Оскар умудрился не вздрогнуть, но все же вскрикнул. Над головой кружила стая гигантских птицеподобных существ. Они были созданы барсумианцами в ходе экспериментов по генетическому расширению и своим видом напоминали птерозавров дочеловеческой земной эры. На каждой птице сидело по всаднику в развеваемом одеянии. Пролетая над домами, они махали руками и с удивительной четкостью изменяли строй. Оскар без стеснения улыбался их акробатическим номерам. Но ведь всадники наверняка

должны быть надежно пристегнуты?

Томансио сдержанно откашлялся.

— Может быть, несколько слов? — прошептал он на ухо Оскару.

Оскар так увлекся созерцанием царь-орлов, что не заметил, как много людей собралось перед ними. Он с легким беспокойством окинул взглядом толпу. Можно было подумать, что посмотреть на него собралась целая группа атлетов. Все без исключения были довольно высокими, мужчины — привлекательными, женщины — красивыми, и все — в прекрасной форме. Даже энергичные улыбающиеся ребята казались абсолютно здоровыми. Оскар невольно вспомнил описание будущего, сделанное Гербертом Уэллсом в «Машине времени». В этом надежно защищенном подобии райского сада Рыцари-Хранители были кем-то вроде элфов, но с мускулами и своей точкой зрения. Морлокам, осмелившимся забрести в эту долину, никто бы не позавидовал.

Оскар набрал полную грудь воздуха, искренне стараясь не думать обо всех интервью, данных средствам массовой информации за время службы во флоте.

— Я давно не был на Дальней. Очень давно. Вы смогли создать процветающий мир, мир, пользующийся уважением всего Содружества. И за это я благодарен вам, как благодарен и за теплый прием.

Аплодисменты звучали громко и искренне. Оскар вертел головой, улыбаясь приветливым лицам. И с огромным облегчением подчинился, когда Томансио пригласил его в дом.

Гостиная была отделана чем-то вроде полупрозрачной белой ткани, испускавшей мягкое сияние. В стенах имелись странные глубокие складки, что указывало на параллельные помещения. Оскар догадался, что это аспекты телепорт-сферы. В комнате стояла прочная мебель, и таким же солидным был небольшой киот, установленный на широком старинном столе в дальнем углу. Оскар замер, взглянув на голографический портрет в обрамлении черной драпировки, освещенный единственной свечой. Худощавое лицо Кэт сияло своей лучшей загадочной улыбкой.

— В каждой бочке меда своя ложка дегтя, — мрачно пробормотал Оскар.

Он мог бы и сам догадаться; слишком уж идиллической была эта долина.

Рядом с ним остановился Томансио.

— Ты ведь ее знал, не так ли? И даже разговаривал с ней, когда путешествовал по Дальней.

— Мы провели вместе один день на борту «Карбонового гуся», пока летели на другой конец Промежуточной. Я бы не сказал, что хорошо с ней знаком.

— Как бы я хотел в тот день оказаться на твоём месте. Она внушала тебе страх?

— Она раздражала меня. Да и всех остальных тоже. Может, и тебе пришлось бы это испытать.

— Я бы не испугался. Я был бы польщен.

— Она — воплощенное зло.

— Конечно. Но она благородна. Она указала нам путь, благодаря ей Хранители Личности снова обрели цель. Она подружилась с барсумианцами. Оскар, после уничтожения Звездного Странника, после того как ты помог его убить, нашим предкам ничего не осталось. Сначала Брэдли Йоханссон поднял нас против порабощения. Он сделал нас воинственным племенем, готовым к величайшей битве в истории человечества. Битве за спасение всей нашей расы. А когда все было кончено и он погиб, мы растерялись, мы

оказались обречены на постепенное вымирание, как старые солдаты, закончившие поход. Анахронический пережиток, мешающий Содружеству цивилизовать Дальнюю.

— В конце концов солдатам всегда приходится отложить оружие.

— Ты не понимаешь. Она спасла наш дух. Она показала, что сила — это добродетель, это благословение. Это наша эволюция, и никаким либералам Содружества не позволено считать наши традиции позорным недостатком, подлежащим искоренению. Если бы мы не были сильны, если бы Брэдли не остался непреклонным, Содружество погибло бы в тот же день, что и ты, Оскар. Если бы барсумианцы не поддерживали свою чистоту, люди сегодня были бы чахлыми, недолго живущими существами. — Он улыбнулся, глядя на портрет. — Один из нас обладал силой, второй видел цель. Она видела и то и другое, и она соединила их в один четкий принцип, она дала нам мечту, которой мы верны и поныне. Силы нельзя стыдиться, Оскар.

— Я знаю, — неохотно согласился Оскар. — Потому-то я и приехал сюда.

— Я всегда надеялся. Ты сказал, что нуждаешься в помощи.

— Верно. — Он помолчал. — А вдруг это противоречит вашей идеологии?

Томансио рассмеялся.

— У нас нет идеологии, Оскар. В этом суть движения Рыцарей-Хранителей. Мы следуем единственному кредо: силе. Человеческое общество растет и становится разнообразным, и мы хотим придать ему силы. Это и есть наше основное убеждение. Те ветви человечества, которые примут его, сумеют выжить. Все предельно просто. Мы следуем природе. А то, что на: считают не кем иным, как наемниками, нас не волнует. Когда нас нанимают для определенной работы, мы старательно ее выполняем.

— Для моей работы требуется деликатность и скрытность. По крайней мере в самом начале.

— Мы можем действовать деликатно, Оскар. Секретные операции — одна из наших специальностей. Мы беремся за любые поручения, исключая откровенно безнравственные или глупые. К примеру, мы даже ради тебя не пойдем на грабеж. Рыцари-Хранители дорожат своей честью.

Оскар чуть не принялся расспрашивать, как вела себя Кэт, но решил этого не делать.

— Я должен кое-кого отыскать, а затем предложить ему защиту.

— Звучит достойно. И кто же это?

— Второй Сновидец.

Оскар впервые с момента встречи увидел, что Томансио изменила его сдержанность.

— Ты не шутишь? — Рыцарь-Хранитель снова рассмеялся. — Двенадцать веков отсутствия, и после этого ты приходишь к нам с таким поручением... Оскар, мы не зря тебя так долго ждали. Второй Сновидец! — Он неожиданно снова стал серьезным. — Я не стану спрашивать о причине поисков. Но хочу от всей своей простой души поблагодарить, что ты обратился к ним.

— Причина довольно проста. На него стремятся оказать давление самые разные люди. Если он решит выйти из тени, ему необходимо будет предоставить право самому сделать выбор.

— Пытаться попасть в Бездну — или нет. Стать причиной возможного краха Галактики в погоне за счастьем нашей расы — или нет. Достойная цель, достойный вызов.

— Я могу предположить, что это означает согласие?

— Моя команда будет готова в течение часа.

— Ты сам поведешь своих людей?

— А ты как думал?

— Я была *так* уверена! — воскликнула Араминта. — Она вела себя как ненормальная, она делала все, что он ей приказывал. Абсолютно все.

— Признайся, моя дорогая, в тот момент ты находилась не в той *позиции*, чтобы быть объективным наблюдателем, — насмешливо ответила Крессида.

— Но как она это проделывала! Ты не понимаешь. Она была усердной. Послушной. Да и остальные тоже. Мне так кажется. Черт. Как ты думаешь, может, он просто водил меня за нос? Может, она перепрофилирована, а он приказал скрывать это? — Араминта пыталась успокоиться. Алкоголь — неплохое средство от волнения. Она наклонила бутылку над своим бокалом. Но там ничего не осталось. — Проклятье.

Крессида просигналила щеголеватому официанту.

— Повторите заказ, пожалуйста.

— Да-а. Ну почему все мужчины такие? Почему они так подло себя ведут? Или у них мозг так устроен? А те женщины — настоящие рабыни.

— Я понимаю.

Официант принес еще одну бутылку и щелкнул пробкой.

— Вон тот джентльмен спрашивает, может ли он заплатить за вино?

Араминта и Крессида посмотрели в сторону огромного, от пола до потолка, окна, за которым открывался вид на сверкающий огнями ночной город. Бар находился на тридцать пятом этаже отеля-башни «Саламартин» и привлекал многих туристов, согласных на безумные цены. Все комнаты в отеле уже были заполнены последователями Воплощенного Сна, и, естественно, вестибюль тотчас осадили их противники. Араминте пришлось проталкиваться сквозь кричащую озлобленную толпу, а потом еще и уговаривать швейцара пропустить ее внутрь. Она здорово испугалась; на улице явно назревало серьезное столкновение. А у Крессиды, как всегда, имелся код постоянного посетителя, что давало ей право воспользоваться стоянкой на крыше.

Мужчина, улыбающийся им из-за столика у окна, был одет в костюм из натуральной ткани, как одевались только жители Маккатрана.

— Нет, — хором ответили Араминта и Крессида.

Официант понимающе улыбнулся и разлил вино.

Араминта мрачно уставилась на наполненный бокал.

— Как ты считаешь, может, стоит обратиться в полицию?

— Нет, — решительно возразила Крессида. — Эта дорога тебя до добра не доведет. Ради Оззи, он же усадил тебя за ужином рядом с премьер-министром. Ты убедилась в его могуществе. Кроме того, никакая полиция на планете не станет им заниматься, а если и станет, они не смогут ничего доказать. Этих женщин, если ты права — а я и не говорю, что ты не права, — никогда не найдут, и уж тем более не станут исследовать их мозг на предмет незаконного перепрофилирования. Забудь об этом.

— А если обратиться к правительству Содружества? Должно же у них быть какое-то агентство для борьбы с преступниками.

— Межзвездное Управление расследований особо тяжких преступлений. Значит, ты поедешь в их местное отделение, которое, возможно, находится на Эллезелине, и скажешь, что некоторые из его жен подверглись психонейронному перепрофилированию, а узнала ты это по их поведению во время оргии с применением эротической наркотической

программы.

— Это не наркотик, — произвольно возразила Араминта.

— Очко в твою пользу. Тогда все в порядке.

— Ладно! А что, если я расскажу им о его коммерческих планах? О комплексе «Олбани» и его назначении?

— Кому?

Араминта надулась. Для лучшей подруги Крессида проявляла не слишком сильное сочувствие.

— Не знаю. Ассоциации промышленников Эллезелина, или как там она называется.

— А ты думаешь, им ничего не известно? Такую стройку, как «Олбани», нелегко спрятать. И какое это имеет отношение к психонейронному перепрофилированию?

— Понятия не имею.

— Мне кажется, это уже мелкая месть, а не поиски справедливости.

— Он мерзавец. И заслуживает наказания.

— А в постели он хорош?

Араминта сосредоточилась на наполнении своего бокала и надеялась, что не слишком сильно покраснела.

— Он был недурен.

— Послушай, дорогая, по-моему, это один из тех неприятных случаев, когда надо просто забыть и двигаться дальше. Ты получила ценный урок теперь знаешь, насколько надо быть безжалостной, чтобы пробиться наверх в этой нашей старой и несовершенной Вселенной.

Голова Араминты опустилась на руки, и волосы рассыпались вокруг бокала.

— Великий Оззи, я сама приехала, чтобы с ним переспать! Разве это не унижительно?

Ей захотелось избавиться от воспоминания, хотя бы от того, как ей понравилась та ночь. Ведь возможно же незначительное редактирование памяти при помощи имеющихся в продаже подпрограмм и некоторых лекарств. «Ой, перестань-ка себя жалеть, девочка!»

— Ну, ну. — Ладонь Крессиды накрыла руку Араминты. — Он уже давно забыл твоё имя и заманил в постель дюжину других девчонок. Он относится к этому случаю намного проще, чем ты.

— Ты так говоришь, чтобы меня утешить?

— Ведь в этом и заключалось его предложение, не так ли? Ты спала бы с ним по вторым пятницам каждого месяца, в названии которого есть буква «р»?

— Да, я знаю. Черт, я ведь уже большая девочка, я знаю, что делаю.

— При наличии некоторого опыта всегда проще оценить настоящее.

Араминта подняла голову и усмехнулась.

— Спасибо, что не осуждаешь меня.

— Тебе еще учиться и учиться. Но я считаю, что под моим руководством ты быстро совершенствуешься. Эта ошибка не так ужасна, как в случае с Ларилом.

— Ты никогда не упускаешь шанса поднять мне настроение.

Крессида легонько стукнула своим бокалом о край бокала Араминты.

— Ты начинаешь разбираться в жизни. Это хорошо. А как ты собираешься поступить с мистером Бови?

Араминта поморщилась.

— Вернее, с его предложением.

— Что? Он все-таки решился?

— Да. Брак состоится, как только я стану мультиличностью.

— И ты еще говоришь, что это я вредная! Пстой-ка, он сделал тебе предложение до твоей развлекательной поездки к Ликану?

— Гм-м. Да.

— Ну ты даешь, девочка. И к чему тогда весь этот шум с Ликаном?

— Я просто хотела попробовать и решить, что мне больше нравится.

— Ого.

— А ты никогда не думала о том, чтобы стать мультиличностью? Ликан сказал, что это только стиль личной жизни, а не способ ведения бизнеса. Я не уверена. В моей работе лишней десяток пар рук пришелся бы очень кстати.

— Нет, я никогда об этом не думала. Юристу нужна одна голова, и только. Но если ты всерьез решила заняться недвижимостью, я могу представить некоторые практические преимущества.

— Но ведь это отчасти влечет за собой некоторое самоограничение. Я навсегда буду вынуждена заниматься физической работой.

— Твоя гордость довольно изменчива.

— Я просто хотела... — Она так и не решила, как закончить фразу. — Не знаю. Просто уик-энд меня шокировал. И еще этот ужасный сон. Я видела себя огромным существом, парящим над планетой, как вдруг кто-то попытался меня задушить. В последнее время было несколько подобных сновидений. Как ты думаешь, это последствия стресса?

Крессида озадаченно моргнула.

— Дорогая, но ведь такие сны видят все. Это сон Второго Сновидца о Небесном Властителе над Кверенцией. И никто не пытался тебя душить, просто Этан попробовал обратиться к Небесному Властителю напрямую. Говорят, что он до сих пор в коме и лежит в клинике, где лечат его обожженный мозг.

— Я не могла видеть этих снов.

— Почему?

— У меня нет геев-частиц. Это всегда казалось мне глупостью, какой-то карикатурой унисферы.

Крессида вдруг замолчала. Она отставила свой бокал и взяла Араминту за руку.

— Ты серьезно? — затем спросила она.

— Насчет чего?

— Твоя мать ничего тебе не рассказывала?

— О чем?

Араминта забеспокоилась. Ей захотелось выпить еще, но пальцы Крессида крепко держали ее руку.

— О нашей пра-пра-прабабке.

— А что с ней такое?

— Это была Меллани Рескорай.

Напряжение мгновенно спало, и ему на смену пришло разочарование. Она-то ожидала услышать о наследнице какой-нибудь Династии или королевской семьи с Земли. Но уж никак не о личности, о которой ничего не знала.

— Ох. А кто она?

— Друг сильфенов. Они признали ее своим другом. Тебе известно, что это означает?

— Нет, не совсем.

Знания Араминты о сильфенах были весьма расплывчатыми. Какая-то гуманоидная раса, которую все называют эльфами. Известны своими непонятными песнями и причудливой сетью червоточин, охватывающей половину Галактики, что позволяет им буквально бродить между мирами. Эта способность привлекла удручающе большое число людей романтического склада, которые пытались следовать за сильфенами по их извилистым межзвездным тропам. Вернулись лишь немногие из них, но они рассказывали невероятные истории о новых мирах и обитающих в них экзотических существах.

— Ладно, — сказала Крессида. — Вкратце это звучит так. Сильфены назвали своим другом и Оззи тоже. Они подарили ему волшебный амулет, помогающий ориентироваться в их тропях, и даже позволяющий общаться с их коллективным разумом, их Исток-островом.

— Оззи? Ты имеешь в виду нашего Оззи? Который...

— Да. Но Оззи есть Оззи, он разломал амулет и понял, как работает их волшебство. Никакой магии, просто квантовое сцепление. И тогда люди начали производить гея-частицы. Наши Гея-сферы — просто жалкие копии коллективного разума сильфенов.

— Ну и какое отношение к этому имеет наша прародительница?

— Меллани тоже была другом сильфенов. Следовательно, не только обладание амулетом. Исток-остров принимает твои мысли и делится с тобой накопленной мудростью. Амулет только иницирует контакт. Спустя некоторое время эта способность становится естественной — ну, приблизительно. И, как всякая магия, предположительно передается по наследству.

Крессида отпустила руку Араминты и мягко улыбнулась.

— Ты же сказала, никакой магии не было.

— Конечно, нет. Но послушай дальше. У Меллани и ее мужа, Ориона, который тоже был другом сильфенов, пока они бродили по Галактике, родилась дочка Софи. Одна из немногих детей, рожденных на тропе, и точно единственная дочка двух друзей сильфенов. Она с самого рождения имела связь с Исток-островом и передала это свойство своим детям. Вот почему многие из нашей семьи могут ощущать Гея-сферу даже без гея-частиц, хотя с каждым поколением способность эта уменьшается. Зато в удачную ночь иногда удается чувствовать связь с Исток-островом. Я и сама в молодости немного побродила по тропам сильфенов; одна из них начинается сразу под Колвин-сити, в лесу Франкола. Мне было тринадцать лет, я хотела приключений. Глупо, но...

— На Виотии есть тропа сильфенов?

— Да. Только они ею редко пользуются. Им не по нраву цивилизованные планеты вроде нашей.

— А куда она ведет? — взволнованно спросила Араминта.

— Они не ведут всегда к одному и тому же месту, они изгибаются и переплетаются. И время на них течет совсем иначе. Поэтому люди, не принадлежащие к числу друзей сильфенов, так часто на них теряются. Мне повезло, я сумела выбраться всего через пару дней. Мать была в ярости.

— Значит... мои сны вовсе не мои?

— Если о Небесном Властителе, то действительно не твои.

— А все казалось таким реальным.

— Еще бы. — Крессида многозначительным взглядом обвела бар, битком набитый последователями Воплощенного Сна. — Теперь ты понимаешь, почему они проявляют такое

рвение. Если каждый раз, когда ты засыпаешь, тебе являются такие соблазнительные картины, разве захочется просыпаться? Такой они видят для себя Бездну. Вечные сны.

— Я все-таки не понимаю. Если все происходит на самом деле? Этот город, который всегда появляется во сне, Маккатран, он же из средневековья? А их Идущий-по-Воде все время с кем-то сражается. Это ужасно. Даже если у них имеется дар телепатии, что с того? Наши технологии ничуть хуже. Кому захочется так жить?

— Прежде чем высказывать такое суждение, тебе бы надо посмотреть сны Иниго. Идущий-по-Воде изменяет все человеческое общество.

— Значит, он талантливый политик?

— О нет, дорогая, он больше чем политик. Он открыл нам истинную сущность Бездны. Он показал, на что она способна. Такую мощь, которая ужасно но пугает меня. И которую очень многие находят привлекательной. — Крессида махнула изящной ручкой в сторону последователей Воплощенного Сна. — Спаси нас, Оззи, если эти ни на что не годные придурки обретут способности Идущего-по-Воде. Тогда поглощение Галактики покажется досадной мелочью.

ШЕСТОЙ СОН ИНИГО

Без малого восемь десятков констеблей–стажеров сидели на скамьях, расставленных на абсолютно черном полу Мальфит–холла, а на сводчатом потолке над ними по золотисто–розовому рассветному небу плыли тонкие облака. Эдеард, заняв свое место во втором ряду, запрокинул голову и в изумлении смотрел на огромный потолок. Он был уверен, что перед ним одно из чудес света. Товарищей по отряду позабавила его реакция. Ники из них, за исключением Динлея, раньше никогда не был во Дворце–Саду, но они хотя бы знали о движущихся изображениях. И даже не подумали предупредить товарища!

Появление на «небе» Никрана вызвало у Эдеарда удивленный возглас Рыжевато–бурая планета здесь была больше, чем в небе Кверенции, и он даже сумел рассмотреть некоторые детали пустынного рельефа. Из–за этой он почему–то решил, что видит реальное место, а не часть божественной панорамы.

— Там кто–нибудь живет? — шепотом спросил он у сидевшей рядом Кансин.

Она посмотрела на него, нахмурилась, потом подняла взгляд к изображению Никрана и хихикнула.

— Что такое? — прошипел Максен.

— Эдеард хочет узнать, живет ли кто–нибудь на Никране, — с самым серьезным видом ответила Кансин.

Теперь захихикало все отделение. К ним быстро присоединились и остальные стажеры. Эдеард почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

— Почему бы и нет? — возмутился он. — Корабль Раха попал в этот мир, почему другой корабль не мог приземлиться на Никране?

— Точно, — подхватил Максен. — Вопрос актуальный. Нет, там наверняка есть и другой Маккатран.

Эдеард проигнорировал насмешку и уставился прямо перед собой. Он дал себе слово никогда не рассказывать друзьям о своих снах и о том, что в них увидел.

Констебли–стажеры быстро успокоились, а Эдеард постарался сосредоточиться на том, что происходило в зале. Перед рядами стульев почти во всю стену поднималась закругляющаяся лестница. Наверху появился Овайн, мэр Маккатрана, сопровождаемый мастерами гильдий и главами районов, составляющими Высший Совет. Все они были в роскошных церемониальных одеждах, распространявших блеск и разноцветное сияние. Процессия начала спускаться в зал.

— О Заступница, — простонал Динлей.

В мыслях своего друга Эдеард уловил признаки головокружения.

— Десять секунд, — в самом слабом телепатическом посыле обратился он к Динлею. — А потом все закончится. Потерпи только десять секунд. Ты сможешь.

Динлей кивнул, хотя и без особой уверенности.

Эдеард с трудом удерживался, чтобы не оглядываться назад, где собрались друзья и родные, желавшие посмотреть, как стажеры получают бронзовые эполеты. Кто–то сказал, хоть, может быть, и слегка преувеличил, что половину зрительских мест заняли родственники Динлея, и все в форме констеблей.

— Держу пари, что сегодня во всех районах возрастет число правонарушений, — заявил Максен, когда они еще только занимали свои места. — В патрулях не осталось ни одного

констебля.

Овайн подошел к трибуне, установленной у подножия лестницы. Он широко улыбнулся притихшей аудитории.

— Сегодняшняя церемония для меня и большая честь, и приятная привилегия, — произнес он. — В силу своей работы я часто слышу жалобы людей на обстановку в городе, на хаос, царящий в его хрустальных стенах. Я бы хотел, чтобы жалобщики сегодня присутствовали среди нас и увидели, как много молодых людей пришли на службу Маккатрану. Ваше чувство долга, заставившее выбрать служение своим согражданам, воодушевляет меня. Вы даете мне уверенность в будущем.

«Вот что значит настоящий политик», — с осуждением подумал Эдеард. Кому, как не мэру, знать, насколько мала численность констеблей. Восьмидесяти человек явно недостаточно, ведь за последние несколько месяцев примерно столько же людей уволились со службы, чтобы стать телохранителями или занять более доходную и уважаемую должность шерифа в провинциальном городке. «Почему он не может что-нибудь с этим сделать?»

Мэр закончил свою воодушевляющую речь. Констебли-стажеры все как один встали, и первый ряд промаршировал к трибуне, чтобы принять поздравления от мэра. Шеф-констебль громко зачитывал имя стажера, помощник подавал мэру пару эполет, и новичок получал их от градоначальника, причем каждому тот улыбался и жал руку.

Настала очередь ряда, в котором сидел Эдеард. До сих пор он думал, что все это глупо, что ему предстоит только скучать и злиться, что без церемонии вполне можно было бы обойтись. Тем более что хлопала ему только Салрана, получившая выходной день от своих обязанностей в храме. Но теперь, шагая к главе целого города, он осознал торжественность момента. За его спиной от зрителей расходились волны горделивой радости. Люди верили в констеблей. Впереди свое одобрение выражал Высший Совет. Никто из советников не обязан был присутствовать на церемонии, а она проводилась трижды в год. Они видели десятки подобных торжеств, и еще десятки им предстояло увидеть. При желании каждый мог отказаться, но они считали это событие достаточно важным, чтобы приходить снова и снова.

И вот он, Эдеард, делает шаг вперед, чтобы принести публичную клятву горожанам в том, что будет защищать их и поддерживать власть закона. Вот ради чего Рах и его соратники и создали подобные церемонии — чтобы выразить признательность констеблям, решившим посвятить свои жизни городу. Это не глупость и не пустая трата времени, это проявление уважения.

Шеф-констебль зачитал его имя, и Эдеард пожал руку улыбающегося мэра. В его ладонь легли бронзовые эполеты.

— Спасибо, сэр, — сказал Эдеард, несмотря на комок в горле. — Я вас не подведу.

«Эшвилль никогда не повторится».

Если мэр и был удивлен его словами, он этого не показал. Эдеард заметил на парадной лестнице Финитана. Грандмастер гильдии эгг-шейперов в своем пурпурно-золотом одеянии с вышитыми алым шелком символами и капюшоном, пристегнутым на левом плече, выглядел великолепно. Он увидел, что Эдеард на него смотрит, и подмигнул.

«Отличная работа, парень», — пришел от него узконаправленный посыл.

Эдеард спустился с возвышения у трибуны. В зале раздались громкие аплодисменты. Он едва не рассмеялся: казалось, будто присутствующие радуются его уходу. На самом деле,

пришла очередь Динлея, и многочисленные члены семьи приветствовали своего родственника, получавшего бронзовые эполеты. Динлей сумел не споткнуться, не покачнуться и не упасть от страха в обморок. Он с сияющей улыбкой вернулся на свое место рядом с Эдеардом и оглянулся на родных.

После церемонии состоялся официальный прием, мэр и члены Высшего Совета смешались с новоявленными констеблями и их родными, а ген-мартышки сновали по Мальфит-холлу с подносами напитков. Прием должен был продлиться час. Эдеард, хоть и изменил свое отношение к самой церемонии, все же планировал удрать минут через десять.

— Нет, ты этого не сделаешь, — заявила Салрана. — Только посмотри, кто здесь собрался.

Эдеард хмуро оглядел болтавших между собой нарядных родственников констеблей и представительных членов Совета.

— Кто?

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

— Ну, для начала, Пифия. И она заметила меня. Во время церемонии я ощутила ее про-взгляд.

Эдеард снова осмотрелся.

— Все понятно, ты здесь единственная послушница. Наверное, она решила, что ты тайком удрала из храма ради бесплатной выпивки.

Салрана возмущенно выпрямилась. Ткань ее бело-голубого платья так натянулась, что Эдеард просто не мог не обратить внимания кое на что. Если он будет продолжать думать о том, как она выросла, и о том, что из этого следует, Заступница наверняка когда-нибудь вычеркнет его из жизни.

— Эдеард, ты до сих пор иногда ведешь себя как капризный ребенок. Мы оба теперь жители Маккатрана. Сегодня для тебя особенный день. Попробуй вести себя соответствующим образом.

У Эдеарда даже рот приоткрылся.

— Сейчас мы пойдем и поблагодарим мастера Финитана за оказанное тебе покровительство, выразим свою признательность, которую ты действительно чувствуешь, и, возможно, нас представят другим членам Совета. Если уж ты собираешься стать шеф-констеблем, пора обратить внимание и на политические течения в городе.

— Гм. Да, — согласился Эдеард. — Шеф-констеблем?

— Ну, раз уж ты предпочел гильдии службу констеблей, это твой путь в Высший Совет.

— Я всего восемь минут назад получил эполеты.

— Сомневающиеся проигрывают. Книга Заступницы, пятая глава.

У него дернулся уголок рта.

— Я это знал.

— В самом деле? — Салрана приподняла бровь. — Надо бы как-нибудь устроить тебе проверку.

— Спасибо, но в последние пару недель я сдал достаточно экзаменов.

— Бедняжка Эдеард. Пойдем.

Она снова, как маленькая девочка, потянула его за руку.

Эдеард и Салрана подошли к Грандмастеру Финитану, когда он разговаривал с двумя членами Высшего Совета. Финитан повернулся к молодым людям и улыбнулся.

— Поздравляю тебя, мой мальчик. Сегодня тебе есть чем гордиться.

— Да, сэр. Спасибо вам за помощь.

— Похоже, что шеф-констебль теперь мне обязан. Ты закончил стажировку третьим из всего выпуска. Это великолепный результат для юноши, не знакомого с городом.

— Благодарю вас, сэр.

— Позволь мне представить тебя Гралею, мастеру географической гильдии, и Имилану, мастеру гильдии химиков. Это констебль Эдеард из провинции Рулан, друг моего бывшего мастера.

— Мастера.

Эдеард отвесил официальный поклон. Вдруг он увидел, как Салрана, изящным движением приподняв юбку с одной стороны, изобразила небольшой поклон, согнув колени, но держа спину прямо.

— И послушница Салрана, — тотчас добавил Финитан. — Тоже из провинции Рулан.

— Рад познакомиться, — сказал Имилан.

Эдеарду не понравилось, как взгляд мастера приклеился к Салране.

— Вы забрались далеко от дома, послушница, — заметил мастер.

— Нет, сэр, — вежливо ответила она. — Теперь мой дом — Маккатран.

— Хорошо сказано, послушница, — произнес Финитан. — Хотелось бы мне, чтобы все горожане так же ценили свой город, как ты.

— Ну, Финитан, — со смехом воскликнул Гралея. — Сегодня не тот день.

— Прошу прощения. — Финитан склонил голову, обернувшись к молодым собеседникам. — Итак, Эдеард, ты уже сталкивался с нашими преступниками?

— Немного, сэр.

— Он скромничает, — вмешалась Салрана. — Он возглавил погоню за грабителями на рынке в районе Силварум. И сумел вернуть похищенное.

Эдеард смущенно поежился под внимательными взглядами троих мастеров.

— И что, злодеи уже отработывают свой срок на шахтах Трампелло? — спросил Имилан.

— Нет, сэр, — признался Эдеард. — На этот раз они скрылись. Но больше им сбежать не удастся.

— Я тоже думаю, что не удастся, — не скрывая своего удовольствия, сказал Финитан. — Пойдем, Эдеард, позволь мне представить тебя мэру. Пора ему снова увидеть достойного человека.

— Сэр?

— Это старая шутка. Мы нередко поддразниваем друг друга в Совете. — Он сделал молодым людям знак следовать за ним. — Но, конечно, не во время обсуждения жизненно важных проблем.

Мэр Маккатрана беседовал с Пифией возле той самой трибуны, где он вручал эполеты. Может, ему и не интересно было знакомиться с новоиспеченным констеблем, но он ничем этого не показал. Настолько закрытого разума Эдеард еще не встречал — хотя он и не особо присматривался. Все его внимание приковала Пифия. Он ожидал встретить древнюю женщину, излучающую материнское тепло. Вместо этого он в полном замешательстве смотрел на красавицу, которой не было и полувека. Отделанное золотом белое одеяние только подчеркивало ее красоту, а просторный капюшон, накинутый на голову, бросал на лицо легчайшую тень.

Салрана повторила перед Пифией свой странный поклон.

— Да благословит тебя Заступница, дитя мое, — сказала Пифия.

В ее голосе угадывалась скука, характерная для аристократов Маккатрана, когда им приходилось общаться с теми, кого они считали ниже себя. Этого от Пифии Эдеард никак не ожидал. Но вот она обратила внимание на него. Поразительные светло-голубые глаза, окруженные массой бронзовых волос, переплетенных золотыми и серебряными листьями, остановились на его лице. Она чуть-чуть прищурилась, словно оценивая Эдеарда, и ему показалось, что он разочаровал Пифию. Но потом она улыбнулась, прогнав его тревогу.

— А вы интересный человек, констебль, — сказала Пифия.

— Моя госпожа, — сумел выдавить он.

Каким-то образом он ощущал про-взгляд Пифии, словно она пыталась проникнуть в его мысли. В этом странном контакте было что-то откровенно личное. А она казалась такой красивой! И стояла всего в ярде от него, с открытой и манящей полуулыбкой.

Из горла Салраны вырвался сдавленный стон.

— Я не настолько тщеславна, — весело усмехнулась Пифия. — У нас только одна госпожа — наша Заступница. Обычно ко мне обращаются Дорогая Матушка.

— Прошу прощения, Дорогая Матушка.

— Забудь об этом. Ты прошел долгий путь, чтобы добраться сюда, и еще более долгий путь тебе предстоит.

— Правда?

Но Пифия уже повернулась к Финитану.

— Какой у тебя интересный молодой друг, Грандмастер.

— Я рад, что ты так считаешь, Пифия.

— Он молод, но уже очень силен.

Ее тон вызвал в позвоночнике Эдеарда предательскую дрожь. Он больше не осмеливался смотреть в сторону женщины и перевел взгляд на нахмурившегося мэра.

— Ты предвидишь для него громкие свершения? — насмешливо спросил Финитан.

Пифия пристально посмотрела на Эдеарда; в этой небольшой группе он не мог игнорировать ее внимание, не показавшись грубым. Эдеард попытался ответить ей тем же, но это было необычайно трудно.

— В тебе заложен колоссальный потенциал, — сказала Пифия. Она словно весело подтрунивала над ним. — Ты следуешь учению Заступницы, констебль Эдеард?

— Я стараюсь, Дорогая Матушка.

— Я так и думала. Да будет с тобой Ее благословение на твоём новом поприще.

Но Эдеард ее уже почти не слышал. Его внимание привлекло какое-то волнение за спиной Финитана. Через мгновение он с ужасом увидел, что к ним, вся в черном шифоне, с развевающейся вуалью на высокой шляпке, направляется миссис Флорелл. Приветствовать важную даму повернулись и Финитан, и мэр, и Пифия.

— Тетушка! — радостно воскликнул мэр. — Как хорошо, что вы пришли.

— Вот он, — своим скрипучим голосом объявила миссис Флорелл. — Этот молодой хулиган, который чуть не сбил меня с ног.

— Ну, тетушка...

— Отнимите у него эполеты, — скомандовала она. — Он недостойн служить городу. Было время, когда в констебли принимали только лучших, только сыновей благородных фамилий.

Мэр, слегка смутившись, обернулся к Эдеарду.

— Что произошло, констебль?

— Я преследовал грабителей, сэр. Миссис Флорелл вышла из здания. Я обогнул ее...

— Ха! Скажи лучше, пытался пробежать прямо по мне.

— Будет вам, тетушка. Парень, вероятно, выполнял свою работу, нам как раз нужны такие добросовестные молодцы. Представьте, если бы грабители вырвали у вас сумочку, разве вы бы не хотели, чтобы за ними погнались констебли?

— *Мою сумочку никто не посмеет украсть*, — отрезала она.

— Я очень сожалею о причиненном беспокойстве, — в отчаянии взмолился Эдеард.

Но эта ужасная женщина ничего не желала слышать.

Мэр ловко развернулся, встав между миссис Флорелл и Эдеардом, а за спиной щелкнул пальцами, давая знак уйти. Эдеард торопливо поклонился и быстро попятился. Вслед за ним поспешили Салрана и Финитан.

— Ах, тетушка, нехорошо обращать внимание на подобные пустяки. Знаете, вы должны попробовать это крепленое вино из округа Миндалла, оно очень, очень неплохое...

В голосе мэра прозвучало плохо скрываемое раздражение.

Финитан широко улыбнулся, как только они отошли от мэра и его тетушки на порядочное расстояние.

— Спасибо тебе, Эдеард. Обычно эти приемы бывают довольно скучными.

— Э-э... да, сэр.

— Ну, хватит тебе, сегодня ведь день твоего выпуска. Не позволяй этой полоумной старой летучей мыши его испортить. К несчастью, у нее слишком хорошие связи, но и у тебя были бы не хуже, если б так же долго и упорно цеплялся за жизнь. Я бы не удивился, услышав, что она пьет кровь девственниц. Прошу прощения, послушница.

— Я наслышана о миссис Флорелл, сэр, — сказала Салрана.

— Как и все остальные в нашем городе, — подхватил Финитан. — Поэтому она и считает себя такой важной персоной, хотя на самом деле она просто невыносимая старуха. — Он положил руку на плечо Эдеарда. — И это говорю я, ее праправнучатый племянник. К счастью, дважды отвергнутый.

— Спасибо вам, сэр, — сказал Эдеард.

— А теперь бегите отсюда и повеселитесь как следует. Да, Эдеард, когда придет время подавать рапорт на присвоение офицерского звания, зайди ко мне. И я с радостью подпишу письмо.

— Сэр? — недоверчиво воскликнул Эдеард.

— Ты все слышал. А теперь выбирайтесь отсюда. Вас ждет развратный и дерзкий город. Развлекайтесь.

Эдеарду не надо было повторять дважды. Вместе с Салраной он поспешил к арочному проходу, ведущему в вестибюль.

— Эй, Эдеард, — окликнул его Максен и бросился наперерез. — Куда это ты направился?

— Подальше отсюда, — бросил Эдеард.

Он даже не осмеливался оглянуться через плечо, опасаясь встретить взгляд миссис Флорелл.

Максен догнал их и остановил.

— Мать и Дибал пригласили меня отметить сегодняшнее событие в ресторане «Ракас». И заочно приглашают всех моих товарищей по отделению. — Максен умолк, глядя на

Салрану. — Послушница, я и не подозревал, что Эдеард уходит в такой приятной компании.

Он выжидательно посмотрел на Эдеарда, словно забыв о вечеринке.

— Это послушница Салрана, из той же деревни, что и я, — неохотно произнес Эдеард.

— Я обязательно должен посетить вашу деревню.

Максен низко поклонился.

— Почему же, констебль?

— Посмотреть, все ли девушки там так же красивы, как и вы.

Она рассмеялась. Эдеард застонал и метнул в Максена предостерегающий взгляд.

— Приглашение в «Ракас» распространяется и на друзей моих товарищей, послушница.

— Друг с благодарностью принимает приглашение, — с важным видом ответила она. —

Но только если вы перестанете называть меня послушницей.

— С радостью, Салрана. А еще я попрошу тебя рассказать о детстве Эдеарда. Похоже, что он что-то скрывает от нас. От нас, доверяющих ему свою жизнь.

— Это ужасно, — согласилась она. — Я рассмотрю ваше обращение.

— Салрана! — в отчаянии воскликнул Эдеард.

— Отлично, — обрадовался Максен. — Я найму еще одну гондолу для нашей вечеринки. Да, Эдеард, а где Кансин?

Эдеард бросил на своего так называемого друга сердитый взгляд.

— Эдеард? — окликнула его Салрана, прибавив еще и толчок в бок.

— Вон там, — показал он рукой, даже не помедлив, чтобы сконцентрироваться. Его про-взгляд автоматически отслеживал передвижения товарищей по отделению — этой привычке Чаэ всегда придавал особое значение. Кансин весело болтала с беременной женщиной и мужчиной в нарядной рубашке с вышитым на ней символом корабельных плотников. — Ее сестра пришла на церемонию, и теперь они наверстывают упущенное.

— Как жаль, что здесь нет ее матери, — печально заметил Максен. — А, ладно, пойду приглашу Кансин на вечеринку.

— Семейство Бойда присутствует в полном составе, — сказал Эдеард.

— А родственники Динлея перевешивают всех нас, — добавил Максен. — Нас-то совсем немного. Ну, жду вас на причале Внешнего канала через десять минут.

— Зачем ты все это ему наговорила? — спросил Эдеард, как только Максен направился к Кансин.

Салрана кокетливо наклонила голову и высокомерно поджала губы.

— Это был просто дружеский жест. Почему бы мне на него не ответить?

— Он же флиртовал с тобой.

— Конечно, флиртовал, — с усмешкой подтвердила она.

— Но ты же послушница!

— Эдеард, мы ведь не давали обета безбрачия. И, насколько я помню, мы с тобой целовались. Более того, разве мы не обсуждали мой возраст и готовность лечь с тобой в постель?

Эдеард густо покраснел. Его про-взгляд отыскивал искры интереса в мыслях окружающих людей — но они либо слишком хорошо маскировались, либо не подслушивали. Но одно было абсолютно ясно: она не отступит. «И никогда не отступала». Если он станет настаивать, она только повысит голос.

— Если ты не возражаешь, я бы не хотел уделять тому дню слишком пристальное внимание. Но, если я тебя чем-то обидел, извини. Я все еще считаю тебя своей подопечной,

особенно после того, что нам пришлось пережить. Поэтому я так отреагировал на болтовню Максена. Правда, Салрана, у него девчонок больше, чем у меня носков.

Она примирительно улыбнулась.

— Я видела твой гардероб. У тебя всего две пары носков.

— Неправда!

— Да и те с дырками. Так что тебе стоит беспокоиться о самом себе, Эдеард. Я прекрасно понимаю таких мальчишек, как Максен. Они много болтают, но совершенно безвредны.

— Он довольно привлекателен.

— Но это же не преступление. Кроме того, если бы ты чуть больше уделял внимания ухаживаниям, ты одержал бы больше побед.

— Ухаживания? — Он согнул руку. — Не позволите ли проводить вас к причалу, послушница Салрана?

— Благодарю вас, констебль Эдеард. Я буду рада.

Она взяла его под руку и позволила вывести из зала.

Ресторан «Ракас» находился в районе Абад, так что гондолой туда можно было добраться по Главному каналу. Эдеард впервые сидел в одной из этих изящных черных лодок, поскольку никогда не осмеливался их нанимать из-за высокой стоимости. Но для Дибала цена не имела значения.

Эдеард ожидал увидеть обычного бродячего музыканта. Буйная черная грива Дибала ниспадала почти до середины спины, едва сдерживаемая красными кожаными лентами, придававшими ей странный маслянистый блеск. Продолговатое обветренное лицо пересекали морщины, над острой челюстью виднелись впалые щеки, но золотисто-карие глаза, выглядывавшие из-под маленьких голубых линз, казалось, видели только смешные стороны жизни. Его ментальная аура больше подошла бы разуму беспечного подростка, а не перешагнувшего столетний рубеж мужчины. Одного только его приветствия и рукопожатия хватило, чтобы бесследно прогнать тягостные воспоминания Эдеарда о стычке с миссис Флорелл. Благодаря Дибалу все, кто собрался на причале, чувствовали себя желанными гостями, хотя никогда прежде не встречались с хозяином. Музыкант инстинктивно находил верный подход к каждому из них.

— Ну, теперь поехали, — громко объявил он, когда все собрались, и первым стал спускаться по ступеням.

Невероятно стройный для своего возраста, Дибал носил очень просторную одежду — как подумал Эдеард, для того чтобы она могла вместить неумный энтузиазм музыканта; казалось, он намного больше, чем на самом деле, — тому способствовал и его резкий голос, и размашистые жесты. Сегодня он был одет в отороченную мехом бархатную куртку, пеструю рубашку и кожаные брюки расцветки, соответствующей цветам гильдии музыкантов или, вернее, представляющей карикатуру на них. Единственное, чем Эдеард был слегка разочарован, так это отсутствием гитары; ему очень хотелось послушать мятежные песни, будоражившие молодежь Маккатрана.

Дибал вместе с Максеном и Бижули, его матерью, выбрал первую гондолу. Эдеард видел, как Дибал разговаривает с гондольером, крепко держа его руку в своих ладонях. Потом они оба приглушенно рассмеялись, словно какой-то непристойной шутке. Дибал сел рядом с Бижули, а все еще улыбающийся гондольер оттолкнул лодку от причала.

— Это и есть мать Максена? — спросила Кансин, когда они уселись на средней скамье

одной из гондол.

— Да, — ответил Эдеард. Надо же, еще несколько минут назад он считал Пифию очень привлекательной женщиной в возрасте. — Максен представил меня еще до твоего прихода.

Это знакомство заставило его окончательно примириться с окружающим миром.

— Не может быть, — заявила Кансин. — Выходит, она родила его лет... в десять? Клянусь Заступницей, она выглядит моей ровесницей.

Эдеард с улыбкой откинулся на спинку скамьи. Его настроение настолько улучшилось, что он готов был обнять за плечи сидевшую рядом Салрану.

— Неужели я слышу голосок зависти, констебль?

— Ты слышишь голосок недоверия, — пробормотала Кансин.

— Может, это его сестра, и я просто не расслышал.

— Как она умудряется сохранить такую свежесть кожи? Наверное, какое-то притирание, доступное только богачам.

— Заказывает прямоком с Никрана.

Кансин состроила ему гримасу.

— Эй, вы, двое, — со смехом окликнула их Салрана. — Вы ведете себя словно давно женатая пара.

Эдеард и Кансин больше не смотрели друг на друга. Гондола уже вышла в Бирмингемскую заводь, оживленный водный узел в начале Центрального канала. Со своего места Эдеарду казалось, будто все круглое пространство забито гондолами, которые выскальзывали из окружающих каналов или ныряли в них, умудряясь не задевать друг друга. Он с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть. Ни один из гондольеров и не думал снижать скорость; они инстинктивно знали, куда свернуть. Чья-то лодка прошла так близко от них, что можно было бы достать до нее, если осмелиться и протянуть руку. Вскоре приглашенные добрались до начала Центрального канала, и гондольер сильным толчком шеста послал свое суденышко вперед. В первую очередь Эдеард посмотрел на тот причал, через который сбежали грабители. Он перехватил направленный в ту же сторону взгляд Кансин, и она слегка пожала плечами. А потом он забыл обо всем и стал наслаждаться видами города. В верхней части города канал проходил не только вдоль районов Силварум, Хакспен и Падуя, но и мимо самых роскошных зданий Маккатрана; это были дворцы высотой до десяти этажей, с огромными окнами и фасадами, светившимися разными цветами. Ротонды, бельведеры и шпили образовывали ломаную линию горизонта. Над башнями лениво парили огромные ген-орлы, каких Эдеарду никогда не доводилось формировать. Птицы несли стражу, следя за каждым, кто приближался к величественному семейному особняку. Некоторые дома Кансин знала и называла их: дворец семьи мэра, зиккурат, где предположительно жили Рах и Заступница, теперь дом семейства Кульверит, считавшего себя их прямыми потомками. Она шепотом рассказала, что в доме с красноватым фасадом проживал отец Максена. Эдеард взглянул на переднюю гондолу; Максен и Бижули, проплывая мимо, смотрели в противоположную сторону.

Во всех этих величественных зданиях имелись арочные проемы на уровне воды, которые вели в лабиринты складов и погребов, охраняемых массивными железными воротами. Стены особняка семьи Пурдад стояли наклонно, нависая над водой, и когда Эдеард поднял голову, то увидел застекленный бельведер, откуда несколько подростков наблюдали за проходящими гондолами. Кансин пояснила, что это сказочно богатое семейство, владеющее флотилией из трех десятков кораблей.

Гондолы миновали Верхнюю заводь, служившую перекрестком между Быстрым и Рыночным каналами. С каждой стороны заводи имелось по мосту; первый был создан самим городом и представлял собой простую высокую арку, к которой плотники прикрепили широкие перила. У него была особенность: участок длиной десять ярдов в середине моста состоял из прозрачного кристалла. Таким образом, пешеходы видели в тридцати ярдах под ногами воду канала и плывущие гондолы. Выдержать такое зрелище было не всем под силу; по уверениям гильдии врачей, спокойно пройти по мосту мог только один человек из двадцати. Чаэ настоял, чтобы во время патрулирования каждый стажер несколько раз себя испытал. Эдеарду на невидимом отрезке моста пришлось напрячь силу воли; головокружение оказалось не настолько сильным, чтобы его остановить, но достаточно неприятным. Испытание прошли все констебли отделения, но Динлей удивил остальных, не проявив и тени беспокойства. Мост на другой стороне Верхней заводи был построен из металла и дерева, по сравнению со своим соседом он казался громоздким и к тому же скрипел, но по нему люди ходили намного чаще. Позади заводи в чистое лазурное небо вздымались башни Замкового района, словно готовые пронзить пролетающего Небесного Властителя. Фасады района Фиакра, похожие на скалы, были увиты ползучими растениями, из-под их зеленых и коричневатых листьев повсюду свисали длинные гроздья цветов. Только окна глядели из пышного живого ковра глубокими темными дырами.

Сразу после Лесной заводи гондолы подошли к причалу, и пассажиры выбрались на мостки. Дибал заплатил гондольерам, а потом вся компания направилась к круглой башне, на третьем этаже которой и находился ресторан «Ракас». Гансалът, его владелец и шеф-повар, оставил для Дибала стол у длинного окна, выходящего на одну из живописных площадей района.

— Сегодня у нас знаменательный день, — провозгласил Дибал, как только официантка принесла поднос с бокалами охлажденного белого вина. — Первый тост за твоё отделение, Максен, и пусть оно избавит наш город от преступников.

Все выпили. Эдеард сначала с подозрением посмотрел на бокал; он никогда еще не видел вина с пузырьками. Но, попробовав его на вкус, обнаружил, что напиток совсем легкий и пахнет фруктами. Ему очень понравилось.

— Второй тост, — продолжал Дибал, — мы поднимем за Эдеарда, за его назначение командиром отделения.

Эдеард вспыхнул.

— Речь! — потребовал Максен.

— Ни за что, — буркнул Эдеард.

Все рассмеялись и снова пригубили вино.

— И третий тост. — Дибал повернулся к Бижули. — Я с гордостью объявляю, что моя любимая согласилась выйти за меня замуж.

Хор поздравлений привлек внимание других посетителей ресторана. Узнав Дибала, они понимающе улыбались. Максен бросился обнять мать. Эдеард и Салрана удивленно переглянулись, но чокнулись и понемногу отпили пузырящегося вина. Принесенные еще две бутылки быстро разлили по бокалам.

Впоследствии, вспоминая тот вечер, Эдеард понимал, что впервые после Эшвилля был по-настоящему счастлив. Такой еды, какую подавали за ужином, он еще никогда не пробовал. Ее приносили на больших белых тарелках, так красиво оформленных, что он даже не хотел к ней прикасаться, но, когда осмелился, нашел сочетание вкусов просто

изумительным. А Дибал продемонстрировал знание самых скандальных слухов о представителях городской знати. Все началось с Салраны, когда она отвечала на вопрос Максена о том, чем целый день занимаются послушницы.

— Я ни в коей мере не хочу проявить неуважение к Заступнице, — сказал он, — но, наверное, скучно весь день напролет читать Ее писание и петь в Ее храме.

— Эй, — запротестовал Дибал. — Побольше уважения, когда речь идет о пении, если вам не трудно.

— Меня направили в «Дом Миллицал», — сказала Салрана. — Мне нравится присматривать за детишками. Они такие хорошенькие.

— Что такое «Дом Миллицал»? — спросил Эдеард. — Школа?

— Ты не знаешь? — удивилась Бижули и посмотрела на Эдеарда, пытаясь понять, не шутит ли он.

— Мама, я же тебе говорил, — вмешался Максен. — Он действительно прибыл из селения на краю дикого леса.

— «Миллицал» — это приют для сирот, — серьезно объяснила Салрана. — Я не понимаю, как могут матери отказываться от своих детей, особенно таких красивых, как у нас в яслях. Но они это делают. И Заступница берет на себя заботу о них. «Миллицал» — чудесное место, Эдеард, дети там ни в чем не нуждаются. Маккатран опекает их.

Дибал многозначительно кашлянул.

— По правде говоря, это особый приют.

— О чем вы? — спросила Салрана.

— А ты уверена, что хочешь это услышать?

Салрана повернула в пальцах ножку бокала, не сводя с Дибала спокойного взгляда.

— Мы действительно принимаем всех детей.

— Да, я и не возражаю. Но вам повезло, что приют находится в районе Лиллилайт. Вспомните, кто живет по соседству с вами. Видишь ли, Эдеард, «Дом Миллицал» — такое заведение, куда благородные семейства отправляют нежелательные осложнения, к которым приводят связи их младших отпрысков с сомнительными девицами, в основном с актрисами низкопробных увеселительных заведений, украшающих наш город.

— Вроде тех, где ты выступаешь? — негромко спросила Бижули.

— Да, любовь моя, вроде тех, где я выступаю. — Он обвел взглядом трех констеблей. — Уже побывали хоть раз?

— Еще нет, — ответила Кансин.

Максен промолчал.

— Это дело времени. Так или иначе, в основе превосходного финансирования «Дома Миллицал» лежит традиция пожертвований — анонимных, конечно, — совершаемых каждый раз, когда младенца оставляют на ступеньке милосердия, чтобы о нем позаботились послушницы.

— Все деньги, жертвуемые на детей, поровну распределяются между всеми приютами Заступницы, — сказала Салрана.

— Я уверен, большая часть сумм уходит в другие детские приюты. И Заступница, насколько мне известно, ревностно заботится о несчастных. Но, если тебе придется работать в других приютах, ты, несомненно, заметишь разницу.

— А почему ты так уверен? — насмешливо спросила Бижули.

Дибал печально улыбнулся ей.

— Потому что в одном из них я вырос.

— Правда? — воскликнул Максен.

— Правда. И по этой причине ваши успехи произвели на меня огромное впечатление. Все вы, особенно Эдеард и Салрана, пришли ниоткуда и сами строите свою жизнь. Я восхищаюсь вами. Честно. Вы ни от кого не зависите, вам не нужны протекции загнивающих аристократических семейств. Я знаю, что стал первым, кто жалуется на иерархию власти в городе, на узурпацию демократии богачами, но есть в городе и достойные службы. Людям необходимы констебли, чтобы обеспечить безопасность на улицах и каналах, и Заступница, питающая наши надежды.

— Я думала, надежды питает ваша музыка, — сказала Салрана, озорно сверкнув глазами.

— Это зависит от того, к какому классу вы принадлежите. Для богачей я — никчемный мятежник, заражающий публику сарказмом и иронией. Им приходится платить мне за представления, и я этому очень рад. Но для остальных горожан, для тех, кому приходится трудиться всю жизнь, я — основной очаг возмущения, я выражаю их чувства. Для них я пою бесплатно. Я не беру их деньги, пусть лучше они потратят их на себя, и им не придется отказываться от своих детей.

— Так вы соперничаете с Заступницей? — спросила Салрана.

— Я просто предлагаю альтернативу. Надеюсь, что приятную.

— Я должна посетить ваше выступление.

— Буду счастлив тебя сопровождать, — тотчас предложил Максен.

— Я надеюсь на это, — ответила Салрана, прежде чем Эдеард успел вмешаться.

Он промолчал. Затевать в такой момент ссору означало бы испортить весь ужин.

— А вы знакомы с членами Высшего Совета? — поинтересовался Эдеард.

— О да. Они считают, что общение со мной делает их популярнее. А на самом деле, когда они приглашают меня в свои дома, то совершают благородное дело: питают своим лицемерием мою иронию. А почему ты спрашиваешь, Эдеард? Хочешь узнать об их любовницах? Об их загадочном интересе к налогам на производство хлопка в провинции Фондрал? Или подробности скандала с фондами милиции? Количество денег, потраченных на официальные приемы? Степень коррупции, проникшей в ряды служителей Дворца–Сада, которые считаются беспристрастными? Или тебе интересно, как наш дорогой мэр Овайн уже покупает голоса для будущих выборов? Ему ведь так необходима общественная поддержка.

— Нет, ничего подобного. Я только хотел спросить о миссис Флорелл.

— Эдеард встретился с ней, — сдавленно фыркнув, пояснил Максен.

— Мы все встречались, когда были в патрулировании, — поправил его Эдеард.

— Она ударила его зонтиком, — сухо добавила Кансин.

Дибал и Бижули дружно рассмеялись.

— Эта старая ведьма требовала исключить Эдеарда из рядов констеблей, — взволнованно воскликнула Салрана. — На сегодняшней церемонии она велела мэру отобрать у него эполеты.

— Как обычно, — сказал Дибал. — Не беспокойся, Эдеард; сегодня у нее уже нет той власти, что в прошлом. Она превратилась в символическую фигуру благородных семейств и только. Им нравится представлять ее любимой бабушкой всего города. Полная чепуха. В молодости она была коварной пронырливой сукой. Но для всех нас это уже далекая история.

Еще до своего пятидесятого дня рождения она умудрилась трижды выйти замуж, и каждый раз за старшего сына главы района, чего никому не удавалось вплоть до сегодняшнего дня. Каждому из мужей она рожала по два сына — и кое-кто утверждает, что при этом не обошлось без колдовства. По какой-то странной случайности каждый из ее вторых сыновей женился на дочери одного из благородных семейств, в которых наследование по мужской линии прерывалось. В следующем поколении она распространила своих отпрысков в семьях одиннадцати мастеров гильдий. Не удивительно, что она не одно десятилетие контролировала результаты голосований в Высшем Совете. К примеру, последний период, наш так называемый Золотой Век: необычайный подъем милиции в ущерб остальным ветвям власти. Видите ли, миссис Флорелл уверена, что существуют радикальные различия между знатью и теми, кто не обладает награбленными богатствами. Другими словами, ее отпрыски рождены для того, чтобы управлять нецивилизованными массами, к которым относимся все мы. Само собой разумеется, она твердо уверена, что нам нечего делать в городском правительстве. Это занятие надлежит оставить тем, кого судьба благословила благородной кровью.

— Ничего удивительного, что она тебя невзлюбила, Эдеард, — поддразнил его Максен. — Ты ведь даже не уроженец города. Наверное, она почуяла твой деревенский запах.

— Но ведь не все члены Совета думают так же, как она? — спросил Эдеард, имея в виду Финитана.

Ее племянника, как тот сам сказал.

— Надеюсь, что нет. И сегодня там найдутся вполне достойные люди. Мастера гильдий имеют значительное влияние на глав районов. Да и Нижний Совет до сих пор избирается прямым голосованием, хотя жители некоторых районов даже не знают об этом. Так что на заседаниях разгораются яростные споры. Рах знал, что делал, когда создавал нашу конституцию.

— Но ваши песни все же пользуются популярностью.

— Верно. Большинство всегда недоволено теми, кто держит в руках власть; это свойство люди принесли с собой на кораблях, упавших на Кверенцию. Для нашей расы оно так же привычно, как дыхание. И такому старику, как я, вспоминающему о лучших временах, ничего не изменить.

— Хочешь сказать, что ты подстрекатель, — ласково произнесла Бижули, проводя рукой по его растрепанным волосам.

— И горжусь этим. — Дибал поднял свой бокал. — За то, чтобы наши правители жили в нищете.

Все сидящие за столом поддержали его тост.

— Так что же происходит между тобой и Салраной? — спросила Кансин.

Уже наступил поздний вечер. Праздничный обед растянулся на всю вторую половину дня. Эдеарду хотелось, чтобы он никогда не кончался. Вкусное пузырящееся вино, дружеское общение, прекрасная пища и разумные разговоры привели его в приятное расслабленное состояние. Нет, если бы Заступница проявила милость, этот день длился бы бесконечно.

Но, как случается всегда, последняя бутылка вина опустела, был съеден последний ломтик сыра, и настало время прощаться. При виде счета Дибал изобразил комичное негодование. Солнце уже село, и за стенами ресторана город окутало холодное оранжевое сияние и мерцающий свет небесных созвездий. Эдеард вызвался проводить Салрану в район Лиллилайт к «Дому Миллицал», а поскольку это место располагалось между Абадом и

Дживоном, Кансин пошла вместе с ними.

Детский приют оказался отличным местом на берегу канала Виктория, с собственным садом и игровой площадкой. Но Эдеард не мог не отметить, что это здание было на улице самым маленьким. Салрана легонько поцеловала Эдеарда в щеку и ускользнула через внушительные ворота, перекрывающие входную арку.

Эдеард и Кансин отправились дальше по мосту через канал Кастофф в район Друп, где вдоль канала Великого Мэра высились великолепные дворцы. На узких улочках и просторных площадях стояла тишина. У железных ворот дворцов с воинственным видом застыли охранники. Эдеард старался не задерживать взгляд на их неподвижных фигурах в темной униформе; он не сомневался, что работа констебля намного интереснее таких вот монотонных ночных дежурств. Его недовольство, похоже, пробилось сквозь защиту.

«Это совсем не то, чем я буду заниматься. — Эхо шагов на узкой улочке почти заглушало ее голос. Высокие дома заслоняли большую часть небосклона, оставив лишь узкую фиолетовую полосу хвоста Булуку. — Никто из них никогда не был констеблем. Это уволившиеся работники из поместий и ферм, пришедшие в город в поисках лучшей жизни. Через пару лет им все надоест, и они вернутся домой. Или переберутся в Сампалок».

«Такое могло случиться и со мной», — сказал Эдеард.

«Я почему-то в этом сомневаюсь».

Они миновали третий мост, через Мраморный канал, и оказались на знакомой территории Дживона. Внизу сновали гондолы с маленькими белыми фонариками на носу. Их пассажиры, уютно устроившись под тентами, наслаждались романтической прогулкой. Эдеард уже отчетливо различал морской влажный ветерок. В небе появились облака, постепенно закрывающие звезды. Сегодня ночью будет дождь. Уже через час, решил он, приняв хавшись к ночному воздуху.

Общежитие констеблей стояло в двух кварталах от участка. Это было большое, уродливое снаружи здание, зато оно окружало овальный внутренний двор с бассейном тепловатой воды, достаточно большим, чтобы в нем можно было поплавать. Над бассейном нависали четыре уровня галерей. Все квартирki в доме предназначались для констеблей. Семьи занимали один конец здания, а холостяки размещались в другом, но это разделение было весьма условным. Эдеард и его товарищи поселились здесь всего пару дней назад, и каждое утро их будили крики детей, разыгрывавших за дверями какие-то увлекательные погони.

В этот час дети давно спали. Эдеард и Кансин поднялись по неудобным ступеням на третий этаж, где были их квартирki.

— Ничего не происходит, — ответил Эдеард. — Ты же знаешь, что мы с Салраной долгое время путешествовали вместе. Я ей вроде старшего брата.

— Она любит тебя.

— Что?

— Я сегодня наблюдала за ней. Это очевидно для каждого, у кого есть хоть капля мозгов. Даже Максен все понял. Разве ты не заметил, что он перестал с ней флиртовать еще до подачи рыбного блюда? Это было бы бессмысленно. Ее интересуешь только ты.

— Салрана достаточно умна, чтобы понять, что он собой представляет. Вот и все. Если девчонки не падают к его ногам в течение первых пяти минут, он выбирает следующую цель. Ты же его прекрасно знаешь.

— Никогда бы не подумала, что ты будешь уклоняться от темы.

— Я и не уклоняюсь. Ты задала вопрос, и я ответил.

Они остановились на галерее и посмотрели на просторный двор. Тонкий светящийся ободок бассейна подсвечивал воду оранжевым сиянием, словно приглашая искупаться. Эдеард уже не раз видел, как многие констебли выходят из своих комнат, чтобы окунуться перед сном. Но он слишком набил живот сегодня за ужином и решил не плавать.

— Нет, на самом деле ты не ответил, — настаивала Кансин. — Ты только признал, что давно ее знаешь, но это не проливает света на ваши отношения.

— Спаси меня, Заступница, ты слишком хорошо усвоила лекции мастера Соларина.

— Да, мои оценки были не намного ниже твоих. Скажи, ты спал с ней во время этого долгого путешествия по горам и лесам, кишацим чудовищами?

— Нет!

— Почему? Она красивая. И стройная. Я же вижу, что притягивает твои взгляды во время патрулирования.

— Начнем с того, что она еще слишком молода. И еще только становится красивой. В Маккатране можно найти притирания получше, чем были в караване.

— Эдеард! — Кансин в притворном негодовании закатила глаза. — Кажется, это с твоей стороны самый злобный выпад в чей-либо адрес, не говоря уж о твоей младшей сестренке.

— О, Заступница, ты меня замучила. Я отвечаю на твой вопрос не так, как тебе хочется, и ты говоришь, что я уклоняюсь; а когда слышишь честный ответ, называешь меня злокой.

Она с покаянным видом прикусила нижнюю губу.

— Извини. Но ты и сам все понимаешь.

— Нет, не понимаю.

Эдеард смотрел на ее профиль, выделявшийся в золотисто-медном мерцании воды. В этом ракурсе ее сильный подбородок и тонкий нос придавали лицу изысканное изящество, а кожа соблазнительно потемнела. Кансин повернулась к нему и слегка наклонила голову набок, что ему особенно нравилось.

Он наклонился вперед и поцеловал ее. Кансин тесно прижалась к его груди, ее руки скользнули по спине. Он убрал мысленную защиту и показал, как приятна ему ее близость, ее прикосновения... Поцелуй завершился не скоро. Затем она потерлась носом о его щеку и дала понять, как важен для нее этот поступок.

— Пойдем ко мне, — прошептал он.

Кончик его языка обвел мочку уха. Кансин задрожала от его ласки. В ее мыслях вспыхнули жаркие разводы наслаждения. Он ощутил прикосновение ее груди и теснее привлек к себе. «Это будет лучше всего, что было».

— Нет, — ответила Кансин. Ее плечи опустились, руки уперлись в плечи и оттолкнули, размыкая объятие. — Прости, Эдеард. Мое чувство к тебе слишком сильно, ты и сам это знаешь. В том-то и проблема.

— О чем ты?

— Мы могли бы сойтись с тобой, я уверена. Стать любовниками, затем пожениться, завести детей. Я этого не боюсь. Все дело в выборе времени. Неподходящий момент.

— Почему?

— Я не думаю, что ты уже готов к долговременным обязательствам. А я не хочу снова быть отвергнутой, да еще тем, кто мне небезразличен.

— Ты и не станешь отвергнутой. Я готов связать свою судьбу с тем, кто мне так дорог,

как ты.

— О, Заступница, ты такой милый, — вздохнула она. — Нет, Эдеард. Я не могу соперничать с идеалом Салраны. Ты крепче к ней привязан, чем сам это сознаешь или согласен признать. Да и как иначе — после всего, что вам пришлось пережить. Я не ревнива, совсем не ревнива. Но она всегда будет стоять между нами, пока ты не разберешься в своих чувствах.

— Она же просто девчонка из той же деревни, что и я, вот и все.

— Открой мне свои чувства, покажи все свои мысли и поклянись, что ты не хочешь с ней переспать, что не хочешь испытать ее близость.

— Я... Нет, это глупости. Ты обвиняешь меня в... Ну, не знаю, в моих мечтаниях. В мире множество возможностей. Одними мы пользуемся, другие проходят мимо. Ведь это не я опасаюсь того, что может быть. Лучше загляни в свои собственные чувства.

Они стояли друг против друга, и голоса, хоть и не громкие, звучали твердо.

— Мои чувства мне известны, — сказала она. — И я бы хотела, чтобы твои с ними совпадали. То есть я могу подождать. Ты этого стоишь, Эдеард, сколько бы ни пришлось ждать. Ты слишком дорог мне.

— Ну, тогда это самый неподходящий способ, чтобы их проявить, — сказал Эдеард, стараясь не допустить оттенок обиды в своем голосе.

Его мысленный барьер укрепился, чтобы никакие эмоции не проникли наружу, хотя из-за охватившего его смятения это было очень нелегко.

— Скажи ей, — спокойно сказала Кансин. Ее рука поднялась, чтобы погладить его по щеке, но Эдеард отпрянул. — Будь честен с собой, Эдеард. Скажи, что хочешь только ее.

— Спокойной ночи, — холодно попрощался он.

Кансин кивнула и отвернулась. Эдеард мог поклясться, что увидел слезу на ее щеке. Но не решился убедиться в этом при помощи про-взгляда. Он ушел в свою комнату и бросился ничком на слишком высокую кровать. В его голове смешались злость и разочарование. Он представил себе, что Салрана и Кансин борются между собой, и этот образ быстро вышел из-под контроля и начал стремительно развиваться. Эдеард ударил кулаком в подушку. Перевернулся. Послал про-взгляд странствовать по городу, наблюдая за колоссальным вихрем чужих мыслей, боровшихся с собственными демонами. Страдать в одиночестве было бы еще тяжелее.

Он долго не мог заснуть.

— Ходят слухи, что Пифия использует свою способность маскироваться, чтобы изменять внешность. В конце концов, ей уже больше полутора сотен лет; она даст сто очков форы даже миссис Флорелл. В том, как она сейчас выглядит, определенно есть какая-то чертовщина.

— А ты так можешь? — изумленно спросил Эдеард.

— Не знаю. — Бойд понизил голос. — Говорят, что каждый Грандмастер может сделаться совершенно невидимым для окружающих. Я такого никогда не наблюдал.

Эдеард отметил некоторое логическое несоответствие в его заявлении, но ничего не стал говорить. Отделение патрулировало территорию Дживона вдоль Братского канала, ограничивающего район с южного края. На другом берегу канала располагался Тайхо — не то чтобы район, а просто широкая полоса луга, протянувшаяся вплоть до хрустальной стены. На траве стояли только деревянные конюшни милиции — единственные разрешенные на общинной земле постройки. Эдеард видел конюшенных мальчишек, гонявших по круговым

песчаным дорожкам лошадей и ген-лошадей; эту утреннюю разминку они и их предшественники проводили ежедневно на протяжении нескольких веков. Рядом с некоторыми лошадьми бежали и ген-волки.

Это было их шестое дежурство со дня выпуска. Шесть дней, на протяжении которых он и Кансин перебросились не более чем десятком слов. Они относились друг к другу с безукоризненной вежливостью, но и только. Эдеарду это не нравилось; он хотел бы вернуться по крайней мере к отношениям, установившимся до испорченного праздничного вечера. Но даже не представлял, как возратить дружескую легкость. И уж тем более, не хотел советоваться по этому вопросу с друзьями. Хотя наверняка они и так о чем-то догадывались и оживленно обсуждали, что же произошло.

По какой-то неведомой ему самому причине Эдеард ничего не стал рассказывать и Салране. Хоть и неохотно, но он отчасти признал правоту Кансин. Ему действительно предстояло разрешить ситуацию «друзья или возлюбленные», складывающуюся между ним и Салраной. Он был к ней несправедлив. Салрана выросла и превращалась в красивую девушку, превосходившую живостью и энергией всех горожанок, с которыми ему приходилось сталкиваться. Ему давно пора было пересмотреть свое понятие о покровительстве. Это уже казалось глупым. Салрана сейчас достаточно взрослая, чтобы самой о себе позаботиться, чтобы сделать свой выбор. Его ведь никто не назначал опекуном, он сам возложил на себя это обязательство, просто из дружеского участия. А изменить их отношения, особенно сейчас, значило бы воспользоваться преимуществом.

«Часто надо сделать что-то неправильно, чтобы потом выйти на верный путь».

И он не сомневался, что в физическом плане им будет хорошо вместе. «Это тело, а какие ноги...» И так в последнее время он слишком часто представлял, как ее ноги обхватят его торс, и сильные мускулы будут неустанно двигаться. Оба они одновременно закричат от восторга, когда все закончится. «Мы бы целый год могли не вылезать из кровати».

И помимо физической страсти общество друг друга приносило бы им только радость. Салрана была единственным человеком, с кем он мог спокойно поговорить. Они понимали друг друга. Два провинциальных подростка против всего города. Будущий мэр. Будущая Пифия.

Его губы дрогнули в сердечной улыбке.

— ...Конечно, я бы мог просто поговорить с самим собой, — уловил он раздраженный голос Максена.

— Извини. Что ты сказал? — спросил Эдеард, прогоняя улыбку.

Максен оглянулся. Кансин и Динлей смотрели вниз на гондолу, загруженную ящиками, и что-то кричали гондольеру.

— Парень, она что, дала тебе отставку?

— Кто? Нет же. У нас с Кансин все в порядке.

— Не хотел бы я увидеть, когда у тебя не «все в порядке».

— Нет, правда, все нормально. Что ты хотел?

— Лавочники с улицы Болтан говорят, что у них бродят какие-то незнакомцы и прощупывают здания сильным про-взглядом. Похоже, что это разведчики из банды грабителей. Если мы заявимся туда в своих мундирах, мы только спугнем их, и они вернутся через неделю или через месяц — когда мы будем на другом конце района. Хорошо бы погулять вокруг них в обычной одежде, тогда мы могли бы поймать их с поличным.

— Не знаю. Всем известно, как Ронарк настаивает на дежурстве в форме.

Перед началом их третьего дежурства капитан неожиданно устроил им тщательную проверку, и тогда Эдеарда чуть не разжаловали за «недостойное пренебрежение стандартами». С тех пор Эдеард внимательно следил за внешним видом своих товарищей по отделению.

— Точно, — кивнул Максен. — Если ты констебль в Дживоне, ты должен носить форму, это всем известно. Они и не подумают, что мы можем быть без мундиров.

— Гм, не знаю. Дайте—ка я сначала поговорю с Чаэ, послушаем, что он скажет.

— Он скажет «нет», — вмешался Бойд. — Все знают, что говорится в инструкции. Если намечается преступление, ведите наблюдение при помощи ген—орлов, а отделение должно ждать вне пределов про—взгляда.

— Мы же не знаем, сколько придется ждать, — сказал Максен. — И у Эдеарда только один ген—орел.

— А ты мог бы сформировать еще орлов? — спросил Бойд. — Ты же говорил, что был подмастерьем в гильдии эгг—шейперов.

— Он не может никого формировать без лицензии гильдии, особенно в Маккатране, — возразил Максен. — Таков закон, иначе нам же придется его арестовать. Вы же знаете, как они охраняют свою монополию. В любом случае, у нас на это нет времени. Значит, надо патрулировать в камуфляже.

— Обычная одежда — не камуфляж, — поправил его Бойд.

— Не важно, во что мы будем одеты, лишь бы не в форму, — начал горячиться Максен. — Одевайся, как тебе хочется, хоть древней старухой.

— Ага, умник. Если уж эти грабители такие умные, как ты считаешь, они давно знают всех нас в лицо.

— Хватит. — Эдеард поднял обе руки. — Я поговорю с Чаэ, когда мы вернемся. А до тех пор мой ген—орел будет кружить поблизости от улицы Болтан. В середине дежурства я больше ничего не могу сделать, так что хватит об этом.

— Я просто предложил, — обиженно буркнул Максен и отошел.

— Ты нарочно выводишь его из себя? — спросил Эдеард у Бойда.

Долговязый парень слегка усмехнулся.

— Я не должен отвечать на этот вопрос, я не под присягой.

Эдеард рассмеялся. Тот Бойд, каким он был шесть месяцев назад, ни за что не осмелился бы насмешничать, тем более над другом.

Отделение снова направилось на север вдоль канала, следуя его плавным изгибам. Констебли шли к месту, где он впадал во Внешний окружной канал, чтобы потом возвратиться в Дживон — таков был план Эдеарда. Ген—орла он послал кружить над крышами и шпилями домов, постепенно направляя к улице Болтан. Стояло серое и сырое утро, в небе после ночного дождя еще клубились тучи, но уже понемногу уходили на запад. Вокруг все до сих пор блестело от влаги. Тем не менее улицы и узкие аллеи были заполнены неутомимыми горожанами.

Ген—орел Эдеарда бесшумно пролетал над ними, и почти никто на него не смотрел. Внезапно внимание Эдеарда привлекло какое—то движение. Примерно в середине улицы Сонрал некто в куртке отвернулся от орла и поднял капюшон, полностью закрыв голову.

Это могло ровным счетом ничего не значить — ген—орел был в пятидесяти ярдах от человека. И в прохладном воздухе еще висела неприятная сырость. В такую погоду нет ничего необычного в том, чтобы прикрыть голову капюшоном. Половина мужчин на этой

извилистой улочке сегодня утром надели шляпы. Да и в куртке с капюшоном замеченный парень был далеко не один.

«Но я знаю, что—то не так».

— Стойте, — скомандовал он отделению.

Эдеард прошелся про—взглядом по улочке в поисках подозрительного человека. Мысли парня оказались тщательно скрыты, но тонкая струйка неуверенности все же просочилась наружу. И опять в этом не было ничего преступного; он мог беспокоиться из—за ссоры с женой или по поводу долгов.

Эдеард определил направление его движения и скомандовал ген—орлу вернуться, описав большой круг. Птица уселась на карнизе трехэтажного здания, где объект наблюдения не мог ее увидеть. Эдеард немного подождал и вскоре обнаружил, что парень в куртке с капюшоном был не один; вместе с ним шли еще двое мужчин. Затем вся компания, следуя изгибу улицы, снова попала в поле зрения орла, и на этот раз капюшон немного соскользнул назад.

— Есть, спасибо Заступнице, — воскликнул Эдеард.

— Что происходит? — спросил Динлей.

— Он вернулся, — сказал Эдеард. — Это грабитель с рынка в Силваруме, тот, что держал в руках ларец.

— Где? — потребовала подробностей Кансин.

— Верхняя треть улицы Сонрал.

Его товарищи не скрывали разочарования.

— Наши про—взгляды не проходят так далеко, — пожаловался Бойд.

Тогда Эдеард передал им изображение, получаемое через ген—орла.

— Ты уверен? — спросил Максен.

— Он не ошибся, — сказала Кансин. — Точно тот мерзавец. Я уже достала его про—взглядом.

— С ним еще двое, — добавил Эдеард. — И он нервничает из—за ген—орла, так что наверняка замышляет что—то недоброе. Давайте рассредоточимся и окружим их. Не подходите к нему ближе, чем на квартал. А я прослежу за ним про—взглядом, не хочу, чтобы он еще раз увидел ген—орла, это его спугнет.

Констебли возбужденно переглянулись.

— Пошли! — крикнул Максен.

Через пять минут небыстрого бега Эдеард пожалел, что не уделял достаточного внимания физической подготовке. Граждане Маккатрана, как и всегда, неохотно уступали дорогу, тем более раскрасневшемуся и запыхавшемуся молодому констеблю. Ему пришлось петлять и проталкиваться в потоке пешеходов, не обращая внимания на недовольных и бросая гневные взгляды на тех, кто высказывал неодобрение вслух. Форма только затрудняла бег, сковывая движения, к тому же в ней было невыносимо жарко.

Спустя некоторое время он все же занял свою позицию в квартале к западу от троицы подозреваемых. Про—взгляд показал товарищей по отделению, замкнувших кольцо.

«Вижу их», — пришел посыл от Динлея, когда Эдеард уже перешел на шаг.

«Я тоже», — доложил Бойд.

«Интересно, что они собрались украсть?» — спросил Максен.

«Что—то не слишком большое, чтобы можно было легко унести, и достаточно ценное, чтобы оправдать риск», — ответил Динлей.

«Похоже, что ты внимательно слушал лекции. Но, к несчастью, сказанное тобой относится к большинству магазинов в районе».

«Они могли нацелиться и на чей-то склад», — предположил Бойд.

«Или дом», — добавила Кансин.

— Давайте пока просто следить за ними, — сказал Эдеард. — Как только они войдут в здание, мы подойдем ближе. И помните, прежде чем арестовывать, надо дожидаться, пока не свершится преступление.

«Эй, я об этом даже не думал», — откликнулся Максен.

Эдеард прошелся про-взглядом по ближайшим зданиям, стараясь угадать, что заинтересовало грабителей. Напрасное занятие.

Подозреваемые свернули с улицы Сонрал в такой узкий переулок, что там едва мог пройти один человек. Эдеард задумался: они направлялись в его сторону, но переулок был тупиком, его перегораживала стена дома высотой в двадцать футов. Про-взгляд обнаружил несколько подземных хранилищ под одним из ювелирных магазинов на улице Сонрал. Проход из переулка вел к массивной металлической двери.

— Что ж, они последовательны в своих намерениях, — заметил он. — Наверху стоит ювелирный магазин.

«Наверху чего?» — спросил Бойд.

«Здесь из переулка куда-то вниз ведет проход, — ответила ему Кансин. — Эдеард, ты можешь определить, что там?»

— Приблизительно, — неохотно признал он. — Какой-то зал. Так мне кажется.

Он мимоходом пожалел, что не каждый обладает его способностями. Жизнь стала бы намного легче.

«Что мы теперь будем делать? — спросил Максен. — Не можем же мы догонять их в этом переулке».

«Ждите в конце, — сказал Динлей. — Им отсюда некуда деться».

Про-взгляд позволил Эдеарду обнаружить обширную сеть соединенных между собой переходов и помещений, расположенных под целым рядом магазинов. Переходы были перегорожены запертыми дверями, но, попав внутрь, грабители получали шанс ускользнуть от преследователей.

— Всем остальным собраться на улице Сонрал, — приказал он. — Я попытаюсь найти другой проход вниз, с обратной стороны.

«Не можешь же ты идти один? — воскликнула Кансин. — Эдеард, их трое, и мы знаем, что они носят ножи».

— Я просто хочу убедиться, что у них нет другого выхода, вот и все. Давайте, двигайтесь.

Он едва смог увидеть, как его товарищи спешат выйти из переулка на широкую улицу. Один из грабителей наклонился у маленькой двери и стал что-то делать с первым из пяти замков. Запоры Эдеард ощущал нечетко и понял, что ему самому вряд ли удалось бы их открыть. Он сосредоточился и запустил про-взгляд в материю города, изучая лабиринт помещений и переходов. Кроме той двери, у которой в данный момент остановились воры, было еще три выхода.

Зато ниже подземелья Эдеард обнаружил сеть трещин, оплетающих всю структуру города. Несколько расщелин извивались рядом с хранилищем, а их более мелкие ответвления пронизывали стены стоящих наверху зданий. Он отвел взгляд и наметил

замысловатый маршрут, ведущий к улице, на которой стоял он сам. Третьей рукой потрогал заднюю стену ниши между двумя магазинами. Никакого толка, она была прочной, словно гранит.

«Пожалуйста, — направил он телепатический посыл разуму спящего города. — Впусти меня».

Под ним произошел какой-то неуловимый сдвиг. С крыши дома вспорхнула стайка руугулов.

«Здесь». Он мысленно прижался к задней стенке ниши. Что-то оттолкнуло его назад. В мозгу поднялся вихрь разноцветных значков, летавших быстрее, чем птицы над головой.

Его изумленный взгляд разобрал числа и математические символы, гораздо более сложные, чем те, которым во время уроков арифметики учил его Акиим. Этими уравнениями можно было описать структуру Вселенной. Они бесшумными призраками плясали вокруг него, выстраивались в другом порядке, и наконец унеслись прочь длинной спиралью.

Эдеард хватанул воздух ртом, стараясь устоять на задрожавших ногах. Сердце забилося еще чаще, чем во время недавнего бега по улицам. Он вдруг почувствовал, что состояние стены изменилось. На вид она выглядела совсем как прежде, темно-красная поверхность с серыми блестками поднималась вверх на три этажа, до самого стыка крыш. Но она поддалась от прикосновения его третьей руки.

По улице мимо него спешили пешеходы. Эдеард дождался небольшой паузы в потоке и шагнул в нишу. Теперь со стороны его никто не мог увидеть. Его рука, едва прикоснувшись к поверхности стены, прошла насквозь. Кожу на пальцах что-то защекотало, словно они погрузились в мелкий песок. Он прошел сквозь стену. Его мозг воспринял ощущение как волну сухой воды. Эдеард открыл глаза в полной темноте. Про-взгляд показал, что он заключен в вертикальную трубу. Ничего не видя глазами, он инстинктивно опустил голову; про-взгляд подтвердил, что его ноги ни на что не опираются.

— О Заступница!

Он начал двигаться вниз. Казалось, будто очень сильная третья рука мягко спускает его на дно трещины, горизонтально проходящей под зданиями. Но Эдеард почему-то был уверен, что это не телекинез. Никогда раньше он не ощущал ничего подобного; сейчас им управляла какая-то другая сила. Он двигался довольно медленно, но в животе возникло ощущение стремительного падения.

Ноги коснулись земли, потом поддерживавшая его неведомая сила исчезла, и от неожиданности он почти припал к полу. Стены трещины на ощупь оказались мокрыми и скользкими. На носки ботинок падали капли — он слышал их негромкий стук.

— Это водосток, — вслух произнес он, удивляясь, что такие фантастические силы привели его в такое заурядное место.

Про-взгляд действовал отлично, но Эдеард все же похлопал по стенам ладонями. Трещина водостока оказалась тесноватой, чтобы идти во весь рост, а боковые поверхности отстояли друг от друга на пять футов. В глубине сознания уже зарождались первые признаки клаустрофобии, немало его огорчившие, но Эдеард вдохнул побольше воздуха и, ссутулившись, двинулся вперед.

Грабители уже справились с дверными замками. Поразительный результат, учитывая столь небольшой промежуток времени. Двое начали спускаться по изогнутой лесенке к следующей двери, а третий остался караулить снаружи. Эдеард, благополучно миновав

несколько развилок водостока, ускорился. Он увидел, как двое грабителей, быстро справившись с очередными запорами, вошли внутрь. А потом оказался точно под тем помещением, где они собирались пожить. Планировка хранилища была ему видна во всех подробностях: деревянные стеллажи располагались параллельно друг другу, на полках теснились небольшие ящички. В одном углу стоял металлический сундук с очень сложным замком. На него грабители даже не обратили внимания.

Эдеард направил про-взгляд на ткань города над своей головой; твердая масса похожего на гранит материала толщиной пять футов. Он сосредоточился. Закрыв глаза — глупо, конечно, но... — и послал мысленную просьбу. Опять откуда-то появились и заплясали перед внутренним взором непонятные уравнения. Эдеард начал подниматься, скользя сквозь твердую на вид массу, словно пробка, выскакивающая из воды. Опять в животе появилось ощущение падения, да такое сильное, что слегка закружилась голова. Под самым полом он осознал, что грабители почуют его, как только он окажется в помещении, и поспешно установил маскирующую защиту. В следующий миг он уже был в хранилище, залитом слабым оранжевым светом. Ботинки опять опирались на твердый пол.

— Что это было? — раздался голос.

Эдеард стоял за одним из стеллажей, скрытый от прямых взглядов. Он затаил дыхание.

— Ничего. Прекрати паниковать. Здесь только две двери, и вторая заперта. Лучше помоги найти барахло, за которым мы пришли, пока кто-нибудь нас здесь не почуял.

Эдеард осторожно обогнул стеллаж. Теперь он видел обоих грабителей: они шли вдоль полок, снимали ящички и открывали их при помощи какого-то инструмента. После беглого осмотра ящик летел в сторону. Похоже, что по большей части лежали флаконы, которые со звоном раскатывались по полу.

— Вот оно, — объявил тот, что был одет в куртку с капюшоном.

Он только что взломал ящичек, наполненный крошечными пакетами. Из одного выглядывал моток металлической нити. При оранжевом свете Эдеард не сумел точно определить, что это, но могло быть и золото.

Грабитель в куртке начал засовывать пакеты во внутренний карман.

Эдеард сбросил маскировку.

— Что за черт...

Оба грабителя повернулись в его сторону.

— Мы опять встретились, — сказал Эдеард. — помните меня?

«Эдеард! — отчаянный посыл Кансин зазвенел у него в голове. — Благая Заступница, где ты был? Мы уже не надеялись тебя отыскать. Как ты туда попал?»

— Это тот крысеныш с рынка, — буркнул грабитель в куртке. — Проклятье, я знал, что орел шныряет не зря. — Он вытащил из кармана длинный нож. В то же самое время его третья рука ткнулась в грудь Эдеарда, пытаясь сжать сердце.

Эдеард со смехом отразил нападение. А потом уже его третья рука метнулась вперед и сдвинула нож в руке грабителя. По металлу лезвия прошла Он не сводил глаз с грабителя в куртке. А тот поднял искореженный нож и восхищенно усмехнулся.

— Смышленный парень. Ты хорошо в этом разбираешься? Здесь достаточно драгоценного металла, чтобы обеспечить каждого из нас.

— Хочешь, чтобы к обвинениям добавилась попытка подкупа?

— Идиот.

Вор повернулся к Эдеарду спиной и неторопливо зашагал к двери, ведущей в переулок.

— Стоять на месте, — приказал Эдеард.

Третья рука грабителя подняла в воздух одну из небольших бутылочек. Эдеард озадаченно нахмурился. Затем и второй флакон приподнялся и сильно ударился в первый. Стекло разбилось.

В сумрачном хранилище вспыхнул ослепительно белый огненный шар. Эдеард инстинктивно усилил защиту и отвернулся. В щит застучали горящие капли.

«Эдеард!» — хором закричали его друзья.

— Я в порядке.

Он усиленно моргал, стараясь избавиться от фиолетовых пятен в глазах. По хранилищу распространился едкий запах, но про—взгляд обнаружил лишь несколько язычков пламени на ближайших к месту взрыва стеллажах. Третьей рукой Эдеард сбил пламя, прежде чем оно успело распространиться и вызвать пожар. Затем он увидел обуглившиеся дыры в разбросанных по полу ящичках. Похоже, что огонь был очень сильным, их края все еще дымились. Приглядевшись внимательнее, он увидел пятна пузырившейся смолы. Эдеард в недоумении покачал головой.

«Мы его взяли! — торжествующе объявил Максен. — Клянусь Заступницей, этот последний ублюдок такой самоуверенный! Эдеард, тебе точно не нужна помощь?»

— Да, я в полном порядке.

Он направился к выходу из хранилища. Глубинный инстинкт заставлял его тщательно обходить лужицы дымящейся блестящей массы. От дыма, поднимавшегося тонкими струйками к потолку, у него слезились глаза. За массивной металлической дверью он едва не наступил на один из пакетиков с металлической нитью. Грабитель выбросил всю свою добычу. Эдеард поднял один пакетик и нахмурился.

«Зачем он это сделал?»

Все еще недоумевая, он поспешил по проходу в переулок, где его поджидали товарищи вместе с задержанными грабителями. Только теперь, когда у него появилось время осознать, чего он достиг и чего добилось его отделение, ликование внутри Эдеарда засияло как утренняя заря.

Суд заседал в Доме Парламента Маккатрана, который возвышался над всеми постройками района Майят. Технически это было одно здание; разные его части словно бы срослись в целый городок огромных холлов, залов для заседаний, аудиторий и кабинетов с крытыми аркадами вместо улиц. В самом центре располагался великолепный Зал Демократии, где Большой Совет собирался, чтобы обсудить политику и законы. Защитным барьером вокруг него расположились ярусы кабинетов, которые предназначались для гильдии клерков, отвечавшей за снабжение города и сбор налогов. Целое крыло занимали отлично обставленные кабинеты представителей районов, где они принимали своих избирателей с жалобами на вымышленные и реальные проблемы. Где-то внутри (в подzemелье, как утверждали слухи) находилось Казначейство и его сокровищница — там хранились горы золота и серебра и чеканились монеты. Главный констебль вместе с довольно скромным аппаратом служащих занимал одну из пяти конических башен. Наружная башня, ближайшая к городским воротам, долгие столетия служила казармой милиции; но рядовые бойцы давным-давно переехали в несколько бараков в черте города, а их генерал и старшие офицеры получили резиденцию поблизости, во Дворце-Саду. Освободившиеся помещения быстро заняла вездесущая гильдия юристов.

Весь комплекс официально был открыт для любого посетителя, но средний житель

Маккатрана обычно попадал не дальше соединенных между собой сводчатых залов, расположенных вдоль Центрального канала. Там находился суд, а также основные камеры для задержанных. Эдеарду и его друзьям эти помещения показывал мастер Соларин, не упустивший случая долго и нудно рассказать историю каждой комнаты и каждого коридора. Посещение судебных заседаний входило в программу их подготовки, чтобы констебли познакомились с юридическими процедурами и слышали словесные перепалки законоведов. Эдеард охотно посещал эти занятия, но на всех заседаниях, где он присутствовал, юристы ограничивались простыми вопросами к тем, кто сидел на скамье свидетелей. Только раз довелось услышать оживленный диспут по поводу интерпретации прецедента, случившегося четыреста лет назад, когда между двумя рыботорговцами и их поставщиком вышел спор о праве на ловлю по долгосрочному контракту. Эдеард с трудом понимал многие слова юристов, а о том, чтобы уследить за их логическими построениями, не могло быть и речи. Единственное уголовное дело, которое слушалось при нем, касалось группы молодых людей, арестованных констеблями во время драки на вечернем представлении в театре. Парни вели себя робко, не возражали против обвинений сержанта, признали себя виновными, после чего им быстро присудили штраф.

Как показал последующий опыт, все это не имело никакого смысла.

Для разбора дела против троицы арестованных грабителей были назначены двое судей средней категории и старший судья городского совета. Все трое в просторных черно-алых балахонах с отороченными мехом капюшонами, пристегнутыми к правому плечу, сидели за длинным приподнятым деревянным столом, расположенным вдоль задней стены овального зала.

На плечах старшего судьи блестела золотая цепь, подчеркивавшая его высокий ранг.

На скамье подсудимых сидели воры, а по бокам в полной форме судебных констеблей стояли два охранника. Задержанные назвали свои имена. Предводитель, одетый в куртку с капюшонами, носил имя Арминель. Ему не было еще и сорока лет, вытянутое бледное лицо обрамляли густые рыжеватые волосы, отпущенные до самых плеч, чтобы скрыть большие уши. На его лице не было и тени беспокойства, более того, оно выражало откровенную скуку. Его сообщников звали Омасис и Харри. Харри, стоявшему на страже в переулке, еще не исполнилось и двадцати. Ему было предъявлено обвинение всего лишь в соучастии в краже. Арминеля и Омасиса обвиняли в незаконном проникновении и краже. Кроме того, Арминелю вменяли в вину еще и нападение на констебля. Хозяин ювелирного магазина быстро определил содержимое двух разбитых флаконов; это было очень едкое чистящее средство на основе спирта и концентрированная кислота. При мысли о том, что могло бы произойти, не будь его защита такой сильной, Эдеард невольно вздрогнул. Он хотел, чтобы Арминеля обвинили еще и в нападении на Кавайна на рынке Силварум, но мастер Восбол, приглашенный капитаном Ронарком в качестве обвинителя, категорически возражал. Это произошло слишком давно, чтобы суд счел показания свидетелей надежными.

— Но я сразу же его узнал, — воскликнул Эдеард.

— Ты увидел кого-то, чье поведение показалось тебе подозрительным, — сказал ему мастер Восбол. — И ты решил, что он принимал участие в предыдущем преступлении.

— Кавайн тоже его узнает.

— Кавайн был ранен, и довольно серьезно. Защита отведет его свидетельство. Давайте ограничимся последними обвинениями.

Эдеард вздохнул и покачал головой.

Уже этот эпизод должен был продемонстрировать им, как действуют законы в Маккатране. Но осознание того, что дело вовсе не такое ясное, каким казалось сначала, пришло, только когда адвокат попросил признать его подзащитных невиновными.

— Не может же он говорить так всерьез, — прошипел Эдеард, когда мастер Черикс, адвокат защиты, стоя перед судьями, озвучил свое заявление.

Все констебли отделения, одетые в парадную форму, сидели у задней стены зала, ожидая вызова со стороны обвинения. С одного края рядом с ними занял место капитан Ронарк, с другого — сержант Чаэ.

Почти все остальные места в зале пустовали, и Эдеард не знал, радоваться ему или огорчаться по этому поводу. Но ему бы очень хотелось, чтобы граждане Маккатрана знали, что его отделение помогло установить справедливость. Хотелось показать горожанам, что закон на их стороне.

Мастер Черикс, услышав его восклицание, недоуменно приподнял бровь и обернулся. Мастер Восбол метнул на Эдеарда сердитый взгляд. «Не разговаривать», — донесся его строгий посыл.

Это было, как объяснил происшествие мастер Черикс, досадное недоразумение. Его клиенты, честные граждане, шли по своим делам, как вдруг заметили взрыв в переулке. Взрыв выбил металлическую дверь, и они, преисполненные тревоги за жизнь людей, устремились в хранилище сквозь пламя и дым — подвергая риску собственные жизни, — чтобы убедиться, что внизу не осталось раненых. В этот момент их обнаружили констебли и сделали ошибочный вывод.

Трое обвиняемых по очереди вставали со скамьи и под присягой клялись, что действовали бескорыстно. Их неприкрытые мысли при этом были полны искренности с примесью уязвленной невинности и недоумения, как могли стражи правопорядка так неверно истолковать их поступок. Мастер Черикс сочувственно качал головой, сокрушаясь о заблуждении констеблей.

— Вот он, характерный признак нашего времени, — вновь обратился он к судьям. — Эти констебли, совсем молодые люди с добрыми намерениями, прошли краткий курс обучения, поскольку город из политических соображений торопится укомплектовать штат. Но, по сути дела, в тот печальный день им не хватило компетентности. Слишком уж они стремятся арестовать хоть кого-нибудь, чтобы заслужить одобрение известного своей суровостью участкового капитана. В таких обстоятельствах вполне объяснимо, что они предпочли интерпретировать события по-своему.

Эдеард встретился взглядом с Арминелем. «Он пытался меня убить, а его адвокат сводит все дело к простому недоразумению? К нашей ошибке». Защита вела себя настолько возмутительно, что он чуть не рассмеялся. А потом выражение лица Арминеля на мгновение изменилось. И его снисходительная ухмылка врезалась в память Эдеарда. Он понял, что это еще не конец.

После двухчасовой речи адвоката на место свидетеля наконец-то вызвали Эдеарда. «Теперь-то я смогу все объяснить».

— Констебль Эдеард. — Мастер Черикс приветливо улыбнулся. Он был ничуть не похож на мастера Соларина. Сравнительно молодой человек, одетый как отпрыск семьи процветающего торговца. — Вы ведь родились не в городе, не так ли?

— Разве это имеет отношение к делу?

Мастер Черикс с оскорбленным видом повернулся к судьям.

— Господа судьи?

— Отвечайте на вопрос, — произнес старший судья.

— Простите, сэр. — Краска залила лицо Эдеарда. — Да. Я родился в провинции Рулан.

— И пробыли в городе около полугода?

— Чуть больше.

— Следовательно, справедливо будет предположить, что вы не слишком хорошо знакомы с городом.

— Я знаю свой район.

— Я имел в виду образ мыслей и поведение наших сограждан. Почему бы вам не рассказать, как было дело с вашей точки зрения?

Эдеард повторил отрепетированный рассказ. О том, как Арминель пытался скрыться от ген-орла. О слежке за подозреваемыми по улице Сонрал. Об окружении и наблюдении при помощи про-взгляда. О взломе замков Арминелем.

— После этого мы приблизились, и я лично увидел, как подозреваемый похитил из хранилища золотую нить.

— Вот здесь позвольте задать вопрос, — вмешался мастер Черикс. — Вы сказали, что отделение осталось ждать на улице Сонрал у входа в переулок. А вы проникли в хранилище. Но ведь по вашим словам, Харри остался в переулке, как вы выразились, на страже. Как же вам удалось проскользнуть мимо него?

— Мне повезло, я нашел другой вход, через здание с задней стороны от ювелирного магазина.

Мастер Черикс с довольным видом кивнул.

— Может, это было вовсе и не хранилище? Если вам удалось так легко туда войти.

— Я попал туда с большим трудом, — признал Эдеард, мысленно моля Заступницу помочь ему уйти от этой темы. Он ведь не лгал, просто умалчивал о том, как именно оказался в подвале. — Но я успел вовремя.

— Вовремя для чего?

— Чтобы увидеть, как Арминель похищает мотки золотой проволоки. Этим он занимался до того, как бросил в меня горящую кислоту.

— Вот как. Я хотел бы кое-что уточнить, констебль. После того как вы присоединились к своему отделению, была ли при Арминеле эта пресловутая «золотая проволока»?

— Нет, не было. Он все выбросил, когда я его окликнул.

— Понимаю. А ваши коллеги по отделению могут подтвердить ваши слова?

— Они знают об этом... да.

— Что «да», констебль?

— Мы поймали его во время кражи. Я все видел!

— По вашим собственным словам, во время предполагаемого преступления вы были глубоко под землей, на скудно освещенном складе. Кто из ваших товарищей способен проникнуть про-взглядом сквозь пятнадцать ярдов плотной ткани города?

— Кансин. Она знала, что я там.

— Благодарю вас, констебль. Защита просит вызвать констебля Кансин.

По пути к месту свидетеля Кансин прошла мимо Эдеарда. Они оба старательно сохраняли бесстрастное выражение лица, но он все же ощутил ее беспокойство. Он занял свое место рядом с Динлеем, и все друзья встретили его сочувственными улыбками.

— Отличная работа, — шепнул ему Чаэ.

Но Эдеард не был в этом уверен.

— По силе про—взгляда вы не уступаете командиру вашего отделения? — задал вопрос мастер Черикс.

— При тестировании мы показали почти одинаковые результаты.

— Следовательно, с вашей позиции на улице Сонрал вы ощущали, что происходит в хранилище?

— Да.

Эдеард поморщился, настолько неуверенно прозвучал ее голос.

— Сколько там было золотой проволоки?

— Я... Э, не могу сказать точно.

— Унция? Тонна?

— Несколько ящичков.

— Констебль Кансин, — мастер Черикс торжествующе улыбнулся. — Это ваша догадка?

— Золота было не так много, чтобы обнаружить случайно брошенным про—взглядом.

— Пока оставим этот вопрос. Констебль Эдеард утверждает, что вы различали его в хранилище.

— Так и было, — уверенно ответила она. — Я чувствовала, что он появился в задней части хранилища. К тому моменту мы его потеряли и сильно беспокоились.

— Вы чувствовали его мысли. Но между источником мыслей и инертным материалом существует большая разница, не так ли?

— Да, конечно.

Мастер Черикс похлопал по карману пиджака, скрытого черной мантией.

— В одном кармане у меня отрезок золотой проволоки. В другом — такой же отрезок стальной проволоки. Что в каком кармане находится, констебль Кансин?

Эдеард сосредоточил про—взгляд на адвокате. Да, в его карманах точно имелись продолговатые предметы, но определить их материал было невозможно.

Кансин решительно выпрямилась.

— Я не могу этого сказать.

— Вы не знаете. А ведь между нами только пять футов воздуха. Так можете ли вы с уверенностью сказать, что мой клиент, находясь за пятнадцатью футами твердого материала, похищал золотую проволоку?

— Нет.

— Благодарю вас, констебль, у меня больше нет вопросов.

Затем настал черед спора между двумя адвокатами. Эдеард, услышав, как истолковывают его рассказ, невольно заскрипел зубами.

— Подозрительное поведение. — Мастер Восбол начал загибать пальцы. — Проникновение в хранилище через две запертые двери. Похищение золотой проволоки на глазах у прекрасно зарекомендовавшего себя констебля. Нападение на этого констебля. Господа судьи, их вина очевидна. Подозреваемые проникли в хранилище с целью совершить кражу. Кражу, доблестно предотвращенную этими пятью констеблями, не щадившими своих жизней.

— Это всего лишь косвенные улики, — заявил мастер Черикс. — Факты, искаженные обвинением в пользу собственной версии. Деревенский парень, один в подземном городском хранилище, полном огня и дыма. Растерянный и потому, к сожалению, не

заслуживающий доверия. Слова коллег по отделению не подтверждают его показания. Мои клиенты не отрицают, что были в хранилище, объясняя это тревогой, вызванной взрывом. Они вели себя так, как вел бы себя любой ответственный житель города. Обвинение не предоставило никаких доказательств того, что они хотя бы прикасались к золотой проволоке. Я обращаю внимание господ судей на прецедент «Маккатран против Линея» о неприятии во внимание недостоверной информации.

— Возражаю, — рявкнул мастер Восбол. — Это свидетельство городского служащего, а не недостоверная информация.

— Ничем не подтвержденное свидетельство, — указал мастер Черикс. — Следовательно, имеет такой же вес, как и утверждения моих клиентов.

Судьи совещались восемь минут.

— За недостаточностью улик, — объявил старший судья, — дело прекращено.

Он с грохотом опустил молоток на деревянную столешницу.

Эдеард уронил голову на руки. Он никак не мог поверить услышанному приговору.

— О Заступница, — простонал он.

Бывшие обвиняемые весело смеялись и хлопали друг друга по плечам. Эдеард с отвращением увидел, как мастер Восбол пожимает руку мастера Черикса.

— Такое нередко случается, — мрачно бросил капитан Ронарк. — Вы прекрасно справились со своей работой, никто не смог бы сделать лучше. Я горжусь вами. Но таково сейчас положение дел в Маккатране.

— Спасибо, сэр, — грустно ответили ему Динлей и Максен.

Ронарк с беспокойством окинул взглядом их лица, словно раздумывая, стоит ли продолжать разговор.

— Это пойдет вам на пользу, — сказал он. — Могу себе представить ваши мысли, но в следующий раз вы будете знать, что делать, как тщательно собирать улики, чтобы окончательно покончить с этим мерзавцем.

Он кивнул Чаэ и отошел поговорить с мастером Восболом.

— Ставлю всем выпивку, — объявил Чаэ. — Поверьте, я понимаю, как вам всем обидно. Я видел, как эти проклятые адвокаты выкручивались и в худших ситуациях.

— Двойную порцию чего-нибудь незаконно крепкого, — сказал Максен.

Остальные согласно кивнули и посмотрели на Эдеарда.

— Да, конечно, — ответил он.

Арминель отсалютовал ему, приложив два пальца ко лбу, и злорадно ухмыльнулся.

Эдеард подавил желание прыгнуть через весь зал и врезать подлецу кулаком по физиономии. Вместо этого он подмигнул в ответ.

— Мы еще встретимся, — прошептал Эдеард.

Унисфера никогда не была однородной системой, и создавалась она, как ни странно, далеко не по логическим принципам, хотя и базировалась исключительно на цифровых устройствах. Она росла и расширялась беспорядочными бросками, в соответствии с коммерческими и гражданскими требованиями процветающей межзвездной цивилизации. Согласно определению, унисфера всего лишь обеспечивала обмен данными между всеми планетарными киберсферами, а они были невероятно разнообразными. В мирах Великого Содружества до сих пор использовались почти все технологии, разработанные человеческой расой, от устаревших макросистем, управляемых СИ, до полуорганических массивов, квантовых блоков и фотонных кристаллов, наконец, вплоть до АНС, которая в техническом отношении представляла собой еще один узел маршрутизатора. Такими же разнообразными были и межзвездные системы согласования; Центральные миры Содружества пользовались все теми же бесконечно узкими червоточинами, тогда как во Внешних мирах предпочитали комбинировать червоточины с модуляторами гиперпространства. Новое поколение Внешних миров все чаще применяло трансмерные каналы. Космические корабли, при условии, что они не покидали сеть контроля космоса, тоже имели возможность подключаться к общей системе.

Колоссальное разнообразие технологических решений привело к тому, что управляющая унисферой программа за прошедшие столетия неимоверно разрослась, чтобы соответствовать все новым устройствам и требованиям. При практически неограниченной емкости памяти согласующие узлы, адаптеры, ретрокрипторы и преобразователи, словно слои луковой шелухи, накапливались вокруг каждого узла. Они обеспечивали возможность работать с любыми устройствами, выпускаемыми с конца XXI века; но с усложнением интерфейса пропорционально возрастала и проблема безопасности. Хороший специалист мог без труда подключиться к узлам согласования, чтобы скачать и скопировать определенные файлы. Проблема состояла лишь в том, что каждый пользователь по-своему кодировал свои послания. Чтобы декодировать сообщение, надо было заполучить соответствующий шифр. Сверхсекретные шифры никогда не посылались через унисферу, их заблаговременно передавали из рук в руки — такой способ часто использовался для финансовых операций. Менее надежным методом была передача шифра юз-дублем по одному каналу, а сообщения — по другому. Маршрутов передачи (самого разного назначения) существовало великое множество, и большинство людей (если они вообще об этом задумывались) считали такой способ достаточно надежным. В конце концов, требовалась значительная компьютерная мощность, чтобы отследить каждый маршрут, доступный для определенного адреса, отыскать ключ, а потом повторить процедуру в поисках сообщения.

Но так было в раннем Содружестве, до появления АНС. Каждая личность, загрузившая разум в АНС, имела постоянный доступ к соответствующим возможностям. Фракция Прогрессоров непрерывно сканировала все послания, адресованные правлению АНС отслеживая любые упоминания и донесения о своей деятельности.

Предупредительный сигнал поступил, когда следящая программа обнаружила трансмерный канал, установленный между космическим кораблем и системой связи Белена и содержащий фрагмент адреса правления АНС. Через две целых и три десятых секунды пс

разным каналам с семи планет пришли остальные части шифра, и мониторинговая система подтвердила попытку открыть сверхсекретную линию связи. В этом не было ничего экстраординарного, все—таки обращение направлялось в отделение безопасности. Но все восемь планет находились в радиусе двадцати пяти световых лет от секретного промышленного комплекса фракции Прогрессоров, и в результате уровень тревоги поднялся до первой степени.

Три секунды спустя расширенное сознание Иланты уже принимало сам секретный вызов, направленный с девятой планеты, Лозницы, в семнадцать световых годах от комплекса.

«Слушаем, Троблум», — отозвалось на вызов правление АНС.

«Мне необходимо кое с кем повидаться. С определенной личностью».

«Я с радостью приму любой запрос, касающийся безопасности Содружества. Не могли бы вы высказаться более определенно?»

«Я работаю на фракцию Прогрессоров. Вернее, работал. У меня имеется информация очень важная информация об их деятельности».

«Я с радостью приму ваше сообщение».

«Нет. Я вам не доверяю. Больше не доверяю. Часть системы порочна. И я не знаю, насколько глубоко проникло заражение».

«Могу вас заверить, что правление АНС сохраняет свою целостность, как в структурном, так и в моральном отношении».

«Иначе вы и не могли ответить. Я даже не уверен, что разговариваю с правлением АНС».

«Недоверчивость — полезное качество, если только оно не переходит в паранойю. Если вы мне не доверяете, что же я могу для вас сделать?»

«После того, что я видел, нетрудно стать параноиком».

«Что же вы видели?»

«Я скажу только Пауле Мио. Она единственная, кому я еще могу верить. Перенаправьте этот вызов ей».

«Я спрошу, хочет ли она вас выслушать».

Через пятнадцать секунд на линии была Паула Мио.

«Что вы хотите?» — спросила она.

«Есть кое—что, о чем вы должны узнать. То, что многое вам объяснит».

«Тогда, скажите, что именно».

«Я должен быть уверен, что разговариваю с вами. Где вы находитесь?»

«В космосе».

«Вы можете добраться до Шолапура?»

«Для чего?»

«Я расскажу все, что знаю об их планах по слиянию, о созданной ими аппаратуре и вовлеченных в это дело людях. Обо всем, лишь бы вы согласились меня выслушать. А вы должны, вы единственная, кто во всем разбирается».

«В чем?»

«Встретимся на Шолапуре».

«Хорошо. Я буду там через пять дней».

«Не маскируйте свой корабль, я с вами свяжусь».

Линия разъединилась.

Поскольку АНС и ее возможности зависели от унисферы, внутри самой АНС существовали иерархические уровни. Различные степени доступа были тайно установлены несколькими людьми, основателями АНС. Именно они обладали уникальными средствами. Они не могли нанести вред АНС или использовать боевые корабли флота в собственных целях, это было бы слишком заметно. Но в нескольких коммуникационных узлах АНС имелись лазейки, позволяющие наблюдать за наблюдателями без особых усилий, которые приходилось в тех же целях прикладывать Прогрессорам. А поскольку лазейки появились с самого начала, эти личности следили и за мониторинговыми программами Прогрессоров и других фракций, а значит, и узнавали о перехватываемых сообщениях.

— Иланта будет в ярости от такого предательства, — сказал Гор.

— По крайней мере нам известно, что Троблум еще жив, — ответил Нельсон.

— Да, в ближайшие пять секунд.

— Или до тех пор, пока он не доберется до Шолапура. И не стоит недооценивать Паулу.

— И в мыслях этого не было. Если кто-то и способен сохранить его целым и невредимым, то только она.

— Так что мы можем спокойно сесть и расслабиться, пока Паула не доставит информацию о планах Прогрессоров. Троблум говорил об аппаратуре. Вероятно, речь идет о сверхсветовых двигателях, перемещающих планеты.

— Возможно, — согласился Гор. — Но это была приманка, чтобы Паула согласилась его выслушать, его испугало нечто другое, более ужасное. Но что?

Марий мчался по коридору. Такое зрелище Вселенная видела далеко не часто. Функции силового поля Высшего помогли развить феноменальную скорость. Малметаллические двери, если раздвигались недостаточно быстро, подвергались полному уничтожению. Его темный плащ-костюм хлопал за спиной, на этот раз будучи не в состоянии создать эффект плавного скольжения, всегда отличавший походку Мария. Сейчас внешний облик его не волновал. Марий был *в ярости*.

Короткий разговор с Илантой выбил его из колеи. Марий никогда еще ее не подводил. Всего лишь в нескольких словах она обрисовала ему весь ужас вероятных последствий. Сейчас ему хотелось лишь одного: иметь время, чтобы заставить Троблума *страдать*.

Он проскочил развилку и устремился в коридор, ведущий к сектору 7-B-5. Какая-то идиотка тащила по самой середине прохода, после долгой смены направляясь в свою комнату. Марий настиг ее и дернул за руку; кость моментально сломалась от рывка. Женщина развернулась на месте, ударила об стену и с криком сползла на пол.

Впереди показалась дверь номера Троблума, как и две минуты назад, запертая лично Марием кодом девятого уровня, чтобы не дать этому ничтожеству сбежать. Сенсоры внутреннего наблюдения показали, что Троблум сидит за столом и причмокивает, поедая «вечерний перекус».

Марий начал замедлять бег, а его юз-дубль тем временем занялся замком. Дверь открылась как раз перед ним, и Марий ворвался внутрь. Голова Троблума повернулась, с уголка его губ посыпались крошки бургера. Несмотря на раздутые щеки, он все же сумел выразить недоумение.

Импульс дезинтегратора ударил в его тело, вызвав в номере призрачную зеленоватую вспышку. За ним без промедления последовал выстрел геля-пистолета. Еще несколько секунд, и он уничтожит ячейку памяти, и тогда останется только резервное хранилище на Аревало.

Но вместо того чтобы брызнуть фонтаном крови и разложившейся плоти, Троблум просто лопнул, словно мыльный пузырь. Со стены позади стола, куда ударил импульс, стекла струйка металлической пыли. Марий замер в недоумении, и его сканер обследовал комнату. Это был не Троблум. В помещении не обнаруживалось никаких признаков биологической материи. Зато взгляд Мария отыскал на стуле, пробитом залпом дезинтегратора, наполовину расплавившийся электронный модуль.

Объемная проекция.

Потрясенный Марий, не шелохнувшись, уставился на остатки прибора.

— Что случилось? — спросила Неския, входя в комнату.

Ее длинная шея изогнулась, так что голова высунулась из-за плеча Мария.

— Похоже, что Троблум вовсе не такой глупый толстяк, каким я его считал.

— Мы найдем его. Это не займет много времени. Станция не так уж и велика.

Марий рывком развернулся, его зеленые глаза угрожающе сузились до тонких щелочек.

— Где его корабль? — рявкнул он.

— Стоит в шлюзе, — спокойно ответила она. — Без моего ведома никто не может ни проникнуть сюда, ни покинуть станцию.

— Хорошо, если так, — буркнул Марий.

— Каждый сантиметр всех помещений просматривается тем или другим датчиком. Мы его отыщем.

Юз-дубль Мария потребовал от интел-центра станции показать тамбур-шлюз. «Искупление Меллани» неподвижно стоял посреди большого белого отсека. Визуально корабль был на месте, на радаре шлюза регулярно появлялось отражение от его корпуса. Программы технического обслуживания докладывали о постоянном отборе энергии через кабель, подключенный к его разъему. Марий запросил доступ к интел-центру. Ответа не было.

Марий и Неския переглянулись.

— Проклятье!

Через четыре минуты они вошли в шлюз. Марий сердитым взглядом окинул конусовидный корпус с идиотскими загнутыми назад стабилизаторами. Сканирование показало, что вместо корабля они видят объемную проекцию, производимую небольшим модулем на полу шлюза. От импульса дезинтегратора, ударившего по проектору, она задрожала и превратилась в образ молодой обнаженной женщины со светлыми волосами, спускавшимися до середины спины.

«О, Говард, — сладострастно простонала она, проводя ладонями по своему телу. — Сделай это снова».

Марий зарычал от злости и выстрелил еще раз. Проектор разлетелся дымящимися обломками. Женщина исчезла.

— Во имя Оззи, как он умудрился это проверить? — воскликнула Неския. В ее голосе прозвучал оттенок восхищения. — Он ведь сумел пройти и мимо кораблей обороны. Они его даже не заметили.

Марий уже успел справиться со своими эмоциями.

— Троблум участвовал в проектировании и постройке этих кораблей. Или он еще тогда оставил в их программах лазейки, или знал способ обмануть их системы наблюдения.

— И интел-центр станции он тоже обманул. Без этого «Искупление Меллани» ни за что бы не выпустили.

— Верно, — сказал Марий. — Вы найдете эти погрешности и исправите их. Недопустимо ставить под угрозу операцию.

— Это не я поставила под угрозу работу станции, — с такой же холодной сдержанностью ответила Неския. — Это ты привез его сюда.

— У тебя было двадцать лет, чтобы обнаружить оставленные им дефекты. Такие оплошности непростительны.

— Не пытайся переложить вину на меня. Это твой просчет. И я непременно доведу это до сведения Иланты.

Марий резко развернулся и направился к выходу из шлюза. Темный плащ-костюм уже снова облегал его тело, скрывая своим мерцанием движения ног. Со змеиной грацией Марий заскользил по коридору к шлюзовому отсеку, где стоял его собственный корабль.

Юз-дубль установил секретный канал связи с кораблем Кэт.

«Как приятно снова пользоваться популярностью», — сказала она.

— У нас проблема. Я хочу, чтобы ты отыскала Троблума. И стерла это дерьмо с лица Вселенной. Честно говоря, я бы предпочел вычеркнуть его из истории.

«Марий, дорогой, это что-то очень личное. Очень некстати. Нарушает твою объективность».

— Он направляется на Шолапур. Через пять дней он встретится там с представителем АНС и расскажет о том, что мы здесь делаем. Его корабль оснащен какой-то неизвестной нам системой маскировки.

«Улизнул от тебя, да?»

— Я надеюсь, ты сумеешь исправить нашу ошибку.

«А что мне делать с Аароном? Он все еще остается на поверхности планеты».

— Есть какие-то признаки Иниго?

«Дорогуша, сенсоры едва различают очертания континентов. Я понятия не имею, что происходит внизу».

— Поступай как знаешь.

«Я думала, это критический аспект в ваших планах».

— Если Троблум выдаст нас АНС, не будет никаких планов, а возможно, не будет и фракции Прогрессоров.

«Выживают сильнейшие. Таков закон эволюции».

— На встречу с Троблумом прибудет Паула Мио.

«О, Марий, ты так добр ко мне. Честное слово».

Поездка обещала быть заманчивой. Один на небольшом корабле с тремя прекрасно сложенными молодыми людьми, возможно, считающими *за честь* разделить с ним постель. Оскар с удовольствием познакомился с членами отряда Томансио. Лиатрис Макпейерл, его заместитель, был намного спокойнее своего командира, но его широкий рот временами растягивался в белозубой и откровенно соблазнительной улыбке. Томансио объяснил, что он отвечает за техническую сторону миссии, включая вооружение. При виде целой груды ящиков на антиграв-тележке, следовавшей за Лиатрисом, Оскар ощутил первый укол беспокойства; ему не хотелось бы прибегать к насилию, хотя он смотрел на вещи достаточно реалистично и понимал, что от него мало что зависит. Черитон Маконна был включен в группу благодаря своему знанию Гея-сферы. По словам Томансио, в работе узлов восприятия для него не осталось никаких секретов. Характеристики Черитона слегка удивили Оскара: по своим показателям он был почти Высшим; он изменил форму ушей,

сделав из них простые круглые воронки, нос стал широким и плоским, а глаза превратились в искрящиеся пурпурные шарики, похожие на фасеточные линзы насекомых. На голом черепе от бровей поднимались два невысоких рубца, смыкавшиеся сзади, у основания шеи.

— Мультимакроклеточная модификация, — пояснил он. — И чертова уйма индивидуально настроенных гея-частиц.

В подтверждение своих слов он создал иллюзию концерта. Оскар мгновенно перенесся в природный амфитеатр и оказался в море зрителей под чистым звездным небом. Далеко впереди на сцене играл пианист, его проникновенная мелодия отозвалась в самом сердце Оскара.

— Ого.

Видение рассеялось, и Оскар заморгал и невольно отпрянул. Он едва не начал подпевать артисту — мелодия казалась смутно знакомой, только звучала как-то не так.

— Я воспроизвел эту сцену специально для тебя, — сказал Черитон. — Я помню, ты говорил Уилсону Кайму, что предпочитаешь старинные мотивы.

Действительно, *теперь* вспомнил и Оскар.

— Верно. Это ведь «Где-то высоко над радугой»?

Из осторожности он уменьшил степень восприятия своих гея-частиц. Черитон создавал невероятно сильные видения, и Оскар впервые задумался, нельзя ли использовать Гея-сферу во вред человеку.

— Да.

Последним членом группы была Бекия Маккратц, чье излучение в Гея-сферу откровенно давало понять Оскару, что она хочет с ним переспать. По красоте она не уступала Анье, но не обладала ее нервной энергетикой. Оскара ее желание не заинтересовало. Даже в то первое утро на корабле, когда он выбрался из своего крошечного спального отсека в кают-компанию и увидел, что все четверо, обнаженные до пояса, выполняют какие-то странные упражнения. Они двигались с полной синхронностью, поднимали то руки, то ноги, а потом замирали в невероятных позах, глубоко дыша и закрыв глаза. Судя по Гея-сфере, их мысли в это время оставались в спячке.

Чужаки, переселенные в человеческие тела и испытывающие, на что они способны.

Все это было совсем непохоже на утренний распорядок самого Оскара, обычно предусматривающий огромное количество кофе и подключение к самым низкопробным сплетникам унисферы, каких он только мог отыскать. Из этих различий он и не проявил интереса. Такая одержимость физическим развитием и совершенствованием вряд ли оставляла много времени на чисто человеческие увлечения. Она отбивала всякую охоту.

Оскар тихонько пробрался к кулинарному процессору, подхватил чашку с кофе и тарелку с намазанными маслом круассанами, уселся в уголке и приступил к завтраку, наблюдая странный медлительный танец.

Спустя некоторое время участники представления остановились в исходной позе, глубоко вздохнули, открыли глаза и заулыбались.

— Доброе утро, Оскар, — приветствовал его Томансио.

Оскар сделал очередной глоток. Кроме всего прочего, его утренний распорядок исключал всякие разговоры до третьей чашки кофе. Кулинарный процессор вдруг загудел и начал выплевывать тарелки с большими порциями яичницы с беконом и тостов.

— Что-то не так? — поинтересовался Лиатрис.

Оскар вдруг понял, что усталился на занятого едой мужчину.

— Извини. Я полагал, что вы все вегетарианцы.

Они удивленно переглянулись.

— Почему?

— Я помню, как во время полета через Промежуточную на «Карбоновом гусе» Кэт подняла жуткий шум по поводу имевшейся на борту еды. Она отказывалась есть все, что произведено на планетах Большой Дюжины.

Удивление его спутников мгновенно испарилось. Оскару вдруг показалось, что он превратился в какого-то гуру, преисполненного мудрости.

— Ты правда с ней разговаривал? — спросила Бекия.

— Немного. Можно было подумать, что ей с нами невероятно скучно. И я до сих пор не понимаю, почему вы ее так идеализируете.

— Мы реалистично смотрим на ее поступки, — сказал Черитон. — Но она столько многого достигла.

— Она убила многих людей.

— Как и ты, Оскар, — поддел его Томансио.

— Не намеренно. Не ради своего удовольствия.

— Война против Звездного Странника произошла лишь по той причине, что человечество было слабым. Столетия либерализма подтачивали наши силы. Больше такого не повторится. Внешние миры верят в то, что смогут постоять за себя в борьбе против Центральных миров. И эту веру они обрели благодаря руководству Дальней. А главная политическая сила на Дальней — Рыцари-Хранители. Политики больше не могут игнорировать силу. И так происходит в сотнях миров, в самых разнообразных формах.

«Вот в чем беда истории, — подумал Оскар. — Чем дальше событие уходит в прошлое, тем больше появляется вариантов его интерпретации. Настоящий ужас бледнеет со временем, и его место занимает невежество».

— Я сам жил в те времена. У Содружества было достаточно сил, чтобы одержать победу. В противном случае вы бы не сидели тут и не разглагольствовали о том, что могло бы произойти.

— Мы не хотим тебя обидеть, Оскар.

Он допил остатки кофе и заказал процессору следующую чашку.

— А разве чувствительность — это не проявление слабости?

Лиатрис рассмеялся.

— Нет. Уважение и культурность — это высочайшие достижения цивилизации. Так же как независимость и доброта. Сила проявляется по-разному. В том числе и в способности пожертвовать своей жизнью ради выживания человечества. Если Рыцари-Хранители о чем-то и сожалеют, так только о том, что твое имя не пользуется такой же известностью и уважением, как другие имена твоей эпохи.

— Какая чушь, — пробормотал Оскар и забрал свой кофе. Он знал, что его щеки покраснели. «Моя эпоха!» — Ладно, — сказал он, усаживаясь на стул, подставленный ему кают-компанией. — Как я понимаю, за разговорами об истории и политике нам не будет скучно до самого окончания миссии. А для начала нам предстоит обсудить реальную цель. Мой план предельно прост, и я жду вашего вклада. Пока же мы рассмотрим наши возможности. Вы, ребята, эксперты в этой области и в этой эпохе. Итак, вот вам вводная информация: злосчастного Второго Сновидца усиленно разыскивают различные фракции АНС, не говоря уж о Воплощенном Сне, который заранее отвел ему вполне определенную

роль. Все они обладают колоссальными ресурсами, перебить которые у нас нет никакой надежды. Поэтому я предлагаю уцепиться за хвост победителей и предоставить им сделать всю черную работу. Мы должны занять такую позицию, чтобы успеть перехватить Сновидца, как только кто-то выяснит его местоположение.

— Мне нравится, — сказал Томансио. — Чем проще, тем лучше.

— В таком случае нам остается обсудить некоторые детали, — сказал Оскар. — Все уверены, что Второй Сновидец находится на Виоти. Мы будем там через семь часов.

— Впечатляющая скорость, — сухо заметил Черитон. — Я еще не летал на кораблях с ультрадвигателем.

Оскар проигнорировал намек. Томансио ни разу не спросил, кто нанял Оскара, но корабль выдавал его с головой.

— Томансио, каким образом мы сможем там следить за действиями Воплощенного Сна?

— Прямое внедрение. Мы взломаем файлы с личными делами в их интел-центре и введем Черитона в состав поисковой группы. Он достаточно сообразителен, чтобы сойти за мастера снов, верно?

— Нет проблем, — согласился Черитон и вздохнул. — Значит, придется перепрофилироваться.

Он провел рукой по рубцам на своем черепе.

— Я сделаю тебя похожим на человека, — заверила его Бекия.

Черитон послал ей воздушный поцелуй.

— Чтобы установить местонахождение Второго Сновидца, Воплощенный Сон модифицировал узлы восприятия по всему Содружеству, — сказал он. — Это наверняка стоило им целого состояния, что свидетельствует об отчаянной спешке. Метод не самый точный, но, когда они ограничат зону одним узлом, будет известен хотя бы район поисков.

— И чем это им поможет? — спросила Бекия. — Узел восприятия Гея-сферы охватывает огромную площадь. Если речь идет о городе, там может быть и миллион жителей.

— Я бы на их месте окружил район специалистами по узлам и мастерами снов и попытался разбить район на треугольники, чтобы найти источник распространения снов.

— Что ж, мы тоже можем выбрать себе место в районе главных событий, — сказал Оскар. — И тогда дело за скоростью.

— Фракции будут проводить такие же операции по перехвату, — заметил Томансио. — И нам придется соперничать не только с Воплощенным Сном, но и с их агентами.

Оскар заметил, какой энтузиазм вызвало последнее замечание у Рыцарей-Хранителей.

— Но ведь агенты фракций имеют биононики с боевыми системами.

— Я на это надеюсь, — усмехнулся Томансио.

— Вы сможете с ними справиться? — встревожился Оскар.

— Есть только один способ это выяснить.

Неглубокую лощину покрывала высокая темная трава, и налетающий с гор ветерок гнал по ней гигантские волны. В небольшой впадине стоял дом — красивое старое здание из шероховатого камня, добытого в ближайших горах. Нависающая по бокам соломенная крыша создавала впечатление полного единства с природой. Внутреннее убранство резко противоречило внешнему виду: репликаторы выполняли все физические запросы, а расщелины телепорт-сферы обеспечивали семье изменяемую по желанию внутреннюю

структуру и неограниченное пространство.

Он стоял лицом к дому, держа перед собой бамбуковый шест. Воздух свободно овеивал обнаженный торс. На ногах были простые черные штаны «Дирукку». Он отключил функции биоников, и восприятие ограничилось зрением, слухом и осязанием. Ощущением окрестностей. Кобра в гнезде — основа личности. Он принял позу зоркого орла. Затем резко развернулся, имитируя прыжок гепарда. Вдох. Движение противника сзади. Бамбуковый шест устремился вниз, последовал быстрый выпад — коготь тигра. Затем прыжок с поворотом — разворачивающийся дракон. Одна рука согнулась в спартанский щит. Выпад — разящий ангел. Он бросил шест и выхватил из ножен пару изогнутых кинжалов. И упал на колени пробуждающимся фениксом.

В воздухе возникла странная вибрация. Тяжелые шаги топтали нежные стебельки травы. Он поднял голову и увидел шеренгу одетых в броню фигур, марширующих в его сторону. Прогремел боевой клич, и из отверстий в шлемах вырвались длинные языки пламени. Его дыхание участилось, а пальцы крепче сжали рукоятки кинжалов. Над лугом разнесся смрад горячей плоти. Аарон едва не задохнулся от невыносимой вони. Он отчаянно закашлялся и сел на койке в кабине гусеничного вездехода.

— Какая гадость, — пробормотал он и снова зашелся в кашле, хватая ртом воздух.

От кашля Аарон согнулся пополам. Медицинский дисплей экзозрения показал, что бионики, откликнувшись на команду легких и дыхательных путей, взяли на себя функции его организма. Аарон выдохнул воздух и тряхнул головой; искусственные органеллы стабилизировали его состояние.

С койки на другой стороне кабины на него смотрела Корри–Лин. Она подтянула колени к подбородку и накинула одеяло на плечи. От ее взгляда он почему–то почувствовал себя виноватым.

— Ну, что? — буркнул он, раздраженный недостатком кофеина.

— Я не знаю, — сказала она. — Я думаю, эти воины олицетворяют ловушку. Но они напали на тебя вне дома. Ты не мог изменить себе и своему роду.

— О, пощади, — простонал он, пытаясь встать с койки.

Ноги запутались в одеяле, и он освободил их резким рывком.

Корри–Лин в ответ обиженно нахмурилась.

— А еще они могут означать паранойю, — резко добавила она.

— К черту. — Он заказал кулинарному процессору травяной чай. «Чтобы очистить душу». — Послушай, — вздохнув, заговорил он. — Кто–то серьезно испортил мой разум. Я обречен на ночные кошмары. Так что оставь все как есть.

— Ты разве не беспокоишься?

— Я такой, какой есть. И меня это устраивает.

— Но ты даже не знаешь, кто ты.

— Я сказал, оставь это.

Он уселся на одно из передних кресел и уставился наружу сквозь толстое стекло смотровой прорези. Вездеход неспешно катился вперед, то поднимаясь, то опускаясь, словно по замерзшим океанским волнам. За всю поездку погода снаружи несколько не изменилась, сильный ветер все так же гнал тучи ледяной пыли. Высоко наверху неустанно кипел темный покров туч, временами освещаемый зарницами. Их маршрут пролегал по унылой местности, где потоки наводнения прорезали в почве глубокие впадины. Широкие лучи фар скользили по гребням дюн, постоянно перемещавшихся по замерзшей поверхности. Монотонность

путешествия нарушали только встречавшиеся иногда развалины и обломки.

Корри–Лин без слов выбралась из койки и направилась к туалетной комнате в задней части продолговатой кабины. Она даже сумела хлопнуть старенькой алюминиевой дверцей.

Аарон потер лицо ладонями; создавшаяся ситуация его пугала. Кошмарные сны постепенно подтачивали самообладание. Не хотелось признавать, но Корри–Лин, возможно, была права, его подсознание каким–то образом сохранило самые ценные отрывки истинных воспоминаний. Сейчас он представлял собой простую целеустремленную личность без излишней сентиментальности. И он не желал лишаться этого равновесия, никогда.

В качестве извинения он ввел в кулинарный процессор целую серию инструкций. Через тридцать минут, когда Корри–Лин вышла, на маленьком столике ее уже ждал завтрак. Она молча надула губки.

— Сеть вездехода напоминает, что мы подойдем к лагерю через девяносто минут, — сказал он. — Я думал, тебе не помешает подкрепиться перед новой встречей.

Корри–Лин немного помолчала, затем кивнула, принимая предложение мира, и села за стол.

— Кто–нибудь выходил на связь? — спросила она.

— Из лагеря? Нет.

Прошлой ночью они разговаривали с женщиной по имени Эрисцилла и сообщили примерное время прибытия. Она с интересом выслушала их, но на предположение о том, что герой истории может оказаться среди ее коллег, весело рассмеялась.

— Если бы вы их знали, вы бы поняли, что напрасно тратите время. Они отнюдь не романтики.

— Мы все еще подключены к маячковой сети, — сказал Аарон, прихлебывая вторую порцию травяного чая. — Пока никто не признался.

— Что будем делать, если его здесь нет?

Аарон старался не разглядывать Корри–Лин слишком пристально, но успел заметить, что она переделалась в черные брюки и светло–зеленый свитер с V–образным вырезом. Чистые волосы блестели, на лице не было никакой косметики, но на щеках появился румянец. Она явно не хотела упускать шанс вернуть прежнюю страсть, если *он* здесь. После отъезда из Каджаани ее гея–частицы оставались надежно замкнуты, но случайная утечка позволила Аарону ощутить радостное возбуждение.

— Я еще не решил, — признался он. — Время играет не в нашу пользу.

— А если он здесь? Если он не хочет, чтобы его тащили обратно на Эллезелин?

В голове Аарона что–то шевельнулось. Уверенность. Он должен знать, что произойдет дальше. Знание хранилось в его разуме. Готовое всплыть в нужный момент.

— Я просто скажу ему то, что должен сказать. После чего решение останется за ним.

Взгляд Корри–Лин выразил легкое недоверие, но затем она опустила голову и занялась сэндвичем с беконом.

По мнению Аарона, то место, где в провинции Олхава работала группа людей, лишь с большой натяжкой можно было назвать лагерем. Под защитой осыпающихся скал вплотную друг к другу стояли два вездехода. Открытые задние малметаллические заслонки обеспечивали членам команды необходимое пространство. Но это было все.

Аарон остановился в нескольких метрах, и они оба влезли в громоздкие скафандры, используемые для работы на поверхности. Аарон, пристегнув шлем, шагнул в крошечный тамбур и подождал, пока не отойдет в сторону наружная дверь. И сразу же был атакован

ветром. По шлему застучала ледяная крупа. Он осторожно спустился по трапу, крепко держась за поручни. Ветер налетал сильными порывами, но еще можно было стоять во весь рост. На случай действительно сильного шторма в скафандре имелись усилители мышц. Главной его задачей была защита от радиации.

Хоть потребовалось и немного физических усилий, чтобы преодолеть небольшое расстояние до санкамеры на боку одного из вездеходов, Аарон успел пожалеть, что не поставил свою машину поближе. На весь путь у него ушло почти три минуты; позади, чертыхаясь и жалуясь, брела Корри–Лин.

Эрисцилла встретила их в раздевалке размером не больше обычного чулана. Это была невысокая женщина с копной кудрявых каштановых волос, пронизанных серебряными прядями. Глядя, как Корри–Лин выбирается из громоздкого защитного костюма, она весело усмехнулась и облизнула губы.

— Ни один мужчина этого не достоин, — объявила она.

— Он достоин, — заверила ее Корри–Лин.

Аарон уже запустил сканер и обследовал весь лагерь. Он обнаружил четырех людей, включая Эрисциллу. Ни один из них не был Высшим.

— Входите и познакомьтесь с моими мальчиками, — пригласила Эрисцилла, сопровождая слова широким жестом.

В центре помещения, ограниченного задними бортами вездеходов, их ждали Вилитар и Цитус, они стояли навытяжку, словно на воинском смотре. Нерина, жена Вилитара, окинула Корри–Лин настороженным взглядом.

— Не повезло, — уныло объявила Корри–Лин.

Нерина ткнула Вилитара в грудь.

— Отлично, тебя исключили.

Двое мужчин заметно расслабились и смущенно заулыбались. Аарон почувствовал, как исчезает напряженность. Теперь все присутствующие искренне радовались встрече.

— Я думал, ваша группа состоит из пяти человек, — сказал Аарон.

— Эрл внизу, на раскопках, — пояснила Эрисцилла. — Простой ночью сенсоры ботов засекали многообещающий сигнал. Он сказал, что это важнее, чем...

Интонация незаконченной фразы показала, что Эрисцилла поддерживает Эрла.

— Я бы хотела его увидеть, прошу вас, — попросила Корри–Лин.

— Почему бы и нет? — воскликнула Эрисцилла. — Вы уже так далеко забрались.

Последовала еще одна поездка. Вход в раскоп находился по другую сторону от скал. Простой металлический куб, где располагался небольшой ядерный генератор и несколько энергетических накопителей. Наклонное силовое поле защищало его от смертоносной стихии Ханко. Дезактивационный шлюз позволял изолировать аппаратуру от радиации. Мощные фильтры, занимавшие большую часть оставшегося пространства в кубе, поддерживали чистоту внутренней атмосферы. Но температура оставалась такой же низкой, как и снаружи. Аарон и Корри–Лин, войдя внутрь, даже не сняли шлемов.

Землеройные роботы выкопали проход под углом в сорок пять градусов с грубыми ступенями, вырубленными в скальном грунте. Толстые синие шланги воздухопровода, отходившие от полуметровой трубы экстрактора, пронзали свод и с шумом выбрасывали размельченную замерзшую землю, которую собирали в одну грудку в полукилометре от объекта. Полоски полифото, свисавшие с кабелей, заливали тоннель зеленоватым светом. Аарон спускался вниз с особой осторожностью. Плотная масса земли блокировала работу

сканера.

Примитивная лестница заканчивалась примерно в семи метрах под поверхностью почвы. Эрисцилла объяснила, что они находятся на дне озера, заполнившегося осадочными отложениями во время муссонов после атаки чужаков. Здесь находилось несколько тел людей, так и не добравшихся до Анагаски.

Проход заканчивался пещерой шириной десять и высотой три метра, стены и свод которой поддерживало силовое поле. На полу лежало несколько вышедших из строя роботов длиной не больше руки, рядом с ними виднелись мотки кабеля. Два голографических проектора заливали пространство резким светом. За границей силового поля в осадочной породе поблескивали кристаллы льда.

В дальней стене пещеры имелся еще один проход. Сканер Аарона показал, что там есть еще одно открытое пространство, где наблюдается электронная активность. И там кто-то был. Кто-то, кто мог закрыться от сканирования.

— Великий Оззи, — выдохнул Аарон.

Корри-Лин посмотрела на него с любопытством, а потом поспешила во вторую шахту. Она оказалась больше, чем первая, треть всех стен была занята землеройными роботами. Словно стая гигантских личинок, они прогрызали себе путь в заледеневшей породе. Тонкие трубки густой паутиной тянулись от их хвостов к началу трубы экстрактора. В воздухе летали серебристые сенсорные диски, собирающие всевозможную информацию. На фоне кибернетических устройств виднелся силуэт человека в зеленом скафандре. Корри-Лин нерешительно шагнула вперед.

Человек обернулся и снял круглый шлем. Латиноамериканская смуглость ничем не напоминала о североамериканской бледности Иниго, и волосы были не рыжими, а скорее темно-каштановыми. Но черты лица почти не изменились. Аарон подумал, что подобная маскировка никуда не годится, казалось, будто Сновидец ограничился гримом и некачественным париком.

— Иниго! — прошептала Корри-Лин.

— Надо же, из всех реставрационных миссий во всех мертвых мирах ты выбрала именно эту.

Корри-Лин опустилась на колени и беспомощно всхлипнула.

— Привет, девочка, — ласково произнес он, встал на колени рядом с ней и расстегнул наружные защелки ее шлема.

— Где ты был, негодяй? — закричала Корри-Лин. Ее кулак звонко ударил по его груди. — Почему ты меня бросил? Почему бросил нас?

Он стер с ее лица несколько слезинок, наклонился и поцеловал. В первый момент она почти сопротивлялась, а потом забросила руки ему на шею и страстно поцеловала в ответ. Ткань защитных костюмов отчетливо зашуршала в такт их движениям.

Аарон терпеливо выждал полную минуту, затем отстегнул свой шлем. Холод больно щипнул кожу, в воздухе почему-то пахло гниющей мятой. Дыхание мгновенно превращалось в сероватые облачка.

— А тебя нелегко было отыскать.

Иниго и Корри-Лин отпрянули друг от друга.

— Не слушай его, — решительно заявила Корри-Лин. — Что бы он ни предлагал, не соглашайся. Он сумасшедший. Чтобы найти тебя, он погубил сотни людей.

— Ты немного преувеличиваешь, — заметил Аарон. — На самом деле, не больше

двадцати.

Иниго прищурил голубовато–серые глаза.

— Я тебя ощущаю. На кого ты работаешь?

— Ага. — Аарон слегка усмехнулся. — Я точно не знаю.

«Но скоро мы это выясним». В его мозгу снова всплывало знание. Еще немного, и ему будет известно, что делать дальше.

— Я не хочу возвращаться, — прямо заявил Иниго.

— Что произошло? — умоляющим тоном спросила Корри–Лин.

Юз–дубль известил Аарона о вызове директора Ансана Пуриллара. Сигнал прошел от Каджаани через сотни километров ледяной пустыни от одного маяка к другому, достиг лагеря и по единственному оптоволокну добрался до раскопа.

— Да, директор? — отозвался Аарон.

Иниго и Корри–Лин недоуменно переглянулись и уставились на Аарона.

«За вами могут прилететь ваши коллеги?» — спросил Ансан Пуриллар.

— Нет.

«В атмосфере над нами появился космический корабль, и он не отвечает ни на какие наши запросы».

У Аарона похолодела кровь. Боевая подпрограмма немедленно активизировалась и повысила степень защиты до максимальной.

— Уходите.

«Что?»

— Уходите с базы. Все. Немедленно!

«Я думаю, вам лучше объяснить, что происходит».

— Проклятье! — Его юз–дубль воспользовался ненадежной связью с базой, чтобы вызвать интел–центр «Бестии». — Скажи им, — крикнул он Корри–Лин.

Она вздрогнула.

— Директор, прошу вас, уходите. Мы были с вами не до конца откровенны. — Она повернулась к Иниго. — Пожалуйста, — свистящим шепотом попросила Корри–Лин.

Он раздраженно вздохнул.

— Ансан, это Эрл. Выполняйте указание Аарона. Укройте людей на корабле, сколько поместится. Остальным придется воспользоваться вездеходами.

«Но...»

Интел–центр «Бестии» просканировал небо над Каджаани. Луч в значительной степени был ослаблен защитным полем базы, но он показал Аарону небольшое тело на высоте тридцать километров, над толстым слоем туч.

— Перемещайся сюда и забирай нас, — приказал он интел–центру. — Немедленно.

Экзозрение зафиксировало повышенный расход энергии. Полетным системам для достижения полной готовности потребовалось не больше секунды. Защитное поле усилилось. Мощный луч гамма–лазера с неба ударил по силовому полю базы. Вокруг точки попадания вспыхнула алая корона, и луч достиг здания генераторной станции.

Возможность полного отключения защитного поля была учтена при проектировании базы. Над жилыми и исследовательскими зданиями тотчас поднялись резервные поля, почти успевшие защитить постройки от первого опасного перепада давления. По стенам застучали ледяные кристаллы, оставляющие проплешины в травяном покрове. Люди с криками выскакивали из домов и падали, сраженные ударами. Через несколько секунд воздух снова

успокоился. Служащие базы подняли головы и увидели, что трава и кусты пожухли от ледяного смерча. Ударом гамма-лазера их космический корабль был разрезан на две неравные части, сброшенные яростным порывом ветра на посадочную площадку. Стоявшая рядом «Бестия» взмыла вверх в тот момент, когда обрушилось главное силовое поле и по базе прошелся радиоактивный шквал. Сенсоры уловили точку ослепительно белого света, несущуюся вниз с ускорением в пятьдесят g. Интел-центр корабля ответил на угрозу лучом нейтронного лазера и импульсами квантовых искажений. Ничего не изменилось. Интел-центр начал менять курс. Но и этого оказалось недостаточно. Вспышка света, несмотря на защитное поле, ударила в среднюю часть корабля. Колоссальное сотрясение нарушило целостность структуры. Со своих мест сорвались даже ребра, усиленные связующим полем. Остальные элементы были исковерканы до неузнаваемости. Корпус треснул и свернулся внутрь на треть от первоначального объема. А потом с другой стороны через корабль насквозь пролетел м-поглотитель Хокинга и ушел в землю. Ослепительный свет погас. Земля вокруг вздыбилась, словно в Каджаани началось грандиозное землетрясение; оставшиеся постройки рухнули. Затем исчезло и резервное защитное поле, оставив руины домов и исследовательских комплексов смертоносным стихиям планеты.

В довершение разгрома на остатки строений упали обломки «Бестии».

Аарон потерял связь с кораблем, когда м-поглотитель Хокинга проник внутрь, и все ячейки и микросхемы были физически уничтожены.

Пара сенсоров над Каджаани успели зафиксировать последние мгновения падающей с грозового неба ослепительной звезды. Человеческий глаз воспринимал ее стремительный полет как сплошную белую линию, будто ударила абсолютно прямая молния. Радиационный дозиметр показал резкий скачок излучения, а потом вышел из строя.

— Черт побери, что происходит? — спросила Корри-Лин.

Аарон был настолько потрясен, что ответил не сразу. Юз-дубль доложил ему, что линия связи теперь заканчивается в двух километрах от периметра базы.

— Они ударили по базе, — тихо произнес Иниго. — Заступница, люди там даже не были вооружены. — Он яростно сверкнул глазами на Аарона. — Это одна из ваших фракций?

— Возможно. Или сам Духовный Пастырь, заявляющий права на свою собственность.

— В пучине Хоньо для таких, как ты, отведено особое место. Я надеюсь, что ты скоро туда попадешь.

— Где это? — спросил Аарон.

Иниго и Корри-Лин одновременно фыркнули от возмущения.

— Надо поскорее уйти в укрытие, — сказал Иниго. — Я полагаю, люди сейчас же захотят вернуться в Каджаани. Наш лагерь один из самых близких к базе.

Как только они миновали разбитую раздевалку, Эрисцилла обвиняющим жестом наставила палец на Аарона.

— Это все вы, — в ярости закричала она. — Вы виноваты. Вы приказали им выйти. Вы знали, кто приближается. Это вы привели их сюда.

— Я не приводил их сюда. Эти люди рано или поздно должны были нас настигнуть. Но место оказалось... неудачным.

— По-вашему, просто «неудачным»? — воскликнул Вилитар. — Там было почти две сотни человек. Мы даже не знаем, уцелел ли кто-то после атаки, но те, кто остались в живых, погибли от радиации. Мои друзья. Безжалостно убиты.

— Их оживят, — спокойно ответил Аарон.

— Ты мерзавец, — крикнул Цитус и замахнулся кулаком.

— Хватит, — вмешался Иниго. — Этим ты никому не поможешь.

Цитус на мгновение замер, а потом, отвернувшись, не скрывая своего отвращения и ярости.

— Ты все знал, Эрл, — заговорила Нерина. — Ты тоже предупреждал Ансана. Что происходит? Ты знаешь этих людей?

— Они охотятся за мной. А о нападении я не знал.

Его коллеги недоуменно переглянулись.

— Мы отправляемся в Каджаани, — объявила Эрисцилла. — Мы можем помочь сохранить тела, пока ветер не унес их слишком далеко.

— Когда ваша организация сможет прислать другой корабль? — спросил Аарон.

— Какая тебе разница!

— Когда? Ответьте, пожалуйста.

— Не скоро, — сказала Нерина. — На Ханко не распространяется действие унисферы. Мы даже не можем позвать на помощь. Единственная связь с Содружеством поддерживалась через корабельную линию гиперпространства, подключенную к нашему штабу на Анагаске. Без нее мы полностью отрезаны. На Анагаске решат, что у нас отказал какой-то элемент аппаратуры; потом, если мы не ответим в течение недели, они начнут разбираться. Насколько я помню, регулярный полет должен состояться через две недели. Вряд ли они решат отправить корабль раньше. Из финансовых соображений, — презрительно добавила она.

— К тому моменту радиация убьет всех, кто останется вне укрытия, — сказал Вилитар. — И чтобы помочь им, у нас не хватит медицинского оборудования. С чем вас и поздравляю.

Он не сводил вызывающего взгляда с Аарона.

— Пора двигаться, — сказала Эрисцилла. — Медицинские системы наших вездеходов спасут пару человек, может, больше.

Она прошла мимо Аарона, не удостоив его взглядом. Цитус, пробираясь к раздевалке, умудрился ткнуть его локтем.

— Ты идешь, Эрл? — спросила Нерина.

— Да.

— Ты и так уже натворил достаточно, — сказал Вилитар. — Какое же ты на самом деле дерьмо. Я думал...

Он неопределенно хмыкнул и поспешил в раздевалку.

— Мы поедем с вами, — предложила Корри-Лин. — Мы можем помочь.

— Отсюда до Азиатского ледника полдня пути, — сказала Нерина. — Пики в его дальнем конце поднимаются на целую милю. Почему бы вам не помочь нам, отогнав их подальше?

Она ушла в раздевалку и закрыла за собой дверь.

— Ну вот, мы остались втроем, — произнес Аарон.

— Лучше бы нам тоже отправиться в путь, — сказал Иниго. — Знаешь, из-за этого случая могут закрыть весь проект Реставрации.

— А как ты думаешь, следующая галактика будет поддерживать проект Реставрации по отношению ко всем расам, поглощенным Бездной?

На мгновение Аарону показалось, что Иниго переведет свои биононики в режим агрессии.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептал скрывающийся мессия.

— Кое-что, надеюсь, я все-таки понимаю.

— Что же?

— То, что у тебя здесь где-то припрятан космический корабль. И лучше бы он был недалеко отсюда.

— У меня ничего подобного нет.

— Правда? Вот это любопытно. Ты приложил немало усилий, чтобы тебя не нашли, и не позаботился о запасном выходе на тот случай, если кто-то тебя обнаружит?

— Очевидно, нет, иначе я не сидел бы здесь в ожидании, пока ты приедешь.

— Если бы это был только я, ты бы ждать не стал, — согласился Аарон. Он махнул рукой в сторону Корри-Лин. — А она? Другое дело. Семьдесят лет — очень долгий срок для одиночества. Она любила тебя все это время. А ты?

Корри-Лин подошла ближе к Иниго.

— А ты? — тихо повторила она.

Его губы дрогнули в безрадостной улыбке.

— Я рад, что ты пришла. Этого достаточно?

— Да, — ответила она и прислонилась головой к его плечу.

— Корабля нет, — сказал Иниго Аарону. — И если я куда-то и поеду с тобой, то только в ящике, в виде мелких угольков.

— Очень жаль, потому что их оружие мне известно.

— Думаешь, я удивлен? Я подозреваю, что ты прекрасно разбираешься и в оружии, и в жестоких методах. Такие люди, как ты, всегда это знают.

— Они использовали м-поглотитель Хокинга, — сказал Аарон. — А тебе известно, что он собой представляет? Нет? Это новое и очень опасное устройство. Даже АНС относится к нему настороженно. По существу, это очень маленькая черная дыра, но обладающая большим горизонтом событий, помогающим поглощению. Она *запускается* как ядро нейтрония, примерно такого же размера, как атомное ядро.

Корри-Лин отметила сделанное им ударение.

— Запускается?

— Да. Гравитационное поле достаточно велико, чтобы притягивать все соприкасающиеся с ней атомы. Затем они сжимаются в нейтроний и сливаются с ее ядром. С каждым атомом она становится больше. Не намного, должен признать, но это лишь начало. Чем больше площадь поверхности, тем больше материи она способна поглотить. После пробоя «Бестии» м-поглотитель врезался в планету. В настоящий момент он погружается сквозь мантию, пожирая все встречающиеся на пути атомы. Он остановится в центре планеты. А потом будет просто сидеть там и расти.

— И насколько же он вырастет? — с тревогой спросила она.

Аарон мельком взглянул на Иниго.

— Теоретически черные дыры не имеют ограничений в размерах. Мы полагали, что именно такова природа и самой Бездны.

— Но... Ханко?

— На поглощение пригодной к жизни планеты уйдет приблизительно пара недель. Только мы погибнем намного раньше. Ханко, пожираемая изнутри, начнет разрушаться. Дня через три или четыре станут проваливаться континенты. Так что я еще раз спрашиваю: нет ли у тебя припрятанного поблизости корабля?

Араминта расцеловала троих мистеров Бови и села за стол в его саду под навесом из цветущего йизантала.

— Я соскучилась, — объявила она, повернувшись к суровому аскету восточного типа.

Все ее спутники одновременно улыбнулись и подняли бокалы.

— Твое здоровье!

— Твое здоровье, — ответила она и пригубила белое вино.

— Итак? — задал вопрос тот, с кем она ужинала в первый раз.

Араминта стала серьезной.

— Если ваше предложение еще действует, я его принимаю.

Оживленные возгласы троих спутников за столом не помешали ей услышать радостные возгласы даже самом доме.

— Ты даришь счастье нам, зрелым мужчинам.

— И нам, молодым, тоже.

Араминта рассмеялась.

— Только я не могу себе представить, как все устроить. Первые три квартиры будут готовы только на следующей неделе. И я уже получила задаток за четвертую.

— Поздравляем.

— Но пока я не закончу работу и не въедут новые собственники, я не получу никакой прибыли. У меня не хватит денег на покупку новых тел.

— Это не так дорого, как ты думаешь. У нас есть хорошая знакомая, владеющая клиникой соответствующего профиля. Она всегда дает скидку новичкам.

— Отлично.

Араминта отпила еще вина, стараясь успокоить дрожь. Ей предстояло сделать два важных шага одновременно.

Молодой парень кельтского типа сжал ее руку.

— Ты в порядке? — с искренним беспокойством спросил он.

— Наверное.

Она понимала, что улыбается с самым идиотским видом. «Ну и пусть».

Из дома выбежали еще двое. Один мистер Бови, не больше семнадцати лет на вид, опустился перед ней на колени. Она успела отметить его стройную атлетическую фигуру и буйную светлую шевелюру. Парень протянул ей маленькую открытую коробочку, в которой сверкало старинное обручальное кольцо с бриллиантом.

— Я купил его на всякий случай, — сказал он.

Араминта надела кольцо и смахнула с глаз слезинки.

— Ой, не плачь, — воскликнул парень.

Он крепко обнял ее и прижал к груди, и Араминта засмеялась сквозь слезы.

— Я тебя раньше никогда не видела.

— Я держу себя в строгости.

Она обхватила его лицо ладонями и горячо поцеловала.

— Сегодня ночью я бы хотела, чтобы и ты тоже был со мной.

— С превеликим удовольствием.

— Ты говорил, что я еще не со всеми вами познакомилась.

— О, можешь не сомневаться, до свадьбы ты узнаешь каждого из нас.

— И я не стану возражать против других женщин, пока не наберу достаточно тел, чтобы вас удовлетворить. Только... я бы не хотела с ними встречаться.

— Обещаю, я постараюсь свести число гостей к минимуму.

— Спасибо, — искренне поблагодарила она.

— Ну, а какие тела ты выберешь?

— Господи, я и не задумывалась об этом, — призналась Араминта. — А какие бы ты хотел?

— Высокую блондинку амазонского типа. Это всегда в моде.

— О, и еще одну, очень смуглую. Давай охватим все этносы. У меня уже почти полный набор.

— И еще с огромной грудью.

— Да не одну!

Араминта с притворным негодованием замахнулась на своего соседа:

— Ты невыносим. Я не собираюсь делать ничего подобного.

— В постели ты обычно говоришь иначе.

Араминта засмеялась. Она действительно соскучилась по этому обществу. «Я приняла верное решение».

Араминта лежала на огромной кровати и прислушивалась к дыханию троих спящих мистеров Бови. Двое были в постели вместе с ней, а третий завернулся в лоскутное покрывало на диване. Все трое сопели мерно, но не синхронно. Сегодня она отказалась от аэрозолей, желая проверить, работает ли программа Ликана с другими людьми, не загружен ли в нее скрытый сигнал самоуничтожения.

Программа работала.

«И как работала!»

Отзывчивость тела девушки удивила и порадовала мистера Бови. И, как она и подозревала, ночь в постели с различными его версиями понравилась ей гораздо больше, чем с Ликаном и его гаремом. «Всегда приятно убедиться в своей правоте».

А теперь ей было не уснуть. Нельзя было сказать, что она не устала — при этой мысли она тихонько усмехнулась. Она просто все думала и думала о помолвке и переходе в мультиличность. Слишком крутой поворот. Для нее все изменится. А до тех пор она не могла избавиться от страхов. В ее мозгу снова и снова возникали одни и те же вопросы. И они оставались без ответов, поскольку в действительности о жизни мультиличностей она почти ничего не знала. Единственным надежным способом узнать было стать одной из них.

Она повернула голову и посмотрела на рыжеволосого парня, уютно прильнувшего к ее плечу. Он обещал помочь ей в переходный период. Мистер Бови любил ее. И этого было достаточно, чтобы выдержать напряжение нескольких следующих месяцев. Они не назначали дату. Мистер Бови сказал только, что хотел бы заключить брак, когда ее будет хотя бы две. И это казалось справедливым. Она действительно должна закончить отделку квартир. И после сегодняшнего вечера работа стала еще более срочной.

Она опустила голову на мягкий матрас и закрыла глаза. Воспользовалась программой, чтобы успокоить мысли и очистить сознание. Затем, ощутив ритмы своего организма, замедлила их. Вместо сна пришло ощущение огромного пространства и множества образов, мелькающих где-то на грани сознания. Все они сильно отличались друг от друга, все, подчиняясь каким-то непонятным связям с ней, летели откуда-то издалека. Она инстинктивно узнала сновидения мистера Бови — продолжительное знакомство позволило ей ощутить их интеллектуальный окрас. Его присутствие вызвало у нее довольный вздох; часть его разума еще была настолько напряжена, что ей стало его жалко, но другая часть

сияла от радости, и в этих мыслях мелькало ее лицо. Одна из связующих нитей была ей абсолютно чуждой, но от нее веяло материнским теплом. Губы Араминты дрогнули в безмятежной улыбке. Исток—остров сильфенов. Значит, Крессида говорила правду. В таком случае, беспокойное море разноцветных образов должно быть Гея—сферой.

Араминта выбрала самую тонкую и хрупкую из всех нитей. И ей привиделось, что она скользит в космической пустоте вдали от звезд. Позади величественно сияли туманности Бездны, а она поднималась к темноте внешних сфер.

— Привет, — сказала Араминта.

И Небесный Властитель ответил ей.

Джастина думала, что будет волноваться сильнее, когда ее корабль «Серебряная птица» начнет опускаться к станции «Центурион». Но пятьсот часов одиночества в маленькой каюте без подключения к унисфере неожиданно сильно ее утомили. Умом она понимала, что все это чепуха, причуда ее физического тела, вызванная биохимическими и неврологическими недостатками. Но усталость была реальной.

А теперь, когда она достигла своей цели, то могла думать только о таком же долгом и скучном пути назад. «Наверное, я сошла с ума, решившись на это путешествие».

«Серебряная птица» приземлилась на участок лавового поля, служившего космопортом для человеческого сектора станции. Здесь уже стояли пять кораблей, и все они были больше, чем ее судно. Интел—центр доложил о нескольких различных фактах сканирования корабля. Самыми бесцеремонными оказались обитатели высокой башни этоксов — они применили довольно агрессивные детекторы квантовых искажений. Более осторожный запрос поступил из мрачных куполов форлинов. И в обсерватории человеческого сектора тоже был замечен всплеск интереса. Джастина улыбнулась, получая эту информацию, пока ее тонкий защитный костюм обтягивал тело, удаляя воздушные пузыри, так что образовалась наружная оболочка, идеально прилегающая к коже. Затем она пристегнула шлем.

Путь до главного шлюза по песчаной лаве был совсем коротким, но Джастина нуждалась в нем, чтобы прийти в норму и вернуть ощущение пространства. Она и сама удивилась, насколько успокаивающим был вид горизонта, даже такого однообразного, как здесь. Над головой на многие световые годы во все стороны небо подсвечивали яростные ионные бури. Бледные пародии на туманности внутри Бездны.

Сразу за шлюзом ее встретил директор базы Лер Трахтенберг. Этот внушительных размеров мужчина напомнил ей Рамона, одного из бывших мужей. Пока Джастина, стоя перед директором, пожимала его руку и задирала голову, чтобы увидеть лицо, она не могла не отметить, каким мелким было ее собственное физическое тело. Воспоминания о Рамоне, безусловно, вызвали у нее мысли о возможности секса.

— Это для нас большая честь, — говорил Трахтенберг. — АНС еще никогда не присылала сюда своего представителя.

— В свете политических обстоятельств, сложившихся в Содружестве, мы нашли необходимым изучить всю информацию о Бездне прямо на месте.

Директор медленно провел языком по губам.

— Расстояние не влияет на достоверность информации, Джастина. Мы напрямую отсылаем все получаемые данные в исследовательский отдел флота. И райелям.

— Тем не менее я бы хотела ознакомиться с вашей работой.

— Я и не собирался вам ничего запрещать. Тем более после такого перелета. Насколько мне известно, еще никто не решался на столь дальнюю поездку в одиночестве. Как вы

перенесли изоляцию?

Она заподозрила, что директор намекает на возможное наличие ультрадвигателя на «Серебряной птице», но предпочла обойти молчанием реальное время перелета.

— С трудом. И множеством имевшихся на борту постановок.

— Могу себе представить. — Он показал рукой на пятиместную капсулу, ожидавшую их в конце зала прибытия. — Я выбрал вам номер в Мексиканском жилом блоке.

— Благодарю.

— И еще взял на себя смелость организовать в вашу честь небольшой прием. Он начнется через три часа. Наши сотрудники с радостью встретятся с вами.

— Да, вероятно, — кивнула она. — Отлично, я буду готова. После такой поездки компания мне не помешает.

Они вместе забрались в кабинку, и капсула мгновенно устремилась в транспортный тоннель.

— Я должен вас предупредить, — снова заговорил директор. — Приблизительно каждый третий из наших сотрудников — приверженец Воплощенного Сна.

— Перед поездкой я просматривала личные дела.

— Просто хотел, чтобы вы знали.

— Это обстоятельство может вызвать проблемы?

— Надеюсь, что нет. Но, как вы упомянули, ситуация сейчас не слишком устойчивая.

— Не беспокойтесь, при необходимости я могу быть дипломатом.

Ее апартаменты выглядели как любой из номеров «люкс», в которых она останавливалась. Единственное, чего недоставало, так это человеческого персонала, но множество самых современных ботов компенсировали этот ущерб. Флот явно не жалел сил и средств на то, чтобы сделать станцию как можно более уютной. В главной гостиной даже имелось окно, выходящее на сектор чужаков. Джастина некоторое время смотрела на него, а затем переключила окно в непрозрачный режим. Ее юз-дубль подсоединился к сети номера.

— Никаких посетителей, никаких вызовов, — распорядилась Джастина.

Затем она легла на кровать и открыла свой разум местной Гея-сфере. Затемненная комната наполнилась видениями, в сумраке заиграли краски, послышался шепот, потом смех. Потoki эмоций увлекали ее за собой, обещая погрузить в самые сокровенные переживания.

Она устояла перед искушением и сосредоточилась на источнике видений, на узле восприятия. Он представлял собой квазибиологический нейронный модуль, одновременно хранивший и излучавший каждую мысль, попавшую в поле его действия. Узел сохранял воспоминания, наподобие человеческого мозга, но обладал намного большей емкостью. Джастина сформировала собственные образы и предложила их узлу восприятия. Он ответил ассоциациями. Здесь, естественно, были все сны Иниго — об этом позаботились его последователи. Она проигнорировала красочные картины жизни Идущего-по-Воде, отвергла эти воспоминания, предложив собственную фантазию о жизни внутри Бездны. Узел фонтанировал загадками и мысленными образами, оставленными наблюдателями под гнетущим впечатлением от вселяющего ужас темного сердца Галактики. Были здесь и фантазии на темы прекрасной жизни, ожидающей тех, кому посчастливится проникнуть внутрь; представления о сбывшихся мечтах, легко отличающиеся от реальных картин. И обеты-молитвы, каждый вечер направляемые приверженцами Воплощенного Сна к их мистической цели. Все это хранилось в узле восприятия. Но ничего больше. Никаких других проблесков

жизни на Кверенции. Никаких величественных мудрых мыслей, исходящих от Небесного Властителя.

Садовый купол в центре человеческого сектора по праву мог гордиться своими деревьями, которым было не меньше двух с половиной столетий. Гигантские дубы раскинули массивные ветви, образуя пышный покров над площадкой, где проходил прием. На ветвях располагалась грубо сколоченная платформа, где любительский оркестр с энтузиазмом исполнял произведения самых разных эпох, охотно прислушиваясь к пожеланиям гостей. Приглушенное освещение не затмевало резкого фиолетового света звезд Стены.

Джастина любовалась ослепительным сиянием с некоторым опасением, какое бывает при встрече с опасными животными. Ее появление в садовом куполе вызвало оживленный интерес. Джастина надеялась, что хотя бы отчасти обязана этим своему маленькому черному платью для коктейлей. По крайней мере на директора Трахтенберга ее наряд произвел требуемое впечатление. Тот начал усиленно флиртовать и оказывать ей знаки внимания, предлагая разнообразные напитки и изысканные закуски.

Все, с кем она знакомилась, горели желанием узнать, чем вызван интерес АНС к их станции, и Джастина каждый раз повторяла официальную версию том, что ее прислали ознакомиться с процессом наблюдений.

— Ничего не изменилось, — пожаловался ей Граффал Эац, руководитель группы наблюдения. — За последнее время мы не узнали ничего нового, только и делаем, что следим за направлениями ионных штормов в Заливе по ту сторону от Стены звезд. Это никоим образом не приближает нас к разгадке истинной сущности Бездны. Надо посылать датчики внутрь.

— А я думала, ничто не способно прорваться сквозь барьер, — сказала Джастина.

— Вот поэтому и необходимо более тщательное изучение. А оно невозможно, когда сенсоры находятся в пятидесяти световых годах от объекта.

— Райели не советуют нам подходить ближе, — пояснил Трахтенберг.

— Может, вы по возвращении домой поинтересуетесь у АНС, почему нам до сих пор требуется их разрешение, чтобы просто здесь болтаться, — возмущенно выпалил Эац. — Это просто оскорбительно.

— Я запомню, — ответила ему Джастина.

Прием начался не больше двадцати минут назад; ей стало интересно, сколько аэрозолей успел за это время вдохнуть Эац.

Директор взял ее под руку и деликатно отвел в сторону.

— Прошу прощения за этот инцидент, — сказал он. — Здесь не так много возможностей выпустить пар. Я стараюсь до предела уплотнить расписание работ. Наша миссия обходится недешево, а результаты имеют колоссальное значение. Надо извлечь как можно больше информации имеющимися средствами.

— Я понимаю.

— Эац работает здесь уже третий срок. И его раздражает отсутствие прогресса. Я такие случаи уже наблюдал. Сначала вас захватывает это просто грандиозное чудо. А когда восхищение ослабеваает, вы начинаете сознавать, какая пассивная нам отведена роль.

— А сколько сроков проработали вы?

Он усмехнулся.

— Это уже седьмой. Но я намного старше и мудрее, чем Эац.

— И вы намерены присоединиться к паломничеству?

— Наверяд ли. Три сотни лет непосредственного наблюдения показали нам, что стоит коснуться барьера, и ты погибнешь. Строго говоря, человек погибнет задолго до того, как достигнет барьера. Я до сих пор не могу понять, как они надеются прорваться.

— Но кто-то же это сделал.

— Да, и это меня бесконечно раздражает.

— И что же вы...

Джастина умолкла. Земля внезапно поднялась, едва не сбив ее с ног. Джастина напрягла мышцы и слегка пригнулась, как и все окружающие.

Мгновенно активировалось интегральное защитное поле. Местная сеть разразилась целым набором тревожных сигналов. Ветви огромного дуба угрожающе затрещали, а листва зашелестела, словно от порыва ветра.

— Черт побери! — вскрикнул Трахтенберг.

Юз-дубль Джастины установил связь с интел-центром «Серебряной птицы».

— Будь в полной готовности, — скомандовала она. — Непрерывно отслеживай мои перемещения.

Сканирование купола не обнаружило никаких повреждений. Она взглянула на горизонт, но он остался таким же ровным. Джастина ожидала увидеть хотя бы трещины, прорезавшие лавовое плато. Земля снова наклонилась. «И ничего не сдвинулось!»

— Что происходит? — спросила она.

Какое-то землетрясение? Но эта планета была мертвой оболочкой, абсолютно неактивной во всех отношениях.

— Пока не знаю.

Директор раздраженно махнул рукой, призывая ее помолчать.

Оркестранты поспешно покидали свою сцену на ветвях, спрыгивая с последних ступенек. Они побросали свои инструменты. Земля снова повернулась, когда Джастина смотрела на свой бокал. Несмотря на то что она держала его неподвижно, с одной стороны вино выплеснулось.

— Святой Оззи, — воскликнул Трахтенберг. — Это гравитация.

— Что?

— Гравитационные волны. И, черт побери, невероятно мощные.

Эац побежал в сторону Джастины и Трахтенберга и чуть не упал, когда земля опять качнулась.

— Вы принимаете сведения с удаленных сенсоров? — закричал он Трахтенбергу.

— Что они показывают?

— Граница! Через нее проходят пульсации искажения длиной в несколько световых лет. И эта проклятая штука начинает разрастаться. Датчики в Заливе зафиксировали ее движение. Вы понимаете, что это означает? Экспансия со сверхсветовой скоростью. Клянусь Оззи, начинается фаза поглощения!

Почва под ногами сильно завибрировала. Вода в мелких ручейках тонкими струйками выплеснулась вверх. Джастина ощутила, как ее вес на мгновение уменьшился. Затем он вернулся в норму, а со столов полетели аккуратно составленные тарелки и бокалы. Громкий треск дерева заставил ее отпрянуть от дуба. Аварийные силовые поля усилили поддержку купола, по периметру защитного барьера открылись двери убежищ.

— Объявляется эвакуация первой степени, — закричал Трахтенберг. — Персоналу

флота вернуться на свои корабли. Группа наблюдения, составьте детальную картину происходящего. У нас, вероятно, мало времени, так что надо сделать все возможное, пока не настанет момент отступления.

Он вздрогнул под действием очередной гравитационной волны, прокатившейся по станции. На этот раз направленная вверх сила была настолько велика, что Джастине показалось, будто она вот-вот оторвется от земли.

— Волны идут из Бездны? — спросила она.

Само это предположение ее пугало: они находились на расстоянии сотен световых лет.

— Нет, — воскликнул Эац. — Это что-то местное. — Он задрал голову, изучая замысловатые сполохи в небе над куполом. — Смотрите!

На фоне размытого мерцания звезд Стены Джастина увидела два голубых спутника. Они двигались по очень странной траектории и двигались чрезвычайно быстро, даже с ускорением.

— О боже, — выдохнула она.

Защитные комплексы райелей, каждый величиной с планету, перемещались на новые позиции.

— Райели готовятся к последней битве, — ошеломленно произнес Эац. — Если они проиграют, это чудовище истребит всю Галактику.

Не может быть. Воплощенный Сон еще даже не начал паломничество.

— Не смей! — закричала она невидимому врагу, поддавшись человеческим гормонам и эмоциям. — Это нечестно. Это нечестно!

Всего через каких-нибудь пять часов после того, как Новый сон хлынул в Гея-сферу, в Золотом парке, ища руководства Духовного Пастыря, собрались более пятидесяти тысяч человек. Все они выразили свою волю через гея-частицы. Единодушное желание множества людей обрело колоссальную силу.

Этан лишь смутно ощутил его; опираясь на руку советника Пелима, он пустился в долгий мучительный путь из кабинета мэра, где доктора устроили ему палату интенсивной терапии. Он медленно брел через зал Лилиалы, а на потолке густые кучевые облака постепенно превращались в перистые и перемежались яркими нитями молний. Его воспаленный мозг был закрыт от Гея-сферы, но горячее желание толпы просачивалось в мысли, несмотря на преграду.

Пелим продолжал поддерживать его и в менее просторном зале Торала. Его полуночный свод мерцал золотыми искрами туманности Ку, плывущей на фоне пульсирующего зеленовато-синего ореола.

— Надо было призвать их к своей постели, — сказал Пелим.

— Нет, — проворчал Этан.

В этом случае он не мог, не имел права проявить слабость.

Они прошли сквозь резные двери зала Высшего Совета Дворца-Сада. Его крестовый свод поддерживали массивные конические колонны. В центральном сегменте бронзовым светом сияла расплывчатая звезда, ее лучи мерцали на медленно вращавшемся диске. Огненные кометы величиной со спутник мчались по орбитам с большим углом наклона. Ее местоположение до сих пор не определил ни один из астрономов-энтузиастов.

Члены Духовного Совета в красно-черных одеяниях ждали его, стоя вдоль длинного стола в середине зала. Пелим проводил Этана до возвышения, а затем Духовный Пастырь настоял на том, чтобы самостоятельно пройти к золоченому трону. Опускаясь на тонкие

подушки, он невольно поморщился. От головной боли хотелось кричать во весь голос. Этану пришлось подождать, пока утихнет дрожь во всем теле. С того самого момента, как он пришел в сознание, любое резкое движение причиняло ему невыносимые мучения.

Советники тоже сели, стараясь не смотреть на кольцевые полуорганические накладки на его черепе, лишь частично скрытые под широким капюшоном белого одеяния.

— Благодарю вас за помощь, — обратился Этан к советникам.

— Мы рады видеть, что ты поправился, Пастырь, — в соответствии с этикетом ответил Ринченцо.

О неодобрении советников по поводу его спутника Этан знал и без Гея- сферы. Он это отчетливо ощущал.

— Еще не совсем поправился, — сказал он и притронулся пальцем к одному из блестящих обручей. — Но моя нервная система восстановится окончательно на следующей неделе. До тех пор я буду обходиться вспомогательными средствами.

— Как же так получилось? — спросил советник Де Луи. — На протяжении столетий гея-частицы были совершенно безопасны.

— Дело не в гея-частицах, — пояснил Пелим. — Мастера снов, организовавшие перехват, утверждают, что спазм мозга Духовного Пастыря был спровоцирован приступом паники Второго Сновидца. Подобные обстоятельства вряд ли повторятся.

— В Гея-сфере и унисфере ходят слухи, что Второй Сновидец — сильный телепат и может убить силой мысли.

— Чепуха, — отрезал Пелим.

Его худощавое лицо повернулось к Де Луи, и в мозгу на мгновение вспыхнул опасный огонь гнева.

Де Луи не выдержал его взгляда.

— В любом случае это несущественно, — сказал Этан. — Мастера снов заверили меня, что теперь, когда они понимают природу опасного явления, они способны свести последствия к нулю. Любой контакт со Вторым Сновидцем впредь будет осуществляться. — он мрачно усмехнулся, — только с аварийной отсечкой, как они это называют.

— Ты собираешься снова с ним поговорить? — спросил советник Фалвен.

— Как мне кажется, этого требует сложившаяся ситуация, — ответил Этан. — У тебя другое мнение?

— Я согласен, но...

— Я, как и вы все, принимал последний сон. Он был ярким и отчетливым, не хуже, чем у самого Иниго. Тем не менее он сильно отличался от остальных, поскольку внутри сна состоялся разговор Второго Сновидца с Небесным Властителем.

Это общение потрясло Этана намного сильнее, чем отчетливость и яркость видений.

«Я пришел, потому что ищу тебя, — ответил Небесный Властитель на приветствие Второго Сновидца».

«Но мы же далеко за пределами твоей Вселенной».

«Тем не менее я почувствовал твое желание. Ты стремишься присоединиться к нам».

«Нет, не я. Но многие другие этого желают».

«Мы всем будем рады».

«Мы не можем войти к вам. Это очень опасно».

«Я готов встретить вас. И проводить. Такова моя цель».

«Нет».

Этим решительным отрицанием сон закончился. Только в последний миг, когда видение уже рассеивалось, в мыслях Небесного Властителя мелькнул едва уловимый оттенок волнения. Он явно не ожидал отказа.

«И не он один».

— Небесный Властитель убежден, что может привести нас к Кверенции, — сказал Этан. — И это финальное заверение, которого мы так долго ждали и о котором неустанно молились. Наше паломничество будет успешным.

— Но только при содействии Второго Сновидца, — заметил советник Тосайн. — Прошу прощения, Пастырь, но он не желает вести нас в Бездну. А без него не будет и паломничества.

— Он растерян, — ответил Этан. — До этого момента он даже не знал, что является Вторым Сновидцем. Ощущать себя ответственным за надежды миллиардов людей очень нелегко. И даже Иниго такая ноша оказалась не по силам. Я думаю, мы простим Второму Сновидцу его слабость и предложим свою поддержку и руководство.

— Но сейчас он должен уже осознать свою сущность, — сказал советник Тосайн. — А нам до сих пор не известно, где он находится.

— Уже известно, — заявил Пелим. — Он в Колвин-сити на Виотии.

— Отличные новости. — Этан хищно усмехнулся и с удовольствием убедился, что протест исчез из мыслей Тосайна. — Мы должны радушно приветствовать его и поблагодарить Виотию за ее благословенный подарок.

Он вопросительно глянул на Ринченцо.

— Я предлагаю утвердить Виотию членом зоны Свободного Рынка, — сказал Ринченцо — И помочь ей получить статус ключевой планеты.

— Поддерживаю, — согласился Фалвен.

Остальные члены Духовного Совета растерянно переглянулись.

— Вы не сможете этого сделать, — сказал Тосайн. — Они будут сопротивляться, и мы навлечем на себя немилость сената Содружества. Мы утратим все дипломатические преимущества.

В поисках поддержки он обвел взглядом сидящих за столом.

— Это не просто наши амбиции, — сказал Пелим. Он жестом предложил советникам посмотреть на портал, стоящий напротив трона Этана. Юз-дубль установил секретную линию связи, и над столом появилось изображение Ликана.

Ликан вежливо поклонился.

«Пастырь, я польщен вашим вниманием».

— Благодарю, — ответил Этан. — Я полагаю, что вы действуете как неофициальный представитель виотийского правительства.

«Да, сэр. Я только что беседовал с нашим премьер-министром. И выражаю ее желание принять великодушное предложение Эллезелина и повысить статус нашей планеты до ключевого мира в рамках зоны Свободного Рынка».

— Это прекрасная новость. Я проинформирую кабинет Эллезелина о вашем решении.

«Наше решение останется в силе, если в соглашение будет включен пункт о нулевых тарифах, — добавил Ликан».

— Конечно. Свободное передвижение товаров начнется сразу же, как только Второй Сновидец присоединится к нам в Маккатране-два.

«Понимаю. Премьер-министр утвердит соглашение официальным сертификатом, как

только оно будет прислано».

Изображение Ликана погасло.

— Как я полагаю, — нарушил изумленное молчание Этан, — нам осталось только проголосовать. Кто за?

Он обвел взглядом поднимающиеся руки. Решение было принято единогласно. В такие моменты он почти скучал по Корри–Лин — она ни за что не допустила бы столь гладкого течения заседания.

— Благодарю вас. Я ценю то, как вы поддерживаете мои политические меры. Других вопросов в повестке дня нет.

Советники покинули зал, и только Пелим остался сидеть за столом. Неустаннодвигающиеся по своим орбитам кометы отбрасывали блики на его бесстрастное лицо.

— Все прошло гладко, — подвел итог Этан.

— Они не знают, что делать, — сказал Пелим. — Точь–в–точь как те верующие, что собрались снаружи: растеряны и уязвлены отказом Второго Сновидца. Им необходимо твердое руководство. Ты его обеспечиваешь. У тебя есть решение. Естественно, они склоняются на твою сторону.

— Когда мы сможем открыть червоточину?

— Я дам команду канцелярии немедленно выслать договор премьеру Виотии. Если Ликан не обманывает, документ сразу же будет подписан и вернется назад. В течение двух часов заработает червоточина. Мы приготовили сразу несколько переходов.

— Надеюсь, что один из них будет в Колвин–сити.

— Конечно. Там имеется транспортный комплекс, прекрасно подходящий для этой цели.

— Полицейский контингент?

— Сорок тысяч готовы к немедленной переброске вместе с транспортом и оборудованием для подавления мятежей. Мы сможем доставить их на место в течение шести часов после открытия червоточины. Передислокация еще четверти миллиона служащих продлится не более четырех дней.

— Отлично.

— Я надеялся на твое одобрение. — Пелим нерешительно помолчал. — Мы не рассматривали вероятность того, что Второй Сновидец таким образом проявит свои способности. Мастера снов смогут занять свои позиции вокруг Колвин–сити только через день.

— А ты сможешь до тех пор прекратить движение всех капсул и космических кораблей?

— Да. Это наша первоочередная задача. Мы попытаемся удержать его в границах города. — Снова нехарактерная для Пелима пауза. — Но для обнаружения он должен снова увидеть сон. После вчерашнего этого может и не случиться.

Этан прикрыл глаза и обессиленно осел на своем троне, устав от напряжения.

— Увидит. Он еще не знает, что натворил.

— Что ты имеешь в виду?

— Час назад я получил известия от Трахтенберга, директора станции «Центурион». Он считал это событие достаточно важным, чтобы открыть связь с нами и воспользоваться коммуникационным каналом флота. Сразу после окончания разговора между Вторым Сновидцем и Небесным Властителем Бездна перешла в фазу поглощения. Это не может быть совпадением. Похоже, что Небесный Властитель не желает мириться с отказом. Нап

неуловимый друг должен будет его умиротворить, иначе мы все погибнем. Стимул достаточно мощный.

СЕДЬМОЙ СОН ИНИГО

Эдеард проснулся слегка с похмелья. Опять! Прошлая ночь была уже третьей, проведенной в обществе Максена и Бойда.

Он сел в постели и дал команду включить свет. Высокий сводчатый потолок затеплился неярким розоватым сиянием. Одна из трех ген-мартышек поспешила к Эдеарду со стаканом воды и упаковкой порошков, приобретенных у подмастерья доктора Муруса. Эдеард бросил в рот одну из пилюль и запил водой. Его мысли перенеслись в прошлое, в то утро в Визаме, когда Фахин смешал свой ужасный коктейль, излечивавший от головной боли. Такого эффективного снадобья Эдеарду больше не попадалось. Он был уверен, что пилюли производили плацебо-эффект, обеспечивая подмастерьям небольшой, но регулярный заработок. Он допил воду. Фахин всегда утверждал, что вода помогает организму выводить токсины.

В круглой ванне в его квартирке теперь имелось несколько ступенек, так что Эдеард мог спокойно сойти вниз. Он уселся на выступ в стенке, погрузился в воду по шею и удовлетворенно вздохнул. Ген-мартышка вылила в воду флакон мыльной жидкости, и поверхность покрылась множеством пузырьков. Эдеард снова закрыл глаза и стал ждать, пока утихнет головная боль. Температура воды в его ванне точно соответствовала температуре тела. Он добился этого после двух недель экспериментов. В Маккатране вода обычно подавалась слишком холодная. Эдеард переделал и дыру в полу, служившую туалетом. Общепринятый у жителей города деревянный ящик исчез, а вместо него комната вырастила для него полуую тумбу, на которую было удобно садиться.

Несколько других небольших модификаций превратили его квартирку в удобное жилье. Слишком высокая стандартная кровать в форме куба стала ниже, ее верхняя пружинящая поверхность — мягче и удобней. Ниши в стенах обзавелись полками. Одна глубокая выемка в кухонном уголке постоянно оставалась прохладной, позволяя сохранить пищу свежей несколько дней, как в больших городских дворцах.

Многоквартирный дом для констеблей не шел ни в какое сравнение с общей спальней в общежитии стажеров. Эдеард наконец снова мог выбирать еду по своему вкусу. Половину первого месячного заработка он потратил на новенькую железную плиту с конфорками для варки. Он сам установил ее, воспользовавшись отверстием в стене, которое прорубил предыдущий жилец. Плита заняла на кухне почетное место, и вскоре к ней добавилась постоянно растущая коллекция кастрюль. Здесь даже появилась небольшая раковина, в которой можно было мыть посуду, вместо того чтобы бросать ее в ванну, как делали большинство горожан. Это новшество так понравилось Эдеарду, что он подумывал вырастить еще одну раковину, для умывания. Все это, конечно, могло открыть каждому, что он научился формировать материю города с той же легкостью, как раньше яйца ген-форм.

Каждому, кто заглянул бы в квартирку.

«Значит, никому».

Прошлой ночью Максен пришел с девчонкой из театра. С одной из танцовщиц! Красивой, как девушки из самых благородных семейств, и к тому же невероятно гибкой и сильной. Об этом Эдеард догадался, глядя на ее танец в довольно откровенном костюме. Он только скрипнул зубами и постарался не ревновать. Вместе с Бойдом ему пришлось отойти в сторону. Но в целом вечер удался. Посещать театры Эдеарду нравилось намного больше, чем

просто сидеть в таверне за столом и напиваться. На сцене всегда играли музыканты. Всегда подмастерья гильдии, молодые и горячие. Наслушавшись их сочинений, выражающих полное презрение городским властям, Эдеард начал считать себя чуть ли не противником Высшего Совета. Он уже выучил слова отдельных песен, в основном сочиненных Дибалом. Хотя некоторые группы выступали всего лишь на подземных складах, везде звучала громкая музыка. Впервые услышанный звук барабана заворожил Эдеарда — ему показалось, что музыканты приручили небесный гром.

Максен сказал, что отведет их на выступление Дибала, и Эдеарду хотелось, чтобы приятель поскорее выполнил свое обещание.

Пузыри стали исчезать вместе с водой, вытекающей через узкие щели у дна ванны. Эдеард поднялся и застонал. Ген-мартышка уже ждала его с халатом наготове. Он набросил его на плечи, прошел в кухонный уголок и сел за маленький столик. Рядом со столом имелось пятиугольное окно, откуда открывался вид на крыши центральной части города.

Ген-мартышка поставила перед ним стакан с соком яблок и манго и чашку со смесью овсяных хлопьев, орехов и сухофруктов. Сок приятно охлаждал горло; по его инструкции ген-мартышки перед подачей на стол на час ставили стакан в холодную нишу. Эдеард налил в чашку молока (тоже охлажденного) и начал есть, глядя, как в лучах поднимающегося солнца просыпается город.

Жизнь была бы прекрасной, если бы только он перестал размышлять о царившем на улицах и каналах беззаконии. За последние недели его отделение добилось осуждения нескольких нарушителей. Но это нельзя было назвать значительным результатом: несколько подростков, ограбивших магазин, почти постоянно пьяный вор, да хозяин дома, арестованный по поручению гильдии клерков за уклонение от налогов. Никаких столкновений с бандами, причинявшими жителям Маккатрана большую часть проблем, не было.

«Ты готов?» — донесся телепатический посыл Кансин, когда Эдеард уже застегивал форменную куртку.

Он натянул ботинки. Новенькие, стоившие трехдневного заработка, но оправдывающие свою цену.

— Уже иду.

Она ждала его на галерее, перекинув через руку непромокаемый плащ.

— Сегодня будет дождь, — объявила Кансин.

Эдеард окинул взглядом ясное небо.

— Ну, как скажешь.

Кансин усмехнулась, и они вместе стали спускаться по неудобным ступеням. Каждое утро Эдеарду очень хотелось сформировать из них менее опасную лестницу — и приписать чудо Заступнице.

— Это ведь будет твоя первая зима в городе, верно? — спросила Кансин.

— Да.

Лето было таким долгим и жарким, что Эдеард не мог себе представить Маккатран, занесенный снегом и скованный льдом. Эдеард стал неплохим (по его мнению) футболистом и в составе команды занял третье место в малой парковой лиге Дживона. Многие таверны выставили столики на улицы, и за ними он провел немало приятных вечеров. Он даже начал снова делать наброски, хотя и никому их не показывал. Вместе с Салраной, скопив немного денег, они совершили прогулку по городу на гондоле.

— Зимой будет весело, — сказала Кансин. — Перед Новым годом часто устраиваются вечеринки. В первый день года мэр приглашает всех желающих на бесплатный завтрак с зажаренным на вертеле быком, только вот все в этот день сильно страдают от похмелья и потому опаздывают. А парки и площади, укрытые снегом, становятся светлыми и чистыми.

— Звучит заманчиво.

— Но тебе надо купить теплую куртку. И шапку.

— На нашу зарплату?

— Я знаю несколько магазинов, где за приемлемые цены можно взять качественные вещи.

— Спасибо.

— И не забудь заранее запастись углем для плиты; в середине зимы в домах бывает не слишком тепло, а цены на уголь после первого снегопада поднимаются выше крыш. Прокляни их Заступница, эти торговцы думают только о наживе.

— Ты сегодня в отличном настроении.

— В субботу моя сестра устраивает праздник присвоения имени своему новорожденному сыну. Она пригласила меня стать поручительницей перед Заступницей.

— Отлично. Как она собирается его назвать?

— Дьюм, в честь третьего мэра.

— Хорошо.

— А ты и понятия не имеешь, чем он прославился?

Эдеард весело усмехнулся.

— Не-а!

Кансин рассмеялась.

В последнее время между ними сложились ровные отношения. Лучшие друзья. Вся напряженность, возникшая после празднования выпуска, давно исчезла. И он был этому отчасти рад. Эдеард не хотел, чтобы они чувствовали себя неловко, работая бок о бок. С другой стороны, он не мог забыть ни поцелуя, ни охватившего их обоих чувства. У него не хватало смелости снова вернуться к тому разговору. Кансин тоже никогда не поднимала эту тему.

Зато его теперь одолевали мысли о Салране, всегда остававшейся в отличном расположении духа и всегда красивой. Было невероятно трудно не замечать ее женственности. И Эдеард подозревал, что это ей прекрасно известно. Ее поддразнивания в последнее время становились все более резкими.

Остальные члены отряда уже собрались в главном зале участка Дживона и заканчивали завтрак. В отличие от Эдеарда, почти никто из них не готовил пищу дома. Максен пришел в очках с очень темными стеклами, почти таких же, какие носил Дибал. Кансин, едва увидев его, рассмеялась.

— Что, мальчики, вы вчера снова развлекались в театрах?

Максен что-то буркнул и сердито посмотрел на нее поверх чашки с очень крепким черным кофе.

Эдеарду очень хотелось спросить, как ему понравилась Нанитта, танцовщица из театра. Наверное, они провели бурную ночь, раз наутро он явился выжатым как лимон. Но, какими бы они ни были друзьями, Кансин не терпела рассказов об их похождениях.

— Есть новости, — прошипел Бойд, оглядываясь, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает из-за соседних столов.

— Выкладывай.

Эдеард пододвинул себе стул и сел. Тайнственное выражение лица Бойда выглядело почти комическим.

— Моему брату Изойксу опять угрожают. К нему в лавку пришли вчера вечером, когда он уже закрывался, и потребовали двадцать фунтов, чтобы «отвести беду». Сегодня утром они явятся за деньгами.

Эдеарду это не понравилось. Три раза за последние несколько месяцев Бойд говорил им о членах банды, приходивших к его брату в их семейную пекарню. До сих пор реальных угроз не было, только предупреждения, чтобы он «вел себя разумно». Подготавливали почву. Но теперь было предъявлено требование.

— Это довольно глупо с их стороны, — медленно произнес Эдеард.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Динлей.

— Они наверняка знают, что брат Изойкса служит констеблем. Зачем им идти на риск? В Дживоне сотни магазинов, чьи хозяева не имеют таких связей.

— Это же бандиты, — возразил Динлей. — Жадные и глупые. На сей раз слишком жадные и слишком глупые.

— Придет какая-нибудь мелкая сошка, — заметила Кансин. — Хулиганы, недавно присоединившиеся к банде.

— Что же, мы не поможем? — запальчиво воскликнул Бойд.

— Поможем, — ответил Эдеард. — Об этом не может быть и речи. Мы будем на месте и произведем арест, тебе это прекрасно известно. Кансин хотела сказать, что это не решит проблемы.

Максен согнутым пальцем опустил очки и посмотрел вверх ободков.

— Надо же с чего-нибудь начать, — прохрипел он.

— Ты говоришь так, словно мы одни намерены бороться с бандами, — сказала Кансин.

— Кто-то должен это делать. Ни мэра, ни главного констебля это как будто не интересует.

— Ой, брось!

Он пожал плечами и вернул очки на место. Все посмотрели на Эдеарда.

— Пора идти, — сказал он. — И я надеюсь, что все надели жилеты из арм-шелка. Я не хочу объясняться с капитаном Ронарком по поводу потерь.

Пекарня семьи Бойда находилась в северном конце улицы Макоун, недалеко от Внешнего кольцевого канала. Узкая улочка извивалась между двумя рядами причудливых зданий, что затрудняло прямое наблюдение. Действие про-взглядов ограничивали крутые повороты. Пекарня занимала трехэтажное здание с башней в центре и слегка ребристой крышей. Высокие полукруглые мансардные окна выступали над межэтажным балконом, а на первый этаж с улицы вели несколько сглаженных ступеней. По обе стороны от широкой входной арки имелись два закругленных, выступающих наружу окна, где выставлялись ряды булок и кексов. В карнизе башни были прорублены три отверстия, откуда торчали уродливые металлические трубы; в уже ставшем влажном воздухе из них поднимались тонкие струйки дыма.

Эдеард тщательно расставил свое отделение. Бандиты наверняка предусмотрели пути отхода, поэтому Максен и Динлей зашли в магазин между пекарней и каналом. Кансин прикрывала другой конец Макоун-стрит, бродя между прилавками в небольшой галерее и пряча форму под плащом. Сам Эдеард расположился в гостиной на втором этаже дома

напротив. Его владельцы, хозяйева магазина одежды, были хорошими друзьями Изойкса. А Бойд на этот день вернулся домой и помогал в пекарне, надев по этому случаю белый фартук и зеленый берет. Эдеард долго сомневался, стоит ли использовать ген-орла. В конце концов он усадил его в глубокий водосточный желоб на башне пекарни, так что с земли его было почти не видно. Орел спугнул стайку руугулов, но кроме них его никто не заметил.

«Зато нам не далеко придется их конвоировать», — сказал Максен, как только все заняли свои места.

И действительно, через балконную дверь гостиной Эдеарду была видна одна из конических башен Дома Парламента.

Ожидание продлилось два часа. За это время они пять раз поднимали тревогу, но каждый раз убеждались в ошибке.

«Как много горожан выглядит подозрительно, — заметила Кансин, после того как двое подростков пробежали по улице, стащив третьими руками несколько апельсинов с прилавка бакалейщика. — А поступают еще хуже».

«Просто сегодня мы все на взводе, — откликнулся телепатическим посылом Максен. — Мы в каждом видим только зло».

«Это заголовок песни?» — поинтересовался Динлей.

Эдеард улыбнулся, услышав их подтрунивание. Быть командиром отделения оказалось совсем неплохо. Он сидел в удобном кресле, попивая чай, который время от времени приносила жена хозяина дома. Она же поставила перед ним тарелку с вкусным печеньем. Но как только юные хулиганы скрылись за углом, хорошее настроение мгновенно угасло. Внутри зашевелилось плохое предчувствие, от которого даже защипало кожу. Это ощущение уже было ему знакомо.

— Проклятье, — простонал он.

«Эдеард?» — окликнула его Кансин.

— Приготовьтесь.

«Что?» — спросил Максен.

— Они где-то здесь. Сейчас начнут.

«Где? — удивился Бойд. — Кто это?»

— Я не знаю, — сказал Эдеард. — Прошу вас, поверьте мне и будьте предельно осторожны. Я знаю, что это нам необходимо.

Он видел неуверенность в их мыслях, его друзья не привыкли к таким неопределенностям. А его тело реагировало так сильно, что Эдеард с трудом встал с кресла. Он подошел к балконному окну и почувствовал, как тяжело сконцентрировать внимание на улице.

— Думаю, я их вижу, — передал Бойд.

Два довольно молодых человека поднимались по ступенькам в пекарню, а третий ждал снаружи. Через глаза Бойда Эдеард и остальные члены отделения увидели, как двое ввалились в булочную. Стоявший за прилавком Изойкс выпрямился.

«Я же вам говорил, что у меня нет таких денег», — сказал он.

«Найдешь», — заявил первый из парней.

Вдруг его взгляд беспокойно метнулся к Бойду, стоявшему у другого конца прилавка.

Эдеард уже знал, что что-то неправильно. Зачем члену банды беспокоиться о каком-то помощнике продавца?

— Бойд, он знает, кто ты, — послал он телепатический посыл, направив его как можно

точнее и надеясь, что на фоне неумолчной болтовни жителей Маккатрана бандиты его не перехватят.

«А?» — буркнул Бойд.

Бандит еще раз посмотрел на него, потом повернулся к Изойксу.

— Гони двадцатку, или мы подожжем твою лавку, — громко произнес он.

— Нет! — воскликнул Эдеард. Волосы у него на затылке уже встали дыбом. — Нет, нет, нет.

Неправильно!

«Эй, вы, — крикнул Бойд. — Он сдернул фартук и показал значок констебля, приколотый к жилету».

Оба бандита повернулись к нему.

«Я городской констебль и объявляю вас арестованными за угрозы с целью вымогательства».

«Как вам это нравится, ублюдки?» — злорадно закричал Изойкс.

— Всем приблизиться, — приказал Эдеард.

Сквозь узкую дверь он протиснулся на балкон. Стоящий снаружи бандит поднял голову. И улыбнулся.

— Ох, черт, — проворчал Эдеард.

«Это он», — мощным посылом оповестил своих сообщников бандит.

И пустился бежать.

Один из бандитов в булочной выхватил небольшой нож. Он бросил его в Бойда, но тот отпрыгнул, а третьей рукой попытался отвести оружие в сторону. Изойкс схватил с прилавка нож побольше и кинул его в уже убегающих бандитов. Нож вылетел на улицу, едва не попав в проходившую мимо женщину. Раздался ее пронзительный крик.

Эдеард, перегнувшись через перила, спрыгнул с балкона на улицу. Приземление вышло неудачным; подвернувшаяся лодыжка помешала ему устоять на ногах, и плечо врезалось в ступеньку магазина. От острой боли он вскрикнул и из глаз брызнули слезы.

Про-взгляд показал ему, как Бойд перепрыгнул через прилавок. Кансин уже бежала по улице Макоун, бросив плащ между прилавками. Максен и Динлей, выйдя из магазина, решительно двинулись навстречу преступникам. Они объединили свою защиту и шли прямо посередине улицы, блокируя путь. Навстречу им бежали все трое бандитов.

— Пропустите их, — приказал Эдеард.

На лице Максена вспыхнуло недоумение, граничащее с гневом.

«Что?»

Эдеард неуклюже поднялся и заковылял в их сторону.

— Оставьте их.

«Что за шутки?»

Трое налетчиков были уже в двадцати ярдах от Максена и Динлея.

— Это ловушка. Они знали, что мы здесь.

«Чепуха, — телепатировал ему Динлей. — Я вижу их насквозь, у них пара небольших ножей и больше ничего».

— Где-то поблизости их сообщники, они нас ждут. Пожалуйста, просто пропустите их, а ген-орел за ними проследит.

Максен задумался. И сделал шаг к краю улицы.

«Нет», — яростно прошипел Динлей.

Широко раскинув руки, он остался стоять на пути трех бандитов.

— Динлей, прекрати, — заорал Эдеард.

Он уже бежал, не обращая внимания на боль в лодыжке. Кансин быстро приближалась, упрямо сжав зубы. Бойд скатился по ступеням пекарни и бросился следом.

— Стойте, — громко заявил Динлей. Он вытянул вперед руку, словно мог одним этим движением остановить всех жителей города. — Вы арестованы.

— Вот черт, — едва слышно буркнул Максен и невольно придвинулся к Динлею.

Они встретили троих бегущих бандитов вдвоем. Замелькали кулаки, раздались удары ногами. Третьи руки толкались и царапались. Максен вместе с толкнувшим его бандитом упал на мостовую и сильно ударился затылком. Динлея отшвырнули в стену шляпной лавки, так что он с трудом сохранил равновесие. А потом упавший вместе с Максеном бандит поднялся и вместе со своими сообщниками пустился бежать. Динлей бросился в погоню.

— Вернись! — отчаянно крикнул Эдеард.

Он поравнялся с Максеном; тот уже поднимался на ноги, прижав ладонь к затылку. Между пальцев вытекла тонкая струйка крови.

— Что будем делать? — спросил Максен, морщась от боли.

Про-взгляд Эдеарда легко отыскал Динлея, уже приближавшегося к северному концу улицы. Бандиты были от него всего в десяти ярдах.

— Спасать его, — сердито проворчал он, злясь на Динлея.

И мысленным приказом поднял в небо ген-орла.

Кансин, раскрасневшаяся от бега, замедлила шаг рядом с Максеном и Эдеардом. Чуть позади нее уже подбегал Бойд.

— Пошли, — скомандовал Эдеард и снова бросился вперед.

Кансин раздраженно поморщилась и побежала следом.

— Ты в порядке? — на бегу крикнул Бойд Максену.

— Да.

Максен резко выдохнул и присоединился к погоне.

Орел сорвался с места и быстро обогнал Эдеарда и Кансин. Он поднялся над крышами и отыскал Динлея, продолжавшего погоню в съехавших набок очках. Трое бандитов уже приближались к тому месту, где улица упиралась в Бирмингемскую заводь и серебристо-голубой мост соединял Дживон с Золотым парком. В заводи, как и обычно, сновали многочисленные гондолы. У выхода из Внешнего канала берег был занят десятком причалов, и у каждого стояло по несколько гондол. Ген-орел начал снижаться над причалами, и Эдеард попытался угадать, какое из блестящих черных суденышек поджидает бандитов. Если это засада, они должны были хорошо подготовиться к бегству.

Внезапно он ощутил присутствие еще двух быстро приближающихся птиц. Ген-орел сделал разворот и показал атакующего его противника. Другой ген-орел, более крупный, с острыми шипами на лапах, нанес яростный удар. В воздухе закружились золотисто-зеленые перья. Шипы вонзились в правое плечо птицы, разорвали кожу и мышцы и задели вены. Большой орел сразу же развернулся и попытался сломать центральную кость вражеского крыла. Ген-орел Эдеарда вступил в бой и, согнувшись, вцепился зубами в заднее крыло противника. Обе птицы стали быстро падать. А затем последовал удар второго врага, его окованные железом когти вонзились в тело ген-орла Эдеарда, и послышался пронзительный крик. Эдеард отшатнулся, увидев перед собой страшные когти, и в следующее мгновение его мысленная связь с птицей оборвалась. Теперь он видел только несущуюся к воде темную

массу и был уверен, что услышал плеск упавшего тела. Два чужих ген-орла развернулись над заводью и улетели.

— Что случилось? — крикнула ему Кансин.

— Милостивая Заступница, они действительно нас ждут. — Он переместил фокус восприятия к Динлею. — Стой! Динлей, ради Заступницы, я тебя умоляю, остановись.

Эдеард снова заставил работать свои уставшие ноги и устремился к концу улицы. Тридцать ярдов.

«Я их вижу», — донесся ликующий посыл Динлея.

Он направил изображение друзьям, и они увидели троих бандитов, собравшихся над одним из причалов. Все они издевательски усмехались. В мыслях Динлея впервые проскользнул оттенок беспокойства. Он остановился в десяти ярдах от них, на самом краю заводи. А бандиты и не думали двигаться с места, они ждали.

— Стоять на месте, — прохрипел Динлей, хватая воздух открытым ртом.

Он еще и пригрозил им пальцем, словно древний учитель озорным ученикам. Бандиты расхохотались.

Эдеард выскочил с улицы Макоун. Слева от него тянулся Внешний канал с серебристо-голубым мостом, ведущим в Золотой парк, а справа дома отступали, освобождая место для полукруглого бульвара, проходящего вдоль берега заводи. На причалах ген-мартышки под присмотром гондольеров и хозяев магазинов перетаскивали ящики с товарами. Между водой и бульваром широким полумесяцем стояла длинная вереница плакучих хасфолей, их высыхающие к концу лета полосатые желто-голубые листья уже начали громко шуршать. По бульвару прогуливались многочисленные пешеходы.

— Динлей, — закричал Эдеард, пытаясь догнать оторвавшегося товарища.

Динлей поправил очки и оглянулся.

В пятнадцати ярдах от него из-за дерева вышел Арминель. Эдеард беспомощно смотрел, как его друг, осознав опасность, бросился бежать. Арминель вытащил пистолет.

— Нет! — заорал Эдеард врагу. — Тебе нужен я.

Динлей в ужасе открыл рот в немом крике.

Арминель выстрелил. Нажимая на спусковой крючок, он улыбался.

Защита Динлея была не настолько сильной, чтобы устоять против выстрела. Арминель прицелился точно. Пуля попала в бедро Динлея, как раз ниже жилета из арм-шелка. От взрыва боли в мозгу Динлея на бульваре вскрикнула добрая половина пешеходов. Затем вспыхнул огонь, зажженный проникающей пулей. Динлей, словно не веря своим глазам, посмотрел на вытекавшую из раны кровь и упал.

Эдеард в считанные секунды оказался рядом с ним и встал на колени возле поверженного друга. Глаза Динлея были широко распахнуты, он хватал ртом воздух и окровавленными пальцами зажимал рану.

— Прости, — простонал он.

На бульваре поднялся крик. Люди разбежались в поисках укрытия. Родители хватали детей, стараясь загородить их от вооруженного бандита.

Среди всей этой суматохи Эдеард отчетливо услышал щелчок пистолета и растянул свой щит, прикрывая Динлея. Пуля угодила ему в бок, от удара они оба сдвинулись, но щит выдержал. Эдеард обернулся и насмешливо ухмыльнулся огорошенному Арминелю.

— Что, не так-то это легко? — с издевкой крикнул он.

Арминель выстрелил снова. От удара в шею Эдеард застонал. Щит держался. «Пока». И

тут выстрелил кто-то еще.

«Ублюдки. Я знал, что это засада».

Как ни странно, его защита все еще работала. Мало того, ему стало легче ее поддерживать. Сердце громко стучало в висках. Гнев сжег все другие ощущения, и сконцентрировать внимание на щите стало проще; он убедился в силе своей мысли и мог правильно ее направлять.

Он по-прежнему лежал, раскинув руки и прикрывая собой Динлея, когда прогремели еще два выстрела. Пули протащили их обоих по земле на несколько дюймов, но и только.

— Умри, гаденыш, — крикнул Арминель.

Эдеард почувствовал его третью руку, но против щита она оказалась слишком слабой. Он засмеялся. В щит толкнулась еще чья-то третья рука, потом еще одна. Все три бандита, которых он преследовал, объединили усилия. Эдеард вскрикнул: вместе с Динлеем он заскользил над землей.

— Эдеард! — донесся крик Кансин.

— Не подходите, — приказал он.

Бандиты напряглись для заключительного броска. Эдеард и Динлей приподнялись над краем заводи и на три ярда погрузились в воду. При падении Динлей выскользнул из рук Эдеарда. У самой поверхности он развернулся и забил ногами, стараясь снова достать друга. Вода затуманивала про-взгляд, и найти Динлея оказалось очень трудно. Он ощущал только его рассеянные ускользающие мысли. Намокшая одежда потянула вниз, и погружаться вслед за медленно опускавшимся Динлеем было легко.

«Эдеард».

Мысли Динлея заметно слабели.

В воде было сумрачно. Холодно. Он видел — или ощущал — только темную бесформенную массу. Ноги в тяжелых, словно свинец, ботинках еле двигались. В легких разгорался огонь, затрудняющий любое движение. Эдеард мог бы позвать на помощь город, но знал, что в воде это бесполезно. Она уже проникла в ноздри, едва не вызвав панику.

Его рука что-то зацепила. В сумрачном свете блеснули крошечные светлые пятна. Начищенные пуговицы на мундире Динлея! Эдеард отчаянно напряг пальцы и вцепился в ткань.

«Теперь осталось только выбраться наверх».

Он запрокинул голову и увидел серебристое зеркало поверхности. Она показалась невероятно далекой. А легкие как будто разрывались от боли. В глазах появились красные пятна, пульсировавшие в такт ударам сердца. Ботинки все сильнее тянули вниз.

«Заступница, помоги!»

Что-то толкнуло его в плечо. Про-взгляд уловил тонкую черную линию.

— Эдеард, — донесся до него объединенный посыл Кансин, Максена и Бойда. — Эдеард, хватайся за шест.

Они кричали откуда-то издалека.

Конец лодочного шеста опять стукнул его по плечу. Эдеард ухватился и в тот же момент стал подниматься. Больших усилий ему стоило не выпустить мундир Динлея. Вода стала светлеть.

Он выскочил на поверхность и жадно вдохнул воздух. Кто-то прыгнул в воду рядом с ним и перехватил Динлея. Оказывается, они были совсем рядом с причальным настилом. Чьи-то руки вцепились в одежду Эдеарда, и через мгновение он уже кашлял и отплевывался,

лежа на досках.

Над ним проявилось лицо Кансин, выражающее крайнюю тревогу.

— Ох, Заступница. Эдеард, ты в порядке?

Он кивнул и снова зашелся кашлем, потом перекатился на бок. По спине захлопали руки друзей, и изо рта вылилась струя отвратительной жидкости.

Два гондольера помогли Максену вытащить на причал Динлея, все еще истекавшего кровью. Побледневший Бойд выбрался самостоятельно.

— Динлей, — слабым голосом позвал Эдеард.

— Мы послали вызов доктору, — заверила его Кансин. — Ложись.

Эдеард не послушался ее. Он увидел, что Максен начал делать Динлею искусственное дыхание. Уже в третий раз на его жизнь покушаются силы анархии и разрушения. Сначала засада в лесу по пути из Визама. Потом разгром Эшвилля. А теперь это. Хватит.

— Нет, — отрезал он.

Больше нельзя этого допустить. Люди не могут так жить.

— Эдеард, сиди спокойно, — строго приказала ему Кансин.

— Где он? Где Арминель?

— Прекрати.

Слегка покачиваясь, он поднялся на ноги и, глубоко дыша, огляделся по сторонам. На берегу заводи собралась целая толпа народа, и все смотрели на причал. Он повернулся лицом к Бирмингемской заводи. Большая часть гондол стояли на месте, их пассажиры и гребцы наблюдали за разворачивающейся драмой.

Одна гондола двигалась. Быстро.

Эдеард сморгнул с ресниц соленую влагу и простер вдаль про-взгляд.

Арминель стоял на средней скамье гондолы. Он с извиняющимся видом пожал плечами, а его мысли наполнились насмешливым сожалением. Как будто он проиграл футбольный матч. Всего-навсего. Ничего важного. Придет день, когда они сыграют снова, и результат может оказаться другим.

Ярость Эдеарда уходила, как вода, стекавшая с его промокшей одежды. Он ощутил странное спокойствие.

Один из гондольеров, взглянув из-за плеча Максена, испуганно попятился.

— Эдеард, — робко окликнула его Кансин.

Он не знал, что такое возможно, он просто сделал это. Выбора не было. Как и в прошлый раз, гондола Арминеля шла слишком быстро. Им никогда не поймать его, никогда не добиться осуждения. Третья рука Эдеарда протянулась к воде и уплотнила ее.

— Я с этим покончу, — решительно заявил он. — В любом случае.

Эдеард шагнул на участок контролируемой им воды. Зрители, собравшиеся на берегу Бирмингемской заводи, изумленно ахнули. Эдеард угрожающе усмехнулся и сделал еще шаг. И еще. Он плавно перемещал третью руку, удерживая кромку отвердевшей воды прямо перед собой.

С лица Арминеля исчезла ухмылка. Два гондольера на корме прекратили отталкиваться шестами и с ужасом смотрели, как Эдеард идет прямо на них. В полной тишине он целенаправленно шагал к их лодке. Теперь в Бирмингемской заводи остановились все гондолы. Лодочники и пассажиры с восторженным трепетом наблюдали за проходившим мимо них Эдеардом.

— Шевелитесь! — в ярости закричал Арминель на гондольеров. — Вывозите нас

отсюда.

Они не ответили. Двое бандитов, сидевших на скамье рядом с Арминелем, медленно подняли руки. Они даже отодвинулись от своего главаря.

Эдеарду оставалось пройти не больше десяти ярдов, когда Арминель поднял руку к поясу, где у него висел пистолет. Эдеард чувствовал его растерянность, его испуг. Зверь, загнанный в угол. Теперь ни у одного из них выбора не было.

Он прошел последние ярды до самой гондолы, открыл свой разум и отправил самый мощный телепатический посыл, на какой только был способен.

«ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ. ПУСТЬ О СОБЫТИЯХ ЭТОГО ДНЯ НЕ ОСТАНЕТСЯ СОМНЕНИЙ НИ У ОДНОГО СУДЬИ, НИ У ОДНОГО АДВОКАТА». И он открыл всем сознание.

Весь Маккатран, от мэра во Дворце–Саду до грузчиков в порту, увидел гондолу, четверых пригнувшихся и зажавших ладонями уши мужчин. Пятый человек с искаженным от бешенства лицом стоял, сжимая пальцами пистолет. Потом губы Эдеарда задвигались.

— Вот что, бандит, твоё время в этом городе закончилось. Если ты считаешь иначе, целься хорошенько.

Арминель поднял оружие. Весь Маккатран вздрогнул, увидев дуло меньше чем в двух футах от глаз Эдеарда.

— Пошел к черту, — огрызнулся Арминель.

Он нажал на курок.

Потом рассказывали, что единый крик, выплеснувшийся за стены города, слышали на половине равнины Игуру. А когда все снова начали дышать и поняли, что еще живы, они увидели пулю. Она неподвижно зависла в шести дюймах от лица Эдеарда.

Губы его опять зашевелились и на этот раз сложились в слабую улыбку. Лицо Арминеля застыло.

Последнее, что ощутили горожане, это удар третьей руки Эдеарда в лицо Арминеля. Раздался хруст сломанного носа. Брызнула кровь. Бандит не удержался на ногах, качнулся от удара назад и с громким плеском шлепнулся в воду, тотчас сомкнувшуюся над ним.

— Ты арестован, — объявил Эдеард.

Под оглушительный гвалт, поднявшийся над Бирмингемской заводью, гондола напрямик направилась к причалу, где ждали Кансин, Бойд и Максен. Вместе с ними на настиле уместилось еще человек пятнадцать. По серебристо–голубому мосту из Золотого парка подбегали все новые стайки детей; они перевешивались через перила, кричали и махали руками. На берегу в ожидании выстроились не меньше сотни констеблей, и половина из них были родственниками Динлея. Люди продолжали прибывать с прилегающих улиц и толпились на бульваре, наблюдая за происходившим. Самые смелые подростки, желая рассмотреть все в подробностях, карабкались на верхушки хасфолей.

Эдеард медленно шел позади гондолы и молился Заступнице, чтобы его телекинетической силы хватило до самого причала, чтобы не опозориться и не свалиться в воду. В толпе на берегу заводи он видел Сетерсиса и Кавайна, стоявших во главе большой группы торговцев с рынка Силварум и энергично аплодировавших. Стайка девчонок из благородных семей приветствовала его озорным смехом и мельканием ярких нарядов. Эвала, Николар и остальные девушки из магазина одежды отчаянно махали руками, стараясь привлечь его внимание. Ему показалось, что даже Дибал и Бижули взволнованно улыбаются в толпе зрителей, но к тому моменту он уже слишком устал.

Нос гондолы коснулся настила. Констебли быстро закрепили ее у причала. Командовал ими сам капитан Ронарк. Чаэ и несколько старших констеблей из участка Дживона надели наручники на Арминеля и его сообщников. Остальные констебли расчистили путь по бульвару, и задержанные зашагали в участок.

Эдеард наконец вышел на деревянный настил. От усталости он дрожал всем телом и едва держался на ногах. Капитан Ронарк, вытянувшись по стойке «смирно», отдал ему честь. Кансин, к радости зрителей, обняла и крепко поцеловала его.

— Заступница, какой же ты идиот, — прошептала она ему на ухо. — Я так тобой горжусь.

Максен похлопал его по спине. Бойд обнял.

— Как Динлей? — спросил Эдеард.

— Им занимаются доктора, — закричал Максен, чтобы перекрыть громкий шум толпы. — С ним все будет в порядке. Пуля не задела никаких жизненно важных органов. Хотя в той области у него ничего важного и нет.

— Ты напугал нас до смерти, — воскликнул Бойд, смахивая слезы. — Ты сумасшедший, но все же герой.

— Эдеард, оглянись вокруг, — сказала ему Кансин. — Смотри и запоминай. Об этом дне ты будешь рассказывать своим правнукам.

— Помаши им рукой, недотепа, — скомандовал Максен.

Он взял руку Эдеарда, поднял и, помахивая из стороны в сторону, что-то крикнул.

Застенчивая улыбка Эдеарда прогнала страх, внушаемый его силой. Единая волна эмоций множества восхвалявших его людей граничила с физической силой. Максен развернул его лицом к бульвару, и Эдеард улыбнулся еще шире.

— Если бы выборы проходили сегодня, ты стал бы мэром, — заявил Бойд.

— Послушай их, — сказал Максен. — Они обожают тебя. Они хотят тебя. Тебя!

Он расхохотался во весь голос.

Эдеард задержал взгляд на серебристо-голубом мосту; дети так далеко перегибались через перила, что он был уверен, они вот-вот посыпятся в воду. А они что-то декламировали и одновременно выбрасывали в воздух сжатые кулаки.

— Что это? — спросил Эдеард. — Что они кричат?

— Они зовут тебя, — ответила Кансин.

Эдеард наконец разобрал слова и рассмеялся.

— Идущий-по-Воде! — кричала восторженная толпа. — Идущий-по-Воде. Идущий-по-Воде. Идущий-по-Воде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) — британский инженер. — Примеч. пер.